

Александр Лебедев

ЗАПИСКИ СИЗИФА

*Московская
Школа
Политических
Исследований*

2007

ББК 66.3(2Рос)
Л 33

Дизайн обложки: И. Пронин

Редактор-составитель: А. Артемов

На обложке и в иллюстративных вкладках использованы фотографии А. Гущина, а также из личного архива автора

Л 33 **Лебедев А.**

Записки Сизифа. — М., Московская школа политических исследований, 2007. — 592 с., илл.

Почему “национальному капиталисту-идеалисту” Александру Лебедеву посоветовали носить бронежилет? Что такое лебедевский кодекс чести и социальной ответственности бизнесмена? Сколько стоит переселить россиян в комфортабельные дома? Способен ли частный бизнес спасти авиапром и кто этому мешает? Какая Москва нужна москвичам? Зачем России “покупать” Украину? Чем объяснить упорство бывшего разведчика и банкира, а ныне депутата Госдумы А. Лебедева в продвижении идеи “корпорации “Россия”, то есть основанного на доверии партнерства государства, бизнеса и общества? Собранные в этой книге публикации последних лет дают представление о взглядах автора на актуальные проблемы социально-экономического и политического развития России, взаимоотношений общества и власти, места страны в мировом пространстве.

ББК 66.3(2Рос)

© А. Лебедев, автор, 2007

© Московская школа

политических исследований, 2007

ISBN 978-5-93895-095-5

*Одной борьбы за вершину достаточно,
чтобы заполнить сердце человека.
Сизифа следует представлять себе счастливым.*

Альбер Камю. “Миф о Сизифе”

Содержание

Отрадное опровержение стереотипов <i>М.С. Горбачев</i>	10
Смена вех: между бизнесом и властью	16
Президент поддержал либеральные реформы	16
Государство должно защищать отечественный бизнес за рубежом	18
Они все ждут, когда я разорюсь; посмотрим... ..	21
Реформа без надрыва	27
“Будем и дальше летать по требованиям Зимбабве” ..	30
Деньги должны работать на производство	36
Стратегия – укрупняться	41
Власть и бизнес: опыт неудачного партнерства	51
Смертельное недоверие	56
“Какое счастье – у меня 188-й допрос!”	67
Смертельное недоверие-2, или Несообщающиеся сосуды	76
“Меня нельзя купить. Для кого-то это проблема, но для общества – несомненная польза”	84
Шанс для российской экономики	93
Курс на буржуазную революцию	101
Банкиру не место в “прачечной”	107
“Зря чиновники считают, что они как собственники что-то могут. Не могут!”	109
“Уважения к состоянию у нас нет”	115
Плата за легитимность	122
Между властью и обществом	125
К свободному обществу и ответственному государству	125
Семье нужна неотложка	129
По ту сторону Ходорковского	134

Забывтый полк “суверенной демократии”	136
Участники схватки не должны быть закованы в кандалы	140
Оберегать Фемиду	143
“Создаю государству здоровую конкуренцию”	147
Термометр для демократии	166
“Всегда найдется винтик, готовый “сдать” всю банду”	170
Демократия — это право выбора	172
О дураках и небоскребах	177
О перспективах введения в Российской Федерации института “сделки с правосудием”	179
Законобрательная власть	187
Первым делом — самолеты	192
Россия не должна отказываться от производства самолетов	192
Мертвая петля	195
В России фактически “завалили” серийное производство самолетов	199
Рынок просит самолеты	203
“За два месяца развалили отечественное авиастроение — никто не пошел на посадку”	207
“Мы будем развивать авиационный лизинг из принципа”	213
Спасти российский авиапром может только национальный капитал	218
“Мои действия направлены на защиту интересов государства”	223
Издержки российского авиационного лизинга	234
В России мнение миноритариев должно иметь вес	242
Россияне должны получить возможность летать дешево	249
Что нам стоит дом построить?	260
90% населения в ближайшем будущем не решит жилищную проблему	260
Малозэтажные дома как архимедова точка опоры	264
Что нам стоит дом построить?	271
Жилищно-коммунальный шантаж	280
Малозэтажная Россия: жизнь на земле	283

Дорогая моя столица	287
“Акционерное общество “Москва” должно стать открытым”	287
Философия Москвы	295
“Вернуть Москву москвичам”	301
Растолкать дорожные тромбы можно за год	305
Нужно ли нам ГЧСП?	309
Транспорт – общая проблема	323
Чепчик за три миллиарда. И панамы за полтора. Рука дающего не оскудевает.....	326
Разыскивается “однорукий бандит”	330
“Закон о выводе игорных заведений из Москвы станет моментом истины для депутатов”	330
Мне посоветовали носить бронезилет	332
Зло нельзя регулировать, с ним надо бороться	337
Страна и мир	342
Россия и ВТО: потери и приобретения	342
Момент истины на постсоветском пространстве. Письмо коллегам-депутатам Государственной думы Федерального Собрания РФ	346
Интеллектуальный центр интеграции.....	350
Надо сделать короче путь на Родину	352
Преодолеть наследие “холодной войны”	355
Как нам обустроить единое экономическое пространство	359
Москва своих не бросает	363
Трещины в расширяющейся европейской империи ..	368
Энергетическое великодержавие	370
Между Сциллой и Харибдой	374
Открытое письмо председателю корпорации “Майкрософт”	381
“Я готов компенсировать вандалам упущенную выгоду”	382
Россия – Украина: трудный путь к согласию	385
Выход есть! Договор об общественном согласии и стабильности спасет Украину от хаоса и раскола	385
Правильная Русь.....	388
“Нам надо как можно меньше вмешиваться в дела Украины”	391

Россия — Украина — новая политика реальных дел	395
Шведская модель для Украины	403
Украине сегодня нужно согласие.....	407
“Оранжевая революция” и батько Махно	409
Черная ленточка на оранжевом знамени	411
Россия и Украина: с чистого листа	415
Станет ли Виктор Ющенко Валерием Лобановским?	418
“Если в Украине не прекратится “черный передел”, иностраный капитал уйдет из украинской экономики”	424
Будет хуже — станем лучше	427
Юпитер, ты сердисься.....	435
“Доморощенные Рэмбо выходят на тропу “газовой войны”. А ведь Верховный главнокомандующий не отдавал такого приказа...”	438
“Зарабатывать деньги гораздо легче, чем их тратить”.	
Интервью с диадехом	443
Дух и буква	452
“В Украине нормой жизни стали кампании по экспроприации имущества у граждан и организаций с помощью правоохранительных органов”	457
“Я надеюсь, что нам помогут сделать из Алушты образцово-показательный курорт”	463
“У меня чешутся руки написать книгу с названием “По ту сторону “оранжевых” баррикад”	469
Преодоление гетманщины	475
“Зачем России “покупать” Украину”?	480
Шашки в ножны	490
“Нужно переводить отношения между Украиной и Россией в прагматичное, экономически выверенное русло”	492
Полемика	498
Со Станиславом Белковским и Романом Каревым	
Новейший Франкенштейн.....	498
Гладко было на бумаге. Но и овраги не так страшны, как кажется	502
С Владимиром Василенко	
“Дружеские” советы и требования российских “радетелей” о судьбе Украины.....	506

Европейская интеграция Украины, идеи чучхе и демократия в Зимбабве.....	514
С Константином Затулиным	
Ответ Александру Лебедеву и прочим идейным друзьям любой власти Украины, да и России	521
Ответ Константину Затулину и прочим черным маклерам украинской оппозиции в России	524
Раздвоение. Личности ли? О природе творческих мук банкира и депутата Александра Лебедева	527
На заре перестройки лаборанты ринулись в депутаты. Теперь начался обратный процесс	530
С Михаилом Касьяновым	
Трудное слово “реформа”	535
О пороках и пророках.....	539
С Юрием Лужковым	
“Плоды трудов правительства Москвы по внедрению игорных заведений благодарные москвичи наблюдают денно и ночью”	543
Александр Лебедев: мы сделали то, что много лет не могли сделать московские власти	545
Юрий Лужков призвал уничтожить наркоторговцев по примеру Сингапура.....	546
Юрий Михайлович Незнайка	548
С Александром Подрабинком	
Памятник оставят с переносом	550
Государственный вандализм как следствие избирательной амнезии	553
С Андреем Черепановым	
Война с тенью	556
Деньги пахнут	559
С тружениками пера	
Акции “Ильюшин Финанс” перейдут под английскую юрисдикцию	563
В огороде бузина, а в Киеве дядька	565
Миллион за испуг	567
Конструкциомания как новая разновидность помрачения рассудка	570
Из Сената – на нары. Андрей Вавилов наконец-то ответит за свои грехи	573
По следу штабс-капитана Хинштейна-Матвеева	577
Информация к размышлению	583

ОТРАДНОЕ ОПРОВЕРЖЕНИЕ СТЕРЕОТИПОВ

Эта книга — свидетельство, на мой взгляд, примечательного общественного явления. Она сложилась из содержательных и острых публичных выступлений представителя среднего поколения наших соотечественников, чьи молодые годы пришлось на время перестройки. Автор, с которым я хорошо знаком, за свои 47 лет прошел многосложный путь. Отслужив в советской внешней разведке, бывший подполковник Александр Лебедев, имея за плечами высшее экономическое образование, испытал на себе риски занятия бизнесом в постсоветской России, выстоял в катастрофических условиях дефолта 1998 г., возглавил созданный им на общественных началах Национальный инвестиционный совет и крупную инвестиционную корпорацию, ориентированную на поддержку высокотехнологических и социально значимых деловых проектов. Достигнув заметных успехов в бизнесе, он, однако, в 2003 г. отходит от предпринимательской деятельности и избирается депутатом Государственной думы в твердой уверенности, что для развития бизнеса и самой России необходимы основательные перемены в ее политической системе.

Вместе со всеми, кто обеспокоен будущим Отечества, бизнесмен, а затем и парламентарий А. Лебедев поддерживает усилия нового российского президента по выводу страны из хаоса, установлению элементарного государственного порядка и стабильности. О масштабах проделанной под руководством В. Путина работы можно судить, если вспомнить ситуацию середины 1990-х гг., без прикрас описанную в книге: “В Кремле пили. В Белом доме воровали. Бизнес беспредельничал. Правоохранительные органы сращивались с бандитами... МВФ навязывал идиотскую экономическую политику... Налоги не собирались. Страну пять раз по кругу обокрали. После чего схлопнули”. Но

закрепить и развить успехи стабилизации может, полагает А. Лебедев, лишь “проект “Россия”, “корпорация “Россия” — основанное на взаимном доверии демократическое взаимодействие гражданского общества, бизнеса и государства. Главное препятствие на пути к такому взаимодействию — доставшийся нам в наследство “ужасающий разрыв между обществом и его элитой, — что политической, что деловой... презрение с одной стороны и недоверие — с другой, — вот что страшно, вот что является угрозой будущему страны, и надо это менять, проталкивать тромбы, а если надо — проводить операцию по шунтированию”. Это следствие трансформации олигархического, грабительского капитализма, который приватизировал государство, в государственно-бюрократический капитализм, который стремится подчинить себе все и вся — и общество, и бизнес.

Многочисленное безответственное, коррумпированное чиновничество, констатирует автор, зачастую является зеркальным отражением живущего по своим “понятиям” бизнеса и наоборот. Они стремятся приспособить под свои нужды даже с таким трудом выстроенную президентом Путиным вертикаль власти. “Поэтому, — заключает А. Лебедев, — когда представители бизнес-сообщества, притесняемые властью, начинают апеллировать к народу, народ говорит: «Чума на оба ваших дома»”.

Действительно, за последние пятнадцать лет в массовом сознании закономерно утвердились стереотипы крайне негативного восприятия политиков, депутатов, бизнесменов как фигур, весьма далеких от интересов и насущных нужд “простого народа”. Об этом свидетельствуют и перманентно низкие рейтинги доверия к правительству, Государственной думе, Совету Федерации, правоохранительной системе, бизнес-сообществу. В самом деле: депутат-марионетка, демагог и провокатор, сенатор-казнокрад, взяточник и чуть ли не убийца, оборотни в погонах, банкиры-мошенники, держатели “общака” и “прачечных грязных денег” — с каким трудом приходится изживать все это вплоть до сегодняшних дней! А демонстративные соревнования верхушки чиновничьей и бизнес-элиты в размерах и количестве вилл, поместий, яхт, самолетов, иномарок, скандальных разгулов дома и за границей?

Сократить, преодолеть этот “ужасающий разрыв” и тем самым обеспечить, укрепить необходимую легитимность власти и

бизнеса могут только осязаемые большинством народа реальные изменения в результатах деятельности и самом образе жизни “элиты”.

Отраженный на страницах книги уровень целей, идей, забот и конкретных дел резко контрастирует с такого рода “элитными” устремлениями и нравами. К сожалению, наша публика слишком мало знает о людях, которые, достигнув известных успехов в бизнесе, депутатской и иной публичной активности, своей жизнью, реальными поступками убедительно опровергают негативные стереотипы, не без основания сохраняющиеся в российском общественном и гражданском сознании. Круг людей такого уровня гражданских и профессиональных качеств в наших государственных и общественных учреждениях, несомненно, может и должен быть значительно шире и разнообразнее, чем сегодня. И это вполне реальный путь к росту социальной ответственности и эффективности государственных институтов и дееспособности общества.

Преодоление негативного отношения общественного мнения к государственным органам и бизнесу в книге резонно связывается с необходимостью их демократизации. Индикатором правильности и законности политических реформ, убежден автор, должен служить Основной закон, который, как ему представляется “сегодня сильно подзабыт в России”.

Особый интерес представляет отраженный в книге опыт сотрудничества бизнеса с академической наукой. Созданный в этих целях в 1999 году Александром Лебедевым при участии вице-президента РАН, академика Александра Некипелова Национальный инвестиционный совет обобщает передовой экономический, хозяйственный и научный опыт зарубежных стран, который может быть эффективно использован в отечественных условиях. Это, например, рекомендации НИС о государственно-частном партнерстве, способном существенно продвинуть сильно отстающее у нас развитие среднего и мелкого бизнеса. Это рекомендации по оценке перспектив и последствий вступления нашей страны в ВТО. Это программа “Малоэтажная Россия”, отражающая применительно к нашим условиям опыт жилищного строительства в США, Канаде, Северной Европе. Александру Лебедеву и его коллегам удалось на практике доказать эффективность использования этого опыта, построив поселки комфортабельных, но сравнительно недорогих малоэтаж-

ных домов под Москвой и в Ростовской области. Главная преграда для широкого распространения этого опыта — местная бюрократия, препятствующая отводу необходимых земель и проблема субсидирования ипотеки для абсолютного большинства граждан. Лебедев убежден: эти препятствия можно преодолеть при массовом государственно-частном партнерстве, что позволит существенно ускорить и удешевить решение жилищной проблемы в нашей стране. Похоже, добрым знаком является интерес к идее и конкретным предложениям о малоэтажном строительстве, проявленный президентом и правительством, кураторами приоритетного национального проекта “Доступное и комфортабельное жилье для граждан России”.

Автора книги, как депутата, хорошо знакомого с деловым миром России, волнует то, что остро затрагивает насущные проблемы жизни нашего общества, реальные потребности бытия большинства его граждан. Наряду с проблемами современного жилищного строительства его волнуют возможные социальные результаты реформы жилищно-коммунального хозяйства в Москве и стране. Фактами он доказывает, что необходимо и можно сделать в сфере ЖКХ уже сегодня, а что — преждевременно и даже пагубно. Экологически чистый транспорт, низкобюджетные авиаперевозки, доступные транспортные тарифы, строительство современных гостиниц и рекреационных зон, финансирование фермерства — это лишь часть забот, проектов, реальных дел, о которых предметно рассказывается в книге.

В целом же диапазон депутатских забот А. Лебедева значительно шире — от предложений о многократном увеличении детских пособий и предложений о снижении цен в супермаркетах до настойчивой борьбы за вывод игорного бизнеса за пределы городов (за что весьма решительно высказался недавно российский президент). На очереди и разработки предложений о защите интересов российских граждан, предприятий и организаций за рубежом.

Автор книги — один из представителей делового мира России, кто в числе первых развертывал собственную активность в Украине. Еще до “оранжевой революции” он стал финансировать, в частности, создание крупного современного рекреационного комплекса в Алуште, где отдыхают и лечатся тысячи граждан Украины и России, а неподалеку по-

строил один из красивейших православных храмов. Корпорации и фонды А. Лебедева строят в Украине русские школы, поддерживают русские культурные центры, помогают им учебниками русского языка и учебными пособиями, берут на себя реставрацию музея-театра Чехова в Ялте. Показателен рассказ о баталиях и интригах вокруг этих проектов, которые ведет новая украинская “элита”, не уступая в своих нравах российскому чиновничеству. В этой связи интересна эволюция оценок А. Лебедевым “оранжевой революции”, ее лидеров и результатов.

Отойдя от непосредственного участия в бизнесе, А. Лебедев продолжает активно участвовать в развитии российско-украинских отношений в качестве депутата Государственной думы, где он является заместителем председателя Комитета по сотрудничеству со странами СНГ и связям с зарубежными соотечественниками. По его инициативе создан Российский культурный центр под Парижем, в замке Шато де Форже, в котором встречаются и самые известные, и молодые мастера культуры и искусства России, Франции, других стран, проводятся выставки произведений из российских художественных музеев и галерей.

Учрежденные А. Лебедевым организации участвуют во многих крупных благотворительных программах в России, спонсируют строительство в Санкт-Петербурге Центра детской гематологии и трансплантологии имени Р. Горбачевой, где будут лечить онкобольных детей российского Северо-Запада; помогают ветеранам Вооруженных сил, учебным и научным учреждениям, содействуют благотворительным мероприятиям Русской православной церкви, развитию спорта и физической культуры.

И в шутку, и всерьез автор книги называет себя “национальным капиталистом-идеалистом”. Он исходит из того, что “деньги и нравственность — вещи совместимые. Но нравственность при этом приоритетна, имея в виду социальную ответственность перед обществом, людьми, рядом с которыми живешь”. Очевидно, что человеку с такими взглядами заниматься бизнесом или законодательством, затрагивающим интересы бизнеса, далеко не просто, а нередко и не безопасно. Не случайно, наверное, появляются и скрытые угрозы и советы “носить бронжилет”. Но, похоже, Александр Лебедев из тех, кто умеет “держат удар”, не

раскисая от неудач и поражений, не расслабляясь от побед. Он даже вывел для себя закон: “На тридцать неудач — одна крупная удача. И это норма”.

Совершенно очевидно, что этим человеком движет цель несоизмеримо большая, чем стремление к новым миллиардам рублей и долларов. “Очень важно, — говорит он, — побудить людей задуматься: а так ли мы живем? А можно ли жить по-другому? Я уверен, что можно”. И это свое убеждение он доказывает своими яркими выступлениями, а главное — собственными практическими делами и гражданскими поступками. Прочтите эту книгу — жить станет интереснее и веселее.

Михаил Горбачев

СМЕНА ВЕХ: МЕЖДУ БИЗНЕСОМ И ВЛАСТЬЮ

Президент поддержал либеральные реформы

— Александр Евгеньевич, в своем Послании Федеральному Собранию президент фактически озвучил либеральную модель реформ. Насколько, по вашему мнению, эти идеи способны улучшить экономическую ситуацию в стране?

— Среди положительных моментов я отметил бы желание дебюрократизировать экономику. Это правильная цель. Приведу пример из своей практики. По закону документы на открытие филиала коммерческого банка должны быть рассмотрены Центробанком в течение месяца. В нашем случае понадобился год и три месяца. И только когда мы подготовили иск о принуждении к исполнению закона, нам дали соответствующее разрешение. Если бы закон был выполнен в срок, уже больше года наш филиал работал бы с капиталом, с ресурсами в несколько десятков миллионов долларов в год. Хорошо это или плохо для Санкт-Петербурга, где мы, собственно, и планировали его открыть? Конечно, хорошо.

— То есть фактически речь шла об упущенной прибыли.

— Конечно. Еще пример — оформление прав на недвижимость. Огромное количество государственных чиновников паразитирует на различного рода разрешениях. Здесь я поддерживаю слова президента о дебюрократизации экономики. Но кое чем можно поспорить.

— Например?

— С идеей о незамедлительной либерализации движения капитала. Следует сначала создать условия для этой бесспорно

правильной цели. Президент также сторонник эволюционных, а не революционных преобразований. Я считаю, что Россия и без того весьма либеральная в этом смысле страна и мы мало чем отличаемся от других развитых государств, даже в части нормы об обязательной продаже валютной выручки.

У нас и так ограничений на отток капитала не много. И президент справедливо отметил, что и они не соблюдаются. А обязательная продажа валюты никакого экономического ущерба субъектам хозяйствования не наносит. При этом она позволяет хотя бы приблизительно понимать, как Центральный банк намерен создавать резервы, осуществлять операции на рынке и вообще дает полную картину о соотношении спроса и предложения по валюте и рублям.

Непонятно, в чем должна состоять провозглашенная либерализация. Если только в том, чтобы спали спокойно компании, незаконно оставившие за рубежом валюту, то это вредная цель. Можно, конечно, сразу установить не разрешительный, а уведомительный порядок приобретения недвижимости за рубежом и вообще снять все ограничения на движение капиталов. Но не исключено, что Россия может существенно пострадать из-за кризиса рубля и из-за снижения резервов Центробанка. Не привнесена ли вышеупомянутая цель на самом деле организациями, у которых средства уведены за границу? Но давайте подождем разъяснений: что будет либерализовано, а что нет.

— Президент озвучил еще две идеи: социальную реформу и реструктуризацию естественных монополий. Вы поддерживаете эти предложения?

— Абсолютно. Вторая тема мне ближе, так как НРБ — акционер ОАО “Газпром”, РАО ЕЭС и др. Преобразования в монополиях нужны. В непрозрачных компаниях не работает на должном уровне механизм корпоративного управления.

— А социальная политика?

— Вы имеете в виду пенсионную реформу?

— И пенсионную, и медицинскую, и в сфере образования.

— Правильные идеи.

— Многое из того, что сказал в своем Послании президент, в той или иной мере уже озвучивалось в течение всего прошедшего года. Вас не смущает тот факт, что за такой долгий срок было мало что сделано?

— Этот год ушел на консолидацию государственной власти и разработку детальной концепции. Это нормальное движение. Год назад идеи были постулированы. Затем шла подготовка к преобразованиям, и сейчас они будут реализовываться.

— Но фактически был упущен момент, когда благоприятная конъюнктура на рынке нефти могла бы сделать преобразования менее болезненными.

— Я не сторонник мнения, что позитивные экономические результаты были получены только благодаря высоким ценам на нефть. Думаю, что основная причина успехов — это завершение структурной реформы промышленных и других секторов экономики. Вторая по значимости причина — готовность бизнеса переместить финансовые потоки из “серой” зоны в открытую. Третья причина — политическая стабильность, хорошие команды в Кремле и в Белом доме, проводящие верный курс. А рост цен на нефть — на четвертом месте. Я думаю, в течение нескольких лет мы можем существовать в зоне роста ВВП в пределах не меньше 3–5%, даже если цены на нефть снизятся.

Государство должно защищать отечественный бизнес за рубежом

Владимир Путин встретился на днях с президентом Национального инвестиционного совета (НИС), главой Национального резервного банка (НРБ) Александром Лебедевым, который рассказал о содержании беседы корреспонденту “Известий” Игорю Иванову.

— Основным вопросом, обсуждавшимся на встрече, стало развитие авиапрома. За день до встречи с президентом правительство перечислило свою долю средств в уставной капитал компании “Ильюшин Финанс” (государству принадлежит 38%,

НРБ — 37%, а остальное — ВЭБу). Сейчас переведено \$50 миллионов, а до конца года мы ожидаем перевода еще \$30 миллионов. С учетом взносов прочих акционеров капитал “Ильюшин Финанс” должен составить более \$200 миллионов. На 2002/2003 г. программа финансирования составляет 20 машин: десять “Ил-96” и десять “Ту-204”. В 2000 г. в России был построен всего один самолет, и реализация этих планов зависит от того, сколько самолетов мы сможем продать. Если же пустить в Россию иностранные компании, итоги 2002/2003 г., конечно, будут более скромными.

— Вы просили президента ввести защитные меры?

— Напротив, мы полагаем, что для некоторых типов самолетов ограничения надо снять: в России не строятся ближнемагистральные самолеты. А с дальнемагистральными “Ту-204”, “Ту-214”, “Ил-96” напрямую конкурирует иностранная продукция. Мы желали, чтобы наше мнение учитывалось. Кроме того, нам хотелось создать почву для более глубокой кооперации. И речь не только о вовлечении в процесс производителей СНГ — Харьковского и Ташкентского заводов. Почему бы, например, не продать “неблокирующий” пакет, допустим, Воронежского акционерного самолетостроительного объединения (ВАСО) иностранному партнеру?

— Кто из иностранных производителей может выступить потенциальным покупателем? Велись ли с кем-то переговоры?

— В случае с ВАСО нам важно было получить политическую поддержку. На Западе есть такой пример — бразильская компания “Эмбраер”, акционерами которой стали “Боинг” и “Эрбас”.

— Национальный резервный банк — основной партнер государства по программе развития авиапрома — сам по себе не беспроblemн. Вы уже три года судитесь с банком “Креди Агриколь Индосуэц” (КАИ), и при этом спорная сумма составляет несколько сотен миллионов долларов. Не повлияют ли эти проблемы на авиационные планы?

— Если говорить о нашей тяжбе с КАИ, то она развивается, на наш взгляд, успешно. И в беседе с президентом мы обсуждали защиту интересов российского бизнеса за рубежом. Существует, например, проблема избыточных арестов активов по ис-

кам к российским ответчикам. И решить ее без помощи государства, без заключения двусторонних конвенций тяжело. Кроме того, мы считаем, что госорганы, в частности Минюст, должны поддерживать отечественные компании в международных судах, как было при подаче нашей апелляции в США по делу “Креди Агриколь”. Тогда Минюст выступал в поддержку позиции НРБ. Национальный инвестиционный совет подготовил целую программу защиты интересов национального бизнеса. К нашему мнению прислушиваются. Скажем, при подготовке реформы РАО ЕЭС многие наши положения по защите прав миноритарных акционеров были учтены.

— По информации “Известий”, вы предлагаете иностранным инвесторам обменять эти пакеты на долги России Парижскому клубу.

— Консорциум миноритарных акционеров РАО ЕЭС готов продать принадлежащий ему пакет акций (2–3%) и принять в качестве платежа долги России Парижскому клубу. По нашей схеме далее эти обязательства передаются правительству, а полученные взамен рубли замораживаются на специальных счетах, откуда могут расходоваться на целевые программы. Например, на развитие Калининградской области и российского авиапрома. Или можно предложить “Эрбас” выход на российский рынок при условии, что концерн договорится с германским правительством о конверсии долга Парижскому клубу. Сегодня в состоянии банкротства находится мюнхенская авиастроительная компания “Дорнье”. Она выпускает ближнемагистральные самолеты, которые не делают в России и которые нужны российским потребителям. Почему бы не предложить “Эрбас” выкупить “Дорнье” и внести ее в уставной капитал “Ильюшин Финанс”, получив в нем до 20%? Конечно, эту операцию стоит проводить только после радикального увеличения капитализации “Ильюшин Финанс”, которая может достичь \$1 млрд уже к концу года. Для этого, например, можно влить в состав “Ильюшин Финанс” ВАСО и Казанский завод.

— Как банкир вы, вероятно, не могли обойти на встрече и тему банковской реформы?

— Мы обсуждали вопросы, связанные с либерализацией валютного рынка. По мнению НИС, отмена обязательной прода-

жи валютной выручки пока преждевременна. Так можно “завалить” курс рубля к доллару. Лучше повременить. Что касается банковской реформы, то сейчас в России существует 1,4 тысячи банков. 1200 из них не занимаются привлечением средств, инвестированием их в реальный сектор, а проводят какие-то странные операции.

— Глава “Альфа-банка” Петр Авен полагает, что эти банки занимаются главным образом отмыванием денег.

— Очень может быть.

— Тем не менее “жертвой” банковской реформы могут стать не только мелкие банки, проводящие “непонятные операции”, но и их более крупные коллеги. Так, например, правительство приняло решение о выходе государства и его дочерних фирм из капитала банков. В частности, из капитала НРБ должен выйти “Газпром”.

— “Газпром” никогда не был нашим клиентом в области расчетно-кассового обслуживания. Так что говорить о его уходе из банка неверно. Что касается продажи пакета, то нас это не сильно затронет. Раньше был один акционер, теперь появится другой. На бизнес это не повлияет.

— А кто может заменить “Газпром” в числе акционеров НРБ?

— “Газпром” ведет переговоры о продаже пакета с менеджментом банка и аффилированными с ним структурами, а также, вероятно, с другими покупателями. Может быть, даже с “Креди Агриколь Индосуэц”.

Они все ждут, когда я разорюсь; посмотрим

— Судебная эпопея НРБ с “Креди Агриколь Индосуэц” длится уже три года, и пока перевес на стороне КАИ. Может, вам стоит пойти на компромисс? Ведь у НРБ арестована существенная часть активов, и недавно Верховный суд штата Нью-Йорк запретил вам исполнять решение Высшего арбитражного суда (ВАС) России по взысканию с французов \$75 млн.

— Я бы не стал пока это как-то квалифицировать — давайтеждемся разъяснений российских и международных юристов, как это вообще понимать: американский суд запрещает гражданину России выполнять решение российской высшей судебной инстанции. У НРБ арестовано сейчас примерно \$320 млн, хотя у КАИ иск всего на \$119 млн. Это само по себе беспрецедентно — ничем не оправданный избыточный арест. А вот теперь новый сюрприз от американского правосудия. Я — гражданин Российской Федерации, а ВАС признал [форвардные] сделки [с КАИ] незаключенными и оценил наши убытки от незаконных действий французов в \$75 млн. Решение Верховного суда штата Нью-Йорк говорит о противоположном. При этом основные судебные решения — и российские, и американские — окончательные и обжалованию не подлежат.

— **Вы надеетесь на политическое разрешение конфликта?**

— Я жду разъяснений этой коллизии от государственных органов; думаю, должно быть некое политическое решение или решение в сфере международного права, где должны действовать государственные субъекты. Я, конечно, рассматриваю эту ситуацию также с точки зрения того, что у НРБ акционер Минимумство (которому принадлежит примерно 5% НРБ, переданных ГУПами). Я прошу государство, чтобы оно защитило интересы банка, но это, между прочим, общие российские экономические и политические интересы. Есть несколько поручений президента, создана рабочая группа, возглавляемая Минфином, есть переписка между президентами России и Франции на сей счет. Посмотрим.

— **Какова эффективность, рентабельность бизнеса НРБ?**

— Проблема с французами позволила НРБ сконцентрировать бизнес на операциях в СНГ и России. Мы не совсем обычный банк, мы же все-таки “НРБ Групп” — у нас собственных средств больше, чем привлеченных, поэтому ничего страшного с нами не произойдет. “НРБ Групп” — это инвестиционный фонд, где банковское направление — одно из нескольких направлений. Но все это хозяйство требует наведения порядка. Мы сейчас пытаемся провести глобальную реформу группы, привлекли иностранных экспертов для

переоценки всего имущества. Будем все выделять в отдельные направления бизнеса, потому что невозможно смешивать банк, авиапром, текстильную промышленность, сельское хозяйство, общественный транспорт, строительство и наш украинский бизнес.

Что же касается эффективности, то могу сказать, что по итогам первого полугодия активы банка выросли почти на четверть. Выросли также и капитал, и прибыль банка.

— Какова конечная цель реформы?

— Повышение эффективности и прозрачности бизнеса, намеренное, рекапитализация банка, принятие решений по развитию розничного банковского обслуживания и, конечно, создание отдельных юрлиц по промышленным направлениям. Консультанты сейчас вырабатывают рекомендации по оптимизации структуры владения и управления в группе. Надо ли все разделять на отдельные бизнесы и сводить в холдинг, какие кадровые решения нужно принимать и т. п. Хотелось бы закончить эту работу до конца года. Но в этом вопросе мы торопиться не будем.

— Во сколько оцениваются активы “НРБ Групп” и что туда входит?

— Они намного больше, чем активы банка, но я не хотел бы рассказывать о группе, пока мы не закончим ревизию.

— На чем банк сейчас зарабатывает?

— Мы крупный портфельный инвестор в евробонды, в акции “Газпрома”, РАО ЕЭС, Мосэнерго, Сбербанка, “ЛУКОЙЛа”.

— Вас не пугает ситуация на фондовом рынке, ведь все падает?

— За последние четыре месяца действительно произошло серьезное обесценение фондового рынка. Ну, конечно, у нас есть потери, ситуация выправится к осени. По сравнению с августом 1998 г. что нас может напугать — ведь тогда мы потеряли \$1 млрд?! Ничего, выжили и рассчитались еще со всеми, за исключением тех, кому у нас нет оснований по закону платить. Поэтому хуже не может быть, чем было. Конечно, есть нереализованные убытки, но это вполне нормальный процесс.

— **Вы — банкир, но больше известны как инициатор разных грандиозных проектов, которые больше походят на политические, чем на коммерческие.**

— Некоторые государственные банкиры смеются надо мной, говорят: Александру Евгеньевичу делать нечего, слишком много заработал, не знает, куда деньги истратить в государственных интересах, поэтому у него ипотека есть, сельское хозяйство, авиация, троллейбусы. Ну что ж, ну и хорошо. Они все ждут, когда я разорюсь; посмотрим.

— **Как проходят переговоры между банками-кредиторами и СИБУРОм по урегулированию задолженности нефтегазохимической компании?**

— Для начала я уточню объем наших требований — это 2,2 млрд руб. Один кредит прошлогодний в просрочке уже с января, это примерно \$11 млн вместе с процентами. Остальное приходится на векселя со сроками погашения в декабре этого года. Я считаю, что происходящее с СИБУРОм — это некий процесс симулирования банкротства, что позволяет не платить. Нас, например, даже не пустили в комитет кредиторов СИБУРа. Они просто провели в Салехарде собрание кредиторов, никого не уведомив, из кредиторов СИБУРа на нем были только Газпромбанк и “Газпром”.

— **Разве арбитражный управляющий СИБУРа не признал ваши требования?**

— Нет. Но, поверьте, нет никаких оснований их не признавать. Их не признают потому, что у нас сроки погашения не наступили. Нам даже нельзя получить дело о конкурсном наблюдении. Все наши попытки хоть как-то юридически воздействовать на процесс наталкиваются на стену.

— **А на что СИБУР брал деньги в НРБ — под какой-то проект или под пополнение оборотных средств?**

— Когда кредитуешь крупного клиента с миллиардными оборотами и устойчивой репутацией на рынке, не всегда спрашиваешь об этом. Но у нас обеспеченный долг, поручителем по нему выступал “СИБУР-Тюмень”, поэтому нас не сильно интересовало целевое использование кредита.

— **Но ведь поручитель также банкрот?**

— Это так кажется, а когда в баланс заглядываешь и начинаешь изучать систему прав собственности, никакой он не банкрот. Стоимость чистых активов только “СИБУР-Тюмени” — \$700 млн. Просто надо уметь работать с этими активами. Альфа-банк, например, арестовал у СИБУРА производственные мощности в Тюмени, Нижнем Новгороде, Перми. У Альфа-банка эффективные юристы. А СИБУР все думает, что мы не можем таких юристов нанять. Мы пока этого не делали, ведем себя прилично, пытаемся договориться с января. А в это время там идет непрерывная кадровая чехарда — с одними договариваешься, с другими, еще с третьими. Я не берусь комментировать, но, по моим данным, СИБУР рассчитался со многими кредиторами, вот это очень интересно.

— **С кем, например?**

— По моим данным, рассчитались с ДИБом — реструктурировали долг в рублях, под определенную рублевую ставку, договорились с ЮКОСом, а также рассчитались с государством, в частности, с ВЭБом, а также с “Альфой”.

— **А вы не предполагаете продолжить кредитовать СИБУР?**

— Нет, ну что вы. СИБУР развалили, что от этой компании осталось-то? И, что удивительно, у “Газпрома” нет никакого плана — ни восстановить компанию, ни ее обанкротить. СИБУР потихонечку растворяется, я вижу, как это происходит. Я понимаю нефтяников — если с их банками какие-то специальные расчеты проводятся, они там о чем-то договариваются по производству, но я не нефтяник, мне их ГПЗ не нужны. А то, что эти ГПЗ растворяются, это наносит мне ущерб как кредитору, это точно. Так под видом фиктивного банкротства всю компанию разорвут, к этому времени наступит срок погашения моих основных векселей, имеется в виду декабрь, т.е. я ничего не получу. При этом они на голубом глазу скажут: а ты кредит верни нам в 2006 г. У НРБ есть собственная задолженность перед “Газпромом” — субординированный кредит в размере \$70 млн до 2006 г., это особый вид кредита, который лицензируется ЦБ и засчитывает собственные средства.

— **А вы предлагали зачесть ваш долг перед “Газпромом” тем, что банку должен СИБУР?**

— Я не могу зачесть, я могу реструктурировать до 2006 г. СИБУР должен 2,2 млрд руб. — пожалуйста, реструктурируем на четыре года, сделаем небольшую процентную ставку, я подчеркиваю, не больше средней ставки заимствования “Газпрома”. Соответственно, в 2006 г. наступает срок уплаты субординированного кредита НРБ “Газпрому” и СИБУР платит НРБ, но у него поручителем выступает “Газпром”. Все, мы зачитываемся. “Газпром” должен же о своих интересах-то заботиться? Не в его интересах довести НРБ до банкротства путем собственных действий, неуплаты долгов СИБУРа. “Газпром” ведь берет на себя перед всеми финансовую ответственность за долги СИБУРа, это секрет Полишинеля.

У меня сейчас такая ситуация в банке: \$320 млн арестовано французами, “Газпром” вышел из капитала, \$70 млн не возвращает СИБУР, акции РАО ЕЭС провалились, стоят \$0,8, \$100 млн я внес в “Ильюшин Финанс” на производство российской авиации. Здорово! Я чувствую себя так замечательно! И тут ко мне приходят всякие люди и говорят: “Мы платить не будем”. — “А почему?” — я спрашиваю. — “А не хотим, — они говорят. — И плевать мы хотели на ваши суды, арбитражи. Вот каких-нибудь мощных нефтяников мы уважаем: во-первых, у них есть аппетиты, для того чтобы наши производственные мощности при банкротстве забрать, и вообще, они нормальные ребята, а вы-то кто?” Вот такой замечательный разговор идет у нас. Пишу письма, звоню, куда-то обращаюсь. Единственное, куда я еще не обращался, ну разве что вот в эти органы, в которые у нас все любят ходить.

— **А кто в “Газпроме” занимается реструктуризацией долгов СИБУРа?**

— Нельзя вообще понять — каждый говорит, что “не я”. А [предправления “Газпрома” Алексей] Миллер в отпуске.

— **А другие банки с кем ведут переговоры в “Газпроме”?**

— А они говорят: сами не можем понять, с кем мы договорились, то ли с этим, то ли с этим. Вот такая забавная и веселая ситуация. Для крупнейшей компании страны вообще позор, на мой взгляд.

Реформа без надрыва

Тема реформирования электроэнергетики стала горячей практически с самого момента ее возникновения. И хотя сейчас дискуссия вышла уже на уровень обсуждения законопроектов, критические замечания звучат и из федеральных ведомств, и из Госдумы, и из среды портфельных инвесторов. По меньшей мере это свидетельствует о том, что программа реформирования еще далека от идеальной и нуждается в значительной доработке.

Цель любой реформы — улучшение существующего положения. У реформы такой монополии, как РАО ЕЭС, целей должно быть по меньшей мере три. Первая из них — создание эффективного конкурентного рынка электроэнергии. Вторая — снижение или хотя бы сдерживание роста цен на электроэнергию. И, наконец, третья цель — повышение инвестиционной привлекательности как собственно электроэнергетики, так и российской экономики в целом.

От того, насколько успешно пойдет процесс реформ в этой сложной технологичной отрасли, во многом будет зависеть и вероятность перехода нашей экономики из группы рискованных в группу инвестиционно привлекательных.

Главными проблемами электроэнергетики на сегодня являются физическое и моральное старение основных фондов, а также произошедшее в 1990-х гг. снижение спроса на электроэнергию (что неизбежно привело к снижению уровня инвестиций в строительство новых электростанций). В соответствии с благоприятным сценарием Министерства энергетики уровень производства электроэнергии, соответствующий 1990 г., будет достигнут лишь через восемь лет.

В настоящее время РАО ЕЭС контролирует большую часть генерирующих мощностей России (примерно 72,5%). Правда, в 100-процентном владении холдинга находятся лишь немногим более 20% генерации. В 34 АО-энерго РАО ЕЭС владеет более 51% голосующих акций, в 36 — от 25% до 49%, а в двух — менее 25%. Не принадлежащие РАО ЕЭС акции в АО-энерго, как правило, распределены между иностранными и российскими компаниями, а также местными органами государственной власти.

Ведомости, 21.11.2002 г. Соавтор: Александр Некипелов, сопредседатель попечительского совета Национального инвестиционного совета, вице-президент РАН.

В практической плоскости создание в энергетике привлекательной для инвесторов среды подразумевает, во-первых, выработку такого пакета законодательных актов, который предоставит эффективным производителям энергии возможность зарабатывать рыночную норму возврата на капитал (неполнота правил рынка с самого начала может подорвать финансовое положение его участников). Государственное регулирование при этом должно быть сведено до уровня, минимально необходимого. А во-вторых, генерирующие компании должны создаваться путем “зеркального” выделения акционерам РАО ЕЭС и АО-энерго акций новых компаний, что станет для портфельных и прямых инвесторов хорошим знаком.

Одновременно, на наш взгляд, до конца реформ должны быть исключены любые сделки по продаже активов компании третьим лицам — все объекты электроэнергетики, включая так называемые непрофильные активы, должны быть учтены в ходе преобразований. Причем одного моратория, введенного менеджментом РАО ЕЭС, недостаточно для выполнения этого необходимого условия. Тем более когда сами же представители РАО допускают возможность продажи до 10% активов компании (если прибегнуть к самому грубому подсчету на основе рыночной капитализации РАО ЕЭС, то стоимость 10% активов холдинга исчисляется несколькими сотнями миллионов долларов). Дабы избежать ненужных для реформы обвинений, необходимо ввести законодательный запрет на продажу имущества компании до завершения реформы — до 2007 г.

Проведение “вторичной приватизации” собственности электроэнергетических компаний может нанести непоправимый ущерб инвестиционному имиджу Российской Федерации, а также надолго закрыть дорогу создаваемым в ходе реформы корпорациям к крупным инвестиционным ресурсам. А в ряде случаев целесообразно было бы развернуть ранее совершенные сделки по продаже активов РАО ЕЭС — такие как продажа имущества филиала ОАО “Ростовэнерго” Шахтинской ТЭЦ, компании “Энергоперспектива Южное отделение”.

Что же касается самой реформы электроэнергетики, то во избежание промедления с формированием конкурентной среды в короткий срок могут быть созданы холдинговые компании, которые будут являться владельцами принадлежащих РАО ЕЭС акций федеральных электростанций и тех электростанций, кото-

рые в настоящий момент находятся в 100-процентной собственности РАО. При этом необходимо незамедлительно пропорционально распределить между акционерами РАО акции этих холдинговых компаний.

Такая схема применима и в отношении объектов электроэнергетики, где РАО ЕЭС принадлежат контрольные или близкие к ним пакеты акций. Голосующие акции новых холдингов могли бы быть распределены как между акционерами РАО, так и среди миноритарных акционеров, включаемых в холдинги дочерних компаний, которым был бы предложен обмен акций на основании определенного по результатам рыночной оценки коэффициента. Пакет акций в мелких региональных компаниях РАО можно было бы внести в уставный капитал холдинговых генерирующих компаний и оперативно разделить эти холдинги на пропорциональной основе между акционерами.

Отдельного рассмотрения заслуживают вопросы реформирования сетевого хозяйства. Учитывая опыт аналогичных компаний в других секторах экономики, сетевые активы в электроэнергетике могли бы приносить немалый доход своим акционерам. Для этого необходимо в кратчайший срок закрепить в законодательных актах право собственников сетевых активов зарабатывать рыночную норму прибыли на капитал. При этом вопрос собственников может быть решен достаточно легко в случае использования традиционных рыночных механизмов. Скажем, Федеральная сетевая компания (ФСК) могла бы предложить миноритарным акционерам выкупить их акции по рыночной стоимости в обмен на выпущенные ею облигации. Это позволит мелким акционерам выйти из компании уже на раннем этапе, реализовав при этом полную стоимость своих акций, а государству получить свыше 75% в ФСК, не ущемляя при этом прав акционеров. Для этого, как минимум, должна быть закончена реформа сетевого хозяйства (пока ФСК является 100-процентной дочерней компанией РАО ЕЭС и разделение акций между действительными владельцами этой собственности еще не произошло).

Без ущемления прав миноритарных акционеров может быть решена и задача перевода магистральных сетей из собственности АО-энерго в собственность ФСК. Для этого сетевой компании достаточно предложить региональным компаниям обменять принадлежащие им активы на облигации ФСК. Эта же схема может быть применена и для выкупа у АО-энерго распределительных сетей.

Выполнение предложенных мер позволит параллельно с созданием оптового рынка электроэнергии сохранить в среде инвесторов позитивную оценку реформы, поскольку вероятность ущемления их прав будет исключена. Акционеры РАО получат пропорциональное участие в капитале выделяемых из холдинга компаний, не пугаясь рискованной одномоментной ликвидации ЕЭС России в 2004 г. Государство при этом станет владельцем значительных (иногда контрольных) пакетов акций в каждой генерирующей компании, которые оно сможет реализовать инвесторам по своему усмотрению и в необходимый для себя момент.

Одновременно с этим, если будет реализована облигационная схема выкупа государством сетевого хозяйства нынешних АО-энерго, государство сконцентрирует в своих руках более 75% акций ФСК, что исключит на первом этапе возможность оказывать влияние на оптовый рынок электроэнергии со стороны частных инвесторов — хозяев новых энергетических холдингов.

Что же касается снижения или сдерживания роста тарифов, то до начала функционирования оптового рынка электроэнергии представляется необходимым учесть в законодательной базе положение о формировании цены на услуги энергетиков на основе затрат. Причем в качестве примера может быть использован опыт германских реформ, где при изменении тарифов учитываются не только собственно затраты компании, но и применяется так называемый эталонный принцип, когда сравнивается эффективность производства в одной компании с другой (как правило, наиболее эффективной). Этот принцип позволяет при решении о повышении тарифов понять, что является причиной роста себестоимости продукции — цена на сырье или неэффективный менеджмент.

“Будем и дальше летать по требованиям Зимбабве”

— Есть ли какие-то плоды вашего похода на июльское заседание правительства, на котором вы просили дать вам в управление гос-собственность в авиапроме? Что интересно НРБ в этом секторе?

— На последнем заседании правительства, посвященном авиапрому, чиновники сделали вид, что наших предложений попросту нет. Поэтому приняли решение вновь собраться для обсуждения этой темы еще через полгода. Так, впрочем, происходит все последние четыре года. Правда, летом неожиданно было принято решение заслушать в сентябре программу введения в России современных норм ИКАО на воздушный флот — иными словами, ускорить сроки амортизации и списания старых воздушных судов.

Насколько мне известно, в правительство внесен проект документа на этот счет. Там написано, что срок введения современных требований — 2014 г., что наша техника — старые воздушные суда — еще вполне может работать. Будем и дальше летать по требованиям Зимбабве, а не Европы.

На самом деле правительству стоит определиться. Если скажете, что старая воздушная техника списываться не будет, что не будет выделяться никаких средств из бюджета для поддержки авиастроения, что на рынок будут допущены без пошлин и НДС воздушные суда иностранного производства, ну что же — это позиция. Может быть, от этого даже выиграют граждане страны, которые пользуются услугами авиаперевозчиков. Но они же проиграют от исчезновения авиапромышленности.

Если же говорить о возрождении отрасли, необходимо идти по другому пути: учредить единую Национальную авиастроительную корпорацию, в капитал которой внести все государственные пакеты акций авиапредприятий. Подписать инвестиционный договор с частным сектором, отобранным через конкурс. Договориться, кто что инвестирует и на каких условиях. Развивать единую корпорацию в направлении серийного производства соответствующего модельного ряда самолетов, наращивать капитализацию, снижать издержки. Избавиться от опеки чиновников. Не закрывать компанию для иностранных акционеров.

Мы направляли разные предложения по компоновке единой корпорации. Допустим, только дальние, средние, ближние магистральные самолеты без военно-транспортной авиации, с казанским заводом и без него, с боевой авиацией и без нее. Естественно, мы направляли проекты конкурсной документации. Мы даже внесли предложение, аналогичное тому, которое было заключено с компанией Sirocco. Если в обмен на обещание

\$200 млн был передан пакет в 25% минус 1 акция, то в обмен на контрольный пакет акций мы готовы предложить миллиардные инвестиции.

Однако государство так и не ответило ни на одно из наших предложений. Исключение — наше партнерство по лизинговой компании “Ильюшин Финанс”. Она строит для “Аэрофлота” на Воронежском авиазаводе самолеты “Ил-96”. Но государство забирает все свои деньги обратно в виде налогов — строительство ведется за счет только наших взносов в капитал ИФК.

Одновременно с этим правительство собирается проводить конкурс на управление Шереметьево. Шереметьево — прибыльное предприятие, живущее за счет “Аэрофлота”. Отдавая аэропорт частному сектору, государство наносит себе ущерб и в Шереметьево, и в “Аэрофлоте”, а платить будут те граждане нашей страны, которые летают “Аэрофлотом”.

— Если будет проводиться приватизация компании “Аэрофлот”, НРБ будет участвовать в конкурсе?

— Конечно. Вообще, когда мы покупали блокирующий пакет “Аэрофлота”, мы, конечно, консультировались с исполнительной властью по поводу возможности приватизации. И было сказано: давайте через годик к этому вопросу вернемся. Но это были очень предварительные разговоры. Нам и самим еще рановато покупать “Аэрофлот”. Это большая ответственность — не только коммерческая.

Что же касается Шереметьево, то я искренне надеюсь, что конкурса не будет. Нет никаких экономических причин, почему правительство не сможет само справиться с проблемами авиавокзала. Есть “Аэрофлот” и представители от государства в совете директоров, а есть Шереметьево — там только государство в совете директоров находится. У них есть план. Они сделали эскизный проект, землеотвод, они провели много экспертиз, переговоров и конкурсов. Потратили около \$30 млн. “Аэрофлот” — заказчик, ему нужен новый аэропорт. Почему вдруг правительство в какой-то момент передумало, а сегодня вообще расписывается в полной недееспособности? Непонятно, почему сам “Аэрофлот” не может сейчас, имея землеотвод и проект, привлечь соответствующее финансирование и начать строительство Шереметьево-3. Я бы так действовал на месте “Аэрофлота” либо ставил вопрос о переходе в другой аэропорт.

— **Какие у вас прогнозы на тендер по Шереметьево?**

— Давайте подождем — вдруг возобладает здравый смысл.

— **У вас был интерес к созданному РАО ЕЭС ОАО “Российские коммунальные системы”. Когда на совете директоров РАО решался этот вопрос, вы просили повременить, чтобы дать НРБ возможность войти в состав акционеров РКС. Есть ли еще возможность для НРБ войти в состав акционеров РКС?**

— У вас не совсем верная информация. Я голосовал на совете директоров РАО ЕЭС против создания этой компании. Я считаю, что конструкция такого типа вряд ли может быть жизнеспособной. Посмотрим. Я уважаю [председателя правления РКС Михаила] Абызова как очень эффективного менеджера, но, думаю, им будет трудно создать по всей стране новый холдинг, развернуть все части корпоративной системы управления, привлечь огромные кредиты. Могу только пожелать им успеха.

Что же касается нас, то у НРБ есть небольшие пилотные проекты в области ЖКХ. Один из них мы сделали в Тульской области. Он касается замены системы газового отопления в сельской местности. В домах ставятся специальные котлы, которые избавляют жителей домов от традиционных проблем с центральным отоплением и позволяют регулировать самостоятельно температуру в помещении. В рамках этого проекта мы кредитруем жителей под гарантии местной администрации. Сейчас написали письма ряду губернаторов с предложением внедрить подобную систему и у них.

В сравнении с конструкцией РКС это, конечно, гораздо более скромный проект. Но он касается примерно 70% ЖКХ, прежде всего той его части, которая находится за пределами больших городов.

— **Проект приносит прибыль?**

— Мы стараемся не делать неприбыльных проектов. Мы создаем жизнеспособную конструкцию.

— **А какой процент у НРБ в РАО ЕЭС?**

— Около 4%. Мы неоднократно говорили, что готовы выйти из акционеров РАО. Если бы был стратегический покупатель, мы бы пакет продали. В основном все предложения, которые

мы получаем, — объединиться, сделать бизнес в этой области. Таких предложений много, но они интереса для нас пока не представляют.

— Какой долей лично вы владеете в НРБ из 85% акций, контролируемых менеджментом банка? Сколько будет принадлежать вам в Национальной резервной корпорации, которая сейчас создается на базе активов банка?

— Мне принадлежит больше контрольного пакета Национального резервного банка. Что же касается корпорации, то, вероятно, пропорции сохранятся. Сейчас мы ведем ее реформирование. Банк — только один из ее элементов. Не все наши активы находятся в нем.

Уставный фонд НРК, скорее всего, составит около \$1 млрд. Наш пакет акций РАО ЕЭС стоит около \$500 млн по рыночным котировкам, еще \$200 млн — пакет “Газпрома”. Еще в \$400 млн можно оценить пакет принадлежащих нам российских еврооблигаций и украинских евробондов. У нас на Украине, например, большое количество недвижимости.

В холдинг также войдут в каком-то виде наша собственность в авиапроме, “Аэрофлоте” (около 30%), “Ильюшин Финанс” (около 42%), Национальной ипотечной компании, “НРБ-Финансах” (консалтинговая компания) и другие активы. У меня останется контрольный пакет. Часть менеджеров также будут владеть определенными пакетами.

— Блок “Родина” объявил о том, что может выдвинуть вас в качестве кандидата на выборах мэра Москвы. Вы уже дали согласие?

— Возможно, такое согласие будет — если моя программа понравится горожанам. И, конечно, если меня кто-то сможет услышать — у нас ведь у всех равные права по доступу к СМИ... (Смеется.) Предложение от блока “Родина” для меня является принципиальным, поскольку он объединяет около 30 партий и движений с серьезным представительством в Москве. Лидеры движения Сергей Глазьев, Дмитрий Рогозин, с которыми я знаком не один год, — современные, молодые политики со свежими идеями и заслуживающей поддержки программой. Вероятно, и мои взгляды и предложения могут представлять для россиян интерес.

Однако пока ответить конкретнее на ваш вопрос не могу. Я хотел бы еще недели две-три посоветоваться в Москве с горожанами, с общественными организациями, с бизнесом.

Подчеркну, что отношусь к нынешнему мэру с уважением. Он проработал на благо города около 12 лет. И работал как вол. Город изменился в хорошую сторону, это правда, поэтому я понимаю москвичей, многие из которых поддерживают Юрия Лужкова. Однако за этот период сложился устойчивый бюрократический “домен”, который сдерживает развитие столицы. Московская бюрократия в таком виде не должна существовать, надо реформировать власть в городе.

Если увижу, что мои предложения вызывают отклик у москвичей, то пойду на выборы с простой и понятной программой, суть которой будет сводиться к следующему: повысить доходы городской казны, т.е. москвичей, в 2 раза за 500 дней за счет сокращения бюрократического аппарата, выведения из-под контроля чиновников денежных потоков, которые вращаются в строительном комплексе, в операциях с недвижимостью и землей, т.е. в имущественном комплексе города. По моим оценкам, “Корпорация Москва” стоит минимум \$50 млрд. Кому она принадлежит? Я думаю, что это еще пара городских бюджетов. В таком мегаполисе, как Москва, все начинается и кончается бюджетом города — хозяйственников в Москве хоть отбавляй. Федеральный бюджет по сравнению с московским — это просто XXIII в. по прозрачности. А здесь ничего не понятно.

— Если вы займете пост мэра города, то вам придется оставить пост в НРБ.

— Давайте честно: при таком “равном” доступе к СМИ, административном ресурсе, 12 годах пропаганды и том факте, что в Москве по сравнению с другой частью страны многое изменилось в лучшую сторону, выиграть очень трудно. Но достаточно выступить, предложив внятную альтернативу, как побороться за одну из самых привлекательных столиц в Европе, — это можно. Если те почти 40%, что не ходят на выборы, вдруг придут, будет интересно.

В принципе, оставить пост председателя правления и президента в организации, владельцем контрольного пакета которой являешься, не так уж и трудно. Я тогда займу пост председателя совета директоров вновь созданной Национальной резервной

корпорации. Важный вопрос: не буду ли я оказывать какого-либо содействия развитию собственного бизнеса? У нас бизнеса в Москве нет.

Деньги должны работать на производство

Передачи Российской государственной радиовещательной компании “Голос России” слушают на 32 языках в 160 странах мира. Особой популярностью пользуется авторская программа “Визави с миром”, которую ведет автор, председатель РГРК “Голос России” Армен Оганесян. Недавно гостем его программы был Александр Евгеньевич Лебедев — депутат Государственной думы, член совета директоров “Аэрофлота”. Ему, как и другим собеседникам Армена Оганесяна, пришлось отвечать на вопросы не только российских, но и зарубежных слушателей.

— **Очень многим Лебедев известен в первую очередь как банкир, владелец акций широко известного Национального резервного банка. Не случайно первый вопрос, который пришел в адрес нашего гостя от Пола Ньюмена из Манчестера, касается денег: как колебания евро и доллара сказываются на экономике России и на работе вашего банка?**

— На самом деле резкие колебания курсов основных валют никаких радостных последствий не имеют ни для банков, ни для экономики в целом. Как мы знаем, в последнее время доллар обесценивался очень быстро (потери составили до 30% по отношению к евро).

— **Как вы полагаете, смогут ли американцы в течение нескольких месяцев укрепить доллар?**

— Я не уверен, что это им нужно. На самом деле для Соединенных Штатов есть определенные выгоды в ослаблении доллара.

— **А как быть россиянам: переводить доллары в евро или не переводить?**

— Вообще лучше не менять валютный портфель сбережений, накоплений или иных активов. А доллар может подождать свое-

го часа в банке. Но для российской экономики все-таки главное, что происходит с рублем. А рубль укрепляется, причем не резко, а плавно. И ничего плохого в этом, на мой взгляд, нет. Хотя мы все знаем, что в случае усиления национальной валюты эффективность импорта повышается, экспорта — снижается.

У нас пятый год подряд продолжается устойчивый — около 7% — рост ВВП. Все основные экономические показатели в России не только в порядке, а выглядят просто очень хорошо. Мало того, я считаю, что у нас есть фундаментальные основы для устойчивого экономического роста в будущем. Ведь структурные реформы в экономике во многом завершены, созданы сотни тысяч предприятий, объединений, которые функционируют в соответствии с рыночными законами. Они являются прозрачными, имеют годовые отчеты...

Но что будет, если цены на нефть упадут вдвое? Уверен, никакой катастрофы не произойдет. Потому что, напомню, у нас три четверти нефти продается внутри страны по внутренним ценам, которые примерно вдвое ниже мировых. Если мировая конъюнктура ухудшится, то мы можем увеличить экспорт без ущерба для внутреннего потребления. Это позволяют сделать пропускная способность трубопроводов и внутренняя добыча “черного золота”. Таким образом мы сможем полностью компенсировать возможные потери. Насколько я знаю, Правительство к этому готово, но почему-то скрывает свои хорошие дела. Впрочем, успокою слушателей: резкого падения цен на нефть не ожидается.

— Фернандо Химено Перес, испанский художник, проживающий в Москве, интересуется: как идет реформа банковской системы в России?

— Банковский сектор, на мой взгляд, вообще один из наиболее развитых в российской экономике, несмотря на то что еще очень молодой. Я думаю, что мы полностью преодолели последствия финансового кризиса 1998 г. Тогда многие крупные банки были обанкрочены, причем некоторые из них — сознательно.

Напомню, что банк, который я возглавлял в течение семи лет, предпочел сохраниться на рынке, несмотря на то что нам, конечно, тяжело дались последствия августовского кризиса 1998 г. Полагаю, что в ближайшее время будет создана надежная сис-

тема страхования вкладов. И в дальнейшем, по моим прогнозам, количество банков в стране резко сократится. Сегодня у нас 1400 с лишним кредитных учреждений. Однако для нашей экономики достаточно нескольких сотен, но с гораздо большей капитализацией и с гораздо большими активами. Вообще, активы российских банков очень быстро увеличиваются: растут кредитные портфели, депозиты, и наши банки сегодня играют в экономике именно такую же роль, как и банки, скажем, Соединенных Штатов или Западной Европы. Они аккумулируют средства населения и корпораций, юридических лиц и вкладывают их в экономику, причем все больше в реальный сектор. Мы, например, за последние три года резко отошли от инвестиций в ценные бумаги, которые нередко бывают спекулятивными, переориентировались на инвестиции в РАО ЕЭС, “Аэрофлот”, производство российской авиации, самолетов “Ту-204” в Ульяновске или “Ил-96” в Воронеже. Поэтому я хорошего мнения о состоянии российской банковской системы.

— Скажите, пожалуйста, — спрашивает Петр Щепаньски из Польши, — за счет чего разбогатели российские олигархи в стране, где еще совсем недавно все были более или менее равны, а недра, заводы и земля принадлежали государству?

— Во-первых, давайте определимся с понятиями. Под олигархами я понимаю только какую-то незначительную часть крупных российских капиталистов. Эти люди, как правило, не очень благовидными способами заработали свои капиталы, приватизировав сырьевые отрасли, дающие значительную часть доходов российского бюджета. Они не платят налогов, переводят денежные потоки за границу на счета подставных компаний, а заработанные миллиарды долларов не вкладывают в производство, тратят только для себя. Либо покупают виллы на юге Франции, либо самолеты “Боинг”, или яхты, или целые спортивные клубы за рубежом. И в то же время, на мой взгляд, в России немало предпринимателей, которые заработали свои деньги честно и думают о соотечественниках. Они своим примером доказывают, что идеи крупного капитала и социальной справедливости вполне могут быть совмещены.

— Еще вопрос об олигархах от Олава Брюгге (Швеция): “У нас пишут, что после ареста одного из российских олигархов крупные

бизнесмены стали опасаться вкладывать деньги в российскую экономику. Правда ли это?”

— Если бы это было так, тогда почему крупнейший мировой банк “Сити бэнк” объявил в конце прошлого года (уже после начала дела ЮКОСа) об открытии филиальной сети в Российской Федерации. Мне не очень понятно, почему “Буиг” и “Вэнси” — крупнейшие французские строительные компании, одна с оборотом 17 миллиардов долларов, другая — 20 — в настоящее время ведут ожесточенную борьбу за возможность участвовать в строительстве Шереметьево-3. Почему, наконец, огромное количество иностранных строительных компаний борется за то, чтобы финансировать проекты в Москве и в Московской области, и так далее. Я нередко полемизирую со своими коллегами, иностранными политиками и депутатами, которые говорят, что, мол, в экспертном и бизнес-сообществе на Западе в связи с ЮКОСом есть опасения относительно свободы предпринимательства в России. Тогда и у меня есть точно такие же опасения в связи с делом “Энрона” в Соединенных Штатах или “Пармалата” в Италии.

Но если бы я участвовал в каком-то крупном инвестиционном проекте в Италии и вдруг узнал, что крупнейшая компания там, оказывается, похитила 10 миллиардов долларов, а все ее руководство в тюрьме, то, уверяю вас, у меня не возникло бы сомнений в том, что американская или итальянская демократия — парламент, юридическая система, суды — не подвергается никакой угрозе в связи с этими расследованиями.

— Тогда почему многие наши политические деятели говорят о нехватке у нас инвестиций?”

— Наверное, потому, что сравнивают Россию с Восточной Европой или со специальными экономическими зонами в Китае. Да, действительно, там условия для иностранных инвесторов несколько лучше. Но ситуация быстро меняется, и объемы иностранных инвестиций в России быстро растут. Тем более что сейчас в экономику возвращаются и российские деньги, которые были вывезены из страны ранее.

— **Считаете ли вы, что сама постановка вопроса: крупные бизнесмены стали опасаться оказывать поддержку тем или иным по-**

литикам — несостоятельна? Или к этому надо относиться настороженно?

— Если поддержка оказывается в рамках правового поля, то, поверьте мне, никакого давления со стороны власти не происходит. И это я почувствовал в декабре, когда принимал участие не только в выборах в Государственную думу, но и мэра Москвы. Совершенно очевидно, что многие наши политики, например правого спектра — “Яблока”, СПС (об этом пишут газеты), — получали и получают поддержку от российского капитала. Если поддержка оказывается без нарушений закона, то это не только нормально, но просто нужно и необходимо.

— Не так давно вы были членом блока “Родина”...

— Давайте уточним. Я был лидером блока “Родина” по московскому списку на выборах в Государственную думу и при этом оставался членом партии “Единая Россия”, работал в Центральной ревизионной комиссии. Но я никогда не состоял ни в одной из партий, которые вошли в блок “Родина”. Некоторая путаница возникла, потому что не обратили внимания на мое участие в “Единой России”. И когда меня избрали в Государственную думу, то я, естественно, написал заявление о вступлении во фракцию своей партии, т.е. в “Единую Россию”. Так что из одной фракции или партии в другую я не переходил.

— Гладких Людмила Николаевна из Москвы спрашивает: “Вы проиграли избирательную кампанию Лужкову, вышли из блока “Родина”. Означает ли это, что вы решили больше не заниматься политикой?”

— Как раз наоборот. Работать в Государственной думе я буду во фракции “Единая Россия”. А с блоком “Родина” буду поддерживать нормальные рабочие отношения, как с коллегами по Государственной думе.

— Вы действительно считаете, что Лужков победил вас на выборах в Москве только потому, что у вас не было доступа к СМИ?

— Могу признаться, что для меня задача победы и не стояла. Ясно, что Лужков — выдающийся градоначальник. У него есть свой надежный электорат. И я считаю, что на фоне всех наших остальных мэров городов он, наверное, больше всех сделал. Но давайте не будем забывать, что все-таки в Москве — огромное

количество интеллектуальных, финансовых, экономических ресурсов. И тем не менее вы, наверное, тоже со мной согласитесь, что за 14 лет московская бюрократия настолько стала самодостаточной, что не все вопросы, которые нас беспокоят, ее волнуют. Поэтому чиновников ее надо критиковать и периодически менять.

— И последний вопрос. Вам предстоит работа в Думе. Чем вы конкретно намерены там заниматься?

— Я буду работать в Комитете по делам СНГ и связям с соотечественниками. Со своей стороны, как бизнесмен, я достаточно хорошо знаю СНГ. Хотел бы способствовать развитию сотрудничества России и Украины в области авиапрома, в частности в производстве самолета “Ан-148”. Хорошо, что частный сектор стремится решать все больше социальных вопросов: в области образования, культуры, здравоохранения. Помогает соотечественникам в том числе и в вопросах переселения их на территорию Российской Федерации из тех стран, где их интересы ущемляются. Это открывает хорошие перспективы для сотрудничества.

Стратегия — укрупняться

— В чем был смысл преобразования группы Национального резервного банка (НРБ) в Национальную резервную корпорацию (НРК)? Расскажите, как сейчас структурирована корпорация, какие активы в нее входят?

— Устаревшая структура управления группы НРБ отличается от формируемой НРК так же, как самопальные джинсы отличались от фирменных. Носить можно и те и другие, но любой специалист понимает разницу. Мы хотим принципиально улучшить эффективность управления активами.

НРБ остается классическим инвестиционным банком, он мало развивал розницу, имеет небольшую филиальную сеть. Площадка банка используется для операций на фондовом и долговом рынках, а ликвидность во многом основана на активах группы.

Активы находились в достаточно хаотичном единстве, висели на банке. Сейчас это упорядочивается. НРК станет холдинговой компанией, в которой сконцентрируются права собственности и стратегическое управление. Очевидно, в ней будет не менее пяти дивизионов: “Энергетика” (группа владеет более 3% акций РАО ЕЭС), “Банковские услуги” (Национальный резервный банк, банк “Воронеж”, “НРБ-Украина” и др.), “Авиаперевозки” (28,5% “Аэрофлота”), “Авиапром” (36% акций компании “Ильюшин Финанс”, которая управляет Воронежским авиазаводом). Будет отдельный дивизион “Управление финансовыми активами”, специализация которого — операции с ценными бумагами. В портфеле у группы, например, на \$200 млн акций “Газпрома” (0,5%), на \$200 млн украинских еврооблигаций, на \$200 млн — российских... Возможно, в отдельный дивизион будет выделен наш строительный проект — Национальная жилищная корпорация. Отдельно работают Национальная ипотечная компания и “НРБ-Финансы”.

— Сколько стоят активы НРК? В прошлом году вы оценивали капитализацию своей группы в \$1,5 млрд. Как вы ее определили?

— По Forbes. (Смеется.) Капитализация бывает, если компания котируется на фондовой бирже. Этого нет и вряд ли будет раньше 2006–2007 гг. Котировки РАО ЕЭС, например, за последний год колебались в пределах 30%, и мы зависим от этого. Очень трудные проекты “партнерства” с государством в авиалингах и авиапроме. Как оценить стоимость журнала “Компания”, гостиничного комплекса spa-отель “Море” и аквапарк в Крыму [Алушта]? Стоимость НРБ посчитать тоже непросто, особенно после того, как General Electric заплатил \$100 млн за скромный Дельта-банк, у которого капитал и активы во много раз меньше, чем у НРБ.

В 2002–2004 гг. структура активов мало изменилась, разве что продано около 1% акций Мосэнерго, в отношении которого не было стратегических планов. Ликвидационная стоимость НРК — около \$1,5 млрд.

— Журнал Forbes оценил ваше личное состояние в \$1,4 млрд. То есть вы владеете более 93% акций НРБ, теперь НРК?

— Контрольным пакетом. Но, став депутатом Госдумы, я передал акции в доверительное управление и вышел из руководя-

щих органов компаний. Меня устраивает менеджмент, который есть и в банке, и в корпорации. Он вскоре войдет в состав акционеров. Со многими я проработал много лет, причем не только в бизнесе (до начала 1990-х Лебедев работал в Службе внешней разведки. — “Ведомости”).

— **Вам не боязно быть богатым человеком в России?**

— В 1990-е гг. было дискомфортно, как-нибудь расскажу почему. Теперь нет. Не нарушайте закон, считайте деньги пригодными более для общественного, чем для личного потребления, и не надо будет волноваться.

— **На НРБ как-то сказался недавний банковский “кризис доверия”?**

— Практически нет. Банк живет в основном за счет собственных ресурсов, являясь сервисной структурой для НРК, хотя и обслуживает несколько тысяч компаний и физлиц. Рентабельность такого банковского бизнеса, конечно, не очень высока, но и риски тоже. Нет ни 500 000 мелких вкладчиков-физлиц, ни зависимости от двух-трех крупных корпоративных клиентов. Среди 100 крупнейших банков России немало таких, что сидят на игле средств нескольких “особенных” корпоративных клиентов. Один завел к себе “ЛУКОЙЛ” или “Ростелеком”, другой — “Связьинвест”, третий — “Роснефть”, четвертый — “Сургутнефтегаз”, РАО ЕЭС. Жизнь такого банка полностью зависит от единственного клиента. Если сегодня или завтра тот по какой-то причине изымет из финансового учреждения свои капиталы, то все — банк зашатался. По-моему, судьба Гута-банка во многом была определена не “физиками”. “Физики” бегут в последнюю очередь, поскольку информацию о проблемах в своих банках нередко получают слишком поздно. Да и суммы частных вкладов для банка нередко не столь ощутимы, как средства юридических лиц. А вот когда три-четыре корпоративных клиента, переговарив между собой, “выдергивают” из банка \$200 млн, это может оказаться фатальным.

— **Кто, по вашему мнению, виноват в банковском кризисе 2004 г.? Чьи головы полетят?**

— Я не вижу никакой вины тех чиновников, которые делали те или иные публичные заявления. Наконец-то Центробанк и

Федеральная служба финансового мониторинга взялись за банковские учреждения, которые занимаются незаконными операциями. Виновники летних проблем банковского сектора — это менеджеры и владельцы тех банков, которые ведут отнюдь не банковский бизнес, а также тех, что были преднамеренно обанкрочены в последние 10 лет.

На месте государства я составил бы список 30 самых крупных банков, по которым есть подозрения в том, что они были преднамеренно обанкрочены или выводили деньги за рубеж. Исключил бы из списка банки, которые договорились со всеми кредиторами, и занялся бы оставшимися.

Нужно ужесточить законодательство и запретить владельцам или менеджерам искусственно обанкроченных банков занимать руководящие посты в экономике, банковском секторе и политике. Это называется поражением в гражданских правах — если не получается призвать их к судебной ответственности. А пока люди видят годами, что можно безнаказанно их обокрасть, собрав деньги в банк и положив их в карман под видом банкротства.

Вы думаете, у меня как у совладельца и гендиректора в августе 1998 г. не было возможности искусственно обанкротить банк? НРБ только на государственных казначейских обязательствах (ГКО) потерял \$160 млн. У нас в банке было \$400 млн — это иностранные заимствования, деньги “Газпрома”, других корпоративных клиентов. Мы могли присвоить эти \$400 млн, а не гасить долги. Но всем все выплатили, пришлось даже закладывать личные вещи — квартиры, машины. А другие сделали бридж-банки (однодневки. — *Ред.*) и перевели туда деньги. И сказали: “Извините, мы пострадали из-за государства”.

— Вы планируете как-то развивать свой банковский бизнес?

— Развитие российской банковской системы сопровождается усилением конкуренции с крупными западными банками. Поэтому будущее — в объединении крупных отечественных банков. Очень правильно в страховании сделали. Просто ввели лимит минимального капитала и тем самым отсекали около 300 мелких и несерьезных страховых компаний. То же самое надо делать и в банковской сфере. Маленькие банки даже нет смысла поглощать, если честно. Ну что такое банк с капиталом \$2–3 млн и активами \$10 млн? Это вообще не банк, а какая-то странная меняльно-стиральная контора, которая занимается

разными сомнительными операциями: обналичкой, уходом от уплаты импортных пошлин, уклонением от налогов при торговых сделках, сокрытием выручки от коммерческого использования имущественного комплекса.

У меня есть только одно объяснение тому, что в Москве действует около 500 банков. Из них реально выполняют банковскую задачу, т.е. “пылесосят” на рынке ликвидность и возвращают ее в экономику в виде кредитов, я думаю, банков 30–40. А все остальные бог знает чем занимаются. Вот эти 30–40 банков и будут укрупняться, проводить слияния и поглощения с реально работающими региональными банками, которых по стране где-то 300–400.

НРБ рассматривает возможность альянса с банками, у которых сильные позиции по обслуживанию физлиц, потому что самостоятельно развивать розницу, практически с нуля, нам нет смысла.

— Ранее вы заявляли, что НРК готова продать свои акции РАО ЕЭС. Вы разочаровались в реформе электроэнергетики, реализация которой заморожена до конца года решением премьер-министра?

— Пока склоняемся к тому, чтобы не продавать пакет и самим поучаствовать в реформе. Немного смущают последние события: правительство снова отложило решение (по формированию и продаже оптовых генерирующих компаний (ОГК). — “Ведомости”). Инвесторам это радости не добавляет. Есть так называемый вариант Дерипаски: выделить только центральное диспетчерское управление и сетевую компанию, а электростанции оставить как есть. При этом инвесторы будут бороться за отдельные станции. Я считаю, это неправильно. Для реального реформирования отрасли, притока инвестиций нужно создавать ОГК и позволить инвесторам обменивать акции РАО ЕЭС и деньги на акции новых структур. Это ведь не просто проект [председателя правления РАО ЕЭС Анатолия] Чубайса, а сценарий, который выработывался с участием администрации президента и правительства в результате компромиссов с инвесторами. Правительство может внести какие-то коррективы по конфигурации ОГК, но сам принцип, я думаю, сохранится.

НРК готовится к этому. После девяти месяцев переговоров подписан меморандум с холдингом “Интеррос” о создании совместной управляющей компании для участия в реформе элект-

роэнергетики. НРК внесет туда до 3% акций РАО ЕЭС, а “Интеррос” сделает аналогичный вклад акциями РАО и деньгами. Мы рассчитываем, что в сумме 5% акций РАО ЕЭС и внесенных денежных средств должно хватить для получения контроля над одной из ОГК. Какой именно — будет зависеть от окончательной конфигурации ОГК, которую определит правительство. Уже на раннем этапе существования нашей совместной с “Интерросом” управляющей компании возможно вхождение в нее третьего участника — стратегического инвестора, который профессионально управляет этим бизнесом. Я имею в виду такие компании, как E.On (Германия), Enel (Италия), Fortum (Финляндия) или EDF (Франция). Вопрос, когда и нужно ли вообще из этого бизнеса выходить, будем решать по ходу работы. А сейчас, до начала реформы, продавать свой пакет в РАО ЕЭС для НРК нет смысла.

— Полтора года назад НРБ потратил около \$133 млн на покупку блок-пакета “Аэрофлота” у структур Романа Абрамовича. Какую отдачу вы рассчитываете получить от “Аэрофлота”?

— На самом деле мы заплатили около \$145 млн. Но мы покупали акции этой компании не на год-два. Акции РАО ЕЭС мы приобрели в 1997 г. и только через восемь лет подошли к точке, когда можно считать, что это стратегическая инвестиция. В случае с “Аэрофлотом” до этой точки еще далеко. За полтора года мы только начинаем разбираться, что это за компания.

И выясняются вещи малоприятные. Оказалось, что к “Аэрофлоту” есть два судебных иска почти на \$50 млн, о существовании которых менеджмент нас не предупреждал. Один из них “Аэрофлот” окончательно проиграл этим летом и заплатил \$17 млн американской компании MGM Production Group, которая выкупила долговые требования у другой американской компании — Russo International Venture, основанной уроженцем Ирана. Эта компания с 1992 г. консультировала “Аэрофлот” по сдаче самолетов в аренду Ирану, получая 5% комиссии. Когда в 1997 г. “Аэрофлот” расторг это сомнительное соглашение, Russo стала судиться и в 2000 г. выиграла международный арбитраж в Стокгольме. Затем долговые требования выкупила MGM и выиграла судебный процесс против “Аэрофлота” уже в окружном суде Нью-Йорка. Генпрокуратура России установила, что в основе тяжбы лежит мошенническое дело. Такое же раз-

бирательство идет по факту крушения в Турине (Италия) в 1996 г. грузового самолета “Руслан”, находившегося в аренде у “Аэрофлота”. По “туринскому делу” от компании требуют возмещения ущерба на сумму \$30 млн.

— **Кто требует?**

— “Аэрофлот” своим акционерам отказывается сообщить все обстоятельства дела. Вина за то, что эти судебные проблемы не были вовремя урегулированы, лежит на менеджменте, который не может или почему-то не хочет заниматься этими вопросами. Все эти схемы с консультантами, переуступкой судебных требований — очень удобный механизм для недобросовестной практики. Теоретически можно через подставные фирмы выкупить долговые требования к самим себе и без борьбы в судах проигрывать иски и переводить десятки миллионов долларов со счетов компании за границу.

Таких историй в “Аэрофлоте” немало. Несколько лет назад “Аэрофлот” под свои гарантии привлек кредиты на свою “внушечную” компанию “Партнеры Аэрофлота”, которая скупила на рынке почти 3% акций “Аэрофлота” на сумму более \$15 млн, и это не было отражено ни в одном балансе. Где теперь эти акции? Была у “Аэрофлота” вилла “Покровское-Стрешнево” с завезенным оборудованием для ресторана. Продали как непрофильный актив. Акционеры не могут получить информацию, как продали, кому, по какой цене, куда зачислены деньги. Странный конфликт с Транспортно-клиринговой палатой (ТКП). Сначала “Аэрофлот” объявил ТКП войну по полной программе, запретил продавать свои билеты на бланках ТКП, потом замирились непонятно на каких условиях.

А почему менеджмент “Аэрофлота” готов заплатить “Альфе” \$12 млн за 50% прав на управление аэропортом Шереметьево? Я лично считаю, что госкомпания категорически нельзя платить “Альфе” за права, которые та бесплатно получила от предыдущего правительства. Де-юре конкурс начало проводить предыдущее правительство, нынешнее вправе его не заканчивать, спустить эту историю на тормозах и не утверждать директиву акционерному собранию. Шереметьево-3 вообще могло бы построить государство, а Внешэкономбанк и Сбербанк могли бы это профинансировать — только по реальным, а не по дутым сметам. А то “Аэрофлот” считает так: в 2001 г. у них смета стро-

ительства Шереметьево-3 была \$300 млн, в 2003 г. — \$400 млн, а сейчас их консультанты называют уже цифру \$650 млн.

— **В последнее время вы постоянно критикуете менеджмент “Аэрофлота”, хотя раньше у вас были хорошие отношения с гендиректором компании Валерием Окуловым. Вы добиваетесь его смещения?**

— Не путайте личные и деловые отношения. Оценка состояния компании была и остается невысокой. Я считаю, что менеджмент “Аэрофлота” плохо управляет компанией. Это не управление, а средневековье. Есть феодал — гендиректор и его подчиненные — вассалы. У каждого своя делянка: кто-то занимается закупками техники, кто-то — строительством, кто-то — продажами, кто-то — финансами. Каждый живет в своем собственном королевстве и считает, что государственных и частных акционеров просто не существует. Например, такая деталь: сотрудникам “Аэрофлота” запрещено общаться с членами совета директоров, которые выбраны от НРК. Очень умно. То же самое было в “Газпроме” в конце 1990-х. Затем там был полностью сменен менеджмент, и ситуация сегодня совсем другая.

Руководящие органы “Аэрофлота” необходимо усилить. Прежде всего это касается председателя совета директоров, который пока не избран. Мы надеемся, что по итогам внеочередного собрания акционеров “Аэрофлота” в октябре совет директоров возглавит представитель Администрации президента. А вопрос о смене гендиректора скорее вправе ставить государство, которому принадлежит контрольный пакет “Аэрофлота”.

— **А у НРК какая стратегия в отношении “Аэрофлота”?**

— Стратегия такая же, как и в банковском бизнесе, — укрупняться. Есть хороший пример слияния Air France и голландской KLM. Понятно, что KLM намного меньше, чем Air France, — примерно 1 к 6 по показателям “пассажиропоток”, “денежный поток” и т.д. Тем не менее они переходят на единую акцию, KLM получает 19% акций в единой компании. При этом вся процедура рассчитана на восемь лет, в течение которых сохраняются и бренды, и статусы национальных перевозчиков, и названия. Интересы KLM по представительству в совете директоров, участию в акционерных собраниях, внесению поправок в устав защищены. Таким же образом “Аэрофлот” мог бы объе-

диниться. Например, с какой-нибудь украинской авиакомпанией.

НРК ведет переговоры с несколькими российскими авиакомпаниями о возможности их объединения с “Аэрофлотом”, но конкретных договоренностей пока не достигнуто. Естественно, нам была интересна приватизация “Аэрофлота”, хотя нынешняя капитализация компании в \$1 млрд кажется мне завышенной. Дальнейшая приватизация поможет увеличить free float (свободное обращение) акций и объединиться с другими перевозчиками путем обмена акциями.

— Раньше вы рассматривали авиапром и авиаперевозки как смежные виды бизнеса. Почему сейчас НРК заговорила о возможности полного выхода из авиационной промышленности?

— Это не совсем правильно было истолковано. Было заседание совета директоров, которое оценивало эффективность инвестиций группы в авиационную промышленность. Посчитали, что с 1996 г., когда мы начали заниматься авиапромом, было потрачено \$200 млн. Отдача? Никакой. Дивиденды не платятся, кредиты не обслуживаются, фюзеляжи стоят. Вывод: в ближайшее время надо выяснить позицию правительства, которое владеет контрольным пакетом “Ильюшин Финанс” и Воронежского авиазавода и определяет политику в этой отрасли. Надо объединять Ульяновский и Воронежский авиазаводы, а авиализинговая компания должна быть одна: Финансовую лизинговую компанию надо присоединять к “Ильюшин Финанс”. Если государство в состоянии дать всего \$200 млн на поддержку авиализинга, глупо их размазывать на две компании. Если внятной позиции у правительства по поводу консолидации отрасли, выработки единого модельного ряда выработано так и не будет, то надо списать \$180 млн на убытки.

Но новое правительство сделало за лето гигантский шаг вперед. Надеюсь, в сентябре — октябре будет создана единая авиапромышленная корпорация.

— А что за проект — “Национальная жилищная корпорация”? Почему-то у вас все национальное...

— Так проще отличить проект общенационального масштаба. Вы разве не считаете авиапром таковым? Теперь о НЖК. Она будет создана осенью. В России в год строится около

40 млн кв.м нового жилья при потребности в 160 млн кв.м. Строятся либо многоквартирные дома, либо элитные по спец-проектам. А отрасль индивидуального жилищного строительства не развита. В России существуют десятки заводов, которые ежегодно выпускают от 50 до 300 домов каждый, но это капля в море. Когда массовое жилье стоит более \$1000 за 1 кв.м, то, сколько ни развивай ипотеку, отсутствие предложения жилья по доступным ценам будет тормозом. Не будет нового дома, не будет новой квартиры, не будет среднего класса.

Мы изучили опыт США, где есть огромная индустрия, которая имеет низкую себестоимость домов за счет масштабов их производства. Существуют заводы, некоторые из них в старых авиационных ангарах, которые могут производить до сотни тысяч домов в год. Базовая цена одного дома площадью 120–150 кв.м может не превышать \$30 000–40 000 при ипотечном кредите на 20 лет. Примерно 30% американцев живут в таких домах. Это качественные дома. Они выдерживают низкие температуры. Первичный взнос составляет \$1500, берется кредит на 20 лет, а ежемесячные выплаты — около \$200. Согласитесь, что даже для российской семьи среднего достатка — скажем, с доходом \$700 на семью — это подходит.

Попробуем реализовать эту идею на Воронежском авиационном заводе и в Ульяновске. Там простаивают производственные мощности — огромные цеха, строить с нуля которые было бы дорого. Есть и квалифицированный персонал, который не загружен. Нужно, наверное, где-то 9–12 месяцев и объем затрат в \$50 млн на предприятие, которое будет производить примерно 250 млн кв.м в год, т.е. более 1 000 000 домов. При расчетах мы исходим из того, что уже сейчас примерно 1 млн человек могут позволить себе расходы на подобное жилье.

— Зачем вы баллотировались в мэры Москвы? Шансов победить Лужкова все равно не было.

— Вы считаете, что сотни тысяч голосов москвичей — это не серьезно? Я набрал 13% голосов, при том что меня не пустили на телеканалы, а рекламные агентства, видимо побоявшись потерять площади в Москве, отказались размещать мои предвыборные плакаты.

Сейчас начинается любопытная история. Мэр подал на меня в суд за выступление в программе “Намедни”. Я сказал, что практи-

чески нельзя найти точных данных о том, сколько квадратных метров нежилых помещений принадлежит Москве, по каким арендным ставкам они сдаются и каким организациям, сколько получает денег московское правительство от использования недвижимости, прав на землю, строительства, что конкурсная основа при распределении строительных подрядов не соблюдается. Мэрия представила доказательства, что у нее все в порядке по этим темам. У меня есть доказательства, что не в порядке. Рассмотрение в Пресненском районном суде назначено на начало октября.

Сегодняшняя политика администрации Москвы — это не просто стагнация, а большой регресс по сравнению с тем, что делало столичное правительство еще пять лет назад. Примерно до 1999 г. успехи городских властей, особенно на фоне того, что творилось в других субъектах федерации, были очевидными. Впрочем, у Москвы всегда был большой финансовый ресурс, бюджет города за несколько лет составил не менее \$60 млрд, сюда было направлено не менее 40–50% иностранных инвестиций. Часть денег вкладывалась в развитие города. Это неглупо делалось, город серьезно похорошел. Но в последние четыре года развитие города идет уже не благодаря действиям администрации, а скорее вопреки. Москвичам не нужно такое изобилие казино и элитных новостроек. Они заинтересованы в доступном жилье, дешевых продуктах питания, хороших дорогах и коммуникациях, снижении загрязнения воздуха и т.д. Нельзя так коверкать город точечными небоскребами. Если на выборах мэра в 2007 г. или ранее найдется достойный кандидат, я его поддержу.

Власть и бизнес: опыт неудачного партнерства

Если суммировать впечатления стороннего наблюдателя от последнего съезда Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), то получается, что власть намерена и впредь проводить жесткую линию в отношении частного бизнеса, одновременно призывая его повышать социальную ответственность и участвовать в совместных с государством проектах, заведомо убыточных или утопичных по причине их полити-

зированности. При этом власть дала понять, что дискуссии излишни: послаблений не будет, и самое лучшее для бизнеса — выполнять предъявляемые ему требования.

Правительство же вновь осталось вне поля критики — ни слова не было сказано о его ответственности за отсутствие внятной промышленной политики, за неудовлетворительное управление значимыми отраслями экономики, пришедшими в упадок. Seriously не поднимался и вопрос об отношениях между частным бизнесом и правительством, которые не дают развиваться экономике, нуждающейся в дальнейшей либерализации, а не в возвращении к командным методам управления.

Хорошо забытое старое

Очевидно, что правительство в том виде, в каком оно сложилось за последние 10–15 лет, — никудышный хозяйственник и плохой партнер. Как губило его среднее и верхнее звено с госкорпорациями всякую живую жизнь в экономике, так и губит. И вот панацея, выдаваемая за новый элемент в развитии российского госкапитализма, преподносимая как шаг навстречу бизнесу, — государственно-частное партнерство. Инициатива была воспринята как нечто новаторское, несмотря на многомиллиардный опыт, например в Англии. И мало кто вспомнил, что примеры такого партнерства есть и в России, в частности у нашей группы.

В декабре исполняется пять лет опытному взаимодействию между группой НРБ и российским правительством, начатому проектом в области авиапрома и авиализинга. Несколько лет столь же тщетно ведутся наши совместные проекты в области сельского хозяйства, ЖКХ и транспортного машиностроения.

\$100 млн на раздумья

Еще в конце 1999 г. была достигнута договоренность о том, что правительство консолидирует гражданскую авиапромышленность в рамках единой национальной корпорации и для загрузки ее заказами создаст на паях с частным сектором совместную авиализинговую компанию со смешанным капиталом в соотношении 50 на 50. Договоренность предполагала участие государства в развитии этой авиализинговой компании рука об руку с частным бизнесом. Это был первый опыт государственно-частного партнерства (ГЧП), если, конечно,

не считать таковым постоянные попытки присвоения частным сектором государственных активов без видимой выгоды для государства.

Пять лет назад нам в частном секторе представлялось, что в нынешних условиях ГЧП должно распространяться на экономические проекты, наиболее востребованные обществом, но слишком затратные с точки зрения госбюджета и малорентабельные. Когда группа НРБ решила вступить в партнерские отношения с государством, она ставила перед собой двуединую задачу — не только продемонстрировать социальную ответственность, но и показать, что частный сектор как производитель товаров и услуг эффективнее всех госторганков и госкорпораций, растущих как грибы после дождя.

И вот пришло время подводить итоги. Надеюсь, предварительные. Правительство, в котором осталось много людей, работавших в нем и пять лет назад, пришло к выводу, что авиационный лизинг не нужен. Следовательно, группа НРБ, вложившая в авиализинговую компанию “Ильюшин Финанс” почти \$100 млн и еще столько же в развитие авиапрома, потратила их впустую. Государство же, которое внесло сумму формально несколько большую, получило почти всю ее обратно в виде налогов. Кроме того, государство на своих собственных, доведенных до коллапса заводах умудрилось произвести за счет денег компании “Ильюшин Финанс” 15 новых воздушных судов. Плохо это или хорошо для государства? Конечно же, хорошо. А для частного бизнеса, выступившего партнером этого государства? Очевиден обман, который, будь этот спор между хозяйствующими субъектами, был бы предметом арбитражных исков.

Авиамышь, рожденная горой

Если рассказывать про перипетии пяти прошедших лет, про все эти бесчисленные “совещания-заседания”, макулатурные “согласования” и “директивы”, то, поверьте, в частном секторе не прибавится желания вступать с государством в партнерские отношения.

Что касается авиапрома, то в этом секторе за пять лет не сделано ровным счетом ничего, если не считать рожденного фантома “концепции” и “консорциума”, и его деградация продолжается. Гражданское самолетостроение не объединено в рамках

национальной авиапромышленной корпорации, хотя это можно было сделать за месяц-другой еще в 2000 г. (не поздно сделать и сейчас!).

Правительство предпочитает консервировать ситуацию, при которой авиапром представляет собой разрозненные авиазаводы, влачащие жалкое существование и пребывающие на грани банкротства. Единственная мышь, рожденная горой, — это переименование нашего проекта из национальной корпорации в объединенную. Вот так. Зато в избытке картинки и потемкинские деревни новых моделей самолетов.

Куда же смотрит прокуратура?

Кто же за это отвечает? Никто. Наше государство так устроено, что ни один чиновник никогда ни за что ни перед кем не отвечает. Возможно, прокуратура, преуспевшая в расследованиях деяний частного бизнеса, обратит свой взор на госчиновников, халатное отношение которых к своим обязанностям повлекло за собой гибель целой отрасли, еще 15 лет назад самой мощной в мире?

Кто спросит чиновников из всех этих бесконечных торгвнешбанков, росгазнефтей, банкгоспромсов и оборонспиртпромсов — “Геркулесов” из “Золотого теленка”, — как они ухитряются летать на самых дорогих в мире частных самолетах и непроизводительно расходовать ежегодно миллиарды долларов, средства, достаточные для спасения от нищеты нескольких депрессивных регионов? Доколе наша держава будет “уменьшать” внешний долг через фирму “Фалькон”, оставляя в ней сотни миллионов долларов?

Еще один печальный пример несостоявшегося государственно-частного партнерства — строительство третьего терминала аэропорта Шереметьево: “ни себе, ни «Альфе», ни людям”. Необходимость нового аэровокзала для перегруженного аэропорта неоспорима. Само государство или “Аэрофлот”, при поддержке частного сектора или без него — только, пожалуйста, постройте третий терминал — это ворота в Россию. Увы. Правительство сначала пять лет ничего не делало, затем попыталось развивать аэропорт за счет нефтяников. Теперь приняло совсем негодное решение заняться “реконструкцией” Шереметьево-2 и тем самым снизить и без того недостаточную пропускную способность главного аэропорта страны, запланировав

на “косметический ремонт” \$70 млн. Только бы не стало лучше. Получилось как всегда.

Трамвай нежелания

Помимо этих печальных примеров коснемся опыта неудавшегося партнерства с государством в ряде других секторов экономики. В отсутствие мясного животноводства в стране группа НРБ разработала программу его воссоздания и как первый шаг начала закупки в Европе коров элитных мясных пород. Но дальше эксперимента дело не пошло. Правительство поддержало этот проект только на словах — госбанки не отреагировали должным образом и кредитов COFASE (Французское агентство по страхованию внешней торговли), необходимых для реализации проекта в масштабе страны, не привлекли. Сразу оговорюсь: все расходы по проекту наши, а госбанки лишь оформляют проекты западных экспортных агентств под наше обеспечение.

В 2002–2003 гг. были сделаны детализированные бизнес-планы партнерства с государством в области консолидации производства средств электрического транспорта (трамваи, троллейбусы). Нет ответа. Теперь нет и отрасли.

Частный сектор внедрил системы индивидуального отопления в сельских поселках, начал развитие ипотеки и строительство жилья для людей с невысокими доходами. Государство — в задумчивости. Мы не претендуем на государственные средства. Не дай бог. Если мы строим доступное жилье — выдавайте через Сбербанк (единственное полезное обществу госпредприятие) ипотечные кредиты. И это не приведет к инфляции. Выдали кредитов на \$500 млн (всего-то в среднем, увы, на 5000–7000 семей), выпустили на рынок облигации, обеспеченные залогом, — и ваши деньги опять в Стабфонде.

Новые лица для партнерства

Теперь давайте зададим вопрос: а нужны ли подобные проекты населению? Думаю, никто не станет отрицать очевидного. Конечно, да. Следующий вопрос: способно ли государство развивать эти отрасли при главенстве в правительстве чиновников, которым подавай быструю окупаемость и высокую прибыль? Почему оно отказывается от предложений частного сектора помочь в развитии нужных обществу отраслей?

В значительной степени причина заключается в противодействии правительственных чиновников, которые либо не хотят заниматься хлопотным делом, когда речь идет о новых отраслях, либо не хотят пускать частный сектор в те дотационные сферы (авиапром, например), которые им приносят стабильный доход от “управления” денежными потоками при ничегонеделании.

В результате многие востребованные обществом отрасли находятся на грани вымирания. Поэтому вопрос надо ставить очень жестко: либо мы окончательно лишимся всех отраслей промышленности, кроме сырьевых, либо призовем к ответственности руководителей, повинных в развале востребованных обществом секторов экономики. И назначим новых людей, способных проводить осмысленную государственную промышленную политику.

Вот тогда и можно будет поговорить о государственно-частном партнерстве. Консервация же создавшегося положения окончательно превратит Россию в сырьевой придаток, а по мере истощения природных богатств либо в результате открытия новых источников энергии доведет до экономического краха.

Смертельное недоверие

После состоявшегося в Госдуме вялого шоу под названием “вотум недоверия правительству” пресса обратила внимание на якобы обозначившиеся разногласия между Фрадковым и Грефом по поводу роли и места государства в экономике.

Увы, дискуссия на эту тему между двумя высокопоставленными правительственными чиновниками — попытка журналистов выдать желаемое за действительное. В череде глобальных проектов по удвоению ВВП правительство откровенно игнорирует проблемы взаимоотношений государства и бизнеса. Складывается впечатление, что делает оно это сознательно.

Между тем подобная дискуссия, если бы велась, имела бы прямое отношение ко всему, что происходит в стране. Предприниматели на всякий случай о взаимоотношениях с властью говорить опасаются, а власть делает вид, что тут и проблемы нет. Или отделяется общими словами, как премьер-министр,

поведавший нам на пятнадцатом году после падения коммунистической системы и через год после того, как сам он возглавил правительство, что государство и бизнесмены должны выстраивать свои связи на основе понятных и “по возможности стабильных” принципов. Открытие под стать тому, которое недавно сделал другой высокопоставленный чиновник: “В демократическом обществе должны действовать демократически принятые законы”. Не стоит на месте отечественная мысль, экономическая и политологическая!

А предприниматели — они что: их обозвали олигархами, объяснили им, что именно они виноваты во всех бедах России, что капиталы у них у всех краденые, а намерения гадкие. Теперь остается только оправдываться. Был назван олигархом — значит, докажи-ка нам, что ты не какое-нибудь зловерное насекомое, а более или менее полезный гражданин своей родной страны. Вот и мычат стыдливо далеко не самые скотообразные представители бизнес-сообщества: мы не такие уж плохие, мы вот становимся социально ответственными, уже перечисляем миллионы на культуру да спорт и на всякую благотворительность. Мы и еще что-нибудь куда-нибудь заплатим, а вы уж, дяденьки, разрешите нам, пожалуйста, работать дальше...

Такое самоуничужение бизнеса за последние несколько лет настолько приелось, что уже не вызывает ни удивления, ни желания спросить: а те, кто критикует “проклятых капиталистов”, учат их жизни, — они что, лучше? Честнее? Больше делают для страны? А ведь вопросы такие задавать пора.

Сразу оговорюсь, что я не считаю хорошим и полезным членом общества любого представителя класса предпринимателей только потому, что у него есть собственность. Нувориш-недоучка 1990-х гг., занятый только выкачиванием из недр или госкармана миллиардов долларов для своих яхт, вилл и шато, “боингов” и любовниц, нравится мне не больше, чем нашим управителям. И когда А. Чубайс в своем недавнем интервью говорит о том, что наш известный нефтяник заработал десятки миллиардов долларов благодаря большему, чем у среднего англичанина, трудолюбию, знаниям и уму, меня гложет сомнение. Может быть, все-таки за счет хитрости, ловкости и “семейственности”?

Впрочем, бог с ним, с этим олигархом. Хуже, что на смену отъехавшим пришли новые, приближенные уже к нынешней правящей династии, — просто из-за подконтрольности нынеш-

них СМИ о них меньше известно. Но неужели российский бизнес — это только Еленины да “новые питерские”?

О чем нам, “несырьевым” бизнесменам, в последнее время твердят чиновники? Во-первых, нам нельзя доверять; мы хотим, дескать, только зарабатывать, не думая о стране (вспоминается тут бывший премьер нашей страны Николай Рыжков: он как-то сказал, что хороший предприниматель должен думать не о собственной прибыли, а о благе общества). Во-вторых, нам предлагают стать на нелегкий путь исправления, без раздумий вкладывая деньги туда, куда указывают “дальновидные” чиновники. Например, в Северный Кавказ, где под виртуальными обломками недостроенных зданий и так уже зарыты миллиарды. Иными словами, крупные предприниматели должны соглашаться на все формы “государственно-частного партнерства”, которые будут предложены. Только так мы можем вернуть хоть малую часть доверия номенклатуры, которая почему-то считает себя олицетворением нашей Родины и даже чем-то вроде общероссийской совести. Только так, капитулировав по всем фронтам, “разоружившись перед партией”, мы можем сохранить надежду на то, что нам позволят жить и работать дальше.

Что тут возразить? Разве только рассказать поучительную историю, поделиться горьким, но зато реальным опытом.

Прекрасных планов громадье

Созданный в 2000 г. Национальный инвестиционный совет (НИС) впервые предложил правительству то самое государственно-частное партнерство. В состав НИС вошли предприниматели, ученые, депутаты, губернаторы, представители общественности. Совет подготовил доклады с конкретными выводами и рекомендациями: “О реформе электроэнергетики”, “Об участии России в ВТО”, “Россия и Единое экономическое пространство”, “Россия и евроинтеграция”, “Социальная ответственность бизнеса” и т.д. Все эти доклады давно пылятся в столах государственных руководителей. Как и в советское время, чиновники не любят читать...

Вторым направлением стала разработка теории и практики реформирования наиболее проблемных секторов нашей экономики. НИС и его партнеры ставили перед собой задачу: продемонстрировать социальную ответственность не только в форме филантропии и меценатства, а еще и в форме успешного реше-

ния экономических проблем, которые беспокоят общество, но почему-то не волнуют государство — слишком нерентабельно для приватизировавших реформы чиновников. Хотелось проверить, насколько частный сектор как производитель востребованных товаров и услуг эффективнее госбанков, госкорпораций и госслужащих. И тем самым побудить государство “проснуться”.

В качестве поля деятельности были выбраны гражданское авиастроение, которое находилось (и находится) в тяжелейшем состоянии, а также наименее привлекательные подотрасли жилищно-коммунального хозяйства, строительство доступного жилья и развитие ипотеки, авиационные перевозки, восстановление производства средств электрического транспорта, модернизация и строительство аэропортов и наиболее тяжелый сектор сельского хозяйства — племенное мясное животноводство.

НИС предложил ответственным чиновникам следующие идеи и договоренности.

1) В авиапромышленности: правительство консолидирует гражданскую авиационную промышленность в рамках единой национальной корпорации. Для загрузки ее заказами на паях с частным сектором создается совместная авиализинговая компания со смешанным капиталом (пятьдесят на пятьдесят). Договоренность предполагала участие государства в развитии этой авиализинговой компании — рука об руку с частным бизнесом. Сразу оговорюсь — во избежание криков коррумпированной бюрократии “ай, приватизируют!” — приватизация не обсуждалась!

2) Частный сектор за свой счет проводит в сельских регионах эксперимент по переводу наименее обеспеченных слоев населения на индивидуальные системы отопления в домах. В случае успеха достигается снижение затрат на коммунальные услуги в 3—4 раза и как следствие готовность населения к реформе. При этом демонтируются государственно-коммунальные отопительные системы (вместо котельных и теплосетей — газ). Государство в дальнейшем помогает тиражировать этот опыт.

Кроме того, частный сектор берет в аренду устаревшие котельные и полностью заменяет их новыми.

3) Электрический общественный транспорт. Даже при наличии действовавших до 1 января 2005 г. льгот (их сумма иногда составляла 50% всей выручки) 12 тыс. троллейбусов и столько же трамваев при действовавших тарифах теоретически должны

были бы собирать до 1,5 млрд долларов. Должны: если бы практически все эти деньги не исчезали в карманах местных властей и муниципальных предприятий! (Даже и теперь, когда вся (!) выручка собирается, упомянутые власти продолжают устанавливать грабительские тарифы: в Москве, например, это 13 и 11 руб.* при себестоимости поездки 6 руб.) Деньги идут все в ту же “черную дыру”, и это объясняет, кто виноват в провале монетизации льгот на транспорте.

Также правительство получило программу консолидации отрасли и сдачи в аренду частному сектору муниципальных сетей электрического транспорта.

4) Предложение построить Шереметьево-3 и модернизировать одноименные первый и второй аэровокзалы. А еще планировалось выстроить новый терминал в Калининграде (совместно с “Аэрофлотом”) и организовать 5 новых ежедневных рейсов Калининград — Москва по заведомо убыточным тарифам, чтобы покончить с монополией местного авиаперевозчика и дать возможность людям, “отрезанным” с 1 июля 2004 г., посещать Москву.

5) Предложение консолидировать авиационные перевозки; убрать квотирование, льготы, преференции и ввести режим “открытого неба”.

6) Концепция “Малозэтажная Россия”, предусматривающая массовое строительство быстровозводимого качественного (но не так называемого элитного) жилья, продаваемого по доступным ценам с помощью ипотеки.

7) Импорт племенного крупного рогатого скота за счет кредитов поставщиков под гарантии западных агентств и с участием (в качестве посредников) российских госбанков.

Под эти проекты частным бизнесом было выделено — и израсходовано — более 300 млн долларов. Все пилотные проекты были успешно завершены.

Первым делом мы построим самолеты

Прошли годы, настало время подводить итоги — надеюсь, предварительные. Правительство, в котором осталось очень много людей, работавших в нем и пять лет назад, сделало лишь

* С 1.01.2007 г. — 17 руб. в метро и 15 руб. в наземном транспорте. — *Прим. ред.*

небольшие шаги в области авиационного лизинга. Бизнес, вложивший в авиализинговую компанию десятки миллионов долларов, имеет мало шансов вернуть свои деньги. Государство же, которое внесло сумму несколько большую, получило почти всю ее обратно в виде налогов. Кроме того, государство на своих собственных, доведенных до коллапса заводах умудрилось произвести за счет компании “Ильюшин Финанс” более десяти новых воздушных судов.

Плохо это или хорошо для государства? Ответ очевиден. А для частного бизнеса, выступившего партнером властей?

Объясняю. Во-первых, отрасль так и не консолидирована в одну корпорацию — опыт Европы нам не указ. Количество нарушенных обязательств со стороны правительства исчисляется десятками.

Если бы это был спор между равными хозяйствующими субъектами, то можно было бы не сомневаться: дело дойдет до суда. Но кто станет судиться с государством?

А представители государства уверены, что сам их статус — гарантия полного отпущения любых грехов. Они всегда правы, с них ни за что не спрашивают, потому что действуют эти люди от имени огромной системы, якобы объединяющей всех граждан страны. Но государство и общество — не одно и то же; если, конечно, мы живем не совсем в сталинскую эпоху.

На пустопорожнее согласование деталей проекта затрачены тысячи часов работы дорогостоящих менеджеров. С кого за это спросить? Почему потеряли 5 лет? Что такое надо было изучать и исследовать, чтобы только сейчас — да и то лишь теоретически — согласиться на то, что мы упорно предлагали с 1999 г.? Что дает замена названия “национальное” на “объединенное”. И очень ли важно было переименовывать “корпорацию” в “компанию”?

Если просто рассказывать про все бесконечные и бесчисленные совещания, заседания и согласования, которые пришлось провести за последние пять лет, то этого одного хватит, чтобы отказаться от идеи государственно-частного партнерства. Оно может слыть “государственно-частным” лишь в том смысле, что чиновники, действуя от имени государства, руководствуются какими-то своими частно-корпоративными интересами.

И дело не только в бюрократических препонах. Люди, которые представляют государство, не чувствуют своей ответствен-

ности и не собираются выполнять собственные обязательства. О каком сотрудничестве при этом может идти речь?

В итоге в авиапроме за последние пять лет потеряно драгоценное время; а конкуренты не стояли на месте. Теперь любой новый и современный серийно выпускаемый российский самолет приобретать менее выгодно, чем взять в лизинг или купить семилетней давности иностранную машину — даже с уплатой импортных пошлин и НДС! Деградация отрасли продолжается. Гражданское самолетостроение до сих пор не консолидировано в рамках национальной авиапромышленной корпорации, хотя это необходимо сделать и можно было сделать — за месяц-другой — еще в 2000 г.

Но чиновники в правительстве предпочитают консервировать ситуацию, при которой авиапром представляет собой разрозненные заводы, а КБ, влачащие жалкое существование, оказываются на грани банкротства. Идея ясна: не пускать частный сектор в дотационные сферы, которые приносят таким хорошим госслужащим такой хороший стабильный личный доход от “управления денежными потоками” при ничегонеделании.

Вот еще один пример: многолетнее сознательное “забалтывание” строительства третьего терминала аэропорта Шереметьево. Самый что ни на есть инфраструктурный проект, к реализации которого президент недавно призвал РСПП. Необходимость нового аэровокзала для перегруженного аэропорта всем понятна. “Аэрофлот” при поддержке частного сектора сам давно готов построить третий терминал, который должен стать воротами в Россию. Ну не хотите так — постройте сами!

Увы, у чиновников другие взгляды на проблему. Сначала правительство пытается “подарить” аэропорт одной нефтяной фирме. Теперь принято решение заняться “реконструкцией Шереметьево-2”: на “косметический ремонт” запланировано 70 миллионов долларов!

Интересно другое: правительство почему-то готово сознательно жертвовать имиджем всей страны ради частных интересов людей, которые в нем, правительстве, работают.

Теперь о Калининграде. Как был убитый аэропорт, так и остался. Зато недавно под предлогом ремонта полосы (за госсчет) рейсы “Ту-154” “Аэрофлота” были запрещены! Ура, дорогие калининградцы! Возвращайтесь обратно с тарифа 999 руб. на тариф 3,5 тыс. руб.! Поздравляю!

Неудачи и деградация

Продолжим список неудавшихся партнерств с государством в самых разных секторах экономики. В нашей стране практически отсутствует племенное мясное животноводство. Это наименее рентабельный и наиболее капиталоемкий сектор в аграрном производстве. Так вот, была, как уже упоминалось, разработана программа воссоздания этой отрасли.

Для начала предполагалось начать закупки в Европе элитных коров мясных пород. Но дальше эксперимента дело не пошло — правительство поддержало проект только на словах. Сразу же уточню: все расходы по проекту брал на себя частный сектор. От госбанков требовалось лишь оформить гарантии западным экспортным агентствам под наше ликвидное обеспечение (залог).

Была разработана и направлена в правительство детализированная программа сотрудничества бизнеса с государством в области консолидации средств производства электрического транспорта — трамваев, троллейбусов. Нет ответа; нет и отрасли. Зато процветают “черные дыры” на потершихся схемах маршрутов городского общественного транспорта — дыры, в которые ежегодно проваливаются десятки миллиардов рублей.

Внедрены системы индивидуального отопления в нескольких сельских поселках Тульской области, развивается частная ипотека для строительства жилья для людей с невысокими доходами. Строится само жилье. Правительство могло бы — хотя бы ради любопытства — изучить наши предложения и наработанный опыт. Но даже этого мы не добились.

Поэтому у всех, кто имеет дело с нашим государством, возникает вопрос: способно ли оно развивать какие-либо отрасли промышленности, кроме нефти, газа, удобрений, полезных ископаемых, черной и цветной металлургии? То есть того немного в нашей стране, что приносит быстрые доходы, попадающие в карманы очень ограниченного количества людей — как бизнесменов, так и чиновников, — но никак не влияющие на жизнь основной массы населения?

Положительно ответить на поставленный вопрос совесть не позволяет. К сожалению, наша государственная модель построена так, что ни один чиновник никогда, ни за что и ни перед кем не отвечает. А если мы не призовем к ответственности руководителей, повинных в развале востребованных обществом секторов экономики, то нам никогда не удастся поменять систему, при ко-

торой проводить осмысленную государственную политику почти невозможно. Какие бы административные реформы ни осуществлялись, сколь бы ни выстраивалась “вертикаль управления”...

Не может не настораживать и то, что в последнее время у руководителей экономики появилось какое-то “головокружение от успехов”. Чуть что — они тут же переходят на данные официальной статистики, которая показывает устойчивый рост российской экономики и доходов населения.

Никто, замечу, не отрицает хороших макроэкономических результатов, которые сопутствовали нам до 2004 г. Но совершенно очевидно, что их основа — высокие цены на нефть. Ведь ни о какой осмысленной программе модернизации и речи пока нет.

Да, за последние 4 года реальные доходы населения (с поправкой на инфляцию) увеличились на 50%. Это средние цифры; я, кстати, в какой-то степени знаю 30–40 человек, чьи доходы выросли на 10–15 млрд долларов, и могу себе представить 100 миллионов, которые после монетизации льгот стали жить хуже. Давайте поговорим, дорогое правительство, — не в терминах “профицит”, “резервы”, “Стабфонд”, — а в иных, например (предлагаю навскидку): “доступное жилье”, “ипотека”. Посетите Тверь, Иркутск, Орел, Волгоград, Астрахань, Калининград, Псков, Ленинградскую область, Ржев, Осташков и т.д. (в атлас родной страны иногда не стыдно заглянуть), взгляду везде предстанет одна и та же картина.

Все, что мы видим вокруг: здания, сооружения, предприятия, то есть основные фонды и жилой фонд, было построено в советское время. За 15 лет существования новой России ничего нового во всех этих регионах создано не было. Строительства нового жилья практически нет. Коэффициент доступности жилья в стране — 10%, тогда как в Европе — 90%. Достаточно сказать, что сегодня на всю страну строится 39 млн кв.м жилья, из которых 44% приходится на Москву и область. А в советское время — в конце 70-х — начале 80-х — строилось 79 млн кв.м жилья. Старый жилой фонд ветшает, денег на его простое воспроизводство не хватает, он деградирует. Деградирует и здравоохранение. Рождаемость снижается. И каждый год население убывает на 700–800 тыс. человек. И чиновники в этом виноваты гораздо больше, чем предприниматели. И никакие заклипания наших политиков не помогут, если не положить конец очковтирательству.

Соринка в чужом глазу

Государство очень преуспело в расследовании деяний частного бизнеса. Но оно совершенно не интересуется деятельностью чиновников, по халатности или злему умыслу которых гибнут целые отрасли. Государство почему-то совершенно не волнуется из-за миллиардов долларов непроизводительных расходов, которые руководители “Внешросгаз-нефтепромюганск-оборонгеркулеса” и прочих государственных по сути контор тратят на частные самолеты, роскошные гостиницы и т.д. Ведь когда “все вокруг колхозное”, то ничего не жалко. И средства, достаточные для спасения нескольких депрессивных регионов, просто выбрасываются для того, чтобы удовлетворить выросшие потребности чиновников и госназначенцев. Неужели все эти берлагги, кукушкинды, скумбриевичи, полыхаевы, корейки, лапидусы из современного “Геркулеса” думают, что мы слепые? Полноте. Сегодня за рубежом вы позорите страну больше, чем еще недавно новые русские в Куршевеле или Сан-Тропе. И все ваши часы за 2 млн долларов, виллы, заходы в ювелирные бутики известны, как и многомиллионные загулы “русской ноги” в Давосе, которыми вы хвастаетесь в газетах. Разве трудно проверить в самых дорогих отелях, курортах, арендованных или купленных яхтах и VIP-самолетах ваши траты на миллиарды долларов за последние 2–3 года?

Поэтому, когда в “нескромности”, в воровстве, в нелюбви к собственной стране бизнесменов обвиняют чиновники, мне смешно. К ним самим можно предъявить претензии и жесточе. То, чем они занимаются, часто граничит с предательством и страны, и собственного долга. И Госдуме, и Счетной палате давно пора создать комиссию по проверке административных расходов 20–30 ведущих госкорпораций — там ежегодно “пропадают” миллиарды долларов; я уже не говорю о весьма банальном воровстве из денежных потоков.

Мне, как известному критику московских властей, — кстати, никогда не отрицавшему успехов в развитии города, отмеченных в том числе и в книге “Диагноз”, — впору начать хвалить мэрию. Внуково — строят, Шереметьево — нет. Жилье, пусть не самое доступное, — строят, а правительство только рассуждает о доступном жилье. Правильные вещи говорит Лужков о монетизации льгот и об использовании Стабилизационного фонда. Имея склонность давать привилегии “своим” бизнесменам,

мэр тем не менее не был замечен в запугивании бизнеса или экспроприации его собственности.

Излишне говорить, что справиться с плачевной ситуацией в стране, которую правительство почему-то предпочитает не замечать, без того, чтобы поддержать инициативу бизнеса, без того, чтобы дать людям свободу и возможность зарабатывать, просто невозможно. Но пока что запуганные предприниматели заботятся по преимуществу об увеличении своих доходов, львиную часть которых откладывают на “черный день”, легко прогнозируемый при полной безответственности людей, осуществляющих власть.

Теперь появился у бизнесменов новый идефикс — двинуться на Украину, где, кажется, власть обещает стать вменяемой. А почему бы ей не стать такой и к северо-востоку от Киева?

Именно в противоречиях между бизнесом и государством причина все увеличивающейся утечки капитала. Потому что невозможен успешный бизнес без амбиций, без стратегии, без многолетних планов. А зачем стремиться открывать новые рабочие места, делать долгосрочные инвестиции, если все, что от тебя хотят, — чтобы ты не высывался и исправно давал деньги куда скажут?

Я уверен, что необходимы совершенно новые подходы к формированию экономической политики. Государство должно задуматься не о каких-то малопонятных “инновационных проектах”, а о системных мерах по созданию общества потребления, управляемого государством, которому не чужда мораль.

При нынешней модели наши люди никогда не смогут иметь средний ежемесячный доход в несколько тысяч долларов на семью. А если у основной массы населения нет возможности получить работу с достойным заработком, приобрести новое жилье по доступным ценам, то все благоприятные статистические показатели на макроэкономическом уровне не принесут стабильности.

Я уверен, что Кремль, столь укрепивший “вертикаль власти”, должен ясно отдавать себе отчет в том, какая политическая линия объективно восторжествовала в стране. К чему может привести нынешняя экономическая политика? Он, Кремль, должен ответить, ради себя же самого, на ряд ключевых вопросов: нужен ли России “новый курс”? Если нужен, то

какой? Почему вместо дальнейших реформ у нас паралич правительства?

Без ответа на эти вопросы никакая монетизация льгот и отмена выборов губернаторов не укрепят единства и не добавят процветания России.

Где пенсионная, налоговая, административная реформы? Государственная, подобно существующей в США, массовая ипотека под строительство доступного жилья? Где ограничение административных барьеров? Где судебная реформа и независимость юстиции? Где малый бизнес? Где инфраструктурные проекты? И где, наконец, гражданское общество, без которого все это — пустой звук?

Я склонен к тому, что принято называть позитивным мировоззрением. Поэтому не стану заканчивать на столь пафосно-обличительной ноте. Завершу иначе.

Чиновники, вы не виноваты — такова природа государства как собственника и менеджера. Мы никому не скажем, где вы храните и тратите ваши миллиарды долларов. Но все-таки — ведь вы тоже живете в стране, которую мы привыкли считать своей. Не мешайте вашим согражданам!

(См. продолжение на стр. 76: “Смертельная болезнь — 2, или Несообщающиеся сосуды”.)

“Какое счастье — у меня 188-й допрос!”

Владелец Национальной резервной корпорации (НРК) и депутат Госдумы Александр Лебедев оказался под двойным ударом. В июле Генпрокуратура арестовала контролируемые им акции авиализинговой компании “Ильюшин Финанс”, а в Киеве новые власти начали процесс отъема украинских активов НРК, в частности гостиницы “Украина”. Однако бывший разведчик, полный политических амбиций, не спешит сдаваться. О своих взглядах на сложившуюся политическую систему в стране и перспективах бизнеса НРК Александр Лебедев рассказал в интервью “Ведомостям”.

— Вы депутат Госдумы и при этом занимаетесь бизнесом. Как это удается совместить?

— Бизнесом не занимаюсь. Закон гласит: депутат не может входить в органы управления компаний. Я из них вышел. Акции сдал в доверительное управление, в вопросы текущей деятельности не вмешиваюсь. К тому же что называть бизнесом? Гражданское авиастроение последние 15 лет никаких доходов никому не приносило. Или другой наш проект — строительство малоэтажного жилья с продажной ценой \$250 за 1 кв.м. Если вы назовете это бизнесом, готов поспорить. Что касается НРБ/НРК, надеюсь, в этом году мне вы платят какие-то дивиденды впервые за 10 лет. А какой еще у меня бизнес? Строительство гостиниц и жилья на Украине. Мы построили потрясающий комплекс в Алуште, но он вообще не приносит доходов.

Мой бизнес больше напоминает благотворительную деятельность. И если кто-нибудь скажет, что мною что-то было получено с помощью депутатского мандата, готов поспорить. Никакого конфликта интересов я для себя не вижу. Хотя в России можно услышать мнение, что раз человек богат, то он к политике отношения иметь не должен.

— Вас кто-то в этом упрекал?

— С Верховным главнокомандующим не виделся давно, если вы об этом. Последний раз — еще когда был бизнесменом. Тогда в Кремле при Волошине была практика проводить раз в году официальные встречи. Но с тех пор как я стал депутатом, меня даже на приемы в Кремле перестали приглашать. Поэтому с руководителями державы сейчас общаюсь нечасто.

— Но ведь у НРК есть совместный с государством проект — “Ильюшин Финанс”. Разве мало было встреч?

— Действительно, за пять лет, наверное, раз 50–70 участвовал в заседаниях разного уровня, где были не только министры и их заместители, но и нередко премьер-министры. В “Ильюшин Финанс” частно-государственное партнерство было реальным. Да, нередко мы ругались, грызлись, но сумели выработать сложную модель взаимодействия.

— Как же эта модель работает?

— С самого начала, к сожалению, государство не выполняло пунктуально своих обязательств. Скажем, акции “Ильюшин Финанс” и частные инвесторы, и правительство должны были оплатить в 2000 г. Но государство не перечисляло деньги два года. Тем не менее мы создали вместе с Внешэкономбанком эту компанию, внесли туда \$128 млн. Стали формировать портфели заказов, работали на заводах. Потом государство все-таки проснулось. Нас понизили до миноритариев — попросили не оплачивать очередную допэмиссию. Сказали: такова воля начальства. Что в итоге? За пять лет государство свои деньги вернуло в виде налогов. А мне, миноритарию, дивидендов никто ни разу не платил. И теперь прокуратура арестовывает акции “Ильюшин Финанс”, принадлежащие частным акционерам, и пытается доказать, что государство имело право покупать акции “Ильюшин Финанс” по номиналу. Я говорю: “Пусть покупают по номиналу, где хотят, но не у нас”. А теперь получается, что компания будет национализирована. Как это понять? Прокуратура говорит: “А так — по закону о бюджете”.

— **Как сейчас проходит следствие в рамках уголовного дела против гендиректора “Ильюшин Финанс” Александра Рубцова?**

— Допрашивают всех уже 6 месяцев. Причем мне прокуратура объясняет: “Александр Евгеньевич, все только ради вас. Там же менеджеры воруют”. Я говорю: “Что же акционеры, включая государство, совсем ничего не понимают? Только вы понимаете?” Давайте уж с самого начала прокуратуру в акционеры брать везде. Давайте и закон такой примем.

— **Почему это дело вдруг было заведено?**

— Иностранные конкуренты сработали. Может, кто-то рассчитывает, что мы вообще уйдем из авиапрома. А они будут какой-нибудь бумажный RRJ [Russian Regional Jet — самолет для региональных авиалиний] производить за деньги российского бюджета. А может, кто-то не хочет, чтобы я участвовал в выборах в Мосгордуму. Но я таких способов не понимаю. У компании портфель заказов на \$2,5 млрд. И это не нефть, а высокие технологии. Теперь все договоренности, кредитные линии посыплутся как карточный домик. Это диверсия, на мой взгляд.

— **Когда закончится расследование прокуратуры, непонятно?**

— Это самая настоящая клоунада. Я это все знаю — в прокуратуре провел пять лет. Хочу опубликовать книжку “Охота на банкира” — о второй половине 1990-х. Там будет много интересного про мою жизнь в прокуратуре. У меня, по-моему, было больше 180 допросов в качестве подозреваемого.

— **А по каким делам допрашивали?**

— Изначально было уголовное дело по уклонению от налогов. Причем “уклонялся” НРБ, юрлицо, а обвинение готовили мне как физлицу. Это был юридический нонсенс. Тем более что мы в 1997 г. заплатили налогов больше, чем другие банки, — даже больше Сбербанка. А потом тасовали статьи как карты. Подозревали меня в мошенничестве, мнимых сделках, лжепредпринимательстве, нарушении правил валютного регулирования, попытке незаконного приобретения оружия...

— **Какого оружия?**

— Как-то очередной обыск проводили. Нашли какие-то бумажки у моей службы безопасности, где они переписываются между собой: начальник пишет подчиненному, какое бы охотничье ружье мне подарить, хотя я вообще не люблю оружие. Они там пишут: мол, Александру Евгеньевичу не надо медицинское освидетельствование, вроде он у нас пока здоров. А в прокуратуре говорят: ага, подлог. А Лебедев участвовал, значит, он хотел оружие приобрести. А я ничего про это даже и не знал. И все составы преступлений такие, все пять лет.

— **Знаете уже их кухню?**

— Не то слово. Я им говорю: “О, ребята, какое счастье, у меня 188-й допрос, но я хоть свидетелем прохожу — большой прогресс. Ничего, что я теперь депутат?” А они: “А что, депутат и депутат. И это не ваши акции”. — “Как не мои? Вот моя декларация, я — владелец НРК, а НРК — акционер “Илюшин Финанс”. Отвечают: “А тут прямо не написано”. Я говорю: “Я вам дам страшную клятву пионера, что мои”. — “Нет, не ваши”. — “Нет, мои”. Уже месяц так препираемся. А недавно следователи пришли в НРК и НРБ и говорят: “Будем изымать ваши учредительные документы”. — “Зачем?” — “Расширяем круг подо-

зреваемых”. Так всем же известно, что я акционер. А где иммунитет?

— А с “Базовым элементом” вы договорились, какую долю вы уступите им в “Ильюшин Финанс”?

— Пока рано говорить о конкретике. Переговоры носят предварительный характер. Поставьте себя на место любого стороннего инвестора. Вряд ли кто-то захочет оплачивать доп-эмиссию акций компании, которая находится под уголовным преследованием.

— Но вы готовы продавать?

— Невозможно одному партнерствовать с государством. Если кто-то хочет купить блокпакет — супер, 10% — тоже хорошо. Если бы появился еще один частный инвестор, я бы был очень рад. Мы бы объединили свои возможности и ресурсы. Тем более что “Базэл” занимается Самарским заводом “Авиакор”, производством “Ан-140”.

— Что сейчас с вашими активами на Украине, чувствуете угрозу своей собственности?

— Придраться, конечно, можно к чему угодно. Но все-таки у нас есть репутация: мы умеем защищать свои интересы в судах. Пусть “наезжают”.

— Но с правами на гостиницу “Украина” возникли сложности, идут суды. А были предложения выкупить ее?

— Естественно, были. Они там настолько наглые — решили познакомиться с помощью прокуратуры. Там уже иски против нас от правительства, Фонда госимущества, Управления делами президента, прокуратуры, киевской администрации, юридического управления Верховной рады, только от Совета безопасности Украины, пожалуй, нет еще. Но у нас очень сильная позиция, ничего они пока не могут сделать.

— А кто предлагал купить?

— Бизнесмены из блока “Наша Украина”. Не буду называть.

— Больше переговоров о продаже украинских активов не было? Сколько они стоят?

— На таком рынке вести подобные переговоры нет смысла. Кто купит? Оценка заканчивается через месяц, хотя с учетом сегодняшних рисков она, конечно, должна быть снижена. Мы затратили около \$250 млн. Нам думалось где-то полгода назад, что если инвестиционный климат на Украине улучшится, то наши активы стоят около \$400 млн.

— На фоне такой обстановки на Украине как же вы сотрудничаете по “Ан-148” с АНТК Антонова?

— Ан-148 на 60–80% будет производиться в России. На Украине осталось конструкторское бюро, но сборка самолетов, комплектующие наши. Мы намерены собирать машины в основном на Воронежском заводе, поскольку он гораздо более мощный, чем Харьковский или Киевский. Украинцы постарались и сделали неплохую машину, давайте им скажем спасибо. Но удивительно, что здесь чиновники, чтобы освоить \$1,5 млрд бюджетных средств на RRJ, говорят, что мы непатриотично себя ведем, а на Украине чиновники говорят, что “поганые москали” хотят похитить их замечательный продукт.

— Такие заявления от российских чиновников для вас сюрприз? Раньше их не было?

— Не было, потому что не было и таких денег. Раньше \$130 млн из бюджета делили на всю страну. А в следующем году будет уже \$1 млрд. Конечно, чиновники проснулись. Какая основная задача у чиновников? Осваивать. Вот по “Ту-334” они уже освоили. И где эти \$300 млн? Пусто. Нет же ни одного заказа.

— И все-таки “Аэрофлот” готовится подписать контракт на 50 RRJ, а не на 50 “Ан-148”. Почему?

— На “Аэрофлот” давят. Естественно, компания не хочет подписывать контракт на то, чего нет. Кроме того, “Аэрофлоту” нужна машина по \$18 млн, тогда покупка будет экономически оправданна. Но не будет никогда RRJ стоить \$18 млн, никогда в жизни. Будет стоить где-то \$25–27 млн, поскольку в нем есть западные компоненты — двигатели, авионика.

— Вы, как акционеры, не пытались повлиять на ситуацию?

— Как повлиять на “Аэрофлот”, если правительство ему руки выкручивает?

— **Как вы относитесь к тому, что “Аэрофлот” лоббирует отмену таможенных пошлин на “иномарки”?**

— “Аэрофлот” можно понять. Конечно, ему интереснее и с экономической точки зрения, и с финансовой летать на “иномарках”. Даже при том, что они падают часто последнее время. Но нужно ему то, что сейчас с нами происходит? Не успели подписать контракт (с “Ильюшин Финанс” на поставку шести “Ил-96”. — *“Ведомости”*) и утвердить советом директоров, как акции “Ильюшина” арестованы и все под ударом. Все “Ил-96” посадили на землю. У “Аэрофлота” задача — возить пассажиров, а не показывать чудеса патриотизма.

— **НРК недавно проводила реструктуризацию активов. Лишнее не планируете продавать?**

— Если нас все время будет арестовывать в Басманном суде Генпрокуратура, надо будет все продавать и спокойно уходить. Ведь теоретически можно прийти в любую компанию, найти какого-нибудь маленького клерка и сказать: “Он украл”. Возбуждаешь дело и идешь в Басманный суд, а там за один день все сделают.

Они ведь по “Ильюшину” в течение одного дня забрали дело из Воронежа и расследовали его. Я спрашиваю: “Как вы в один день все расследовали?” Смеются. Я говорю: “Как вы успели добежать до Басманного суда, написать постановление суда, вынести определение по уголовному делу и убедить судью в этот же день вынести решение?” А они отвечают: “Сами не понимаем, как так быстро работаем”. Это уже просто абсурд. Берешь в РАО ЕЭС среднего клерка и арестовываешь акции НРБ в РАО, а потом объясняешь Лебедеву: “Только ради тебя, старик, выводим их на чистую воду”.

Пять лет мы потратили на эту программу, и куда нам с ней теперь? В реформируемую электроэнергетику? Где она? Покажите мне, где реформа естественных монополий? Ничего нет. Есть только нефтедоллары, стабилизационные фонды, рост рынка акций. Все это дутые успехи, не имеющие никакого отношения ни к здравоохранению, ни к образованию, ни к доступному жилью, ни к авиационной промышленности, ни к ре-

форме энергетики. Все это странно. И все ждут, когда президент обратит на это внимание.

— **К энергетике совсем потеряли интерес?**

— Какая энергетика? Нам кажется, что там вся команда деморализована. Не дают им реформу завершить — и опять государство, и опять обманывает. Нет, мы избавимся просто от этих активов — и все.

— **Конкретные переговоры уже ведутся?**

— Да, все время идет работа. Но у нас большой пакет, избавиться от него сложно. Хотя предложения были — и от иностранных инвесторов, и от наших.

— **“Газпром” пока не собираетесь продавать?**

— “Газпром” — перспективная компания, поскольку все наше государство в последнее время было занято только “Газпромом”. Его в обиду не дадут. Пока продавать не собираемся. Если, конечно, не последует решение все продавать и ехать отдыхать. Я тут пошутил, когда меня спросили, полечу ли я на Луну за \$100 млн: “Если «басманная генпрокуратура» не отвяжется, то я рассмотрю этот полет как способ эмиграции”. Или другая шутка — уехать на Украину, возглавить оппозицию, стать президентом и объединить наши страны.

— **А акции НРБ на биржу не хотите вывести?**

— Вы видите, чем я занимаюсь последние два месяца? Какая биржа?

— **Вы баллотировались в мэры Москвы, попыток возглавить столицу не оставили?**

— Честно говоря, я и так при деле. Мне хватает содержательной части моей платформы по выборам в Мосгордуму, которая состоит из 10 законопроектов. Мне, конечно, очень бы хотелось, чтобы “Единая Россия” и на федеральном уровне, и на московском поддержала эту платформу. Но, поскольку списки “Единой России” возглавит Лужков, мне неприлично при этом возглавлять какую-то другую колонну.

— **Вы никогда не жалели, что в политику пошли? Может быть, не нужно было?**

— Я немножко устал заниматься бизнесом. 10 лет — большой срок. Я очень комфортно себя чувствую, когда не заседаю на советах директоров, не принимаю решений, не подписываю бумаг и вообще не обсуждаю решений, например, о выдаче кредитов. Но я не считаю, что политикой занимаюсь. Я занимаюсь созданием общественного блага — у меня такое представление. И критикую сегодняшнюю политическую систему по той же причине. Но настоящим политиком я еще не стал. Еще не довели.

— Что же вас не устраивает в сегодняшней политической системе?

— Мне бы хотелось видеть нашу политическую систему, безусловно, не такой, какова она сейчас. Я бы хотел, чтобы у нас были реальные партии, может быть, немного, может, две-три, но реальные. Реальная Дума, которая самостоятельно занималась бы законотворчеством, а не под контролем исполнительной власти, реальное правительство, реальные средства массовой информации, которые не управляются ручной настройкой, особенно электронные. Увы, этого ничего нет.

Раньше, в конце 1990-х гг., я думал, что правоохранительные органы в стране все коррумпированные, кругом бандиты. Чего в стране тогда только не было: какие-то мелкие партии ругались друг с другом, чего-то там коммунистам в парламенте не разрешили делать, Борис Николаевич иногда загуливал, СМИ за небольшую мзду колошматили всех и друг друга так, что “мама, не горюй”, олигархи управляли телевизором, в общем, гадкая картина, анархия.

Но, летая на самолетах, я видел крылья авиалайнеров, сильно прогибающиеся при турбулентности. Амплитуда вертикальных колебаний крыльев у “Ил-96” на испытаниях бывает до 3 м. Самолет сделан из 450 000 деталей, часть из которых специально не имеет жестких креплений. В противном случае самолет развалился бы.

Если вернуться к современной политике, то машина, которая у нас была в прошлом, мне представляется более устойчивой, потому что она сама себя балансировала. Жесткая система при колебаниях может развалиться и упасть вниз. Это неправильно. Не должно быть между Кремлем и обществом вакуума.

Смертельное недоверие — 2, или Несообщающиеся сосуды

В своей февральской статье в “МК”, озаглавленной “Смертельное недоверие” (см. в книге стр. 56. — *Ред.*), я писал о взаимоотношениях между властью и бизнесом. О том, что наша бюрократия является главным тормозом для развития страны, потому что она понимает задачи развития лишь как задачи личного обогащения и не способна быть партнером для эффективного несырьевого частного бизнеса. Что кукушкинды, берлаги и корейки из “Внешросгаз-нефтепромышленно-оборонгеркулеса” и прочих госконтор, контролирурующих наиболее денежные, нередко монопольные отрасли экономики, занимаются “нецелевым использованием” (политкорректное определение казнокрадства) вверенного им “колхозного” имущества и позорят страну, прожигая казенные деньги на собственные самолеты, яхты, дорогие бутики и VIP-отели за рубежом.

Когда в апреле месяце президент сделал борьбу с коррумпированной бюрократией (“как федеральной, так и местной”) стержнем своего послания Федеральному Собранию, я ему аплодировал. Для нормального человека очевидно, что прогнившая насквозь система управления не позволяет осуществлять нужные для народа решения. Сверху донизу — от высокопоставленного сановника, получающего “откат” за росчерк пера, до гаишника, зарабатывающего на жизнь взмахом полосатой палки, — пирамида коррупции душит общество, закупоривает его кровеносные сосуды.

С того памятного собрания в Мраморном зале Кремля прошло полгода. И что же? Порой складывается ощущение, что воля верховного главнокомандующего разбивается о непреклонную жизненную позицию ожиревших на государевых харчах тыловых крыс, топится усилиями вороватых “прапорщиков”, которым по барабану что “кормило”, что “кормушка”.

Взлет не разрешили

Термин “государственно-частное партнерство” в последнее время стал чем-то вроде заклинания. Его обожает премьер. Его

произносят со всех высоких трибун, в верности ему клянутся чиновники всех рангов. Если так пойдет дальше, скоро им начнут называть детей, и по аналогии с Урюрвкосом, Тракториной или Даздрапермом появится Гэчепина. Между тем на наших глазах, буквально за несколько месяцев, усилиями все тех же закливателей было фактически уничтожено то самое, причем единственное успешное государственно-частное партнерство.

Надо ли говорить, что означает для России с ее огромными пространствами ответ на вопрос: быть или не быть авиастроительной державой? Потерять способность делать свои самолеты, способные обслуживать жителей бескрайних пространств, — значит потерять по крайней мере часть суверенитета, оказавшись в зависимости от воздушных корабелей из “Боинга” и “Эрбаса”. Однако наши чиновники образца 1990-х не очень-то переживали насчет суверенитета, им на него было, в общем-то, наплевать. Они готовы были “сдать” эту отрасль (впрочем, как и все остальные, составляющие основу нормальной высокотехнологичной постиндустриальной экономики) и практически к 2000 г. ее сдали. Авиазаводы не работали, пребывая в состоянии перманентного банкротства, до их закрытия оставался лишь один вполне технический шаг.

Новый президент, по существу, сделал спасение авиапрома своим национальным проектом. Его многочисленные выступления и решения на эту тему в 2000—2005 гг. общеизвестны. Упомяну лишь заседание Госсовета в феврале сего года, слова об авиапроме, сказанные на Украине и в Германии. В отличие от чиновников, которые в любом проекте (а уж тем более президентском, да еще хорошо б национальном!) видят очередную кормушку, удачную возможность освоить энное количество миллиардов бюджетных денег, мы понимали, что единственный спасительный путь — выстроить производства под потребности рынка, под спрос авиаперевозчиков. А для этого в авиапром направили частный капитал, который интересуется коммерческая отдача от эксплуатации самолетов, а не “откаты” от мертворожденных проектов вроде “Ту-334” или RRJ (Russian Regional Jet — исконно “русское” название для нашего самолета, не правда ли? Впрочем, форма здесь полностью отражает содержание: это детище чиновничьего лоббизма, с которым они носятся как с писаной торбой, на 70% будет собираться за рубежом).

Частный капитал пришел, создав с нуля компанию “Ильюшин Финанс”. Это был именно тот капитал, который принято называть словом “национальный”. Инвесторы ИФК не рассчитывали на немедленную прибыль. Открою страшную тайну: они ее вообще ни разу за 6 лет не получили. Под инвестиции мы подтянули лучших в стране менеджеров, потенциал которых многократно превышает чиновничий (хотя последние, увы, остаются хозяевами отрасли).

Благодаря им, благодаря их уму, талантам и деньгам за несколько лет удалось практически невозможное — отрасль ожила, начала подниматься с колен. Воронежский и Ульяновский авиазаводы вышли из смертельного пике, их финансовые показатели улучшились в разы, менеджерам ИФК удалось не только загрузить производства, но и набрать на миллиарды долларов заказов (коммерческих, подчеркну!), обеспечивающих загрузку на 5–7 лет работы. В Воронеже даже начали собирать самолеты на экспорт — впервые с советских времен два “Ил-96” для Кубы, были аналогичные планы и в отношении других стран.

Но государство как партнер, на добрые отношения с которым строился расчет, по своей природе не изменилось. Сначала оно настояло на продаже ему активов успешного акционерного общества не по рыночной оценке (компания “Эрнст и Янг” — 156 млн долл.), а по ликвидационной стоимости — за 130 млн долл. (затем за 4 года вернуло свои инвестиции в капитал ИФК в виде налогов, заплаченных работающими благодаря заказам ИФК предприятиями). Убедило частных акционеров отказаться от контрольного пакета и стать миноритариями. Бизнес молча проглотил все это: ведь партнеры же главное — интересы дела и результат.

Сейчас вместо поддержки часть чиновников гробит реальный проект уже летающего самолета “Ан-148”, обозвав его “иностранным” (это про региональный лайнер, разработанный в украинском КБ им. Антонова и на 60% собираемый в России!). Наконец, в июле случилось знаменитое теперь уже “дело “Ильюшин Финанс””, по которому в один день Генпрокуратурой было проведено предварительное следствие, и в тот же день Басманный суд, “разобравшись в ситуации”, арестовал частные активы в ИФК. “Посадка” всего парка “Ил-96” на фоне бьющихся чуть ли не каждую неделю “Боингов” — это уже так, мелкий штрих к общей картине. Вот такое многократное “спасибо” за успехи в отрасли,

которые стали очевидны (скажу скромно) нам и (отдам должное) Минэкономразвития. Напомню, что мы спасли отрасль, где основным собственником осталось государство.

Обеспечительный арест предполагает, что прокуратура подозревает частный бизнес в том, что он нанес имущественный ущерб государству. Скажите, можно подозревать человека, вложившего в отрасль за 5 лет около 200 млн долл., в том, что он сам у себя и своего предприятия украл миллион или два? Если да, то такому “вору” самое место в психушке. Да и в чем смысл обеспечительного ареста, если активы ИФК, не считая столов, стульев и бумаг, в принципе пока неликвидны и “увести” их просто некуда? Наконец, надо еще разобраться, кто кому нанес ущерб. Ведь бизнесу-то никто ничего в виде налогов не вернул (см. выше), а дивидендов что-то не видно.

Я много читал в нашей, да и не только нашей прессе, что это дело — некая “черная метка” мне из Кремля, что это какой-то там политический заказ... Глупости все это. Просто банальная, убогая зависть и ревность к успешному предприятию, которое никак не вписывалось в такие привычные и отработанные схемы “распила” бюджетных денег. Так или иначе, погром в “Ильюшин Финанс” очень хорошо показал, на каких принципах наше государство хочет и умеет партнерствовать. Теперь, чтобы выгнать бизнес из любого проекта, достаточно будет заказать уголовное дело о недобросовестности его менеджеров. Плевать, что акционеры не обращались с претензиями. Это можно сделать с любой компанией, где есть государственные активы.

Недоверие, проявленное государством, оказалось смертельно для дела спасения нашего авиапрома. Смешно видеть беспомощные лица и слышать лепет чиновников, не знающих, как теперь быть, как выполнять президентское задание. Они ведь сами только что вытолкали пинками тех, кто знал, умел и показал им как. Интересно теперь будет посмотреть, что они будут делать дальше со своими государственными авиазаводами, государственными лизинговыми компаниями и государственными авиаперевозчиками. Скорее всего, скоро не останется ни тех, ни других, ни третьих. Потому что после того, как пойдет под нож сама отрасль, вместе с техникой “оттуда” придет и их лизинг, и их перевозчики. А те, кто обрезал России крылья, будут летать на “Боингах” — они ведь им так нравятся, эти надежные и безопасные машины...

Это недоступное доступное жилье

Еще один интересный аспект нашего насыщенного судьбоносными инициативами политического бытия — это реализация президентских проектов в социальной сфере. Один из главных таких национальных проектов — решение жилищной проблемы, обозначенный правительством как программа “Доступное и комфортное жилье — гражданам России”. Глава государства очень верно нашупал этот социальный нерв. Именно бытовая неустроенность большинства россиян, нерешенность главной, влияющей на ощущение качества жизни проблемы — жилищной — создает напряженность в обществе.

Впрочем, об этом сейчас, после выступления президента, не говорит разве что ленивый. Причем речи, как и в случае с авиационным, все больше напоминают шаманское камлание. Хочу заметить, что Национальный инвестиционный совет уже несколько лет занимается этой проблемой, и я могу смело утверждать, что если реализация проекта будет и дальше происходить в духе камлания, всех нас ожидает очень большое разочарование. Дело в том, что формула “доступное жилье” имеет два смысла. Она означает, что жилья должно быть много и оно должно стоить дешево. Эти вещи, как понимает любой, даже малосведущий в экономике человек, очень взаимосвязанны. Проблема в том, что у нас нет ни того, ни другого.

Потребности населения в новом жилье сейчас составляют порядка 2,5 млрд. кв.м. Даже если довести ввод в эксплуатацию нового жилья до 80 млн. кв.м в год к 2010 г., как это предусмотрено планами правительства, на удовлетворение этого спроса (с учетом ежегодно увеличивающегося фонда ветхого жилья, подлежащего замене) уйдет порядка 100 лет. Оказывается, наша заикленная на панельном и модном нынче монолитном домостроении строительная индустрия просто неспособна производить больше.

Единственный выход — сделать ставку на малоэтажное строительство блочно-каркасных домов, собираемых из своего рода “модулей”. В основе этих конструкций — экологически безупречная древесина, то есть возобновляемый ресурс, с которым у нас никаких проблем никогда не было. Кстати, такие дома — основа жилого фонда в США, Канаде и Северной Европе, то есть в странах, где климат схож с нашим. Цеха по выпуску комплектующих для них очень быстро создаются и так же быстро окупаются.

Несколько российских компаний уже начали пробовать развивать программы массового строительства быстро возводимого малоэтажного жилья. Самое удивительное в том, что главные проблемы с формированием доступной, то есть низкой цены у них возникли именно тогда, когда они начали взаимодействовать с государством. Известно, что земля и строительный рынок зачастую жестко контролируется местными чиновниками и их родственниками. В такой кровной заинтересованности нет ничего удивительного: в условиях процветающего в отрасли монополизма вложения в строительство по отдаче могут составить неплохую конкуренцию наркобизнесу.

Выяснилось, что оформление земли под застройку в силу не только официальных выплат, но и разного рода “неформальных” вознаграждений увеличивает стоимость домов как минимум в два раза! Выкупать землю эти компании вынуждены на аукционах, конкурируя с фирмами, заведомо ориентирующимися на “элитного” клиента, для которого 5 тыс. долл. за метр — не потолок. И, между прочим, устанавливающие этот порядок нормы входят в так называемый пакет законов о доступном жилье. Сюжет, достойный Зазеркалья!

Но и это еще не все. Принципиальное ускорение темпов жилищного строительства невозможно при нынешней модели формирования спроса и предложения на жилье. Говоря о доступности, я имею в виду такой дом или квартиру, которую средняя семья могла бы без фатального ущерба для своего бюджета оплачивать в течение 10–20 лет. То есть речь идет об ипотеке. Сейчас возникла идея начать субсидирование ставок по кредитам. Однако, даже если опустить годовую процентную ставку ниже инфляции, все равно для получения кредита нужен первый взнос, который может составлять до 30%. На самом деле именно эта сумма для большинства желающих обзавестись своей собственной крышей над головой становится непреодолимым барьером. В итоге ипотека опять-таки становится “игрушкой для богатых” — она концентрируется на ликвидных рынках Москвы и Санкт-Петербурга и доступна все тем же 5%.

Очевидно, что, если государство действительно хочет сдвинуть с мертвой точки решение жилищной проблемы, надо сделать две вещи. Прежде всего, отделить программы строительства доступного жилья от рынка коммерческой недвижимости. Для тех, кто работает по этим программам, необходимы особые

условия, и здесь никуда не денешься от государственно-частного партнерства. Но само государство не должно здесь ничего вкладывать (не дай бог! Иначе это будет еще одна грандиозная кормушка для “освоения”). Оно должно помочь с оформлением земли под новые поселки (или как минимум не брать за это денег). Пусть эта земля остается в госсобственности — с гарантированным правом владельцев домов ее выкупить. Кроме того, государство должно сделать так, чтобы принадлежащие ему монополии (энергокомпании, водоканалы и т.п.) не брали плату за подключение сетей. Тем более что деньги на их содержание и развитие уже заложены в существующие тарифы.

А вот на что государство может и должно потратить деньги, так это на то, чтобы помочь людям со средним и низким уровнем доходов получить и обслуживать ипотечный кредит. Специфика строительной отрасли такова, что увеличение объемов строительства ведет к резкому оживлению деловой активности во всех смежных секторах экономики — ЖКХ, дорожном строительстве, производстве мебели и отделочных материалов, товаров для дома и т.п. В этой ситуации, с учетом довольно высокого уровня налогообложения всех этих видов бизнеса, бюджетные деньги, вложенные государством в ипотеку сегодня, окупятся быстрее, чем придется даже планировать расходы на субсидии в бюджете следующего года.

Кстати, что касается ВВП, над удвоением которого у нас поломано столько копий, то с помощью жилищной помпы его можно и утроить к 2010 г. Во всяком случае, одной из “точек роста”, ставших основой процветания американской экономики, был именно строительный бум.

Вечнозеленый партхозактив

На этих двух примерах — авиапроме и доступном жилье — хорошо видно, как наша славная чиновничья рать с легким сердцем похоронила один президентский проект и может запросто похоронить другой, еще более амбициозный. Оба этих проекта объединяет то, что в их основе лежит идея государственно-частного партнерства. Пять лет назад, когда о ГЧП еще никто и слыхом не слышал, мы в Национальном инвестиционном совете изучали мировой опыт такого партнерства и пытались применить его в нашей действительности. И тогда мы поняли, что ГЧП в наших условиях имеет природу, отличную от того, что существует на Западе.

Там такое партнерство создается тогда, когда государству требуется привлечь крупный частный капитал и мозги. Там это действительно партнеры, доверяющие друг другу. У нас же, где коррупция является чуть ли не главным механизмом перераспределения благ, ГЧП — единственная работающая модель, позволяющая ее хотя бы минимизировать. Потому что в условиях, когда имеющие разные интересы партнеры объединены в одном проекте, каждый из них будет следить за тем, чтобы другой не украл ни копейки и направил средства в коммерчески верный проект. Здесь такой порок, как недоверие, может оказаться полезным контрольным механизмом.

Говоря о недоверии, существующем между государством и бизнесом, я отнюдь не пытаюсь выгородить наше деловое сословие. Когда телеведущие новостей с гордостью сообщают нам о том, что российский бизнесмен купил очередной спортивный клуб в Европе, или о том, что французская Ривьера скоро станет русской, а Куршевель будет переименован в Хрюшавелово, мне лично становится стыдно. Точно так же мне стыдно, когда с тем же державным пафосом нам выдают выплату 13-миллиардного бонуса временно управляющему “Сибнефтью” за “восстановление командных высот государства в нефтяном секторе”. Когда-то, в начале века, мы думали, что безответственный, живущий по своим “понятиям” бизнес, ориентированный на разграбление страны и вывод активов за рубеж, остался в прошлом. Увы, офшорная олигархия живет и здравствует, приспособливая “вертикаль” под свои нужды.

Это происходит потому, что, к сожалению, российская деловая элита — это не Генри Форды и не Биллы Гейтсы. В значительной своей части она была создана государством и вместе с чиновничеством до сих пор составляет все тот же вечнозеленый партхозактив. Глядя на чиновника, наш капиталист зачастую смотрит в зеркало, и наоборот. Поэтому, когда представители бизнес-сообщества, притесняемые властью, начинают апеллировать к народу, народ говорит: “Чума на оба ваши дома!”

И правильно делает. Потому что сообщество не сделало ничего, чтобы заслужить уважение со стороны большинства. Напротив — само в себе оно культивирует презрение к тем, кто, с его точки зрения, принадлежит к иной касте. Но наше общество — не кастовое, в нем нет на самом деле никакого почитания более богатого и сильного. Поэтому в ответ на свое чванство те,

кто мнит себя “олигархом”, получают недоверие и глухую ненависть.

Произошел ужасающий разрыв между обществом и его элитой — что политической, что деловой. В стабильном государстве разные группы и классы представляют собой сообщающиеся сосуды, где каждый в меру своих умственных сил и таланта может менять социальное положение. У нас же эти сосуды не сообщаются. Презрение с одной стороны и недоверие с другой — вот что страшно, вот что является угрозой будущему страны. И это надо менять, проталкивать тромбы, а если надо — проводить операцию по шунтированию.

Например, я убежден, что нам необходимо выработать механизмы, вводящие разумные ограничения на рост личного потребления граждан. Например, “вынул” из производительных сил на личные нужды сумму больше 500 млн долл. — государство может ограничить твое состояние “репрессивным” налогом. Если наш имущий класс не способен к самоограничению, не обладает соответствующей культурой и не может сам понять, что кроме личного обогащения существует ответственность перед страной, перед людьми, за счет которых он обогащается, — надо вводить внешние рамки. Человеку не нужен миллиард долларов “на карманные расходы”.

Будучи по характеру оптимистом, я уверен, что мы преодолеем испытание недоверием. Совместно работать над этим должны и бизнес, и государство, и все общество. Но, говоря объективно, сейчас больше всего успех зависит от позиции государства. И хотелось бы, чтобы перелом произошел не в прекрасном далеко, а при жизни хотя бы моего поколения.

“Меня нельзя купить.

Для кого-то это проблема, но для общества — несомненная польза”

— Александр Евгеньевич, каковы были ваши мотивы прихода в политику?

— Мною меркантильные соображения не двигали. (*Смеется.*) Понимаю, откуда ваш вопрос. Увы, многие, кто стремится

попасть в политику, рассматривают ее как своего рода кормушку. Это и есть основная причина коррупции в нашей стране, впрочем, как и в любой другой. Сначала спецномер на машину, затем спецсигнал, дальше — больше.

У меня же есть, если хотите, политическая миссия. Приход в Госдуму людей состоятельных, заработавших средства честно, позволяет им быть независимыми от денег, руководствоваться представлениями об общественном благе. Поверьте, это дорогого стоит.

— Звучит красиво. А в чем это проявляется на деле?

— Вот элементарный пример: в прошлом году мы с депутатом Андреем Самошиным внесли проект закона, по которому все казино и “однорукие бандиты” должны быть выведены за пределы наших городов...

— Кстати, многие до сих пор спрашивают: зачем вам это надо? Особенно после того, как вы притащили в здание Госдумы “однорукого бандита”.

— Больно смотреть на то, как это убожество истачивает общественный организм, как сотни тысяч одураченных людей попадают в зависимость от автоматов. Эта раковая опухоль захватывает все новые и новые площади, выталкивая на улицу библиотеки, булочные, прачечные и кафе. Есть ужасная статистика самоубийств, особенно подростков, и преступлений из-за проигранных грошей.

Так вот, если бы инициатором борьбы с этим был кто-то другой, то вопрос решили бы очень просто — “занесли” бы определенную сумму денег и тут же “замяли”. Но предлагать деньги мне бессмысленно. Могу сказать, что потратил немало усилий на то, чтобы убедить нашу элиту во вреде игорного бизнеса. Были, конечно, угрозы, некоторые всерьез предлагали ходить в бронезилете... В итоге, уверен, здравый смысл восторжествует, никаких “псевдобазовых”, декларативных законов о “некоторых ограничениях” принято не будет. Надеюсь, уже в будущем году нам удастся очистить российские города от этого зла. А те богатые ребята с шальными деньгами, которым нейдет, пусть катятся за город, в специально отведенные места.

— Какие еще есть законодательные инициативы?

— Запретить точечную застройку центра Москвы, ограничить спецсигналы на автомашинах чиновников, повысить в десятки раз пособие на ребенка — всего не перечислишь.

— С законотворчеством понятно. Как насчет “социальной ответственности”? Вы занимаетесь благотворительностью?

— В подобных интервью это, как правило, спрашивается с иронией. На самом деле не очень люблю распространяться на эту тему. Построил Центр лечения детских лейкозов в Санкт-Петербурге, планирую поддержать НИИ детской онкологии на Каширском шоссе в Москве. В Крыму — уже не российском, а украинском — начал восстанавливать Музей-театр Чехова. Не поверите: за то, чтобы безвозмездно вложить туда 10 млн евро, местные чиновники потребовали взятку! Некоторые небедные люди из России покупают себе виллы в Сан-Тропе, я приобрел Шато де Форже под Парижем и организовал Русский культурный центр, где выступали Галина Вишневская, Дмитрий Хворостовский, Новая опера, Театр-студия Петра Фоменко, музыкальные коллективы из СНГ и др.

В июне под Алуштой открываем храм — самый большой и один из самых красивых в Крыму. Начали строить сеть комфортабельных гостиниц при храмах и монастырях по “Золотому кольцу” России — так, чтобы и паломники, и обычные туристы могли приобщиться к великолепию русских святынь. Отдельно делаем большую телепрограмму о состоянии и реставрации древних обителей.

Новая тема, которой мы сейчас начинаем заниматься, — репатриация русскокультурного населения, то есть возвращение на Родину соотечественников из ближнего зарубежья. Им нужно предоставить жилье, работу, помочь с обустройством. Сейчас готовим экспериментальный проект в Белгородской области.

— Однако не секрет, что многие из бизнесменов, которые приходят во власть, заняты не общественным благом, а лоббированием своего бизнеса. В ваш адрес тоже было немало упреков по этому поводу. Как вы к этому относитесь?

— Я не занимаюсь бизнесом в смысле зарабатывания денег. Принадлежащие мне активы отданы в траст, из органов управления компаниями вышел, бумаг не подписываю. Но сказать, что не имею никакого отношения к бизнесу, было бы лукавст-

вом. Имею — в том смысле, что могу оказать влияние на развитие направлений в деятельности предприятий, которые мне принадлежат. И провести здесь грань очень сложно.

Однако есть большая разница с теми “бизнесменами”, на которых вы намекаете. Мне принадлежат акции Национальной резервной корпорации. НРК — это, по существу, большой инвестиционный фонд, который вкладывает средства в различные проекты. Проекты, на которые ориентирован ее бизнес, жизненно важны для развития нашего государства: строительство доступного жилья, авиапром, телекоммуникации и т.п. Поверьте, если бы речь шла исключительно об обогащении, НРК занималась бы скупкой скважин, рудников, лесных угодий и т.п. Имеющихся для такого рода бизнеса средств — в избытке.

Нам это все совершенно неинтересно. В исторической перспективе страна не выживет, если не слезет с сырьевой иглы. А наши граждане, как и прежде, будут жить в условиях монопольных цен на все: товары, жилье, ЖКХ, перевозки, банковские услуги.

— Хотите сказать, что считаете себя представителем национального капитала? Но ведь рыба ищет где глубже, а человек — где лучше. Капитал интернационален, он идет туда, где можно больше заработать — это закон экономики.

— Есть то, что находится выше рационального. Да, действительно в принципе сам капитал неодушевлен, он не знает отраслей и национальных границ. Именно благодаря этому, вроде бы естественному закону, в России появилась “офшорная олигархия”. Но, с другой стороны, капитал — это не абстрактная субстанция, им распоряжаются живые люди, имеющие свои представления о том, что надо делать и как жить. У этих людей либо нет представления о чести, нравственности, гражданском долге и Родине без кавычек, либо оно есть. Последних, поверьте, немало.

— На свое чекистское прошлое намекаете?

— Ни на что я не намекаю. Если вы о работе в разведке, то мне стыдиться нечего. Такая профессия, если к ней относиться честно, в почете в любой державе. В Лондоне, ставшем сегодня Меккой для наших “политэмигрантов”, я работал тогда, когда они спекулировали постельным бельем в Махачкале.

Если угодно, считайте меня “национальным капиталистом-идеалистом”. Национальными проектами мы начали заниматься еще задолго до того, как их так назвали. Я об этом уже не раз говорил, в частности в связи с жильем. Но бюрократия мешает не только в Москве — по всей стране нет... земли под застройку. Значит, внесем законопроект, согласно которому региональные власти будут обязаны ежегодно объявлять тендер на застройку площадей с сетями. Иначе — никаких средств в рамках нацпроекта.

Но это еще не все. Даже дом по цене средней иномарки, если платить сразу, является недоступным для людей с низким уровнем заработков. Вот почему появилась Национальная ипотечная компания (НИКОМ). Специалисты разработали особые схемы финансирования строительства — так, чтобы купить себе жилье могла любая семья, имеющая небольшой, но стабильный заработок.

В 2003 г., если помните, я баллотировался на пост мэра Москвы. Так вот, у меня такое неформальное состязание: у строителей в Москве цена за метр жилья уже доходит до 20 тыс. долл., я же хочу за те же деньги предоставить нашим гражданам дом — такой же по качеству, но гораздо лучше по экологии проживания. Надеюсь, получится.

— Если уж начали откровенничать насчет бизнеса, с которым “формально не связаны”, может, еще чем-нибудь поделитесь?

— Пожалуйста. Моя главная задача — демонополизация существующих рынков и создание там условий для снижения цен и тарифов. Это много важнее, чем показная борьба правительства за снижение уровня инфляции на 1–2%. Мы, например, планируем создание низкобюджетного авиаперевозчика. Такие компании популярны в Европе — в их самолетах нет первого класса, там некуда сдать багаж и стюардесса не принесет вам холодного пива. Зато билеты в 2–3 раза дешевле, чем у традиционных перевозчиков. Есть планы у компании “Евразия Телеком”, которая намерена серьезно выйти на рынок услуг широкополосного доступа в Интернет и в столице, и в регионах. Или возьмите нашу отечественную розницу — неужели не очевидно, что цены в супермаркетах всех известных сетей завышены?

— Вы говорите об авиаперевозчике. А что насчет авиапрома?

Вас уже привыкли воспринимать как лоббиста производителей наших самолетов.

— Отрадно слышать. Никто и никогда не сможет доказать мне, что Россия не способна производить надежные и конкурентоспособные машины.

— Однако к прошлому году против менеджмента “Ильюшин Финанс” было возбуждено уголовное дело по обвинению в хищении государственных средств. И вы, используя свое “служебное положение”, начали ее всеми силами уводить от ответственности. Причем тут национальные интересы?

— Это просто смешно. ИФ — не моя компания, увы. Я выступал в защиту предприятия, принадлежащего государству, которое оно само же попыталось угробить. НРК принадлежит лишь 38% акций “Ильюшин Финанс”, а 51% контролируется государством. И, к вашему сведению, председателем совета директоров ИФ является глава Роспрома Борис Алешин. В разгар кризиса вокруг компании я обращался к нашему премьеру Михаилу Фрадкову с просьбой назначить меня председателем и ради этого был готов отказать от депутатского мандата. Но все без толку.

Надеюсь все же, что здравый смысл восторжествует. Об этом не только я мечтаю — в защиту ИФ выступили трудовые коллективы авиазаводов в Воронеже и Ульяновске (государственных, подчеркну!), губернаторы областей, местные отделения “Единой России”. В октябре, помню, пришел на заседание правительства, посвященное авиапрому, и сказал: если вы считаете эти заводы неперспективными и собираетесь закрывать (а по заявлениям чиновников так оно и есть) — продайте их. Можно привлечь инвесторов, найти заказчиков на технику и наладить выпуск самолетов. Без ответа...

— В ряде газет воспроизводились слухи, что из-за истории с “Ильюшин Финанс” вы вообще разочаровались в государственно-частном партнерстве и решили выйти из всех совместных проектов с государством. Так ли это?

— Не так. Нельзя из-за проблем, возникших в одном отдельном случае, ставить под сомнение сам принцип партнерства государства и бизнеса. Мы в Национальном инвестиционном совете совместно с ведущими учеными Российской академии на-

ук уже 5 лет разрабатываем программы такого партнерства и считаем, что это спасение для нашей экономики. Но в отличие от Запада, где такое партнерство используется для привлечения частных инвестиций в крупные инфраструктурные проекты, у нас эта модель решает еще и другие — не столько экономические, сколько политические — задачи.

Дело в том, что сосуществование государства и бизнеса в рамках конкретного “хозяйствующего субъекта” снижает коррупцию. Ведь частный инвестор заинтересован в извлечении легальной прибыли. Поэтому он не допустит превращения предприятия в механизм разворовывания чиновниками бюджетных денег. В свою очередь, государство может снять негативное восприятие российского бизнеса. Ведь в период дикой приватизации 1990-х гг. у общества сформировалось отрицательное отношение к частному капиталу, к чему были свои основания.

Хотя пример с “Ильюшин Финанс”, конечно, вопиющий. Что это за партнерство, когда активы частных акционеров уже полгода находятся под арестом — при этом ни обвиняемыми, ни подозреваемыми они не являются? И одновременно правительство ничтоже сумняшеся предлагает НРК выделить “Ильюшин Финанс” еще 3 млрд руб. Мы-то выделим — самолеты ведь надо строить. Но вы-то, чиновники, хоть добейтесь снятия ареста!

— А как вы вообще оцениваете деятельность правительства?

— С правительством у нас получается история, прямо противоположная сюжету из известной басни Крылова. Там, если помните, было: “А вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь!” У нас же музыканты сами по себе играют хорошо, некоторые даже очень. Но вот ансамбль никак не складывается. Возможно, проблема здесь в дирижере? Ведь, по сути, те национальные проекты, с которыми выступил президент, правительство без всякого “тормошения” из Кремля должно было реализовать. Это же их повседневная работа.

— Нормально ли это — слышать критику в адрес главы правительства со стороны члена проправительственной партии?

— У нас партия пропрезидентская и, шире, — пророссийская. И она очень часто подвергает критике как правительство в целом, так и отдельных министров. Это абсолютно нормальный

процесс. Само правительство у нас не партийное и, скорее всего, партийным в ближайшее время не будет. Но даже если бы оно и формировалось “Единой Россией”, трения в связи с текущей деятельностью всегда бы возникали — это нормальная практика в странах, где правящая партия назначает кабинет.

Я состою в “Единой России” с момента основания партии, с 2001 г. За это время, насколько помните, глава правительства и многие министры у нас поменялись. Где теперь предыдущий премьер-министр Михаил Касьянов, в каком он политическом лагере? Это к тому, что “Единая Россия”, на мой взгляд, не должна принимать на ура все, что идет из “Белого дома”. У партии должна быть своя позиция и своя линия, и мы должны стараться делать так, чтобы правительство это учитывало.

— Как вы оцениваете перспективы “Единой России”?

— “Единая Россия” состоялась как организация, но она пока находится в процессе поиска своего политического лица. Внутри партии должна идти дискуссия. Ведь очевидно же, что существуют различные подходы к решению тех или иных экономических и политических проблем. Мне очень импонирует, что видный член нашей партии, мэр Москвы Юрий Лужков, постоянно призывает к полемике. С удовольствием с ним по-discутировал бы, в том числе по гостинице “Москва”: он хочет площадь, я — Парк согласия и примирения... Пока, к сожалению, наша с ним полемика носит заочный характер.

Самым опасным для “Единой России” было бы ее бюрократичивание, превращение в приводной ремень для чиновников. И я вижу, что в руководстве партии это хорошо понимают. В прошлом году в своем послании Федеральному собранию президент обозначил главную проблему. Это коррумпированная бюрократия, которая, как испанский башмак, сдавливает живой общественный организм, перекрывает кровеносные потоки к тканям и внутренним органам. Но, чтобы бороться с нею, “Единая Россия” не должна быть партией чиновников или их прислугой. Это очевидно.

— Но, будучи членом “Единой России”, в Госдуму вы прошли по списку “Родины”. Что вы думаете об этой партии?

— Никогда в ней не состоял. Меня поддержал блок “Родина” на выборах мэра Москвы, а я прошел от него в Госдуму. Блок

предполагался перспективным проектом на социал-демократическую тему, но не состоялся. Объективно в обществе есть запрос на формирование социально-патриотической партии. Этот запрос будет так или иначе реализован. Во всяком случае, я с интересом слежу за тем, что происходит в этой части политического спектра.

— Получается странно: вы участвовали в социал-демократическом проекте, в то же время вас считают одним из лидеров “право-либерального” крыла в “Единой России”. Как это совмещается?

— В Средние века, если помните, были цеха — кожевников, ремесленников, торговцев, военных, которые были такими протопартиями, отражали интересы людей, которым служили. Они себя не мучили сложными идеологическими понятиями: ты кто — либерал, консерватор, правый, левый, социал-демократ. Все эти бренды пролетели мимо нас, так как мы 75 лет жили при социализме. А теперь мы привезли все это сюда и совсем запутались.

Уверен, что в политике любой партии главное — это дела. Сейчас у нас есть национальные проекты, это вполне конкретно и осязаемо. Но ведь, кроме жилья, медицины, образования и сельского хозяйства, существует огромное число точек приложения усилий. Почему бы не сделать авиапром или высокие технологии в промышленности еще одним национальным проектом?

Или возьмите малый бизнес. Чем не национальный проект? Наша экономика страдает из-за того, что в ней доля малого и среднего бизнеса неизмеримо мала по сравнению с теми странами, на которые мы все время равняемся. Я как депутат и член “Единой России” помог сделать телевизионное шоу “Шанс”, которое является своего рода пособием для тех, кто решил открыть свое дело. Для участия в нем отобрали по всей стране молодых, амбициозных ребят и дали каждой команде стартовый капитал в 3 миллиона рублей. Тот, кому удастся поставить на ноги свой бизнес, получит приз — 15 миллионов.

То есть это шоу — почти документальное исследование того, как сегодня дышит наш бизнес. Посмотрим, что из этого получится. Во всяком случае, это наш вклад в развитие предпринимательства, причем очень наглядный. Осталось найти канал — желательно федеральный, государственный, чтобы это стало элементом национальной политики по поддержке малого бизнеса.

Шанс для российской экономики

Российская экономика сейчас находится на перепутье. С одной стороны, она демонстрирует достаточно высокие темпы роста: за первые три квартала 2005 г. ВВП вырос на 6,2% по отношению к аналогичному периоду прошлого года, инвестиции увеличились на 10,2%, реальные доходы населения — на 9,1%. Вместе с тем уже ощущаются пределы развития в рамках нынешней модели. Рост практически всех макроэкономических показателей замедляется. Промышленное производство за 11 месяцев 2005 г. дало прирост всего на 4%. Хотя экспорт растет весьма динамично — на 35,7% за тот же период, в основе его лежит высокая динамика цен на основные вывозимые из страны товары: в 2005 г. мировая цена на российскую нефть выросла на 48%. Соответственно, любое падение цен на нефть будет угрожать сокращением положительного сальдо российской внешней торговли. Не раз говорилось о том, что требуется обеспечить новое качество экономического роста, что для экономического развития России нужны новые решения. Между тем эти решения лежат на поверхности, более того, они уже имеют опыт успешной реализации.

Приоритеты развития

В прошлом году президент дал старт осуществлению четырех основных национальных проектов — в области образования, здравоохранения, жилищного строительства и сельского хозяйства. Их иногда называют социальными и не связанными с инвестициями, подразумевая тем самым, что средства, выделенные на их реализацию, не принесут должной отдачи и будут лишь раскручивать инфляцию в стране. Однако фактически национальные проекты основаны на идее инвестирования в “человеческий капитал”. Их реализация создает возможности для повышения уровня жизни населения, качества трудовых ресурсов. И совсем уже странно говорить как не об инвестиционном проекте о жилищном строительстве. Общеизвестно, что оно обладает значительным мультипликативным эффектом как для экономики в целом, так и для государственного бюджета, воз-

вращая вложенные средства через налоги на растущее производство. В мировой практике существует много примеров того, как государство, стимулируя развитие строительной отрасли, обеспечивало экономический рост в стране.

Уже стало очевидным, что воплощение национальных проектов в жизнь будет первоочередным делом исполнительной власти. Но, помимо этих проектов, существуют и другие приоритеты экономической политики государства, о которых все чаще идет речь в последнее время. В связи с необходимостью изменения качества экономического роста особое значение приобретают приоритеты в области развития тех или иных отраслей. Проект “Программы социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу”, подготовленный Минэкономразвития, содержит восемь отраслевых стратегий развития. В их числе стратегия развития топливно-энергетического комплекса, оборонно-промышленного комплекса, авиационной, ракетно-космической промышленности и др. То есть отраслевые приоритеты уже начали обозначаться, но они еще по-прежнему достаточно широки и размыты.

Под приоритетные цели в экономику будет направлен значительный объем средств. В бюджете 2006 г. на реализацию национальных проектов закладывается 134,5 млрд рублей. Кроме того, до сих пор не определены направления расходования почти 70 млрд рублей, которые окажутся в Инвестиционном фонде. Однако остается открытым вопрос, как именно будет происходить реализация поставленных целей, и возникают серьезные опасения, к кому попадут эти деньги, как они будут использованы. Ни для кого не является секретом высокий уровень коррупции в нашей стране. Конечно, любые расчеты подобного явления во многом субъективны, но тем не менее в рейтинге Transparency International 2005 г. по коррумпированности госаппарата Россия заняла 126-е место из 159. Индекс восприятия коррупции для России равен 2,4, тогда как максимальное и наиболее благоприятное значение — 10. По недавно опубликованным данным экспертов Всемирного банка и Европейского банка реконструкции и развития, за последние три года средняя частота взяток в России увеличилась с 38,7 до 39,3%. Примеры подобных исследований можно продолжать. Они свидетельствуют лишь об одном — отдавать деньги налогоплательщиков,

идущие на развитие экономики, нельзя без организации надлежащего контроля.

Частно-государственное партнерство

Выходом из сложившейся ситуации, как показывает мировой опыт, может стать модель частно-государственного партнерства. Сейчас о ней говорят достаточно много. Правительство до конца 2005 г. должно было разработать Концепцию развития частно-государственного партнерства в России, а Государственная дума в июле приняла закон “О концессионных соглашениях”, призванный стать одной из основ партнерства бизнеса и власти. При реализации этой модели в задачи государства входит выделение перспективных направлений развития экономики и создание условий для их реализации, в том числе путем предоставления финансовых ресурсов, формирования нормативной базы. Частный сектор может вложить в качестве своей “доли” в партнерство, помимо финансовых ресурсов, управленческие навыки и опыт.

В отличие от Запада, где частно-государственное партнерство используется для привлечения частных инвестиций в крупные инфраструктурные проекты, для нашей страны эта модель решает не только экономическую, но и политическую задачу. И в стране уже существуют достаточно успешные формы реализации частно-государственного партнерства. В частности, одной из них было взаимодействие бизнеса и власти в рамках авиализинговой компании “Ильюшин Финанс”. Однако, как только данная деятельность стала мешать чиновникам, компанию попытались ликвидировать. Поэтому сейчас мы можем наблюдать, как эта успешная схема частно-государственного партнерства “успешно” разрушается.

Интересно сравнить результаты, достигнутые частно-государственным партнерством “Ильюшин Финанс”, с результатами ближайшего конкурента — “Финансовой лизинговой компании” (ФЛК), в которой с учетом доли субъекта федерации (Республики Татарстан) госпакет акций составляет около 70%. Рыночная же стоимость акций ИФ на 18% превышает ее номинал, на 1 рубль государственных инвестиций частно-государственная ИФ привлекла более 3,5 рубля внебюджетных средств. ИФ построила и сдала в лизинг два “Ил-96-300” и пять “Ту-204”, достраивает еще два “Ил-96” на экспорт, а ФЛК

за тот же период сдала в лизинг только три “Ту-214”. Это означает, что управляемая государством компания не стимулирована на развитие бизнеса, ограничивается в основном использованием получаемых от государства ресурсов. Вот наглядная разница в эффективности сотрудничества государства с частным капиталом по сравнению с государственным предприятием.

Еще одним примером партнерства бизнеса и власти призвана была стать консолидация национальной авиационной промышленности. Нами изначально предлагалась идея создания Национальной авиапромышленной корпорации “снизу” при значительной роли частного капитала. Сейчас же подготовлен проект создания Объединенной авиастроительной компании (ОАК) “сверху”, путем объединения государственных активов. При этом в одной компании оказывается и военное, и гражданское авиастроение. Планируется, что государство получит в капитале ОАК 75% акций, а затем — в случае необходимости — может снизить свою долю. Тогда не совсем ясно, зачем туда идти частным инвесторам, если они не смогут контролировать процесс принятия решений. Между тем именно в таком чувствительном к изменениям спроса сегменте, как производство гражданской авиатехники, управление со стороны частного капитала, как показывает мировой опыт, оказывается более эффективным. Да и в военном секторе значимое — хотя бы на уровне блокирующего пакета — присутствие частных инвесторов заметно повышает эффективность производства и использования ресурсов, в том числе государственных. Хорошим примером этого может служить деятельность НПК “ИРКУТ”.

Частно-государственное партнерство в авиастроении могло бы выйти и за рамки национальной российской экономики, что особенно актуально в связи с активизировавшимся в последнее время обсуждением интеграционной тематики на постсоветском пространстве. Постоянно звучат обвинения в “антироссийской” позиции в адрес властей стран СНГ. Однако позиция властей и их взгляд на интеграцию во многом строятся на основе обычных экономических расчетов. И если бы удалось реализовать эффективно работающие совместные проекты со странами СНГ, их отношение к интеграции могло бы измениться. Приведем один пример: российско-украинский региональный самолет “АН-148”. Не совсем ясно, почему у нас в стране его называют иностранным, когда он на 70%

собирается в России. Более того, совместное производство “АН-148” и другие проекты в авиастроении позволят сблизить наши две страны, свидетельствуя о реальной отдаче от сотрудничества. Государство тем самым получило бы дополнительный выигрыш.

Другой показательный пример перспективности частно-государственного партнерства — жилищное строительство. Президент уже четко выделил задачу обеспечения населения доступным и комфортным жильем в качестве национального проекта. Однако при реализации этого проекта важно четко разграничить строительство коммерческого и доступного жилья.

Крайне сложно сделать доступным жилье в центре больших городов с высокой стоимостью земли и подключения к инфраструктуре. Поэтому Национальным инвестиционным советом с учетом мирового опыта была разработана концепция “Малоэтажная Россия”, предполагающая широкое строительство доступных по цене частных домов в пригородах. Национальная жилищная корпорация уже начала реализацию этих разработок, осуществляя строительство в Московской и Ростовской областях.

Для того чтобы вывести этот проект на национальный уровень, необходимо сформировать настоящую систему партнерства в области ипотеки. От государства требуется снятие бюрократических преград, предоставление земли для строительства, которую потом смогут выкупить владельцы домов, налаживание инфраструктуры, учитывая, что соответствующие фирмы находятся в его собственности. Частный сектор обеспечит финансирование строительства. На примере двух приоритетных для российской экономики отраслей видны позитивные перспективы частно-государственного партнерства для их дальнейшего эффективного развития. Но это партнерство может работать, только если обе стороны будут выполнять взятые на себя обязательства. Взаимный контроль и совпадение конечных целей позволит обеспечить учет и сбалансированность интересов сторон. Кроме того, важен и дополнительный контроль “со стороны”, который могли бы обеспечить независимые эксперты, например представители партий, научного сообщества — Российской академии наук, других организаций.

Роль банков в реализации приоритетных проектов

Особую роль в частно-государственном партнерстве и реализации национальных проектов, на наш взгляд, могли бы сыграть коммерческие банки. Эта роль, во-первых, связана с самой функцией банков, которые трансформируют сбережения в инвестиции в экономике и обеспечивают перетекание финансового капитала между отраслями. Во-вторых, банки в силу особенностей их регулирования представляют собой более прозрачные структуры. Их использование при осуществлении национальных проектов позволяет минимизировать неэффективное расходование средств, связанное с коррупцией.

Многие инструменты экономической политики, используемые государством для поддержки приоритетных отраслей, напрямую связаны с деятельностью банков. В их числе — субсидирование процентных ставок по кредитам. Именно обеспечение доступности банковских кредитов играет важную роль для реализации многих национальных проектов. Речь идет об ипотеке, о кредитовании сельскохозяйственных производителей, об образовательных кредитах и кредитах на развитие приоритетных отраслей экономики. При этом важно, что решение о предоставлении средств остается за коммерческим банком, это обеспечивает его более высокую эффективность, а субсидирование повышает доступность финансовых ресурсов для более широкого круга заемщиков. Хорошим примером может служить созданный и уже несколько лет эффективно функционирующий механизм субсидирования лизинговых платежей, осуществляемых отечественными авиакомпаниями, приобретающими в лизинг новые российские самолеты.

Роль банков особенно велика в реализации национального проекта строительства доступного жилья. Уже сейчас на рынке ипотеки представлены как крупнейшие российские, так и иностранные банки. Но предлагаемые ими условия не позволяют сделать ипотеку массовым явлением, тогда как потребность в приобретении жилья существует у значительных слоев населения. Понимая это, депутаты Государственной думы уже предложили субсидировать процентную ставку по ипотеке для понижения ее до уровня 6% годовых в рублях. Однако, как мы показали, одного лишь снижения ставки недостаточно, необходим переход к принципиально иной концепции жилищного строительст-

ва. Это позволит снизить не только процентную ставку, но и общую сумму кредита, делая его существенно более доступным.

Помимо прямого предоставления ипотечных кредитов, банки могут эмитировать ценные бумаги, обеспеченные ипотекой. Участие банков на фондовом рынке позволит расширить возможности ипотеки и усилить ее роль как локомотива экономики, привлекая временно свободные средства населения, а также пенсионные накопления для финансирования жилищного строительства. Эффективность такой системы уже была подтверждена американской моделью. От государства здесь требуется контроль над тем, чтобы в этой сфере не возникла очередная “финансовая пирамида”, а также законодательное обеспечение развития рынка ипотечных ценных бумаг. Банки могут активно участвовать и в других направлениях взаимодействия государства и бизнеса, связанных с развитием перспективных отраслей российской экономики. Например, в авиастроении Сбербанк кредитовал приобретение самолетов “Ту-204-100” и “Ил-96-300”, а летом 2005 г. выделил кредит ульяновскому заводу “Авиастар-СП” на строительство 3 машин “Ту-204-300”. Внешторгбанк финансирует “Пермские моторы”, акционером которых он является. Национальный резервный банк, как известно, широко участвует в различных проектах “Ильюшин Финанс”.

Взаимодействие государства и бизнеса для содействия интеграционным процессам на постсоветском пространстве может осуществляться через создаваемый инвестиционный банк ЕврАзЭС, который может вырасти в банк развития для всех заинтересованных стран СНГ. Формирование прозрачной банковской структуры позволит собрать государственные и частные средства и эффективно распределять их на проекты, которые затрагивают несколько стран и носят взаимовыгодный характер.

Поиск выхода

Еще раз подчеркнем: для России сейчас сложилась благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура, и крайне важно воспользоваться ею с умом. К сожалению, предыдущие примеры из недавней истории нашей страны не утешают. Накопленные в результате высоких цен на нефть в 1970-х гг. нефтедоллары были растрочены на различные — во многом неэффективные — проекты. Обеспечить качественные изменения в структуре экономики тогда не дала сама система, в рамках которой эта экономика раз-

вивалась. Во второй половине 1980-х гг., когда открылся широкий доступ к внешним заимствованиям, нам был дан следующий шанс. В результате резко возросли внешний долг (с 31,4 млрд долл. в 1985 г. до 62,5 млрд долл. в 1990 г.) и долговая нагрузка на экономику. Увеличились доходы населения, в том числе и ценой наращивания бюджетного дефицита, но они не могли сформировать эффективного платежеспособного спроса в условиях, когда отрасли ориентировались не на потребителя, а на плановые показатели. Как следствие — вынужденные сбережения, “денежный навес” и скрытая инфляция. Были попытки провести модернизацию экономики с помощью наращивания инвестиций. По импорту было завезено большое количество оборудования, часть из которого не была установлена, а установленное оборудование далеко не всегда работало эффективно.

Многие объекты капитального строительства так и не были завершены. В очередной раз “забресжил свет” во второй половине 1990-х гг. после проведения финансовой стабилизации. Сначала международные организации, правительства развитых стран, а затем и частные финансовые структуры вновь открыли России “кредитную линию”. По зарубежным кредитам снова было завезено оборудование, а в результате деньги также пропали.

Сейчас объем поступающих в страну средств поражает своими масштабами — в Стабилизационном фонде уже накоплено свыше 1 трлн рублей, золотовалютные резервы Центрального банка перешли отметку 180 млрд долл. Вновь происходит наращивание внешней задолженности, только ведущая роль в этом процессе перешла от государства к частному сектору. Внешний долг банков и нефинансовых предприятий на 1 октября 2005 г. превысил 146 млрд долл. Ухудшение экономической конъюнктуры может поставить под вопрос обслуживание накопленных частным сектором обязательств. Чтобы этого не произошло, уже сейчас необходимы совместные усилия бизнеса и государства по построению новой модели экономического развития России. Она должна обеспечить диверсификацию национальной экономики, увеличение инвестиций в человеческий капитал, повысить эффективность вкладываемых в экономику средств, ограничить волюнтаризм чиновников и коррупцию.

Эта модель должна строиться на основе частно-государственного партнерства, позволяющего избежать распределения средств исключительно бюрократическим аппаратом, с широ-

ким привлечением банков и иных частных финансовых институтов. Крайне важно, чтобы частный сектор участвовал в акционерном капитале предприятий наравне с государством. Тогда можно будет достичь большей степени прозрачности при реализации приоритетных экономических проектов и программ, существенно повысить их эффективность.

Курс на буржуазную революцию

Взаимоотношения власти и бизнеса в России похожи на латиноамериканский сериал: стороны без конца предъявляют друг другу претензии, оговаривают условия союза, ссорятся, мирятся. При этом каждая расценивает себя как самостоятельный субъект, способный выжить без своего визави — в виде “римейка” госкапитализма или, наоборот, глобалистской утопии. Эта “добрая ссора” достойна экранизации и могла бы снабжать информационными поводами СМИ еще много лет, если бы на кону не стояла конкурентоспособность страны, напрямую зависящая от эффективной, отлаженной системы взаимодействия власти и бизнеса. Ведь проблема для всех нас в том, что сейчас ее иначе как злокачественной назвать нельзя.

Один из основных субъектов системы — бизнес — находится в маргинальном положении, его развитие ограничено негативным имиджем и набором ложных стереотипов, препятствующих превращению делового сословия в класс, претендующий на легитимное участие в управлении государством. Увы, мы имеем дело с классическим передергиванием — переносом издержек становления российского бизнеса эпохи “первоначального накопления капитала” первой половины 1990-х на нынешнее состояние, на все без исключения компании, оказывающиеся априори “виноватыми” в силу собственной, изначально “неправильной” природы.

Причины живучести таких стереотипов общеизвестны. В условиях, когда в считанные годы произошло колоссальное имущественное расслоение и перераспределение благ, когда значительная часть населения живет за чертой бедности, говорить о понимании социальной миссии богатых и бизнеса вообще бес-

смысленно. Более того, некоторым чиновникам, продолжающим мыслить в категориях советского госкапитализма, в котором они были собственниками де-факто, даже выгодно наличие “образа врага”, удобного объекта для возложения на него ответственности за отсутствие экономического роста, слабой социальной государственной политики ввиду низкой собираемости налогов и т.д.

В итоге бизнес не имеет достаточного общественного веса, “имиджевого капитала” — ни для отстаивания своей позиции, ни даже для объяснения собственной нужности. А без действенного сотрудничества с государством наш бизнес неконкурентоспособен в условиях глобальной экономики. Получается парадоксальная ситуация: в капитализме, который Россия пытается построить, капитал не является основным действующим лицом, содержанием этого понятия. Для того чтобы увидеть, как бывает по-другому, достаточно посмотреть на опыт стран “развитого капитализма”.

Времени нам не дано

По мере своего становления и развития (примерно с XV в. западный капитал, во-первых, реализовывал свою функцию основного производителя национального продукта, создателя рабочих мест и плательщика налогов, а во-вторых — активно боролся за свои права, в том числе политическими методами. Итогом этого развития стало то, что капитал в этих странах социализирован и не имеет системных проблем с государством. Другими словами, западный бизнес обладал временным лагом в пять столетий, чтобы “утрястись”, показать, когда нужно, зубы, занять достойное и никем не оспариваемое место в обществе.

В России аналогичная схема вряд ли может быть реализована. По сути, российский капитализм существовал на протяжении двух коротких промежутков времени: со второй половины XIX в. до октября 1917 г. и с 1991 г. по настоящее время. За эти два периода основа капитализма — капитал — так и не смогла толком легализоваться и завоевать себе право определять политические процессы. Революция февраля 1917-го, которую в советской историографии называли “буржуазной”, таковой на самом деле не была — узкий слой мелких клерков и интеллигенции был сметен спустя семь месяцев другим, более многочисленным классом. Теперь же, на наших глазах, пережив весь

ма сомнительный “расцвет” в 1990-х, капитал опять вошел в стадию кризиса легитимности, испытывая на себе отчуждение как у народа, так и у власти, не понимающей ни его предназначения, ни его реальных возможностей.

Очевидно, что российский бизнес вряд ли может рассчитывать на то, что, выплачивая налоги и создавая рабочие места, по прошествии нескольких столетий он добьется понимания своей миссии — тогда, когда образуется массовый обеспеченный и просвещенный средний класс, исчезнет бедность, а власть объявит налоговую и приватизационную амнистию. Инерционный сценарий — это утопия, и наша история раз от раза доказывает это со времен Стеньки Разина. Даже “двадцати лет покоя”, о которых просил Петр Столыпин, может, как всегда, не хватить.

Таким образом, бизнесу не остается другого выхода, кроме как пытаться исправить ситуацию, осуществить идеологическую “буржуазную революцию”, сознательно и целенаправленно заняться собственным публичным позиционированием как класса и выстраиванием партнерских отношений с властью и другими социальными группами. То есть, по сути, заняться творческим конструированием гражданского общества, отсутствие или же извращение которого закладывает мину под стабильное развитие. У этой задачи два измерения: инструментальное и концептуальное.

Первое — это сумма институциональных площадок для диалога с властью и обществом, информационных кампаний и благотворительных акций. А главное — деятельное участие в качестве партнера в государственных проектах и программах (поле здесь просто непаханое — от жилья и сельхозпредприятий до образования и высоких технологий). Второе, концептуальное, — это идеологическое содержание инструментария, аргументы, которые предстоит использовать в общественной дискуссии и диалоге с властью.

В настоящий момент эти аргументы крайне уязвимы, потому что либо неполны, либо ложны. С одной стороны, многие российские предприниматели высказываются против расширительного толкования общественной роли капитала, видя в нем желание государства ввести дополнительные виды ренты и предлагая (в чем-то справедливо) ограничиться выполнением бизнесом его естественных функций, что якобы автоматически делает его “ответственным”. Однако по вышеописанным при-

чинам, а также учитывая экстремальную ситуацию в экономике, такая “программа-минимум” никого не убеждает, создает пространство для многочисленных спекуляций на эту тему. Подобный сценарий просто бесперспективен, поскольку фактически предлагается сохранение невыгодного бизнесу статус-кво.

Другая, более распространенная крайность — нарочитая сервильность бизнеса, готовность “платить столько, сколько скажут”, “не высовываться”. Обратной стороной такого угодничества являются игры во фронду и принципиальность, петиции к “неприступному” государству с просьбой о преференциях, налоговых послаблениях и т.д.

И в том и в другом случае бизнес изначально позиционирует себя как “слабое звено”. Выступая в роли просителя у государства (подобно врачам и учителям), предприниматели сами создают схему “патриотичные чиновники — своекорыстный, антигосударственный бизнес”; “замаливая грехи” у народа, бизнес позволяет формировать у себя комплекс вины. Отсюда соответствующее отношение, делающее невозможным какую-либо легитимацию. Кроме того, “прося”, бизнес сам формирует внутри себя конкурентную среду, поэтому его легко “разводят” чиновники — ведущие бизнес-организации не могут договориться по принципиальным вопросам.

Капитал как ядро корпорации

Очевидно, существует потребность в принципиально новой идеологической парадигме, “перпендикулярной” существующему порочному кругу, принципиально меняющей угол зрения на проблему. Основным изъяном прежних идеологических схем является то, что различные участники политических и социально-экономических отношений (власть, бизнес, партии, общественные организации, обобщенный электорат и т.д.) выступали самостоятельными субъектами и действовали исходя из собственных, конфликтующих друг с другом интересов, принимая по умолчанию некое общее пространство под названием “Россия”, где волею судеб им пришлось столкнуться.

Поэтому в качестве основного, единого и неделимого субъекта и одновременно цели новой буржуазной идеологии должна быть сильная Россия, играющая активную роль в мировом разделении труда, приносящая дивиденды и дающая реализовать возможности всем, кто способен трудиться. Такая постановка

вопроса обусловлена неизбежностью глобализации мировой экономики, в которой страны выступают как транснациональные корпорации, перенося смысл понятия “протекционизм” из автаркической, изоляционистской плоскости в сферу конкуренции на международном рынке. Бизнес нуждается в сильной стране именно ввиду прямой экономической заинтересованности и перспективы экспансии на мировом рынке, а отнюдь не из-за навязанных ему абстрактно-патриотических настроений.

В “проекте “Россия” бизнес как производитель продукта становится его ядром, первоосновой конкурентоспособности. Соответственно, капитал и есть по определению самый патриотичный класс, а не чиновники, не созидающие, а лишь создающие условия, предлагающие определенный набор сервисов (защита собственности, поддержание правопорядка, развитие инфраструктуры, экономические свободы, подъем международного престижа России и т.д.), делающих предпринимательскую активность эффективной.

Используя язык метафор, можно представить Россию как единый организм, корпорацию, ведущую борьбу на международном экономическом фронте. Бизнес в этой войне находится на передовых позициях, тогда как государство — “интендантская служба”, обеспечивающая бесперебойную подвозку боеприпасов и надежный тыл. В любом случае и капитал, и власть сражаются заодно, так как находятся по одну сторону этого незримого фронта и работают на успех “корпорации “Россия” в условиях глобальной экономики. Такой инструментальный подход все расставляет на свои места, не дает пространства для спекуляций и псевдогосударственной риторики.

Единый критерий эффективности работы бизнеса и власти при предложенной схеме — успехи в решении поставленных просвещенной властью глобальных задач, прежде всего в качественном обеспечении роста валового внутреннего и валового национального продукта. Под “качественным” я имею в виду наполнение понятия “рост” не объемами экспортируемого сырья, а производимой продукции высокой обработки, улучшение уровня жизни и потребительских стандартов для населения страны.

При этом бизнес выступает фактическим исполнителем этих задач, удваивая и утраивая ВВП и ВНП за счет роста собственного производства и завоевания рынков за рубежом, побеждая бедность за счет увеличения зарплат и т.д. Только развитие биз-

неса может обеспечить реальный рост экономики — при создании оптимальных условий для его развития Россия может абсорбировать любое количество капитала, ибо у нас уникальная, одновременно дешевая и квалифицированная, рабочая сила. Это, в свою очередь, даст средства в бюджет, на социальные расходы. Соответственно, прогрессируя, увеличивая прибыль, бизнес автоматически выполняет государственные задачи.

Эффективность же работы и патриотизм чиновников имеют в рассматриваемом здесь дуэте бизнес — власть иные, вполне осязаемые и единственно корректные критерии оценки — качество предоставляемого бизнесу сервиса, наличие благоприятных условий для предпринимательской активности. Именно по темпам роста бизнеса в конкретном регионе и предлагается спрашивать с чиновников. Хотя возможен и иной критерий — средняя заработная плата как показатель востребованности рабочих рук бизнесом, то есть уровня его собственного развития. Так, исходя из нынешнего, крайне низкого по сравнению с другими развитыми странами уровня средней зарплаты, можно сделать вывод, что бизнес развивается плохо. И так будет до тех пор, пока государственное администрирование отстает от бизнес-услуг по качеству, оставаясь, по сути, на советском уровне.

В предложенной системе координат многие дебатлируемые в настоящее время вопросы получают принципиально новое решение: например, налоги, расцениваемые бизнесом как неприемлемо высокие, а властью — как одни из самых низких в мире и чуть ли не как подарок предпринимателям. В новом контексте налоговая ставка — оплата сервиса, предоставляемого каждым конкретным государством бизнесу, давно ставшему интернациональным. В современной экономике деньги можно разместить где угодно — критерием выбора является соотношение качество/цена этого сервиса. Чем Россия, увы, похвастаться не может.

В связи с этим доводы про “самые низкие налоги” — это аргумент сродни тому, что “Запорожец” — лучшая машина, потому что самая дешевая. Очевидно, что к вопросу налогов надо подходить с точки зрения их конкурентоспособности на международном рынке государственных сервисов, а не их величины. При хорошем наборе услуг бизнес готов платить любую разумную налоговую ставку, а также инвестировать в несравнимо больших объемах, чем сейчас.

Принятие предлагаемой идеологической концепции сделает по-настоящему эффективными практически все формы взаимодействия ответственных предпринимателей и власти в решении насущных проблем. Такие партнерские схемы прекрасно зарекомендовали себя в развитых странах, но не работают у нас по вышеописанным причинам (я имею в виду прежде всего государственно-частное партнерство, которое, как можно видеть на опыте работы компании “Ильюшин Финанс” в авиапроме, способно вывести из кризиса целые отрасли). Синергия работы бизнеса и государства на внешнем фронте снимет большинство существующих конфликтов, новая идеология сделает прежде отчужденные власть и бизнес, общество и бизнес союзниками, обреченными на сотрудничество.

Если, конечно, нашей целью является процветание России.

Банкиру не место в “прачечной”

Андрей Козлов, первый зампред Центробанка, павший в прошлом месяце от рук наемного убийцы, незадолго до своей гибели предложил ввести для недобросовестных банкиров запрет на профессию. Мы решили продолжить его дело и, чтобы воплотить эту идею на практике, внесли в Думу соответствующий законопроект. Вспомним: в 1990-е гг. “модной” была тема банкротств крупных банков — с тяжелыми последствиями для вкладчиков. В последние годы ее сменила тема отмывания незаконных денежных средств, обороты которого оцениваются в десятки миллиардов долларов. Эти две тенденции объединяет одно: главные виновники — банкиры — безнаказанно гуляют на свободе.

Законопроект, внесенный нами в Думу, предлагает ввести норму о дисквалификации на срок до 5 лет сотрудников финансовых учреждений, которые своевременно не предоставили контролирующим органам информацию о сомнительных и недобросовестных сделках. Кроме того, он вводит наказание в виде запрета на работу в финансовой сфере на срок 8–10 лет.

Понятно, что наш законопроект имеет скорее репутационно-политическое значение: все-таки статьи Уголовного кодекса и

судебные приговоры с точки зрения тяжести наказания страшнее. Но сплошь и рядом недобросовестные работники кредитных учреждений каким-то образом выкручиваются и, разорив один банк, переходят в другой, причем часто организованными группами. К примеру, в каком-нибудь “СБС-Агро” или Инкомбанке к банкротству имели отношение несколько первых лиц плюс бухгалтер, аудитор — всего человек пятнадцать тех, кто профессионально, из года в год выводил активы из оборота. Где они теперь? О судебных процессах над ними что-то не слышно: значит, сидят в каком-нибудь другом банке. И таких “специалистов” было немало в каждом обанкроченном банке. Уверен: в отечественной банковской практике не было случаев, где не было бы преднамеренности в банкротстве. Тем не менее по этой статье нет ни одного осуждающего судебного приговора. Не воспринимать же всерьез тот год условного наказания, который получил экс-руководитель “Мосбизнесбанка”: это не помешало ему впоследствии разорить еще и “Агропромбанк”.

Наш законопроект — только первый шаг, направленный на устранение той среды, которая порождает банки-“прачечные”. Но следует помнить, что такие банки — лишь инструмент для отмывания сомнительных средств. Как правило, их организуют те, кто создает большие незаконные денежные потоки, чтобы потом от обналичивания средств внутри России перейти на безналичный расчет за рубежом. Как правило, “прачечными” для таких операций являются маленькие банки, которые, по всем расчетам, просто выжить-то не должны при современных затратах на организацию банковского бизнеса. Но у каждого такого банка, как правило, сильное лобби. История с “Содбизнесбанком” это очень хорошо продемонстрировала.

В первую очередь необходимо значительное увеличение минимального уставного капитала для банков — с тем чтобы создать стимул для укрупнения банковской системы, ее консолидации. Для рентабельной работы банк должен зарабатывать около 5 млн долларов в год. По моей оценке, в нашей стране такую прибыль могут получать лишь 200–250 банков, в то время как в России их сегодня действует около 1300. В одной Москве сейчас работает около 800 кредитно-финансовых учреждений. Сколько из них люди знают как предоставляющие банковские услуги? Думаю, от силы 50 — тех, которые имеют разветвленную филиальную сеть, инкассацию, карточки, кредитный портфель...

Если бы маленькие банки не занимались небанковскими операциями, они давно бы разорились. Какой акционер будет их дотировать? Только тот, кому надо что-то “отмыть”. Не секрет, что большая часть квартир и офисов в Москве продается не по линии БТИ, а по-другому. Прибавьте к этому “теневой” оборот игорного бизнеса (5–6 млрд долларов), а также наркотики и контрабанду. Именно эта среда и дает возможность существовать тем сотням банков, которые занимаются сомнительной деятельностью.

Да, Центробанк подготовил “черный” список из 35 банков. Но этого мало. Президентский законопроект о выводе игорных заведений в четыре специальные зоны вне мест поселения — важнейший шаг для ограничения питательной среды для таких банков. Кроме того, необходимо ужесточить законодательство в сфере торговли недвижимостью, где существует огромное количество наличных сделок, посмотреть на “дырки” в законодательстве, в том числе в части операций с наличностью, обратить внимание на контрабанду и наркотики. Для принципиального изменения ситуации необходимы усилия всего общества: в одиночку правоохранительным органам с этим не справиться.

**“Зря чиновники считают,
что они как собственники что-то могут.
Не могут!”**

— Вы активно воюете с госсобственником, Александр Евгеньевич. Что вас толкает на это?

— Я идеологический противник государства как собственника. Это, конечно, тяжелый партнер — и в “Ильюшин Финанс” и в “Аэрофлоте”. А критиковать менеджмент — нормально для акционера. И в последние года полтора-два я — критик мажоритарного акционера “Аэрофлота” — правительства Российской Федерации, которое никак не может определиться с выбором дальнемагистральных самолетов. Или вдруг говорит о том, что надо миллиард акций выпустить и оплатить их разным государственным мусором. Государство может быть эффективным как

распорядитель, генератор правил игры, исполнять тьму функций, но собственность государства должна быть ограничена. И без функций собственника, правительство с помощью налогов, таможни, регулирующих органов, технических регламентов может что угодно убить, а не только бизнес. Поэтому зачем создавать соблазн для чиновника, позволять ему исполнять функции собственника, позволять ему зарабатывать: и в черную, и в белую? Зачем такой дуализм и конфликт интересов? Ведь сегодняшний госчиновник, особенно в госкорпорациях, только злоупотреблениями и занимается, согласитесь! Какой он собственник?! Это же ерунда полная. Ему сегодня везет — высокие цены на нефть. Поэтому он так задрал нос, плюет на бизнес...

— Некоторые сферы бизнеса государство все же развивает. И как в стратегических отраслях без госучастия?

— Но ведь они не создают бизнес с нуля. Вот в акционерный капитал “Ильюшин Финанс” они вошли, когда он уже стал успешной компанией. Единственное частно-государственное партнерство, которое и вытасило весь российский авиапром. И что, они спасибо мне сказали? Нет — они Бирюкова прислали, арестовывать мои акции. Чуть опять не погубили компанию. Потрясающая публика. И спросить не с кого.

— Можете ли вы реально влиять на решения в “Аэрофлоте”?

— Наше влияние очень маленькое. Ну, что мы можем? Грозить судом? Но ведь еще нужно, чтоб такое заявление приняли в суде. Много у нас судей, которые готовы рассматривать иски к Фрадкову? Пока нет. Мы можем давать пресс-конференции, делать заявления для прессы. Но это — мертвому припарки. А у них семь пятниц на неделе — и в результате два года не могут принять решения по закупкам дальнемагистральных самолетов. Срамota. Менеджмент не в чем упрекнуть — они выполняют директиву правительства.

— Как вы относитесь к стратегии “Аэрофлота” на поглощение региональных компаний с долей государства или полностью подконтрольных государству и создание единого большого госавиаперевозчика на базе “Аэрофлота”?

— Мы поддерживаем “Аэрофлот” в части, где это реально дополняет компанию, где есть необходимость консолидации

отрасли. Но ведь, кроме “Дальавиа” и “Владивостокавиа”, все остальное очень спорно. “Сибирь” — компания с частным контролем, “Красэйр” — частная. И это просто неэтично обсуждать. А уж когда они “мусор” предлагают — мертвые, несуществующие компании, — да еще этим хотят оплатить допэмиссию и “размыть” наш пакет — это явная засада и национализация. Или глупость. Бывает, иногда и не поймешь, что это такое. Поэтому в разумных пределах мы одобряем лишь допэмиссию с правильной оценкой присоединяемых компаний.

— Находит ли эта тенденция поддержку на самом верху?

— А что такое “самый верх”? И он ли решает? Работает ли нынешняя вертикаль власти? Когда я был членом совета директоров и предпринимателем, у меня хоть была возможность редко видеть президента, присутствовать на совете директоров, и все мои шаги были достаточно публичными. А поскольку я ушел, оставшиеся в совете директоров оказались в замкнутом пространстве, не имея ни возможности контактов с “верхом”, ни публичности. И на них никто даже внимания не обращает. В результате, если я говорю о бизнесе, меня обвиняют в преследовании мною бизнес-интересов. А ведь это не мой, а общенациональный интерес — как можно оставить главного авиаперевозчика в стране, то есть страну, без самолетов?! Я ни разу дивидендов от “Аэрофлота” не получил!

— Если у вас, бывшего коллеги президента, политика, не получается, то как тогда у остальных?

— На остальных уровнях плохо. Поэтому я и декларирую свою позицию открыто. Но ничего у нас в стране не получится, пока чиновники лезут в бизнес. Например, они попробовали “сделать доступным жилье”. Целый год они им занимались, и цены на жилье поднялись на сто процентов. И оно стало окончательно недоступным! Вместо того чтобы лелеять частный сектор, не душить его, реформировать — используют правоохранительные органы. Сегодня же бизнес уже не такой, как во времена Гусинского — Березовского, а более цивилизованный, так и относиться к нему надо как к цивилизованному. И зря чиновники считают, что они как собственники что-то могут — не могут. Ведь никому не приходит в голову национализировать рестораны! Государственный сектор не может у нас ни машин произво-

дальше хороших, ни одежду шить, иначе бы все ездили на отечественных машинах и одевались в изделия отечественного легпрома. Слава Богу, не приходит в голову это национализировать...

— **Вы можете предложить какой-то эффективный путь?**

— Можно начать хотя бы с расширения института независимых директоров. В совет директоров вводить не представителей государства и правительства, а ученых, специалистов. А в том же “Аэрофлоте” нет независимых директоров — только чиновники.

— **Расскажите об отношениях между ИФ и ФЛК в рамках ОАК.**

— Создание ОАК — это правильная вещь. Непонятно, правда, почему на это ушло шесть лет. Но в ОАК должна быть большая доля частного сектора — в акциях, в совете директоров, в выработке решений.

— **А разделение функций внутри ОАК вас устраивает?**

— То, что на базе “Ильюшин Финанс” создают блок продаж и промышленного производства — да. Плохо, что шесть лет потеряли, а теперь командным окриком оценивают акции “Ильюшин Финанс”. Почему вливают деньги в капитал, чего делать уже не нужно, вместо того чтобы давать госпоручительства и гарантии? Никакого прямого бюджетного финансирования авиационного лизинга размером в 6 млрд руб. в год не нужно. Это липовая “накачка” отрасли невозвратными государственными деньгами, которая развращает менеджмент госкомпаний и чревата коррупцией. Выходом является кардинальное изменение механизма финансирования закупок. Надо позволить авиализинговым компаниям привлекать для финансирования производства самолетов коммерческие кредиты, обеспеченные государственными гарантиями. Потребность в государственных гарантиях на 2007 г. в рамках данной программы составит 48 млрд руб. При этом сами госгарантии будут обеспечены залогом новых самолетов. А первоочередное право приобретения воздушных судов в рамках данной программы может быть предоставлено крупнейшим авиакомпаниям, в том числе с государственным участием, что будет стимулировать интеграционные процессы в гражданской авиации. То есть достаточно просто госгарантий. Ведь часть бюджетного капитала разворована — это касается

ФЛК. Это вскрыется рано или поздно. Но мне пока поправку по поручительствам и гарантиям не удалось провести.

— **А ваши прогнозы по этому поводу?**

— Это возможно. Если “Единая Россия” захочет произвести 300 самолетов до 2012-го, надо выдать необходимый объем поручительств и гарантий. Элементарно. А прямые бюджетные деньги — для “распила”, это непрозрачная схема.

— **Недавно вы передали фонду Раисы Горбачевой пакет акций компании ИФ. Сказали, что устали выслушивать обвинения в ее лоббировании.**

— Я это сделал с тем, чтобы в вопросе финансирования “Ильюшин Финанс” развязать себе руки. Избавившись от статуса собственника в “Ильюшин Финанс”, я могу двигать свои идеи, не опасаясь шипения за спиной о том, что я выгодоприобретатель.

— **А у вас нет ощущения, что вас пытаются выдавить из авиации?**

— Даже если так — ну и что? Это не так легко. У Бирюкова не вышло.

— **И до какой степени вы сможете сопротивляться?**

— У них пока ничего не вышло. Вся история с “Ильюшин Финанс” имела четкий план.

— **И к аэрофлотовскому пакету подбирались?**

— Да. Этим летом хотели миллиард акций выпустить. Если бы это было сделано, то пакет у нас “уехал” бы этак до 10%. А “Ильюшин Финанс” хотели национализировать. Мы выиграли суд.

— **Почему вас так привлекают разнопрофильные активы?**

— А почему они должны быть однопрофильные? Все создавалось с нуля! Когда мы покупали “Аэрофлот”, он стоил в пять раз дешевле. Доступное жилье — тоже с нуля. Мы не занимались залоговыми аукционами.

— **Вы верите в везение?**

— Я верю в упорный труд, знания и удачу. Была возможность зайти в залоговые аукционы — отказались.

— **Почему? Неужели по моральным соображениям?**

— Всегда должны учитываться моральные соображения.

— **Как вы относитесь к тому, что форвардные контракты теперь будут защищены законодательством?**

— Защищай их законом — не защищай, все равно это почва для мошеннической деятельности. Лучше, конечно, если законом они будут защищены, но сама природа форварда от этого не перестанет быть средой для мошенничества и коррупции. Это сказал еще Уоррен Баффет. Я убедился на своей шкуре.

— **Среди банкиров есть очень неоднозначные личности, зачастую не ассоциирующиеся с банковским бизнесом. Кем вы сейчас себя считаете — политиком или бизнесменом?**

— Конечно, не бизнесменом. Какой я бизнесмен? В бизнесе три года не работаю. После выборов в мэрию меня москвичи воспринимают по-другому. А банкиры, увы, у нас всякие есть. И в Думе, и в бизнесе остаются на плаву те, кто преднамеренно обанкрочивал банки. Например, один из них, по фамилии Букато, обанкротил аж 2 банка. Я старался как банкир никого не обманывать в своей жизни.

— **И все же, как бывший банкир с опытом, как вы оцениваете качество банковского регулирования в стране? Каким оно должно быть?**

— Минимальный капитал надо резко поднять до 1,5–3 млрд руб. и консолидировать банковскую систему. И тогда никто ничего не будет отмывать. А пока этого не будет, отмывочные конторы будут продолжать процветать, потому что банк с мизерным капиталом не может существовать на банковскую маржу, ему надо искать другие способы. И они “находят”.

— **Действительно ли, по-вашему, шаги по либерализации отрасли можно таковыми назвать?**

— Банковская отрасль у нас либерализована. Что там еще либерализовывать? Я б допустил филиалы иностранных банков, но со мной не все согласятся — имеет силу протекционистское лобби.

— А что выигрывает банковская система, если разрешать открывать полноценные филиалы, а не просто “дочки”?

— Преимущества очевидные — люди получают дешевые кредиты, которые пока недоступны. Ипотека подешевеет в три раза. И не надо переоценивать риски прихода крупных западных банков — у нас есть собственные сильные банки, и масса регулирующих инструментов. Зря не пускают: страдают от этого наши граждане.

Интервью взяла Елена Тихомирова

“Уважения к состоянию у нас нет”

Судитесь и добивайтесь

В воскресенье, 25 февраля, должно было вступить в силу решение Верховного суда РФ, который обязал премьер-министра РФ Михаила Фрадкова и его замов лично отвечать на адресованные им запросы депутатов и сенаторов. Иск подал зампред комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками Госдумы Александр Лебедев, которого возмущала существующая практика, когда отвечать на запросы народных избранников, в принципе, мог любой мелкий чиновник, что в большинстве случаев и происходило на практике. В результате 15 февраля суд своим решением отменил действующую норму правительственного регламента, нарушавшую закон о статусе членов Госдумы и Совета Федерации. В успех лебедевского иска мало кто верил, как и сейчас мало кто верит, что правительство не будет оспаривать решение суда и норму действительно уберут. Ведь в противном случае премьера завалят обращениями и у него просто не останется времени для занятий другими полезными делами. К тому же это вызовет резкий рост коррупции, ведь стоимость запросов парламентариев резко возрастет. Александр Лебедев рассказал, что он думает по этому поводу и какие еще “сюрпризы” готовит чиновникам.

— Александр Евгеньевич, как вам пришло в голову судиться с Фрадковым?

— Я уже давно обратил внимание на наплевательское отношение чиновников к законодательной ветви власти. Меня всегда возмущало, когда я направлял депутатский запрос главе правительства, а мне отвечал старший помощник младшего дворника из какого-нибудь “федерального агентства по рогам и копытам”. При том, что в законе о статусе депутата и сенатора — законе прямого действия — черным по белому написано, что ответы на запросы должны быть подписаны тем должностным лицом, которому они направлены. Причем там есть четкий срок — 30 дней. Когда в первый раз эта норма была нарушена, я обратился в мировой суд Пресненского района — по месту пребывания правительства. Однако судья сказал, что административное нарушение должен зафиксировать участковый. Тогда я написал заявление в милицию, в Пресненское ОВД, где попросил привлечь гражданина Фрадкова М.Е. к ответственности и взыскать с него штраф. Но милиция перепугалась и ушла в “несознанку”. И вот тогда мои юристы выяснили, что, оказывается, существует так называемый регламент правительства, который предписывает обращаться с депутатскими запросами именно таким образом. Я верю, что у нас правовое государство, поэтому немедленно обратился в Верховный суд с требованием отменить этот регламент. Теперь чиновники обязаны лично отвечать депутатам.

— **Не приведет ли это к росту коррупции, ведь стоимость парламентских запросов, на которые обязан отвечать премьер, превышает тот максимальный порог в \$100 тыс., который сейчас якобы существует?**

— Я не в курсе подобных расценок, никогда этим не интересовался. То, что я через суд заставил правительство уважать закон, считаю большой победой. Таким образом мы повысим ответственность чиновников. Ведь тот, чья подпись стоит под ответом на мой вопрос, отвечает за его содержание. Если же кто-то из коллег этим воспользуется в том плане, как вы сказали, то бог им судья.

— **А почему вы не пришли на судебное заседание?**

— Так сложилось, что 15 февраля каждый год отмечается как Международный день детей, больных раком. И я каждый год приезжаю в Российский онкологический научный центр им. Блохина на Каширском шоссе, чтобы поддержать малень-

ких пациентов. Благотворительный резервный фонд, который я возглавляю, каждый год выделяет несколько миллионов долларов на помощь детям с онкологическими заболеваниями. В России среди причин детской смертности рак стоит на втором месте после травматизма. Но онкологическое заболевание — это не смертный приговор, а то, что поддается лечению. Но это очень дорогая болезнь. Сейчас фонд запустил новую программу “Спасение через знание”, в рамках которой выделяются гранты врачам на стажировку в США и Европе. Ведь 90% препаратов и методик лечения, увы, разработаны там.

— **Вы также обещали подать в суд на Фрадкова, требуя от правительства одобрить сделку по покупке “Аэрофлотом” 22 самолетов “Боинг”.**

— В данном случае это уже не я решил подать, это НРК. Слушание дела в Верховном суде состоится 18 марта.

— **Как вы оцениваете шансы НРК?**

— Что тут рассуждать? Я предпочитаю действовать.

— **Коллеги по парламенту вас как-то поддерживают в судебных тяжбах?**

— Нет. Я один раз выступил в Думе и сказал: “Уважаемые коллеги, почему я один подаю иски, может, вы меня поддержите — в своих комитетах, фракциях?” Ответа не последовало.

— **Вы обещали проверить качество строительства, осуществляемого в Москве...**

— Я направил запросы в столичное правительство, но мне там пока ничего не ответили. Однако факт остается фактом: в России не существует строительных норм и правил (СНиПов) для домов выше 75 метров. То есть все это высотное строительство, которое мы наблюдаем в столице, в чистом виде самостоятельность. И кто будет отвечать за катастрофу, которая вполне реальна, совершенно непонятно. Мы ведь уже видели, что произошло с “Трансвааль-парком” или Бауманским рынком. А что будет, если рухнет какой-нибудь небоскреб? Что касается собственно жилья, то ситуация в Москве ужасная. У нас только 40% квартир раскупаются для того, чтобы там жить. Оставшиеся квартиры покупают те, у кого они уже есть, то есть те

же чиновники. Это просто новая финансовая пирамида, спекуляция.

— **Как вы оцениваете деятельность ЦБ?**

— У меня к нему нет претензий, но если ЦБ хочет прикрыть отмывание “грязных” денег, надо резко поднять планку минимального капитала банков, скажем, до 3 млрд рублей, как давно предлагает РСПП. Сейчас же в Москве работают сотни кредитных организаций, которые в принципе не могут быть рентабельными, если не занимаются отмыванием. Ведь содержание среднего банка стоит минимум 5 млн евро в год: нужно здание, причем не одно, специалисты, софт. Чтобы “отбить” 5 млн евро, нужно иметь в активах 100–150 млн евро — у нас много таких банков? Увы, нет. Значит, остальные заняты нелегальным бизнесом. Это не обвинение, это логика. Надо развивать крупные банки с большими филиальными сетями, стимулировать их, снижать требования к затратам на расчетно-кассовые узлы и открытие филиалов.

— **Как вы относитесь к рейтингам миллиардеров? В новом рейтинге “Ф.” вы поднялись на одну строчку вверх, заняв 36-е место с состоянием в \$2,5 млрд (в 2005-м было \$1,7 млрд).**

— Вы бы меня пожалели и вообще бы не включали ни в какие рейтинги, а то из-за этого в Думе еще тяжелее работать. Ведь никакого уважения к состоянию у нас по-прежнему нет, и разбираться в происхождении денег никто не хочет. А зря. Я, например, думаю, что нам неплохо было бы позаимствовать опыт британских лейбористов и ввести налог на “доходы, принесенные ветром”, как они его называют. Это такой специальный фискальный инструмент, который позволяет исправить задним числом несправедливости тэтчеровской приватизации. Думаю, наши залоговые аукционы середины 1990-х идеально попадают под понятие “доходов, принесенных ветром”. Неплохо было бы и составить рейтинг состояний российских чиновников, которых я называю долбинами — должностными лицами с бизнес-интересами. Они имеют напрямую или через близких родственников бизнес в тех сферах, которые контролируют или регулируют. Уверен, фигуранты подобного рейтинга дали бы большую фору тем представителям бизнеса, которые сегодня периодически публикуются.

— Но ведь вы сами связаны с бизнесом...

— Я не вникаю в то, что происходит с бизнесом НРК. Моя основная работа — в Госдуме, а все принадлежащие мне акции отданы в траст. Я не занимался скупкой скважин и рудников, а стараюсь использовать имеющиеся у меня ресурсы для развития страны. Не создал бы я, скажем, “Ильюшин Финанс” в 2000 г., не было бы сегодня вообще никакого гражданского авиапрома. Я же не извлек из этого проекта ни копейки!

— Зачем вы передали акции “Ильюшин Финанс” (26,6%) Фонду имени Раисы Горбачевой?

— Этот процесс идет. Юристы работают над процедурой, но мне кажется, что правильнее было бы дождаться закона об эндаументах (фонды целевого капитала, аккумулирующие средства бизнеса, спонсоров и благотворителей, которым предоставляются налоговые льготы. — “Ф.”). Мы собираемся передать акции, чтобы все доходы от них направлялись в соответствии с уставной деятельностью фонда на борьбу с детскими лейкозами. А наши СМИ написали, что я это сделал для того, чтобы увести активы в Великобританию. Какая глупость!

— В каком состоянии конфликт “Ильюшин Финанс” с Генпрокуратурой?

— Претензий к бывшему руководству компании вроде бы больше нет. Есть дело против Гусева (Николай Гусев, бывший замминистра имущественных отношений, сейчас помощник министра промышленности и энергетики. — “Ф.”) о том, что правительство якобы неправильно оплатило акции компании. Но по этому вопросу есть решение Высшего арбитражного суда, который признал, что все было сделано правильно. Это была такая хитрая комбинация, когда юристы НРК специально оспорили действия правительства по выкупу акций эмиссии, в результате которой был увеличен капитал “Ильюшин Финанс” и произошел весь этот сыр-бор с арестом бумаг. Мы специально подали иск, чтобы его проиграть. Когда суд нам отказал, он тем самым признал законность всех процедур. Какие вопросы после этого могут быть к Гусеву, ведь мы его выгородили? Тем не менее прокуратура продолжает “работать”, какие-то следователи в НРК постоянно болтаются, показывают какие-то бумажки моим сотрудникам. Это какой-то сюрреализм.

— Проходила информация, что НРК ищет покупателей на акции “Аэрофлота”...

— Любая корпорация ищет покупателя, предлагающего выгодные условия. Бизнес есть бизнес, и если на него есть серьезные покупатели, иногда надо фиксировать прибыль. Но я не вмешиваюсь в дела корпорации, и у меня нет информации о готовящейся сделке.

— **Зачем вы купили “Новую газету”?**

— Это, так сказать, товарищеская помощь газете, которая позволяет себе на фоне полного конформизма высказывать хоть какую-то критику в адрес действующей власти. Пусть это не всегда бывает профессионально и не всегда в уместной форме, но это хоть что-то. Нельзя же было дать газете умереть! У нее рекламы нет, тиража, за который можно деньги получать, почти нет, и она вынуждена была постоянно печатать “заказуху”. Я намерен все это прекратить. Мы договорились, что все контракты с пиар-агентствами я компенсирую, плюс выплачу бонусы. И журналисты будут работать за зарплату, то есть писать честно.

— **Во сколько вам обошлась газета?**

— С учетом покупки 49% акций, которым владел трудовой коллектив, в несколько миллионов долларов. Часть моих денег пошла на выплату зарплаты, бонусы сотрудникам, а также на увеличение тиража, изменение формата газеты и ее сайта. Я не вмешиваюсь в редакционную политику. Только иногда, когда я с чем-то не согласен, публикую открытые письма — последнее было в январе. Хочу заметить, что по сравнению с тем периодом, когда я не был акционером “Новой”, моя упоминаемость в ней упала на порядок. Раньше у меня периодически брали интервью, а теперь принципиально игнорируют.

Эндшпиль

— **Какие законы вы будете лоббировать в этом году?**

— Хотим окончательно запретить “мигалки” для всех чиновников, оставив их только милиции, “Скорой помощи” и аварийным службам. Тем чиновникам, у которых есть охрана и маши-

ны сопровождения, “мигалки” не нужны, а все остальные обойдутся. Надо поправить закон о “материнском капитале”. Во-первых, снять ограничение по количеству раз его получения — сейчас эти условные деньги даются только единожды. А во-вторых (и это главное), надо превратить их в настоящий капитал, расширив сферы его применения. Например, разрешив размещать эти деньги на депозитах в уполномоченных банках. Ведь даже при самом консервативном способе размещения это будет около 25 тыс. рублей в год. Надо, конечно, довести “до ума” тему “сделок с правосудием”. Это единственный доступный в условиях правового государства инструмент борьбы с организованной преступностью. Когда мелкая сошка в банде — преступник, замешанный в грязных делах, получает “отпущение грехов” за то, что сдает правосудию всю банду, а сам попадает под программу защиты свидетелей. Я уверен, что, если мы внедрим эту норму, организованная преступность через пару лет станет анахронизмом.

— Какие депутатские запросы вы планируете направить в ближайшее время?

— Большинство моих запросов касаются правозащитной тематики. Я стараюсь защищать людей, которых пытаются выселить или отобрать их собственность. Но и чиновников я тоже из виду не упускаю. Например, сейчас заинтересовался, откуда взялись “серые” ноутбуки Vaio, которые поставлялись в аппарат правительства вплоть до 2005 г. и которые мы постоянно видим на столе у министров в зале заседаний правительства. На них красуется логотип фирмы Sony, представители которой понятия не имеют, как они попали в Белый дом. А у нас пытаются засудить простого директора школы, который использует нелегальные программы. Кроме того, я тут случайно узнал, что уже четыре года застрахован по ОМС, как и все другие депутаты, в страховой компании “Макс”. Я хочу знать, почему меня не спросили, хочу ли я страховаться в этой компании и не аффилирована ли она с Михаилом Зурабовым (глава Минздравсоцразвития. — “Ф.”). Мне это очень интересно, честное слово.

Интервью взяла *Наталья Шакланова*,
заместитель главного редактора “Ф”.

Плата за легитимность

Вот уже 10 лет не утихают дискуссии вокруг ключевого для российской экономики события в постсоветской истории — залоговых аукционов. И это неудивительно, ибо по своим масштабам и последствиям залоговые аукционы 1995—1997 гг. являются беспрецедентной в истории мировой цивилизации финансовой аферой. Наиболее прибыльные компании, прежде всего в добывающей отрасли, были переданы из государственной собственности в частные руки за символическую плату, причем финансирование сделок зачастую происходило деньгами бюджетных организаций, находившимися на счетах частных банков.

Впрочем, эти аукционы лишь часть, хотя и наиболее скандальная, истории российской приватизации, один из множества относительно честных способов отъема собственности у государства. “Продав” более 150 000 предприятий, государство выручило целых \$9,7 млрд — примерно столько, сколько после адекватной рыночной оценки в 2004 г. было заплачено за один “Юганскнефтегаз”, некогда проданный за \$160 миллионов.

Нельзя сказать, что не было попыток пересмотреть результаты столь “эффективного” менеджмента. Однако во всех случаях эта тема использовалась либо оппозицией в политических целях, либо отдельными силовыми структурами для запугивания олигархических групп и получения мзды. То есть всерьез государство этим не занималось. Что неудивительно: реализация де-факто мошеннических схем приватизации была де-юре относительно легитимна. Она осуществлялась самими государственными чиновниками, которые во всех сделках являлись заинтересованной стороной.

Как только у нас на повестку дня встает вопрос о вопиющей несправедливости, которую представляет собой российская пародия на приватизацию, раздается унылый хор адептов экономического пацифизма, пугающих публику гражданской войной. Они наперебой рассказывают нам о том, какие неисчислимые беды грозят России, если она, не дай бог, попытается разобраться в прошлом.

Во-первых, хотелось бы обратить внимание на то, что нет ничего более провоцирующего гражданскую войну, чем смако-

вание на центральных телеканалах известий о покупке очередным героем приватизационных афер очередной круизной яхты, самолета, особняка в лондонском Сити или виллы на Лазурном берегу Франции. А во-вторых, для того чтобы восстановить элементарную справедливость, нет необходимости заниматься никакими “переделами”.

По иронии судьбы в том же 1997 г., когда в России заканчивали делить уведенные с помощью залоговых аукционов активы, в Великобритании на смену консервативным правительствам Маргарет Тэтчер и Джона Мэйджора пришла лейбористская партия во главе с Тони Блэром. Как известно, консерваторы вели беспощадную борьбу со всяческим государственным патернализмом. Сразу после прихода к власти в 1979 г. они начали массовую приватизацию госимущества. Конечно, до ваучеров и залоговых аукционов они не додумались, но акции нефте- и газодобывающих компаний, предприятий энергетики и связи пошли с молотка по бросовым ценам.

Когда лейбористы победили на выборах, со времен тэтчеровской приватизации прошло 18 лет. Однако они решили “поковыряться в прошлом” и ввели специальный налог на непредвиденные доходы (windfall profit tax). Его ставка составляла 23% от разницы между ценой акций, приобретенных у государства, и девятикратным размером средней прибыли компании, которую она получала в течение первых четырех лет после приватизации. Благодаря налогу было получено более 5 млрд фунтов стерлингов, большая часть которых пошла на социальные программы.

Представляется, что этот опыт родины капитализма, который был признан успешным даже политическими оппонентами лейбористов, очень востребован в нашей стране. Группа экспертов Национального инвестиционного совета сейчас заканчивает работу над проектом закона, который я намерен в ближайшее время внести в Госдуму. Уже понятны общие принципы этой модели, которая должна отличаться от английской.

Там налог взимался с компаний, и зачастую расплачиваться были вынуждены не те, кто скупал активы по дешевке, а последующие добросовестные приобретатели. В нашем случае было бы неправильно, чтобы за грехи победителей залоговых аукционов страдали те, кто стал акционером их компаний впоследствии. Поэтому единовременным налогом на сверхприбыль

должны облагаться физические лица — выгодоприобретатели от приватизационных сделок. При этом налог может быть либо выплачен в бюджет живыми деньгами, либо компенсирован ликвидными активами.

По самым скромным подсчетам, дополнительных средств бюджета хватит на несколько новых нацпроектов как в социальной сфере, так и инфраструктурного характера. Например, для повышения пенсий, реконструкции дорожной сети, для выхода государства на рынок жилья и создания жилищного фонда, который можно было бы сдавать в социальный наем бюджетникам.

О том, насколько благотворно такая мера скажется на климате взаимоотношений между государством, обществом и крупным капиталом, не стоит даже говорить: еще неизвестно, для кого из участников этого треугольника проект окажется более выгоден. Разумеется, в долгосрочной перспективе.

МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ

К свободному обществу и ответственному государству

Мировая история знает немало примеров, когда народы, появившись и построив свои государства, гордо и величественно возвышались над соседями, считая только самих себя источником культуры и цивилизации. Потом эти империи рушились.

Наше государство за минувшее тысячелетие пережило многое из того, что для судьбы другого стало бы концом истории. Раскол, иго, смута, непосильное имперское бремя — вот характерные для русской истории понятия. Но самые тяжкие испытания для России принес век двадцатый.

Две мировые войны нанесли непоправимый урон генофонду нации. А родившийся из хаоса гражданской войны тоталитарный режим на протяжении нескольких поколений жизни советских граждан ставил эксперимент по выведению новой породы человека, отрицающего собственную личность и жертвующего своим достоинством во имя неких идеалов.

Эксперимент не удался. Но бесславное крушение коммунизма ознаменовалось приходом к власти сил, сделавших хаос источником своей легитимности, а разрушение — инструментом своей политики.

Власть, основанная на безвластии, безучастно следила, а порой и сознательно поощряла формирование криминально-олигархических сообществ, рвущих страну на части. Менее чем за 10 лет Россия была доведена до состояния аморфного конгломерата удельных княжеств, в которых царил бандитский произвол и “презумпция первого выстрела”.

Российские вести, 08.04.2005 г. (По материалам «круглого стола» “Бизнес и власть: диалог и стратегия взаимодействия”, Совета по национальной идеологии. “Александр Хаус”, 5 апреля 2005 г.).

Логическим завершением периода распада и началом конца российской истории мог бы стать поход Шамиля Басаева и его друзей в Дагестан и далее со всеми останковками.

Однако, оказавшись перед пропастью, нация смогла мобилизоваться и преодолеть разложение тканей государственного организма. Многих бандитов загнали обратно в горы и тюрьмы, восстановили управляемость, вывели власть из подчиненного по отношению к олигархам положения.

Для человека, полагающего, что любое государство все же лучше, чем анархия, вышеперечисленное — благая весть. Но выбор между анархией и плохим государством — это ложный выбор. Нас не могут не тревожить тенденции, проявившиеся в отношениях между обществом и государством за последние годы, и мы не станем молчать, когда видим, что процесс государственного строительства ведет страну в тупик.

Мы не считаем, что механическое “выстраивание” государственных, политических и общественных институтов под никем не обозначенные задачи и никем не поставленные цели отвечает интересам развития. Мы вообще против “выстраивания” как принципа организации управления.

Иерархия была хороша во времена Рамзеса II, будучи неплохим подспорьем в строительстве пирамид. Сейчас же, увлекшись разветвлением и почкованием всяческих вертикалей, мы рискуем как результат получить безответственное государство и недееспособное общество.

Отбирая у государственных структур разного уровня ресурсы, свободу и полномочия, делая их ответственными исключительно перед вышестоящим начальством, мы на самом деле лишаем их стимула к самостоятельному мышлению и отучаем принимать решения, побуждая к творческим поискам исключительно на nive отчетности.

А начальство, в свою очередь, отвечает только перед еще более вышестоящим. И так далее, и так далее. В конце концов все полномочия перекладываются на президента, который один за все отвечает и один принимает все решения.

Такая философия управления, как мы уже реально видим на примере эпопеи с монетизацией льгот, приводит к сбоям и параличу государственного механизма. Причем мы хорошо понимаем, что это не продукт злой воли Кремля, а порок пост-ельцинской системы организации власти.

Точно так же развитию страны противопоказан принцип манипуляции, который все более отчетливо проступает во взаимоотношениях между государством и обществом. Особенно ярко это проявляется в деятельности средств массовой информации, превращающихся из самостоятельного общественного института в исполнителей того или иного госзаказа.

Политические партии, которые должны были бы стать выразителями определенных общественных настроений, на деле становятся придатками окол властных группировок или приводными ремнями политики той или иной башни Кремля.

Нравы, бытующие в нашем деловом сообществе, также оставляют желать много лучшего. Провозглашенный когда-то принцип равноудаленности бизнеса от власти так и остался благим пожеланием. В экономике правят бал аффилированные с государством компании или уполномоченные властью финансово-промышленные группы.

Такие “доверительные” отношения порождают коррупцию, которая разъедает столь лелеемую ею вертикаль. Малый бизнес, который должен был бы стать основой благополучия широких масс населения, задавлен административной пятой алчной бюрократии на местах.

Терпеть такое положение вещей более не следует. Настало время указать на губительные изъяны и предложить новые подходы в политике, экономике, общественной жизни. А главное — новую философию нашего национального бытия.

Мы убеждены, что основополагающим принципом нового государственного проекта, способным высвободить творческую энергию миллионов людей, является принцип самоорганизации свободных граждан.

Памятуя о предшествующем историческом периоде, государство, конечно, должно сохранять контроль в жизненно важных для выживания нации сферах — обороне, безопасности, обеспечении общественного порядка. Но концентрации ресурсов на том или ином направлении должно предшествовать формулирование задач, под которые такие ресурсы концентрируются.

При этом надо четко понимать, что у государственного аппарата не должно быть никаких самостоятельных интересов, его задача — понять, сформулировать и реализовать национальный интерес. Поэтому переосмысление роли государства и его политическая трансформация должна идти по трем направлени-

ям: внутреннее переустройство, отношения с обществом и бизнес-сообществом.

Первое. Федеральная власть, решающая общенациональные задачи, должна быть реально разделена на законодательную, исполнительную и судебную. В рамках исполнительной власти должна быть определена четкая компетенция отдельных ее субъектов, которым предоставляется свобода действий.

В целях создания эффективного механизма управления принятие решений по вопросам, которые не соответствуют общенациональным задачам, должно быть децентрализовано, а полномочия распределены по различным этажам управления. Нижестоящим уровням должны быть переданы не только полномочия, но и ресурсы. Федеральная власть не должна более думать о том, какую поликлинику построить в Ейске, а какую — в Биробиджане.

Второе. В выполнении своих функций власть должна отвечать перед обществом, а это нельзя сделать, когда вместо собеседника она смотрит в зеркало и видит самое себя. Ради будущего страны государство должно пойти по пути самоограничения. Гражданское общество нельзя построить — точно так же, как невозможно, сидя в кабинете, сочинить национальную идею. Принцип выборности глав исполнительной власти субъектов федерации должен быть восстановлен.

Необходимо прекратить вмешательство государства в процесс партийного строительства и манипулирования средствами массовой информации. Государство, напротив, должно взять на себя нелегкий и неблагодарный труд обеспечить политический и информационный плюрализм, выступая в роли антимонопольного ведомства.

Третье. В экономике государство должно избавиться от активов, не имеющих отношения к решению общенациональных задач. Его функции здесь сводятся к роли арбитра, удаляющего с поля за нечестную игру.

Надо ли говорить, что сам судья должен быть свободен от подозрений в коррупции, для чего необходимо ликвидировать все механизмы, ставящие успех того или иного бизнес-проекта в зависимость от благосклонности того или иного чиновника.

Государство при этом остается бенефициаром саморегулирующегося и развивающегося по законам конкуренции народного хозяйства, снимая сливки в виде единых для всех налогов и на-

правляя средства на исполнение своих обязанностей перед обществом, среди которых неизменно остается поддержка слабых.

Только взяв на вооружение эти принципы, Россия сможет выйти из застоя, признаки которого все более и более просматриваются в нашей повседневной жизни, создать условия для роста благосостояния граждан и обеспечить себе достойное место среди мировых держав XXI в.

Семье нужна неотложка

Рассуждения на тему естественной убыли населения давно стали общим местом в речах наших политических деятелей самых разных расцветок и ориентации. Действительно, только за прошлый год количество умерших превысило число родившихся в полтора раза, а с 1992 г., по официальной статистике, Россия потеряла 9 млн граждан. Если так пойдет и дальше, то уже через 50 лет в стране может остаться 100 млн человек. Причем, учитывая непрекращающийся поток гастарбайтеров с юга и востока, соотношение между коренным населением и мигрантами в целом ряде регионов, например в Москве, может стать угрожающим.

Немудрено, что тезис об антинародном правительстве, которое искусственно ведет нацию к вымиранию, кочует из выступления в выступление всех оппозиционных лидеров. В том, что касается постановки диагноза, по большинству пунктов с ними нельзя не согласиться. Здесь и экономическая депрессия, и развал системы социальной опеки и здравоохранения, и алкоголизация населения, и многие другие сопутствующие обстоятельства системного кризиса, вызванного крушением прежней социалистической системы.

Однако беда в том, что кроме этих заклинаний мы ничего больше не слышим. Вместо лечения нам предлагают очередной набор штампов о пользе всем быть богатыми и здоровыми. Что, конечно же, немедленно произойдет — стоит только отдать свой драгоценный голос на предстоящих выборах за партию X или партию Y. Между тем они как-то забывают, что многое здесь находится вне сферы государственного регулирования и

не может быть решено никакими политическими и административными мерами.

Накануне Международного дня защиты детей самое время всерьез задуматься о том, как нам справиться с бедой, которая лежит в основе демографического кризиса и уже стала угрозой нашему будущему. Я имею в виду проблемы воспроизводства нации и брошенность подрастающего поколения россиян.

Развенчание уз Гименея

По моему убеждению, истинная первопричина убыли населения заключается в деградации семьи как общественного института. Если в советские времена представление о ней как о ячейке общества, вне которой человек является социально ущербным, было преобладающим, то теперь все не так. Этому, конечно, есть объективное объяснение: новые условия жизни, агрессивная внешняя среда и каждодневная борьба за выживание делают мужчин и женщин, особенно молодежь, более мобильными, да и выживать проще в одиночку. Никто теперь при устройстве на работу не рассматривает — во всяком случае, не так пристально, как раньше, — записи о семейном положении в паспорте.

Но нельзя не обратить внимание на то, что в последние годы наряду с общими условиями, не способствующими укреплению семьи, имеет место намеренная кампания по ее дискредитации (имею в виду семью в традиционном значении этого слова, так как шумные и на первый взгляд бессмысленные пиар-акции за легализацию однополых браков, выставяющие нормальный брак на посмешище, не что иное, как часть такой кампании). Через средства массовой информации в общественное сознание активно и умело внедряется мнение об архаичности формального союза, о преимуществах “свободных отношений” и т.п.

Не имея никаких внешних стимулов, многие наши граждане к тому же перестали воспринимать семью как важнейшую ценность и жизненный приоритет. В результате сочетания этих факторов имеем то, что имеем. Если в 50-е и 70-е годы прошлого века на 100 браков приходилось соответственно 7 и 15 разводов, то сегодня 75. По данным последней переписи, 50% наших женщин — незамужние, причем из каждой тысячи 175 никогда не состояли в браке. Эта сухая цифра имеет самое непосредственное отношение к обсуждаемой нами проблеме, так как в первую очередь отражается на детях — как уже имеющих “в

наличии”, так и тех, кто был “в проекте”, но не смог появиться на свет.

Быть или не быть: кто в ответе за подрастающее поколение?

Пренебрежительное отношение многих мужчин к узам Гименя привело к тому, что они искренне убеждены: перспектива и даже факт рождения у них ребенка не накладывают никаких обязательств, что это проблема женщины, которая “могла бы до этого и не доводить”. Как результат — ужасающая статистика аборт, за каждым из которых стоит трагедия (давайте не забывать об этом) не только для матери, потому что каждый раз вместе мы теряем кого-то из сограждан.

Решение о рождении и воспитании ребенка в одиночку в наше время — шаг, извините за каламбур, для женщины мужественный, если учесть общие условия жизни и скептическое отношение большинства работодателей к матерям-одиночкам. Надо отдать должное нашим женщинам — они все же идут на это, и неуклонный рост неполных семей, доля которых достигла 27%, об этом свидетельствует. Однако ребенок, рожденный вне брака или оказавшийся вследствие развода в неполной семье, как правило, последний. Ввиду низкого уровня доходов большинства россиян появление у одинокой женщины второго или даже третьего ребенка (если, конечно, это ее сознательный выбор) можно отнести к разряду геройских поступков.

Тем не менее утверждаю, что главная причина общего падения рождаемости все-таки лежит в сфере массовой психологии. Ведь мы знаем немало стран, где население по сравнению с нашим просто нищее, откуда к нам бегут в поисках лучшей жизни. Но именно в этих странах наблюдаем демографический взрыв, который, кстати, как помпа, выталкивает на Север и Запад новые и новые волны мигрантов. И напротив, государства Старого Света, составляющие костяк “золотого миллиарда”, сталкиваются с теми же, что и мы, демографическими проблемами — просто у них ввиду большей продолжительности жизни старшего поколения убыль не так очевидна.

Сам по себе распад семейного уклада — явление в значительной мере культурное, а не экономическое. Точно так же низкая рождаемость, тесно связанная с ним на бытовом уровне, тоже является следствием деградации представления о детях как основе и смысле жизни. Они оказались брошены, их зачастую

воспринимают как обузу. В стране 750 тысяч официально числятся сиротами — это в полтора раза больше, чем 60 лет назад, по окончании Великой Отечественной! Сколько их на самом деле, не знает никто, но считается, что по городам и весям бродят 4 млн беспризорников. Причем подавляющее большинство из них — это сироты при живых родителях. И неудивительно — каждый год сотни тысяч детей становятся жертвами насилия в семье, 50 тысяч убегают из дома, более двух тысяч кончают жизнь самоубийством, сотни погибают от рук родителей.

Сиротство калечит подрастающее поколение: только каждый десятый из воспитанников детских домов адаптируется к нормальной жизни, большинство попадает в тюрьмы, спивается, кончает жизнь самоубийством. Как можно, зная все эти цифры, говорить об увеличении рождаемости? До тех пор пока мы на корню не решим проблему с беспризорным поколением, нечего даже мечтать об исправлении демографического провала. Тем более что это поколение несет в себе скрытую угрозу будущему страны, ведь оно будет и далее воспроизводить определенный тип поведения и жизненный уклад.

Что делать и чего не делать

Если мы не хотим, чтобы с учетом нынешней динамики Россия превратилась в вымирающую страну сирот, надо искоренять саму болезнь, а не бороться с ее симптомами. Главное условие физического выживания для нас — пересмотр отношения к семье как общественному институту. Не надо, как в прежние годы, загонять людей в “ячейки”. Надо просто понять, что семья — это малая Церковь и самодостаточный мир для цивилизованного человека. И государство здесь по большому счету ни при чем. Для того чтобы сформировалось именно такое представление о семье, необходимы усилия самого общества. Здесь трудно переоценить вклад, который может внести Русская православная церковь, которая более тысячи лет хранит традиции и оберегает нравственные основы жизни нашего народа.

Государство может и должно создавать внешние условия для укрепления семьи. От него на самом деле зависит сегодня решение главного вопроса, мешающего формированию такого благоприятного климата, — квартирного, который испортил не одних только москвичей. Я уверен, что массовое строительство доступного жилья, обеспечение каждой молодой семьи удоб-

ным, а главное, собственным жилищем является тем посильным вкладом, которое может внести государство в восстановление престижа семьи как института. И еще одно: если нельзя дать детям лучшее, дайте хоть что-нибудь их родителям. Надо предоставить такие детские пособия, чтобы появление детей в семьях было как минимум необременительно. Все это, конечно, требует значительных затрат, но никакой Стабилизационный фонд не стоит слезы ребенка. В противном случае очень скоро доведем число сирот до миллиона и будем двигаться дальше в том же духе. Хороший пример здесь подают наши соседи: в той же Украине, переживающей свои экономические трудности, пособия составляют 1700 долларов!

Что же касается тех, кто уже сегодня мыкается по детским домам и приютам, пора понять, что государство — плохой воспитатель. Его усилия должны быть направлены на то, чтобы распределять детей-сирот в приемные семьи. За это, а не за “освоение” бюджетных средств соцработники должны получать зарплату, и на адресную поддержку таких семей надо направлять средства, которые сегодня тратятся на поддержание на плаву системы детдомов и интернатов. Брать на воспитание приемных детей должно быть выгодно — пусть это будет небольшим, но источником дохода. В этом случае мы сможем избавить наконец наших чиновников от опеки над детьми, вменив им надзор за содержанием сирот в приемных семьях.

В вопросе о международном усыновлении, вокруг которого сейчас много споров, ни в коем случае нельзя принимать решения, которые могли бы закрыть такую возможность. Ведь не надо забывать, что значительная часть детей, которых берут в свои семьи иностранцы, имеют врожденные пороки и страдают тяжелыми хроническими заболеваниями, а поэтому им трудно найти приемных родителей в России. Однако следует идти по пути ужесточения контроля и прекратить практику передачи детей неизвестно откуда появляющимся гастролерам, наживающимся на торговле детьми, и осуществлять эту деятельность исключительно через организации, имеющие репутацию и способные отвечать за те семьи, которые они рекомендуют в качестве приемных. Единственно возможный путь для этого — скорейшая ратификация подписанной еще в 2000 г. президентом России Гагской конвенции о защите детей, предусматривающей международные механизмы такого контроля.

По ту сторону Ходорковского

Во времена коммунистического правления первым словом, приходившим в голову при упоминании советского политического режима, был ГУЛАГ. При Михаиле Горбачеве “словом дня” стала перестройка. После распада Советского Союза в 1991 г. мы мечтали о том, чтобы нашу страну ассоциировали с понятием “демократия”. Однако все обернулось не совсем так, как мы ожидали: страну стали гораздо больше ассоциировать не с демократией, а с коррупцией.

Советская бюрократия упустила историческую возможность, данную ей либеральными реформаторами, и вновь занялась перераспределением активов и ресурсов в собственную пользу, оставив большинству населения сущие крохи. Недавний суд над Михаилом Ходорковским, закончившийся обвинительным приговором и вызвавший серьезный резонанс на Западе, никого не должен отвлекать от всеобъемлющего характера этой проблемы. Малые и средние предприятия, на которых в любой индустриально развитой стране держится стабильный экономический рост и благополучие среднего класса, душат с одной стороны государственная система и с другой — организованная преступность.

Вроде бы не изменилось ровным счетом ничего. Чиновники до сих пор управляют ключевыми отраслями экономики посредством корпораций с государственным капиталом. Стратегически важные отрасли угасают в результате неэффективного и безответственного управления государственной собственностью (причем государственная собственность, как правило, означает, что за нее никто конкретно не отвечает), как произошло, к примеру, с авиапроизводством. На долю России, некогда одного из крупнейших в мире производителей гражданских самолетов, сегодня на этом рынке приходится всего один процент.

Однако кое-кому государственный контроль все же приносит прибыль — самим чиновникам. “Скромные” государственные служащие из России приобретают яхты и роскошные виллы, о чем на Западе все знают и открыто их за это презирают. Коррупция и связанная с нею и ею же порождаемая преступная деятельность уже стали крупнейшей политической проблемой:

коррупцированные чиновники продолжают, в попытке сохранить контроль над российским обществом, исказить картину социально-экономического прогресса.

Действительно, жизнь в сегодняшней России не идет ни в какое сравнение с жизнью во времена Советского Союза. Сегодня у нас есть независимые средства массовой информации, хотя их деятельности и чинятся различные весьма серьезные препятствия, у наших граждан есть возможность создавать политические партии и участвовать в свободных выборах.

Однако после недолгого периода либерализма в стране появилась новая политическая система — система, тонко манипулирующая массовым сознанием российских граждан. Власть не подавляет политическую оппозицию — она просто насаждает собственную позицию с помощью СМИ, которые боятся вызвать раздражение государственных органов. Нет ничего удивительного в том, что в телевизионных репортажах появляются только лояльные власти политики, с тем чтобы максимально облегчить этим тщательно отобранным “преемникам” захват полного контроля над ключевыми политическими партиями.

Долго такая политическая система просуществовать не сможет. Подобная политическая система — это анахронизм, не дающий нормально развиваться свободному обществу. Не случайно российская публика благожелательно отреагировала на заявление президента Владимира Путина, сделанное им 25 апреля, в котором он объявил “крестовый поход” против коррупционеров. Я оптимист и верю в то, что этот поход закончится победой российского народа, что народ вновь обретет право голоса и в стране после 15 лет трудных реформ наконец станут актуальными демократические ценности.

Резкая критика Запада и заявления о том, что Россия сошла с пути демократии и рыночных реформ, в определенной степени оправданны. Повседневная реальность в России, стремящейся преодолеть свое авторитарное прошлое, до сих пор омрачена атаками бюрократии на либеральные ценности, использованием фискальных органов в качестве политических и экономических инструментов и попытками контролировать суды, которые должны быть независимы от государства. Однако в то же время многие люди в России настолько негативно реагируют на подобную критику из-за границы, что для демократических сил внутри страны она оборачивается лишь большими проблемами.

Наши друзья в европейских и американских политических и деловых кругах должны оказать нам помощь, без которой нам трудно бороться с монстром российской бюрократии. Западные компании должны отказаться вести бизнес с нечестными представителями государственных компаний и должны перестать платить взятки российским чиновникам. Такие иностранные государства, как Соединенные Штаты, должны ясно определить свою позицию: они не приветствуют коррумпированный бизнес. Международные правоохранительные органы должны ужесточить контроль над попытками отмывания денег, вывозимых из России. Все это в конечном итоге должно лишить высокопоставленных российских бюрократов возможности контролировать экономику и общество нашей страны.

Конечным итогом антикоррупционного похода под предводительством президента Путина, если ему будет оказана столь необходимая нам поддержка Запада, станет неизбежный распад системы российской “управляемой демократии”, и настанет конец грязным делишкам теневых бюрократов, тормозящих рост страны.

Забывтый полк “суверенной демократии”

В последнее время умы российской политической элиты буквально заморожены словосочетанием “суверенная демократия”. Причем складывается ощущение, что это не очередная пропагандистская кампания, а серьезная попытка осмыслить идеологические основы бытия современного российского государства. Таковую попытку нельзя не приветствовать, а саму формулу трудно не назвать удачной. И то, что она исходит от одного из топ-менеджеров государства, говорит о том, что наш госаппарат (по крайней мере частично) становится просвещенным.

Хорошо, что представления о суверенитете, праве выбора вариантов развития и места под солнцем вообще соседствуют с желательным выбором формы правления — демократией. Тем самым авторы идеи пытаются подчеркнуть, что такой выбор делается нацией осознанно и самостоятельно. Демократия при

этом не является личиной внешнего управления, а вполне органична и соответствует внутреннему укладу жизни государства.

С потенциальным носителем подобной идеологии все более или менее понятно — это элита. Однако вот какой вопрос пока остается без ответа: кто может стать социальной базой этой политики, субъектом творческой, а не пассивной поддержки просвещенной власти? Сегодня, увы, между властью, элитой и большинством — вакуум, в котором витают устаревшие идеологические клише, фантомы, усложняющие и искажающие взаимодействие.

Для этого есть понятные исторические предпосылки. Еще в некрасовские времена наиболее активным представителям того, что у нас именуется “населением”, доставалась лишь участь безвременного стояния у парадного подъезда. Это можно считать частью национального менталитета, частью традиции. Однако в такой традиции нет ничего хорошего. Если мы хотим построить современное, конкурентоспособное, а значит, суверенное государство, то в его основе должна лежать творческая инициатива и самоорганизация свободных граждан.

Иными словами, существует острая потребность найти точку сопряжения общественного спроса и государственного предложения, что и есть условие появления полноценной, а значит, эффективной идеологии. Простых импульсов, исходящих от государства, — о том, что его собственная структурная перестройка состоялась, сложилась система демократических институтов и есть все предпосылки для устойчивого развития политического плюрализма, — оказывается недостаточно. Народ безмолвствует.

В итоге просвещенная государственная бюрократия вынуждена сама заниматься насаждением разнообразия и выращиванием гражданского общества. Все это втискивается в прокрустово ложе противоречивых и громоздких конструкций — правая риторика при “левом повороте”, “ставка на перерабатывающие отрасли” при “энергетической сверхдержаве” и т.п. Получается идеологический гибрид (“Единая Россия”), который в таком его виде заслуженно критикуют за непоследовательность и аморфность. Другой вариант — дробить политический спектр на соответствующие различным искусственным лейблам структуры (“левые центристы”, “правое крыло ЕР”) — заставляет вспомнить принцип “бритвы Оккама” о бессмысленности умножать сущности без основания.

Активно голосующая часть общества пока принимает предложенную игру в идентификацию (мы за “либералов”, а мы — за “державников”) и по этим же критериям спрашивает с власти, которая, в свою очередь, обосновывает появление очередного политтехнологического чуда “электоральными ожиданиями” и механической логикой произвольных терминологических комбинаций. В итоге получается порочный круг, оторванный от реальности идеологический пинг-понг, целесообразный разве что с точки зрения необходимости прокормить армию политологов.

При этом за скобками остается огромная, та самая, безмолвствующая, часть россиян, по разным причинам выпавшая из этой игры. Но в этом массиве и заложен скрытый потенциал. Он, в принципе, готов воспринять и поддержать эманации стоящей у руля власти элиты, стать искомым классом — носителем новой идеологии.

Во-первых, это те, кто не голосует, потому что не видит разницы между предложенными в избирательном бюллетене “шилом” и “мылом” (согласно итогам последних думских выборов, таковых 44%, и это молодежь, горожане, предприниматели, то есть наиболее динамичные категории). Во-вторых, это те, кто голосует против всех (4,7%), то есть та же самая группа, только политически более активная. В-третьих, это (и здесь не надо обольщаться) избиратели “Единой России” (38% от пришедших на участки), голосовавшие отнюдь не за программу, а за собственный статус-кво, очевидно не имеющий какой-то идентификации в предложенных политических терминах.

Получившиеся 68% от общего числа избирателей — объективная реальность, собственно, новое российское общество, которое живет своей параллельной жизнью, не способствуя реализации президентского курса, но и ничего от него не требуя. И это живые люди, со своими воспоминаниями и ожиданиями. Увы, они стали “забытым полком” для элиты, которая печатает в пустоту свои манифесты и формирует сама для себя совершенно неадекватные для общества политические конструкции.

Запросы этого большинства проще, чем принято считать. И они примиряют кажущиеся несовместимыми в традиционной политологии понятия. Собственно, это социальная “подушка безопасности” на случай форс-мажора, возможность самореализации человека как самостоятельной экономической единицы, стандартный пакет демократических свобод и нере-

флексивный патриотизм на уровне гордости за свою страну. Ни “левые”, ни “правые”, ни “националисты” не могут соответствовать этим запросам, так как поворачиваются к избирателю самыми неинтересными “боками” своих программ. У этих 68% нет социальной ненависти и классовых требований — есть желание быть “не хуже других” (это к вопросу о “левом повороте” в обществе, которого на самом деле нет); у них нет любви к абстрактной свободе — зато есть большая любовь к своей собственной; они не страдают ксенофобией, зато переживают за “наших” на Олимпиаде и способны даже выйти на улицы — правда, только по случаю победы любимой команды.

Пусть описанная парадигма покажется примитивной, но ведь истина никогда не бывает сложной. Нынешняя партия власти имеет все предпосылки попасть в эти ожидания и движется в этом направлении, но делает это нецеленаправленно, воспринимая свое доминирующее положение как данность. А это не так, и нынешнее думское большинство — отнюдь не неизменная величина, так как одно из качеств “забытого полка” — политическая аморфность — предполагает переменчивость настроений. В этом до поры тихом омуте вполне могут завестись черты экстремизма или эскапизма как материализовавшейся — нет, не ненависти к режиму, а скорее скуки и ощущения неостребованности историческим моментом. К тому же мы теряем относящийся к этим 68% бизнес, без которого не получится желанной “структурной перестройки экономики” и какого-либо роста ВВП. Как говорится, кто смел, тот и съел, и лучше, если бы едоками были наиболее ответственные политические силы, к которым я отношу собственную фракцию.

Сделать это можно, удалив всяческие пиар-прокладки и внятно сформулировав то, что хочет услышать общество, не пытаясь пропустить смысл через ненужные фильтры идеологических штампов XX в., не раздваиваясь на “крылья” и “лапы”, не фабрикуя партии-клоны с чуть иначе “заточенной” риторикой. Простота искомого тезиса является одновременно самой сложной задачей, ибо он должен быть небанален, обладать мобилизующими свойствами, служить универсальной идеологической базой для любых конструктивных инициатив.

Возможно, в этой плоскости и лежит задача развития внутрипартийной дискуссии в “Единой России”. К 2007 г. мы должны подойти с совершенно другим идейным багажом. Надо най-

ти тот ключ, с помощью которого мы сможем актуализировать эти 68%. Только тогда мы сможем уверенно говорить о легитимности курса, а главное, задействуем “спящее полушарие”, вернем большинство в русло исторического процесса, что само по себе является более чем достойным целеполаганием.

Участники схватки не должны быть закованы в кандалы

В последние несколько лет во многих государствах мира на волне борьбы с терроризмом были приняты законодательные акты, ограничивающие права граждан. Правда, если в других странах эти меры привели, скажем, к расширению полномочий специальных служб, то в Российской Федерации была осуществлена полноценная реформа избирательного права, после которой граждане утратили возможность напрямую выбирать себе региональных начальников.

В течение всего новейшего периода развития российского избирательного законодательства идет постоянная борьба между двумя противоположными тенденциями — расширения и ограничения избирательных прав. После относительно честных и прозрачных избирательных кампаний начала 1990-х к концу последнего десятилетия прошлого века правоприменительная практика стала отходить от демократических норм, заложенных в самом российском избирательном законодательстве. С одной стороны, органы исполнительной власти и подконтрольные им избирательные комиссии и суды, злоупотребляя процедурами отказа в регистрации и отмены регистрации кандидатов, начали проводить селекцию кандидатов, не допуская к выборам тех, кто имел хорошие шансы на победу, но не был угоден власти. С другой стороны, власти стали создавать для кандидатов неравные условия проведения предвыборной агитации, в том числе неравный доступ к средствам массовой информации.

Избирательная реформа, которая проводилась в последние годы, началась с принятия Федерального закона “О политических партиях”. Уже тогда высказывались опасения, что новый закон позволит исполнительной власти отфильтровывать нежела-

тельные для нее политические силы, затруднит создание новых партий. В 2004 г. этот закон был еще более ужесточен, когда для новых партий ввели 50-тысячный по числу членов барьер, а все действующие обязали пройти перерегистрацию. С другой стороны, были ликвидированы одномандатные избирательные округа на парламентских выборах, все депутаты Государственной думы теперь избираются по партийным спискам. При этом “заградительный барьер” прохождения партии был поднят с 5 до 7%, а такое понятие, как “избирательный блок”, вообще исчезло из избирательного закона.

Одновременно был существенно усложнен порядок регистрации кандидатов и списков кандидатов для всех, кроме парламентских партий (поскольку последние, согласно уже действующей и сохраняемой норме, регистрируются без сбора подписей и внесения залога).

В 2006 г. были инициированы еще три радикальных законопроекта (все они уже прошли первое, некоторые — и второе чтение). Один из них полностью отменяет право избирателей голосовать против всех кандидатов — тем самым граждане лишаются права выбора в условиях искусственного отсева популярных кандидатов или партий. Второй ужесточает партийную привязку кандидатов и депутатов: партия лишается права выдвигать члена другой партии, а депутат — права изменить свою партийную принадлежность. Третий существенно расширяет возможности для фильтрации негодных кандидатов, а также возвращает червоточку фальсификациями досрочное голосование.

Идеология реформы избирательного законодательства, в общем-то, очевидна. Она заключается в простой формуле — сделать основным субъектом выборного процесса крупные политические партии. Раньше активным избирательным правом (то есть правом быть избранным) пользовались главным образом отдельные личности — будь то выборы в одномандатных округах или через “покупку” какого-нибудь общедоверительного “носителя” (благо существовал целый рынок таких псевдопартий, по примеру фирм-однодневок). Теперь преимущество отдается структурированным самоорганизующимся силам.

Идеологов реформы тоже можно понять. Вполне возможно, они руководствовались благими намерениями. Действительно, опора на мегاپартии, живущие автономно, делает политическую систему более устойчивой, позволяет исключить прорыв на

политический олимп популистских персонажей и откровенных экстремистов. Однако, как это у нас часто бывает, мы оказались в ситуации, когда вместе с мутной водой может быть выплеснут ребенок — то самое дитя демократии, которое мы буквально выстрадали в смутные 1990-е. Практика показывает, что создание искусственных барьеров ведет лишь к тому, что живой политический процесс заменяется муляжом, а реальная борьба идей уходит в политическую тень. Такая ситуация на самом деле гораздо опаснее для стабильного развития государства, так как она создает эффект парового котла, где нет отдушин и велика угроза разрушительного взрыва.

На самом деле в многообразии и многоцветии нет никакой угрозы государственным устоям. Напротив, реальная политическая схватка, где ее участники не закованы в кандалы бюрократических процедур, лишь способствует укреплению сильного демократического государства. Только что на наших глазах прошли парламентские выборы в Украине. Там не было никаких проблем с регистрацией партий и блоков (в избирательном бюллетене их было более сорока), причем как на общеукраинском, так и на местном уровне, а барьер для прохождения в Верховную раду составлял всего 3%. Но никакого апокалипсиса не случилось: на выборах победили те, кого сегодня реально поддерживают избиратели, причем в парламенте оказалось всего пять партий и блоков.

Мировой опыт показывает, что политические реформы имеют благоприятные последствия для нации только тогда, когда они осуществляются в интересах всего общества. Индикатором правильности и законности предпринимаемых на пути реформирования шагов должен служить Основной закон страны, который, как нам представляется, сегодня сильно подзабыт в России. Во второй части 55-й статьи Конституции зафиксировано следующее: “В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина”.

Думается, что всем гражданам России было бы полезно выучить наизусть эту формулу и научиться примерять к ней проекты всех новых нормативных актов и законодательные инициативы. При этом надо учитывать, что умаление свобод может быть осуществлено не прямо, путем их отрицания, а именно с помощью девальвации либо создания таких процедур, которые могут

свести на нет сами права человека и гражданина. Между тем политическая система, где не могут быть реализованы эти права и свободы, применительно к России будет просто ущербной.

Оберегать Фемиду

Сейчас популярным стало ругать российскую судебную систему. Откроешь газету и обязательно прочтешь, что суды у нас сплошь “коррупцированы”, “непрозрачны”, “зависимы от исполнительной власти”. Наше правосудие плохо по умолчанию, его неудовлетворительное состояние перечисляется в ряду извечных факторов, тормозящих национальное развитие, вкуче с холодным климатом и изначально “неправильной” ментальностью. В перечне фигур речи, к которым всегда можно обратиться, если другие политические и просто логические аргументы исчерпаны, всегда есть удобное: “ну что вы хотите, когда у нас такая Фемида”. А действительно, что мы хотим и какая у нас Фемида? Если проанализировать текущую ситуацию сквозь призму этих простых вопросов, выяснятся интересные детали.

Каковы чаяния нашего общества в отношении судебной власти? Большинство сограждан хочет жить в стране, где все возникающие противоречия решаются в рамках независимых ни от кого, кроме закона, площадок, т.е. в судах. Из этого ответа возникает второй вопрос: насколько существующая система правосудия отвечает этим чаяниям? Ответ звучит парадоксально: все формальные механизмы для защиты своих интересов и отстаивания собственных прав у нас в наличии.

Если оглянуться на 15 лет назад, то прогресс очевиден. По сути, мы экспрессом наверстали то, что на Западе создавалось веками, не имея почти никакого изначального задела (полвека, минувшие после преобразований Александра II, к тому же выхолощенных контрреформами 1880-х гг., не успели сформировать правовой культуры). Приняты новые УК и УПК, согласно которым арест возможен только по решению суда. Сейчас это кажется самым собой разумеющимся, но ведь еще совсем недавно об этом нельзя было и мечтать. Вступили в силу новые ГК и ГПК, основополагающий закон “Об органах судебной сооб-

щества”, введены принципиально новые институты мировых судов и судов присяжных.

Но самое главное — от инквизиционной, свойственной тоталитарным режимам системы права мы перешли к состязательной, граждане обрели механизм, позволяющий выигрывать дела у государства. Суды получили материальную независимость от исполнительной власти. С каждым годом хоть понемногу, но растет число граждан, обратившихся в суд, — а это, в общем-то, главный показатель того, что мы на правильном пути. Все это отнюдь не секретная информация, механизм отстроен — как говорится, “берите и пользуйтесь”. Так откуда же тогда столь негативный информационный фон вокруг российского правосудия, и как следствие столь удручающая социология доверия населения к судебной власти?

С одной стороны, проблема имеет объективное объяснение, связанное с младенческим возрастом России как правового государства (и то отстроенного пока лишь на стадии фундамента). На Западе безусловное отношение общества к судебным решениям вырабатывалось веками, суд всегда являлся общепризнанной безальтернативной площадкой разрешения споров, критика которого так же противоестественна, как обсуждение целесообразности демократии как политической системы. У нас же пока нет этой культуры.

Кроме того, случаи пристрастных судебных решений имеют место. Это часть большой проблемы коррупции, которая едва ли является “родовой чертой” судебной системы, присутствуя в разных пропорциях в сфере образования, здравоохранения, МВД.

К чести нашей Фемиды, такие случаи систематически выявляются, конкретные нарушители лишаются судейского статуса. Достаточно вспомнить недавний нашумевший процесс о привлечении к уголовной ответственности судей, “засветившихся” в квартирных махинациях.

Актуальна и проблема излишне тесного взаимодействия судебной и исполнительной ветвей власти, трактуемая общественностью как зависимость первой от второй. Надо честно признать, что подобная трактовка не лишена оснований. Например, в столице, где статистика судебных тяжб граждан с городскими властями свидетельствует не в пользу жителей и где факты противозаконного финансирования судов из городского бюджета установлены Счетной палатой РФ.

Но ведь бывает и так, что общественное мнение “перегибается” в другую сторону: если судьи и главы администраций, не дай бог, общаются на официальных мероприятиях, это уже расценивается как “давление”. Однако это проблема скорее идеологическая, чем инструментально-техническая — подлинное разделение государственных институтов происходит за счет долгосрочного формирования соответствующих отношений, а не физического ограничения контактов. Кстати, недавнее решение Мосгорсуда, отменившего скандальный вердикт Зюзинского суда о принудительном выселении жителей поселка в Южном Бутово, свидетельствует о том, что становление независимой судебной системы в России — не пустой звук.

Наконец, некоторые обвинения также обусловлены не злым умыслом, а элементарным непониманием специфики судебной системы и текущей общественно-политической ситуации. Распространенный случай — негодование по поводу “обвинительного уклона” правосудия. Но он обусловлен исключительно сложившимся социальным фоном: у нас действительно много совершается преступлений, и совершаются они не сами по себе.

Чтобы столь необходимая культура появилась, нужно время. Правда, этот пассивный сценарий для России может не сработать, так как присутствует еще и субъективный фактор — целенаправленное транслирование инсинуаций в адрес судебной системы со стороны многих весьма влиятельных людей. Известные общественные и политические деятели через СМИ переносят свой негативный судебный опыт на правосудие в целом.

Если мотивы обиженных на увольнение бывших судей, оскандалившегося экс-генпрокурора Скуратова и “профессиональных оппозиционеров” очевидны, то что движет нашими бизнесменами, непонятно. Разве не сами предприниматели коррумпируют, “развращают” судей, пытаясь теневым образом решать свои проблемы и создавая соответствующее ценообразование на “рынке” судопроизводства? И если мы говорим о важности построения правового и справедливого общества, то необходимость достижения этой цели возлагает определенные обязательства на все слои общества, и в том числе на бизнес.

Тем более странно звучат упреки в адрес Фемиды от государственных деятелей, включая депутатов Госдумы. Если выявлены конкретные случаи несправедливых решений или должностных преступлений судей — называйте фамилии, возбуждайте дела —

думаю, сама судебная система будет вам в этом всячески содействовать. Но фамилий, как правило, нет, а все суды — абстрактно “продажные”. Стенания о “коррупции” стали инструментом давления на суды. Хотя, может, это именно то, чего на самом деле добиваются “борцы” за его беспристрастность?

Если речь идет о несовершенствах правосудия, давайте вместе делать его совершенным, давайте совершенствовать УК (например, в вопиющем вопросе защиты свидетелей и т.н. сделки с правосудием). Если угодно, это тест на нашу депутатскую профпригодность. Но вместо этого все судейское сообщество объявляется несостоятельным “как класс”. Тем более поразительна критика со стороны исполнительной власти: на фоне провала административной реформы прогресс судебной системы можно считать образцово-показательным.

В связи с вышесказанным чрезвычайно важной становится роль средств массовой информации. Необходима “капитализация” суда в глазах общественности, полноценная разъяснительная работа, формирующая правовую культуру, развеивающая стереотипы, ограничивающая эффект от голословных нападок. На Западе это целая индустрия — тратятся миллионы долларов на комплиментарные материалы в СМИ, существует даже отдельный кинематографический жанр *court drama*, где злодеем может быть потерпевший или обвинитель, но никогда — суд. У нас же до сих пор, кроме ток-шоу “Слушается дело” и “Федеральный судья”, а также уже подзабытого сериала “Закон”, ничего подобного не появилось.

Если всего этого не будет сделано, если продолжатся стенания на фоне крайне вялой работы по факту, мы потеряем даже то, что имеем сейчас. Никто не утверждает, что российское правосудие безупречно — проблемы есть, и ведется работа по их устранению. Указывать на ошибки можно и нужно, но по существу, а не ради “принципов” — слишком уж дорого обходятся нам эти принципы. Если для этого СМИ, бизнесу, общественным организациям и органам власти нужно подписать специальную хартию, этический меморандум, осуждающий огульную критику правосудия как угрозу национальной безопасности, давайте подпишем.

К сожалению, те, кто не видит ничего хорошего в нынешней судебной системе, рискует стать живой иллюстрацией поговорки “что имеем, не храним, потерявши, плачем”. Никакой

альтернативы формированию правовой культуры, без которой нет и не может быть независимого суда, не существует. Не сможем же мы, в самом деле, закрыть все суды и ездить в Страсбург. И Страсбург не резиновый, и разобраться между собой по справедливости мы вполне можем сами.

“Создаю государству здоровую конкуренцию”

Собирательный политик

— Александр Евгеньевич, вы несколько лет назад резко сменили сферу деятельности — занялись политикой, не порывая, однако, полностью с бизнесом. С чем были связаны эти изменения и как вы сами определяете свое нынешнее амплуа?

— Говорят, что раз в семь лет человеку нужно радикально изменить свою жизнь. И это, мне кажется, во многом справедливо. Во всяком случае, когда долго занимаешься одним и тем же, либо в конце концов добьешься успеха и захочется попробовать себя в чем-то другом, либо не добьешься успеха никогда, и тогда тем более нужно искать себе другую сферу применения.

Думаю, я не так плохо показал себя как бизнесмен.

К тому же появилось немало прекрасно подготовленных менеджеров с изначально “правильным” деловым бэк-граундом. Мое образование — экономический факультет МГИМО — не могло быть “правильным” по определению: в советское время сколько бы ты ни получал высших образований, ничего хорошего о частном предпринимательстве ты не узнавал и уж тем более не имел представления о практической работе в этой сфере. То, чему нас учили, было огульной критикой капиталистического способа производства, мировой капиталистической системы, буржуазных экономических учений. Нам рассказывали, что прибавочная стоимость — вещь отвратительная, придуманная специально для угнетения трудящихся правящим слоем буржуазии.

Многое пришлось изучить, когда работал в Великобритании, и затем постигать на практике в период руководства На-

циональным резервным банком и Национальной резервной компанией. Нынешние менеджеры избавлены от необходимости идти столь сложным путем.

Причина моего решения заняться политикой в том, что у нас государственная служба — отнюдь не самая лучшая в мире.

— Но вы ведь не на госслужбе — вы депутат, публичный политик.

— Представитель одной из ветвей власти — законодательной. А что до публичного политика, то мы под этим нередко подразумеваем разное. Например, публично много говорит, просто треплет языком? Даже и таких у нас мало, массмедиа находятся под контролем и дают слово строго определенным политикам.

Сегодня депутат Государственной думы немного значит в нашей власти, ибо пока законодательная власть, увы, слабый придаток исполнительной власти. Можно лишь с натяжкой говорить о независимости законодательной и судебной ветвей власти у нас в стране. Согласитесь, не открываю Америки, все это и президент признает.

Вижу одну из важнейших своих задач в том, чтобы исправить данный казус, по крайней мере принять посильное участие в исправлении.

— В этом, наверное, вам помогает активная работа во фракции “Единая Россия”?

— Я — вы, наверное, помните — шел на выборы как представитель движения “Родина”. Существовала идея создать на базе “Родины” современную партию социал-демократического типа. Не получилось.

Должен сказать, что мне в равной степени нравятся части программ самых разных российских и зарубежных партий, среди них есть социал-демократические, либеральные, консервативные, патриотические... Главное — делать дело.

Много лет состоял в КПСС, иначе вряд ли сделал бы какую-то карьеру в разведке. Но при этом читал Солженицына, уважал Сахарова и рассказывал политические анекдоты.

— В разведке как раз любили нестандартно мыслящих и действующих...

— Надеюсь, что меня Первое главное управление (ПГУ) КГБ пригласило именно потому, что терпеть не мог общественную работу, не “стучал”, не участвовал ни в каких бессмысленных советских системах контроля над обществом. Плюс к этому неплохо знал иностранные языки, был женат, имел ребенка. Обладая, наверное, и какими-то неизвестными мне еще недостатками...

Но все-таки из-за “длинного языка” первым делом попал в “чистилище”: три года меня не аттестовывали. То есть на работу в ПГУ взяли, а звание присвоить “забыли”.

После КПСС долгие годы вообще не состоял ни в какой партии. Потом — “Родина”, но ее развитие пошло по ряду причин не в том направлении, в котором хотелось бы. Меня пригласили во фракцию “Единая Россия” — предложение перейти принял. По одной простой причине: это единственная фракция в Думе, где можно достичь хоть каких-то значимых результатов на депутатском поприще. Будучи независимым депутатом или работая в любой другой фракции, нельзя сделать абсолютно ничего.

К сожалению, далеко не все получается и во фракции “Единая Россия”. Решение предоставить пособие на второго ребенка, которое мы с депутатом Самошиным предлагали еще два года назад, было принято только потому, что об этом сказал президент в своем майском Послании Федеральному Собранию. А до этого оно было отвергнуто — правительством. Вот такая у нас демократия: исполнительная власть имеет право “заворачивать” инициативы законодательной! Кстати, единственное отличие нашего проекта от президентского состояло в том, что мы предлагали выплачивать на второго ребенка 350 тыс. руб., а президент — не менее 250 тыс.

Обидно, что президент отвлекается на частные проблемы, вынужден делать за нас нашу работу, а нам ее делать запрещено. Это отнимает время у главы государства, не дает возможности поставить в ежегодное Послание какой-то более важный блок.

Решение по пособию до сих пор практически единственное из моих предложений, которое принято. С законопроектом по запрету спецсигналов и спецномеров на автомобилях чиновников пока ничего не получается — правительство не поддерживает. Хотя очевидно, что президенту и первым лицам государства спецсигналы не нужны: они ездят с машинами сопровождения

ГИБДД. Они требуются всяким третьеразрядным чиновникам, которым надо статус свой продемонстрировать.

То же самое с законопроектом по игорным заведениям: фракция отвергла нашу идею вывести игорные заведения в резервации. Не поддерживается и предложение частично перенести праздники с января на май, как это было раньше, чтобы люди имели возможность отдохнуть весной и чтобы не превращать январь в месяц, когда никто в стране не работает, а “скорая помощь” выезжает в пять раз чаще, чем обычно. Принять в парламенте концепцию политики России в отношении Украины, подготовленную совместно со специалистами Академии наук, тоже не получается. Не принята и моя программа доступного жилья...

Так что пока нельзя сказать, что я успешен в “Единой России”.

Как недоступное сделать доступным

— Среди других ваших приоритетов, насколько известно, — жилищная политика, развитие авиации и авиационной промышленности, сотрудничество с Украиной...

— Да, я занимаюсь всем этим по мере сил. В первую очередь, конечно, доступным жильем: это острейший социальный вопрос.

— Речь идет о малоэтажном строительстве?

— Да, о быстровозводимых малоэтажных каркасных домах из деревянных конструкций — продаваемом по доступным (!) ценам жилье.

— Почему у нас в стране не развивается это направление?

— Потому что существует чудовищная монополия на доступ к земле и чудовищные препятствия для вхождения в строительный рынок.

Глупо прокуратуре предписывать ФАС искать сговор строителей в Москве. Сговора нет, просто строителей тут мало — московские власти почти никого не пускают на рынок. Компании не сговариваются, они просто выполняют обычную задачу коммерческого предприятия — зарабатывают деньги.

Как снизить цену на жилье в столице? Элементарно. Во-первых, ликвидировать бессмысленную неконституционную

30-процентную долю города. Эта доля есть у всех московских строительных компаний, кроме двух, самых, видимо, близких мэру Лужкову, у которых она как-то там списывается, заменяется какими-то обременениями и пр. У остальных она присутствует в денежной и иной форме — и куда девается, непонятно.

— **То есть в городской бюджет не поступает?**

— Посмотрите бюджет, разве там есть такая статья? Эти деньги якобы идут на жилье очередникам. Но очередь каждый год растет. Так куда же эта 30-процентная доля исчезает?

Во-вторых, нужно отобрать монопольное право на сотни строительных площадок у одной, самой близкой к столичным властям строительной фирмы. Кому она принадлежит, не буду говорить, вы и сами наверняка догадались. А лучше — поменять мэра, а новому вменить в обязанность снизить цену жилья на 50% за один год. Вот такой конкурс объявить.

— **Но Лужков до недавнего времени был единственным главой субъекта федерации, кто занимается социальным жильем — сейчас его начали строить еще в Санкт-Петербурге.**

— Я хотел бы узнать про результат этих занятий. Когда очередь будет не 200 тыс. семей, как сейчас, а, скажем, 100 тыс., результат станет очевиден. А когда очередь на 10–15 тыс. семей каждый год прирастает, мне непонятно, что такое “заниматься социальным жильем”.

Ситуация в Южном Бутове — это что, по-вашему, история про строительство социального жилья на месте поселка? Конечно, нет! Если бы речь шла о социальном жилье, поверьте мне, не суегились бы так строители и милиция, ими прикормленная, ГАИ, которая не пускает на участок одного из жителей транспорт с каркасным жилым домом, префект округа и глава управы района.

Выношу сейчас за скобки правовую сторону спора между жителями Южного Бутова и московским правительством. Есть решение суда, его надо уважать. Хотя подождем итогов рассмотрения в кассационных судебных инстанциях. Но по нашему законодательству жители поселка должны быть собственниками земельных участков: бессрочное пользование советского времени для всех “перетекло” в частную собственность. Но не для них — московские власти этому воспрепятствовали.

А сюжет с домом придуман вот для чего. По нашим законам, если у тебя есть готовый дом, ты просто привозишь его и ставишь на старый фундамент. Тебе не нужно проходить десятки, сотни согласований. Глава профильного думского комитета Мартин Шаккум подсчитал: для строительства дома в Москве требуется 260 согласований!

Можете себе представить, какое произойдет разбюрокрачивание и снижение себестоимости строительства, если будет создан прецедент с привозом дома. И самое главное — со стоимостью квадратного метра. Она в данном случае в десять (!) раз ниже.

Для регистрации такого дома нужно только в уведомительном порядке отправить местным властям снимок фасада! Конечно, московские власти не могут допустить, чтобы возник такой прецедент.

Это, замечу, не какой-то дачный вариант, а индивидуальный коттедж для круглогодичного проживания, с двумя спальнями, гостиной, санузлом — все сделано “под ключ”.

Малоэтажное строительство, о котором говорит Медведев, не развивается не только в Москве, но и по всей России, потому что в каждом регионе есть феодал, тормозящий этот процесс. Вернее, два феодала — губернатор и мэр. Соответственно, существует только две компании, которые строят дома. А вся земля записана на родственников и подельников этих феодалов.

— Как с этим бороться?

— Во-первых, драконовскими мерами демонополизировать рынок: Медведев уже демонстрировал жесткую риторику, пора перейти к жестким действиям.

Со своей стороны мы готовы внести законопроект, согласно которому региональные власти обязаны выставлять на продажу земельные участки по ценам, доступным для 95% населения данного региона. Под это “подтягивается” ипотека, но только ипотека, соответствующая темпам роста строительства, иначе она лишь цены на жилье загонит вверх, как сейчас.

Во-вторых, необходимо создать отрасль малоэтажного каркасно-панельного деревянного домостроения, как в Канаде и США. Для чего нужно построить заводы по производству ориентированно-древесной плиты — сегодня нет ни одного, всю продукцию импортируем. И сборочные цеха — сотни, выпускающие тысячи домов каждый.

В этой сфере частный сектор в сотрудничестве с государством может сделать то же самое, что он сделал в авиации с помощью компании “Ильюшин Финанс”, частно-государственного партнерства (ЧГП). Эта компания под контролем государства подняла два крупнейших авиазавода, фактически целую отрасль строительства гражданских авиалайнеров, которые теперь поставляются на экспорт, например на Кубу.

Только в жилищном строительстве таких “Ильюшин Финанс” должно быть 100, 200, 300... Вижу это так: РСПП и “Деловая Россия” приходят на встречу с президентом и не обычные свои темы, не имеющие отношения к реальной жизни, обсуждают, а делают конкретное предложение. Крупный, ответственный капитал, не заинтересованный в том, чтобы украсть, обязуется создать 100 компаний малоэтажного домостроения с капиталом \$50 млн каждая. На конкурсной основе государство покупает на средства Инвестиционного фонда их акции, вводит в состав их советов директоров двух своих представителей для контроля.

Один раз, в 2000 г., Минэкономразвития был проведен подобный конкурс, в намного меньшем, правда, масштабе. Его выиграли две компании. Одна из них как раз “Ильюшин Финанс”, она работает чрезвычайно успешно.

Так вот, такой же конкурс проводится в сфере жилищного строительства: отбираются компании, устанавливается контроль за их работой через советы директоров. И после этого государство предоставляет ЧГП самим заниматься хозяйственной деятельностью, ведь у государства другие задачи — подготовка сетей и площадок.

Компании откроют, к примеру, 1 тыс. заводов, каждый из которых построит по 1 тыс. домов. Это 1 млн домов! А 1 млн домов по 120 кв.м — это увеличение домостроения в стране примерно на 40%.

Но развивать такой бизнес необходимо именно в форме ЧГП. И совсем не по финансовым причинам. Деньги государства на бизнес по большому счету не нужны.

— **Нужен доступ к площадкам и сетям?**

— Ответ правильный! Как ваша фамилия? *(Смеется.)*

Реализация этих предложений совершит настоящую революцию в жилищной сфере: позволит в течение трех — пяти лет обеспечить россиян доступным жильем самого лучшего качества.

ва. Ведь коттеджи гораздо лучше квартир в многоквартирных домах в центре города.

Если бы московское правительство вообще прекратило строительство и занялось транспортной стратегией, люди могли бы спокойно доезжать из Подмоскovie до работы и обратно. Никто бы ничего не потерял — разве что некоторые компании, руководители которых и так находятся в списке Forbes на хороших местах.

Лучше всего объединить Москву и область в один субъект федерации, потому что они не должны развиваться практически независимо друг от друга, как сейчас. А центр Москвы внутри Садового кольца сделать федеральной территорией, для того, в частности, чтобы сохранить облик исторической части города. И не позволять строителям “втыкать” здесь новоделы со стоимостью квадратного метра уже по \$40 тыс.!

Бизнес в сфере малоэтажного домостроения может быть крайне рентабелен — возьмите опыт компании Clayton Уорена Баффита в США. Она производит около 40 тыс. домов в год. Придется импортировать оборудование, но оно не дорогое и не сложное: домостроительное производство — не авиационная промышленность. К тому же это питательная среда для вспомогательного малого бизнеса. Могут возникнуть десятки тысяч небольших компаний, которые займутся транспортировкой, сборкой, продажей, отделкой домов, управлением поселками, социальными объектами, точками питания, магазинами, рекламой и т.д., и т.п.

Я, как вы знаете, готовил и вел экономическое шоу на канале ТНТ — спасибо каналу, что согласился взять такое шоу. Оно для меня было не способом покрасоваться на телеэкране, а инструментом исследования ситуации в сфере малого бизнеса, прежде всего в Москве. Так вот, выяснилось, что многие слова о поддержке малого бизнеса в столице — это вранье. \$120 млн, выделенные в городском бюджете на это направление, размазываются по “Рогам и копытам”. И тратятся на печатание бессмысленных памяток для предпринимателей.

Правда, в стране в целом с малым бизнесом еще хуже. В основном в отчетности в графе “Малый бизнес” фигурируют игральные автоматы и казино. А развитие отрасли малоэтажного домостроения дает малому предпринимательству реальную перспективу.

Одна нога здесь

— **Подъем авиационной промышленности — задача наверняка более сложная, чем малоэтажное домостроение?**

— Безусловно. Авиапром — сфера, которой я занимался еще до Думы, в свой бизнес-период. Теперь продолжаю “тащить” это направление как депутат.

Причем я и тогда считал, и сейчас считаю, что авиационная промышленность для нас — не бизнес-сфера, здесь нельзя ориентироваться на рентабельность. Либо этим вообще не стоит заниматься, либо должна превалировать забота о государственных, национальных интересах, а не зарабатывание денег.

Главный инструмент поддержки авиационной промышленности — частно-государственное партнерство, что с успехом продемонстрировала компания “Ильюшин Финанс”. О ее достижениях я уже сказал раньше.

— **Одним из основных акционеров “Ильюшин Финанс” по-прежнему является Национальная резервная корпорация?**

— Да, наряду с государством.

“Ильюшин Финанс” — единственное реально работающее крупное ЧГП. Именно принцип частно-государственного партнерства должен быть положен в основу формирования Объединенной авиастроительной корпорации и государственной политики в сфере поддержки авиапрома вообще.

— **Не должно ли быть в числе приоритетов этой политики финансирование авиационного производства со стороны государства? Ведь производителям самолетов явно не хватает денег.**

— Но корпорация “Сухой”, например, набрала под миллиард долларов коммерческих кредитов и поручительство!

— **Этого все равно недостаточно.**

— Недостаточно, но до недавнего времени у нас никто в авиапроме не демонстрировал должной эффективности, результативности работы, и не было системы контроля. К тому же невозвратное бюджетное финансирование развращает.

Есть государственные банки — почему бы им не осуществлять кредитование авиапрома? Почему государство об этом вообще не думает? Я до своего “похода” в парламент занимался

поддержкой авиапрома, делал то, от чего государство устранилось, создавал конкуренцию, показывал, насколько неэффективна государственная бюрократия и чего можно добиться, ведя дело правильно. Это, по сути дела, общественная миссия. Но нормальный бизнесмен, без таких сверхзадач, за это никогда не возьмется. Я нес сразу два вида рисков. С одной стороны, все подзревают, что есть какая-то тайная выгода. С другой — меня считают идеалистом или человеком, который занимается ерундой. Поскольку предполагать, что я один что-то могу сделать, довольно наивно: все эти заводы и КБ принадлежат государству.

Работать с государственной бюрократией действительно безумно сложно. Вдруг, ни с того ни с сего, работа “Ильюшин Финанс” оказалась торпедирована прокуратурой. Генеральный директор компании бывал на допросах, наши акции девять месяцев благодаря “басманному правосудию” находились под арестом. В результате программа финансирования гражданского авиастроения дает сбой. Мы как могли защищали компанию, но... Только верное решение Кремля спасло ИФК.

Другой пример — “Аэрофлот”, где НРБ владеет 30% акций и активно участвует в работе компании. Неожиданно делается заявление о дополнительной эмиссии акций компании, после чего наша доля размоется с 30 до 10%. Заплатить за это государству предлагают разным мусором: нелетающими самолетами, акциями неработающих авиакомпаний, парализованных аэропортов.

Проходит три месяца, и Греф говорит: “Мы будем приватизировать государственную долю в «Аэрофлоте»”. Если бы это был не Греф, я бы подумал, что у человека есть пакет акций “Аэрофлота” и он пытается нагреть руки на вбрасывании такой информации. А ведь никто ничего приватизировать, скорее всего, не будет — Греф уже грозился приватизировать “Аэрофлот” три года назад. И в том и в другом случае нас как бы и нет с нашими 30% акций, никто с нами не разговаривает.

Меня спрашивают: “Зачем вы купили компанию-авиаперевозчика в Европе и заключили контракт на 20 европейских аэробусов?” Есть два варианта ответа. Первый: чтобы летать между Германией, Россией, Украиной и Турцией на новых самолетах, предоставлять своим клиентам европейский сервис. Да, эта компания создаст тысячу рабочих мест на авиастроительных предприятиях в Германии. Но что же делать, если наше авиастроение не поддерживается и не развивается государством?

Часть самолетов возьмем для дискаунтера в России — обеспечим тарифы на 50% ниже, чем на железной дороге. А дискаунтеру, кстати, государство и не думает помогать. Для правильного функционирования компании-дискаунтера самолеты обязаны летать как часы: 15 часов из 24 они должны находиться в воздухе; должны быть аэропорты второй руки; нужно, чтобы не пропадал багаж, чтобы регулярно чистились взлетно-посадочные полосы... С этим, увы, не “воткнешься” ни в Домодедово, ни в Шереметьево.

Поэтому есть второй вариант ответа на вопрос о покупке европейского перевозчика: Лебедев взял и ушел со своим авиабизнесом одной ногой в Европу. И, честно вам скажу, второй вариант, к сожалению, имеет право на существование. Посмотрим, как будут развиваться события.

Правила общения с “украинством”

— **Вы неоднократно говорили, что у нас нет стратегии в отношениях с Украиной.**

— Да, хотя Украина — наш ближайший сосед, партнер, “родственник”. В Украине работаю давно и, надеюсь, профессионально. Награжден украинской государственной наградой за то, что НРК сделано в Крыму. А все, что там сделано, коммерческого характера не носило, в последние годы особенно.

Достраиваем большой храм, восстанавливаем музей-театр Чехова в Ялте. Довольно много построили в Киеве — у НРК там банк и страховая компания. К киевским проектам еще можно подходить с бизнес-мерками, хотя при сегодняшнем инвестиционном климате в Украине и с очень большой натяжкой. А к крымским — точно нет.

— **Климат там плохой?**

— Отвратительный. А что до стратегии, то мы постарались изложить ее в 200-страничной монографии, к подготовке которой привлекли десятки специалистов. Она прописана по всем блокам: экономическим, политическим, гуманитарным. Интеграция, делимитация границы, проблема русского языка...

— **Янукович недавно заявил, что на юго-востоке Украины нет проблемы русского языка — есть проблема украинского языка.**

— Проблема русского языка есть. И мы можем помочь ее решить — строя и поддерживая русские школы, музеи, создавая центры русской культуры...

— **Эта ваша монография имела какое-то действие?**

— Мы ее хотим принять на заседании группы по связям с парламентом Украины, которую я возглавляю, в качестве официального документа. Тем более там есть чисто прикладные разделы, например что можно и чего нельзя в общении с украинцами.

Скажем, они очень болезненно воспринимают поучения. А уж резолюция по Крыму, которую приняла Дума и за которую, как говорится, “не приходя в сознание”, проголосовала фракция “Единая Россия”, — это просто подарок для украинских националистических организаций.

Не нужно педалировать тему НАТО и членства в ЕС: население, судя по опросам, эти предложения не поддерживает, и любой политик будет с мнением граждан считаться и без наших окриков.

МИД о разработанной концепции отзывается очень позитивно, Совбез тоже — а это структура Администрации президента. Вообще, Администрация президента очень внимательно следит за любой творческой деятельностью в политике, и это хорошо. Плохо, что представленную нами стратегию фракция “Единая Россия” отказалась даже рассматривать, хотя когда-то порывалась написать свою. Жаль, что наша фракция столь не самостоятельна.

Китайская стена внутри России

— **У вас фактически целая собственная концепция национальных проектов и приоритетов. А как вы оцениваете государственную?**

— Приоритетные национальные проекты, выдвинутые президентом, — констатация того, что и так видно невооруженным глазом.

За исключением Москвы и Питера, в любом другом крупном городе практически никакого нового жилья с 1991 г. не строилось, инженерные сети все старые, заводы — с тем же оборудованием, в тех же зданиях, что были в советское время. Здравоохранение и образование лучше не стали. Часть их уч-

реждений переведена на платную основу, в результате образовательные и медицинские услуги оказались гораздо менее доступными, хотя качество их не повысилось. Конечно, с этим надо что-то делать.

Но проблема в том, что у нас государственная бюрократия с огромным объемом денег, приобретенных от высоких цен на нефть, находится в одной части Вселенной, а весь остальной народ — в другой. Никаких связей между этими частями нет. Путина, Медведева и других ближайших соратников президента это очень беспокоит. Они хоть как-то уравнивают влияние государственной бюрократии. Без них она бы нас всех просто слопала. Я теперь понимаю, зачем Мао устроил культурную революцию...

— Выходит, национальные проекты лишь обозначили, что государству нужна стратегия, но самой стратегией они не являются?

— Нет, не так. Приоритетные национальные проекты — абсолютно правильная постановка вопроса. Японцы использовали эту концепцию после войны, и не только они. Дело не в названии, а в результате.

Если Минздравсоцразвития закупает оборудование и медикаменты, какие ему заблагорассудится — непонятно по каким критериям, не считаясь с заявками региональных систем здравоохранения, — это вряд ли приведет к улучшению состояния здравоохранения. Либо оборудование окажется ненужным, либо специалисты не смогут на нем работать. Я не говорю, почему министерство это делает.

— Потому что министр связан с частными компаниями?

— Не буду комментировать, об этом уже столько сказано и написано, что ответ очевиден. У меня к Зурабову другой разговор.

Мы совместно с Горбачев-фондом построили в Санкт-Петербурге центр детских лейкозов — 12-этажное здание на 90 коек, которое подарили 1-му Медицинскому университету. Почему мы можем построить за полтора года такой комплекс, а Минздравсоцразвития два с половиной года не может туда поставить оборудование? И сколько детей за это время в Питере умерло от рака крови?!

В конце концов, обратились бы к нам — мы бы нашли оборудование. Нет, вместо этого министерство само затеяло строи-

тельство центра детских лейкозов в Москве, что называется, в чистом поле. Они будут строить его лет пять, не меньше!

Национальные проекты по-российски вызывают, конечно, двойственное впечатление. Если разыгрываются всего-навсего три учительских гранта по \$2 тыс. на регион, где 50 тыс. учителей, это очень похоже на очковтирательство. Но, как говорится, проживем — увидим. Во всяком случае, правильно ставить эти проблемы и стараться их решить.

— Может быть, не тратить государственные средства, а предоставить льготы бизнесу, лучше задействовать его потенциал?

— Ровно об этом я и говорю! Без частного сектора — не того, что строит дома в Москве, за которым стоят городские власти и даже не слишком это скрывают, а без настоящего частного сектора ни один национальный проект не может быть реализован. Потому что между российской бюрократией и российским народом высятся китайская стена, они не общаются между собой. Бизнес — единственный приводной ремень.

Был один инструмент общения — прокуратура времен Устинова, которая могла цапнуть какого-то мэра или губернатора и сильно его попугать. Но этого недостаточно для реализации национальных проектов.

В Москве кто-нибудь занимается строительством доступного жилья? Конечно, нет. Другое дело, что данный вопрос беспокоит президента и Медведева. Потому история с Южным Бутовым и получила такой резонанс на национальных телеканалах — о ней рассказывали две недели. Чтобы проучить и поставить на место мэра, хватило бы намного меньшего срока. Эти телеканалы контролируются государством, четко проводят государственную политику.

Новый Вавилон?

— И политика мэра разошлась с этим государственным курсом?

— Думаю, что в части градостроительной и жилищной — да. А из этой темы вытекает все: неспособность москвичей приобрести жилье, транспортные проблемы, жуткая экология, преступность, взрывы на рынках... Это единый клубок. Добавьте сюда для полноты картины разрушение памятников, утрату столицей своего исторического облика и игорную вакханалию...

По проблемам Москвы пора начать полномасштабное парламентское расследование. Мы закон о парламентском расследовании приняли, кстати по рекомендации президента, но ни разу его не применяли — надо это наконец сделать.

Такое расследование нужно рассматривать как помощь московским властям в решении чудовищных проблем, с которыми столкнулся город. У нас много квалифицированных депутатов — бывших мэров, юристов. Пригласим столичное правительство и будем с ним разговаривать.

Спросим, например, зачем строится башня Фостера — свыше километра высотой. Для чего, на какие деньги, сколько будут стоить помещения, есть ли геологическое обоснование? Не будет ли она выглядеть как Вавилонская? Кто на этом заработает? Как вообще в голову эта мысль пришла? Знают ли члены московского правительства, что Норман Фостер построил мост в Лондоне, который чуть не рухнул? Что принц Чарльз просто выгнал его из британской столицы с его строительными проектами?

Другая тема — разрушение памятников. В частности, знаменитых палат на Ильинке, которые находятся под контролем компании “ИНТЕКО”. Студенты, пробравшиеся туда на экскурсию, стремившиеся защитить памятник, попали в КПЗ. Слава богу, судья оказался вменяемым и не стал привлекать их к уголовной ответственности.

Куда вообще делось около тысячи памятников в Москве? Накопились сотни вопросов, которые нуждаются в том, чтобы их изучили федеральные законодатели.

Москва сама не может сбалансировать ситуацию, требуется внешнее вмешательство.

Эти игры не для нас

— Ваш законопроект по игорным заведениям наделал много шума...

— Но, увы, он отклонен. Хотя его поддержали все конфессии, положительно высказалась Администрация президента. Да и в нашей фракции голосуют против, а потом подходят и извиняются.

Будем продолжать доказывать свою правоту. Поясню позицию: мы не предлагаем запретить игорные заведения, мы предлагаем убрать их в резервации, куда может поехать взрослый дя-

дя на “мерине” с водителем и шальными деньгами. Благодаря этому туда не пойдут школьники, а значит, они не совершат преступление или самоубийство, проиграв последние деньги. Там не будет пенсионеров и матерей-одиночек, которые идут в игорные заведения, наслушавшись рекламных уток о том, что с помощью рулетки или автомата легко разбогатеть.

Далее. Москву и страну захлестнули наркотики. Помимо игорных заведений открываются все новые и новые дискотеки и клубы, часть из них — прикрытие мест сбыта зелья. За неимением ничего лучшего молодежь ходит в эти дискотеки и неизбежно приобщается к наркотикам.

Достаточно год “поест” синтетических наркотиков, особенно тяжелых, которые валом валят в страну, и здоровью молодого человека, физическому и духовному, придет конец. О демографии, как и о подготовке современных специалистов, в такой ситуации можно забыть.

Стране нужны масштабные кампании по борьбе с наркотиками. Мы изучили опыт США. Там везде этим занимаются частно-государственные партнерства. На эти программы ежегодно выделяется \$190 млн из федерального бюджета.

— В США есть еще полиции штатов, подконтрольные местным жителям, которые строят свою работу в соответствии с проблемами этих штатов...

— Я не беру силовую составляющую, хотя возникает вопрос, что же тогда делают Госнаркоконтроль, МВД и ФСБ, если число наркоманов увеличилось за год до 6 млн человек. Говорю о социальной рекламе. Почему этим-то никто не занимается?

В Америке только по одной из таких программ, а их несколько десятков, не менее четырех раз в неделю разными способами — через телевидение, радио, наружную рекламу — “допускаются” до каждого подростка 15–18 лет.

Увидеть и не пройти мимо

— Какая логика у вашей личной и весьма обширной, насколько мне известно, благотворительной программы?

— Простая и очевидная. Ясно, кому надо помогать, — больным детям, поскольку у нас педиатрия и особенно детская онкология сильно отстали из-за недостатка финансирования. Хо-

ты врачи есть замечательные. Конечно, детским домам. Если речь о стариках, то хосписам. Больницам. Помогать по индивидуальным обращениям. Вчера звонили по поводу лечения чеченского мальчика, а сегодня просили помочь сделать операцию на сердце пожилому человеку... Стараемся не отказывать. В благотворительности не надо ничего придумывать — трудно не увидеть нуждающихся и трудно пройти мимо.

Очень важен законопроект об эндаументах. Это специальные благотворительные фонды для поддержки культуры, образования и науки, не облагаемые налогами. Отчисляемые в них бизнесом деньги исключаются из налогооблагаемой базы. В США такие фонды аккумулируют сотни миллиардов долларов. Даже небольшие американские университеты имеют миллиардные эндаументы.

В эти фонды вкладывают средства в ценных бумагах, в них перечисляют немалые суммы наиболее известные американские общественные и бизнес-деятели. У нас же средства, которые тратит благотворительный фонд, трижды облагаются налогами: сначала налоги платит корпорация, потом налоги со своих доходов платит собственник, и, наконец, государству отчисляет налоги сам фонд.

Государство сидит на \$300 млрд свободных денег и палец о палец не ударит, чтобы снизить налоговую нагрузку на экономику и социальную сферу. Зато идефикс — погасить внешний долг.

Гасить долг с премией кредитору — дело нехитрое. У нас средние ставки по коммерческим кредитам — 12%, по ипотеке — 11,5%. А стоимость обслуживания долга Парижскому клубу — 6%. Предположим, 20 млрд составляет долг Парижскому клубу и те же 20 млрд — объем коммерческих и ипотечных кредитов. Так снизьте ставку по кредитам до 8% за счет двухпроцентной ставки тому же Парижскому клубу.

Но даже мысли такой не возникает. Потому что заплатить Парижскому клубу — это в одной части Вселенной, а ипотека и коммерческие кредиты — в другой.

А в ответ — тишина

— **Какими вам видятся ваши политические перспективы?**

— В декабре будет три года моему членству в партии “Единая Россия”, подготовлен большой отчет для руководства фракции

и партии. В ответ надеюсь получить, во-первых, четкую оценку моей деятельности, во-вторых, ответ на вопрос, кого собираются брать на следующие выборы и по каким принципам идет отбор.

Если ответа не будет, а это в порядке вещей в нашей фракции, прямо как в романе Кафки “Замок”, будет по этому поводу публичная дискуссия. Точно так же хотят поступить многие другие депутаты-единороссы. Потому что закрытость механизмов принятия решений — это пятно на репутации, позволяющее спекулировать на темы продажи мест, взятия на лучшие позиции в списках братьев-сватьев... Это делает партию уязвимой перед политическими конкурентами, выставляет в невыгодном свете перед избирателями.

Для меня важнейшим будет голосование по второму чтению закона об игорных заведениях: мы по-прежнему настаиваем на резервациях. Альтернативный законопроект, который вручает чиновникам судьбу игорных заведений, собрал 300 голосов. Но их судьба и так в руках чиновников, поэтому-то казино или “однорукий бандит” скоро окажутся в каждом жилом доме. Такой закон работать не будет: подобный уже принят Мосгордумой, действует в Москве, и игорных заведений стало только больше.

По итогам всех этих событий стану определяться. Не скрою, у меня есть предложения о переходе в другие партии.

— От объединившихся недавно рогозинско-байбаковской части “Родины” и РПЖ?

— Не скажу. Ко мне неплохо относятся на всех флангах, считая, что по происхождению я бизнесмен, взглядов либеральных, строю доступное жилье. Но кому-то я интересен как в прошлом офицер, социал-демократ, консерватор, патриот. Правда и то и другое.

Могу добавить, что я сторонник свободы прессы, гражданского общества, очень не люблю российскую бюрократию, сильно ее, как вы, вероятно, заметили, ругаю. Есть небольшой политический капитал по городу Москве. Так что если рассматривать меня как политический продукт (хотел бы, чтобы меня так рассматривали), надеюсь, представляю интерес для политических проектов.

Но лично мне хотелось бы и дальше заниматься тем же, чем занимаюсь сейчас, — в какой политической конфигурации, че-

стно говоря, все равно. Михаил Сергеевич Горбачев сказал как-то: “Лебедев — это человек-партия, его нужно зарегистрировать в этом качестве”.

Человек-партия

— **Какова главная цель у “человека-партии” Лебедева?**

— Законодатели должны быть самостоятельной ветвью власти. У них должен быть свой предмет, четко определенная повестка работы. И они обязаны добиваться, чтобы им дали возможность исполнять две функции: самостоятельное законотворчество и контроль за исполнительной властью. Ни той ни другой сегодня у нас в парламенте де-факто нет.

Конституция и законы у нас, увы, нарушаются на каждом шагу. Начиная с квартир, которые московским судьям дает Лужков. Какое же это разделение властей? Именно поэтому я проигрываю Лужкову все суды в Москве.

Но не могу согласиться и со Скуратовым, когда он говорит, что наша судебная власть насквозь коррумпирована. Далеко не все судьи коррумпированы, много раз сталкивался с вполне правосудными решениями: даже если они были не в мою пользу, они принимались на основе закона. Подобные заявления уничтожают веру в правосудие. У нас и так очередь в Страсбургском суде 60 тыс. человек, их дела будут лет 30 рассматриваться. Зачем же ее увеличивать? И что делать остальным 140 млн россиян?

Очень важная проблема — отсутствие свободы прессы. В 1990-х гг. СМИ помогали лучше контролировать чиновников. Сейчас это, скажем так, не принято. Единственное, “Новая газета” позволяет себе критиковать власть. Но издание нерентабельно, вынуждено печатать в некоторых случаях “заказуху”. К тому же жанр журналистских расследований требует фундаментальности и респектабельности. И потому мы с Михаилом Сергеевичем Горбачевым купили акции “Новой газеты”, чтобы ей хоть как-то помочь.

Задача — попробовать положение во всех этих сферах изменить к лучшему.

А в частном бизнесе надо выполнять функцию здорового соперничества с государственным сектором. Нет такой области, где нельзя было бы с ним соперничать: культура, образование, здравоохранение, социальная защита, борьба с наркотиками,

развитие промышленности, создание компаний-дискаунтеров на транспорте и в сфере связи. Это и социальная, и бизнес-функция, а также все, что касается благотворительности и милосердия.

Например, Бахмина, юрист ЮКОСа, — это же явно кандидат для помилования. О деятельности ЮКОСа известны вещи, характеризующие компанию не с лучшей стороны, но она-то, несомненно, стрелочник. Плюс маленькие дети, два года уже отсидела... Бизнесу обязательно надо просить о помиловании.

— **Справитесь со всеми этими задачами?**

— Знаете, чем ни занимайся, постоянно пугают. Не дразни игорный бизнес — опасно; не связывайся со строительной мафией — накажут; не берись за авиапром — из прокуратуры придут. Не сможешь, не справишься, не по зубам — постоянно так говорят...

Но кое-что все же выходит. А когда в трудной ситуации удастся получать пусть локальные, но все же результаты — это вселяет оптимизм и дает силы продолжать борьбу.

Многим несравненно тяжелее. Например, президенту Путину.

Р. С. Наша беседа с Александром Лебедевым состоялась в середине сентября. С того времени многие инициативы и идеи, о которых рассказал депутат, получили поддержку и начали претворяться в жизнь.

Термометр для демократии

“Отличие государственного деятеля от политика в том, что политик ориентируется на следующие выборы, а государственный деятель — на следующее поколение”, — сказал Уинстон Черчилль, который в зените славы проиграл выборы. То есть оказался плохим политиком, но остался великим государственным деятелем. Ему же принадлежит гениальная формула о том, что “демократия — это очень плохой способ правления, но ничего лучше человечество пока не придумало”. Тяжелейшие ис-

питания, выпавшие на долю России в XX в., в конечном счете привели и нас к этой формуле, которая, таким образом, является буквально выстраданной.

Однако споры о том, что из себя представляет нынешняя политическая система в нашей стране и насколько она соответствует представлениям о демократии, не утихают ни на один день. Причем не только внутри России, но и за рубежом. Западные страны, привыкшие считать себя эталоном демократии, с особой ревностью наблюдает за нашим внутривнутриполитическим процессом. На сегодняшний день как минимум три международных организации (Совет Европы, ПАСЕ и ОБСЕ), а также десяток негосударственных организаций (Amnesty International, Freedom House, CIS-ЕМО, ассоциация Elections & Democracy, Human Rights Watch и др.) ведут активное наблюдение за состоянием демократии в России. Однако то, как осуществляется это “наблюдение”, дает основания усомниться в их объективности.

Сказать о том, что иностранные организации просто недостаточно хорошо знают специфику страны — значит отдать дань модной нынче политкорректности. Дело в том, что они, не имея собственной развитой сети, в своих исследованиях зачастую всю “аналитику” высасывают из пальца. Причем палец этот, как правило, оказывается указующим перстом, так как почти все эти организации политически ангажированы и финансируются либо напрямую, либо опосредованно правительствами различных государств. В результате их деятельность становится обычным инструментом внешней политики в отношении России.

Так, в ежегодном индексе свободной прессы, который составляет американская Freedom House, Россия занимает 158-е место из 194 возможных. При этом наша страна, где в периодической печати и на каналах телевидения можно периодически слышать призывы к свержению “антинародного режима”, сильно уступает таким славящимся своими независимыми и оппозиционно настроенными СМИ государствам, как Ирак, Афганистан, Бангладеш, Пакистан, или, скажем, Центрально-Африканская республика. А в рейтинге по уровню демократии Россия получила очень лестную характеристику “полуконсолидированный авторитарный режим”. По оценке Freedom House, самая лучшая демократия в США и Литве — индекс 1, а самая

худшая — в Северной Корее и на Кубе — индекс 7. В текущем году Россия получила за общий уровень развития демократии оценку 5,75 балла, которая сложилась из оценки в 6,25 за выборный процесс, 5 — за гражданское общество, 5 — за независимость СМИ, 6 — за национальное демократическое управление, 5,75 — за местное демократическое управление, 5,25 — за независимость судебной власти и 6 — за коррупцию.

Остается только пожимать плечами, глядя на “карту свободы”, составленную Freedom House, исходя из этих баллов. По его калькуляции, Россия значительно уступает не только практикующим апартеид Латвии и Эстонии (вероятно, высоких оценок эти страны заслужили за регулярные марши ветеранов СС, которые специалисты Freedom House принимают за высшее проявление свободы и демократии), но и все тем же Афганистану с Ираком, а также Бурунди, Брунею, Малайзии и почему-то Киргизии. Впрочем, многое становится ясно, если учесть, что бюджет “Дома свободы” на 2/3 формируется за счет ассигнований администрации США — красочные карты и “рейтинги” точь в точь совпадают с картой тех стран, которые являются либо геополитическими союзниками, либо клиентами Америки.

Однако, испытывая вполне объяснимое отторжение демократии “а-ля Ирак”, нельзя не отметить, что и продукция наших “независимых экспертных центров”, работающих по госзаказу, также вызывает изрядную изжогу. Партийно-номенклатурные нравоучения в стиле Павловского и ОРТ, подгонка реального состояния общества под некую заранее заданную идеологическую схему формируют искаженную картину социальных отношений. Этот муляж, который почему-то выдается за гражданское общество, лишь наносит огромный вред. Причем не только обществу, но и власти, так как погружает ее в мир иллюзий.

На этих примерах хорошо видно, насколько важным является объединение общественных структур, занимающихся контролем за проведением избирательных и иных демократических процедур, в разветвленную национальную систему мониторинга. Причем эта система должна быть полностью независима как от государства (с тем, чтобы никто не смог упрекнуть ее в зависимости от “полуконсолидированного полуавторитарного режима”), так от финансовых услуг зарубежных “доброжелателей”. В этой связи представляется актуальным объединение уси-

лий наиболее авторитетных российских неправительственных организаций, работающих в сфере развития демократии и защиты прав граждан. Лишь совместными усилиями они смогут осуществлять независимый мониторинг демократических процедур в России и способствовать повышению авторитета России как внутри страны, так и за рубежом. Тем более если авторитетные руководители этих структур будут координировать работу своих организаций в соответствии с единым планом мероприятий.

Национальный независимый центр наблюдения за демократическими процедурами мог бы взять на себя несколько важнейших функций общественного контроля. Прежде всего это, конечно же, наблюдение и анализ хода избирательных кампаний, причем на всех этажах власти — от глав муниципальных образований до президентских выборов. Однако работа центра не должна сводиться к созданию некоего дублера Центризбиркома. Его функции значительно шире, ведь само понятие “демократия” включает в себя не только процедуру избрания населением должностных лиц. В данном случае речь идет о функционировании политической системы во всем ее многообразии, включая тонкие нюансы социальной атмосферы в России. Здесь и анализ ситуации на рынке средств массовой информации, и партийное строительство, и практика защиты прав граждан в судах, взаимоотношения с правоохранительными органами, и взаимодействие властей между собой с точки зрения эффективности и открытости их органов для граждан, и многое, многое другое.

Но самая главная задача, вводное условие — это выработка объективных критериев оценки, создание своего рода “матрицы демократии”. Ведь в чем проблема мониторинга у того же “Дома свободы”? Эта организация не утруждает себя скрупулезным изучением “на месте” ситуации в тех странах, которым она выставляет баллы. Все гораздо проще — существует команда из примерно 50 американских специалистов-страноведов, которые, сидя в Нью-Йорке и Вашингтоне, ежегодно ставят галочки в анкетах. Потом эти анкеты собирают и выводят среднеарифметическое. Таким образом, все рейтинги Freedom House — это вовсе не объективная оценка, а некая консолидированная точка зрения экспертного сообщества США. Которое, как любой другое подобное сообщество в любой другой стране, по определению не может быть не идеологизированным.

Поэтому для российского независимого центра мониторинга принципиально важно опираться на факты, а не на мнения. То есть быть тем, чем является термометр: он позволяет четко показать температуру организма. Делать выводы и толковать показания этого прибора будут другие — врачи, родственники и другая общественность. Такая концепция позволит избежать превращения центра в инструмент политической борьбы.

Между прочим, кооперация работы отечественных исследовательских структур в рамках единого проекта позволит не только существенно улучшить качество их работы, но и создаст предпосылки для конкуренции с крупными зарубежными исследовательскими центрами. Ведь порой складывается ощущение, что политические элиты Запада слегка подзабыли евангельскую истину о том, что, прежде чем искать сучок в глазу ближнего, неплохо было бы избавиться от бревна в своем собственном. Думаю, не только меня одного удивляет, каким образом нравоучения по части ценностей свободы сочетаются с только что принятым в США актом о борьбе с терроризмом, по которому американские парни сами себе даровали право хватать не понравившихся людей и пытаться их. Причем делать это не только у себя в стране, но и главным образом за пределами “обители свободы”.

“Всегда найдется винтик, готовый “сдать” всю банду”

В российском законодательстве впервые появится институт сделки с правосудием для обвиняемых в тяжких преступлениях. Автор законопроекта, депутат ГД Александр Лебедев, утверждает, что по этому вопросу уже “достигнуто понимание с Администрацией президента и правоохранительными органами”. О чем же смогут договориться прокуроры и преступники?

— Звучит как-то странно — “сделка с правосудием”. Объясните суть ваших поправок в УК?

— Опыт показывает, что такая сделка — это на самом деле единственный более-менее эффективный инструмент борьбы с

организованной преступностью. Крупные преступные сообщества, занимающиеся такими видами криминального промысла, как заказные убийства, наркоторговля, “крышевание”, похищения людей и вымогательство, характеризуются четким разделением ролей. И в таком преступном механизме всегда найдется какой-нибудь винтик, который захочет вырваться из порочного круга, то есть “сдать” всех членов банды, а за это получить своего рода амнистию за свои прегрешения. Это и есть “сделка с правосудием”.

Кроме следствия, такая сделка неопределима и для обвинения в суде. С одним уточнением — в том случае, если мы хотим построить правовое государство. Ведь в правовом государстве существует независимый суд, который руководствуется не классовым чутьем и не революционным правосознанием, а буквой закона. Здесь и следствию, и обвинению недостаточно одной лишь уверенности в том, что подсудимый — вор и поэтому должен сидеть в тюрьме. Обвинение надо доказывать, причем в состязательном процессе. И здесь показания “перебежчиков” — на вес золота.

— Чем это отличается от программы защиты свидетелей?

— Программа защиты свидетелей, которая у нас действует и на которую уже выделены бюджетные средства, распространяется именно на свидетелей, то есть на людей, которые не нарушали закон, а просто случайно видели что-то или владеют какой-то информацией, которая может изобличить преступников.

Но по тем видам преступлений, о которых я говорил, наиболее ценны показания как раз самих участников преступных сообществ. Допустим, есть цепочка “заказчик — организатор — исполнитель убийства”. И один из исполнителей или организаторов (например, тот, кто осуществлял слежку или был на связи) “сдает” всю цепочку и выступает против них в суде. По идее его надо освободить от ответственности и предоставить защиту в рамках упомянутой программы (могут же отомстить). Но сейчас закон не проводит никакой грани между ним и тем, против кого он может свидетельствовать.

— Какие преступления не подпадут под эту норму закона?

— Думаю, все статьи Уголовного кодекса должны предусматривать такую возможность. Иначе нельзя будет найти те са-

мые слабые звенья в ОПГ. Причем это будет иметь огромный профилактический и психологический эффект. Сама по себе организация преступных групп станет очень рискованным занятием — каждый мафиози будет всегда бояться, что один из его подчиненных может его выдать.

— **Какие громкие дела последних лет могут быть раскрыты благодаря такой сделке?**

— Практически все, особенно когда “перебежчикам” гарантируется не только освобождение от ответственности, но и вознаграждение. Кстати, такие дела, которые дошли до суда благодаря “сделкам”, уже есть. Возьмите процесс над бандой наемных убийц во главе с Олегом Маковозом (“Маклаудом”) в Петербурге. Они были пойманы и посажены благодаря показаниям двух пешек, которые за свое деятельное раскаяние получили условный срок. Но для них такой исход — это добрая воля суда. А должна быть четкая, прописанная в законе гарантия, которая стимулировала бы потенциальных свидетелей переходить на сторону правосудия.

— **Насколько “сделки с правосудием” окажутся затратными для бюджета и не будет ли проблем с финансированием?**

— Никаких затрат это не потребует. Деньги, причем немалые, на программу защиты свидетелей уже выделены. Но они пока не востребованы, так как в защите нуждается именно та категория свидетелей, о которой мы здесь говорим. А им, пока мы не примем соответствующие поправки, нет никакого резона быть свидетелями.

Демократия — это право выбора

Внесенный в Госдуму моими однопартийцами, депутатами-“единороссами”, законопроект о праве губернаторов ликвидировать пост мэра в областных центрах и столицах регионов — это логическое продолжение избирательной реформы, проведенной партией власти в своих интересах и в ущерб принципам демократического устройства общества.

Надо признать, что последовательные изменения избирательного законодательства, которые иницируются “Единой Россией”, все более противоречат Конституции РФ, нарушая ее важные положения. Это очевидно для всех правоведов. И трудно понять, почему Конституционный суд упорно не хочет замечать того, что нынешняя реформа избирательной системы неконституционна. Как и то, почему этот орган, призванный не допускать отклонений от Основного закона, не выступает в защиту зафиксированного во 2-й части 32-й статьи Конституции права граждан избирать и быть избранными. Именно это право в несколько приемов было серьезно урезано — вопреки важнейшему конституционному положению о неумалении гражданских прав и свобод. Думается, что всем россиянам было бы полезно зазубрить 2-ю часть 55-й статьи Конституции и научиться примерять к ней проекты всех нормативных актов: “В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина”. При этом надо учитывать, что отмена прав и свобод может быть осуществлена не прямо, путем отрицания, а через ограничение их объема либо создание таких процедур и механизмов, которые эти права и свободы сводят на нет. А ведь именно это и происходит в сфере избирательного права в нашей стране.

Пробные камни

Избирательная реформа, которая проводилась в 2001–2003 гг., началась с принятия закона “О политических партиях”. Еще при его разработке стало очевидным стремление ввести максимум запретов и ограничений. Уже тогда высказывались опасения, что новый закон позволит власти отфильтровывать нежелательные для нее политические силы и приведет к сокращению партийных организаций, участвующих в выборах. В результате произойдет монополизация политического пространства. Антидемократический потенциал нового закона раскрывается в полном объеме сейчас, когда начался новый виток бюрократических контрреформ.

Начиная с 2004 г. тенденция к ограничению избирательных прав стала доминирующей. Получив конституционное большинство в нижней палате парламента, исполнительная власть начала планомерное наступление на права граждан. Одним из

первых шагов стал новый закон “О референдуме Российской Федерации”, который с полным правом можно назвать “законом о недопущении референдума”. А между тем референдум, согласно Конституции РФ, является “высшим непосредственным выражением власти народа” (ст. 3, ч. 3).

В декабре 2004 г. по инициативе Президента РФ был принят закон, отменивший прямые выборы глав субъектов федерации. Вместо выборов был введен особый порядок “наделения полномочиями”, в соответствии с которым кандидатура, представленная президентом, утверждается региональным законодательным органом. При этом последний лишен возможности отстаивать свою точку зрения (в случае несогласия ему угрожает роспуск). То есть фактически речь идет о назначении президентом глав субъектов РФ.

Действовавшие в то время губернаторы с готовностью одобрили эту инициативу, не заметив, что она противоречит 71-й, 72-й, 73-й и 77-й статьям Конституции, из которых следует, что формирование органов власти регионов не находится в ведении Центра. Предпочел не заметить этого противоречия и Конституционный суд, а между тем 1-я часть 77-й статьи Основного закона гласит, что система органов государственной власти субъектов федерации устанавливается ими самостоятельно. Следовательно, отмена выборов губернаторов носила неконституционный характер.

“Лучше меньше”?

Тогда же, в декабре 2004 г., были внесены два принципиальных изменения в закон “О политических партиях”. Требование к их минимальной численности увеличилось в пять раз: с 10 до 50 тысяч. Второе нововведение коснулось учета и проверки численности партии: теперь при регистрации региональных отделений партии обязаны предоставлять список членов отделения в регистрационный орган, который имеет право проверять численность партии и (если она окажется меньше требуемой) обращаться в суд с ходатайством о ее ликвидации. Тем самым судьба большинства партий оказалась в зависимости от отношения к ним органов власти.

Таким образом, новая редакция закона о политических партиях серьезно затрудняет создание новых партий и облегчает ликвидацию большинства имеющихся.

Принятые в мае — начале лета 2005 г. новый закон “О выборах депутатов Государственной думы” и закон “О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах” наиболее радикально подправили избирательное законодательство: ликвидировали одномандатные избирательные округа на парламентских выборах и установили, что все депутаты Госдумы должны избираться по партийным спискам по единому федеральному округу. При этом сохранилось ранее принятое решение о повышении заградительного барьера с 5% до 7%.

Если бы переход на пропорциональную систему сопровождался снижением барьера и либерализацией партийного законодательства, такая реформа имела бы определенные достоинства. Однако в сочетании с ужесточением требований к численности партий и отменой института избирательных блоков она содействовала дальнейшей монополизации политического пространства и еще более урезала права граждан.

Оба закона 2005 г. усложняют порядок регистрации кандидатов и списков кандидатов для всех, кроме парламентских партий (последние регистрируются без сбора подписей и внесения залога). Эти нововведения с учетом тенденции к росту размера залога ведут к ликвидации альтернативности на выборах всех уровней.

По инициативе “Единой России” были приняты также поправки, отменяющие независимый общественный контроль на выборах. В условиях, когда власть стремится вывести из игры негодных ей кандидатов, отмена общественного контроля чревата бойкотированием выборов. При этом у избирательных комиссий нет препятствий для фальсификаций с целью завышения явки.

Конституция в шагреновой коже

Однако всего этого реформаторам показалось мало, и в 2006 г. были инициированы еще три радикальных законопроекта. Один из них отменяет голосование против всех кандидатов — тем самым граждане лишаются права выбора в условиях искусственного отсева популярных кандидатов.

Второй законопроект ужесточает партийную привязку кандидатов и депутатов: партия лишается права выдвигать члена другой партии, а депутат — права изменить свою партийную

принадлежность. Третий законопроект возвращает чреватое фальсификациями досрочное голосование.

Наконец, последняя инициатива “единороссов” может фактически лишить права голоса целые города с многотысячным, а то и миллионным населением. Ведь губернаторов, которые возьмут на себя функции мэров, уже не выбирают. А скоро, возможно, не будут выбирать и мэров. Новый законопроект “Единой России” в сфере избирательного права вновь противоречит Конституции РФ, где говорится, что органы местного самоуправления формирует население. Он также идет вразрез с Европейской хартией местного самоуправления, подписанной Россией.

Таким образом, изменения в избирательном законодательстве все более отдаляют российские выборы от международных стандартов и умаляют право российских граждан избирать и быть избранными.

Такая корректировка законодательства создает для “Единой России” явные преимущества и обеспечивает ей условия для удержания власти независимо от воли избирателей, а значит, и вопреки 3-й части 3-й статьи Конституции РФ, где записано, что “высшим непосредственным выражением власти народа являются референдумы и свободные выборы”. А народ, согласно первой части той же статьи, является “единственным источником власти в Российской Федерации”.

Об этом стоит вспомнить руководству ЕР, которое взяло курс на несменяемость своей власти. Иллюзия собственной незаменимости может привести к полной делегитимации выборных институтов и подрыву стабильности в стране, потому что власть, попирающая Основной закон и права граждан, со временем будет сама делегитимирована в глазах населения.

Мировой опыт показывает, что политические реформы имеют благоприятные последствия только когда осуществляются в интересах всего общества. Индикатором правильности и законности нововведений должен служить Основной закон, который у нас сегодня сильно покраснел.

Историческая практика свидетельствует о том, что отмена любых выборов или ограничения избирательного права — шаг к ослаблению демократической системы и поворот к авторитаризму. Поэтому реформу избирательной системы следует рассматривать как пробный камень российской демократии: если

общество в большинстве своем согласится с умалением избирательного права в нарушение 55-й и 32-й статей Конституции, недостроенное здание демократического государства будет последовательно демонтировано, а на его месте возникнет новая авторитарная конструкция.

О дураках и небоскребах

Памятя о двух главных бедах российского бытия — дураках и дорогах, мы как-то слегка упустили из виду еще одну, не менее опасную, — гигантоманию. Вот уже почти год здесь, в Москве, ломаются копыя вокруг планов городских властей засеять Первопрестольную небоскребами в рамках так называемой программы “новое кольцо Москвы”, а также воздвигнуть на Красной Пресне нечто вавилонскобашеннообразное. Трудно даже представить, какое воздействие на психику москвичей и гостей столицы может оказать это сооружение, спроектированное Норманном Фостером — английским архитектором с неоднозначной репутацией.

Но одно можно сказать точно: на кошелек людей, контролирующих строительный бизнес в городе, это окажет самое благотворное влияние. Одним километровым домиком с его миллионами кв.м офисных площадей можно запросто по рейтингу в журнале “Форбс” переплюнуть Романа Абрамовича (а тогда уж какая разница, что про них пишет этот журнал?). Работающие в нем люди — совсем не дураки, поэтому тот факт, что их не очень волнует надвигающийся, в том числе и с этим высотным строительством, транспортный коллапс, говорит о том, что ездить по московским дорогам они не собираются. Скорее, это будут дороги где-то в районе Лазурного берега Франции.

С ними, с этими столичными строителями, давно все уже ясно. Но вот какой бес попутал петербургского градоначальника Валентину Ивановну Матвиенко, которая с большим энтузиазмом поведала о планах построить “Газпром-Сити” с небоскребом высотой 300 метров? При том, что в этом районе запрещено строительство сооружений выше 48 метров. Кстати, очень

правильный запрет — в Лондоне действует примерно такой же. Однако, по иронии судьбы, что московское чудище, что питерское проектируют англичане — в данном случае никому не известная загадочная фирма RMGM.

Этот “газпромдом”, который планируют соорудить в Охте, напоминает кукурузину. Видимо, лавры человека, который обещал нам коммунизм к 1980 г. и подарил Крым Украине, не дают покоя менеджменту нашей самой главной монополии. Только Никита Сергеевич хотел засеять кукурузой вечную мерзлоту, а эти решили весь потенциальный урожай воплотить в одном початке и тем навсегда испоганить Северную Пальмиру. Еще башня чем-то напоминает дубайский отель-парус Burj Al Arab. Только, извините, у них там — пустыня и бедуины, а у нас, прошу прощения, — окно в Европу. Почтенную публику из Старого Света от такого кактуса на подоконнике кондратий хватит.

Вице-президент Союза архитекторов России Юрий Сдобнов уже назвал саму возможность возведения “охтинского монстра” святотатством, а член Общественной палаты Галина Маланичева предупредила, что эта стройка может привести к исключению Петербурга из списка Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Общественность протестует, выходит с плакатами “Каждому придурку — по башне!”. Но гигантоманам все нипочем. Васька, как говорится, слушает да ест.

Точнее — осваивает. Как уже заявлено, кукурузина будет строиться на бюджетные деньги. До такого даже ширие “крестные отцы” московского стройкомплекса пока не додумались. То есть схема придумана такая: “Газпром” милостиво согласился платить городу на Неве налоги, а город, в свою очередь, делает “Газпрому” эдакий кукурузный “откат”. Это, вообще-то, совершенно новое слово во взаимоотношениях бюджета с налогоплательщиками, и надо еще посмотреть, как оно согласуется с российским Бюджетным кодексом.

Удивительное дело: потратить два с лишним миллиарда долларов на то, чтобы изуродовать один из красивейших городов Европы, — это, как выразилась госпожа губернатор, счастье. А центр лечения детских лейкозов, построенный в том же городе, до сих пор не может начать прием пациентов, потому что в бюджете не хватает денег на оборудование. Может быть, потратить четверть процента сметы охтинской новостройки на это благое дело?

О перспективах введения в Российской Федерации института “сделки с правосудием”

Определение понятия, основные черты

Английское понятие Plea bargaining по-русски обычно переводится как “сделка с правосудием”. Данный перевод имеет некоторый негативный для восприятия оттенок иронии над западным пониманием правосудия. Поскольку признание вины является неотъемлемым признаком “сделки” в уголовном процессе, по-русски можно употреблять термин “соглашение о признании вины” или другое адекватное определение.

“Сделка с правосудием” — правовой институт, существующий в различных формах в некоторых странах Запада (США, Канада, Великобритания, Австрия, Франция, Италия, Испания, Германия, Польша, Чехия, Эстония, Австралия, Индия и ряд других).

В основе данного института лежит соглашение между стороной обвинения и лицом, в отношении которого осуществляется уголовное преследование (обвиняемым), в соответствии с которым стороны договариваются о степени ответственности обвиняемого. Обвиняемый соглашается признать себя виновным в инкриминируемом деянии (или части таких деяний) в обмен на определенные уступки со стороны обвинения в части степени (уровня) уголовной ответственности и, соответственно, возможно назначенного обвиняемому наказания за совершенное преступление.

Соглашение должно быть одобрено судом. В том числе возможно непосредственное участие судьи в заключении “сделки с правосудием” в случае, если прокурору и обвиняемому и его защитнику не удастся достичь соглашения о применении “сделки”, то в соответствии со ст. 443 Унифицированных правил уголовного процесса США, договаривающиеся стороны могут обратиться к судье. Тот вправе по их просьбе провести согласительную встречу, на которой судья может высказать свои соображения по поводу соглашения, которые должны учитываться сторонами.

Юридический консультант, декабрь 2006 г. Соавтор: заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, Б.Я. Гаврилов.

“Сделка с правосудием” включает в себя обязательство стороны обвинения уменьшить объем инкриминируемых деяний. Возможен переход стороны обвинения к оценке деяния как преступления меньшей тяжести. “Сделка с правосудием” может включать в себя и отказ стороны обвинения от некоторых предъявляемых обвинений, например в “заговоре” с целью совершения преступления, ответственность за которое предусматривается самостоятельной уголовно-правовой нормой (аналогичное “заговору” по УК РФ — это преступление, совершенное группой лиц по предварительному сговору).

Одна из основных причин широкого применения в американском правосудии “сделки” обусловлена исключительно жесткими правилами назначения наказания за совершенные преступления в соответствии с вступившим в действие с 1 ноября 1987 г. Федеральным руководством по назначению уголовных наказаний (максимальное наказание от 324 до 405 месяцев или от 27 до почти 34 лет лишения свободы и от 30 лет до лишения свободы пожизненно).

Со стороны лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, “сделка с правосудием” может включать (помимо признания вины, что, как правило, является обязательным) условие предоставления определенной ценной информации по тому или иному уголовному делу, которой обвиняемый располагает и в получении которой заинтересована сторона обвинения. Эти сведения могут не относиться прямо к обвиняемому, а иметь значение в связи с расследованием других значимых уголовных дел. Особенно актуально применяется институт “сделки с правосудием” при расследовании уголовных дел об организованной преступной деятельности и в отношении мафиозных группировок, члены которых, как правило, хранят обет молчания, опасаясь в первую очередь расправы со стороны организаторов этих группировок. И правосудию зачастую этому явлению нечего противопоставить.

Применение “сделки с правосудием” предоставляет обвиняемому возможность при активном сотрудничестве со следствием получить наказание в 2–3 раза ниже максимального. Например, по конкретным уголовным делам наказание осужденным назначалось в виде 6 лет лишения свободы вместо максимально предусмотренных за данное преступление 235 месяцев или 20 лет вместо лишения свободы пожизненно. И такие приговоры в

американском правосудии не единичны. Так, Верховный суд США поддержал решение о назначении наказания в результате “сделки” о признании вины в ситуации, когда обвиняемый заявил, что признал себя виновным только из страха перед гораздо более суровым наказанием, возможно даже смертной казнью, которое могло бы быть ему назначено в случае признания его виновным в судебном разбирательстве.

Зарубежная практика

Наиболее широко “сделка с правосудием” применяется в США. Масштаб применения данного института позволяет говорить не просто о значимости этого института в правовой системе США, но и о том, что он является системообразующим в американском праве (рассматриваются судами около 95% уголовных дел с применением сделки с правосудием).

Систему сделки с правосудием называют “уступками властей в обмен на самоосуждение” обвиняемого или “взаимными уступками обвинения и защиты”, в процессе которых стороны рассматриваются как имеющие равные права в переговорах о “сделке”. Отдельные американские юристы высказывали мнение, что этот институт противоречит принципу справедливого судебного разбирательства на том основании, что обвиняемый, заключающий сделку с заранее оговоренным наказанием, фактически отказывается от самого судебного разбирательства. Данное мнение не было поддержано ни юридической, ни широкой общественностью США; конституционность “сделки с правосудием” неоднократно признавалась судами. Высказывалось мнение, что американская система правосудия без данной процедуры просто прекратит функционировать.

С правовой точки зрения в основе сделки лежит признание обвиняемым вины и отказ от права на слушание дела судом присяжных, что предусматривает содержащаяся в Билле о правах Шестая поправка к Конституции США, и отказ от ряда других важных прав обвиняемого. За это прокурор может пообещать, как сказано выше, отказаться от некоторых пунктов обвинения, заменить инкриминируемое обвиняемому преступление менее тяжким, а также разработать и представить суду рекомендации в отношении наказания или не возражать против наказания, о котором ходатайствует обвиняемый. Хотя прокурор может пообещать и конкретное наказание, его обе-

шание судью ни к чему не обязывает. С другой стороны, судьи отклоняют выработанное сторонами соглашение о наказании только в самых редких случаях, поскольку в противном случае у обвиняемых не будет никакого стимула использовать сделку с правосудием, “что, в свою очередь, может повлечь излишнюю загруженность судов уголовными делами”.

Следует отметить, что в ходе правовой реформы именно с этой проблемой — проблемой перегрузки, столкнулись правоохранительная и судебная системы Российской Федерации.

В Японии распространено мнение, что данная практика является неоправданной и недопустимой. Однако в Стране восходящего солнца существует сложный правовой институт, схожий с российским “деятельным раскаянием”, который не может быть в полной мере описан языком юриспруденции, то есть регламентирован, однако представляет собой некоторое подобие “сделки с правосудием”.

Необходимо заметить, что японские правоведы выстраивают теоретическую позицию, противопоставляя два правовых института — “сделку” и “раскаяние” — как взаимоисключающие. В отношении России данное обстоятельство имеет значение, поскольку в нашей правовой системе присутствует и институт “деятельного раскаяния”, и “особый порядок”. Последний можно рассматривать как адаптированный, усеченный вариант “сделки”.

Эти два института имеют различную концептуально-идеологическую природу и связаны с различным пониманием взаимоотношений государства и индивида, а именно западным пониманием “общественного договора” (то есть в какой-то мере партнерских) и восточным пониманием этих отношений как строгой субординации с вытекающим отсюда восточным государственным патернализмом по отношению к личности.

В Англии и Австралии “сделка” существует и применяется в усеченном виде. Обвинители и защита могут договориться о признании обвиняемым своей вины в совершении некоторых из инкриминируемых ему преступлений. Со своей стороны обвинение отказывается от остальных (согласованных) пунктов обвинения — не вменяет их или, если преследование уже осуществляется, прекращает расследование в этой части. Не допускается никакое соглашение о размере наказания, которое самовластно определяет суд на основании и в рамках действующего уголовного закона.

В Индии институт “сделки” был введен путем внесения поправок к действующему Уголовно-процессуальному кодексу в начале 2006 г. В соответствии с ними “сделка” может распространяться на преступления, наказание за которые не превышает 7 лет лишения свободы, и не может распространяться на преступления, совершенные против женщин и детей до 14 лет, а также против государственной власти и порядка управления.

Во Франции велись ожесточенные споры относительно внедрения данного института (*plaider non coupable*), который сейчас существует в ограниченном виде: прокурор может предложить обвиняемому “сделку” по обвинениям в преступлениях, наказание за которые не превышает 1 года. После заключения “сделки” суд обязан принять дело к рассмотрению. Такая процедура видится наиболее близкой к российскому “особому порядку”. При этом критики указывали, что французский институт “сделки” серьезно посягает на принципы презумпции невиновности, право подозреваемых на справедливое судебное разбирательство.

В Эстонии также действует аналогичный институт, позволяющий уменьшать размер наказания при признании обвиняемым вины и избежать большинства судебных процедур. “Сделка” может распространяться на преступления, наказание за которые не превышает 4 лет лишения свободы, и обычно влечет сокращение наказания на одну треть.

“Сделка с правосудием” в контексте российского законодательства и правоприменительной практики

Более четырех лет в Российской Федерации действует особый порядок судебного разбирательства, предусмотренный Главой 40 УПК РФ. Отдельные ученые и практики отождествляют его в определенной части со “сделкой с правосудием”.

Их мнение основано на том, что:

1) главная цель “сделки с правосудием” и “особого порядка судебного разбирательства” заключается в упрощении судебного производства, что соответствует уголовно-процессуальной политике значительного числа государств;

2) при рассмотрении дела в “особом порядке” также происходит “сделка” между стороной обвинения и стороной защиты;

3) в ходе судебного заседания не исследуются доказательства виновности;

4) отказ в утверждении “сделки с правосудием”, как и отказ рассмотрения уголовного дела в порядке Главы 40 УПК РФ в связи с невыполнением предусмотренных законом условий (обвиняемый осознает характер и последствия заявленного им ходатайства, добровольность и обязательная консультация с защитником, а также отсутствие возражений государственного либо частного обвинителя и потерпевшего), влечет рассмотрение уголовного дела в общем порядке;

5) приговоры, постановленные по процедуре “сделки с правосудием” и “особого порядка судебного разбирательства” не подлежат обжалованию по такому главному основанию, как несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам содеянного.

Фактически речь идет о весьма существенном изменении порядка уголовного судопроизводства в России. Поэтому не случайно законодатель при принятии УПК предусмотрел возможность его применения на первоначальном этапе за преступления небольшой и средней тяжести. И лишь Федеральным законом от 4 июля 2003 года № 92-ФЗ верхняя “планка” была увеличена до 10 лет лишения свободы.

Несмотря на все опасения отдельных депутатов Государственной думы, ряда ученых процессуалистов, в том числе и о возможных злоупотреблениях сотрудников органов предварительного расследования, институт особого порядка судебного разбирательства получил в настоящее время весьма широкое распространение в практике разрешения судами уголовных дел, что подтверждается приведенными ниже статистическими данными Судебного департамента при Верховном суде РФ (см. табл. 1).

Сокращение количества рассмотренных судами в порядке Главы 40 УПК РФ уголовных дел в отношении несовершеннолетних обусловлено разъяснениями Пленума Верховного суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 “О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации” о фактическом запрете применения “особого порядка” в отношении несовершеннолетних, что, по нашему мнению, нарушает их право на то, чтобы при постановлении обвинительного приговора “в особом порядке” максимальное наказание должно было быть снижено на одну треть.

Таблица 1

Период		2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	6 мес. 2005 г.	6 мес. 2006 г.
Всего окончено дел		1047974	969916	1042882	1148217	546203	604337
Вынесено приговоров		716881	653007	676646	761002	367399	395752
Из них в порядке Главы 40 УПК		10385	62619	153332	240740	107241	150832
Удельный вес от вынесенных приговоров, %		1,4	9,6	22,7	31,6	29,2	38,1
В том числе по делам	О преступлениях несовершеннолетних	384	3742	3487	1271	583	604
	поступившим с обвинительным актом	362	23966	55047	82280	37304	50485
	с мерой пресечения — заключение под стражу	594	5568	21614	39838	18078	25753

Необоснованным ограничением является и установление Пленума Верховного суда РФ о невозможности рассмотрения уголовного судом дела “в особом порядке”, если подсудимый выражает несогласие с основанием и объемом предъявленного гражданского иска, размер которого, например, по делам о кражах может превышать сумму похищенного имущества.

Условиями производства в “особом порядке” являются:

- наказание за преступление, инкриминируемое обвиняемому, не должно превышать 10 лет лишения свободы;
- согласие обвиняемого с предъявленным обвинением и соответственно его ходатайство о вынесении приговора без судебного разбирательства;
- согласие государственного обвинителя (прокурора) или частного обвинителя (потерпевшего) на рассмотрение дела в “особом порядке”, а также согласие потерпевшего на применение судом этой процедуры;
- уверенность суда, что обвиняемый осознает характер и последствия заявленного ходатайства и что оно заявлено добровольно после консультации с защитником и при непосредственном участии последнего;

— если обвиняемых несколько, то все они должны заявить о желании рассмотрения их дела в “особом порядке”.

В отличие от “сделки с правосудием” по российскому особому порядку судебного разбирательства:

— инициатором применения “особого порядка” выступает обвиняемый;

— обвинитель (прокурор) не ведет переговоры с обвиняемым и его защитником;

— не заключается (не составляется) письменного соглашения между сторонами;

— в переговорах не участвует судья, перед которым обвиняемый предстает после окончания предварительного расследования и разъяснения ему существа “особого порядка” судопроизводства;

— размер назначаемого подсудимому наказания определен законом и не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания за инкриминируемое обвиняемому преступление;

— несмотря на то что обязательным условием применения “особого порядка” фактически является признание обвиняемым своей вины, ч. 1 ст. 314 УПК РФ употребляет термин “согласие с предъявленным обвинением”. Таким образом, закон подчеркивает “технологическое” значение данной процедуры, не связанное с оценкой деяния самим обвиняемым, а лишь с его желанием подвергнуться такой процедуре судебного разбирательства.

Значительное расширение судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел (удельный вес вынесенных приговоров по данной форме судопроизводства возрос с 9,6% в 2003 г. до 38,1% за 1-е полугодие 2006 г.) объективно свидетельствует, с одной стороны, о необоснованности многих опасений законодателей и ученых о возможных негативных последствиях его применения, а с другой стороны — о заинтересованности российских граждан, как обвиняемых (подсудимых), так и потерпевших, в применении особого порядка судебного разбирательства и, несмотря на имеющиеся процессуальные недостатки, — о жизнеспособности действующего закона об особом порядке судебного разбирательства уголовных дел.

Кроме “особого порядка” в российском праве, как и во многих других странах, существует система дифференциации уголовной ответственности в зависимости от смягчающих вину обстоя-

тельств (ст. 61 и 62 УК РФ), предусматривающая, что при определенных условиях срок или размер наказания не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания за совершенное обвиняемым преступление, а также других уголовно-правовых обстоятельств, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ) и с примирением сторон (ст. 76 УК РФ), с назначением наказания при вердикте присяжных о снисхождении (ст. 65 УК РФ). Дифференциация наказания предусматривается и в связи с наличием значительной вины (до 80 раз) между верхним и нижним пределами наказания в виде лишения свободы. Однако эти правовые институты требуют особого обсуждения. Более того, их реализация предусматривает и необходимость внесения изменений и в ряд других федеральных законов. Эти вопросы, при заинтересованности читателя и редакции, могут составить тему отдельного разговора.

Законобрательная власть

Политика есть искусство возможного. Знаменитое изречение Отто фон Бисмарка вспоминаешь каждый раз, когда видишь результаты соцопросов об отношении населения России к собственному парламенту. К сожалению, среди эмоций, возникающих у россиян при словосочетании “Государственная дума”, превалирует скепсис. И надо признать, что сами депутаты более всего преуспели в формировании такого образа. Дело в том, что они слишком переусердствовали в практическом применении формулы “железного канцлера”. В итоге основной упор был сделан на “возможном” (точнее — “невозможном”), причем в ущерб главному — искусству.

По Конституции парламент является самостоятельной ветвью власти, которая разрабатывает законы. Парламент законы принимает, президент — подписывает. Таким образом, весь законотворческий процесс касается этих двух субъектов, избранных народом. При этом, если исходить из духа Конституции, основным источником законодательной инициативы должны быть сами депутаты.

Но это в теории. На практике же у нас весь процесс законотворчества узурпировало правительство. Более 90% всех законопроектов, которые рассматривает Госдума, внесены правительством! Как можно после этого удивляться, что граждане называют парламент “штамповочным цехом”. Зачастую во время правительственного часа можно услышать крик души какого-нибудь депутата, обращенного к какому-нибудь министру: “Ну когда же вы, имярек, наконец внесете такой-то сякой-то архиважный закон?” А имярек, как правило, отвечает, что, мол, главное — спокойствие, работа идет, не все так просто, но все будет хорошо. При виде этих сцен мне становится стыдно за коллег. Неужели трудно взять тему, разработать ее и внести законопроект?

Бесконечное ожидание, как манны небесной, законопроектов из Белого дома — полбеда. Есть еще такая вещь, как официальный отзыв правительства. То есть формально отрицательный отзыв не является основанием, чтобы инициативу депутатов не рассматривать. Между собой же все депутаты понимают, что без положительного отзыва шансы на принятие любого закона близки к нулю. Причем в последнее время на любой законопроект, который заранее не согласован с правительством, приходит “стоп-лист” — в правительстве их подписывают, что называется, не приходя в сознание. Но и это еще не все. Существует норма, согласно которой без официального отзыва законы не могут даже рассматриваться. То есть чиновники могут месяцами (а то и годами) никак не реагировать, и законопроект будет лежать без движения. Вот пример из практики. В сентябре прошлого года, после убийства первого зампреда ЦБ Андрея Козлова, я разработал и внес поправки в Уголовный кодекс и Кодекс об административных правонарушениях.

Речь в них шла о том, о чем незадолго до своей трагической гибели говорил Козлов, — о “запрете на профессию” для нечистоплотных банкиров, для тех, кто хотя бы раз попался на “серых” схемах и отмывании денег. И что вы думаете? До сих пор — ни ответа ни привета.

С 2002 г. правительство не может сформулировать свою позицию по принятому в первом чтении Федеральному закону “Об обязательных профессиональных пенсионных системах”. Между тем этот закон затрагивает всех тех, кто трудится в особых условиях, то есть каждого седьмого работника (от шахтеров и работников химической промышленности до летчиков и водителей

троллейбусов). Без его принятия все, кто пошел на вредную работу после 1 января 2003 г. или проработал на таком производстве менее половины положенного срока, могут остаться без пенсии. Надвигающийся рукотворный кризис стал в ноябре прошлого года предметом специального парламентского запроса Михаилу Фрадкову. За Фрадкова ответил его заместитель — вопрос “требует дополнительного времени”. Я был вынужден обратиться к генеральному прокурору и в Пресненский райсуд (по месту нахождения ответчика) с просьбой принудить высокопоставленных бездельников выполнять свои обязанности.

В 2005 г. я внес законопроект, запрещающий мигалки и спецсигналы для чиновников и регламентирующий использование привилегий на дорогах различными службами. Отзыв на него готовили больше года, причем скрупулезно собирали мнения самых различных ведомств — именно тех, у которых я хотел отобрать пресловутые мигалки. Неудивительно, что мнение в итоге сложилось сугубо отрицательное. Правительственные чиновники заворачивают депутатские законопроекты под совершенно надуманными предлогами. При этом зачастую это касается совершенно очевидных вещей, возражать против которых — значит демонстрировать собственную глупость. Например, у нас вроде запрещено продавать алкоголь и табак несовершеннолетним. Однако на улицах полно пьяных подростков. Достаточно некоторое время постоять в магазине, чтобы увидеть, что торговля этим зельем для детей процветает. Дело в том, что никаких наказаний за это наше законодательство не предусматривает. Когда же мы попытались внести в КоАП хотя бы штрафы, получили отлуп из Белого дома: чиновники считают это “нецелесообразным”. Такое вот у них “сбережение народа”, такой у них “здоровый призыв” и “материнский капитал”.

Год назад я внес поправку в Уголовный кодекс, в статью 186, которая касается фальшивомонетчиков. Сегодня в этой криминальной среде действует многоступенчатая система, где преступники четко распределяют функции: один — изготавливает, другой — перевозит, третий — охраняет, четвертый — организует сбыт фальшивок, зачастую привлекая несовершеннолетних подростков. Такая “удаленность” от сбыта позволяет изготовителям уходить от ответственности, а на скамье подсудимых оказываются только сбытчики — даже в том случае, когда “накрыли” всю цепь. Дело в том, что наш УК позволяет привлекать к

уголовной ответственности только в том случае, если доказано, что фальшивые купюры изготавливались “в целях сбыта”. То есть, к примеру, если гражданина N застукали дома с оборудованием и парой миллионов свежотпечатанных долларов, то это еще вовсе не означает, что он фальшивомонетчик. Ведь гражданин может сказать, что указанные купюры печатает исключительно для того, чтобы использовать их вместо обоев. Согласно действующему УК, услышав такое, оперативники должны вежливо извиниться и убраться восвояси.

Где-нибудь в Европе или США такая ситуация невозможна, ибо там само по себе изготовление фальшивок уже является преступлением. Каково же было мое удивление, когда спустя год (!) я получил официальный отзыв Правительства РФ за подписью вице-премьера, согласно которому оно мой законопроект “не поддерживает”, так как “в случае принятия законопроекта уголовно наказуемым будет признано изготовление поддельных денег или ценных бумаг... в качестве сувенирной продукции”.

Но самый вопиющий случай, демонстрирующий нравы нашего законотворческого зазеркалья, — это, конечно, история с законами об ограничении игорного бизнеса. Начать с того, что много лет Госдума вообще не могла подступить к этой теме — ждали, когда правительство хоть чем-нибудь разродится. Но правительство ничего не рожало, а игорный бизнес без всякого закона очень хорошо себя чувствовал, так как эта ситуация позволяла ловким “операторам” обирать доверчивых россиян. Тогда в 2005 г. мы с депутатом Андреем Самошиным написали и внесли проект закона “О тотализаторах и игорных заведениях”, который предусматривал вывод всего игорного бизнеса в резервации.

Правительство, разумеется, прислало на этот закон отрицательное заключение (потому как, дескать, введение территориальных ограничений “создает необоснованные препятствия предпринимательской деятельности”), а коллеги из “Единой России” — Владимир Мединский и Валерий Драганов — неожиданно разработали свой законопроект, который полностью устраивал крупных владельцев игорных сетей и который правительство, естественно, поддержало. Несмотря на обращения от всех российских конфессий, от законодательных собраний регионов и общественности, ровно год назад думское большинство приняло в первом чтении законопроект Драганова — Мединского, а наш с Самошиным отправил в мусорную корзину. Оно точно

так же проголосовало бы и во втором, и в третьем, окончательном чтении, если бы неожиданно (для игорного бизнеса и его лоббистов) всю эту игру не поломал президент, который внес свой законопроект о четырех зонах, получивший поддержку.

Надеюсь все же, что эта и подобные ей истории подтолкнут коллег к тому, чтобы начать думать своей головой. Мне часто возражают, что столь унижительные и подчиненные отношения с правительством возникли оттого, что у нас, дескать, такая процедура. Но ведь эти процедуры, этот регламент принимали сами депутаты. Значит, вся эта процедура — она прежде всего в голове, а уж потом на бумаге.

И это надо менять. Депутаты должны вспомнить о том, что они законодатели, а не законобратели, и перестать заискивающе смотреть в рот правительственным чиновникам. Надо поменять регламент и все нормы, делающие законотворческий процесс зависимым от Белого дома. А самое главное — повысить ответственность как за соблюдение сроков отзывов, так и за их содержание. Мне непонятно, чем игнорирование депутатских обращений или законопроектов отличается от халатности. Только так можно заставить чиновников уважать законодательную власть.

Тогда, глядишь, и отношение самого народа к тем, кого он сам раз в четыре года выбирает для написания законов, изменится к лучшему. А пока подождем рассмотрения кассационной жалобы правительства на решение Верховного суда, который по моей инициативе отменил унижительные положения правительственного регламента, позволяющие, вопреки федеральному закону, перекладывать на мелких клерков ответы на депутатские запросы. Может, хоть в этом деле коллеги меня поддержат?

ПЕРВЫМ ДЕЛОМ — САМОЛЕТЫ

Россия не должна отказываться от производства самолетов

В прошлый четверг состоялось очередное заседание правительства по вопросам развития авиационного комплекса, где было заявлено о том, что за последние два года авиационная промышленность России вновь стала развиваться и наращивать объем производства. Оптимизм правительства основывается на том, что в 2001 г. объем производства авиационной техники увеличился на 10%, а в 2002 г. — уже на 30%. В качестве инструментов стимулирования отрасли чиновники рассматривают консолидацию активов под управлением нескольких холдингов. Правда, реального движения в вопросе реструктуризации авиапрома практически нет, так как дальше концепций дело не идет, да и они пока недостаточно конкретны, чтобы принести положительные изменения в динамику отрасли. Тем временем если у военных авиастроителей есть небольшие экспортные заказы, то гражданское авиастроение в России постепенно угасает: серийное производство гражданских самолетов в России за последние 10 лет сократилось в 6–7 раз (до 5–12 самолетов в год). Как рассказал корреспонденту RBC Daily Михаилу Смирнову президент группы НРБ Александр Лебедев, если уже в текущем году не предпринять серьезных шагов, то на этой отрасли можно будет ставить крест. В НРБ совместно с рядом КБ и авиастроительными предприятиями разработали свою концепцию развития российской гражданской авиации, одна-ко ее обсуждение в правительстве пока бойкотируется.

— Александр Евгеньевич, вы присутствовали на заседании правительства по проблемам авиационного комплекса, где, как предполагалось, будет заслушана и ваша концепция развития отрасли. Что происходило на заседании?

— В очередной раз было принято решение о том, что надо обязательно принять решение, теперь — до 1 сентября. Были отчеты о состоянии отрасли, даже оптимистичные, говорилось о том, что существует программа ее развития и она опять же успешно выполняется. Я не понял, что нужно государству — очередная концепция или самолеты. Остались в стороне наши предложения по созданию авиастроительной корпорации, их пришлось вновь в письменном виде передать на рассмотрение в правительство.

— В чем суть ваших предложений правительству?

— Мы готовы использовать свои финансовые ресурсы (на сотни миллионов долларов) на восстановление серийного производства российских самолетов. Для этого нужно, чтобы государство передало компании “Ильюшин Финанс”, где у государства есть доля, пакеты акций в ряде конструкторских бюро и предприятий в доверительное управление. “Ильюшин Финанс” развивает систему лизинга, по которой строящиеся самолеты будут предоставляться авиакомпаниям. Думаю, это будут конкурентоспособные воздушные суда по сравнению с западными, но нужно начать производить эти самолеты.

— Почему в правительстве не отреагировали на концепцию, подготовленную НРБ?

— А зачем это чиновникам? Ведь концепция уже частично реализована: под управлением “Ильюшин Финанс” находится Воронежский авиационный завод, КБ “Ильюшин”. Это заняло более двух лет. Теперь опять те же грабли — решение об Ульяновском авиазаводе и КБ “Туполев” постоянно откладывается. И никто не говорит ни “да”, ни “нет”. Самое удивительное в том, что между этой концепцией и программой правительства нет противоречий. Концепция просто более конкретна: она отвечает на те вопросы, которые только лишь поставлены в программе, по делу, самолеты производятся. Вместо этого в правительстве обсуждают идею создания новой лизинговой компании, которая будет обслуживать российские авиакомпании.

— У правительства есть альтернативные концепции развития предприятий авиационной промышленности. Возможно, оно выбирает лучшую?

— Да, концепция развития отрасли есть, наверное, у каждого из министров. Есть концепция у “Каскола” и Сергея Кириенко. Всего я насчитал порядка 10 концепций, но все они “секретные”, и не очень понятно, откуда их авторы собираются взять деньги на восстановление производства.

— Традиционно концепция “Каскола” подразумевала концентрацию российских предприятий на производстве мелких комплектующих для западных авиакомпаний. Компания уже стала партнером “Эрбас” по созданию инженерного центра в России, который займется созданием агрегатов и комплектующих для самолетов европейской компании. Каково ваше отношение к такого рода предложениям?

— Рассматривать можно любые предложения, если они конкретны. Хотя роль поставщика запчастей мне лично не очень нравится. Зачем становится поставщиком комплектующих, если можно собирать готовые самолеты? Такие предложения основываются на том, что наши самолеты неконкурентоспособны. Я готов принять на себя риски производства неконкурентоспособных самолетов, но этого мне сделать не дают.

— Не исключено, что ваше стремление производить “неконкурентоспособные” самолеты будет оправдано тем, что НРБ, являясь акционером “Аэрофлота”, может влиять на закупки техники? В прессе даже появлялись материалы о том, что “Аэрофлоту” уже сейчас буквально навязывают российские самолеты, а он не хочет их брать потому, что ему больше нравятся западные.

— Это не так, г-н Окулов разделяет мое мнение относительно конкурентоспособности российских самолетов. Версия о том, что, став акционером “Аэрофлота”, мы будем усиленно переводить его на якобы некачественные самолеты, не выдерживает никакой критики. Это не работающая схема: глупо покупать неконкурентоспособный завод, чтобы сделать столь же неконкурентоспособной крупнейшую в России авиакомпанию.

— Какие российские самолеты вы считаете перспективными?

— В данных условиях ставку нужно делать на “Ил-96” и “Ту-204” и выбрать ближнемагистральный самолет — “Ан-148”, “Ту-334”.

— **Каков ваш прогноз о будущем решении правительства относительно вашей или иной концепции развития отрасли?**

— Может быть, произойдет чудо и к 1 сентября правительство сможет представить более конкретную программу развития авиапрома. Если этого не произойдет, о гражданской авиации в России можно будет забыть. Конечно, можно сделать VIP-самолет для себя, обеспечить качественное техническое обслуживание, но это максимум. Есть такое ощущение, что в правительстве не понимают разницы между восстановлением серийного производства самолетов в России и производством 1–2 самолетов.

— **А что НРБ намерен делать со своей долей в авиахолдинге, если правительство все-таки в качестве базового выберет ваш вариант?**

— Разумеется, нам было бы интересно увеличить свой пакет акций, работать над капитализацией акций компании.

Мертвая петля

В последние годы кроме государства лишь Национальный резервный банк проводит целенаправленную политику по покупке и управлению авиаактивами. Он стал владельцем нескольких авиазаводов, крупнейшим частным акционером “Аэрофлота”. Именно от усилий основателя НРБ, а ныне депутата ГД РФ Александра Лебедева и его команды зависит, будут у нас строиться гражданские самолеты или нет. Если у него не получится, то хороших новостей от авиастроителей нам, похоже, уже не дожидаться, говорится в публикации “МК” (от 6.04.2004), которую мы перепечатаем по просьбе наших читателей.

— **Александр Евгеньевич, в последние годы вы неоднократно заявляли, что положение в авиапроме ухудшается. И это в то время, когда в целом экономика пошла на подъем. В чем причина?**

— Слишком много возможностей было упущено. Слишком много времени потеряно. Давно совершенно ясно, что необходимо консолидировать все авиационное производство в рамках

одной корпорации. Нет и не может быть конкуренции за те скудные ресурсы, которые наша страна может выделить на столь ресурсоемкую отрасль. Необходимо все, что есть, сконцентрировать на тех моделях самолетов, которые еще могут пользоваться спросом.

Ведь до сих пор ресурсов не выделялось не то что на развитие, а даже на поддержание многих заводов в нормальном рабочем состоянии. При этом государство по-прежнему является владельцем большинства из них, “подарив” олигархам в середине 1990-х гг. “сладкие” сырьевые отрасли.

Пожалуй, единственное, что было сделано прежним правительством, так это выделение относительно небольших сумм на авиализинговые нужды. Да и эти скудные деньги, которых хватало на производство двух-трех самолетов “Ил-96” и нескольких “Ту-204”, были размазаны по двум авиализинговым компаниям. Якобы для того, чтобы поддержать “конкуренцию” между чиновниками одного правительства. На мой взгляд, так сделали, чтобы чиновники разных кланов могли около этих двух компаний паразитировать, не мешая друг другу. Правда, в компании “Ильюшин Финанс” им это не удалось.

Нет и не может быть конкуренции между российскими авиастроительными компаниями. Сейчас вопрос стоит по-другому: сможем ли мы конкурировать с международными корпорациями или окончательно погибнем. “Точка невозврата” если еще не пройдена, то уже очень близка.

— Какие российские самолеты сейчас могут конкурировать с западными?

— Можно говорить об “Ил-96”, “Ту-204/214”, “Ту-334”, “Ан-148”. Однако внутреннее производство пока не может серийно обеспечить потребности российских авиакомпаний в новых машинах. При этом для старых моделей все больше стран “закрывают” небо. После того как страны Балтии вступят в Европейский союз, нам, например, не на чем будет туда летать. Придется либо утрачивать маршруты, либо пересаживаться на западные самолеты.

Ситуацию усугубляет еще то, что наши предприятия по большей части — банкроты. У них нет оборотных средств для того, чтобы запустить свои разработки в серию. А без этого невозможно модернизировать производство. Получается замк-

нутый круг. В это же время на Западе из-за известных событий 11 сентября 2002 г. произошло сокращение рынка авиаперевозок. Из-за кризиса последних трех лет огромное количество абсолютно современных лайнеров всех типов стало продаваться фактически за бесценок. И любой наш перевозчик мечтает эти машины купить. Их можно понять. Главная задача авиакомпаний — не содержать заводы, а возить пассажиров на качественной и безопасной технике.

У перевозчиков сейчас есть финансовые возможности купить западные самолеты. И все они очень тщательно изучают рынок. Поэтому даже наличие технических разработок новых машин не может принципиально изменить ситуацию.

— **Существует ли выход?**

— Надо подсчитать, сколько конкретно иностранных самолетов необходимо нашим перевозчикам в настоящее время. И ввести нужное количество западной техники. Не более. Сделать это надо через единственную лизинговую компанию, в которой государство должно играть роль главного владельца...

— **Извините, а что такое лизинговая компания?**

— Авиационная техника стоит очень дорого. И поэтому авиаперевозчики не могут заплатить за нее все деньги сразу. По сути, они берут самолеты напрокат — в лизинг — у специализированных финансовых компаний, которые и являются владельцами самолетов. Такие компании называются авиализинговыми. Долг за технику гасится постепенно, по мере того как от эксплуатации взятых в аренду лайнеров поступает прибыль.

— **Понятно. И что должна делать государственная лизинговая компания?**

— Она должна заказать, произвести и сдать новые российские и ввезенные западные самолеты, не имеющие у нас аналогов, в пользование перевозчиков. А полученные от них средства вновь переправить на производство российских аналогов. То есть эта объединенная компания, сдав иностранные машины, размещает заказы на новую российскую технику, которая через определенный срок начинает поступать на рынок. Новая техника появится через два-три года и заменит импортные самолеты. Эта задача может быть решена доста-

точно быстро. Главное, мы можем найти источники финансирования проекта.

Именно в этом коренное отличие наших предложений от того, что предлагало правительство все эти четыре года. Точнее, предлагало, но ничего не делало. Если спросить сегодня у бывших министров и вице-премьеров: “Где деньги?” (речь идет о нескольких миллиардах долларов), то четкого ответа не будет. До сих пор никто не знает, сколько денег ушло на создание параллельных проектов, хотя все равно рынок воспримет только один российский самолет определенного класса. Сколько, например, получал тот же “Росавиакосмос” на проект “Ту-334”, на разработки по “Ту-324”? Нет ответа...

— При новом правительстве может что-нибудь измениться?

— Это покажет только время. Мы собираемся внести на рассмотрение нового кабинета все те же документы и предложения, которые раньше передавались в кабинет Михаила Касьянова. Прежде всего речь идет о создании единой авиастроительной корпорации — мы предлагаем ее назвать Национальной авиастроительной корпорацией. Прежнее правительство игнорировало разработки, которые готовил Национальный резервный банк, Национальный инвестиционный совет, руководители ряда предприятий и конструкторских бюро. Год назад правительство пыталось создать собственную концепцию и пройти тот же путь, что и мы. Но на самом деле — был бессмысленно потерян еще год.

— Насколько известно из печати, шесть новых “Ил-96” собирается покупать “Аэрофлот”. Недавно Красноярская компания подписала контракт на покупку самолетов этого типа. Вы являетесь владельцем завода-изготовителя. Насколько мне известно, эти самолеты производятся на фюзеляжах, заготовленных еще в советские годы. Можно сейчас развернуть полноценное серийное производство?

— Во-первых, Воронежский авиазавод принадлежит государству. Мы же оплачиваем производство “Ил-96”. На первый взгляд, пополам с госбюджетом, но... бюджет возвращает свои деньги сполна в виде налогов.

Теперь о серийном производстве. Технически — возможно. Для этого сейчас надо выделять деньги. Стоимость “Ил-96” при-

мерно в три раза меньше западных аналогов. И те шесть машин, которые используются “Аэрофлотом”, на самом деле проявили не меньшую надежность и эффективность, чем “Боинги” или “Эрбасы”. А больше аналогов подобной техники просто нет.

— Но вы же сами говорите, что при нынешних условиях авиаперевозчику выгоднее покупать западную технику. Кто же будет покупать серийно производимый “Ил-96”?

— Сразу — мало кто. Но для этого и существует лизинговая схема. На самом деле весь механизм уже продуман. Бессмысленно ставить вопрос: можно ли произвести еще шесть “Ил-96”? Технически можно. Но проблемы отрасли гораздо более серьезные и глобальны. Не восстановишь огромное производство лишь строительством шести самолетов для “Аэрофлота”. Я считаю, что правительство Касьянова из всей нашей программы выдернуло именно этот кусочек, а профинансировало строительство этих машин исключительно по политическим соображениям. Проблемы отрасли реально решить только одним способом — создать консолидированную корпорацию. Это решение можно выполнить буквально в течение одного месяца. Все проекты бумаг готовы. Требуется только политическая воля.

В России фактически “завалили” серийное производство самолетов

Недавно в Воронеже состоялось совещание по вопросам авиационного лизинга, в котором принял участие премьер-министр Михаил Фрадков. О подробностях визита в Воронеж, а также о произошедших изменениях в отношении нового кабинета министров к отечественной авиационной промышленности корреспонденту RBC Daily Наталии Бендиной рассказал депутат Государственной думы Александр Лебедев.

— Александр Евгеньевич, вы остались довольны совещанием в Воронеже, каковы были его результаты?

— Основные его результаты зафиксированы в протоколе, который был подписан по окончании совещания. На мой

взгляд, он принципиально отличается в лучшую сторону от тех, которые принимались предыдущим правительством. Там есть много пунктов, и все они содержательные, нет мутных формулировок, как это было раньше, когда чиновники утверждали: “Во многом все хорошо, осталось только слегка улучшить”. Самое важное решение, которое содержится в протоколе, — до конца июля внести в правительство проект создания единой авиастроительной корпорации. Я не устаю повторять, что, если у нас не будет единого авиационного производителя, подобного европейскому концерну “Эрбас” или американскому “Боинг”, нашему авиапрому не выбраться из кризиса. Даже если мы увеличим уставной капитал лизинговых компаний, оплатим допэмиссию за счет бюджетных и внебюджетных источников, без принципиальных организационно-юридических изменений в сфере производства мы эти деньги просто не освоим.

— Скажите, а на заседании обсуждался вопрос о возможности объединения “Ильюшин Финанс Ко.” и Финансовой лизинговой компании?

— Нет, было сказано, что к этому вопросу правительство вернется позже. Дело в том, что все чиновники почему-то боятся обсуждать эту тему. Видимо, есть определенные группы влияния, которые в этом не заинтересованы. Наша позиция как частного акционера такова: раз государство сейчас не готово принять решение, то подождем. Действительно, проблема консолидации авиастроительных корпораций и готовность государства оплатить допэмиссию лизинговых компаний сейчас важнее. В целом же протокол внушает мне оптимизм. Другой момент — необходимо посмотреть на его исполнение. Когда мы передали в правительство год назад нашу концепцию создания Национальной авиастроительной корпорации, мы включили туда только военно-транспортную и гражданскую авиацию. Именно эти две отрасли, на мой взгляд, находятся сейчас в самом тяжелом положении. Однако после того, как чиновники взяли нашу концепцию, они сменили ее название — теперь будущая корпорация называется не “национальная”, а “объединенная” — и добавили в нее боевую авиацию. Мы не против объединения всего авиапрома в один холдинг, однако, на мой взгляд, интеграция боевой авиации не может произойти в этом году. Но нам нельзя тянуть время, и так слишком много уже упущено, поэтому мы предла-

гаем производить объединение в два этапа — сначала гражданское и военно-транспортное направления, а уж потом добавить туда и боевое.

— В протоколе также говорится о некоем пробном проекте поставки “Ил-96-300” на Кубу. Вы можете подробнее об этом рассказать?

— Да, существует такой заказ со стороны кубинцев. Попробуем использовать имеющиеся в бюджете гарантии и поручительства и выдать экспортный кредит, как это делается во всем мире. Но, к сожалению, если брать рублевые поручительства в Минфине, то деньги придется занимать на российском рынке, а тут они слишком дороги. Это делает проект не интересным ни для кубинцев, ни для производителей. Есть вариант: некий госбанк дает деньги по льготной ставке. Однако практически и это сделать нелегко, потому что бюджетная роспись, поручительства и гарантии — это одно, а живые деньги — совсем другое. Ищем решение этой проблемы.

— А что означает пункт о требовании к Министерству транспорта и “Аэрофлоту”: “С учетом заявленной потребности этой авиакомпании на ближнемагистральные и региональные самолеты рассмотреть вопрос о размещении заказов на этот тип самолетов на российских предприятиях”?

— Просто “Аэрофлот” уже года полтора объявляет о проведении тендера на региональный самолет, но пока это только слова. Кроме того, он воспользовался льготами по ввозу зарубежной техники и обязался взамен купить “Ил-96-300”, однако до сих пор контракт на покупку российских самолетов не подписан. Поэтому Министерство по экономическому развитию и торговле собирается подавать иски в Арбитраж к двум перевозчикам — “Аэрофлоту” и “Трансаэро”. Это справедливо, потому что распоряжения правительства необходимо выполнять — раз вам дали льготы по ввозу зарубежной техники, вы обязаны взять российские машины.

— Как представители “Аэрофлота” мотивируют свой отказ подписывать договор?

— Я не знаю, как они мотивируют. Почему-то, например, авиакомпания “КрасЭйр” купила “Ил-96”, а “Аэрофлот” в

этом самолете все время что-то не устраивает. Самолет, купленный “Красноярскими авиалиниями”, кстати, предназначался для “Аэрофлота”. В протоколе, подписанном премьер-министром, есть еще один интересный пункт — наказ чиновникам изучить зарубежную практику поддержки авиапрома. Это как раз то, что мы предлагали раньше, изучив европейский и бразильский опыт. В этих странах давно уже отменен НДС для авиационных производителей. В России, конечно, не просто принять такой закон из-за существующего у нас Налогового кодекса. Но, с другой стороны, можно сколько угодно говорить о необходимости создавать механизм перелива капитала из сырьевого сектора в “наукоемкий”, однако известно, что нефтяники до недавнего времени с помощью различных налоговых схем платили 5% налога, а авиационные заводы — 65%. Причем государство, внося деньги в капитал лизинговых компаний, тут же забирало их обратно в виде налогов.

— Было ли в Воронеже принято решение о конкретных размерах повышения капитала лизинговых компаний?

— Конкретные суммы не назывались. Но принципиальное решение о том, что необходимо оплатить допэмиссию за счет бюджетных и внебюджетных источников и тем самым повысить уставной капитал лизинговых компаний, принято было. Сейчас обе компании истратили практически все свои деньги на производство 17 самолетов, которые будут произведены в ближайшее время. Эти самолеты производятся как за счет капитала лизинговых компаний — около 300 млн долл., так и заемных средств — 500 млн. Если сейчас государство внесет в уставной капитал лизинговых компаний еще 300 млн и столько же будет привлечено в капитал за счет внебюджетных источников, плюс займы, то с учетом мультипликатора это составит около 1,5 млрд долл.

— Можно ли на эти деньги обеспечить производство самолетов из стартового заказа?

— Можно, ведь это нелинейное финансирование. Сразу увеличится капитал компаний, значит, возрастут заемные возможности, начнется производство самолетов, каждый из которых является отличным залогом. На Западе средний показатель прямых затрат лизинговых компаний составляет 20%, а остальные деньги привлекаются в виде заемных средств.

— Недавно министр транспорта России Игорь Левитин упомянул о том, что сейчас якобы рассматривается вопрос об отмене пошлин для той иностранной техники, аналоги которой не производятся в России. Как вы относитесь к таким заявлениям?

— Это какая-то путаница. Возможно, СМИ ошиблись. Наши перевозчики сейчас и так ввозят иностранные самолеты, уплачивая все пошлины, и все равно это для них выгодно. Мудрость государства состоит в том, чтобы найти золотую середину.

Рынок просит самолеты

Прошло уже более двух месяцев с тех пор, как на заседании президиума Госсовета обсуждалось положение в авиастроительной отрасли России. О том, что происходит сегодня в нашем авиапроме и как выполняются принятые 22 февраля решения, корреспондент “РГ” беседует с депутатом Государственной думы, президентом Национального инвестиционного совета Александром Лебедевым.

— На заседании президиума Госсовета было решено объединить весь российский авиапром в Объединенную авиастроительную компанию. Как обстоят дела сегодня?

— С идеей создания такой компании мы носились уже несколько лет, она буквально выстрадана всеми, кто работает в отрасли. Правда, в нашей транскрипции она называлась “Национальная авиапромышленная корпорация”. Немножко обидно, что правительство почему-то считает, что “объединенная” звучит лучше, чем “национальная”, “авиастроительная” — чем “авиапромышленная”, а “компания” — чем “корпорация”. Но дело не в терминах.

Мы предполагали, что НАК (или теперь ОАК) может стать настоящей площадкой для государственно-частного партнерства в реальном секторе, причем в сфере высокотехнологичного производства, каким является авиастроение. Ведь на сегодняшний день здесь работают предприятия с различной формой собственности, и консолидация авиапрома позволила бы, с одной стороны, осуществлять управление производственными мощностями

и концентрировать ресурсы на перспективных направлениях, а с другой — привлекать частные инвестиции. С моей точки зрения, это единственный способ спасти отечественное авиастроение.

— **Российский авиапром надо спасать?**

— Конечно, причем с каждым потерянным днем, месяцем, годом шансов на выживание остается все меньше. Особенно удручающе обстоят дела в гражданском авиастроении, где мы занимаем лишь один процент мирового рынка, то есть нас даже не воспринимают как конкурента. Хотя в стране есть все необходимое, чтобы выпускать большой объем конкурентоспособной продукции. Надо просто грамотно распорядиться имеющимися возможностями.

Если взять Европу или Америку, то там авиапромышленные мощности давно объединены в корпорации, известные каждому, — “Эрбас” и “Боинг”.

— **Кстати, несколько недель назад на обеде, устроенном Американской торговой палатой в России, представитель “Боинг” спросил у нашего министра экономического развития и торговли об ограничениях на поставки импортной авиатехники в Россию. Герман Греф высказался за то, чтобы снять все барьеры.**

— Вот если бы на период до появления российского регионального самолета через одну (подчеркну) лизинговую компанию ввести на определенный срок иномарки, не имеющие аналога, то наши авиаперевозчики (и пассажиры) были бы рады, и авиапром бы не пострадал. А просто так снять ограничения — это то же самое, что в реанимационном отделении посреди зимы открыть настежь окна для того, чтобы пациенты “закаливались”. Сделать так — значит окончательно распрощаться с самой возможностью когда-либо поставить на ноги наш авиапром, потому что он попросту погибнет.

Это вообще не первая и не единственная “странная” инициатива наших чиновников относительно развития отрасли. Они пишут “под себя” указы для создания ОАК — там не прописаны права и обязанности частного сектора. Или, например, недавно по инициативе того же министерства государственные банки объединились для финансирования проекта создания регионального самолета RRJ. Нас иногда несправедливо упрекают в лоббировании другого самолета этого класса — “Ан-148”, кото-

рый наши заводы должны делать совместно с украинским АНКТ им. Антонова...

— **Во время визита в Киев президент поддержал этот проект...**

— Замечу — имел к этому все основания. Этот самолет уже есть, он уже летает, надо просто немного помочь, чтобы запустить его в серийное производство. А RRJ появится в лучшем случае через три года, в его создание надо еще вложить миллиарды, которые неизвестно когда окупятся, и окупятся ли вообще. У меня нет никакого предубеждения против этого самолета. Я просто считаю, что здесь должен все решать рынок. А не чиновники, которые начинают искусственно поддерживать один проект в ущерб другому, которые начинают давить на авиаперевозчиков, чтобы те отказались от заказов. Возникает вопрос: почему это делается?

Не потому ли, что “господдержка” предполагает соответствующие бюджетные вливания, которые надо будет “осваивать”? Только не надо потом удивляться, если вместо самолета появятся яхты и виллы у тех, кто сидел на финансовых потоках. Эта тема уже несколько месяцев активно обсуждается в нашей прессе, но что толку — Васька слушает да ест. Возможно, после жестких слов президента относительно “коррупционности чиновничества” что-то изменится...

— **Вернемся к ОАК. Вы удовлетворены тем, как идет процесс ее создания?**

— У нас, к сожалению, пока все происходит “как всегда”, хотя это как раз тот самый случай, когда можно было бы хоть раз попробовать сделать “как лучше”. Изначально предполагалось, что создание объединенной компании будет идти снизу, от бизнеса. То есть производственные мощности в соответствии со своей спецификой будут интегрированы в более-менее самостоятельные бизнес-единицы: “гражданское самолетостроение”, “боевая авиация”, “транспортная авиация” и т.п. Надо дать возможность частному бизнесу начать самостоятельно строить те компании, в которых от коммерческой отдачи будет зависеть результат и само существование бизнес-единиц. Это в первую очередь гражданское самолетостроение.

Так, “гражданское самолетостроение” на первом этапе могло бы быть на 100% частным предприятием. Его создание ведет-

ся от бизнеса, и в него включаются реально действующие структуры (например, “Яковлев”, “Иркут”, Воронежский ВАСО). Далее к нему присоединяются представляющие для бизнеса интерес предприятия со значительной долей госакций. Такая схема позволит частному бизнесу реально управлять структурой, нанимать эффективный, не зависимый от госчиновников менеджмент. В такое прозрачное для инвесторов предприятие намного легче привлечь новые инвестиции, в том числе иностранных инвесторов.

Параллельно можно создавать другие бизнес-единицы. Но даже такую, как “боевая авиация”, желательно тоже строить “снизу”. Поскольку в данном секторе авиапрома государство имеет преобладающие позиции, то в результате данная бизнес-единица с очевидностью окажется под его контролем. Участие в этой бизнес-единице реального частного капитала маловероятно, но целевая господдержка может помочь ее развитию. После завершения формирования бизнес-единиц создается единая холдинговая структура — ОАК. При этом авиастроительные комплексы получают координационный орган, но сохраняют свою самостоятельность, а капитализация ОАК напрямую зависит от эффективности ее подразделений. При суммарном эффективном развитии всех бизнес-единиц холдинговая компания имеет возможность привлечь до 49% частных мелких акционеров.

— Звучит впечатляюще. А что, в настоящее время происходит как-то по-другому?

— Насколько я знаю, в подготовленном правительством указе президента принята иная схема. Предполагается, что ОАК будет единой и при этом единственной бизнес-единицей, в которой доля госкапитала будет составлять более 70%. Причем поначалу она будет государственной на все 100%, а затем в нее начнут “принимать” частных акционеров на основе оценки их пакетов.

— Что же в этом плохого?

— Плохо то, что в результате частный капитал попросту не пойдет в эту ОАК, потому что компания для него будет непривлекательной. Ведь он потеряет свои ведущие позиции на предприятиях реального производства, где присутствует сей-

час, а взамен не получит ничего. И вместо государственно-частного партнерства мы увидим очередную госкомпанию во главе с теми же чиновниками, которые за последние 10 лет почти угробили стратегически важную отрасль. Более того, существует угроза, что при таком развитии событий параллельно с ОАК возникнет частная авиастроительная компания, которая начнет с ней конкурировать и таким образом распылять ресурсы.

— Неужели все настолько безнадежно?

— Я все-таки надеюсь, что здравый смысл восторжествует. В конце концов, сколько можно терпеть ситуацию, когда интересы развития страны ставятся в подчиненное положение к честолюбию тех или иных бюрократов, к тому же зачастую коррумпированных. Во всяком случае, именно так я понимаю смысл Послания президента Федеральному Собранию.

“За два месяца развалили отечественное авиастроение — никто не пошел на посадку”

Александр Лебедев — депутат Государственной думы и крупнейший частный акционер лизинговой компании “Ильюшин Финанс” — перешел в открытое наступление в борьбе за свою компанию, 40% акций которой были арестованы по требованию Генеральной прокуратуры. Недавно он подал в суд на премьер-министра Михаила Фрадкова за то, что тот не ответил на его запрос в отношении “Ильюшин Финанс”. Этот неординарный сам по себе поступок стал поводом для нашей беседы, которая переросла в жесткий эмоциональный анализ политической обстановки в стране.

— Александр Евгеньевич, чего вы хотите добиться, подавая в суд на Фрадкова? Разве это может помочь разрешению проблем вокруг “Ильюшин Финанс”?

— Необходимо срочно создать прецедент. На одном из президиумов фракции “Единая Россия” был поднят вопрос о том,

что правительство на Госдуму плевать хотело. Никаких функций контроля у нас нет. Закон о парламентском расследовании завис, хотя мы и надеемся принять его в конце октября. Словом, Дума не может выполнять никаких функций, кроме законотворческой. Но мы как представительная власть обязаны еще и осуществлять контроль над исполнительной властью. Месяцев девять назад спикер Грызлов, комментируя такую ситуацию, сказал: “Подавайте в суд”. Мысль правильная, но прецедентов-то, как выяснилось, нет! Никаких обращений, никаких решений суда. Следует изменить ситуацию.

Запрос на имя премьера по катастрофической ситуации в авиапроме был отправлен в начале июля, еще до ареста акций “Ильюшин Финанс”. Ответ, как и обычно, вопреки закону пришел не через месяц, а через два с половиной. Отвечал не Фрадков, хотя он и обязан был, а заместитель главы Минпромэнерго Реус. Содержательно ответ был пустой — банальная отписка. Да еще с оскорблениями в адрес Госдумы — мол, вы и так законов нужных не принимаете, а не в свое дело нос суете. Пора навести порядок. Сделать это возможно только с помощью суда. Есть еще предложение депремировать чиновников за такое поведение — у них премии до трех тысяч (!) долларов в месяц. Зарядно проверим эффективность и независимость судебной системы. На этом примере можно выяснить, является ли Дума сегодня полноценной ветвью в системе власти.

— И за что в этой системе отвечает премьер?

— Если бы Фрадков был ответственным премьером, то он за то время, которое прошло с 27 июля, то есть с момента ареста акций “Ильюшин Финанс”, должен был бы хотя бы озвучить свою позицию. Ведь речь идет о компании, на которой держится целая отрасль, причем о государственной компании! Это же их актив: в “Ильюшин Финанс” контрольный пакет принадлежит правительству и Внешэкономбанку. Что же касается отрасли, то 22 сентября премьер признал, что правительство ее завалило. В конце, правда, пытался перевести стрелки на меня. Смешно. Собственник-то — государство. Прокуратура не без черного юмора говорит правительству и мне, двум главным акционерам: “Менеджеры украли деньги”. Они просто не могли ничего украсть. Все было под нашим контролем: муха без билета не летала! Получается так: частный

акционер ходит в прокуратуру, пытается помочь людям найти истину, а наши государственные “партнеры” палец о палец не ударят.

— Ну, Фрадков еще может сослаться на большую занятость стратегическими вопросами. А “профильные” чиновники — глава Роспрома Алешин, глава Минпромэнерго Христенко как-нибудь отреагировали на ситуацию?

— Отреагировали. Через три недели после ареста акций. “Мы советовались, что делать”. Отвечаю: “Выходите в Басманный суд, обращайтесь в прокуратуру, докладывайте президенту”. Оказывается, не могут ни первого, ни второго, ни третьего — “формат” не тот. Предлагают нам оплатить допэмиссию акций — около ста миллионов долларов. То есть, может быть, прямо наличными отнести под арест в Басманный суд? Глупость, но мы и на это согласились. Так правительство полтора месяца соответствующую директиву подписать не могло!

— Может, не слишком в этом заинтересовано?

— Очень заинтересовано: мы даем 100 млн, они — 80 млн на госзаводы. Просто работать не могут. Или пришли конкуренты, которые хотят двести миллионов долларов государственного финансирования получить на “освоение”, и решили свои вопросы. Коррупция устроила погром в “Ильюшин Финанс” и отрасли. Открыли дело. Через некоторое время дело выдохлось — оно абсолютно пустое. И тут, вероятно, один из сотрудников прокуратуры, имеющий поручение по Касьянову, увидел, что сделка с государством осуществлялась по его директивам. Под предлогом того, что можно зацепить и Касьянова, дело передали в Генеральную прокуратуру. А там одно к другому — еще сто интересантов, включая одного безграмотного высокопоставленного чиновника в Кремле.

— А кто за этим стоит?

— Это для меня загадка. Я до конца не понимаю, кто они. Не Лужков. Не Администрация президента. Даже не уверен до конца, что конкуренты. Не “Боинг”. Хотя “Боингу” это невероятно выгодно. На месте ЦРУ можно человеку, который все это организовал, “пурпурное сердце” моментально привинтить на

грудь. Ведь только чиновники, которые завербованы или являются нелегалами, могут говорить, что заводы в Воронеже и Ульяновске и их продукция — “Ил-96” и “Ту-204” — никому не нужны, а “Ан-148” — украинский самолет, и поэтому его нельзя пускать в Россию. Это ложь: “Ан-148” уже сейчас на 50% российский. И летает.

У нас скоро должен быть принят закон о парламентских расследованиях. Так вот, надо первым делом выяснить, кто за два месяца довел до ручки целую отрасль и зачем он это сделал.

— А что, действительно говорят о закрытии заводов?

— Конечно, причем чиновники, отвечающие за отрасль. При Сталине за такие разговоры тут же расстреляли бы. Сейчас, на их счастье, не те времена. Но проблема-то в том, что эти заводы принадлежат государству, никакого “доверительного управления” со стороны ИФК не существует, потому что в нашем праве вообще нет такого понятия. Хотя, если говорить о Воронежском заводе, “Ильюшин Финанс” просто спасла его от банкротства, обеспечила заказами. Пришлось прямо на заседании правительства 22 сентября сказать: “Если вам не нужны эти предприятия, продайте их частному бизнесу за один рубль. Мы покажем, как надо работать, — будет хорошая конкуренция государственной ОАК с бумажными самолетами типа RRJ”. Так ведь сразу и ответили, что об этом не может быть и речи.

— Хорошо, кто эти ваши оппоненты — не вполне понятно. А какие у них могут быть мотивы?

— Может быть, это месть мне за общение в прошлом году с президентом тет-а-тет? Нельзя этого делать, по мнению окружения, без их согласия. Не дай бог, кто-то из разведки просочится и правду расскажет. Вот совершенно ненормальный пример. Мы на свои деньги построили центр по лечению детских лейкозов на улице Льва Толстого в Санкт-Петербурге, в Первом медуниверситете. Один из чиновников Кремля мне говорит: раз центр готов, так давай мы деньги на оборудование дадим — 12 миллионов евро. Проходит несколько месяцев. Путин едет в Германию, где объявляет, что в Москве будут строить новый центр по лечению детских лейкозов, потому что у нас очень высокая смертность от этой болезни. И потратят на это сто миллионов евро!

Спрашиваем у Зурабова: “У нас готов центр на 85 коек, так зачем вам на 300, когда это больше, чем нужно стране? И откуда взяли сто миллионов, если он стоит максимум пятьдесят? Строили, знаем”. В ответ — молчание.

— Одним словом, надеяться на то, что чиновники что-то сделают в этой ситуации, не приходится. Но ведь были и прямые обращения к президенту: ваше, двух губернаторов...

— Да, были. С ним говорили высокопоставленные чиновники правительства, несколько депутатов. Писали письма два губернатора, директора заводов, М. Горбачев. Я тоже обращался. В общем, думаю, что с президентом было не меньше двух десятков разговоров.

Но уверен, были и другие разговоры. Кто-то подошел к нему и сказал: “Все это вранье. Лебедев просто очень хитрый. Он эти заводы в Воронеже и Ульяновске украл. Нет там никаких 50 тысяч людей и членов их семей. И делают они скверные самолеты, которые Лебедев к тому же либо преднамеренно (!) ломает, либо детали ставит некачественные, украв деньги от разницы в цене на качественные. А сейчас он хочет покуситься не на миллионы бюджетных денег, а на миллиарды. Поэтому надо выкинуть с предприятий частный сектор вместе с этим Лебедевым”.

Поражаюсь, как они верят виртуальной телевизионной картинке, которую сами же создают. Они и правда верят, что в Воронеже и Ульяновске нет никаких заводов, что деньги украдены, а директоров купили? Я-то думал, что они врут, а они-то в это верят. В этом отношении очень интересно: а во что верит президент? И что он собирается делать? Это же его личный проект.

— То есть ближайшее окружение президента, по вашему мнению, создает виртуальную картинку для себя и для него?

— Убежден в этом.

Мы потратили массу времени на то, чтобы взять гастроскоп, и заглянуть чиновникам в желудок, и понять, что же там происходит. А происходят крайне любопытные вещи. Например, приезжает президент на авиасалон МАКС. На президентской линейке стоит “Ил-96” для Кубы, стоит “Ту-204”, рядом “Ан-148”. Он почему-то подходит только к винтовому “Ил-114”. Смотрит секунд пятнадцать на самолет — грустно так. Смотрит на нас: директора заводов и губернаторы, человек восемь, стоят за оцеп-

лением ФСО. Кивает головой и улетает. На бомбардировщике “Ту-160”. И после этого нам говорят о безопасности полетов первого лица. Это же абсурд! История “Ту-160” изобилует катастрофами. Эти самолеты уже не производятся двадцать с лишним лет. Так объясните мне, в чем логика? Вспомните недавнее интервью Кожина. Мол, “Ил-96” часто ломается. Так как же вы тогда президента в эту “тушку” посадили? Со стрельбой ракетами, две из которых застряли в барабане? Может, это вообще было завуалированное покушение на главу государства? Нет, все это не так просто. И линейку президентскую ему не дали посетить — сказали, там нет ничего достойного. И вот почему — никакого RRJ нет. И не будет. Нечего показать. А нам есть что. Нельзя, чтобы он понял. А то поймет, и не удастся потратить 2 млрд долл. на бумажное детище “Боинга” с типично российским названием Russian Regional Jet. Только вот незадача: не даст Дума этих денег, когда узнает, что: 80% из них освоят иностранные фирмы! Браво, Погосян!

— А можно ли в таком случае рассматривать атаку на “Ильюшин Финанс” как способ расправиться с вами как с политическим противником?

— С политической точки зрения я в этом никакого смысла не вижу. В газетах пишут, что это вроде черной метки, что специально прислали прокуратуру. Да, увы, со времен Ивана IV это метод борьбы с инакомыслием. А где мое инакомыслие? Теперь в прокуратуре и в администрации не знают, как выйти из положения. Нельзя же показать, что их никто не присылал, что они сами пришли, по частной, так сказать, инициативе.

— Вы уверены, что так и было?

— Я же не голословно это говорю. У меня ситуация какая: мне за последний месяц передали 20 черных меток. Чтобы я снял внесенный мной в мае закон об игорном бизнесе, смысл которого сводится к тому, что игорные заведения должны быть вынесены за черту города. А 23 августа на встрече президента с администрацией в Сочи Владимир Владимирович сказал, что в этой сфере пора бы навести порядок, то есть фактически поддержал наш подход. И — тишина. Начинает работать Дума, открываю план работы на осеннюю сессию — закона нет. Это что за саботаж вообще?

“Мы будем развивать авиационный лизинг из принципа”

Владелец Национальной резервной корпорации (НРК) и депутат Государственной думы Александр Лебедев оказался под двойным ударом. В июле генеральная прокуратура арестовала контролируемые им акции лизинговой компании “Ильюшин Финанс и Ко” (ИФК), а в августе из-за производственных дефектов были отстранены от полетов самолеты “Ил-96-300”, продажей которых занималась ИФК. После этих событий представители рынка стали все чаще говорить о кризисе отечественной авиационной промышленности. Заявлял об этом и Александр Лебедев. Он сказал, что готов сдать свой депутатский мандат и уйти спасти ИФК. Параллельно он направил несколько писем и запрос премьер-министру Михаилу Фрадкову, но, как утверждает А. Лебедев, так и не получил на них ответа. В четверг он подал иск в суд на премьер-министра за нарушение административного кодекса и готовит иск на возмещение материального ущерба, который понесла ИФК из-за действий прокуратуры. О своих взглядах на сложившуюся ситуацию в авиационной отрасли и политической системе страны Александр Лебедев рассказал в интервью журналисту RBC Daily Сергею Старикову.

— Александр Евгеньевич, на какой стадии сейчас находится следствие в рамках уголовного дела против генерального директора ИФК Александра Рубцова?

— Это тайна следствия. Следственные действия ведутся уже 6 месяцев. Сотрудники ходят на допросы, все документы изъяты прокуратурой. Дело возбуждено не по факту, а сразу против генерального директора. Что еще опаснее — волна допросов перекинулась на чиновников. Из-за этого решение всех вопросов, касающихся компании, теперь стало тормозиться на уровне правительства. Его представители в течение месяца не могут выпустить директиву по дополнительной эмиссии. Совет директоров в очередной раз сорван. Психологическое состояние коллектива компании и чиновников из правительства, которые пять лет подписывали документы, касающиеся деятельности ИФК, тяжелое.

— **На минувшей неделе появилась информация о том, что совет директоров ИФК уже в третий раз срывается, насколько этот процесс может затянуться?**

— Я думаю, что чиновники боятся принимать какие бы то ни было решения. Например, по какой цене оплачивать дополнительную эмиссию, по какому коэффициенту проводить конвертацию акций. Чиновники боятся принимать даже такое простое решение, как проводить или нет совет директоров. Вдруг тебя за это завтра вызовут на допрос? В отношении нас у прокуратуры есть подозрения в том, что мы как акционеры не можем управлять активами компании. Именно это, а не деятельность всего менеджмента поставлено под сомнение. Поверьте, у менеджмента ИФК были очень ограниченные права для принятия решений. Все решения, как крупные, так и мелкие, принимались только акционерами, менеджмент компании не имел никакой свободы. А если учесть то, что по каждому вопросу мы с государством цапались, попробовали бы они принять без нас какое-нибудь решение. И устав, и закон об акционерных обществах в компании неукоснительно исполнялись.

— **Вы говорите, что чиновники боятся даже дополнительной эмиссии акций ИФК. Но что здесь, на ваш взгляд, может вызывать их опасения?**

— Они боятся всего, они не понимают, что происходит. Кстати говоря, этого никто не понимает. Сегодня ты поставил подпись, а завтра пошел в прокуратуру. В списке свидетелей представители всех основных ведомств, начиная от министров до начальников департаментов и отделов. Чиновники менялись, поэтому вызывают тех, кто давно не работает. Даже технически не совсем понятно, как можно допросить 70 человек, многие из которых уже не работают, а другие путешествуют.

— **Если это кому-то нужно...**

— К сожалению, кому-то действительно нужно уничтожить компанию и преподнести всем нам урок.

— **В начале месяца вы сообщили о том, что сдадите свои депутатские полномочия и уйдете спасать от действий прокуратуры “Илюшин Финанс”, по меньшей мере станете ходить на допросы?**

— Я буквально сказал следующее: если будет фракционное или партийное поручение для того, чтобы спасти отрасль и компанию, я готов сдать мандат и отправиться туда работать. Пока такого поручения нет. Мы подготовили обращение к правительству о ситуации в авиастроении, на прошлой неделе утвердили его на президиуме фракции “Единая Россия”, всего его поддержали 425 депутатов Государственной думы. Единодушие для Думы редкое. В отрасли тяжелое положение в связи с ситуацией с ИФК, и мы просим Фрадкова незамедлительно в этом разобраться. Надеюсь, на это обращение будет получен ответ.

— В то же время в одном из своих интервью вы сказали, что устали заниматься бизнесом и комфортно себя чувствуете, когда не заседаете на советах директоров, не принимаете решений. Нынешнее заявление о сложении с себя депутатского мандата говорит об обратном...

— А делать же что-то надо... Мне прокуратура устами первого заместителя сказала: “Все проверки до конца августа закончим”. Конечно, никто априори не подвергает компетенцию прокуратуры сомнению. Если были какие-то факты нарушений, хотя мы знаем, что их быть не может, то, пожалуйста, действуйте... Но сейчас середина сентября, а ситуация с каждым днем ухудшается. Мы теряем деньги и деловые связи. Это отчетливо видно по поставкам “Ил-96”, по кредитным линиям и вексельным программам, по работе менеджмента и доверию рынка к компании “Ильюшин Финанс”. Мы не можем оплатить дополнительную эмиссию, значит, не сможем выбрать бюджетные деньги. С чем я и поздравляю прокуратуру. Кстати, у меня лежит готовый иск к прокуратуре по убыткам, которые понесла ИФК от ее действий.

— А вы их считали?

— Если компания будет уничтожена, то на сегодняшний день RMGM ее оценивает в 264 млн долл. Соответственно, у нас там 37%. Если считать упущенную выгоду, то можно выйти к 150 млн долл. Пока мы точно оценили совсем простые и очевидные убытки, такие как срывы контрактов и привлечение новых инвесторов. У нас есть иностранные и российские компании, с которыми мы вели переговоры много лет о покупке ими части акций дополнительной эмиссии ИФК. Сейчас эти очевид-

ные убытки можно оценить в 5 млн долл. Это сумма без учета удара по имиджу компании. Мы не считали имиджевые потери, они наиболее трудно доказуемы в судах. Так как в стране нет самостоятельной судебной системы, то было бы странно прийти в Басманный суд и предъявлять там какие-то серьезные претензии в адрес государственных структур. Финансовые потери от порчи репутации еще никто никогда у нас в стране не доказал.

— По мнению участников рынка, инициатором событий вокруг “Ил-96-300” была авиакомпания “Аэрофлот”, которая устала за свой счет исправлять дефекты в 6 самолетах. Как известно, НРК контролирует порядка 30% акций “Аэрофлота”, при этом корпорация владеет 36% акций лизинговой компании ИФК. Как вы ощущаете себя в роли совладельца борющихся компаний?

— Да, я слышал, говорят, “Аэрофлот” хочет “подвесить” сделку, но пока доказательств этого нет никаких. Они видят, что ИФК под угрозой исчезновения. Кто тогда будет выполнять контракт по поставке самолетов? Конечно, все об этом говорят и думают. Тем более что иностранные самолеты с точки зрения показателей эксплуатации выглядят более привлекательно. А тут еще “Ил-96-300” посадили на землю... А представьте после такого скандала пассажиров, которые еще долго будут думать, летать им или нет на “Ил-96-300”. Таких мер, когда все самолеты выводились из эксплуатации, в истории авиации еще не было. Почему американцы не советуют своим авиакомпаниям не эксплуатировать “”Боинг-737”? Что касается меня, то в конфликте интересов ИФК и “Аэрофлота” я не займу никакую сторону. “Конфликт интересов” — это понятие, придуманное авторами классических учебников Гарварда. Умный владелец или менеджер всегда найдет компромисс.

— Если авиационный бизнес у НРК “не пойдет”, на каком рынке корпорация сосредоточит свои финансовые активы?

— Я уверен, что мы будем развивать авиационный лизинг. Даже из соображений принципа, чтобы не дать погубить отрасль. Собственно, это мы до сих пор и делаем. Государство всегда говорило “спасибо” и пакостило в лице отдельных чиновников. Что касается других направлений, НРК в лице Национальной жилищной корпорации будет развивать подотрасль доступного жилья. Энергетику стратегически мы не потянем.

Если бы мы были крупными потребителями или у нас реализовывались большие интересы в регионах, то можно было бы, конечно, подумать. Опять же сферой наших интересов по-прежнему остается Украина.

— **Как вы оцениваете недавние перемены в украинском правительстве?**

— Это хорошие и правильные перемены. Мы быстро узнаем, приведут ли они к изменению в экономической ситуации. Надо посмотреть, как поведут себя новые руководители республики в отношении гостиницы “Украина”. Я написал официальные письма. Украинская сторона пообещала прекратить ее деприватизацию. Если они все иски отзовут, то мы сразу начнем реконструкцию гостиницы. Мы бы уже ее реконструировали процентов на 70. Власти Украины пытались отобрать все, что мы построили в Крыму. Если бы не эти события, мы бы за 8 месяцев освоили не 5 млн долл., а все 200 млн. Вот вам и результат того, что они вытворяют. Там же мелкая банда совсем недалеких коммерсантов.

— **В ваших выступлениях в последнее время стала все чаще звучать фраза “я написал письмо...”. Вы действительно верите в действенность этого метода борьбы?**

— По ИФК я президенту написал письмо, и не одно. Но эффекта нет никакого...

— **А может, вовсе не надо их писать?**

— Нет, надо, хотя они не доходят до своих адресатов. Но я проверю, куда они идут. У нас в стране система настолько централизованная, что многие вопросы может решить только президент. Правительство тоже отказывается что-то делать. Мои письма кем-то складываются из ближайшего президентского окружения. В ту же ситуацию мы попали и на Украине — там Ющенко тоже ничего не показывали. Но у нас президент, как мне кажется, хорошо представляет себе, что происходит в стране.

— **Вы ищите встречи с президентом?**

— Безусловно, я этого у него в письме попросил. В последний раз в феврале на Государственном совете Путин сказал, что главным инструментом развития авиастроения является

лизинг, который мы будем стараться развивать, на его деятельность дадут 200 млн долл. В то же время я думаю, что кто-то пытается президента дезинформировать. Но у них ничего не получится. Они могут ему объяснять, что на Воронежском авиационном заводе ничего не производится, что все деньги разворованы. Я уверен, что он в этом разберется, так долго не может продолжаться. Так получилось на МАКСе. Путин подошел к президентской линейке, где стояли специально выставленные для него самолеты. Он посмотрел ташкентский винтовой “Ил-114”, грустно глянул на “Ил-96-300” и “Ту-204”. Скорее всего, ему кто-то сказал, что здесь нечего смотреть и представлены плохие самолеты. Возможно, от этой ситуации выиграет Финансовая лизинговая компания (ФЛК). Но я считаю, что в стране должен быть один лизингодатель с государственным участием. В противном случае получится дублирование расходов. Тем более что административные расходы у ФЛК в пять раз выше расходов ИФК, а сама компания в два раза меньше. Значит, кто-то из чиновников кормится вокруг ФЛК, и этот “кто-то” затеял всю эту историю. А дальше все искусственно наслоилось, и примешалась политика.

— **Сможет ли создание ОАК реанимировать отечественное авиастроение?**

— В таком виде, как она создается сейчас, нет. Это только убьет отрасль. У нас в стране не работают такие вещи, как госплан, а именно его хотят внедрить в авиастроении. Поэтому я пока ничего на эту тему вообще не хочу говорить. Мы ведем консультации с представителями авиастроения, у нас грустное впечатление. Им всем говорят: либо быстро соглашайтесь и делайте, как вам говорят, тогда, так и быть, дадим 1%, либо сделаем все без вас...

Спасти российский авиапром может только национальный капитал

— **На прошлой неделе был наконец-то снят введенный в конце августа запрет на полеты “Ил-96”. Как вы оцениваете этот факт?**

— Меня удивляет, зачем был введен запрет. “Ил-96” — отличная, надежная машина, единственный наш конкурентоспособный дальнемагистральный лайнер. Все его системы, связанные с безопасностью, многократно дублируются. Чиновникам, так легко посадившим весь парк “Ил-96” и при этом говорящим много добрых слов в адрес падающих каждую неделю “Боингов”, неплохо бы знать, что “Ил-96” получил в США сертификат качества FAA. Который, между прочим, распространяется и на тормозные механизмы.

Ущерб, нанесенный нашему авиапрому этим решением, не поддается подсчету. Ведь, кроме прямых потерь авиаперевозчиков, это удар по репутации, и теперь пострадавшие компании вправе подать имущественные иски к чиновникам. Нам еще предстоит разобраться, кто и зачем это сделал. Думаю, для этого надо будет инициировать парламентское расследование.

— Как обстоят дела в отрасли и что вы думаете об итогах обсуждения проблем авиапрома на правительстве?

— Положение тяжелое и запутанное. Но само по себе хорошо, что этот нарыв был наконец-то вскрыт. Ведь у нас после февральского госсовета многие пребывали в какой-то эйфории — дескать, цели определены, за работу, товарищи! Но прошел месяц, другой, третий — нет ни ОАК (Объединенной авиастроительной компании), ни решений правительства по реформированию отрасли, ничего нет. Потом в июле началась эта загадочная история с “Ильюшин Финанс”, затем — запрет на эксплуатацию всего парка “Ил-96”. В результате отрасль, которая начала буквально подниматься с колен, оказалась перед лицом кризиса. С трудом выстроенная система заказов рушится, предприятия вновь на грани банкротства.

На это обратили внимание Госдума — она приняла соответствующее обращение, общественность, СМИ. В итоге призывы возымели действие — разговор состоялся. Причем разговор предметный и даже нелицеприятный. И, хотя никаких решений по сути нет, а концепция отправлена на доработку, это тоже положительный результат.

— Так что же в сухом остатке?

— Для меня совершенно очевидно, что государство не готово серьезно вкладывать в производство гражданских самолё-

тов, которые могли бы составить серьезную конкуренцию “Боингу” или “Эрбасу”. Единственный проект, о котором сейчас идет речь, — региональный самолет RRJ. Но эта машина существует только на бумаге, требует более 2 млрд. долларов из бюджета и на 70–75% будет производиться за границей. Вы можете себе представить какую-нибудь другую авиастроительную державу, которая согласилась бы расходовать более 70% выделяемых на проект бюджетных средств на развитие производств за рубежом? При том, что просто организовать у нас “отверточную” сборку из импортных комплектующих тех же региональных “Бомбардье” стоило бы от силы 150 млн долларов. Складывается ощущение, что некоторые чиновники решили сразу предусмотреть для своей “комиссии” оффшорную схему, чтобы потом не мучиться с переводом денег из России. Более того, как отметил Герман Греф, этот проект не решает проблемы парка небольших пассажирских лайнеров: для эксплуатации RRJ придется полностью поменять взлетно-посадочные полосы на аэродромах в глубинке, для которых он вроде бы предназначен. В то же время другой региональный самолет “Ан-148”, который прошел все испытания, на который есть десятки заказов и который может на 70% собираться в России, почему-то не встречает поддержки у чиновников. Они упорно называют его “иностранном” — только на том основании, что документация разработана в украинском КБ им. Антонова.

Что касается больших дальне- и среднемагистральных самолетов “Ил-96” и “Ту-204”, которые собираются на Воронежском и Ульяновском авиазаводах, то о них вообще можно забыть. Руководители Федерального агентства по промышленности уже в открытую говорят, что эти находящиеся в госсобственности заводы государству не нужны.

— Но ведь премьер-министр упрекает именно “Ильюшин Финанс” в проблемах, возникших на Воронежском заводе. Он даже дал указание разобраться с тем, каким образом это предприятие оказалось в доверительном управлении ИФК...

— Это какое-то недоразумение. Контрольный пакет акций ИФК через Росимущество и Внешэкономбанк принадлежит государству, а решения совета директоров “Ильюшин Финанс” всегда принимались по директивам правительства. И председа-

телем совета является глава Роспрома Борис Алешин. Претензии же к ИФК необъяснимы. Это образцовая лизинговая компания, сумевшая вывести два завода — государственных, подчеркну, — с 30 тысячами работников из предбанкротного состояния и сформировать трехмиллиардный (в долларах!) пакет заказов, обеспечив их работой на 10 лет вперед.

— Что вы предлагаете? У вас есть какой-то план спасения авиапрома?

— Конечно, есть. Именно об этом я говорил на заседании правительства, и многие меня поддержали. Я считаю, что, если наше государство не желает заниматься гражданским авиастроением (а дела, судя по всему, обстоят именно так), необходимо передать этот сектор частному бизнесу при условии инвестиций. Если ВАСО и ульяновский “Авиастар” правительству не нужны, эти предприятия надо приватизировать. Российский капитал может вложить в них средства, создать на базе ряда авиазаводов и смежных предприятий Национальную авиапромышленную корпорацию (НАК).

Министр транспорта Игорь Левитин на заседании правительства очень верно отметил, что у нас, к сожалению, деятельность авиапрома никак не связана с реальными потребностями рынка. То есть проектируют и делают самолеты, которые никто потом не берет. Типичная история — “Ту-334”, в который было вложено более 300 млн долларов бюджетных денег, но который теперь не востребован. Если в основу НАК будут положены интересы бизнеса, эта корпорация сможет поставить самолетостроение на службу перевозчикам, а следовательно — потребителям. И при этом не будет требовать себе ни рубля бюджетных средств, напротив — платить налоги. На опыте работы “Ильюшин Финанс” можно утверждать, что в этом случае можно будет привлечь в отрасль инвестиции, выстроить цепочки заказов и начать массовое производство самолетов. Причем в таком объеме, который позволит не только обеспечить потребности нашего рынка, но и поставлять машины на экспорт. ИФК ведь уже заключила контракт с Кубой, аналогичные планы были в отношении Ирана...

— А что тогда будет с ОАК?

— К сожалению, история, связанная с “Ильюшин Финанс”, нанесла непоправимый удар по идее частно-государственного

партнерства в авиапроме. По сути, нас, частных акционеров, государство обмануло. Первый раз — когда уговорили продать правительству акции по цене ниже рыночной. Второй — когда убедили нас стать миноритарными акционерами. Наконец, в третий, — когда арестовали наши активы.

Наивно думать, что после этого частный капитал пойдет в отрасль на условиях, которые диктует государство. Поэтому будет более реалистично идти по пути параллельного развития ОАК, где будет преобладать госкапитал, и НАК, где первую скрипку будут играть частные инвесторы. Приоритетом в деятельности ОАК, естественно, должны быть военная и транспортная авиация, а НАК могла бы сосредоточиться на производстве пассажирских самолетов. Конечно, авиапредприятия ВПК могут пробовать себя в сфере гражданского самолетостроения, как это делает “Сухой” в случае с RRJ. Но пока это у них не очень-то получается.

— Последний вопрос. Телеканал ТВЦ в передачах Андрея Караулова постоянно заявляет, что это якобы по вашей вине возник кризис в авиапроме. Что вы об этом скажете?

— Учитывая репутацию этого канала и этого персонажа, я не хотел связывать себя судебными тяжбами с ними. Но всему есть предел. Ведь еще в начале сентября, насколько я знаю, директора Ульяновского и Воронежского заводов обратились к руководству ТВЦ с требованием прекратить клеветническую кампанию против “Ильюшин Финанс”. Увы, эффект был прямо противоположным. Всякому терпению есть предел. Компании, акционером которых я являюсь, за 5 лет вложили в авиапром около 200 млн долларов, не получив прибыли, — только потому, что это президентский проект. А сегодня вместо “спасибо” мы получаем обвинения. Я подал иск к ТВЦ, в котором требую опровергнуть все прозвучавшие в эфире инсинуации и выплатить в качестве компенсации 150 млн рублей. Эти деньги я намерен использовать на закупку оборудования для построенного на мои средства Центра лечения детских лейкозов в Санкт-Петербурге.

“Мои действия направлены на защиту интересов государства”

— В госструктурах различного уровня вот уже почти год проходит доработку и согласование документ под названием “Стратегия развития авиационной промышленности до 2015 г.”, предложенная Минпромэнерго России. Насколько полно отражены в этом документе политические и финансово-экономические интересы государства и его партнеров из числа тех, кто готов своими средствами помочь ему решить существующие проблемы? Почему, на ваш взгляд, этот важный документ не прошел апробацию ни в законодательных органах власти, ни в научно-производственных и финансовых структурах, на которые в конце концов и должна лечь вся ответственность за реализацию программы?

— Это очень большой и многогранный вопрос. Поэтому позволю структурировать его и отвечать по наиболее важным, на мой взгляд, в настоящий момент аспектам.

Начнем с того, что, как мне представляется, авторы “Стратегии” в первую очередь поставили перед собой задачу учесть именно государственные интересы в том виде, как они их понимают. А понимают они просто: в отрасль надо направить как можно больше государственных средств, а для этого она должна стать преимущественно государственной, контролируемой госчиновниками. В этом случае статус отраслевых чиновников поднимется, можно будет “освоить” практически любые госбюджетные средства на вполне законных основаниях. Поэтому они и добиваются 75% контроля над создаваемой ОАК, больше половины бюджетных средств 2005 г., предусмотренных на поддержку авиационного лизинга, направили в контролируемую государством ФЛК, в качестве приоритетного проекта выбрали RRJ, создаваемый госконцерном “Сухого”, и т.д.

При этом неизбежно вытеснение из отрасли частного бизнеса, в лучшем случае на ее задворки, без права голоса, что ведет за собой потерю “обратной связи”, независимого контроля. В такой ситуации неизбежен ущерб в первую очередь именно государственным интересам. Например, специалисты ГосНИИГА, ЦАГИ не отдадут предпочтения по летно-техническим и тех-

нико-экономическим характеристикам самолету RRJ по сравнению с аналогами. Более того, ценовые показатели RRJ сравнимы с ценой аналогов бразильского “Эмбраера” и уступают российско-украинскому “Ан-148”. Но именно на этот проект, который российским будет всего на 40%, чиновники готовы выделить почти 1,5 млрд долл. Если этот самолет достигнет участь “Ту-334”, а никаких явных признаков, что этого не произойдет, я не вижу, то государство понесет значительный материальный ущерб. Этот ущерб будет еще большим, если в угоду амбициям чиновников Правительство РФ примет решение о дотировании производства RRJ на контролируемых государством авиазаводах в Новосибирске и Комсомольске-на-Амуре.

Устраняя из отрасли частный капитал, чиновники фактически отказываются от частных инвестиций. В февральской версии “Стратегии”, рассмотренной на президиуме Госсовета РФ, были озвучены потребные объемы на ее реализацию: порядка 19 млрд долл. из бюджета, а 16 млрд долл. — из внебюджетных источников. Без частного капитала внебюджетные источники остаются только в государственных банках. Таким образом, опять все сводится к государственным, т.е. народным ресурсам. Это легко видно на примере того же проекта RRJ, который, кроме госбюджета, финансируется за счет кредитов госбанков: Сбербанка, Внешторгбанка, Внешэкономбанка, — частных инвестиций там нет. Так что и здесь я усматриваю нанесение финансового ущерба государству.

Но помимо финансовых потерь есть и политические потери. Пока чиновники все силы и средства кладут на региональный самолет, в наиболее распространенной нише среднемагистральных самолетов у нас полный застой, а в сегменте дальнемагистральных машин госчиновники уже сдались на милость “Боинга” и “Эрбаса”. По-видимому, они уже подыскивают нашему президенту самолет у кого-то из этих производителей. Потеряв эти ниши, теряем и соответствующие по масштабам производства. Следующий шаг — потеря потенциала производства тяжелых военно-транспортных самолетов, специальных воздушных судов для нужд армии и т.п. Для их производства не подойдут мощности в Новосибирске и в Комсомольске, нужны заводы в Воронеже и Ульяновске. А вот именно их и можем потерять в первую очередь и в самом ближайшем будущем. Тогда в пер-

спективе скатимся в авиастроении до уровня Бразилии — с региональными и учебно-боевыми самолетами.

По-видимому, опасаясь столь нелюбимых вопросов, не совпадающих с их мнением, чиновники ограничили круг разработчиков стратегии специалистами отраслевых НИИ, которым заплатили за разработку документа, и подчиненными руководителями ОКБ. Насколько мне известно, к разработке “Стратегии” не привлекались директора авиазаводов, руководители регионов, зависящих от авиастроения, независимые ученые РАН и т.д. Поэтому по результатам парламентских слушаний, прошедших 17 октября 2005 г., было высказано множество серьезных замечаний и даны рекомендации по доработке “Стратегии”. Кстати, и на заседании Правительства РФ было много замечаний, а в решении записано поручение о ее доработке. Вот тут нельзя не поднять вопрос о кадровом составе и профессионализме чиновничества. Достаточно вспомнить высказывание руководителя Минпромэнерго России о том, что “Стратегия” перед вынесением на заседание Правительства РФ прошла апробацию и была согласована всеми заинтересованными министерствами и ведомствами. Эта чиновничья самоуверенность, превращение ее, по словам президента страны, сказанным в Послании Федеральному Собранию РФ, в “замкнутую и подчас просто надменную касту”, наносит непоправимый ущерб нашему государству во всех сферах его деятельности.

Поэтому мы многократно на всех уровнях обращались с предложениями внести существенные изменения в правительственный вариант “Стратегии”. Даже силами независимых специалистов разработали свой вариант такой “Стратегии”.

— Одним из ключевых моментов, определяющим возрождение авиапрома, полностью отвечающим интересам экономического и социального развития государства и обеспечения его безопасности, сейчас является, как известно, государственно-частное партнерство. В какой степени отражены в документе принципы и механизмы привлечения частных инвесторов к реализации национальных программ и проектов?

— Национальная резервная корпорация и входящие в ее состав структуры, наверное, одни из немногих крупных частных инвесторов, которые с самого начала активно сотрудничали с государством и создали самое крупное государственно-частное

партнерство (ГЧП) в форме ОАО “Ильюшин Финанс”. В этой лизинговой компании частный капитал контролирует 46% акций, государство напрямую — 38%, еще 16% акций принадлежит государственному “Внешэкономбанку”, который действует в рыночной среде и в зависимости от ситуации принимает решения, исходя из собственных интересов. Это равновесная ситуация, отсутствие диктата и необходимость принятия консенсусных решений. Частный капитал строго следит за эффективным использованием вложенных капиталов, государство — за целевым их использованием в интересах отечественного авиапрома. Результаты ГЧП налицо: ИФК построены и сданы в лизинг 7 самолетов “Ил-96” и “Ту-204”, рыночная стоимость акций превышает номинальную в 1,2 раза, активы компании превысили 11 млрд руб., что в 2 раза выше уставного капитала. На вложенный государством рубль привлечены 3,5 руб. частных инвестиций. Более того, государство с заказов ИФК вернуло себе в виде налогов и иных платежей всю сумму, вложенную в ее капитал. Налицо высокоэффективное для государства инвестирование средств в “несырьевой” сектор экономики.

Напротив, в другой лизинговой компанией — ФЛК, почти 70% акций которой контролируется государством и Республикой Татарстан (это уже нельзя отнести к ГЧП), показатели куда скромнее: на 1 руб. госинвестиций привлечен всего 1 руб. частных средств, стоимость акций компании практически равна номиналу. Эти результаты — хорошая иллюстрация к преимуществам ГЧП.

Однако чиновники питают более теплые чувства именно к ФЛК, отдав ей в 2005 г. 55% от выделенных 6 млрд руб. господдержки. Из-за этого им не хватает средств на выкуп по рыночной цене всей госдоли в допэмиссии акций ИФК. При этом от частных акционеров ИФК они требуют вложить более 5 млрд руб., никаких аналогичных требований не выдвигая частным акционерам ФЛК и руководству Республики Татарстан.

Получается, что, провозглашая намерение сотрудничать с частным капиталом, на деле чиновники ему всячески противятся. Никто из Правительства РФ не занял принципиальной позиции в отношении расследования, начатого прокуратурой в отношении руководства ИФК, все стремятся тихо отсидеться, отмолчаться. Основную заботу о ГЧП в форме ИФК взяли на себя опять же частные акционеры. Они добиваются справедли-

ности в судебных органах, в высших органах государственной власти, мобилизуют на помощь общественность. Парадокс: госчиновники отмалчиваются, а частные акционеры отстаивают в первую очередь государственные интересы, поскольку без нормальной работы ИФК, без ее заказов останутся два крупнейших гражданских авиазавода в Воронеже и Ульяновске, пострадают их смежники, сотни тысяч работников отрасли и их семьи практически во всех регионах страны.

Вот поэтому, наверное, вопрос регламентации ГЧП обойден в представленной на Правительство РФ “Стратегии”. В нашем варианте “Стратегии” мы этому вопросу уделили должное внимание. Мы считаем, что Правительство РФ должно в кратчайшие сроки сформулировать и утвердить основные принципы ГЧП в авиапроме, описать допустимые механизмы создания таких ГЧП в различных его сферах (гражданской, военной). Без этого вхождение частного капитала в авиапром будет сильно тормозиться.

— В настоящее время идет очень сложный и противоречивый процесс создания Объединенной авиастроительной корпорации (ОАК). По сути, это уже шестое по счету перетряхивание системы управления отраслью за последние 10 лет. Ваше отношение к ОАК? Насколько полно учтены в концепции ее создания рекомендации законодателей и управленцев высшего уровня, в том числе представляющих банковский капитал?

— Мы еще три года назад разработали концепцию и предложили объединить самолетостроительные заводы в Национальную авиастроительную корпорацию (НАК). На все наши предложения мы получили от чиновников молчание либо, в лучшем случае, вежливые отписки. Теперь многие из наших предложений положены в основу Концепции создания ОАК. Название чиновниками сознательно заменено (“объединенная” вместо “национальной”), чтобы не было созвучия с нашими предложениями. Но шила в мешке не утаишь: сначала ОАК называлась компанией, теперь в проекте Указа Президента РФ — корпорацией.

По сути, к правительственной концепции создания ОАК у нас есть серьезные замечания, в т.ч. концептуального плана. Например, мы не считаем необходимым сначала включить все госактивы в одну компанию, а затем перестраивать ее с выделением неких “бизнес-единиц” по гражданскому и военному на-

правлениям. Как отмечалось, такая схема не даст возможности инвестировать из частного сектора, будет целиком зависеть от возможностей госбюджета. В то же время уже сегодня на техническое перевооружение и модернизацию производства любого из авиазаводов требуется не менее 100–150 млн долл. Эти средства не заложены ни в “Стратегию”, ни в концепцию ОАК. Даже если их найдут, то провести их из госбюджета через ОАК в капиталы авиазаводов очень не просто, практически невозможно при действующем законодательстве. Получается, что как минимум на несколько лет заводы будут лишены инвестиций, еще больше отстанут от иностранных конкурентов. На наш взгляд, надо в гражданский сектор дать возможность войти частным, в том числе иностранным инвесторам, для чего ОАК строить в виде двух элементов (гражданского и военного), которые затем уже могут быть в части госкапитала объединены в некую государственную надстройку. Так организован, например, европейский EADS. Наличие гражданской и военной компаний повысит устойчивость системы, как это можно наблюдать во Франции (“Эрбас” и “Дассо”). В гражданском секторе можно допустить снижение доли государства до 25% или даже до “золотой акции”, оставив ему в военном секторе контрольный пакет.

Еще одно важное отличие нашего подхода от правительственного: место лизинговых компаний. Чиновники от Роспрома исходят из того, что авиализинговые компании — суть сбытовые отделы авиазаводов, и при создании ОАК погружают эти компании в ее структуру в виде “дочек”. Это от непонимания сути лизинга как механизма финансового обслуживания не производителя, а покупателя. Лизинговая компания — аккумулятор долгосрочных финансовых ресурсов для оплаты выбранного потребителем товара. Поэтому эти компании ни в коем случае не должны быть в составе производителей товара. Вообще, эти компании давно пора передать от Роспрома в ведение Минтранса России, канализировав через “одно окно” всю государственную поддержку авиационного лизинга. Ведь сегодня инвестиции в капитал лизинговых компаний идут через Минпромэнерго России, а субсидии по лизинговым платежам — через Минтранс России. Как свидетельствует пример лизинговой компании ИФК, “у семи нянек дитя без глаза”.

Что касается совершенствования структуры государственного управления авиапромом, безусловно, нельзя иметь уп-

равление этой приоритетной отраслью, важность реформ в которой сравнима с национальным проектом, такое же, как легкой или пищевой промышленностью или автопромом. Необходимо выделение как минимум оборонных отраслей промышленности в отдельное агентство. Но лучше, на мой взгляд, все же возвращение к единой авиационно-космической структуре — федеральному авиационно-космическому агентству. Тем более что и технологически эти две отрасли близки, и материалы используются одни и те же, и кадры для них готовят одни и те же вузы, и порой продукция этих отраслей решает схожие задачи.

— Насколько полно, по вашему мнению, отвечает нынешний продуктовый ряд авиапрома реальным возможностям и потребностям государства?

— Судя по тому, что государство ничего у авиапрома практически не заказывает, то у него нет потребностей в новых самолетах. Здесь, на мой взгляд, важнее потребности не государства, а потребителей. Не касаясь военной авиации, ограничусь соображениями по гражданским самолетам. Сегодня российские авиакомпании не имеют средств купить очень нужные им самолеты с полной предоплатой, даже аванс дать порой не могут. Единственный выход — лизинг. Вот тут нужна основная помощь государства: снизить цены на самолеты (например, убрав, как это делается во всем мире, НДС), дать дешевые и длинные деньги на закупку отечественных самолетов лизинговыми компаниям. Ресурсы, подчеркиваю, дешевые и длинные, на 12–15 лет, для финансирования уже имеющихся заказов на новые российские самолеты нужны в значительных объемах — несколько миллиардов долларов. Российские банки не имеют таких ресурсов. Но они есть в Стабфонде. Так почему же не дать их в кредит не иностранным банкам под мизерный процент, а отечественным авиакомпаниям на подъем российского авиапрома? Механизм есть — лизинговые компании, в которых присутствует государство. Нужна политическая воля и государственный подход, чего, к сожалению, не наблюдается.

Что касается непосредственно продуктового ряда, то его определит заказчик. Например, есть твердые заказы на более чем 50 “Ан-148” — значит, этот самолет востребован, он в потребном продуктивном ряду. А если на самолет нет заказов да-

же под давлением чиновников, то ему нет места в этом ряду. Здесь должен быть главным рынок, спрос потребителей, а не наукообразные рассуждения чиновников или ни за что не отвечающих менеджеров ОАК. При наличии оплачиваемых заказов существующие мощности российских заводов, если на них допустить частных инвесторов, способны поставить новые современные самолеты в любых прогнозируемых количествах.

— В чем суть проблем вокруг лизинговой компании “Ильюшин Финанс”?

— В этой компании, на мой взгляд, как в капле воды, проявились современные тенденции огосударствления экономики в ряде перспективных высокотехнологических отраслей. Налицо тенденция выдавливания частного капитала. Порой даже в ущерб делу, интересам бизнеса.

В отношении ИФК расследование было начато Генеральной прокуратурой непосредственно в тот момент, когда активно делились в Минпромэнерго России бюджетные 6 млрд руб. на поддержку авиализинга. Когда никаких явных нарушений законодательства следствием выявлено не было, что подтвердила прошедшая весной проверка Счетной палаты, и в Воронеже, где зарегистрирована ИФК, собирались закрыть дело, Московская прокуратура всего за один день получила дело из Воронежа, его расследовала, вышла с ходатайством в Басманный суд г. Москвы, который также внимательно и скрупулезно изучил дело и вынес постановление об аресте акций ИФК, принадлежащих всем акционерам, кроме Росимущества. Обратите внимание, какая оперативность — все за один рабочий день!

Спешка была такая, что под арест попали и акции, принадлежащие государственному Внешэкономбанку. Даже пришли в НРБ арестовывать акции ИФК, хотя он уже давно не был их владельцем. Все это не лучшим образом характеризует работу правоохранительных органов, наверное, недаром стараниями СМИ в обиход вошло выражение “басманное правосудие”.

В итоге под угрозу поставлена дополнительная эмиссия акций ИФК на сумму в 8,3 млрд руб. На эти деньги и привлекаемые под них кредиты можно было бы заказать 25–30 новых самолетов на сумму более 20 млрд руб., обеспечить хорошей за-

грузкой на несколько лет воронежский и ульяновский авиазаводы. Но частные инвесторы опасаются вносить новые вклады в капитал компании, так как их акции будут арестованы. Получается, что правоохранительные органы при молчаливом попустительстве Правительства РФ — главного акционера ИФК — наносят вред авиапрому, его работникам, в конечном счете — самому государству.

С другой стороны, мы наблюдаем попытку через правоохранительные органы провести идею национализации предприятий со смешанным капиталом. Прокуратура ищет основания для принуждения компании оформить внесенные государством средства в уставный капитал не по рыночной оценке, а по низкому номиналу. То есть акции компании должны были быть проданы государству не по 55 тыс. руб., а по 5 руб. Это размыло бы доли частных акционеров, внесших больше государства в капитал компании, практически до нуля. Если это пройдет, то очень просто можно национализировать подавляющее большинство предприятий со смешанным капиталом, начиная с РАО ЕЭС и “Роснефти”. Правда, после этого уже никакого инвестора, тем более иностранного, не заманишь ни в одно российское ГЧП, будут бежать как черт от лада.

— В какой степени отвечает интересам государства и частного российского капитала использование иностранных кредитов для возрождения отечественного авиапрома?

— Если бы эти кредиты давали... Пока сколько-нибудь значительных иностранных кредитов в авиапроме что-то не замечено. Хотя только российскими финансами при реализации поставленных “Стратегией” целей не обойтись. Для привлечения значительных частных кредитов как в стране, так и из-за рубежа нужны условия, которые должно создать государство. Сегодня таких комфортных условий нет. Поэтому на иностранные кредиты и инвестиции рассчитывать преждевременно. Надо опираться на собственные силы. В первую очередь — на использование средств Инвестфонда и Стабфонда. Представляется, что негоже размещать под низкие проценты средства госбюджета за границей, лучше их использовать для долгосрочного кредитования отечественной высокотехнологической промышленности.

— **Что ждет российский авиапром в обозримом будущем, по вашему мнению?**

— Поскольку отечественное чиновничество ничему не учится и не намерено изменять своим принципам, то радужных перспектив у российского авиапрома я не вижу. Скорее всего будет создаваться государственная ОАК. При этом на второй план отойдут нужды конкретных заводов. Роста производства не произойдет, все будут ждать государственных вливаний. В контролируемый государством сектор не придут инвестиции, и эти заводы не смогут стать полноправными партнерами в кооперированном производстве для “Эрбаса”. Исключение составит только частный “Иркут”, такое сотрудничество уже начавший. Национальная резервная корпорация постарается помочь Воронежскому акционерному авиастроительному объединению (ВАСО) войти в такое же сотрудничество с “Эрбасом”. Кстати, значимый заказ “Эрбаса” для ВАСО позволил бы компенсировать потери этого завода от сворачивания программы дальнемагистральных самолетов “Ил-96-300”. Именно на таком паритетном условии можно было бы допустить льготирование ввоза дальнемагистральных “А-350” в Россию.

Государство потратит за 3 года свыше 8 млрд руб. на проект RRJ, но денег не хватит и со ссылкой на это проект “умрет” или “перекрасится” в новый, какой-нибудь ближне-среднемагистральный самолет с теми же действующими государственными лицами, отвечающими за его реализацию.

Главной моей надеждой по реальному возрождению отечественного авиапрома остается “Иркут”, который эффективно работает практически без государства в капитале, если его не “поглотит” государственная ОАК.

И, наконец, в отношении ИФК: частные акционеры не дадут чиновникам “угробить” растущую лизинговую компанию. За счет новых инвестиций и кредитов компания сможет спасти от банкротства воронежский и ульяновский авиазаводы, которые из-за задержек с докапитализацией ИФК все же понесут ощутимые экономические потери.

— **В последнее время в российских СМИ при оценке вашей деятельности как депутата Государственной думы превалирует мотив, что вы используете ее для лоббирования своего бизнеса и предоставления лизинговой компании “Ильюшин Финанс” каких-то**

особых предпочтений, а также из-за каких-то личных интересов на воронежском авиазаводе “проталкиваете” самолет “Ан-148” и т.д.

— Это полная чепуха, фабрикуемая в мой адрес теми, на ком на самом деле “горит шапка”. Начну с “Ан-148”: его я действительно поддерживаю, и свою позицию по нему изложил в открытом письме Президенту РФ В. Путину. Считаю реальным и наиболее подходящим для приобретения авиакомпаниями этого самолета, на 70% состоящего из российских комплектующих. На проекте “Ан-148” реально можно укрепить и развить сложившиеся за многие десятилетия производственные связи России и Украины. Это выгодно в первую очередь нашему государству. Что касается бизнеса по производству “Ан-148”, то в нем мои капиталы не участвуют. Даже кредит в размере 20 млн долл., выданный ВАСО Национальным резервным банком на реструктуризацию долгов по налогам, после ее успешного завершения возвращен банку. Примерно в это же время закончился договор с ИФК на управление государственным пакетом акций ВАСО (56% акций), поскольку были достигнуты основные цели этого договора: ВАСО вышло из кризиса, завершило реструктуризацию долгов, восстановило производственный потенциал. Теперь от имени государства ВАСО управляют совсем другие люди. Искренне желаю им добиться еще больших успехов, ведь ВАСО — стратегическое предприятие, контролируемое государством, на котором, в частности, выпускаются и ремонтируются самолеты “Ил-96” для главы государства. Что же касается лизинговой компании ИФК, то в ней тоже доля капитала, контролируемого государством, превышает 50%. И если правительство не хочет или не может помочь компании преодолеть сложившуюся вокруг нее нездоровую ситуацию, то мне как государственному лицу приходится делать это за него. Подчеркиваю, все мои обращения и действия в конфликте вокруг ИФК лежат в рамках законности и направлены исключительно на отстаивание государственных интересов. Мне в этом помогают другие частные акционеры ИФК. Парадокс нашего времени: интересы государства отстаивают не правительственные чиновники, а частные акционеры и депутаты Государственной думы.

Интервью взял
главный редактор журнала *Георгий Лысенко*

Издержки российского авиационного лизинга

Сегодня существуют различные оценки потребностей российских авиакомпаний в новых самолетах на замену существующего парка, сделанные отечественными экспертами, а также ведущими авиастроительными корпорациями “Боинг” и “Эрбас”. При всем различии методик исследований большинство экспертов сходятся на том, что в ближайшие 10–15 лет в России необходимо заменить не менее 300–500 магистральных самолетов и еще до тысячи небольших самолетов для местных воздушных линий, ПАНХ и т.д.

Экономическое состояние всех активно летающих российских авиакомпаний сегодня таково, что они не могут одновременно изыскать значительные суммы денег для приобретения новых или даже бывших в эксплуатации отечественных или зарубежных самолетов. По данным Росавиации, вся отечественная гражданская авиация (более 180 зарегистрированных авиакомпаний) получила в 2005 г. всего около 80 млн долларов прибыли. Этого не хватит и на три новых среднемагистральных самолета.

Отдельные примеры, когда инвестор целенаправленно приобретает для авиакомпании партию самолетов, как это имело место в “ВИМ-авиа”, — не показательны, потому что единичны. Да и самолеты приобретались “в возрасте” и по низкой цене.

Впрочем, такая картина наблюдается и у большинства иностранных авиаперевозчиков. Поэтому весь мир широко пользуется схемами приобретения авиатехники в рассрочку, в виде аренды или лизинга. Мы неизбежно вынуждены идти тем же путем. Причем, уже появились “первые ласточки”. Большинство ввезенных в Россию в прошлом году магистральных самолетов взяты в лизинг. Лизинговыми схемами успешно пользуются и ведущие авиакомпании — “Аэрофлот”, “Сибирь”, “Трансаэро”, и мелкие авиаперевозчики.

Учитывая, что в Россию поступает авиатехника, в основном бывшая в эксплуатации, основной доход от этого получают уже

не производители, а именно иностранные лизинговые компании. По оценкам Роспрома затраты и потери России от приобретения иностранной авиатехники уже достигли 60 млрд руб. Дальше будет на порядки больше.

Значит, авиационный лизинг выгоден. Почему же в России он не получил развития? Причин несколько.

Первая и главная причина — неправильное позиционирование лизингового бизнеса в органах исполнительной власти. Сегодня за авиационный лизинг отвечает Минпромэнерго и Роспром, то есть промышленные ведомства. Поэтому не случайно, что госчиновники не только рассматривают крупнейшие отечественные авиализинговые компании “Ильюшин Финанс” и ФЛК в качестве сбытового звена при промышленных предприятиях, но и строят соответствующую государственную политику.

Подтверждением этого является решение включить ФЛК и ИФК в создаваемую Объединенную авиастроительную корпорацию (ОАК). Еще год назад при проработке данного вопроса экспертами признавалось, что данное включение лизинговых компаний в ОАК неправильно, но чиновничьи амбиции взяли верх.

Торопясь создать ОАК и обеспечить в нем полный госконтроль (по Указу президента России в госсобственности должно быть не менее 75% акций ОАК), правительство создает себе новые сложности. Включив госпакеты лизинговых компаний ИФК и ФЛК в ОАК, оно как бы передает их акционерному холдингу, а само выходит из них. Сразу возникает проблема новых инвестиций госбюджетных средств в капитал этих компаний, в том числе предусмотренных в федеральном бюджете на этот год, а также запланированных на 2007–2008 гг. в соответствии со “Стратегией развития авиапрома до 2015 г.”. Чиновникам придется решать задачу: выполнять указ президента страны по ускоренному формированию ОАК или придержать лизинговые компании от вхождения в корпорацию хотя бы на этот и начало следующего года, чтобы “освоить” предусмотренные в бюджете и в ближайших планах по 6 млрд руб. ежегодных госинвестиций — точнее субсидий отечественному авиапрому — в капитал лизинговых компаний с государственным участием. Можно предположить, что опять, как и в прошлом году, госбюджетные средств-

ва, изрядно “похудевшие” из-за инфляции, дойдут до получателей только к концу года. А при новом положении дел могут и вообще не дойти.

Через “карманные” лизинговые компании очень удобно осуществлять скрытое субсидирование заводов за счет средств госбюджета, а также покрывать разницу в случае превышения себестоимости над ценой продажи. Это можно проиллюстрировать ситуацией на Воронежском авиазаводе. Для сохранения завода и выведения его из состояния банкротства ИФК была вынуждена выдавать займы заводу, авансировать производство в размерах, превышающих продажную цену самолетов. В результате только по просроченным прямым займам ВАСО должно ИФК боле 35 млн долларов, а с авансами — под 90 млн долларов. Это фактически равно взносу государства в капитал ИФК на середину 2005 г.

Эксперты считают, что аналогичная схема будет применена и для субсидирования производства самолета RRJ, себестоимость начальных серий которого будет выше каталожной и уж тем более выше цены, предложенной стартовому заказчику — “Аэрофлоту”. Никто и не заметит, что за деньги российских налогоплательщиков просубсидируют также иностранные компании — поставщиков комплектующих RRJ.

Частные инвесторы не считают нужным столь неэффективно расходовать собственный капитал компании, противятся этому. Поэтому принимается решение о превращении одной из лизинговых компаний — ФЛК, и так уже контролируемой государством (58%), в полностью государственную. После последней допэмиссии, проведенной ровно на сумму вкладываемых из госбюджета средств, 85% акций ФЛК принадлежит государству в лице Росимущества (80%) и Республики Татарстан (5%). Глава Роспрома тут же поспешил сообщить, что теперь в ОАК останется только одна лизинговая компания, и это ФЛК. Другую лизинговую компанию, в которой есть частный капитал, Роспром предполагает “перепрофилировать” на маркетинговую и иную деятельность.

Здесь нужно вернуться к природе самого лизинга — не важно самолетов, станков или еще какой-либо техники, используемого в бизнесе. На самом деле лизинговая компания — не сбытовая контора производителей, а реальный покупатель. Лизинговая компания — это финансовый посредник, оказываю-

щий услугу именно потребителю, а не производителю. Потребитель — в нашем случае авиакомпания — хочет купить самолеты, но не имеет нужной суммы денег или не имеет достаточно активов, чтобы под их заклад получить банковский кредит. Более того, поскольку сделка по приобретению самолетов может быть значительна по сумме (даже десятков самолетов “тянет” на 300 млн долларов и более), то для снижения риска кредитных организаций требуется синдицирование заемных средств из нескольких источников.

Этой работой занимается лизинговая компания. К ней обращаются конечные потребители продукции, они сами выбирают, какая техника им нужна, ее конкретный облик, характеристики, чаще всего указывают и конкретного продавца, который называет цену, устраивающую покупателя. Лизинговая компания оказывает потребителю — подчеркиваю, потребителю, а не производителю — услугу по изысканию финансовых средств, как собственных (обычно в относительно меньшей доле), так и заемных. На эти средства она покупает заказываемую потребителем авиатехнику и затем сдает ему в лизинг.

Кредитные организации более охотно доверяют свои деньги профессиональной лизинговой компании, которая ко всему прочему тратит на приобретение предмета лизинга свои собственные средства. Последнее повышает ответственность лизинговой компании за успешность проекта, заставляет ее внимательно изучить лизингополучателя, просчитывать за него перспективы бизнеса, чтобы быть уверенной, что он сможет вернуть затраченные компанией деньги. Потребитель через лизинговые платежи осуществляет постепенное погашение взятых под его заказ лизинговой компанией кредитов, приобретает технику как бы в рассрочку.

Очевидно разительное отличие лизинга от сбытовой функции производителей, которую навязывают — подчеркиваю, искусственно — лизинговым компаниям ИФК и ФЛК.

Поскольку авиационный лизинг лежит в сфере услуг, оказываемых авиаперевозчикам, то и ведать им надлежит не промышленным ведомствам, а Министерству транспорта. Кстати, раньше — до административной реформы 2004 г. — совет директоров ИФК возглавлял министр транспорта С. Франк. Сотрудники этого министерства активно участвовали в проработке всех вопросов, значимых для деятельности ИФК. Именно в

это время был заложен фундамент для успешного развития этой лизинговой компании.

Однако после отказа нового руководства Минтранса от авиализинговой темы, ее полной передачи в Минпромэнерго началось постепенное снижение внимания и поддержки со стороны государства. Представители государства в совете директоров ИФК в своей основной массе не принимают участия в управлении компанией, некоторые из них вообще ни разу не появлялись на заседаниях совета директоров.

Вообще, авиационный лизинг в нашей стране был инициирован частным бизнесом. Обе компании — ИФК и ФЛК — были учреждены частными структурами задолго до прихода в них государства. Активные действия ИФК и Национального резервного банка (НРБ) позволили возродить производство самолетов в Воронеже и Ульяновске, а проведенная ими реструктуризация долгов ВАСО перед Сбербанком и по налоговым платежам государству позволила снять угрозу банкротства завода. В ходе этих мероприятий частный капитал внес в ИФК почти 100 млн долларов, который был поддержан взносом Внешэкономбанка на 40 млн долларов, а также крупными кредитами НРБ.

Однако вскоре стало ясно, что только ресурсами частных инвесторов и госбанков проблему формирования значимых для авиапрома заказов не решить. Поэтому благодаря инициативе и поддержке руководства Минэкономразвития на заседании правительства в марте 2001 г. было решено оказать государственную поддержку авиационному лизингу путем участия государства в капитале одной из лизинговых компаний, отобранных по конкурсу. Следует подчеркнуть, что и в правительственных решениях, и в ведомственных методических указаниях по проведению конкурса было однозначно прописано, что такая компания должна быть выбрана одна.

По итогам конкурса, проведенного Минэкономразвития, победителем была объявлена ИФК. Но тут же правила конкурса были нарушены и вторым победителем конкурса объявили компанию ФЛК, которая обещала на полученные из бюджета деньги построить 10 самолетов “Ту-214”, а также привлечь недостающие средства из частного сектора. Ничего из этих обещаний до сих пор не выполнено, но ФЛК остается в фаворе и продолжает получать государственные вливания, и даже большие, чем получает ИФК.

В отличие от частных акционеров ИФК, уже внесших свои взносы в капитал компании, государство вносило свою долю позже и в два приема: в 2002 и 2003 г. Причем у частных акционеров выторговали право приобрести акции по цене на 15% меньшей, чем приобретали они. “Чего не сделаешь для установления партнерских отношений в интересах развития бизнеса?” — решили частные акционеры и согласились.

Важно подчеркнуть, что, несмотря на малый номинал акций ИФК, все акционеры, в первую очередь частные, а затем и государство приобретали их по рыночной цене, определенной известными оценщиками, например фирмой “Артур Андерсен”, и утвержденной уполномоченными на то госорганами. Разница в номинале и цене приобретения в соответствии с действующими правилами бухучета была отнесена на добавочный капитал компании, который также был ее собственностью и использовался по целевому назначению — на финансирование строительства самолетов. Все это было подтверждено многочисленными проверками, вплоть до Счетной палаты России.

ИФК, ее руководству и акционерам, попытались вменить в вину покупку государством акций компании по рыночной цене, полагая, что ИФК должна была продать акции по номиналу. Но тогда были бы размыты до нуля частные пакеты и государство присвоило бы ранее внесенные частными инвесторами более 100 млн долларов.

Для выяснения правды частным акционерам пришлось даже обращаться в Высший арбитражный суд, который подтвердил законность действий правительства при приобретении им в пользу государства акций ИФК по рыночной цене.

Несмотря на такой поворот событий, на начальном этапе соединение усилий — финансов государства и управленческих технологий частного сектора — дали положительный эффект. Заводы заработали и с 2004 г. начали передавать новые самолеты в лизинг. Успехи ИФК достаточно хорошо известны: построено 9 самолетов “Ил-96-300” и “Ту-204”, имеются лизинговые контракты почти на 2 млрд долларов. На эти заказы можно полностью восстановить производство на Воронежском и Ульяновском авиазаводах.

ИФК, как нам кажется, можно было бы рассматривать как удачную реализацию нового для России механизма государст-

венно-частного партнерства. Однако в условиях неразвитого законодательства государство как наиболее “сильный” партнер повело себя не лучшим образом. Оно начало совершать “насилие” над частными партнерами.

По прошествии почти года суд наконец-то признал, что возбуждение прокуратурой уголовного дела было необоснованным, арест с акций снят. Все вроде бы должно вернуться на свои места. Но вот вопрос: как вести себя частным акционерам, как продолжать партнерство?

Французы, которые в мире имеют самую долгую историю построения государственно-частных партнерств (ГЧП), говорят, что такое партнерство хуже замужества. При этом они подразумевают, что более “слабому полу” (частным партнерам) приходится терпеть поступки более сильного — государства. Выйти из партнерства в случае досрочного “развода” очень сложно. Государство не хочет, как правило, отпускать “жену” с имуществом, полученным в виде “приданого”, а тем более отпустить с прибытком. “Бракоразводный процесс” в российском ГЧП вообще никак не прописан законодательно, да и прецеденты трудно припомнить. Чаше государство “по любви” дает отступного частнику, как, например, в случае с “Сибнефтью”. Размер отступного оно же само и определяет. Хуже, если при “разводе” государство уничтожает частника, используя все тот же судебный-карательный механизм, чтобы вообще ничего не отдавать. Такие примеры также, к сожалению, имеют место.

Похожую картину мы наблюдаем и в ИФК. Частным инвесторам, наверное, лучше выйти из партнерства, оставив государству в счет его доли долги подконтрольного государству завода ВАСО, которые возникли под влиянием государства и равны его взносу в капитал ИФК, а также внесенные им в счет последней допэмиссии деньги. В счет доли частных акционеров справедливо было бы им передать уже начатые коммерческие лизинговые проекты.

На этой основе можно заново строить лизинговый бизнес. Но не “от завода”, а от “потребителя”. В такой бизнес, контролируемый частным капиталом и не являющийся стратегически важным для России предприятием, можно легче привлечь иностранных инвесторов, которые необходимы для доступа к более дешевым иностранным кредитным ресурсам. Не секрет — сего-

дня услуги российских лизинговых компаний стоят существенно дороже, чем иностранных, из-за различия в два и более раза в величине процентных ставок.

Освободившись от командно-административного давления, лизинговая компания может “скинуть” груз непрофильных функций, возложенных на нее сегодня. В первую очередь необходимость обеспечивать послепродажное поддержание летной годности (ПЛГ) приобретенных и сдаваемых в лизинг самолетов. Этим, причем весьма прибыльным бизнесом, должны заниматься совсем другие структуры. Пока что ИФК — “и швец, и жнец”, так как вынуждена брать на себя функции производителей и иных структур по ПЛГ. Следует согласиться, что это не нормально.

Лизинговая компания не должна отвечать за создание и сертификацию новых, имеющих спрос модификаций самолетов. Не секрет, что только за счет средств ИФК удалось завершить сертификацию “Ту-204-300”. Сейчас аналогичный вопрос стоит относительно грузовой модификации “Ил-96-400Т”.

Лизинг — это бизнес, и им должны заниматься профессионалы. Справедливо подметил руководитель Роспрома на прошлогодней встрече с работниками ВАСО, что госчиновник — не бизнесмен. Следует добавить, что, как показала практика, госчиновник в органах управления акционерными обществами — очень плохой бизнесмен. Поэтому авиализинг как бизнес должен быть выведен из-под государства, должен управляться частными инвесторами. Государство же за счет налоговых и иных преференций, за счет повышенного внимания к качеству производимой авиатехники, даже за счет дотаций авиазаводам (если это пройдет после вступления России в ВТО) и т.п. может создавать привлекательные условия для того, чтобы авиаперевозчики — и именно они! — приобретали отечественную технику.

А негосударственная лизинговая компания — слуга покупателя — окажет ему услуги, которые не зависят от вкусов и предпочтений владельцев лизинговой компании к тем или иным самолетам или заводам. Поэтому естественно, что если перевозчик захочет не российский, а иностранный самолет — это его право! Лизинговая компания должна иметь возможность удовлетворить любой запрос авиакомпании.

Ничего личного, только бизнес — таким нам видится нормальный механизм авиационного лизинга в России.

В России мнение миноритариев должно иметь вес

В последнее время мировое авиастроительное сообщество взбудоражено новостями из Европы. В связи со сдвигом сроков и уменьшением темпов и объемов поставок новых самолетов “Эрбас А-380”, а также с отставанием сроков создания “А-350” от “Боинга-787” возникли серьезные проблемы у концерна EADS. Они вылились в сильное падение котировок акций этого концерна: по сравнению с мартовским пиком произошло сокращение капитализации EADS на 43%.

Получается, что не все так радужно и безоблачно в мировом авиастроении — как, впрочем, и в мировой экономике в целом. Возможны кризисы и падения. Поэтому не стоит, подобно героям “12 стульев”, уповать на то, что “заграница нам поможет”. Следует четко отделять реальное сотрудничество с зарубежными партнерами от очковтирательства, учитывать собственные интересы и проблемы, возникающие у конкурентов, для развития собственного высокотехнологичного производства в авиастроении.

Вспомним прошлогоднюю остановку нашими бюрократами из правительства — то ли по недомыслию, то ли по прямому “заказу” — эксплуатации всего парка самолетов “Ил-96-300”, а это 19 едва ли не самых крупных в мире авиалайнеров! Случись что-то подобное с “Боингами” или “Эрбасами”, даже приблизительно не рассчитать размер ущерба для соответствующих компаний-производителей, а следовательно, и для экономик ведущих государств (точно так же, как трудно представить себе судебные кары, которые обрушились бы на голову виновных). Ведь одно только известие о том, что самолеты “Эрбас” будут поставлены несколько позже плановых сроков, вызвало почти двукратный обвал капитализации.

А с правительства — как с гуся вода. Наверное, если бы к моменту “посадки” “Илов” уже была создана Объединенная авиастроительная корпорация (ОАО “ОАК”), она понесла бы внушительные потери в капитализации. Во всяком случае, убытки для отрасли были налицо. Увы, никто из перестраховавшихся чиновников не понес наказания: негодование авиакомпаний,

контролируемых государством и понесших убытки от простоя самолетов в самый пик сезона, было канализировано в сторону разработчиков и завода-изготовителя, которые вообще оказались ни при чем. Очевидно, что исконно российская доморощенная политика “угождать” и “тащить и не пущать” в очередной раз сыграла злую шутку с отечественными авиакомпаниями. Она испортила имидж самолетам “Ил-96” и чуть не провалила экспорт этих самолетов на Кубу.

Эта же политика, формируемая и проводимая не всегда компетентными людьми, может нанести вред крупным отечественным авиаперевозчикам. Весь мир знает, что опасно навязывать несуществующие или неудачные модели самолетов компаниям. Но вновь мы наблюдаем, как “Аэрофлот” “завис” с выбором перспективного дальнемагистрального самолета: по характеристикам подходят и “Боинг-787”, и “Эрбас А-350”. Но из-за политических предпочтений отдельных влиятельных чиновников (контрольный пакет акций компании — у государства) выбор самолетов месяц за месяцем откладывается. Следуя логике “волки сыты и овцы целы”, менеджмент “Аэрофлота”, стремясь не потерять из-за задержки решения выгодные предложения, предлагает разделить заказ между двумя поставщиками, понимая и опасность привязки к одному поставщику, и неизбежные дополнительные издержки от эксплуатации смешанного парка, и угрозу остаться без самолетов.

Миноритарным акционерам “Аэрофлота” неинтересны политические игры, их заботит прибыль авиакомпании, рост стоимости ее акций, что невозможно без удовлетворения интересов пассажиров и обеспечения их безопасности. И если бюрократические маневры заводят компанию не туда, вредят интересам ее акционеров, то эти акционеры вправе поставить заслон неудовлетворительным решениям, невзирая на то, какими бы именами их ни прикрывали (как правило, тот, чье имя используют, такого решения не разделяет или вообще о нем не ведает).

Так, недавно миноритарии “Аэрофлота” заблокировали предложение чиновников об удвоении числа объявленных акций компании, которое должно было бы обеспечить присоединение к авиаперевозчику целого пакета в основном бессмысленных государственных активов, в котором предполагалось смешать в “один стакан” и авиакомпании, и аэропорты, и даже НИИ. И все с одной целью: обеспечить государству увеличение его доли ак-

ций “Аэрофлота” с 51 до 75%, то есть фактически национализацию авиакомпании. Усилиями миноритариев аппетиты чиновников были умерены, и размер номинального числа акций был увеличен менее чем на четверть — с таким расчетом, чтобы этого количества акций хватило на приобретение действительно нужных и выгодных авиакомпании активов. Миноритарии поступили в данном случае более мудро и прагматично, чем Росимущество. Отдадим должное председателю и части государственных членов совета директоров — они поддержали миноритариев.

Похожая ситуация может сложиться и в создаваемой по указу президента страны ОАК. Для подготовки интеграции российских самолетостроительных активов создано некоммерческое партнерство с таким же названием. В течение года НП “ОАК” вырабатывало и согласовывало в правительстве схему, правила интеграции активов, разрабатывало основополагающие документы. Поскольку в НП “ОАК” преобладают люди здравомыслящие, то было предложено, сохраняя за государством контроль в будущем ОАО “ОАК” (51% акций), допустить широкое привлечение частного капитала. Это предложение в виде проекта указа поступило в аппарат правительства. На выходе — маниакальное стремление к полному контролю и установка на получение в госсобственность все тех же 75+1%, о которых гордо заявил Фрадков. Есть подозрение, что во имя достижения заветных процентов чиновники пойдут на любые ухищрения, вплоть до занижения стоимости присоединяемых к ОАО “ОАК” частных активов и, наоборот, непомерного раздувания стоимости госактивов. Недаром уже звучат в отдельных интервью оценки активов будущей ОАО “ОАК” на начальном этапе ее создания в 10 млрд долл. Как такое может произойти, если ожидаемые объемы производства самолетов на начальном этапе порядка 2,0–2,5 млрд долл., а к 2015 г. планируется выйти на объемы в 6,5 млрд долл.? Путем “силового” давления на аудиторов и организаторов ОАО “ОАК”?

То, что подобное реально, стало ясно на примере объединения ряда авиакомпаний в союз “Эр Юнион”. Чиновников не устроило, что в этом объединении государство получит чуть меньше 50%, то есть потеряет контроль. Им не нужен эффективный бизнес — нужны проценты. В результате давления и “выкручивания рук” как частным акционерам объединяемых авиакомпаний, так и “независимой” аудиторской компании

они своего добились. Так что то же самое будет демонстрироваться при создании ОАО “ОАК”. Ведь даже назначение президентом страны Алексея Федорова главой компании (замечу — появление на этом посту не кадрового чиновника, а доказавшего свою состоятельность бизнесмена напоминает приглашение независимого следователя на дело о компаниях “Гранд” и “Трикита”) отнюдь не гарантирует, что интересы частных миноритариев, включая интересы EADS, вошедшего недавно в акционеры “Иркут”, будут защищены. Предстоит борьба частных миноритариев с госчиновниками за свои права. В ожидании этого частному капиталу приходится быть осторожным в отношении своего присутствия в авиастроительной отрасли.

Учитывая, что похожие процессы зарождаются в двигателестроении, судостроении и автопроме, эти отрасли также рискованны для частных инвестиций. Частный капитал ждет, пока ситуация прояснится. И пока этого не произойдет, основным инвестором остается главный акционер — государство, если на все хватит нефтедолларов. Но может и не хватить. Объединенное под государственным оборонпромом вертолетостроение нуждается в инвестициях на техперевооружение, модернизацию производств, освоение производства новых вертолетов. Источник инвестиций только один — госбюджет. Частные инвестиции (кредиты контролируемых государством банков не в счет) не спешат в государственную компанию, а IPO отодвинуто чиновниками на несколько лет. Автопром и космическое ведомство также просят сотни миллиардов госбюджетных денег. Скоро к ним присоединятся объединенные судостроители. Как говорится, далее везде.

Судя по тому, как яростно чиновники стремятся добиваться этой магической для них цифры — 75% акций в собственности у государства, — это вполне сформировавшаяся позиция. Хороша ли она? Нет. Госкапитализм — это не только владение, но и умелое управление государственными активами. Получив полный контроль, надо уметь эффективно управлять. А вот этого как раз и не наблюдается. Вот пример (опять-таки из авиационной сферы): полностью контролируемая государством лизинговая компания ФЛК работает гораздо менее эффективно, чем государственно-частное партнерство в форме компании ИФК. В ФЛК и ИФК от имени государства присутствуют одни и те же чиновники, только в ИФК ведение бизнеса взяли на себя частные акци-

онеры (госчиновники в ИФК практически не участвуют в управлении и даже не ходят на заседания совета директоров).

Зато у госкомпаний есть своя специфика. Не умея эффективно управлять, чиновники все же занимаются любимым делом — делят бюджетные деньги. Они продолжают финансировать обе лизинговые компании. В прошлом году большую часть госбюджетных средств направили в ФЛК, чтобы обеспечить себе “заветные” 75% акций. Они до сих пор не дошли до Казанского завода! Другие акционеры ФЛК просто не участвовали в этой эмиссии. Ведь их просто нет. В этом году, не мудрствуя лукаво, опять делят госбюджетные средства между этими компаниями.

Уже упоминавшееся НП “ОАК” предлагало чиновникам сконцентрировать все госбюджетные средства в одной лизинговой компании и передать в нее все поддерживаемые государством авиализинговые контракты, сориентировав другую компанию на лизинг технологического оборудования для авиазаводов. Но чиновники не услышали голос разума и продолжают гнуть свою линию. Им активно помогает прокуратура, которая своими действиями в 2005 г. чуть было не привела крупнейшую авиализинговую компанию ИФК к краху и к срыву первого экспортного контракта на поставку гражданских самолетов на Кубу. Ситуацию с большим трудом спасли частные акционеры ИФК. Никто из чиновников не выступил в защиту ИФК, струсив перед откровенно заказным “наездом”.

С подачи частных акционеров дело рассмотрел суд, который решил, что претензии прокуратуры необоснованны, а дело возбуждено незаконно. Несмотря на вступившее в силу решение суда, Генпрокуратура не оставляет попыток возобновить преследование компании. Внесен протест в Верховный суд Российской Федерации. Ситуация с точностью до наоборот напоминает действия прокуратуры по делам “Гранда” и “Триkitы”. Наверное, тот, кто может закрывать дела, может при определенных “обстоятельствах” их искусственно пролонгировать в интересах отдельных групп конкурентов. Остается надеяться, что у президента достаточно независимых следователей.

Прокурорская возня вокруг ИФК, продолжавшаяся больше года, нанесла большой ущерб отечественной авиапромышленности. Средства госбюджета прошлого года поступили в лизинговые компании только в самом конце декабря, потеряв из-за инфляции более 11% покупательной способности.

Заводы не запустили в производство в прошлом году ни одного нового самолета, а комплектаторы тут же подняли на четверть свои цены, ухудшив и без того слабую конкурентоспособность отечественных машин.

Все это привело к тому, что частные акционеры ИФК, опасаясь дальнейших преследований, существенно ограничили свое участие в капитале компании, в результате чего она недополучила почти 3 млрд рублей. Учитывая, что на один рубль собственных средств ИФК привлекает до трех рублей кредитов, можно смело считать, что авиапром недополучил более 12 млрд руб., — это хорошая двухгодичная программа сразу для обоих крупнейших авиазаводов в Воронеже и Ульяновске. Такова цена “силового” вмешательства в управление экономикой.

Каковы могут быть уроки из произошедшего? Думаю, пора прекратить практику бездумного накачивания капиталов лизинговых компаний госбюджетными средствами. Вложенных средств уже достаточно для запуска лизингового механизма. Пора перейти от прямого “вливания” бюджетных денег в авиационный лизинг, которое явно малоэффективно, особенно в случае ФЛК, к нормальным рыночным механизмам, оправдавшим себя во всем мире: к госкредитам с доступной ставкой и госгарантиям по банковским кредитам. Почему наше государство может давать суверенные гарантии банкам, кредитующим иностранные государства и компании под покупку наших самолетов “Ил” и “Ту”, и не может гарантировать кредиты на приобретение в лизинг этих же самолетов российскими авиакомпаниями, контролируемыми государством?

Тогда этими гарантиями и кредитами сможет воспользоваться любая эффективно работающая лизинговая компания и любой российский банк. Этот процесс перестанет зависеть от вкусов и мнений каких-либо бюрократов. Есть у лизинговой фирмы заказ от авиакомпании — получи кредит от банка, гарантированный государством, и профинансируй на них постройку новых самолетов. Кредиты и гарантии — только под конкретные контракты. Работа в рыночных, а не в “тепличных” условиях подпитки из госбюджета быстро покажет, какая лизинговая компания действительно более эффективна и лучше управляется.

Еще лучше, если за счет накопленных государством финансовых резервов будут выдаваться дешевые, под 5–6% годовых, долгосрочные кредиты на срок до 15 лет. Китайцы поступают

мудро и дальновидно: избыточные денежные госсредства они дают на 17 лет под 3% годовых, но связывают кредит с покупкой китайских же товаров, чем стимулируют свой промышленный рост. Мы же направляем российские госсредства на стимулирование промышленного роста в конкурирующих с нами экономиках. Получается хуже, чем у Бендера: не “заграница нам поможет”, а мы всю помощь оказываем за границей. Подобный подход нельзя назвать государственным.

Закончу с того, чем начал, — с обвала капитализации EADS. Очевидным последствием этого станет сдвиг сроков создания европейским концерном нового поколения ближне-среднемагистральных самолетов (БСМС) на замену существующего семейства “А-320”. “Боинг” сегодня тоже не может мобилизовать достаточных финансовых ресурсов на подобный проект. Это дает России уникальную фору в создании собственного БСМС, возможно, в кооперации с Индией и Китаем, а может, с арабскими странами. Причем определенные наработки уже есть, и не только в ОКБ им. Яковлева. Важно, нацелившись с проектом RRJ (а не пора ли дать проекту российское имя, господин Погосян?) на относительно узкий сегмент региональных самолетов, не “проспать” шанс захвата значительной доли самого обширного сегмента БСМС.

До появления нового самолета в 2012–2014 гг. можно при минимальных вложениях довести до очень приличного уровня уже производимые самолеты “Ту-204/214” и “Ил-96” и активно продавать их — как в стране, так и за рубежом. Есть отличные перспективы у “Ан-148”. Если, конечно, чиновники проявят немного гражданственности и служебного рвения в исполнении своих обязанностей. Деньги в госбюджете на создание новой авиатехники выделяются, и немалые. Но каждый год они поступают в ОКБ с большим опозданием. Например, новые самолеты “Ил-96-400Т” нужны уже к концу 2007 г., на них есть спрос и подписаны “твердые” контракты. И деньги в бюджете этого года предусмотрены, и Воронежский завод ВАСО готов к их сборке. Нужна лишь конструкторская документация. Однако министерства и ведомства никак не проведут эти деньги по своим кулуарам и не направят их конечному получателю — ОКБ им. Ильюшина. Разработчики полагают, что получают деньги только к концу года, когда их придется “осваивать” в экстренном порядке. Качество работы от такой штурмовщины, конечно, по-

страдает. В итоге самолет “Ил-96-400Т” появится не раньше конца 2008 г. Завод ВАСО при этом понесет убытки, наберет кредитов, а то и потеряет часть потенциальных заказов: кто же из заказчиков захочет столько лет ждать? А виновные в данном безобразии чиновники, как и всегда, выйдут сухими из воды.

Россияне должны получить возможность летать дешево

На протяжении нескольких десятилетий в СССР авиатранспорт благодаря своей доступности (обеспеченной, в свою очередь, государственными субсидиями) и удобству был реальной альтернативой другим видам транспорта. Однако в результате распада Советского Союза, поспешного разделения и приватизации авиаотрядов в 1990-е авиатранспорт стал недоступной роскошью для большинства российских граждан.

В последние годы стабильный рост российской экономики обеспечил основу для существенного повышения мобильности российского населения. Тем не менее на авиатранспортном рынке наблюдается рост неудовлетворенности клиентов услугами, предоставляемыми на внутренних авиалиниях, это касается устаревшего и как следствие ненадежного авиапарка, низкого качества обслуживания и высоких цен. Высокие и зачастую завышенные цены на авиабилеты являются основным сдерживающим фактором в развитии как самого авиатранспортного рынка, так и экономики страны в целом: так, по данным ТКП, в 2005 г. российские авиакомпании перевезли 35,1 млн человек, тогда как в 1990-е гг. в РСФСР этот показатель составил около 90 млн человек. Ответом на сложившуюся ситуацию может служить выход на российский рынок низкобюджетных авиакомпаний.

Низкобюджетная (по другому — низкозатратная или “дискаунтер”) авиакомпания предлагает свои услуги по ценам значительно ниже существующих среднерыночных тарифов благодаря применению альтернативной бизнес-модели.

В основе такой модели лежат следующие принципы:

— один пассажирский класс обслуживания;

— единый тип и семейство эксплуатируемых воздушных судов, в частности “Эрбас-А-320” или “Боинг-737”, которые требуют меньших затрат на обучение персонала и обслуживание авиапарка;

— единая и достаточно простая система ценообразования (“управления доходами”);

— свободная посадка (пассажиры сами выбирают свободные места непосредственно при входе на борт);

— перелеты зачастую осуществляются между менее загруженными альтернативными аэропортами, что позволяет существенно повысить ежедневное время эксплуатации авиалайнеров со стандартных 8 до 14 часов, а также минимизировать затраты на аэропортовые услуги;

— короткие маршруты (порядка 1000–2500 км) и быстрые развороты в аэропорту увеличивают время эксплуатации воздушных судов;

— упрощенная маршрутная сеть с акцентом на перелеты из точки в точку без использования узлового аэропорта (хаба), что также увеличивает время эксплуатации каждого самолета;

— преимущественно прямые продажи авиабилетов, особенно через центры телефонного обслуживания (кол-центры) и Интернет, в целях минимизации дополнительных сборов и комиссий агентств по продаже билетов и систем бронирования;

— отсутствие программ поддержания лояльности часто летающих пассажиров, которые требуют большого числа сотрудников и дополнительных дорогостоящих услуг;

— содержание минимального штата сотрудников и аутсорсинг (выведение за штат) большинства непрофильных функций,

— предоставление бортового питания и прочих дополнительных услуг на платной основе.

Поскольку спрос на авиатранспортные услуги крайне чувствителен к уровню цен, низкобюджетные авиакомпании привлекают большее число пассажиров, достигая лучшей заполняемости рейсов, большей экономической и производственной эффективности и, соответственно, еще более низких издержек.

На сегодняшний день в Европе работают около 50 низкобюджетных авиакомпаний, точное число не поддается определению, поскольку каждый месяц создаются новые компании, а другие уходят с рынка. Низкие процентные ставки, наличие большого количества подержанных самолетов, готовых специа-

лизированных решений в сфере информационных технологий и примеров успешных авиакомпаний подогревают интерес инвесторов к этому рынку. Другой не менее важный фактор такого интереса — расширение Европейского союза: с вступлением в ЕС страны Восточной Европы начали либерализацию своих авиатранспортных рынков.

По оценкам ELFAA (Ассоциации европейских низкобюджетных авиаперевозчиков), за период с 1999 по 2004 г. число пассажиров, выбирающих низкобюджетные авиакомпании, ежегодно возрастало не менее чем на 45% и в 2005 г. составило 100 млн человек.

Низкозатратные авиакомпании также обладают непоколебимым авторитетом на финансовых рынках. По состоянию на ноябрь 2005 г. американская низкобюджетная авиакомпания Southwest была самой дорогой пассажирской авиакомпанией мира с рыночной капитализацией (около 13 млрд долларов США) на уровне British Airways, Air France и Lufthansa вместе взятых.

В последние годы европейские низкозатратные авиаперевозчики начали проявлять интерес и к российскому рынку пассажирских авиаперевозок. Авиакомпания Germania Express осуществляет рейсы из аэропорта Домодедово в Берлин и Мюнхен, с лета 2005 г. другой немецкий перевозчик, Germanwings (дочерняя компания Lufthansa), осуществляет рейсы из аэропорта Внуково в Кельн, Штутгарт и Берлин.

Рассматривать результаты прихода низкозатратных авиаперевозчиков на рынок необходимо не только с позиции инвестора, но и в разрезе потенциальных изменений в социально-экономической жизни всего общества.

Во-первых, потенциальные авиапассажиры получают широкий выбор: после либерализации европейского авиатранспортного рынка в 1992 г. количество авиакомпаний возросло к 2000 г. до 139.

В течение 2000–2004 гг. прошло внедрение модели низкобюджетных авиаперевозок как в новых, так и в некоторых традиционных авиакомпаниях, некоторые решили полностью перестроить свой бизнес (пример — ирландский государственный авиаперевозчик Aer Lingus), другие авиакомпании создали низкозатратные “дочки” (SAS — Snowflake; KLM — Transavia/Basqair; British Airways — Go; Lufthansa — Germanwings и BMI — bmibaby).

Благодаря низкозатратными авиаперевозчикам существенно увеличились частота полетов и число прямых внутриевропейских (региональных) маршрутов.

Во-вторых, усилившаяся ценовая конкуренция привела к снижению цен на авиабилеты, а также отмене дискриминационной политики традиционных авиакомпаний (например, “правило субботней ночи”, в соответствии с которым для получения скидок пассажир должен был лететь в субботу, и “билет в одну сторону”, который стоил на уровне билета бизнес-класса).

В-третьих, региональные и второстепенные аэропорты получили новые пассажирские потоки и возможность извлекать существенную прибыль от дополнительных неавиационных доходов, в том числе от сдачи площадей коммерческим организациям, автомобильных парковок и рекламных площадей, а также транспортировки пассажиров. Бизнес-модель аэропортов для низкобюджетных авиакомпаний была впервые применена в Великобритании, в аэропортах Лондона (Stansted), Глазго (Prestwick) и Ливерпуля, которые из убыточных второстепенных превратились в высокоприбыльные международные аэропорты.

В-четвертых, круглогодичная работа аэропортов и растущий пассажиропоток привлекает в регион инвестиции, создает новые рабочие места и обеспечивает развитие туризма.

Исследование Торгово-промышленной палаты французского департамента Од (Aude; с туристическими центрами Carcassonne, Limoux и Castelnaudary) показало, что 253 тыс. пассажиров низкобюджетных авиакомпаний в течение 2003 г. обеспечили дополнительный доход местного бюджета в размере \$8,4 млн, косвенные же доходы (включая расходы туристов и инвестиции в недвижимость) составили \$135 млн. Общий рост доходов, вызванный деятельностью низкобюджетных авиакомпаний, достиг \$272,4 млн. Подобный социально-экономический эффект наблюдается и в других странах и регионах.

Появление низкобюджетного авиаперевозчика в России в течение ближайших 2–3 лет сможет существенно повысить мобильность населения всей страны, сделав воздушный транспорт доступной формой передвижения. Вслед за повышением уровня внутристранового спроса на авиаперевозки возрастет и спрос на туристические услуги: городские жители смогут проводить свои выходные на южном побережье России и посещать провинциальные культурные центры, будет укрепляться взаи-

модействие регионов страны и, соответственно, развиваться экономика и расти благосостояние населения.

Ряд положительных примеров воздействия низкобюджетных авиакомпаний на экономику стран можно увидеть в Западной Европе: во французском департаменте Дордонь (Dordogne) британцы активно скупают и строят летние дома. Испанские гольфисты осваивают провинциальный Уэльс. Индустриально неразвитые города Британии (Стэнстед), Франции (Сэнт-Этьен) и Германии (Хан) стали центрами региональных инвестиций, а некогда второстепенные британские города, такие как Эдинбург и Кардифф, превратились в важные туристические направления Западной Европы. Жители центральных районов Британии получили возможность летать в западную Францию без промежуточных пересадок в Лондоне или Париже.

Низкозатратные авиаперевозчики также прямо или косвенно участвуют в создании новых рабочих мест в самих авиакомпаниях, в аэропортах и на региональных предприятиях.

Исследование, проведенное Airports Council International (Международным аэропортовым советом) в 2004 г. показало, что на каждый миллион пассажиров в среднем создается 950 рабочих мест в аэропорту и 1100 в регионе. Так, благодаря деятельности авиакомпаний-участниц ELFAA, которые в 2004 г. перевезли около 60 млн пассажиров, в европейских регионах появилось более 120 тыс. новых рабочих мест.

И, наконец, в-пятых — воздействие на окружающую среду.

Самые популярные самолеты авиакомпаний-участниц ELFAA — самые современные авиалайнеры “Боинг-737-NG”, а также “Эрбас А-319”, “А-320” и “А-321”, которые обеспечивают наибольшую экономическую эффективность при минимальном воздействии на экологию.

Следующие элементы низкозатратной бизнес-модели еще более повышают экологическую безопасность авиаперевозок:

1) Учитывая более высокий уровень занятости кресел (+10%), эффективность эксплуатации (в т.ч. затраты топлива на пассажирокилометр) “Боинг-737-800” по низкозатратной модели на 25% выше, чем у традиционных авиакомпаний.

2) Технические характеристики современного флота низкозатратных авиаперевозчиков соответствуют всем правилам и ограничениям, установленным в Европе.

3) Прямые перелеты между недозагруженными аэропортами сокращают длину маршрута и дополнительные задержки в воздухе при заходе на посадку.

4) Низкобюджетные авиакомпании вырабатывают минимальное количество мусора, поскольку не предоставляют бесплатных услуг на борту, включая газеты, журналы и бортовое питание.

Несмотря на положительные результаты либерализации европейского авиатранспортного рынка, включая возросшую конкуренцию, которая, в свою очередь, обеспечила существенное снижение цен на авиабилеты, в обиходе сохраняется ряд заблуждений о деятельности низкобюджетных авиакомпаний.

1) Низкобюджетные авиаперевозчики переманивают пассажиров традиционных авиакомпаний, подрывая бизнес последних.

Как показывает последнее исследование ELFAA, при отсутствии выгодных предложений от низкокзатратных авиакомпаний, большинство (71%) потенциальных пассажиров выбрало бы другой вид транспорта или вообще отказалось бы от поездки.

Анализ, проведенный компанией McKinsey в 2002 г., показал интересную тенденцию: выход низкобюджетных авиаперевозчиков на внутриконтинентальный европейский рынок незначительно изменил доходы и экономику маршрутной сети местных авиакомпаний. В первый год возможна небольшая (до 10%) потеря доходности, но затем начинается постепенный рост выручки и загрузки рейсов благодаря повышению мобильности населения. В 1999–2002 гг. низкокзатратные авиакомпании удвоили свою провозную емкость, но традиционные перевозчики не только не сократили число рейсов, но и увеличили его в среднем на 9%.

После выхода низкобюджетных авиакомпаний на маршрут Лондон — Барселона число перевезенных пассажиров увеличилось с 600 тыс. в 1996 г. до 1,5 млн в 2001, из новых 900 тыс. пассажиров 380 тыс. перевезли традиционные авиакомпании, похожая ситуация сложилась и на рейсах Лондон — Милан и Лондон — Ницца. Другой пример — Словакия, многим жителям которой до сих пор не по карману даже железнодорожный билет из Братиславы в Вену, могут приобрести доступный авиабилет на рейс в Венецию или Мальорку.

Таким образом, низкочастотные авиаперевозчики во многом дополняют спектр предложений традиционных и чартерных авиакомпаний.

2) Низкобюджетные авиакомпании получают “скрытые” субсидии от аэропортов и региональных властей.

На самом деле низкие затраты на услуги аэропортов являются лишь одним из ряда преимуществ бизнес-модели низкобюджетных авиакомпаний. Региональные аэропорты слабо загружены и обладают более дешевой в обслуживании инфраструктурой, чем крупные аэропорты вблизи городских агломераций, и готовы предоставлять свои услуги за соответственно меньшую плату и на более гибких условиях.

Необходимо отметить, что низкочастотная авиакомпания может гарантировать существенный приток пассажиров в региональные аэропорты, которые кроме базовых ставок за обслуживание получают возможность увеличить свои доходы от дополнительных услуг пассажирам (розничная торговля, общественное питание, автомобильные стоянки и т.д.).

Многие второстепенные аэропорты активно работают с новыми низкобюджетными авиакомпаниями-партнерами. Благодаря такому сотрудничеству некогда дотационные аэропорты выходят на самоокупаемость.

3) Низкобюджетные авиакомпании плохо обращаются со своими работниками.

Низкобюджетные авиакомпании весьма зависимы от уровня производительности персонала и потому активно ее стимулируют за счет комиссии с бортовых продаж и опционных схем. В то время как традиционные (особенно национальные) авиакомпании зачастую вынуждены содержать большой штат сотрудников по политическим соображениям.

4) У низкобюджетных авиакомпаний низкое качество обслуживания.

Низкобюджетные авиакомпании превосходят традиционные по пунктуальности, используя упрощенную и оптимизированную систему эксплуатации и менее загруженные аэропорты. Именно низкочастотные перевозчики первыми начали публиковать статистику отправок и отмененных рейсов, стимулируя тем самым конкуренцию на всем авиатранспортном рынке.

Восприятие авиатранспорта как дорогого вида транспорта ушло в прошлое именно благодаря низкобюджетным авиаком-

паниям. Пассажиры показали свою готовность отказаться от условно бесплатного бортового питания и прилетать в региональные и второстепенные аэропорты. Система бронирования через Интернет и кол-центры оказалась максимально прозрачной и информативной для всех потенциальных клиентов.

5) Низкозатратные авиакомпании экономят на безопасности.

Низкозатратные авиакомпании подчиняются тем же жестким правилам, что их конкуренты, а подобное недоверие только усиливает внимание к потенциальным авиационным рискам.

Бизнес-модель низкобюджетного перевозчика представляет собой уникальную комбинацию наиболее важных для широкого потребителя преимуществ — низкие тарифы, надежные и комфортные воздушные суда, современный и удобный аэропорт.

Национальная резервная корпорация (НРК), являющаяся крупнейшим российским частным инвестором в авиатранспорт, осознала необходимость продвижения услуг низкобюджетного перевозчика на российский рынок. Однако на данный момент в России отсутствуют технологии, которые позволяли бы должным образом организовать производство подобного продукта.

НРК стремится сделать услуги по оказанию пассажирских авиаперевозок доступными. Именно с этой целью НРК перенимает опыт европейских низкобюджетных авиаперевозчиков. Недавно НРК приобрела долю в немецкой авиакомпании Blue Wings AG и финансирует приобретение воздушных судов, эксплуатантом которых выступит эта авиакомпания. Руководители НРК стремятся на деле применить положительный опыт, накопленный европейскими авиакомпаниями за последние несколько лет, чтобы в дальнейшем перенести этот опыт на российскую почву с учетом национальной специфики.

Европейский опыт показывает, что удешевление стоимости авиабилетов значительно повышает спрос на пассажирские авиаперевозки на существующих направлениях и открывает новые маршруты. В результате авиакомпании принесут региональным аэропортам возможность принимать новые пассажирские потоки и возможность извлекать существенную долю прибыли от дополнительных неавиационных доходов. И, наконец, удешевление стоимости авиабилетов будет способствовать развитию туристических направлений внутри страны.

Возвращение российским гражданам доступного авиатранспорта позволит в краткосрочной перспективе без дополнительной поддержки государства существенно повысить мобильность населения, обеспечить устойчивое развитие российских регионов и упрочнение социально-экономических связей между ними, а значит, и развитие всей страны.

В настоящее время НРК прорабатывает бизнес-план создания в России первой низкобюджетной компании под условным названием “Национальные крылья”. Проведенные исследования показали, что существует достаточно широкая региональная сеть маршрутов, на которых такая компания могла бы успешно работать. Стоимость билета может быть установлена не на уровне билетов в спальный вагон железной дороги, как это сегодня имеет место в крупных рейсовых авиакомпаниях, а намного ниже — на уровне купейного билета. При этом время в пути для пассажира сокращается в разы, что позволяет сделать авиацию реальной “машиной времени” для широких слоев населения России.

Важным моментом в реализации намеченных планов является обеспечение российского “дискаунтера” новыми (подчеркну, именно новыми) самолетами.

К сожалению, из примерно 700 ближне- и среднемагистральных самолетов (БСМС), находящихся сегодня в парке российских авиакомпаний, только 10% можно отнести к современным воздушным судам. И менее половины из них произведено в России, остальные — иностранного производства. Прочие самолеты (“Ту-134”, “Як-42”, “Ту-154” Б/М) в основной своей массе разработаны в 60–70 гг. прошлого века и произведены более 20 лет назад, морально устарели и находятся на пределе эксплуатации. Они экономически абсолютно не конкурентоспособны с современными “Эрбас-А-320/319/321” или “Боинг-737-NG”. Более половины парка российских БСМС не пускают в Европу и другие развитые страны из-за несоответствия международным нормам по шуму и эмиссии.

На этих самолетах нельзя реализовать концепцию дешевых, доступных для населения авиаперевозок.

Остро нужны новые отечественные самолеты. Но их нет. Потерянные 15 лет сегодня крайне трудно компенсировать. Проект RRJ выйдет на значимое серийное производство после 2010 г., новый среднемагистральный самолет МС-21 еще на

ранних стадиях разработки и может быть всерьез развернут в серийном производстве где-то ближе к 2015 г. Украинский “Ан-148” чиновники не дают производить в Воронеже. В этих условиях основным российским продуктом остается уже не новый “Ту-204”, размерность которого превышает потребную для региональных низкобюджетных компаний. Получается, что в России выбрать не из чего.

Да и мощности производителей крайне ограничены. Несмотря на титанические усилия лизинговой компании “Ильюшин Финанс” и год от года увеличивающуюся государственную поддержку отечественного авиапрома, в ближайшие 5 лет не может быть произведено более 150 БСМС. И это самая оптимистичная оценка!

А заменить нужно не менее 600 самолетов данного класса.

Можно согласиться, что какая-то часть старых самолетов — в первую очередь порядка 250 “Ту-154М” и “Як-42” — еще полетает и дождется замены на новые отечественные БСМС. Но где взять еще как минимум 200 новых воздушных судов?

Только ввезя их из-за границы. Но тогда нужно решать проблему “запретительных” таможенных пошлин и налогов на ввозимые самолеты. Из-за них в страну ввозят только бывшие в эксплуатации самолеты преклонного возраста. Как следствие — высокая аварийность, угроза жизни пассажирам. Последняя катастрофа в Иркутске с 19-летним “А-310” это хорошо показала.

Чтобы Россия не превратилась в свалку “авиахлама” — как это произошло в Сибири и на Дальнем Востоке с японскими и корейскими автомобилями — необходимы срочные меры на уровне Правительства РФ по организации централизованного импорта новых (именно новых!) иностранных самолетов одной из ведущих мировых фирм (“Эрбас” или “Боинг”). Эти самолеты должны быть ввезены без пошлин и налогов и переданы в лизинг как крупнейшим государственным авиакомпаниям (“Аэрофлот”, “Россия” и т.п.), так и на конкурсной основе частным отечественным авиаперевозчикам, которые реализуют проекты доступных авиаперевозок в регионах.

Процесс импорта должен быть под строгим контролем Правительства РФ. Для его реализации может быть использован опыт, наработанный ИФК при реализации экспортных контрактов и лизинга отечественных самолетов. Это могла бы быть государственная лизинговая компания — дочка ИФК, — кото-

рая работала бы только над данным проектом. Контроль со стороны ИФК позволил бы “держать руку на пульсе” и по мере готовности отечественных конкурентоспособных самолетов (RRJ, МС-21) произвести вытеснение иностранных воздушных судов где-то на рубеже 2015 г.

Тем самым будет укреплена материальная база крупнейших отечественных авиакомпаний, повышена их конкурентоспособность, созданы условия для их ускоренной консолидации. Одновременно сохраняется возможность возрождения и развития отечественного гражданского самолетостроения.

Иначе на неконкурентной авиатехнике российские перевозчики окончательно проиграют иностранцам, и уже некому будет покупать новые российские самолеты, в создание которых государство вбухивает колоссальные средства. Уже сегодня по числу перевезенных в Россию пассажиров “Люфтганза” может быть смело зачислена в пятерку крупнейших авиакомпаний. Большое количество пассажиров забирают авиакомпании из ближайшего зарубежья. Но эти перевозчики никогда не будут заботиться о доступности авиатранспорта для россиян. Эту задачу могут решить только российские низкобюджетные авиакомпании.

Правительство должно ясно понимать, что, не занимаясь спасением российских авиаперевозчиков, не спасти российскую авиапромышленность. Это две стороны одной медали. Стране нужна единая политика в области авиации, и желательно под единым руководством и надзором. Сегодня различными вопросами в авиации (авиаперевозках и авиастроении) занимаются никак не меньше семи министерств и ведомств, вот мы и получаем “у семи нянек...”.

Эту ситуацию нужно исправлять, исправлять радикально, не откладывая в долгий ящик, так как время работает против нас. Россиянам нужна доступная авиация, и они должны ее получить.

ЧТО НАМ СТОИТ ДОМ ПОСТРОИТЬ?

90% населения в ближайшем будущем не решит жилищную проблему

Сегодня должно состояться заседание президиума Госсовета по вопросу о мерах по обеспечению граждан России доступным жильем. Депутат Госдумы, бывший президент Национального резервного банка Александр Лебедев считает, что нынешняя государственная стратегия в этой сфере не приведет к решению жилищной проблемы в стране в ближайшем будущем. О своем методе решения проблемы он рассказал RBC Daily.

— Александр Евгеньевич, что вас не устраивает в жилищной политике правительства?

— Я считаю, что сохранение или принципиальное ускорение темпов жилищного строительства при нынешней модели формирования спроса и предложения на жилье невозможны. Мы заказывали исследование на эту тему. Его основной вывод следующий: даже если темпы роста отрасли будут опережать средние темпы роста валового внутреннего продукта, все равно в ближайшие 50–70 лет 80–90% населения нашей страны не смогут решить свою жилищную проблему. Это связано как с низкой покупательной способностью населения, так и с отсутствием предложения качественного жилья по доступным ценам. Кроме того, ситуация осложняется отсутствием ипотеки в стране и полным отсутствием внятной государственной политики в этой сфере. Наконец, последнее, чего нам не хватает, — строительства быстровозводимого малоэтажного качественного жилья возле крупных городов. Это то жилье, в котором живет 90% населения США и значительная часть населения Европы.

— **Вы считаете, что надо заниматься таким жильем?**

— Только им и надо заниматься. Я претендую на научное открытие. Я занимаюсь этим вопросом полтора года. И могу сказать, что ипотека концентрируется на ликвидных рынках Москвы и Санкт-Петербурга, на которых есть ликвидное вторичное жилье и сосредоточено дорогостоящее первичное. Более половины жилья, возводимого в Москве и Московской области, ориентировано на 5% населения. Довольно большие объемы жилищного строительства в Красноярске и Чувашии и некоторых других регионах, но этого все равно недостаточно, чтобы удовлетворить спрос в стране. Поэтому все разговоры о доступном жилье я считаю очковтирательством. Естественно, возникает вопрос: можно или нельзя обеспечить население жильем за счет малоэтажного строительства? Можно. Но для этого необходимо сделать несколько телодвижений. Во-первых, необходимо отметить, что в стране нет отрасли, производящей современные стройматериалы, в первую очередь современную древесную плиту с утеплителем. Сейчас мы ее импортируем, потому что в стране нет ни одного крупного завода, способного выпускать плиту в объемах, необходимых для массового малоэтажного строительства. Да, есть маленькие, “самопальные” заводы, которые могут произвести плиту на пять домов в год, но никак не на пятьдесят тысяч. Нам надо построить несколько заводов, производящих такую плиту, что не очень дорого и долго.

— **Вы предлагаете целиком отказаться от кирпича, монолита, панелей и перейти на древесную плиту?**

— Нет, зачем отказываться. Пусть это все будет. Пусть ДСК зарабатывают свои миллиарды. Просто нам нужно, чтобы государственная политика была направлена на то, что я предлагаю. Допустим, я сам заплачу 200 млн долл. и поставлю шесть заводов в основных точках страны. Но мне нужна государственная поддержка: государство должно пообещать давать ипотеку под каждый такой новый дом. Иначе, если ипотека будет опережать темпы строительства, будут расти цены, а если ипотеки не будет, я не смогу потянуть и строительство, и ипотеку. Кроме того, местные власти должны выделять площадки под строительство, притом обеспеченные сетями. Замечу, что местные власти должны работать по стандартной

процедуре. Если же местные власти и губернаторы не хотят работать по этой системе, это их право, но мы будем считать, что они не поддерживают создание рынка доступного жилья. Работа с такими губернаторами — задача государственной власти, а не моя.

— А ваш интерес какой? Вы хотите обеспечить население жильем или заняться малоэтажным строительством?

— Я, как депутат, хочу решить проблему доступного жилья в стране. В этом весь мой интерес. При этом я, в свойственной мне манере, берусь за все сразу. Законодательство сейчас более или менее продвинуто, но отрасли как таковой нет, площадок нет, поддержки региональных властей нет, одна коррупция и очковтирательство, юридических стандартных условий нет (но мы их сделали). Мы построили первые несколько сотен таких домов и выяснили, что подрядчики очень слабые, производственная часть практически не существует. Производственные мощности рассчитаны на строительство нескольких сотен или тысяч домов, но не на несколько сотен тысяч домов в год. Впрочем, эти мощности можно очень быстро создать. Для этого достаточно Минэкономразвития собрать пятьдесят ведущих компаний страны и пообещать, во-первых, дать ипотеку под каждый новый дом, во-вторых, побудить власти заключать со строителями договоры по стандартным условиям и, в-третьих, контролировать их исполнение. Кроме того, государство должно вести разъяснительную работу на федеральных каналах с целью разрушения сложившихся за годы советской власти стереотипов: сегодня люди не верят, что эти дома лучше, более пригодны для жизни, чем какая-нибудь “двушка” в хрущобе.

— Да? И почему?

— Людям кажется, что у этих домов есть проблема с теплоизоляцией, что от них далеко ехать до города, что они недолговечны. Наконец, они не понимают, что эти дома намного дешевле, потому что они их никогда не видели. Люди просто не знают, о чем идет речь. Приведу простой пример. Мы построили под Ростовом-на-Дону таунхаусы, которые продаются по 45 тыс. долл. за штуку. Квартира аналогичной площади и более низкого качества будет стоить в 2–2,5 раза дороже. В Москве и

Подмосковье это разница уже в 5 раз. Вот и выбирайте, где вы будете жить: в четырехкомнатном таунхаусе в 30–50 километрах от Москвы или... При условии, что вы доедете до Москвы быстро. Это отдельная тема, с которой надо работать...

— **Но это, по-моему, очень сложная тема...**

— Ничего там сложного нет. Эту проблему можно решить за полгода.

— **И как?**

— Расширить въезды в Москву и ликвидировать внутренние транспортные пробки.

— **И как можно внутренние транспортные пробки ликвидировать?**

— Вот вы меня сразу на другую тему переключаете. Может, с одной закончим?

— **Но они взаимосвязаны...**

— Да, но я не строю в Москве или области, потому что здесь очень дорогая земля и местные власти не готовы помогать застройщику. Так вот, о пробках. Есть исследование, которое я оплатил и которое скоро будет закончено. Это исследование делается специалистами, занимающимися проблемой пробок в Венеции, Лондоне и Париже. Там подходы совершенно не те, которые предлагает использовать правительство Москвы. Это не десять рядов по Садовому кольцу в одну сторону, и не огромные развязки по 500 млн долл., и не грандиозные тоннели по миллиарду. Не там находится решение проблемы.

— **А где?**

— Оно находится внизу. Если город разбить на квадратики по 100 м, то с каждым квадратиком нужно работать. Трафальгарская площадь в Лондоне была разделена пополам: на одной половине есть только общественный транспорт, на другую могут въезжать машины в отдельные дни, но за деньги. На этом город зарабатывает 100 млн в год. А парижане изменили количество светофоров, пешеходных переходов... Словом, существуют решения.

Малоэтажные дома как архимедова точка опоры

Недавно группа коллег по партии и фракции “Единая Россия” в Госдуме выступила с инициативой использования дополнительных доходов бюджета для субсидирования ипотечных кредитов, с тем чтобы ставка по ним не поднималась выше 6% в рублях. Некоторые российские СМИ отреагировали на эту инициативу весьма критическими комментариями, укорив авторов в популизме и высказав мнение о практической невыполнимости такой задачи. Полемика на эту тему в очередной раз возвращает нас к извечному вопросу российского национального бытия — квартирному, который уже кого только не испортил. Между тем, как это часто у нас бывает, мы беремся за решение этого вопроса не с того конца и упускаем из вида истинные причины жилищного кризиса.

Корень зла — в завышенных ценах на жилье

По замыслу инициаторов жилищной реформы, проблему обеспечения населения жильем должна решить ипотека. Но она находится в зародышевом состоянии: за прошлый год было выдано всего 40 тыс. кредитов. По некоторым оценкам, в этом году цифра удвоится, но принципиально это проблему не решает. Авторы нынешней идеи предлагают с помощью низких ставок, как застрявшую телегу лошадей, вытянуть ипотечные программы, сделав число их участников действительно массовым.

Они правильно оценивают проблему: сегодня размеры “премии”, которую граждане вынуждены выплачивать банкам за взятые кредиты на жилье, достигают 18%. Попытка забить под плинтус процентную ставку, по идее, должна сделать кредиты более доступными. Однако на деле массовый приход на рынок людей с пусть заемными, но реальными деньгами приведет к росту стоимости жилья, то есть в конечном счете — самого кредита и размеров процентных ставок в натуральном исчислении. Грубо говоря, если сегодня некая абстрактная квартира стоит 100 тыс. долларов и, купив ее по ипотеке, вы будете платить в качестве процентов за кредит 15 тыс. в год, то завтра она будет

Известия, 11.08.2005 г. Соавтор: Александр Некипелов, академик, сопредседатель попечительского совета НИС.

стоить 250 тыс. и, при кредите под 6% годовых, вы будете выплачивать те же 15 тысяч. Кроме того, сегодня ипотека доступна лишь для лиц с достаточно высокими легальными доходами, и именно они, а не оставшиеся 140 млн человек получают дотации. Где же выход?

Корень зла, коим являются отвратительные жилищные условия большинства сограждан и отсутствие просвета в их улучшении, не зарыт где-то глубоко, он лежит на поверхности. На самом деле проблема заключается в недоступности жилья для россиян даже со средним заработком. И связано это не с процентами по кредитам, а с чрезмерными аппетитами монополизовавших рынок строительных фирм, у которых рентабельность в условиях безальтернативности поднялась выше всякой крыши. “Что же поделаешь, спрос диктует предложение”, — скажут мне и будут не правы, так как нереальная цена является результатом монополизации строительного рынка. Поэтому прежде всего необходимо ликвидировать монополизм в этом секторе и создать условия для прихода сюда крупных инвесторов, готовых строить доступное, то есть дешевое жилье и исходящих не из стремления немедленно сорвать куш, а работающих на перспективу. Решение этого вопроса целиком и полностью находится в сфере компетенции власти, как федеральной, которая задает правила игры, так и местной, выдающей разрешения на строительство тем или иным заказчикам. Но здесь мы упираемся в еще один, на самом деле самый главный вопрос — что строить и как строить?

“Каждой семье — по благоустроенной квартире!” К 2105 г.?

По статистике, в настоящее время жилой фонд в России составляет около 3 млрд кв.м. Более 60% населения, то есть порядка 80 млн человек, желают улучшить свои жилищные условия. Потребность оценивается 2,6 млрд кв.м. Иными словами, для того чтобы удовлетворить существующие потребности населения, необходимо почти вдвое увеличить площадь жилья. При этом надо иметь в виду, что качество нынешнего жилья оставляет желать много лучшего. Согласно официальным данным, жилые дома старше 30 лет сегодня составляют около 60% жилого фонда, а степень износа трети этого фонда превышает 60 процентов. Более 91 млн кв.м жилья можно назвать ветхим или даже аварийным. Причем в некоторых областях этот процент выше. Имея в

виду необходимость замены ветхого и непригодного для эксплуатации жилья, объем которого год от года будет только возрастать, потребность страны в новых “метрах” приобретает поистине астрономический масштаб.

Для чего мы обо всем этом говорим? А для того, чтобы сопоставить нужды населения с реальными возможностями строительной индустрии. Сегодня в России в год строится порядка 40 млн кв.м жилья (из них львиная доля — в Москве). Даже если темпы роста в нынешней отрасли будут в несколько раз опережать темпы роста ВВП, на обеспечение потребностей страны уйдет не менее 100 лет! То есть для нашего и нескольких будущих поколений россиян обретение качественного жилья так и останется несбыточной мечтой. Мы должны усвоить горькую истину: что бы мы ни делали с ипотекой, как бы мы ни увеличивали доходы населения, у нас просто нет отрасли, способной решить жилищную проблему. По сути, речь должна идти о том, чтобы заново создать эту отрасль.

Может ли хрущоба стать крепостью?

Начиная с 50-х гг. прошлого века доминирующие позиции в нашем жилищном строительстве заняло панельное домостроение. Сегодня оно дополняется модным монолитным, которое применяется в строительстве “элитного” жилья. Эти технологии требуют огромных капитальных затрат, и для того, чтобы панельная или монолитная застройка вышла на уровень, необходимый для насыщения рынка, нужны производственные мощности и инвестиции, которых просто нет в России. И в ближайшее время они не появятся. К тому же ввиду затратности самого производственного процесса цены на такое жилье, даже если они будут балансировать на грани рентабельности, вряд ли можно будет назвать доступными.

Но самая главная проблема заключается в том, что, с нашей точки зрения, этот тип жилья, будучи весьма дорогостоящим, на самом деле не является чем-то идеальным с точки зрения интересов нормальной семьи. Да, с хрущевских времен технологии изменились — стены стали толще, появились лифты и даже консьержи. Но по своему психологическому типу клеть в нынешней многоэтажке ничем не отличается от хрущобы. Что такое своя квартира в многоэтажном улье? Это, по сути, опцион, право продать ее кому-нибудь другому. Человеку в ней принад-

лежит лишь воздух, а земля, стены, коммуникации — это все уже не его собственность. Даже перепланировка сегодня возможна только после массы бюрократических согласований.

Малоэтажные дома как архимедова точка опоры

На самом деле огромные многоэтажные жилые дома — это атрибут уходящей индустриальной эпохи, монумент XX в. Да их, по сути, нигде, кроме как у нас, и в массовом порядке не строили — разве что в антиутопиях вроде оруэлловской “1984”. Подавляющее большинство — до 80% населения в США, Канаде и европейских странах живет в собственных домах и малоэтажных “таунхаусах”. В Швеции, например, вообще запрещено строить жилые дома выше 5 этажей, потому что считается, что большая этажность наносит вред психике. Конечно, высокие жилые дома есть в крупных мегаполисах США — так называемые пентхаусы, они, как правило, расположены в центре, где самая высокая стоимость земли. А в тех местах, которые у нас называют “спальными районами”, не говоря уж о пригородах, сплошные частные домовладения с обязательным садом-участком (посмотрите хотя бы на Лондон). Есть многоквартирные дома и на окраинах — социальное жилье. Причем квартиры в этих домах главным образом съемные, то есть обитатели рассматривают их исключительно как временный вариант, этап на пути в своему дому-крепости. Унаследованный нами от социализма тип урбанизации тяготеет к исключительно высокой плотности застройки, что определялось спецификой централизованных инфраструктур, общественным характером транспорта и самим характером общественного строя. Достаточно сказать, что все виды поселений составляют в земельном балансе России около 1%, что является крайне низким показателем.

Опираясь на мировой опыт, Национальный инвестиционный совет (НИС) разработал концепцию “Малоэтажная Россия”. Современные деревянно-каркасные технологии с использованием новейших теплоизоляционных материалов позволяют в кратчайшие сроки возводить удобные, экологически безопасные, а главное, доступные жилые дома по индивидуальным проектам. Такой тип жилья очень хорошо зарекомендовал себя в приполярных странах с весьма суровым климатом — Канаде, Норвегии и Финляндии — и является основным типом

жилища везде, где есть собственный лес. А Россия, хотелось бы напомнить, является по объему лесных ресурсов первой в мире.

Развитие малоэтажного домостроения дает возможность попутно решить проблему модернизации жилищно-коммунального хозяйства. Большие коммуникационные системы, магистральные теплотрассы создавались еще во времена советской власти. Сегодня эти системы устарели не только физически, но и морально. В настоящее время более 70% всех трубопроводов отопления и горячего водоснабжения требуют замены или капитального ремонта. Не лучше ситуация и с оборудованием для котельных. В сложившейся ситуации перевод жилья на индивидуальные источники отопления может стать оптимальным путем реформирования ЖКХ, поскольку наряду с высокой надежностью и экономичностью обеспечивает значительное снижение монтажных и эксплуатационных затрат. Необходимо переходить от изживших себя технологически, малоэффективных магистральных сетей к индивидуальным, позволяющим регулировать снабжение теплом и горячей водой в отдельном доме или даже в квартире. В пользу индивидуальных источников отопления говорит и то, что их КПД как минимум на 25, а в отдельных случаях и на 90 с лишним процентов превышает соответствующий показатель ныне эксплуатируемых крупногабаритных котлов. При этом плата населения за отопление может быть снижена, по некоторым расчетам, более чем в два раза.

Используя наработки НИС, Национальная жилищная корпорация (НЖК) в порядке эксперимента приступила к строительству сотен таких домов. И продажная цена у них — 300–350 долл. за метр. НЖК сегодня ведет строительство в Ростовской и Московской областях, на завершающей стадии находятся проектные работы в Татарстане, Волгоградской и Ярославской областях. НЖК готова построить 12 домостроительных заводов, которые позволяют возводить дома с высокой скоростью сборки. Заводы должны быть расположены так, чтобы снизить транспортные расходы, — вблизи крупных городов.

Опыт НЖК показывает, что частному бизнесу вполне под силу поднять эту отрасль. Но действительного успеха можно добиться только через подлинное партнерство государства и бизнеса. За бизнесом — заводы и строительство, за государством — земля и разбюрократизация всего процесса взаимоотношений между партнерами. А еще — обеспечение инженерной и соци-

альной инфраструктуры. Ведь без активной поддержки программы со стороны государственных РАО ЕЭС и “Газпрома” создавать такую инфраструктуру невозможно. Нельзя забывать и о еще одной составляющей комфортной среды обитания — транспорте. В Москве, например, именно наличие колоссальных транспортных проблем заставляет людей всеми силами держаться за маленькие и низкокачественные, но расположенные в черте города квартиры. Практика показывает, что при желании и умении все эти узлы можно развязать за 2–3 года. К тому же если смотреть в будущее, то такое понятие, как “место работы” уже теряет свое прежнее сакральное значение, предполагающее “отбытие” срока с 9.00 до 18.00 в офисе. С развитием новых телекоммуникационных технологий собственное жилище становится рабочим местом.

При поддержке со стороны государства и привлечении в отрасль малоэтажного домостроения частного бизнеса, способного сделать инвестиции в создание производственных мощностей, можно будет дать жилье всем нуждающимся россиянам в течение пяти лет. Программа массового малоэтажного строительства может стать той точкой опоры, которая, по Архимеду, перевернет безнадежную, как сегодня кажется, ситуацию в решении проблемы доступного жилья. Но точки опоры мало — нужен еще и рычаг, и этим инструментом вполне может стать ипотека, к которой нам самое время вернуться.

Как нам организовать ипотеку

Согласно принятым в мировой практике стандартам, доступным считается жилье, которое могут себе позволить купить 80% населения. У нас же благодаря монопольным монстрам, увлеченным панельно-монолитным строительством, в качестве клиентов на рынке жилья могут выступать от силы 5–7%. Даже при “демпинговой” по сравнению с панельными многоэтажками цене порядка 300 долл. за метр в доме, собранном по технологии НЖК (со всеми его очевидными плюсами для семьи, желающей иметь именно свой дом), его цена при типовой площади в 100–150 кв.м, будет колебаться в пределах 30–40 тыс. долларов. Для москвича, у которого самая доступная ему однокомнатная квартира в весьма неблагополучном районе стоит 60 тыс. долл., такая цена может показаться копеечной. Однако в регионах, где зарплата на уровне 5–6 тыс. рублей является не-

плохим доходом, она, конечно, неподъемна для большинства нуждающихся в жилье.

Ключом к решению этой проблемы является ипотека. Надо достроить законодательство и создать условия для развития ипотечного рынка. Во многих странах, например в США, экономический бум был обеспечен именно таким образом. Совершенно очевидно, что в социальном плане доступные ипотечные программы повышают долю и деловую активность среднего класса, так как они стимулируют людей на поиск способов дополнительного заработка, побуждают их к предпринимательству.

Если кредиты будут выдаваться на 25–30 лет, и плата за пользование ими будет предельно низкой, не выше 100 долл. в месяц, это может сделать ипотеку действительно массовой. Председатель Госдумы и лидер “Единой России” Борис Грызлов совершенно справедливо возмущается тем обстоятельством, что наше правительство размещает средства Стабилизационного фонда под смешные проценты, в несколько раз ниже тех, которые выплачивают наши же граждане по ипотеке. Однако даже если опустить годовую процентную ставку ниже инфляции, все равно для получения кредита нужен первый взнос, который может составлять до 30% стоимости — в противном случае для застройщика предприятие становится нерентабельным. На самом деле именно эта сумма для большинства желающих обзавестись своей собственной крышей над головой становится непреодолимым барьером. В итоге ипотека опять-таки становится “игрушкой для богатых” — она концентрируется на ликвидных рынках Москвы и Санкт-Петербурга и доступна все тем же 5% населения. И именно здесь надо искать ключ к решению жилищной проблемы.

Если бы государство решилось субсидировать этот платеж, особенно для молодых семей, такой шаг мог бы совершить настоящую революцию. Или, если хотите, — контрреволюцию, потому что мы обеспечили бы понятную жизненную перспективу для десятков миллионов людей. И в эту перспективу явно не входят какие-либо социальные катаклизмы с их неизбежными прелестями вроде передела собственности, девальвации, дефолта и пр. По нашему глубокому убеждению, только наличие своего дома у большинства населения станет залогом социальной стабильности.

Совершенно очевидно, что, несмотря на принятый в прошлом году пакет законов по жилищной реформе и некоторые подвижки в развитии ипотеки, решение проблемы доступного жилья в России буксует. Если сравнивать жилищное строительство с застрявшей телегой, то для спасения ее надо сначала высушить яму, то есть обеспечить нормальный конкурентный строительный рынок с ответственными игроками. Затем — найти пригодную лошадь, что, на наш взгляд, означает приоритет малоэтажного домостроения в развитии отрасли. А уж затем (что также немаловажно) — правильно запрячь эту лошадь, то есть грамотно проводить государственную политику в сфере ипотечного кредитования, используя в том числе и сверхплановые доходы страны, образующиеся вследствие благоприятной конъюнктуры на мировых рынках энергоресурсов.

Что нам стоит дом построить?

11 августа мы выступили в “Известиях” со статьей “Малоэтажная Россия как архимедова точка опоры”, в которой изложили свое видение решения одной из самых острых социальных проблем страны — обеспечения населения доступным жильем.

По нашему убеждению, которое мы попытались аргументировать как с экономической, так и с социально-психологической точки зрения, наиболее перспективным направлением жилищного строительства для России является именно индивидуальное жилье. Малоэтажное домостроение, которое, в отличие от панельных многоэтажек или монолитных небоскребов, не требует значительных временных и колоссальных финансовых затрат на создание необходимой инженерной инфраструктуры и может быть поставлено на поток в кратчайшие временные сроки, как раз и является той самой “архимедовой точкой опоры” — проектом, могущим оживить нашу экономику и обеспечить гражданам комфортные условия жизни.

После выхода статьи мы обобщили накопленный опыт и представили свои предложения в виде программы всем, кого они могли бы заинтересовать. Честно признаемся, не ожидали

такого шквала заинтересованных откликов, который за этим последовал. Кажется, идея “Малоэтажной России” действительно увлекла многих представителей нашей политической элиты и простых граждан — во всяком случае, тех, кто понимает или пытается понять, о чем мы говорим.

За прошедшие с тех пор два месяца на фронтах борьбы за улучшение жилищных условий произошло немало интересных событий. Сначала президент в своем нашумевшем выступлении на расширенном заседании правительства включил доступное жилье в число приоритетных национальных проектов, которые будут реализовываться под его личным контролем. 15 сентября президиум генсовета “Единой России” принял решение, в котором реализация этого проекта провозглашается одной из основных задач главной российской партии. Наконец, на заседании правительства 20 октября министр регионального развития Владимир Яковлев обрисовал общие контуры реализации намечаемого проекта.

В общем, можно сказать, что дело сдвинулось с мертвой точки. Правда, пока все это движение заключается в речах и шуршании бумаги по залам заседаний правительственных кабинетов. До “земли”, на которой должно возводиться искомое жилье, эти подвижки еще не дошли. Там, за исключением ряда регионов-пионеров (вроде Ленинградской и Ростовской областей, Чувашии и ряда других), все пока по-прежнему: мощностей не хватает, площадок и сетей нет, цены растут как на дрожжах, а о доступности жилья можно только мечтать.

Между тем существует вполне практический опыт реализации тех идей, о которых мы рассказали в августе. И, прежде чем принимать стратегические решения на государственном уровне, неплохо было бы этот опыт учесть.

“Как славно мы все начинали...”

В ноябре 2004 г. при научной поддержке Национального инвестиционного совета было создано ОАО “Национальная жилищная корпорация”, главной задачей которой являлась реализация инвестиционных проектов и программ, имеющих своей целью создание доступных условий приобретения строящихся объектов и создание комфортных условий жизни для граждан со средним уровнем доходов. Это должно было обеспечиваться как за счет снижения стоимости строящихся объектов, так и через

формирование финансовых механизмов, обеспечивающих возможность кредитования граждан со средним уровнем доходов.

НЖК с самого начала ориентировалась именно на строительство малоэтажных поселков, состоящих из деревянных домов, строительство которых осуществляется с использованием каркасных и объемно-модульных технологий. Это те самые технологии, которые уже десятки лет позволяют эффективно решать жилищные проблемы населению Северной Европы и Канады — то есть тех стран, чьи природно-климатические условия сходны с нашими.

В России до сих пор такие технологии в строительстве практически не применялись, поэтому в первую очередь НЖК вместе с партнерами начали решать проблему формирования соответствующей промышленной базы. Предприятия по изготовлению стройматериалов для малоэтажного домостроения могут быть построены практически “с нуля” в сжатые сроки и достаточно быстро окупятся. В Северной Ирландии, например, функционирует завод с мощностью 10 тыс. домов в год, что, исходя из средней площади дома в 200 кв.м, составляет... свыше 7% всего жилья, ежегодно вводимого в эксплуатацию в России (около 30 млн кв.м)!

Опыт нашей работы, абсолютно подтверждающий мировую практику, показывает, что использование современных технологий малоэтажного строительства действительно обеспечивает решение поставленной задачи, что обуславливается следующими факторами: во-первых, строительная себестоимость при малоэтажном строительстве (то есть не учитывающая затраты на приобретение прав на использование земельных участков для строительства, подключение к внешним инженерным сетям и т.д.) при разумной рентабельности подрядных организаций действительно составляет 250–300 долл. за кв.м. Как пишут в американских учебниках для университетов: “Строительство домов с приусадебным участком, деревянным каркасом и парковкой на поверхности земли обходится более чем в два раза дешевле, нежели строительство многоэтажных жилых домов с лифтами, стальным или бетонным каркасом и многоэтажным гаражом” (Peiser, Frej. Professional Real Estate Development, Washington D.C. 2003).

Во-вторых, затраты на подготовку правоустанавливающих документов на строительство, обустройство внутренних инженерных сетей и благоустройство территории (при этом под

“благоустройством” понимается создание по-настоящему комфортной среды загородного проживания) составляют от 70 до 100 долл. за кв.м жилплощади. Таким образом, использование современных технологий малоэтажного строительства обеспечивает создание условий, при которых строительная себестоимость составляет от 320 до 400 долларов за кв.м.

При формировании цены НЖК исходила из того, что приемлемые показатели стоимости жилья для граждан в любом случае должны быть на 10–20% ниже, чем коммерческие цены в конкретном регионе. Исходя из этого, корпорация уже начала масштабное строительство в целом ряде территорий. За неполный год компании удалось развернуть строительство поселков в Московской и Ростовской областях, полным ходом ведется подготовка проектов в Волгограде, Казани, Ярославле, Краснодарском крае, а также новых проектов в Московской области. Финансовый потенциал НЖК мог бы обеспечить реализацию гораздо большего количества проектов, но, как всегда бывает в таких случаях, не обошлось без осложнений. Нельзя сказать, что в НЖК о них не думали (все же в России живем и, чертя планы на бумаге, про овраги не забываем), но большое плавание, в которое пустилась эта корпорация, позволило ясно разглядеть все подводные камни и течения. О них и поговорим.

Ох уж эти овраги!

Можно считать этот факт странным, но основные проблемы, с которыми сталкиваются компании, пытающиеся работать по программам строительства малоэтажного доступного жилья (то есть вроде как государственным программам), начинаются как раз при их взаимодействии с государством. Именно решение организационно-правовых вопросов, связанных с оформлением земельных участков под строительство, и является главным фактором увеличения конечной стоимости жилья.

Большинство земельных участков, пригодных для строительства, находится либо в частной собственности, либо является землями сельскохозяйственного назначения. Помимо затрат на выкуп этих земель их использование требует изменения категории, что обуславливает значительные финансовые затраты, которые только “официально” составляют не менее 200 долларов за сотку. Но главное в том, что указанные оформления требуют значительных неофициальных выплат, а главное — вре-

менных затрат, которые влияют на саму целесообразность отдельных проектов.

Еще один тип земель, которые выделяются под застройку, — муниципальные. Вступившие в силу с 1.10.2005 г. поправки в Жилищный кодекс Российской Федерации, которые (вот уж совсем странно) входят в так называемый пакет законов по программе “Доступное жилье”, регламентируют порядок предоставления земельных участков под строительство исключительно через проведение аукционов. Это ставит под большой вопрос реализуемость программы доступного жилья с использованием муниципальных (читай — государственных) земель, что обусловлено следующими причинами: во-первых, подготовка документов, необходимых для проведения аукционов, требует затрат, на которые местные бюджеты средств сегодня не имеют. В свою очередь, инвесторы, заинтересованные в использовании земель, также не могут финансировать производство данных работ, так как не имеют гарантий получения прав на использование участков под строительство (ведь именно эти права после подготовки документов и будут реализовываться через аукцион). Во-вторых, существующий порядок проведения аукционов фактически узаконивает порядок предоставления земельных участков, при котором цена приобретения участка определяется коммерческой стоимостью жилья для данной территории, что входит в прямое противоречие с самой идеей доступности.

Таким образом, существующий порядок предоставления земельных участков под строительство приводит к значительному удорожанию стоимости жилья для потребителя. Среднее удорожание, определяемое представленными факторами, составляет не менее 300–500 долл. на кв.м, то есть вдвое превышает себестоимость самой постройки. Это, по сути, возвращает жилье обратно из доступной в стандартную, коммерческую ценовую нишу.

Дополнительные обременения, влияющие на стоимость индивидуального жилья, связаны с подключением региональных сетей инженерного обеспечения (электроэнергия, газ, водопровод, канализация, телефон и пр.). Сегодня подобные затраты составляют в среднем от 50 до 200 долларов на кв.м полезной площади (так называемые технические условия).

При кажущейся обоснованности указанных затрат они фактически являются “дополнительной премией”, взимаемой по-

ставщиками услуг (РАО ЕЭС, “Газпром”, водоканалы, теплосети и пр.). Не очень понятно, почему потребитель, приобретающий жилье в рамках государственной программы, должен предварительно оплачивать саму возможность потребления коммунальных услуг, если в тарифы на эти услуги будут включены и их стоимость, и средства на содержание и развитие необходимой инфраструктуры.

Как сказку сделать былью?

Главное, в чем мы смогли убедиться на практике, — для реализации национального проекта “Доступное и комфортное жилье — гражданам России” всем субъектам этого проекта должны быть созданы особые условия, отличные от тех, что существуют на рынке коммерческого жилья. Нельзя ставить на одну доску застройщика, возводящего экономичные дома для людей со средним и низким уровнем доходов, и компании, ориентированные на строительство “элитного” жилья для клиентов, способных выложить от 3 до 10 (и далее до бесконечности) тысяч долларов за кв.м.

Такой подход может быть реализован только в условиях действительно государственно-частного партнерства (конечно, жаль, что, пожалуй, лучшее в современной России частно-государственное партнерство в другой важнейшей отрасли, авиационной, — компания “Ильюшин Финанс” — сейчас переживает не лучшие времена по вине безответственных чиновников... Но это не отменяет самого принципа). Партнерство в данном случае означает, что государство в качестве вклада берет на себя решение организационно-правовых проблем: выделение и оформление (причем в приемлемые сроки) земли, создание инженерной инфраструктуры и т.п. А частные компании непосредственно осуществляют застройку и реализуют жилье по приемлемым для населения ценам и на согласованных с государством условиях.

Для реализации проекта в каждом регионе должны быть разработаны свои программы перспективной застройки, определены наиболее оптимальные места для строительства. В качестве приоритета надо ориентироваться на создание малоэтажных поселков с полной инфраструктурой для постоянного проживания граждан — своего рода имущественные комплексы. Региональные программы должны включать в себя все заинтересо-

ванные стороны и хозяйствующие субъекты: региональные администрации, банки, негосударственные пенсионные фонды, страховые и лизинговые компании, паевые и финансовые фонды, строительные и производственные предприятия, а также (самое главное) граждан, чьи финансовые и трудовые ресурсы как раз и являются конечным источником финансирования.

Привлечение исполнителей-застройщиков, то есть бизнес-структур, должно производиться на конкурсной основе, где критерием победы является доступность цены жилья. Так как застройщик провозглашает в качестве своей цели реализацию жилья на доступных условиях для граждан своей страны, его рентабельность в любом случае не должна превышать 20%. Следить за тем, чтобы эти нормы не нарушались, должен партнер частного бизнеса — государство. То есть мы специально подчеркиваем, что не возражаем против разумного регулирования продажной цены.

Конечно, одна из самых болезненных проблем в реализации программ доступности — это создание условий, обеспечивающих доступные для большинства граждан условия кредитования с целью приобретения жилья, то есть ипотека. К сожалению, значительные организационные усилия и финансовые затраты, осуществленные государством в последнее время для оживления ипотеки, не привели пока к серьезному результату в виде увеличения объемов жилищного кредитования (исключением является успешная, хотя и маломасштабная пока деятельность АИЖК). В этой ситуации, пока не поздно, следует внимательно отнестись к правильности оценки причин неприживаемости ипотеки к российским реалиям. А она кажется просто удивительной, если учесть колоссальный отложенный спрос населения на приобретение жилья на доступных условиях, который, по разным оценкам, составляет от 1,5 до 3 млрд кв.м.

Опыт НЖК по формированию финансовых механизмов доступности показывает, что основной причиной, ограничивающей использование ипотечных механизмов, является реализация модели ипотеки, делающей невозможным кредитование граждан со средним уровнем доходов, — коммерческая модель ипотеки. Она предусматривает получение финансовыми институтами дохода не от расширения объемов финансирования программ строительства, а от быстрого оборота денежных средств. Который, в свою очередь, достигается за счет кредитования с

использованием западных нормативов кредитования и последующего рефинансирования этих кредитов за счет средств западных финансовых институтов. В этом нет ничего дурного с точки зрения бизнеса. Однако такой подход становится абсолютно неприемлемым в случае, когда речь идет о реализации государственной программы в интересах граждан и в интересах развития государства.

В целях успешного развития ипотечных программ процентная ставка по ипотечным кредитам должна быть снижена. Для снижения ставки следует предусмотреть формирование источников ее частичного рефинансирования. Источником может быть часть дохода от деятельности имущественных комплексов (в том числе в форме объектов коммерческой недвижимости), а также бюджетные и внебюджетные средства, выделяемые в рамках национального проекта.

В бюджете 2006 г. предусмотрено выделение средств на субсидирование части процентной ставки по выдаваемым кредитам. Говоря о бюджетных средствах как источнике рефинансирования (субсидирования) части процентной ставки, принципиально важно отметить следующее. Особенностью строительной отрасли является значительная налоговая нагрузка, которая составляет до 35% от общего объема реализации. Однако отрасль непосредственно влияет на увеличение производства в смежных отраслях (ЖКХ, строительство дорог, производство мебели, товаров народного потребления и т.д.), которое может давать прирост от 200 до 300% от объема строительства. В этой ситуации успешная реализация национального проекта обеспечит значительное и опережающее финансирование тех бюджетных затрат, которые потребуются понести для субсидирования части процентной ставки по кредитам гражданам.

Жилищная проблема — настолько масштабная и сложносочиненная, что ее решение не может быть делом одних только чиновников. Для реализации национального проекта “Доступное и комфортное жилье — гражданам России” необходимо создать координирующий орган при президенте — Общественный совет, наделив его полномочиями по разработке программ и возложив ответственность за их воплощение. Слово “общественный” подразумевает, что в его составе должны быть в пер-

вую очередь не чиновники, а представители законодательной власти, предпринимательских структур, научных учреждений.

Совет должен обеспечить взаимодействие федеральных органов государственной власти и управления, властей субъектов федерации, органов местного самоуправления, представителей бизнес-структур с целью формирования и последующей реализации проекта как общенациональной программы. Он должен осуществлять контроль за эффективностью деятельности чиновников, связанных с практической реализацией национального проекта, следить за эффективностью использования бюджетных и внебюджетных средств, направляемых на его цели. Надо четко понимать, что строительная отрасль относится к системообразующим компонентам российской экономики. В 2004 г. на строительство приходилось порядка 8,2% ВВП, в отрасли работает 7,9% трудоспособного населения. Доля строительного комплекса в региональном валовом продукте составляет от 3 до 15%. Таким образом, при оценке влияния результатов реализации национального проекта на общие экономические показатели развития государства можно смело утверждать, что увеличение промышленного производства в строительной отрасли приведет к увеличению валового производства как минимум в 2 раза за несколько лет.

Если обратиться к сухой цифире, то в том случае, если реализация национального проекта обеспечит прирост объемов жилищного строительства хотя бы на 10 млн кв.м в год, увеличение валового внутреннего производства и доходов бюджета составит не менее 400 и 210 млрд руб. соответственно, что применительно к нынешнему, 2005 г. могло бы составить 2,1 и 6,3% соответственно.

Таким образом, возможность успешной реализации проекта определяется исключительно готовностью и желанием государства произвести учет ее результатов. Мы в Национальном инвестиционном совете давно ведем разработку всех программ по доступному жилью. У нас есть не только то, что необходимо сделать на федеральном уровне, — специалисты давно создали типовые региональные программы, рассчитали формулы и схемы финансирования массового строительства малоэтажных комплексов. Мы не претендуем на какой-то копирайт или исключительное авторское право. Всего-то и надо — взять это и просто начать работать.

Жилищно-коммунальный шантаж

Мог ли подумать знаменитый английский политэконом Адам Смит, что спустя 200 лет после смерти, в 90-е годы XX в., его фраза “государство — плохой хозяин” станет необыкновенно популярной в России? А затем, в 2003—2005 гг., в Кремле опять возобладает концепция государственного патернализма вплоть до выкупа за 13 млрд долларов у частного сектора на сомнительных основаниях нефтяных компаний? И хотя чиновники не станут ходить в гострестораны, покупать произведенную в госсекторе одежду или машины, они вдруг вообразят себя лучшими собственниками, например, в авиастроении.

Не скрою, что я сторонник частнокапиталистического способа производства. Но во всем хорошо чувство меры и здравый смысл. Мне непонятно, почему вместо того, чтобы развивать сотрудничество с частным бизнесом в тех сферах, где это жизненно необходимо (например, в авиапроме), у правительства все время чешутся руки отдать на откуп “частнику” те отрасли, которые сегодня к этому абсолютно не готовы — например, ЖКХ.

Иногда задаешься вопросом: а в странах, на которые мы смотрим, задрал голову, и бежим, задрал штаны, не знакомы с трудами великого англичанина? Конечно, знакомы. Но там помнят и другое, более древнее изречение *omne nimum nocet* (все излишнее вредно, или все хорошо в меру), в России очевидно неизвестное. Поэтому во Франции и в Италии в руках государства снабжение электричеством и газом, в Британии — телевидение, в Швейцарии — железные дороги. Что касается жилищно-коммунальных предприятий, то они повсеместно находятся в руках муниципалитетов.

Неуместная мода

Российское правительство говорит о хроническом недофинансировании отрасли. А единственное якобы спасение — отказ от государственного контроля над ЖКХ и приватизация в этой сфере. В России уже были тотальные коллективизации, кукурузации, индустриализации и прочие “-зации”. Итог известен. Ничего нельзя в государственной машине менять тотально. История доказала, что революции для общества страшнее эволюций.

Сегодня преобладающей стала теория о том, что надо все передать в частные руки — и деньги потекут рекой. Что вместе с приватизацией в ЖКХ хлынут инвестиции. Это системная ошибка. А может статься — сознательное подталкивание страны к социальной катастрофе. Средств, оплачиваемых населением за услуги ЖКХ, а также выделяемых государством и субъектами федерации, вполне хватает на содержание жилищно-коммунальной сферы в надлежащем порядке. Более того, тарифы на услуги завышены как минимум на 25–30%. Предприятия ЖКХ имеют скрытую прибыль более 20%, хотя многие из них убыточны по официальным балансам.

К примеру, только за 2004 г. по предприятиям ЖКХ Ставропольского края отвлечение средств по результатам проверки КРУ Министерства финансов Ставропольского края составило около 400 млн рублей (10% от объема реализации услуг предприятиями ЖКХ). Недавняя история в Туле показала, что людей обсчитывали на сотни миллионов рублей. Ситуация с поставкой топлива на Камчатке — еще один из множества примеров, и не самый показательный.

В России среднее потребление воды: 82 л в сутки на человека при нормативном потреблении в 250 л в сутки. Для Москвы эти цифры еще красноречивее: 82 л в сутки — реальное потребление, 384 л — оплачиваемая норма, в Туле — 108 и 240 л, в Самаре — 125 и 325 л, в Санкт-Петербурге — 95 и 300 литров. Независимые исследования показали, что реальное потребление воды в домах и квартирах намного — от 1,5 до 7 раз — меньше, чем установлено нормативами. Таким образом, мы видим, что переплачиваем за воду не менее чем вдвое, то есть водоканалы работают с рентабельностью более 100%. Плюс к этому предприятия водоканала дотируются из бюджета. Такая же картина в электрообеспечении, теплоснабжении.

Так какие еще инвестиции нужны сектору, который работает с такой рентабельностью? Да никаких. На самом деле получается, что большая часть средств бюджетов и населения, перечисляемых ЖКХ в виде оплаты за услуги, банально разворовывается.

Мы много общаемся с региональными руководителями разного уровня, и все без исключения говорят о размахе воровства в ЖКХ. Естественно, что при таких нелегальных прибылях воровство в коммунальной сфере неискоренимо.

Частные монополии хуже государственных

Коррупция в ЖКХ представляется еще более страшной, если учесть, что вся эта сфера является наиболее монополизированным сектором экономики. Реального рынка услуг здесь нет, и пока не видим ничего, что предвещало бы его появление. Финансируемые из бюджета ГУПы, которые должны сами проводить работы, нанимают в качестве подрядчиков аффилированные фирмы, которые завышают стоимость на 35–40%, а материалы и комплектующие приобретают по ценам в 1,5–2 раза дороже рыночных.

На протяжении последних нескольких лет мы были свидетелями настоящих коммунальных катастроф в целом ряде российских регионов. Это и город Судогда во Владимирской области, и Тула, и наиболее вопиющий пример — замерзшая Корякия. Мы наблюдаем постоянное (и ускоряющееся) ухудшение ситуации, что в конечном итоге создает угрозу жизни миллионов людей.

И хотя денег в ЖКХ, как мы уже выяснили, предостаточно, из года в год мы наблюдаем рост тарифов. В Москве, где из бюджета выделяется 72 млрд рублей, с 2001 г. тарифы выросли в 2,5–3 раза! Еще в июне эксперты утверждали, что этой осенью население столкнется с новым витком повышения тарифов, а зимой и весной, основательно намерзшись, начнет массовые акции. Приватизация же предприятий ЖКХ в том виде, как она планируется, обязательно приведет к резкому обострению социальной ситуации, так как поставщики услуг получают право самостоятельно устанавливать тарифы. Как это произойдет на практике — нетрудно представить.

Сначала поставщики услуг под предлогом необходимости проведения ремонтно-восстановительных работ и замены изношенного оборудования повысят тарифы еще в несколько раз. Всем понятно, что население ни финансово, ни психологически не готово оплачивать такие счета. Более того, у меня создается впечатление, что такой реформой население сознательно подталкивают к массовым выступлениям. Поэтому, когда население откажется платить, жилищно-коммунальные фирмы начнут шантажировать неминуемым социальным взрывом все уровни власти, требуя субсидий на удовлетворение своих аппетитов. В результате правительству надо будет либо заплатить нуворишам из жилищно-коммунальных фирм миллиарды долларов из Стабфонда (и таким образом похоронить мечты о 10-про-

центной инфляции), либо подавлять коммунальные бунты, жертвуя доверием и стабильностью.

Пресечь воровство

Я убежден, что реформировать комплекс ЖКХ в масштабах всей страны, опираясь только на частный бизнес, сейчас невозможно. Никакие коммерческие структуры без участия государства никогда не станут инвестировать в такие дорогостоящие системы, как отопление или водопровод. Прибыль или возврат средств с этих инвестиций можно получить только при поддержке и участии государства.

Речь о серьезных инвестициях может идти только в том случае, когда инвестор имеет дело с серьезным и прозрачным бизнесом. Если государство, которое сегодня владеет предприятиями ЖКХ, наведет в отрасли элементарный порядок, сократит воровство хотя бы процентов на пятьдесят, то получаем исходные 15–18% средств от оборота предприятий, которые им нужны в качестве инвестиций для реконструкции комплекса. Затем надо будет монополизировать рынок жилищно-коммунальных услуг. И только тогда можно будет говорить о поэтапном привлечении частного бизнеса, используя в том числе и механизмы приватизации.

Сегодня же я не вижу иного выхода, кроме как наложить мораторий на приватизацию в ЖКХ — до наведения там элементарного порядка.

Малоэтажная Россия: жизнь на земле

На прошлой неделе случилось то, что позволяет взглянуть с оптимизмом на перспективы нашего национального бытия. На заседании генсовета партии “Единая Россия” ее лидер Борис Грызлов впервые со столь высокой трибуны поставил задачу, решение которой ломает сложившийся жизненный уклад, — изменить модель расселения в направлении “из городов в пригороды”. В то же время первый вице-премьер Дмитрий Медведев, курирующий нацпроекты, поднял тему малоэтажного строи-

тельства на совещании у президента, подняв планку дискуссии на самый высший уровень власти.

Все это говорит о безоговорочной победе здравого смысла. Еще в прошлом году, когда президент сформулировал приоритетные проекты в социальной сфере, стало очевидно, что решение проблемы доступного жилья невозможно силами сложившейся в советские времена стройиндустрии. И что панельные многоэтажки, модный ныне монолит и милые сердцу столичных властей небоскребы не являются панацеей. Ибо, даже если восстановить доперестроечные мощности железобетонных комбинатов, мы сможем в лучшем случае с грехом пополам выйти на те самые, заложенные в качестве плана к 2010 г., 80 млн кв.м в год. Что с точки зрения упомянутого здравого смысла совершенно недостаточно.

Я вполне допускаю, что для тех, кто считает большим достижением нынешние 40 млн, эта цифра— предел мечтаний. На самом деле такой объем просто смехотворен. При таких темпах, если учесть потребности населения в новом жилье и подлежащий замене ветхий фонд, на удовлетворение элементарного спроса россиян уйдет не менее 100 лет! Назвать такие планы правительства “амбициозными” у нормального человека язык не повернется. Чтобы решить эту экзистенциальную проблему в течение жизни одного поколения, необходимо строить порядка 250 млн кв.м в год.

Но для этого необходимы совершенно иные технологии строительства. Здесь не надо изобретать никакой велосипед. Такие технологии существуют уже десятки лет и являются доминирующими в так называемом цивилизованном мире. Речь— о каркасно-модульных малоэтажных индивидуальных домах из деревянных конструкций и ориентированной древесной плиты.

Дело не только в том, что такие экологичные дома в наилучшей степени отвечают быстрому решению жилищной проблемы. Таким образом меняется и тип расселения, и жизненный уклад. Ведь клетушка в панельной девятиэтажке, когда-то казавшаяся для нас символом светлого будущего, не отвечает современным представлениям о достойном жилище. Жизнь в бетонном улье, где человек является рабом коммунальщиков, да и сам термин “домашний очаг” звучит анекдотично (не говоря уж о “доме-крепости”), выглядит жалким существованием по сравнению с возможностью иметь собственный дом. Поближе к природе и по-

дальше от душных мегаполисов — вот направление движения. На смену депрессивному пейзажу унылых микрорайонов с одними и теми же “улицами Строителей” должны прийти компактные пригородные поселения из комфортабельных коттеджей индивидуальной планировки с приусадебными участками.

Еще пять лет назад Национальный инвестиционный совет сформулировал эту задачу в своей программе “Малоэтажная Россия”. Мы выяснили, что сейчас в нашей стране нет индустрии, которая отвечала бы задачам массового малоэтажного домостроения. Но другой вывод нашего исследования — цеха по производству такого типа домов создаются с нуля при минимальных вложениях. А производительность у них огромная: в Северной Ирландии, например, работает комбинат, ежегодно выпускающий 7000 домов, то есть 1,5 млн кв.м жилья! К тому же сырье для такого производства у нас в избытке (впрочем, вслед за президентом хочется сказать “увы, в избытке”: вместо того чтобы найти древесине должное применение, мы бездарно гоним “кругляк” на экспорт). В свое время Хрущев построил 385 ДСК и в течение очень быстрого времени смог в значительной мере решить “квартирный вопрос”. Сегодня пришла пора решать вопрос “коттеджный”. Грубо говоря, надо построить 1000 цехов мощностью 1000 домов в год каждый. Это даст 200 млн кв.м жилья, то есть увеличение объемов строительства в шесть раз. Строительный бум потянет за собой смежные отрасли: производство отделочных материалов, телекоммуникации, дорожное строительство и т.п., что даст мощный толчок всей экономике.

За два года мы построили несколько экспериментальных поселков и экспериментальным путем выяснили главное: двухэтажный дом, который собирается на месте за 30 часов, может продаваться по \$350 за квадратный метр и производство будет вполне рентабельно. При нормально организованной ипотеке условия будут доступны для семей со средними доходами. Мы готовы построить по стране 100 таких заводов, и если найдется еще хотя бы десять таких инвесторов, то можно будет выйти на необходимый объем строительства. То есть бизнесу вполне по силам решить жилищную проблему. Главное, чтобы ему не мешали, а еще лучше — немного помогли. Но тут-то и начинаются пресловутые овраги.

Когда Владимир Путин и Дмитрий Медведев пытаются разобрататься с жульничеством вокруг участков под застройку, они

четко указывают на главное препятствие реализации программы доступного жилья. В условиях, когда большую часть стоимости дома составляет цена, заплаченная застройщиком за оформление земли, ни о какой доступности не может быть и речи. Для решения этой проблемы есть два пути. Первое — это обязать местные власти в рамках национального проекта выставлять определенное количество земли на конкурс. Второе — предложение Бориса Грызлова переводить неиспользуемые земли сельхозназначения в поселения.

В любом случае без подлинного партнерства государства с частным бизнесом сделать ничего не получится. От государства по большому счету не нужно никаких денег. Даже проблемы инженерной инфраструктуры новых поселений — газ, свет, вода, канализация — можно решить без бюджетных денег (в конце концов, и РАО ЕЭС, и “Газпром” — это коммерческие структуры и сами заинтересованы в развитии своих сетей). Государство должно дать людям возможность строить, то есть дать им землю. Если есть подозрения, что они начнут ею спекулировать, пусть это будет бессрочная аренда с символической ставкой и правом выкупа. Но не должно государство, вроде бы намеренное закрыть “квартирный вопрос”, наживаться за счет граждан, пытающихся это сделать за свой счет.

Брошенный в крестьянской стране лозунг “Земля — крестьянам!” в свое время привел к власти партию большевиков, которая свершила социальную революцию. Одним из следствий этой революции стали индустриализация и урбанизация, опустошившие деревню. Россия устала от революций — даже КПРФ признает, что лимит на социальные эксперименты давно исчерпан. Но если понимать под революцией качественный скачок, прорыв в новую, постиндустриальную эпоху, то он нам жизненно необходим. И одним из знамений этого прорыва должно стать возвращение зажатых железобетонными коробками горожан снова поближе к земле.

ДОРОГАЯ МОЯ СТОЛИЦА

“Акционерное общество “Москва” должно стать открытым”

Модель развития, которую выберет столица, в значительной степени зависит от результатов выборов градоначальника. По данным социологических опросов, из трех претендентов (Александр Лебедев, Николай Лифанов, Герман Стерлигов) шансы составить реальную конкуренцию Юрию Лужкову имеет только глава “НРБ-групп” Александр Лебедев. В интервью “Ко” Александр Лебедев рассказал о своем видении городских проблем и путях их решения.

— Александр Евгеньевич, как вы оцениваете уровень развития экономики Москвы, управляемость городского хозяйства?

— Столица, как и вся Россия, пережила трудные годы кризиса государства и экономики, создания основ демократии и рынка. Наверное, именно в Москве все эти процессы происходили в наиболее жестких формах. Именно здесь наиболее чувствительным оказался разрыв между самыми богатыми и самыми бедными, и пропасть между ними продолжает увеличиваться. Доходы от гигантского достояния корпорации “Москва” получает лишь узкая группа чиновников и бизнесменов, связанная с правящим сегодня в городе политико-экономическим кланом. Финансовые потоки уводятся из городского бюджета в густую тень. Москва получила славу одного из самых дорогих городов мира, ее жители втридорога платят за жилье и еду. Миллиарды долларов по-прежнему закапываются в котлованы сомнительных проектов, а ЖКХ реформируется только за счет кармана москвичей.

На мой взгляд, во всем этом виновата та система бюрократического капитализма, которая в 1990-е годы пустила корни и в России, и в Москве. Вряд ли на обломках советского социализма могло возникнуть что-то принципиально лучшее. Но мы

имеем то, что имеем. За минувшие годы эта система принимала разные формы — от чисто “олигархической” до того, что именуют “управляемой демократией”. Но всегда ее сутью оставалось отсутствие реальной свободы, прав и безопасности граждан, сосредоточение административных и финансовых рычагов в руках одного из политико-экономических кланов. А это делает бесконечным передел собственности, безудержной коррупцию, главенствующими дворцовые интриги, а не интересы дела.

“Московская формула” этих негативных процессов и тенденций — максимальная концентрация финансовых ресурсов в одних руках и минимальная прозрачность их расходования. Именно поэтому у “своих” банковских, производственных и иных структур оказываются все городские заказы и финансовые потоки, более половины перспективных строительных площадок. Именно поэтому жертвами бандитских разборок время от времени становятся и крупные городские чиновники.

Москва — богатый город. Это не только финансовый центр России, это одна из ключевых точек международной торговли, транзитный путь с Востока на Запад, с Севера на Юг. Однако столичная бюрократия, сформировавшаяся за последнее десятилетие, стала тем организмом, который паразитирует на москвичах и не дает городу развиваться дальше. Многие полезные для Москвы и ее населения инициативы просто тонут в ворохе бумажной волокиты и бюрократических проволочек.

— И как изменить эту систему?

— Я считаю полезным срочное проведение административной реформы в столице. Московскую бюрократию необходимо разбавить молодыми инициативными людьми. Полагаю, что стоило бы реанимировать идею о разделении постов мэра и премьер-министра города, рекомендовать новых министров столичного правительства.

Москве сейчас требуется больше политиков, чем хозяйственников. Наша столица — мегаполис, по размерам равный крупному европейскому государству. Естественно, что он живет по своим законам и нуждается в своих политиках. Команда молодых, энергичных, компетентных профессионалов-управленцев сможет сделать экономику Москвы более современной и эффективной. Не только для сегодняшнего, но и для завтрашнего дня.

По темпам реформ столица существенно отстает от федерации в целом. Для многих это вовсе не очевидно. Москва, конечно, постоянно хорошеет, но с таким объемом финансов, который обращается в столице, темпы улучшения могли быть гораздо более высокими. Да и цены не столь заоблачными. Слишком часто Москва хорошеет вопреки, а не благодаря московской бюрократии. Бизнесу в Москве, особенно мелкому и среднему, приходится преодолевать невероятные трудности. Например, в ходе исследования состояния мелкого и среднего бизнеса в столице выяснилось: дабы вести нормальную деятельность, предпринимателям необходимо разнести взятки в сотни организаций. Еще одна проблема — противоречия между московским правительством и федеральными чиновниками по поводу приватизации земли. Чтобы развивать деловые отношения, увеличивать товарооборот в Москве и соответственно добиваться повышения уровня жизни горожан, необходимо разрешить в столице продажу земли под объектами недвижимости. Но вот парадокс: федеральные власти разрешают, а московские чиновники выступают категорически против. Это, конечно, понятно: около 45% недвижимости в городе принадлежит правительству Москвы. Оно получает хорошие деньги за аренду. Однако у этого есть и обратная сторона — бюрократия сохраняет почву для своего обогащения.

— Какие возможности поддержки бизнеса игнорируются или не используются в полной мере городскими властями?

— Скажу лишь, что Москве еще только предстоит превратиться в город, где власть оказывает реальную поддержку и не чинит административных препятствий малому и среднему бизнесу, где проводится сбалансированная налоговая политика, поддерживаются приемлемые ставки аренды для предприятий, работающих для обеспечения первоочередных нужд горожан. Этого пока нет.

— Насколько прозрачна система управления городом?

— Почти непрозрачна или даже непрозрачна совсем. Отсюда и многие беды города. Дороговизна, монотонные застройки, избыток элитного жилья, сомнительного качества памятники и архитектурные сооружения, барахолки на месте спортивных комплексов. (Например, всю территорию Университета физи-

ческой культуры в Северном Измайлове занимает вещевой рынок — это позор; не станем уж подробно говорить о невыносимых условиях существования для жителей близлежащих домов.) Все насущные вопросы городской жизни решаются ограниченным числом лиц за закрытыми дверями, без информирования москвичей и без учета их мнения.

— Насколько эффективно управляются основные сферы городского хозяйства, в частности доходы и расходы бюджета?

— Мое мнение состоит в том, что Москве пора отказаться от ненужных затрат — собственного телевидения и газет, от автопарка, от убыточной собственности в промышленности, от строительства на деньги налогоплательщиков новых объектов за пределами города, от лишних чиновников. Тогда город заработает не \$10 млрд, а \$20 млрд — \$30 млрд (как Нью-Йорк и Лондон) и правильно их потратит. Москве нужны не 150000 милиционеров, а 50000, но при этом высокооплачиваемых, и тогда преступность снизится. И не \$3 млрд на жилищно-коммунальное хозяйство, а много меньше, но для этого ЖКХ надо реформировать. Зачем нужно массовое строительство пресловутого элитного жилья, торгово-развлекательных и игорных заведений? Нужна ли Москве иммиграция в таких размерах? Почему 700 000 москвичей — вечные очередники на жилье? Вот вопросы, которые не были решены за 12 лет.

При этом Москве необходим новый бюджет — вдвое больше старого, за счет доходов от имущества Москвы. Нужно отказаться от всех пустых трат. Отказаться от специальных банков, которые обслуживают бюджет города по высоким тарифам. По моим подсчетам, лишь передав обслуживание бюджета города, скажем, Сбербанку или казначейству Центрального банка, можно при сниженных тарифах сэкономить десятки миллионов долларов. Неплохая прибавка.

— Что вы думаете об управлении собственностью города и муниципальных строительных проектах?

— Москва сегодня — закрытое акционерное общество. Закрытое потому, что городское хозяйство принадлежит “тайному”, неизвестному кругу чиновников, фактически оно ими приватизировано. Когда я пытался найти какие-то данные об имущественном комплексе города, то не нашел их. Если вы по-

смотрите данные по бюджету с интернет-сайта московского правительства, то безнадежно запутаетесь: что там является доходной частью, что расходной? Вы не сможете определить арендные платежи за нежилые помещения, доходы от продажи муниципального жилья. Кстати, оно вообще не должно продаваться, оно должно отдаваться очередникам. Строить должен частный сектор, и тогда проблема будет решена. Причем не одна-две компании, как сейчас, а любая профессиональная строительная фирма, выигравшая честный конкурс. Москва должна создавать конкурентные условия в строительстве. С этим мы столкнулись сами. Наш офис — одно из лучших банковских зданий в Москве. Но цена его строительства — пятилетний кошмар. Поэтому мы строим в Киеве, Крыму, Питере, Воронеже, но только не здесь. И на свои деньги, а не на деньги налогоплательщиков. Попробовали бы мы строить 13 лет “Москва-Сити” — давно разорились бы. Условия для предпринимательства в Москве совершенно неправильные. Вот я и предлагаю закрытое акционерное общество “Москва” превратить в открытое.

Следовало бы каждому жителю прислать по почте акцию открытого акционерного общества “Москва”. Я думаю, что этот реальный имущественный комплекс должен стоить не менее \$50 млрд. Надо только вернуть этот комплекс в корпорацию “Москва”, где москвичи станут акционерами, то есть владельцами доходов. Вот тогда закрытое акционерное общество “Москва” станет открытым с капитализацией на рынке в \$50 млрд, а все москвичи будут совладельцами этой корпорации. Если я воспользуюсь таким приемом, меня обвинят в подкупе избирателей или популизме. Но именно это я обещаю сделать, если выиграю выборы.

Ипотеки в Москве фактически нет. И даже если бы она была, цены на нее просто запредельные. Такого нет в Европе. Как правило, огромные жилые комплексы строятся в местах, где уже есть транспортные проблемы. Люди, покупающие дорогие квартиры, в основном не москвичи, это богатые приезжие. Им, конечно, у нас в городе нравится — не с чем сравнивать. Их представление о памятниках старины соответствует их культуре: казино, джекпот, новодел типа “мы вам новый памятник построим вместо XVI–XVII веков”. У них на квартиру две машины. Утром они вливаются в ближайшую транспортную артерию и закупоривают ее. Почему строят именно в центре города

в независимости от условий транспортной развязки? Потому что так можно больше всего заработать. А что касается благополучия и самочувствия москвичей — это вопрос десятый. Но ведь не функция городских властей — заниматься коммерцией. Вот и нет подземных стоянок: на них не наживешься. Что еще строят? Снесли “Военторг” — исторический памятник — и построят торгово-развлекательный комплекс. Он нам нужен?

Все дело в алгоритме принятия решений. Сначала городская власть должна учитывать интересы горожан. Во всем — от сферы услуг до архитектуры, от ипотеки до экологии. Почему, скажем, “Московский муниципальный банк — Банк Москвы” выдал так мало ипотечных кредитов? В свое время в Израиле была произведена революция, когда ипотечный кредит стал доступен каждому: государство субсидировало процентные ставки. Это и есть формирование среднего класса, когда каждый москвич может иметь возможность взять кредит на квартиру, на создание своего бизнеса. А городские власти не стимулируют развитие малого бизнеса. Поэтому вся сфера услуг висит на городском бюджете. Да и трудно взять в толк, кому же все это принадлежит? Скажем, мне лично непонятно, кому принадлежит инфраструктура “Москва-Сити”, куда, по моим оценкам, зарыто \$2 млрд.

Если же вы частник и строите жилой или офисный дом, но не входите в узкий круг, то документацию вам придется собирать очень долго — это около 350 подписей. Неофициальная “стоимость” такой документации — в среднем около \$3 млн. Или вот еще одно московское нововведение — запрет приватизации земли в черте города. Московские власти не дают права приватизировать землю ни федеральному правительству, ни тем более частному бизнесу. Московские чиновники это делают, чтобы пополнить бюджет города? Напротив, они хотят сохранить аренду, ибо так выгоднее извлекать деньги для реализации целей, далеких от забот о москвичах. Доходы огромные, скрытые, и только они могли бы составить еще один бюджет города. И перечень таких проблем займет не одну страницу убористым шрифтом. Я бы не стал баллотироваться в мэры, если бы исходил лишь из своего недовольства и собственных амбиций. Очень важно побудить людей задуматься: а так ли мы живем? А можно ли жить по-другому? Я уверен, что можно. И готов отстаивать свое мнение.

Я исхожу из того, что деньги и нравственность — вещи совместимые. Но нравственность при этом приоритетна. Я имею в ви-

ду социальную ответственность перед обществом, людьми, рядом с которыми живешь. И считаю, что формула экономики — нравственность, бизнес, деньги. Если твердо придерживаться в практических делах этой категории, то, например, имущественный комплекс Москвы начнет наконец работать на москвичей, а не на узкий круг лиц.

— Как будет выглядеть город через четыре года и десять лет, если система управления не изменится?

— Негативные тенденции усилятся. В градостроительстве увеличится перекос в сторону однообразного элитного жилья, безликие кварталы массовой застройки будут напоминать о начале 60-х годов, когда “пеклись” пятиэтажки, город все больше будет походить на Лас-Вегас, усилятся транспортные проблемы. Пропасть между богатыми и бедными будет расти. Мелкий и средний бизнес, основа экономики любой страны и любого города, окончательно деградирует под спудом бюрократических препон.

— На ваш взгляд, имеет ли смысл Москве делиться столичными функциями с другими городами? Если имеет, то какими именно и в течение какого срока это может произойти?

— Разговоры о переносе части столичных функций в другие города, главным образом в Санкт-Петербург, — типичное порождение чиновничьего воображения. Это то же самое, что и желание правительства Москвы построить в Сити для себя башню. То есть московским чиновникам тесно, они не могут выполнять своих функций в тех зданиях, где сидят сейчас. Им надо обязательно за сотни миллионов долларов построить себе новый дом. Догадайтесь, что ими движет? Что угодно, но только не интересы москвичей. То же самое относится и к переносу столичных функций. Но это уже фантазии не московских, а иных чиновников. Ну представьте себе: вы переводите столичные функции в другой город. Вам надо построить дворцы, офисы, обеспечить чиновников машинами, квартирами, перевезти их к новому месту службы, поставить им телефоны, включая спецсвязь. Это миллиарды долларов, которые вынут из карманов налогоплательщиков, вместо того чтобы улучшить социальное и пенсионное обеспечение, медицинское обслуживание, увеличить зарплату врачам и учителям.

— **Насколько вы разделяете политику городских властей по искусственному ограничению трудовой миграции в город?**

— Что касается трудовой миграции, то, по моему мнению, Москва должна стать поистине открытым городом — открытым для новой, эффективной экономики, для компетентных специалистов, которые смогут внести свой вклад в развитие города и страны, для всех, кто хочет проявить свою инициативу и открыть в Москве собственное дело, для лучших достижений науки и культуры.

Мы можем и обязаны сделать наш город одной из основных столиц Европы.

Мы должны преодолеть и отчуждение Москвы от других регионов России, сделать так, чтобы слово “москвич” не вызывало угрюмого отторжения у жителей российской глубинки. Мы должны сделать все необходимое и возможное, чтобы в повседневной жизни горожан упрочивались ценности русской и многонациональной отечественной культуры, чтобы укреплялись экономические связи столицы с регионами страны, чтобы на московском рынке и в экономике города преобладал российский производитель. Наряду с высокими “европейскими” стандартами жизни в Москве должны утверждаться и стандарты общероссийские: социально приемлемые цены на жилье и товары массового спроса, доступность здравоохранения и качественного образования, стабильный рынок труда, сбалансированная миграционная политика. Это уже есть во многих регионах страны. Так должно быть и в Москве.

— **В последние годы многие предприятия мигрируют из Москвы в Московскую область. Не приведет ли это к стагнации развития города?**

— Вредные для экологии и здоровья москвичей производства, безусловно, нужно выводить за черту города. Не вижу большой беды для экономики Москвы и в выводе за МКАД крупных промышленных предприятий, деятельность которых вне зависимости от их профиля негативно сказывается на окружающей среде и наносит ущерб внешнему облику столицы. Но при этом надо дать зеленый свет мелкому и среднему предпринимательству, содействовать динамичному развитию сферы услуг. Небольшие предприятия легкой промышленности, удовлетворяющие нужды города в одежде, в товарах повседневного спроса, предприятия

сферы быта принесут экономике Москвы больше пользы, чем промышленные гиганты, которые сегодня, по сути дела, ничего не выпускают. В этом случае стагнации в развитии города не будет. К тому же не стоит забывать, что Москва прежде всего крупный деловой и финансовый центр, важнейший транзитный узел. В этом направлении ей и надо развиваться, не только стремясь оставаться самодостаточной, но и производить товары широкого потребления для поставок в другие регионы страны и за рубеж.

Философия Москвы

Есть такое понятие, берущее начало в древности и нередко используемое для обозначения особенностей той или иной местности: *genius loci*. В буквальном переводе — “гений места”. Иными словами — дух города, его суть, духовная сущность.

У каждого города свой *genius loci*. О европейских написано немало, да и не о том сегодня речь. Особая аура у Санкт-Петербурга: “гений места” менялся здесь не единожды. Сначала это было даже не местожительство, а местоблюстительство символов империи, державного чиновничества. И вместе с тем отечественной культуры. Нелегкая судьба ожидала этот город в XX в.: сначала петербургская аристократическая идентичность превратилась в буржуазную и, можно сказать, интеллигентскую — петроградскую. Потом возобладали пролетарский Ленинград, а сотни тысяч бывших петербуржцев и петроградцев физически исчезли. Однако новая идентичность горожан оказалась не менее жизнеспособной и мощной, чем та, дореволюционная. Она ярчайшим образом проявилась в сплоченности блокадного Ленинграда, в стремлении выжить и выстоять. Последующие годы, сопровождавшиеся интенсивной иммиграцией из российской (и не только российской) провинции, превратили Северную столицу в “столичный город с областной судьбой”. 70-е и 80-е годы прошлого века особенно обкорнали и обездвигили “город над вольной Невой”, зажав его в таких идеологических тисках, которые не были свойственны даже официальной столице. А бюджетная скудость 1990-х окончательно выщербил мостовые и привела в запустение жилые кварталы города. Лишь

в последнее время происходит медленное возрождение петербургского “гения места”, что связано, конечно, не только лишь с административными усилиями, но и с восстановлением исторической справедливости.

Свой “гений места”, свой “дух города”, естественно, был и есть у Москвы, у нашей столицы. Вряд ли стоит сегодня возвращаться к аргументам сталинской историографии, обосновывавшим возвеличение и предопределенность имперской роли Москвы. Но не грех и вспомнить, что естественным процессом было собирание российских земель именно вокруг нынешней столицы России. Однако истинным образом столицы стало не имперское величие, а особое для российской культуры отношение к Москве как к сердцу Отечества, когда великие поэты не стеснялись признаваться в сыновней любви к городу: “Москва, Москва! /Люблю тебя, как сын, /Как русский, /Пламенно и нежно”...

Удел не “первой”, а “второй” столицы Москва несла легко: в отличие от суховатого Питера все здесь было естественней и безнатужней. Даже городской фольклор и бытописание, отраженные в очерках Ивана Забелина и Владимира Гиляровского, рисуют образ теплый, родственный, национальный. И если в Санкт-Петербурге именовались “петербуржцами” только лишь представители “чистого сословия”, то в Москве оставались москвичами и оборванцы Сухаревки или Хитрова рынка, и городской голова Алексеев, и купец Павел Третьяков, и основоположники Московского Художественного театра, и навсегда запомнившая свои московские адреса в зарослях рябины Марина Цветаева.

Иная московская идентичность возникла в 20–30-е годы XX в. Это Москва фильмов Григория Александрова: сначала конструктивистская — *a la* иофановский Дом на набережной, а потом — обретшая черты “сталинского ампира” в свежестроенной гостинице “Москва” (ныне поруганной и разрушенной). Само слово “Москва” становилось символом почти что религиозным. Однако город так и не превратился в чисто державный, имперский символ: даже на пике расцвета советской империи он сохранял теплые тона дружелюбия и открытости.

Может быть, именно поэтому в пору оттепели Москве так легко дался переход к пока еще половинчатой, но все-таки вольности 1960-х. В эти годы Москва совершила прыжок в околгород-

ское пространство — появились кварталы домов, которые помогли вытащить сотни тысяч людей из подвалов и коммуналок. А лирическое настроение тех, кто молодой походкой “шагал по Москве”, еще долго определяло пафос шестидесятничества. Конечно, разочарование было неизбежно — и уже спустя десятилетие автор сценария культового фильма Геннадий Шпаликов сказал Садовому кольцу свое окончательное и бесповоротное “прощай”, а другой талантливый москвич Венедикт Ерофеев сел в поезд, следующий безнадежным маршрутом Москва — Петушки... В 1970—1980-е гг. столица начала входить в системный кризис: росли темпы массового жилищного строительства, но все более жестким становилось противоречие между промышленным развитием города и его основным предназначением — быть политическим и деловым центром страны, сохраняя нормальные комфортные условия для миллионов жителей.

Очень непросто определить характер московской идентичности на рубеже 1980—1990-х гг. Москва утрачивала статус столицы Советского Союза — с ее привычной, десятилетиями сохраняемой атрибутикой. А главное, с многолетним центростремительным механизмом всесоюзного Госплана.

Теперь благоговения уже не было. Возникла жесткая реальность: нарастающие потоки беженцев из горячих точек, разваливающаяся промышленность, неспособность разрешить самый насущный вопрос — жилищный. Плюс к тому — общая для всей страны проблема, которая жестко аукалась именно в столице: продовольственный кризис. (Загадка: “Длинное, зеленое, пахнет колбасой”. Ответ: “«Колбасные электрички» в Москву”.)

Шоковой терапией для Москвы стал распад Советского Союза. Бывшая “союзная” столица медленно и трудно превращалась в столицу российскую. Казалось бы, что тут такого? Ну уменьшилось пространство, которым положено владеть... Ну отпала необходимость регулировать экономические процессы где-то в Средней Азии и в Закавказье...

Кстати, был и соблазн своеобразного “автаркизма”: мол, мы, столица, сами по себе, а вы, остальные, как хотите... Однако все же возобладал здравый смысл: Москва без России — не Москва.

Я долго размышлял над ситуацией перехода власти в Москве на рубеже 90-х. Собственно говоря, произошла перемена людей, которые управляли Москвой формально, на людей, которые обрели власть если не реальную (большинство рычагов оставалось

у центральных властей), то по крайней мере близкую к реальной. Другое дело, что эта власть не располагала всем необходимым объемом ресурсов, которые находились сначала в союзном, а потом в федеральном ведении. К тому же революционный ажиотаж начала 90-х отнюдь не способствовал нормальному, в штатном режиме “перехвату рычагов” от одной власти к другой.

Сейчас не время и не место разбираться, какие течения общественно-политической мысли преобладали в тогдашнем Моссовете и какие бури бушевали в политической жизни столицы, да и России в целом. Важно иное: передача рычагов власти от “либерально-идеологического” (здесь важна не смысловая характеристика тогдашнего московского руководства, а именно сущностная, то есть операциональная) к “хозяйственному” — была в высшей мере оправданной. Москва истосковалась по нормальному управляющему. Ведь до этого во главе городского руководства почти два десятилетия стояли бесцветный партийный чиновник Гришин и завхоз Промыслов.

Псевдополитические деятели типа Гавриила Попова не только не умели, но и не могли превратить свой политический капитал, завоеванный в демократической битве перестройки, в капитал менеджерский. Отсюда неслучайной выглядит добровольная отставка Г. Попова в пользу быстро поднимавшегося управленческого таланта Ю. Лужкова.

В чем было неоспоримое преимущество Юрия Михайловича? Да в том, что на фоне политиканствующих “лидеров демократии” он начал практическую работу: взял под контроль повседневное функционирование городского хозяйства, стал выстраивать систему финансирования городского бюджета, для чего применил весь тот набор инструментов, который использовали назначенные или даже избранные губернаторы по всей Руси Великой.

Другое дело, что иных из тех, кто эти инструменты использовал, уж нет, а те, кто этими инструментами злоупотреблял, — уже далече... Но факт остается фактом: Юрию Михайловичу удалось “заморозить” ту схему отношений, которая возникла на ранних стадиях становления молодой российской государственности после распада СССР. И не просто заморозить, но сохранить и использовать ее на протяжении почти полутора десятилетий.

Что это дало городу и что от него отняло? Конечно, дало это известный эффект использования административного ресурса:

все финансовые структуры *urbi et orbi* были “выстроены” под главного городского начальника (точнее, под контролируемые им бизнес-структуры). Это дало и свой экономический эффект: концентрация финансовых ресурсов в рамках одной “территории-корпорации” с помощью “своих” банков, переориентация потоков денег, в том числе налоговых поступлений, в бюджет города, надзор (не без пользы для “надзирающих”) за жилищным и офисным строительством в столице. Но главным следствием оказалось формирование политико-экономического клана, который взял под свой контроль все без исключения проявления экономической активности на данной территории.

Историки, надеюсь, выстроят реальную картину того, как все это происходило, что представит значительный интерес — причем не только академический, но и сугубо практический. Однако нас в данном случае интересует не механизм овладения экономическими ресурсами, а прежде всего политическая эволюция. Точнее, политический феномен так называемой “московской модели”, или “московской философии”, 90-х. В самом деле, в экономике и политике переходного периода, который переживала в эти годы Россия, в регионах страны выкристаллизовались несколько типов управленческого поведения. В каждом случае это были способы восстановления и поддержания управляемости региона в условиях несовершенства и неполноты законодательной базы, административной и кадровой неразберихи, идеологической путаницы. Где-то упор был сделан на реанимацию и консервацию старых советских методов администрирования, где-то занялись не всегда основательным и успешным поощрением институциональных преобразований на базе либерального тренда, где-то просто приватизировали власть, отдав ее под “крышу” криминала.

В Москве все это странным образом смешалось, как когда-то в доме Облонских. Здесь наличествовали и традиционное консервативное начало, и порой довольно эффективное использование новых рыночных механизмов и институтов, и неявное, но осязаемое влияние разного рода теневых структур. Говорю это не в укор московским властям: так или иначе развитие “московской модели” отражало как в зеркале проблемы и достижения российского политико-экономического организма в целом. Но было и отличие, позволившее Москве выделиться из ряда вон и стать своего рода феноменом 90-х. Это, несомнен-

но, субъективный фактор. Именно во второй половине 90-х выстроился имидж Ю.М. Лужкова как “крепкого хозяйственника”, “человека в кепке”, по образу и подобию которого выстраивали свои имиджевые стратегии многие руководители регионов. Понятно, что такой образ противопоставлялся прежде всего легковесной болтовне иных политиков, поднятых первой демократической волной, и, с другой стороны, администраторам старого типа. И те, и другие оказались беспомощными перед новой рыночной реальностью. Московский мэр на тот момент смог преодолеть минусы обеих крайностей. Но здесь же гнездились и антагонистическое противоречие, которое Ю.М. Лужков сам же и сформулировал, пытаясь соединить несоединимое: “работать по-капиталистически, распределять по-социалистически”.

Как говорится, “умри — лучше не скажешь”, чтобы охарактеризовать вполне понятное переходное состояние и общественной мысли, и общественного сознания на рубеже эпох. “Московская философия” 1990-х как раз и состояла в том, чтобы создать иллюзию экономического благополучия как в создании общественного богатства, так и в его распределении. Отсюда — избирательные преференции для “своих” процветающих финансово-экономических структур и “московские” добавки к скудным социальным гарантиям, отсюда — полуавтаркическое существование экономики московского региона (немного шире, чем границы МКАД) и чудовищная концентрация финансовых потоков из нефтегазоносных провинций. Однако образ Благополучия был создан. А заодно — и иллюзия возможности его распространения на всю Россию. Этой иллюзией бредили, надо сказать, многие в 1999 г., накануне выборов, когда ельцинский политический режим испытывал серьезнейший кризис. Иллюзию эту пришлось развеять не вполне легитимными способами. Но по сути все оказалось правильно: “московская модель”, или “московская философия”, в “мэрском” варианте оказалась нежизнеспособной в долгосрочной перспективе и никакая “агрехимия” не помогла бы пересадке ее на отечественную политико-экономическую почву. Отсюда и тревожные тенденции, которые не могут не беспокоить москвичей: город во всевозрастающей степени утрачивает тот органичный *genius loci*, тот “гений места”, который хранил его на протяжении столетий. Меняется городская демография, становится другим дух

города, его язык, его аура. Это непростительные потери. И ситуацию эту надо срочно исправлять.

...Сегодня речь не о несбывшихся федеральных амбициях того или иного руководителя, не о личных перспективах Юрия Михайловича. Разговор о том, что старая “московская модель” уже становится непригодной для нашего мегаполиса, для развития столицы в XXI веке. И дело не в том, что Москве больше не нужны “крепкие хозяйственники”. Просто они необходимы на своих рабочих местах — в управлении ЖКХ, регулировании экономики города, работы транспорта, строительства жилья... да мало ли где еще потребны настоящие профессионалы, знающие свое дело и разбирающиеся в нем. Но выстраивать деятельность всего сложнейшего организма Города надо уже по-иному, на основе современных управленческих технологий. На базе новой “философии Москвы”.

Люди, которые, как говорится, “специально обучены” этому мастерству, уже есть. И они готовы предложить свои решения наболевших городских проблем. Главное — не заикливаться на привычном, уметь оглядеться вокруг и увидеть, что мы можем и умеем жить и работать лучше. Не как вчера и не как сегодня, а как завтра. Надо только присмотреться. И идти на выборы с широко открытыми глазами. И тогда все у нас получится.

“Вернуть Москву москвичам”

В Госдуме прошло первое заседание депутатского объединения “Столица”. О его целях и планах рассказывает создатель группы Александр Лебедев.

— Александр Евгеньевич, зачем нужно какое-то специальное московское объединение?

— Столица — это почти десятая часть граждан России, и от социального самочувствия москвичей во многом зависит стабильность в стране. Мы — 26 депутатов из разных фракций (например, я и Юрий Родионов — из “Единой России”, Николай Леонов — из “Родины”, Иван Мельников — из КПРФ, незави-

симые депутаты Михаил Задорнов и Галина Хованская) решили сообщать отстаивать интересы столицы в процессе законодательства, в том числе при рассмотрении бюджета. Наметили городские проблемы, которые намерены решать в контакте с общественностью Москвы. Для этого в ближайшее время будет создана сеть приемных для населения.

— **И с чем намереваетесь бороться?**

— Начать стоит с жилищно-коммунального хозяйства. С начала года тарифы на коммунальные услуги выросли на 35–40%. Даже за самую маленькую однокомнатную квартиру в девятиэтажке семье, не имеющей льгот, теперь надо платить 1 тыс. руб. в месяц, и это без учета электроэнергии. Хочу заметить, что три года назад это стоило 250 руб., то есть тарифы выросли в 4 раза! А качество этих услуг осталось прежним.

— **Но руководители коммунального хозяйства все время жалуются на нехватку средств...**

— Это не так. Они получают от москвичей огромные средства. Просто надо использовать их по назначению. Мы должны сделать так, чтобы не москвичи работали на ЖКХ, а ЖКХ отработывало те деньги, которые получает. Тогда и платить можно меньше. Для этого необходимо ввести ответственность коммунальных служб за предоставляемые услуги, а их заказчиком должны выступать жильцы, которые, получая бюджетные субсидии, могли бы сами решать, кому и за что платить. Надо обязать подрядчиков подписать договоры, где четко фиксировать приемлемые для заказчика, то есть населения, тарифы и ответственность за неисполнение обязательств. А то уже сейчас москвичи обнаруживают в почтовых ящиках счета за апрель с непонятно кем и на каком основании установленными расценками.

Приоритет интересов населения должен быть реализован во всех сферах жизни города. Может быть, кому-то приятно, что Москва превращается в нагромождение казино, офисов, пятизвездочных отелей и элитного жилья с квартирами по 5–10 тыс. долл. за квадратный метр, но лично мне это не нравится. Приоритет должен быть отдан развитию жилых районов. Мы должны вернуть Москву москвичам, сделать столицу местом, удобным для жизни.

— А по поводу надоевших транспортных пробок у вас тоже есть идеи?

— Странные предложения вроде одностороннего движения на Садовом кольце вряд ли помогут решить проблему пробок. В европейских мегаполисах как-то нашли способы “разрулить” эти проблемы, хотя трафик там не менее интенсивный, чем у нас. Поэтому я принял решение заказать группе специалистов проект комплексного, а главное — реального решения транспортной проблемы в столице. Что касается общественного транспорта, то надо перестать смотреть на метро, автобусы и троллейбусы как на коммерчески перспективную отрасль и пытаться поддерживать ее на плаву с помощью роста тарифов. Во всем мире муниципальный транспорт убыточен. Надо принять это как данность и начать серьезно вкладывать в его развитие бюджетные деньги, прекрасно отдавая себе отчет, что в качестве отдачи город получит не мифические прибыли транспортных предприятий, а благодарность москвичей.

— Как вы относитесь к наплыву мигрантов из ближнего зарубежья и к изменению этнического состава населения Москвы?

— Мы не должны спокойно наблюдать, как столица обрастает аулами, кишлаками и чайнатаунами. Закон “О правовом статусе иностранных граждан” — по форме довольно жесткий — на самом деле оставил немало лазеек, и его надо менять. Причем комплексно, перекрывая возможности проникновения нелегалов и одновременно ужесточая наказания для тех, кто их покрывает. Но дело не только в прорехах действующего законодательства. По признанию нашей миграционной службы, на территории Москвы постоянно находится более миллиона нелегалов-иностранцев. Наверное, к этому располагает гостеприимная городская власть, но многим загостившимся пора бы и честь знать. Можно долго рассуждать о том, что наведение порядка в этой сфере сопряжено с большими сложностями и требует немалых затрат. Но этим надо, наконец, заняться всерьез. Это как борьба с преступностью — полностью искоренить ее невозможно, но, если ничего не делать, общество погрязнет в войне всех против всех.

— Уровень преступности сам по себе очень тревожит...

— Для наших силовых структур я вижу две основные задачи — обуздание уличной преступности и борьба со взяточничест-

вом. Причем хочу заметить, первая из этих проблем имеет четкую связь с притоком мигрантов, ведь значительное число грабежей, краж, изнасилований совершается приезжими, а многие бандитские группировки созданы по этническому принципу. Что касается коррупции, то без ее пресечения вообще ничего не сдвинется с мертвой точки. Но одними чистками аппарата и показательными процессами проблему не решить. Нужно весь коррупционный механизм ломать самым беспощадным образом. А для этого из контрольных и разрешительных функций у чиновничьего аппарата должны остаться только те, от которых зависит безопасность людей. Например, в сфере оборота лекарств и медицинских услуг.

— А как вы оцениваете ситуацию в сфере здравоохранения?

— За последний год множество частных медицинских центров, цены на услуги в которых изначально были заоблачными, “походя” перевели свои тарифы с долларов на евро, причем цифры “у.е.” в их прейскурантах выросли в полтора раза. Конечно, имеет место определенный ценовой сговор, но это не основная причина. Главное — рынок неконтролируемый. Поэтому люди не могут получить качественную медицинскую помощь. Что же касается государственной системы здравоохранения, у меня такое ощущение, что она сознательно “убивается”. Это тем более несправедливо, что люди исправно платят налоги и отчисления в фонд обязательного медицинского страхования. Я считаю, что расходы на здравоохранение в Москве необходимо увеличить в несколько раз. Только так мы сможем не только обеспечить горожанам должный уровень медицинского обслуживания, но и сбить цены на платные услуги в частном секторе. Зачем человеку платить немалые деньги за УЗИ, анализ крови или консультацию у специалиста, если то же самое можно сделать бесплатно и без очереди?

А действия фармацевтических фирм, задирающих цены на лекарства и наживающихся на страданиях людей, отвратительны. И циничны, если учесть, что основными потребителями препаратов являются люди старшего возраста. Не должно быть так, чтобы человек зарабатывал только на лекарства. Да и этих денег у пенсионеров зачастую не хватает. Поэтому пора разобраться с ценообразованием в московских аптеках. Мне непонятно, почему этого до сих пор не сделано. Ведь на потребительском рынке

можно манипулировать ценами вполне рыночным способом: создать сеть муниципальных аптек, где благодаря субсидиям из бюджета розничные цены будут на порядок ниже. Тогда частные игроки, чтобы не разориться, вынуждены будут их тоже снижать.

— Все перечисленные вами проблемы давно известны, с ними столичная власть пытается бороться. Обо всем об этом вы говорили и тогда, когда участвовали в выборах мэра. Но выборы давно прошли. В чем смысл повторяться?

— Москва — мой родной город. И мне небезразлично то, что с ним происходит. Я имею свое видение городских проблем и знаю, как с ними бороться. Почему бы ко мне не прислушаться?

— Кто должен это сделать?

— В первую очередь — те, кто в настоящее время принимает решения в городе.

— Все, о чем вы говорите, требует значительных бюджетных средств. Где их взять?

— Если грамотно использовать имеющиеся в распоряжении Москвы ресурсы, прежде всего недвижимость, бюджет можно за два года увеличить в два раза. Эти средства можно было бы направить не только на решение проблем городского хозяйства, но и на социальную сферу: поддержку пенсионеров, бюджетников, увеличить детские пособия. Должен заметить, что и нынешний бюджет столицы совсем немаленький — почти 10-я часть бюджета всей России. Только вот расходование этих средств вызывает у меня много вопросов.

Растолкать дорожные тромбы можно за год

— Александр Евгеньевич, глядя на забытые городские магистрали, возникает ощущение полной безысходности. С каждым годом ситуация становится все хуже и хуже. Есть ли свет в конце тоннеля?

— Сейчас я уже могу смело говорить, что выход есть, и он найден группой зарубежных (увы!) профессионалов, которые по нашему заказу несколько месяцев анализировали ситуацию в городе. Поработав на улицах и изучив нормативную базу, они пришли к выводу, что наш транспортный кризис по-своему беспрецедентен — как по объективным параметрам, так и по уровню безответственности со стороны тех, кто отвечает за решение этих проблем. Во всех мировых мегаполисах, кроме Нью-Йорка, зарегистрировано меньше автомобилей, чем в Москве. А по численности населения Москва вообще не имеет себе равных в Европе. В сложившемся балансе земель улицы, площади, дороги занимают менее 9% территории столицы, а для нормального функционирования транспорта необходимо 20–25%. Неудивительно, что при такой плотности наши транспортные артерии оказались поражены тромбозом. Уже сейчас передвигаться по городу можно, только имея огромный запас терпения. А если ситуация будет развиваться и дальше такими же темпами, через несколько лет город просто встанет. Все, паралич.

— Так за чем дело стало? Надо всем оставлять своих “железных коней” и пересаживаться на общественный транспорт?

— А знаете, что будет? Встанет общественный транспорт, потому что зайти в метро или автобус станет невозможно. Уже сегодня в часы пик люди зачастую не могут перейти с одной станции на другую. Хотя доля истины в вашем предложении есть. В перспективе, конечно, это одно из стратегических направлений решения транспортной проблемы Москвы. Во многих крупных городах Европы и мира идут именно по этому пути. Но прежде необходимо создать соответствующую инфраструктуру муниципального транспорта, сделать его действительно комфортным. Например, как это принято во всем мире, создать специальные полосы для автобусов и троллейбусов, они не должны двигаться с легковыми машинами в одном потоке. Кроме того, надо отдавать приоритет не “маршруткам”, а автобусам с большой и очень большой вместимостью.

Согласно действующему Генплану, планируется обеспечить станциями метро все отдаленные районы и пригороды. Но глобальных проблем города это, безусловно, не решит, ибо в основном “тянутся” уже существующие ветки, создавая дополнительную нагрузку на и без того уже перегруженные центральные

станции. На деле это значит, что из точки А в точку Б вы всегда доедете и доедете быстро, но бока в час пик вам намнут весьма немилосердно. Необходима вторая кольцевая линия метро и дополнительные “разводки”. Одновременно следует развивать внеуличные системы общественного транспорта — эстакады для скоростных трамваев или монорельс. Но делать это надо с учетом реального состояния транспортных потоков и действительных городских потребностей. Потому что линию от ВВЦ до “Тимирязевской” стоимостью 5 млрд руб. иначе как “золотым аттракционом” не назовешь.

Здесь мы упираемся в смежную проблему, которую надо решать в любом случае, — проведение парковочной политики. Пока, увы, вместо нее мы видим откровенный бандитизм со стороны так называемых “парковщиков”. Необходимо создать систему “перехватывающих” бесплатных парковок, где можно было бы оставить машину и пересесть на общественный транспорт. Непродуманное расположение или просто отсутствие автомобильных стоянок делает их одной из серьезных причин перегруженности дорог в центре города, снижая пропускную способность на 20%.

За рубежом в крупных городах проблема парковки в условиях жестко очерченных границ улицы решается с помощью многоярусных паркингов. В случае если постройка подземного паркинга технически невозможна, строятся надземные гаражи-стоянки. Например, Мюнхен ими весь застроен.

— По-вашему, разобравшись с общественным транспортом и обеспечив парковки, мы разгрузим трассы и справимся с пробками?

— Сами по себе они не избавят нас от дорожных тромбов. Но это необходимое условие для “разруливания” уличного движения, что само по себе огромная проблема, требующая системного подхода.

— В свое время большие надежды возлагались на Третье транспортное кольцо, которое придумали власти города.

— Ну, во-первых, о нем упоминается еще в Генеральном плане Москвы 1935 г., а формально началом строительства ТТК можно считать 1987 г., когда городские власти отказались от идеи “заасфальтировать” кольцо построенной еще в 1908 г. Малой железной дороги. Тогда, взяв за основу проекты 1935 г., ар-

хитекторы начали подготовку рабочей документации с учетом включения в ТТК уже действующих дорог. А во-вторых, в этой истории у нас получилось прямо по Черномырдину: хотели как лучше, а получилось сами знаете как. Теперь выясняется, что съезды просто геометрически не рассчитаны на большой объем транспорта — образуется так называемое “бутылочное горлышко”. То же самое, кстати, относится и к МКАД. Но дело даже не в этом. Какая-то одна мера, будь то строительство третьего, четвертого или пятого кольца, ситуацию не исправит. Хотя все это, конечно, надо строить. Так же, как и радиальные “дублиеры” для основных шоссе и проспектов, связывающих ныне запертые спальные районы с центром города.

Главное — при решении вопросов планирования развития города все должно рассматриваться в комплексе. У нас ведь зачастую правая рука не знает, что делает левая: раздаются разрешения на массовую застройку, при этом совершенно не учитывается дополнительная нагрузка на транспортные потоки. К сожалению, транспортная стратегия как таковая отсутствует. Генеральный план развития Москвы всего лишь “учитывает” проблему автомобилизации, в то время как это должно быть одним из его исходных положений.

— Что же делать?

— Первым делом надо прекратить наконец “точечную застройку” центра города, просто запретить ее. Здесь и без того сверхплотное размещение зданий, к тому же зачастую представляющих собой исторические и архитектурные памятники.

Строительство в этих условиях современных многоквартирных домов и офисных центров не только перегружает изношенные инженерные сети города и вызывает постоянные аварии с последующим перекрытием движения, но и приводит к перенасыщению центра города личным автотранспортом новых жильцов и арендаторов.

— А что делать с уже существующими трассами?

— Необходимо наладить системную организацию автомобильных потоков в городе и на подходах к нему, создать современные системы управления дорожным движением. Так, в Берлине строительство новых и ремонт старых дорог рассматривается как важное, но отнюдь не самое главное в борьбе с пробками. Все более-

менее важные дороги, тоннели, перекрестки здесь оборудованы специальными детекторами, радарам и телекамерами, которые регистрируют количество и интенсивность движения, сообщая каждые 15 секунд в специальный центр обновленные сведения. Этот центр в режиме реального времени реагирует на возникающие пробки, изменяя работу светофоров, вводя ограничения скорости, а при необходимости высылает полицию или дорожные службы. Нам надо создать нечто подобное. Сделать это можно очень быстро — максимум за год. В едином центре должна аккумулироваться информация о состоянии автомобильных потоков и оттуда же должна оперативно контролироваться не только система светофоров, но и все современные средства регулирования движения, такие, как дистанционно управляемые знаки с переменными символами, информационные табло и так далее.

Для оптимизации автомобильного движения необходимо вплотную заняться непосредственно дорогами. Старые дороги, особенно в центре Москвы, довести до необходимых параметров: где возможно, расширить проезжую часть, сделать “карманы” для общественного транспорта. Кроме того, необходимо исключить пешеходов из схемы организации движения за счет подземных и надземных переходов и строить транспортные развязки, искореняя светофоры как класс.

Это не только облегчит регулирование дорожного движения, но и позволит обеспечить безопасность движения. Ведь большинство ДТП с человеческими жертвами у нас происходит по стандартной схеме: на перекрестке кто-то кого-то “не понял”. Надеюсь, когда-нибудь мы доживем до того времени, когда детям уже не надо будет с пеленок объяснять, на какой свет надо переходить улицу, а рекламные лозунги вроде “Проскочив на красный свет, можно распрощаться с белым” навсегда останутся в прошлом.

Нужно ли нам ГЧСП?

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО председателю партии “Единая Россия” Б.В. Грызлову, членам Высшего совета партии “Единая Россия”, членам Генерального совета партии “Единая Россия”, депутатам Государственной думы — членам партии “Единая Россия”.

Уважаемый Борис Вячеславович! Уважаемые коллеги!

Поводом к этому открытому письму послужили тревожные события в общественно-политической жизни Москвы и в целом — морально-психологическая атмосфера, складывающаяся в столице нашего государства. Москва — это не только один из крупнейших мегаполисов мира, город, в котором живет уже почти каждый десятый гражданин России, и хотя бы раз в жизни побывало большинство ее граждан. Это — не побоюсь показаться высокопарным — сердце нашей Родины, средоточие центров принятия решений как в политической сфере, так и в экономике.

В Москве, как в капле воды, отражаются трудности, которые переживает вся наша страна. Это и всемогущий безжалостный монстр ЖКХ, и низкий уровень жизни тех, чьи доходы зависят от размера социальных выплат или параметров тарифной сетки, и рост цен на все, включая лекарства и товары первой необходимости, и кризисное состояние экологии города. Вопреки бытующему мнению бедность и нищета не являются исключительно “завоеванием” российских регионов и чем-то неведомым для москвичей, их черты можно разглядеть за сытой витриной столичной жизни. Если, конечно, смотреть внимательно.

Но есть ряд проблем, которые не так актуальны для большинства территорий за пределами Московской кольцевой автодороги. Транспортные проблемы города, накапливаясь, уже приближают нас к критической точке, за которой последуют паралич дорожного движения и коллапс общественных систем сообщения. Неконтролируемый наплыв мигрантов, особенно из ближнего зарубежья, нарушает этнический баланс и создает угрозу для безопасности законопослушных граждан. Наконец, чисто московская проблема: жители города оказались несправедливо перед хаотической застройкой. Люди, живущие в своих домах поколениями, оказались в ситуации, когда они могут быть в любой момент выселены на том основании, что этот участок “приглянулся” той или иной строительной фирме. Разрушается исторический облик города, уничтожаются парки и архитектурные ансамбли. Причем возводимое жилье, как правило, не рассчитано на граждан со средним заработком, а стоимость квадратного метра даже в типовой многоэтажке бьет все мировые рекорды.

К сожалению, деятельность городской власти на протяжении последних лет не только не способствует решению этих проблем, но, напротив, усугубляет их и создает новые. Располагая колоссальными финансовыми и материально-техническими ресурсами, правительство Москвы беспомощно плывет по течению, пытаясь бесконечными препирательствами с федеральной властью отвлечь внимание общества от собственной некомпетентности. Не поддающееся никакому разумному объяснению раздувание бюрократического аппарата, коррупция и мздоимство — вот отличительные черты этого стиля управления. Мэр Москвы и его подчиненные считают нормальным делом тратить бюджетные средства города на внешнеполитическую деятельность, на “мониторинг положения соотечественников за рубежом”, на разработку безумных проектов вроде поворота сибирских рек в Среднюю Азию. Их очень беспокоит собственный имидж — на финансирование средств массовой информации, восхваляющих любые прихоти чиновников, в бюджете на 2005 г. заложено 3 млрд 195 млн руб. (для сравнения: в качестве пособий на ребенка этим же бюджетом предусмотрено выплатить 731 млн руб., то есть в 4,5 раза меньше). В одном из таких СМИ недавно мне довелось прочитать письмо “восторженных жителей” Центрального округа столицы, радующихся скорому выселению за МКАД, а также тому, что на месте их дома построят торгово-развлекательный комплекс!

В одном из писем мне мэр Москвы указал на то, что “за все годы” моей работы в Государственной думе “никаких законодательных инициатив в интересах города” мною не вносилось. Оставляю подобное суждение на его совести, тем более что о каких “годах” идет речь, мне непонятно — я приступил к исполнению обязанностей депутата в январе 2004-го (возможно, просто перепутал с кем-то, бывает). Видит Бог, я по мере сил стараюсь помогать родному городу. Речь не только о законотворчестве — вне зависимости от моего статуса, я предпринимал немало попыток вернуть деятельность структур исполнительной власти Москвы к служению интересам города, взывал к разумному началу их представителей. Однако все мои идеи либо отвергались, либо воспроизводились с точностью наоборот, либо, будучи сначала отвергнутыми, затем брались на вооружение, но в процессе реализации извращались до неузнаваемости. Еще в ходе кампании по выборам мэра Москвы в 2003 г. я обращал внимание на не-

прозрачность решений городской власти, говорил о необходимости распределять городские заказы и подряды на конкурсной основе. За эти высказывания я заслужил судебный иск, но вскоре тендеры действительно стали реальностью. Увы, ту практику в этой сфере, которую мы сейчас наблюдаем, нельзя назвать иначе, как профанацией идеи конкурса. Ведь, несмотря на формальную процедуру, победители назначены заранее.

Мне довелось много выступать о проблемах общественного транспорта, о необходимости строительства альтернативных линий “легкого метро”. Городские власти тоже начали работать в этом направлении. Однако, вместо того чтобы разгрузить пассажиропотоки в критических точках, они вложили 5 миллиардов бюджетных средств в создание никому не нужного аттракциона — монорельсовой ветки между Всероссийским выставочным центром и станцией “Тимирязевская”. На эти средства можно было бы организовать несколько десятков линий наземного общественного транспорта в тех районах, где москвичи в них остро нуждаются.

Я говорил о недопустимости “точечной застройки” исторического центра города, о необходимости учитывать интересы жителей при возведении тех или иных объектов. Правительство Москвы и его заместители в районах города по-своему истолковали всплеск недовольства москвичей: выселение коренных жителей из Центрального округа и превращение его в офисную зону началось ударными темпами.

Сразу после аварии в энергосистеме Москвы 25 мая с.г. я направил мэру столицы письмо, в котором обратил его внимание на то, что темпы массовой застройки города не соответствуют имеющейся энергетической инфраструктуре (в том числе находящейся в ведении городских властей), и этот дисбаланс может быть одной из причин как уже случившегося кризиса, так и более масштабных проблем в будущем. В ответ на это я получил гневное послание, в котором мэр сообщил мне, что он открыт “для профессиональной дискуссии на эту тему только со специалистами”, к которым, судя по письму, он меня не относит. Как человеку, который с 2000 по 2003 г. был членом совета директоров РАО ЕЭС, и вообще имеющему самое непосредственное отношение к этой отрасли, мне было странно прочитать такое. Каково же было мое удивление, когда 15 июня я узнал, что на заседании правительства Москвы сам его руководитель признал

все изложенные в моем письме факты и распорядился выделить на обновление электросетевого хозяйства средства из резервного фонда. Спрашивается: кто мешал сделать это раньше?

Еще в мае месяце мы с депутатом Андреем Самошиным разработали проект Закона “О тотализаторах и игорном бизнесе”. Нами двигало беспокойство о психологическом состоянии не только москвичей, но и жителей большинства российских городов, вынужденных терпеть разгул “одноруких бандитов”. Поэтому, чтобы не превращать их в большие и маленькие пародии на Лас-Вегас, мы предложили запретить организацию игорных заведений в городской черте. И были очень обрадованы, когда сразу после внесения нами проекта закона мэр Москвы заявил, что явление, с которым мы боремся, — не что иное, как “полный разврат и моральное уродство”, и он готов поддержать “любое радикальное решение этого вопроса”. Нам, правда, показалось, что такая решительность несколько нелогична, ведь правительство Москвы на протяжении 10 лет приложило немало усилий к повсеместному внедрению игорных сетей (по этому поводу даже принимались специальные постановления, например “О внедрении системы “ДжекПот”).

Однако уже вскоре выяснилось, что под “радикальным решением” городская власть имела в виду нечто иное. Оказывается, московские чиновники просто хотят отобрать контроль над этими заведениями у федерального правительства, ничего по сути не меняя. Председатель Московской городской думы Владимир Платонов в эфире НТВ 16 июня открестился от нашего законопроекта, а первый вице-премьер правительства Москвы Юрий Росляк в интервью журналу “Главбух” 15 июня даже начал строить планы насчет дополнительных доходов от игорного бизнеса в 2006 г. Возникает вопрос: если чиновники решили дополнительно заработать за счет крышевания “полного разврата”, зачем рассуждать о “моральном уродстве”?

Подобным лицемерием пропитана атмосфера отношений московских властей с федеральным правительством. В прошлом году, когда в Государственной думе шли дебаты по 122-му закону, среди отрицательных отзывов на него не было заключения Правительства Москвы. За все время обсуждения мэр столицы ни разу не высказался против его принятия. Однако в январе 2005-го, когда реализация закона столкнулась с серьезными проблемами, он резво побежал впереди паровоза самой ради-

кальной оппозиции. За последние несколько месяцев чего только мы не услышали от одного из руководителей нашей партии о “законе-кентавре” и “большевиках-ленинцах” из Правительства РФ! Этой теме мэр Москвы посвятил изрядную часть своей книги с претенциозным названием “Развитие капитализма в России. 100 лет спустя”, которую его чиновники по разнарядке распихивали по префектурам, ДЭЗам, ГУПам и зависимым от них книжным магазинам. Об этом же он говорил в своей нашумевшей лекции в МГУ, которую организовал наш коллега по партии Виктор Садовничий (я было обратился к Виктору Антоновичу с просьбой предоставить мне также возможность высказать свое мнение в этой аудитории, однако получил отказ).

Таким же образом выстраиваются взаимоотношения городской власти с Федеральным Собранием. Я не уверен, что частые рассуждения мэра по поводу “жирной птицы с одним крылом”, которая “не летает”, способствуют налаживанию конструктивных отношений с Государственной думой, на недостаток понимания со стороны которой так часто сетуют столичные чиновники (хотя, надеюсь, столь глубокие орнитологические познания позволят главе правительства Москвы обратить внимание на Московскую городскую думу, которая заслуживает не менее образных сравнений). Внимая этим сетованиям, а также понимая роль и значение Москвы для нашего государства, мы, депутаты Государственной думы, создали объединение “Столица” — неформальный клуб, в котором мы могли бы обсуждать городские проблемы и находить пути их решения. В эту группу вошли 29 человек — в основном из “Единой России”, а также из других фракций.

Я обратился к мэру Москвы с предложением провести встречу членов “Столицы” с членами правительства Москвы. Ведь каковы бы ни были мои личные разногласия с ним, это не должно вредить контактам депутатов с уполномоченными городскими ведомствами. Я искренне убежден, что такое взаимодействие полностью отвечает интересам города. К сожалению, протянутая рука помощи была отвергнута — мэр счел подобную встречу “нецелесообразной”, а его заместитель Анатолий Петров в газете правительства Москвы “Тверская, 13” вообще назвал создание “Столицы” “провокационной затеей”. Сразу после этого выступления в средствах массовой информации была развернута кампания по дискредитации группы и меня лично. Если учесть,

что большинство этих СМИ, публикующих разного рода пасквилы и транслирующих инсинуации, подконтрольны правительству Москвы (еще раз подчеркну цифру расходов — 3,1 млрд руб. на год), можно сказать, что травля “Столицы” с размахом ведется за счет московских налогоплательщиков, в том числе и за мой счет.

Таким образом, московская власть выродилась в абсолютно глухую к критике и невосприимчивую к реалиям современной жизни секту. При этом, как ни странно, ее адепт позволяет себе периодически призывать нас всех к диалогу. Так, в интервью газете “Московский комсомолец”, опубликованном 6 апреля с.г., отвечая на вопрос о ситуации в “Единой России”, он заявил следующее: “Что касается партии, скажу прямо: я разочарован. Я уже несколько раз выражал нашему лидеру Грызлову протест против отсутствия в партии дискуссий”.

Я полностью поддерживаю это предложение, и хотел бы предложить тему для внутривнутрипартийной и, возможно, более широкой общественной дискуссии, в ходе которой, я уверен, мэр Москвы и член Высшего совета “Единой России” Юрий Михайлович Лужков сможет высказать очень компетентное мнение. 25 апреля с.г., выступая с посланием Федеральному Собранию, Президент Российской Федерации В.В.Путин отметил, что “наше чиновничество еще в значительной степени представляет собой замкнутую и подчас надменную касту, понимающую государственную службу как разновидность бизнеса”. Смысл сказанного Президентом нашел широкий отклик в российском обществе не только из-за традиционно высокого уровня коррупции в органах государственной власти. Дело в том, что никем особо не скрывается и даже широко рекламируется деятельность компаний, которые возглавляются или контролируются на правах собственника близкими родственниками должностных лиц.

Наиболее наглядным примером этой разновидности предпринимательской активности представляет собой ситуация, сложившаяся во взаимоотношениях правительства Москвы с его деловыми партнерами и подрядчиками. Дело в том, что за последние 15 лет одним из крупнейших игроков на столичном строительном рынке является компания “ИНТЕКО”, которую возглавляет жена мэра Москвы Елена Батурина. Хотя Юрий Лужков заявляет, что эта фирма “не выиграла ни одного муниципального тендера по строительству”, он регулярно и собственноручно подписывает распорядительные документы московско-

го правительства, предоставляющие ЗАО “ИНТЕКО” возможность развивать свой бизнес и получать ощутимую прибыль на реализации значимых инвестиционных проектов. Например:

1. Постановлением правительства Москвы от 13 ноября 2001 г. № 1028-ПП “О мерах по обеспечению строительства учебно-лабораторного корпуса Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева” на ЗАО “ИНТЕКО” совместно с двумя другими компаниями возложены функции инвесторов по осуществлению программы строительства коммерческого жилья общей площадью ориентировочно 70 тыс. кв.м с нежилыми помещениями в зоне перспективного развития территории университета на участке площадью 5,1 га по улице Героев Панфиловцев, владение 20. Подписал — мэр Ю.М. Лужков.

2. Распоряжением правительства Москвы от 24 мая 2002 г. № 719-РП определено осуществление в 2003—2007 гг. комплексной застройки территории МИФИ по Пролетарскому проспекту жилыми домами за счет средств привлеченных инвесторов — ЗАО “ИНТЕКО” и ООО “Доходный дом “Базис и компания”. Подписал — мэр Москвы Ю.М. Лужков.

3. Постановлением Правительства Москвы от 11 июня 2002 г. № 423-ПП, предусматривающего строительство в 2003—2005 гг. жилого комплекса с подземным гаражом-стоянкой за счет средств привлеченных инвесторов — ЗАО “СУ-155” и ЗАО “ИНТЕКО” по адресу: ул. Академика Пилюгина, владения 4—6 в квартале 16 Ломоносовского района Москвы (ЮЗАО), в собственность привлеченных инвесторов передается: жилой площади — 82,5%; нежилой площади во встроенно-пристроенных помещениях в строящихся жилых домах — 60%; площади встроенно-пристроенных гаражей-стоянок — 90%. Подписал — мэр Москвы Ю.М. Лужков.

4. Постановлением правительства Москвы от 24 декабря 2002 г. № 1046-ПП об осуществлении в 2003—2005 гг. комплексной застройки микрорайона “Кузьминки” площадью 28,4 га (улица Окская — Волжский бульвар) ЮВАО ЗАО “ИНТЕКО” привлечено в качестве заказчика — инвестора по финансированию проектирования и строительства в 2003—2005 гг. жилых домов в микрорайоне “Кузьминки” (улица Окская — Волжский бульвар) ЮВАО. По окончании строительства ЗАО “ИНТЕКО” в собственность передается: общей жилой площади — 65%; общей нежилой площади — 60%; площади машиномест и общего

пользования гаражей-стоянок — 70%. Подписал — мэр Москвы Ю.М. Лужков.

5. Постановлением правительства Москвы от 23 сентября 2003 г. № 795-ПП “О строительстве комплекса жилых домов на освобождаемой производственной территории района Сокольники (ВАО)” по адресу: Попов пр., вл. 4, 4а, 2 и Русаковская наб., вл. 7 ЗАО “ИНТЕКО” привлечено как инвестор по строительству комплекса жилых домов с последующим выделением в собственность ему “и привлеченных им в установленном порядке соинвесторов”: общей жилой площади — 70%; общей нежилой площади — 70%; площади подземного гаража-стоянки — 85% машиномест и площади общего пользования, а также 100% общей площади помещений сервисных служб. Также ЗАО “ИНТЕКО”, “учитывая социальную значимость комплексной реорганизации производственной территории района Сокольники, а также в целях компенсации заказчику и инвестору затрат, связанных с перебазированием предприятий и организаций, сносом зданий и сооружений, реабилитацией освобождаемой территории”, освобождено: от оплаты долевого участия на развитие городских инженерных сетей и сооружений при выдаче технических условий на присоединение; от отчислений на развитие социальной и инженерной инфраструктуры города Москвы”. Подписал — мэр Москвы Ю.М. Лужков.

6. Распоряжением правительства Москвы от 1 октября 2003 г. № 1749-РП “О предоставлении бюджетных инвестиций ОАО “Московская инвестиционно-строительная компания” (г. Санкт-Петербург) предоставлены бюджетные инвестиции в 2003 г. ОАО “Московская инвестиционно-строительная компания” (г. Санкт-Петербург) в размере 255 000 рублей”. Согласно ежеквартальному отчету ЗАО “ИНТЕКО” за II квартал 2004 г., доля “ИНТЕКО” в уставном капитале ОАО “Московская инвестиционно-строительная компания” — 25,5%, доля принадлежащих обыкновенных акций — 25,5%. Подписал — мэр Москвы Ю.М. Лужков.

7. Распоряжением правительства Москвы от 21 ноября 2003 г. № 2132-РП “О проектировании жилого дома по адресу: ул. Большая Пироговская, д. 51 (ЦАО)” инвестором по осуществлению в 2003–2004 гг. проектирования жилого дома на месте подлежащего сносу ветхого жилого строения по указанному адресу оп-

ределено ЗАО “ИНТЕКО”. Подписал — и.о. мэра Москвы В.П. Шанцев.

8. Распоряжением правительства Москвы от 31 декабря 2003 г. № 2457-РП о строительстве в 2004–2005 гг. жилых домов со встроенно-пристроенными нежилыми помещениями и гаражами-стоянками на месте планируемого к сносу административного здания Минобороны РФ, расположенного по адресу: ул. 15-я Парковая, д. 31 (Восточный административный округ) функции заказчика по строительству объектов возложены на ЗАО “ИНТЕКО”. Подписал — и.о. мэра Москвы В.П. Шанцев.

9. Распоряжением правительства Москвы от 20 января 2004 г. № 26-РП на ЗАО “ИНТЕКО” возложены функции инвестор-застройщика на выполнение работ по реорганизации второй очереди промзоны № 56 “Грайвороново” (кв. 115а), выводу предприятий и застройке освобождаемой территории. Подписал — мэр Москвы Ю.М. Лужков.

10. Распоряжением правительства Москвы от 30 июня 2004 г. № 1292-РП жилой дом по адресу: улица Садовая-Сухаревская, дом 10, строение 1 (ЦАО города Москвы) признан аварийным с дальнейшей реконструкцией под нежилые цели. В соответствии с распоряжением правительства Москвы от 4 августа 2003 г. № 1381-РП “О реконструкции Рождественского бульвара и кварталов 263, 264, 265, 266, 267, 268, 270 района Мещанский Центрального административного округа со строительством стартовых жилых домов” инвестором-заказчиком по финансированию проектирования и осуществления в 2003–2007 гг. комплексной реконструкции квартала 270 Мещанского района (куда входит жилой дом 10, стр. 1 по ул. Садовая-Сухаревская) является закрытое акционерное общество “ИНТЕКО”. Подписал — мэр Москвы Ю.М. Лужков.

11. Распоряжением правительства Москвы от 14 июля 2004 г. № 1415-РП “О комплексной реконструкции зданий по адресу: ул. Ильинка, дом 3/8, стр. 3, 4 и Богоявленский пер., дом 6, стр. 1” в целях обеспечения комплексной реконструкции территории исторического центра Москвы, а также принимая во внимание неудовлетворительное техническое состояние зданий, являющихся единым архитектурным комплексом (“Теплые торговые ряды”), ЗАО “ИНТЕКО” разрешено выполнить в 2004–2007 гг. комплексную реконструкцию строений 3, 4 дома 3/8 по ул. Ильинке и строения 1 дома 6 по Богоявленскому пер., а также новое

строительство многофункционального административно-гостиничного комплекса с подземной автостоянкой общей площадью до 20 000 кв.м. Подписал — мэр Москвы Ю.М. Лужков.

Здания по адресам: ул. Ильинка, дом 3/8, стр. 3 общей площадью 3349,5 кв.м, ул. Ильинка, дом 3/8, стр. 4 общей площадью 3115,1 кв.м, Богоявленский пер., д. 6, стр. 1 общей площадью 1963,9 кв.м принадлежат ЗАО “ИНТЕКО” на праве собственности (свидетельства о государственной регистрации права от 16 февраля 2004 г. № 77-01/01-026/2004-287, № 77-01/01-026/2004-288, № 77-01/01-026/2004-286). ЗАО “ИНТЕКО” выкупило право аренды земельного участка площадью 0,41 га, расположенного по ул. Ильинке во вл. 3/8, стр. 3 и стр. 4, во вл. 6, стр. 1 по Богоявленскому пер. (договор долгосрочной аренды земельного участка от 1 августа 1996 г. № М-01-006340).

12. Распоряжением заместителя мэра Москвы И.Н. Орджоникидзе от 13 августа 2004 г. № 193-РЗМ “Об уполномоченной компании правительства Москвы ЗАО “ИНТЕКО” ЗАО “ИНТЕКО” присвоен статус уполномоченной компании правительства Москвы по осуществлению работ по комплексной проработке и урегулированию имущественно-правовых отношений, формированию земельных участков и разработке предпроектной документации на строительство гостиниц и туристско-рекреационных комплексов в городе Москве. Этим же распоряжением ЗАО “ИНТЕКО” для проведения работ предоставлены следующие адреса:

— Мира пр., 98 (Рижская пл.), ЦАО Москвы (управа района Мещанский);

— общественный комплекс района Нагатинский Затон, ЮАО Москвы (управа района Нагатинский Затон);

— Ленинградское ш., вл. 21, САО Москвы (управа района Войковский).

13. Постановлением правительства Москвы от 28 декабря 2004 г. № 927-ПП “О строительстве учебного корпуса МГУ им. М.В. Ломоносова и жилого квартала на земельном участке по Ломоносовскому проспекту (ЗАО)” “...в целях дальнейшего развития учебной базы МГУ им. М.В. Ломоносова” инвестором по проектированию и строительству жилого комплекса с развитой социально-бытовой инфраструктурой в соответствии с разработанным проектом планировки общей площадью квартир до 200 000 кв.м с подземными гаражами-стоянками определено

ЗАО “ИНТЕКО”. 70% жилой площади и 70% нежилой площади, 85% машиномест на встроенно-пристроенных гаражей-стоянок и площади общего пользования и 100% сервисных служб передается в собственность инвестора ЗАО “ИНТЕКО”. Подписал — Мэр Москвы Ю.М. Лужков.

Кроме получения от города прав на реализацию высокоприбыльных инвестиционных проектов существуют и дополнительные возможности для развития бизнеса. Комитетом по архитектуре и градостроительству правительства Москвы Указанием от 16 января 2001 г. № 4 “Об утверждении архитектурно-технических решений рельефной отделки наружных стен жилых домов массовых серий” напрямую зафиксировано, что “перед наклейкой архитектурных деталей на основание место наклейки должно быть огрунтовано специальным составом. ...грунтовку основания следует выполнять составом “ИНТЕКО-И” предприятия ЗАО “ИНТЕКОстрой” (г. Москва)”.

Как видно из ряда вышеперечисленных документов, инвестиционные условия, на которых работает в Москве ЗАО “ИНТЕКО”, бывают достаточно благоприятными для развития бизнеса: доли инвестора в построенных площадях абсолютно превосходят доли города, да и городские отягощения не слишком обременительны, а иногда их нет вообще. Мэр Москвы Ю.М. Лужков вряд ли может не знать об этом.

В конце апреля 2005 г. ЗАО “ИНТЕКО” объявило о своих планах по диверсификации бизнеса. В прошлом году в числе прочих инвесторов ЗАО “ИНТЕКО” занялось выполнением гостиничной программы правительства Москвы. Сейчас у “ИНТЕКО” имеется четыре участка под будущие гостиницы, в т.ч. на ул. Ильинке под отель “пять звезд”. В ближайшие 5–6 лет ЗАО “ИНТЕКО” планирует самостоятельно спроектировать, проинвестировать и построить 1 млн кв.м офисных площадей (большая часть — бизнес-центры класса “А” в Москве, минимум половину которых “ИНТЕКО” собирается оставить у себя в собственности) и создать крупную национальную гостиничную сеть. Под обеспечение этих планов, по словам вице-президента “ИНТЕКО” О. Солощанского, на покупку участков земли было потрачено \$120 млн (“Комсомольская правда”, 30.04.2005, “Супруга Лужкова станет хозяйкой сети гостиниц”; “Ведомости”, № 77(1359), 29.04.2005, “Батурина построит гостиницы и офисы”). На реализацию этих проектов будут пущены деньги от

продажи “Евроцементу” цементных активов (\$800 млн) и привлеченные средства — в общей сложности более \$2 млрд.

13 лет назад, на заре семейного союза Юрия Лужкова, кооператив “ИНТЕКО” был небольшим предприятием, выпускавшим пластмассовые тазики. Год назад российская редакция журнала “Форбс” презентовала “золотую сотню” самых богатых граждан России. В список отечественных миллиардеров вошла всего одна женщина — владелица 99% акций группы компаний “ИНТЕКО” Батурина. Специалисты “Форбс” отметили, что “ИНТЕКО” участвует практически во всех крупных столичных проектах в качестве соинвестора, подрядчика или субподрядчика.

В апреле 2005 г. тот же “Форбс” опубликовал очередную версию т.н. “золотой сотни”, в которой супруга мэра Москвы вновь является единственной представительницей “слабого пола”. По данным “Форбс” ее состояние за год выросло на \$300 млн и составляет теперь \$1,4 млрд. Это неудивительно — по сведениям газеты “Ведомости” (№ 77(1359), 29.04.2005, “Батурина построит гостиницы и офисы”) ЗАО “ИНТЕКО” за год (с 2003 по 2004 г.) увеличило оборот с \$525 млн до около \$1 млрд.

Согласно ст. 34 Семейного кодекса Российской Федерации, к общему имуществу супругов относятся “движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства”. Таким образом, если согласиться с оценками журнала “Форбс” (а никаких опровержений со стороны Е. Батуриной до сего дня не последовало), личное благосостояние мэра Москвы благодаря “успешной предпринимательской деятельности” его супруги в выполнении городских заказов выросло как минимум на \$700 млн.

Уважаемый Борис Вячеславович! Уважаемые коллеги!

Все вышеперечисленное — лишь наиболее очевидный пример взаимовыгодного сотрудничества государственного чиновника с его близким родственником. Отношения коммерческих предприятий с органами государственной власти, которыми руководят дети и родители, братья и сестры, жены и мужья владельцев и менеджмента этих предприятий, никак не

регламентируются действующим российским законодательством. Поэтому такая практика получила широкое распространение не только в Москве, но и в субъектах Российской Федерации. По сути, мы имеем дело с особым экономическим укладом и новой формой предпринимательской деятельности, которую можно было бы охарактеризовать как государственно-частное семейное партнерство (ГЧСП). Предприятия ГЧСП контролируют целые отрасли экономики, особенно на местном уровне, и их существование вызывает недоумение у большинства граждан.

Тем не менее, исходя из планов построения правового государства, мы должны придерживаться принципа презумпции невиновности. Никем до сих пор не доказано, что работа многочисленных ГЧСП вредит интересам экономического роста. Напротив — на примере Москвы, если верить заявлениям столичных властей, можно говорить о впечатляющих успехах такого партнерства для жителей крупнейшего мегаполиса. Мы предлагаем провести в нашей партии серьезную и основательную дискуссию (возможно, с использованием механизма парламентского расследования), в ходе которой взвесить все плюсы и минусы этой системы хозяйствования.

В случае если ее функционирование будет признано полезным, необходимо разработать и внести в действующее законодательство соответствующие положения, легализующие ГЧСП и регламентирующие их работу. Следует среди прочего предусмотреть равные права всех граждан России при занятии ими должностей на госслужбе создавать ГЧСП. Надо заметить, что мы не будем одиноки в мире, если дадим зеленый свет семейным партнерствам. ГЧСП характеризуют экономики многих динамично развивающихся государств Африки (Нигерия, Уганда), Латинской Америки (Гаити, Доминиканская Республика), Азии (Бруней, Бирма, Непал), а в монархиях Ближнего Востока такие формы хозяйствования являются доминирующими. Кроме того, они нашли широкое применение в бывших республиках СССР, а также в непризнанных государствах: Абхазии, Южной Осетии, Приднестровской Молдавской и Нагорно-Карабахской Республиках.

Если же мы примем распространенную в странах Европы и Северной Америки точку зрения о том, что подобная практика является порочной, следует предпринять все необходимые ме-

ры для ее скорейшего искоренения. В любом случае нам не следует бояться подобной дискуссии. Тем более что один из членов бюро Высшего совета “Единой России”, который со страниц изданной одним из московских ГЧСП книги призывает нас к более справедливому общественному устройству, своим личным жизненным примером уже высказался за первую позицию.

С уважением

депутат Государственной думы *А.Е. Лебедев*

Транспорт — общая проблема

— В чем причина интереса депутатского корпуса Государственной думы к транспортным проблемам Москвы?

— Интерес депутатов Госдумы здесь носит вполне жизненный характер. Ведь парламент находится в столице, и депутаты каждый божий день имеют “счастье” лицезреть все проблемы, связанные с транспортом. На сегодняшний день ситуация такова, что если не предпринимать срочных мер, причем не ситуативного, а системного характера, то наш город ожидает транспортный коллапс. Причем он затронет не только дорожное движение, которое уже практически парализовано, но и общественный транспорт.

— Есть ли необходимость и правовая возможность заняться решением транспортной проблемы Москвы на уровне федерального законодательства?

— Конечно, решением проблем, связанных с транспортной инфраструктурой, должны в первую очередь заниматься городские власти. В конце концов, это их прямая обязанность, а ресурсов и возможностей для того, чтобы обеспечить нормальное функционирование транспорта, в Москве более чем достаточно. Однако многие вопросы регулируются на федеральном уровне, и мы готовы всячески помогать городу в их решении. Возьмите, например, проблему пресловутых “мигалок”. Мы считаем, что всяческие привилегии необходимо свести к минимуму.

Квартира. Дача. Офис. 16.03.2006 г.

— По мнению депутатов Мосгордумы, именно федеральные законы мешают движению вперед. Есть ли у вас взаимопонимание со своими московскими коллегами?

— Наша главная претензия и наше настоятельное пожелание заключается в том, чтобы у города была транспортная стратегия (которой пока нет), а градостроительная политика увязывалась бы с этой стратегией. А то ведь сейчас правая рука не знает, что делает левая. Земля отдается под застройку инвесторам, которые стараются “впихнуть” на каждый квадратный метр как можно больше площади, чтобы потом подороже продать. А дальше — хоть трава не расти! Как будут жить в этих домах или работать в этих офисах люди, если к ним невозможно будет проехать, — это уже не их вопрос. В результате такого хаотичного застраивания, когда во главу угла поставлены интересы инвесторов, то есть их коммерческая прибыль, а не долгосрочные интересы жителей города, возникают многочисленные транспортные проблемы (впрочем, не только транспортные).

— Тем не менее мы видим, что город требует от инвесторов создавать парковки во всех коммерческих проектах, в том числе в Центральном административном округе (ЦАО) будет строиться несколько крупных подземных парковок. А по отношению к жилым домам даже увеличили нормативы обеспеченности машиноместами. Или это только слова?

— Я считаю, что каждый новый жилой или офисный комплекс в ЦАО — это не только проблемы для жителей и без того перегруженного района, но и новые пробки. Эта застройка является одной из основных причин транспортного кризиса в Москве. И решить эту проблему могут только городские власти. Для этого надо принять очень простое решение: запретить новое строительство в ЦАО. Оставить только реконструкцию, причем только при условии, что она не ведет к увеличению площадей и этажности. К сожалению, пока в Мосгордуме и в правительстве Москвы не хотят об этом даже разговаривать. А зря — так ведь скоро ни городские депутаты, ни городские министры на работу не смогут попасть.

— В чем суть вашей концепции выхода Москвы из транспортного тупика? В прессе было сообщение, что депутатская группа “Наша столица” берется в ограниченные сроки “полностью ре-

шить проблему пробок в столице” при инвестициях в 100 млн долларов.

— Наша концепция, которую по частному заказу разрабатывала группа европейских специалистов, предусматривает комплекс мер как по логистической оптимизации уже существующей системы дорожного решения, так и по развитию транспортной инфраструктуры (цифра, которая прозвучала, относится к первой части). В концепции большое внимание уделяется проблеме парковок. Собственно, во всех крупных европейских столицах парковки являются основным инструментом для разгрузки магистралей. С помощью создания специальных зон, где движение личного автотранспорта либо запрещено, либо ограничено с помощью взимания платы и создания “перехватывающих” парковок, удастся перераспределить нагрузку так, чтобы мегаполис нормально функционировал.

— **Один из важных инструментов — возможность взимания штрафов за неправильную или просроченную парковку. Но очевидно, что именно федеральные законы мешают внедрению системы, которая успешно работает во всех странах Запада: централизованный учет, безналичная оплата, регулярная перерегистрация водительских удостоверений.**

— Не вижу никакой необходимости изобретать велосипед, если такая система уже успешно функционирует. Если необходимо менять федеральные законы — надо это сделать. Мы в группе “Наша столица” планируем в ближайшие месяцы провести большую конференцию по транспортным проблемам. Думаю, надо взяться за разработку соответствующих предложений в федеральное законодательство.

— **Такое ощущение, что реформирование системы оплаты за парковку буксует из-за того, что это очень емкая кормушка для многих.**

— Что касается коррупции, то необходимо в первую очередь решить проблему нелегальных парковок и извести этих аферистов “как класс”. Всем известно, что сегодня в Москве функционируют 32 такие незаконные парковки. Известны их адреса — от вокзалов до Черкизовского рынка. Известно, кто их держит, кто их “крышует”. Почему нельзя на этих местах сделать нормальные, цивилизованные муниципальные парковки?

— **Ваше отношение к эвакуаторам. Их надо использовать, если машина реально мешает движению, или это инструмент устрашения для выбивания взяток?**

— Эвакуаторы — это неизбежное зло. Но они должны использоваться только в том случае, когда автовладелец нарушает право других участников дорожного движения на перемещение по городу, то есть ставит непроходимый барьер, создает угрожающую ситуацию. Во всех остальных случаях необходимо использовать систему штрафов.

— **Московское правительство активно продвигает гаражную программу. Планы большие, но люди не очень торопятся покупать гаражи по 20–60 тыс. долларов.**

— Я полностью поддерживаю все, что связано с гаражной программой городских властей. Основное бремя по финансированию этого строительства должен нести город, так как оно направлено на решение проблем налогоплательщиков. В случае если этот вопрос полностью отдать на “откуп” коммерческим структурам, гаражи и парковки станут недоступными, так как инвесторы будут стремиться поскорее “отбить” вложенные средства. В то же время, если всем этим будут “рулить” одни чиновники, неизбежно возникнет коррупция. Поэтому в том, что касается эксплуатации, необходимо использовать механизмы частно-государственного партнерства. Такое партнерство среди прочего позволяет минимизировать коррупцию.

Чепчик за три миллиарда.

И панама за полтора.

Рука дающего не оскудевает

26 февраля с большим воодушевлением прочитал в “Новой газете” репортаж Янины Васьковской из Севастополя, в котором на прошлой неделе мэр российской столицы Юрий Михайлович Лужков побывал с очередным историческим (не побоюсь этого слова) визитом. “В Симферополе прямо в аэропорту Лужков подписал с властями автономии договор о намерении вло-

жить в Восточный Крым порядка трех миллиардов долларов”, — отмечает корреспондент “Новой” и описывает восторженный прием, оказанный нашему градоначальнику в городе-герое. “Севастополь мы не отдадим”, — сообщил он (Лужков) какой-то женщине. Та радостно разнесла весть по площади”.

Сразу вспоминается грибоедовское “кричали женщины “ура!” и в воздух чепчики бросали”. А еще мост. Каждый, кто побывал в Керчи и Херсоне, видывал этот шедевр инженерной мысли — каменный мост, на котором по обеим сторонам лавки, в которых сидят купцы и продают товары, нужные для крестьян. Вы не видывали? Это обман зрения. По бумагам точно должен быть. По крайней мере, один камень в него заложили — это показывали по телевизору. В 2001 г., когда по постановлению правительства Москвы было создано ОАО “Рога и копыта” — простите! — “Керченский мост”, а мэр объявил, что выделяет ему 1,5 млрд долларов на строительство, которое должно быть завершено через шесть лет, ОАО получило деньги из бюджета и до сих пор их успешно осваивает, располагаясь на принадлежащих городу площадях по адресу: Новый Арбат, 11.

Помню даже, что, чтобы скрасить крымчанам годы томительного ожидания сдачи объекта, это самое ОАО купило (разумеется, за бюджетные деньги) на Сахалине паром, гордо переименованный в “Юрий Долгорукий”. Он проделал долгий путь из Тихого океана в Индийский, пересек семь морей, Суэцкий канал, Босфор и Дарданеллы и в 2002 г. прибыл в Керчь. Правда, неожиданно выяснилось, что океанический паром ледокольного типа с девятиметровой осадкой просто не может ходить по Керченскому проливу. Простояв несколько лет на приколе рыбного порта, он был недавно пущен на металлолом. Только не надо ерничать. По планам ОАО из этого металла Зураб Константинович Церетели отольет очередной монумент мэру столицы, который будет поставлен в Херсоне и увековечит подвиг московских строителей, воздвигших Керченский мост.

Теперь, закончив труды в Керчи, Юрий Лужков взялся за Восточный Крым. Если кто не в курсе, Восточный Крым — Азовское побережье полуострова. То есть наиболее депрессивный регион, где отсутствует современная инфраструктура, необходимая для развития курортной отрасли. Янина Васьковская не уточнила, но информационные агентства и телеканал ТВЦ прояснили нам один щекотливый момент. Речь, как и в

случае с мостом, идет о трех миллиардах долларов именно бюджетных средств. А если суммировать все крымские обещания Лужкова, то выйдет где-то около пяти миллиардов, или примерно 20% доходной части бюджета Москвы. Иными словами, каждый пятый рубль, заплаченный московскими налогоплательщиками, будет вложен в развитие инфраструктуры Крыма. Учитывая состояние этой инфраструктуры, а также керченский опыт бизнесменов от правительства Москвы, предугадать направление движения этих средств нетрудно.

Впрочем, с другой стороны, щедрость мэра, способного заплатить из городской казны полтора миллиарда за панаму, а три — за брошенный в воздух чепчик, вызывает восхищение. Ведь это значит, что в Москве нет никаких проблем с инфраструктурой и социалкой. Москвичи, особенно коренные, хорошо знают, что такое комфортное, а главное, доступное жилье: они именно в таком и живут. И платить за коммунальные услуги им вовсе не накладно. Они не стоят часами в дорожных пробках и не давятся, как в мясорубке, в переходах метро. В Москве не проваливаются посреди бела дня дорожные магистрали с машинами, не оседают и не рушатся здания, рынки и аквапарки. поголовно всем молодым учителям, врачам, многодетным семьям предоставлены социальные квартиры. Про современные поликлиники, школы, детские сады, оздоровительные центры и говорить нечего — их просто некуда девать. И все бесплатно, за счет города. Предмет особой гордости, конечно, — энергетика. Москвичи давно забыли, что такое сбои в электроснабжении, и знать не знают, с чем едят блэкаут, — это все реалии жизни за бугром.

Скептики могут возразить, что если с инфраструктурой все в порядке, то почему бы не пустить искомые миллиарды на социальные пособия — пенсионерам, инвалидам и прочим “категориям”. Или хотя бы закрыть дефицит городского бюджета, который приближается к 3,5 млрд долларов. Но так могут рассуждать только недалёковидные люди. Нельзя этого делать, и вовсе не от жадности. Просто мэр проникся наконец логикой нашего министра финансов Алексея Леонидовича Кудрина и понял, что стерилизация экономики — это благо. А увеличение социальных выплат — это зло, потому как инфляция. Что же касается бюджетного дефицита, то здесь все вообще проще пареной репы. Ведь дефицит покрывается займами, а эти займы отличный инструмент для зарабатывания денег большим количест-

вом очень уважаемых в городе людей. Как можно всех их оставить без средств к существованию? Нонсенс.

В общем, как ни крути, уж лучше в Крым вкладывать. Как знать, может быть, у мэра Москвы созрел грандиозный замысел: “освоить” полуостров и перевезти туда всех московских пенсионеров — от них здесь все равно никакого дохода. Будут жить со своими старухами на Азове, будут рыбу ловить и сами себе добывать пропитание. А потом и самому туда переехать, вместе с министрами городского правительства, построив под Севастополем имение Молоденово-2. А уходящей в тартарары Москвой пусть занимается фирма “ИНТЕКО”. Она снесет динамитом весь этот пронафталиненный, пропахший Гиляровским городишко и построит на его месте один меганебоскреб величиной с Эверест по эскизам Норманна Фостера. Причем, будучи его собственником, станет сама себе управляющей компанией. Это же так удобно!

Ну по крайней мере, честно.

P.S. А теперь серьезно. Я, конечно, понимаю, что редакционную политику “Новой” в отношении московских властей можно свести к формуле *aut bene, aut nihil*. Но не так давно в одной из газет один из близких родственников Юрия Михайловича Лужкова признался, что на их “семейном совете”, где обсуждаются принципиальные вопросы бизнеса фирмы “ИНТЕКО”, решающее слово имеет мэр Москвы. В любой нормальной стране такие откровения немедленно стали бы предметом пристального внимания прокуратуры, как, впрочем, и сам семейный уклад, где жена — мэр, муж — строитель (кажется, что-то перепутал). Но у нас, к сожалению, прокуратура массово гоняется за какими-то другими мэрами, чьи провинности на фоне крымских похождения Лужкова — просто детский сад, штаны на лямках.

Поэтому мне остается апеллировать к “семейному совету”. Уважаемые члены совета! Оставьте, пожалуйста, в покое деньги налогоплательщиков. Хватит швыряться чужими миллиардами налево и направо. Если Крым вам так же дорог, как и мне, вкладывайте туда свои деньги.

РАЗЫСКИВАЕТСЯ “ОДНОРУКИЙ БАНДИТ”

“Закон о выводе игорных заведений из Москвы станет моментом истины для депутатов”

— **Чем вызвано появление закона?**

— Мы предлагаем нравственное решение, которое необходимо принять для оздоровления морального климата в наших городах, прежде всего в Москве. Для нас, людей православной культуры, просто неприемлемо, когда ближние вовлекаются в некий языческий культ поклонения Фортуне. Столица изуродована: игорные заведения стоят на каждом углу, число автоматов перевалило за 65 тысяч...

— **Но ведь это личное дело каждого, куда ему тратить свои деньги. Вы так не считаете?**

— Вовлечение в азартные игры калечит души людей, появилось даже такое понятие “игромания” (по аналогии с наркоманией). Каждый день мы наблюдаем одну и ту же картину: десятки тысяч москвичей бьются насмерть со “столбиками” и “однорукими бандитами”. Хочу заметить, в своем большинстве это люди не очень высокого достатка. Они надеются поправить свое материальное положение, однако на деле проигрывают все. В результате — личные трагедии, разрушенные семьи. Для нас, законодателей, спокойно смотреть на бизнес, основанный на эксплуатации порока, значит пассивно участвовать в нем. Вот мы и решили убрать игорные заведения из городов. Человек, которому деньги достаются трудом, десять раз подумает, ехать ли ему за тридевять земель в поисках призрачного счастья. Должен заметить, что это уже само по себе компромисс: в большинстве цивилизованных стран игорный бизнес либо вообще запрещен, либо, как в США, сосредоточен в специально отведенных зонах — пресловутым Лас-Вегасе, например.

— **Представители игорных заведений говорят о том, что их бизнес создает рабочие места, что они платят налоги.**

— Ну это же просто смешно! По их логике, надо разрешить на каждом углу торговать наркотиками, оружием или содержать бордели — я вас уверяю, от желающих там “трудоустроиться” тоже отбоя не будет. Да и налоги они будут платить исправно — отчего же, при такой-то рентабельности, не подкинуть в бюджет две-три копейки? Ведь годовой оборот игорного бизнеса в Москве оценивается более чем в 5 млрд долларов, а в виде налогов в прошлом году они заплатили 2,6 млрд, только рублей. Я даже знаю, как компенсировать эту потерю: правительство Москвы каждый год тратит более 3 млрд на финансирование телеканалов, которые никто не смотрит, и газет, которые никто не читает. Давайте просто перестанем их содержать.

— **Кстати, Московская городская дума тоже выступила с очень резким заявлением в адрес игорных заведений, а мэр Москвы сказал, что это “полный разврат и моральное уродство”. Вы чувствуете их поддержку?**

— Мы благодарны властям города за их позицию. Правда, в распоряжении мэра, которое называется “О внедрении системы “ДжекПот” в Москве”, звучат другие формулировки. В нем игорные залы почему-то именуется “объектами рекреационного назначения”. Москомзему и Москомархитектуре предписывается выделить места для этих объектов, а префектурам — “оказывать содействие” в их размещении “вблизи от станций метро, торговых центров, ярмарок, на привокзальных площадях”. Более того, метрополитену указано провести “обустройство” специальных открытых выходов “для организации на полученных площадях залов игровых автоматов”, а Московской железной дороге — разместить их “на подведомственной территории”. Читаешь это и думаешь: такое бы рвение да на мирные цели! Ведь “внедрение” “полного разврата” выполнено на сто с лишним процентов.

— **Мосгордума предлагает передать игорный бизнес в ведение местных властей, которые поставят его под контроль. Как вы к этому относитесь?**

— А вы сами, учитывая только что приведенный документ, в это верите? Я не считаю возможным дискутировать, сколько в Москве должно быть “одноруких бандитов” — 60 или 20 000. Их

не должно быть вообще. Болезнь зашла настолько глубоко, что необходимо хирургическое вмешательство. Все остальное — лицемерие.

— **Как идет процесс рассмотрения вашего закона?**

— Для игорного бизнеса это вопрос жизни и смерти, и их лоббисты пытаются похоронить законопроект, “замотать” его на стадии обсуждения. Мы планировали вынести его на первое чтение еще до окончания весенне-летней сессии. Увы, судя по всему, с помощью бюрократических проволочек вопрос переносится на осень. Но мы настроены решительно и чувствуем поддержку руководства страны, Русской православной церкви, всех честных депутатов. Так что момент истины рано или поздно наступит.

Мне посоветовали носить бронежилет

Пятничное заседание Государственной думы было отмечено двумя событиями. Во-первых, депутаты в очередной раз не смогли найти в себе силы для того, чтобы приступить к реальному ограничению игорного бизнеса в России. Рассмотрение соответствующего законопроекта перенесли на февраль. Во-вторых, депутат от “Единой России” Александр Лебедев (один из самых последовательных борцов с игровой стихией) организовал столь редкий в Думе последнего созыва перформанс, притащив в зал заседаний самый настоящий игровой автомат.

— **Что заставило вас появиться в Думе в компании “однорукого бандита”?**

— Это был небольшой эпатаж в благих целях, дабы привлечь внимание коллег.

По-моему, я своего добился. Вице-спикер Морозов пожурил меня за то, что я якобы нарушил порядок работы Госдумы. Я ответил, что это моя собственность (подарок Белгородской думы. — *Ред.*), необходимая для выполнения моих обязанностей как народного избранника. Сейчас идет служебное расследование: вы-

ясняют, кто разрешил мне его пронести. Кончилось тем, что попросили убрать его из публичных мест. Я поставил у себя в кабинете. Когда закон примут, вывезу за пределы Москвы. Впрочем, Митрофанов тут же попросил притащить его к ним во фракцию. Видимо, очень нужен.

— **Кстати, а сами депутаты играют?**

— Играют. Далеко не все, но играют.

— **Ну а если говорить серьезно, почему сорвалось рассмотрение законопроекта?**

— Самая простая и в то же время самая логичная догадка: игорный бизнес очень криминализирован, он приносит огромные доходы. Видимо, его владельцы ими с кем-то поделились. Я, конечно, утверждать этого не могу, потому что фактов на руках нет, но иначе объяснить очередной перенос рассмотрения законопроекта сложно. Сколько можно уже?

— **Вы, насколько я помню, тоже выступали со своим проектом ограничения этого вида бизнеса.**

— В июне мы представили коллегам очень хорошо проработанный, на мой взгляд, законопроект. Фундаментально правильный. Суть его сводилась к следующему: игорные заведения должны быть выведены за пределы городов. Заключение правительства было отрицательным. Госдума полгода делала вид, что такого законопроекта в природе нет. И тут вдруг началась активная общественная дискуссия, которая самым серьезным образом освещалась федеральными телеканалами.

У меня даже есть четкое ощущение того, что в администрации президента у нас есть союзники, которые, правда, почему-то себя не афишируют. Во всяком случае, по моей информации, на одном из летних заседаний администрации в Сочи этот вопрос обсуждался, и президент однозначно высказался за ограничение игорного бизнеса.

По крайней мере тогдашний глава администрации (Дмитрий Медведев. — *Ред.*), отвечая на мой вопрос, не смог этого не подтвердить.

— **То есть президент благословил эту дискуссию. И в чем она состояла?**

— Осенью в Подмоскowie прокатилась волна массовых акций, инициированных молодежными организациями. Затем похожий закон приняла Белгородская дума — и он был реализован. Рамзан Кадыров в Чечне расправился с игорным бизнесом за месяц (какими методами — второй вопрос). Наконец, неожиданно депутат Драганов представил декоративный, ничего не дающий законопроект, предлагавший отодвинуть игорные заведения на сто метров от школ, ввести минимальное количество автоматов, поднять налоги и прочие благоглупости. На него пришло отрицательное — и разгромное — заключение из администрации президента.

— Может, нынешний проект, представленный депутатами Резником и Плескачевским, тоже был инициирован правительством или администрацией?

— Наша фракция очень хорошо улавливает флюиды, идущие из Кремля. В заключении Государственно-правового управления Администрации президента на драгановский законопроект говорилось о том, что он написан как будто в интересах игорного бизнеса, который криминализирован и требует для борьбы с ним чего-то большего, чем полумеры. Вскоре появился проект Резника—Плескачевского, а Драганов свой отозвал. Выводы делайте сами.

— По какой же тогда причине, хотя бы формальной, было перенесено его рассмотрение?

— По странному ходатайству правительства, что ему-де надо еще раз изучить налоговые потери. Да какие потери?! В Москве они составят около двух миллиардов рублей при обороте (это уже подсчеты западных экспертов) в несколько миллиардов долларов. Сами понимаете, какой это ничтожный процент. То есть налоги, можно сказать, не платятся, и плакать тут не о чем. А по мнению специалистов Иллинойского университета, один доллар прибыли от налогов с игорного бизнеса оборачивается семью долларами потерь за счет разрушения семей, обнищания социально незащищенных слоев населения и так далее.

Разговоры о том, что мы потеряем рабочие места, я считаю абсолютно пустыми. Если развивать эту мысль до конца, то можно прийти к выводу, что торговля наркотиками тоже создает рабочие места. И что теперь — легализовать наркотики?

Кстати, игромания — такая же серьезная болезнь, как наркомания. У нас только в Москве до 600 тысяч больных людей.

— А сколько игорных заведений?

— В Москве пять тысяч точек, занятых игорными заведениями, открытыми на месте библиотек, булочных, аптек, ремонтных мастерских и так далее. Они, кстати, и определяют заоблачные цены на коммерческую недвижимость в столице, которые делают невозможным занятие малым бизнесом. Ну нет у малого предпринимателя трех миллионов долларов для того, чтобы купить помещение. А у владельца игорного бизнеса есть. Доходность-то потрясающая. Средний “однорукий бандит” стоит 10–15 тысяч долларов. Окупается он при благоприятных условиях за месяц. Во многом потому, что большинство наших автоматов запрограммированы не на 94%-ный выигрыш, как должно быть, а на гораздо меньшее значение. Дальше можете посчитать сами.

— Кстати, по нашей информации, многие крупные игроки уже застолбили себе места под казино в Подмосковье. Насколько это вероятно?

— Похоже на правду. И эта версия только подчеркивает несостоятельность переживаний того же господина Орджоникидзе (заместитель мэра в правительстве Москвы. — *Ред.*), что владельцам игорного бизнеса что-то там придется компенсировать. Дайте им переходный период, постройте резервацию где-нибудь в зоне отчуждения в Подмосковье, и они переберутся туда безо всяких проблем. Часть клиентов они, конечно, потеряют, но это именно те люди, которых мы должны защитить как представители органов власти. А богатый человек, который хочет играть, придет туда, куда нужно. Что ж, это его право.

— То есть говорить об ограничении свободы предпринимательства в отношении владельцев игорного бизнеса не совсем корректно?

— Ничего плохого с ними не произойдет. Да и кто они? Владельцы рынков и различных теневых бизнесов. Собственники лопнувших банков, оставивших без денег тысячи вкладчиков. И при этом почти все — миллиардеры. Есть этнические группировки, которые представляют собой “крышу” или являются совладельцами игровых сетей. Встречаются люди, которые в ин-

вестиционных проспектах своих компаний указывают, что провели не один срок в местах не столь отдаленных.

Словом, я отвечаю вам, что нет ни одного предпринимателя, который не инвестировал бы в игорный бизнес деньги, ранее заработанные на всякого рода сомнительных операциях. Я их всех неплохо знаю. Каждый с июня в той или иной форме пытался на меня выйти.

— **В каком ключе?**

— Спрашивали: ребята, может, вам чего-то надо? Выяснилось, что Лебедев — человек, в бизнесе уже состоявшийся, и ему не надо.

— **А некоторым вашим коллегам, как показывает практика, иногда надо?**

— Вы удивитесь, но среди депутатов достаточно много относительно небогатых людей. Как показывает мой личный опыт, они очень подвержены материальному стимулированию.

— **Если не срабатывает подкуп, в ход часто идут угрозы. С такими вещами вы не сталкивались?**

— Когда мы только готовили свой законопроект, масса людей — из правительства — подходили к нам и говорили: “Ребята, наденьте бронжилеты, а лучше бросьте эту затею. То, чего вы хотите добиться, невозможно”. Иногда я думаю, почему вот уже несколько месяцев арестованы принадлежащие мне акции “Ильюшин Финанс”. И мне все больше начинает казаться, что действия прокуратуры связаны с этой законодательной инициативой, а больше ни с чем. В июне мы внесли поправку, в течение двух месяцев получали массу плохо скрытых угроз и предложений договориться, а 27 июля акции были арестованы. Кому это нужно? Уверен — не конкурентам. Скорее владельцы игорного бизнеса поинтересовались, можно ли как-то наступить мне на хвост. И выбрали такой способ. Они арест не снимают, мы инициативу не отзываем. Пока ничья.

— **Как вы считаете, удастся ли депутатам в феврале преодолеть сопротивление игорного лобби?**

— Я сегодня читал заключение одной очень известной инвестиционной группы в отношении банка, который делает круп-

ный заем компании, специализирующейся на “одноруких бандитах”. Так вот, там вероятность принятия закона оценена как минимальная.

Хотя я лично оцениваю шансы как 70 против 30 в пользу сторонников закона. Просто каждый, кто станет выступать за полумеры, будет нелепо выглядеть на фоне дискуссии, поддержанной в том числе и Кремлем. Я даже удивился, что кому-то удалось рассмотрение на февраль сдвинуть. Ну да это и не принципиально. Главное успеть провести закон в этом году.

Зло нельзя регулировать, с ним надо бороться

24 марта Государственная дума держала экзамен на право считаться органом, стоящим на страже нравственного здоровья нации. Увы, большинство депутатов этот экзамен не выдержало. При рассмотрении законопроекта об игорном бизнесе они не нашли в себе сил проголосовать за предложенный нами подход, который был поддержан главами всех религиозных конфессий России и подавляющим большинством граждан нашей страны (95% участников всех соцопросов). Речь идет о выселении игорных заведений за черту российских городов. Вместо этого мои коллеги приняли “регулирующий” вариант, предусматривающий некие квоты и увеличение фискальной нагрузки на игорный бизнес. Впрочем, еще не вечер. Еще не сказал свое слово Совет Федерации и президент, а судьба другой законодательной инициативы, во многом аналогичной нашему предложению, до сих пор не ясна.

Напомню, что в Думе рассматривались два документа — внесенный мной и моим коллегой депутатом-единороссом Андреем Самошиным еще в июне прошлого(!) года проект Закона “О тотализаторах и игорных заведениях” и более мягкий, разработанный позже в комитете по экономической политике, — “О государственном регулировании деятельности по организации азартных игр”. Еще одна законодательная инициатива, с которой в конце 2005 г. выступила группа наших коллег по Госдуме, странным образом “потерялась” в аппарате правительства — от-

туда, несмотря на истечение положенного срока, до сих пор не пришло необходимое заключение. Этот законопроект представляет собой поправку в Закон “О лицензировании”, по которой запрещается размещение игорных заведений в городах и курортах федерального значения (то есть в Москве, Санкт-Петербурге и Сочи). А председатель комитета по экономической политике Валерий Драганов, один из авторов этой поправки, вообще заявил в интервью, что намерен ее отозвать.

Этот факт лишний раз свидетельствует о напряжении, которое с самого начала сопровождает попытки депутатов разобраться с тем, что происходит у нас в сфере игорного бизнеса. Между тем вопрос этот имеет огромное значение для российского государства и общества. Причем проблема относится не к политэкономии, а к нравственности и духовному здоровью нашего народа. Как отметил Президент России в ходе январской пресс-конференции, “зависимость от азартных игр — она может быть не меньшей, чем от алкоголя или наркотиков”. Еще более красочно обрисовал ситуацию мэр Москвы Юрий Михайлович Лужков, охарактеризовавший игорный бизнес как “полный разврат и моральное уродство”.

Можно сколько угодно рассуждать о налогах, считать ставки и коэффициенты, но никакие бюджетные поступления не смогут перекрыть тот непоправимый ущерб, который раковая опухоль игромании наносит нашему социальному организму. Разрушенные семьи, преступления против личности, кражи и грабежи, наконец — многочисленные самоубийства людей, особенно подростков, доведенных до отчаяния бездушными игровыми автоматами, — вот та цена, которую Россия каждый день платит за повсеместное распространение игорных заведений. Именно порочная государственная политика привела к разгулу липовой рекламы, вводящей в заблуждение миллионы людей с низкими доходами, которые ошибочно убеждены в возможности обогатиться через игру. В так называемых цивилизованных странах уже давно подсчитано, что на каждый доллар налоговых поступлений от игорного бизнеса приходится семь долларов ущерба, наносимого социальной инфраструктуре. Именно поэтому повсеместно игорный бизнес либо запрещен, либо выведен в специальные места, вроде построенного в пустыне Лас-Вегаса. А разговоры о числе занятых в игорном бизнесе вообще не выдерживают никакой критики: с этой точки зрения надо было

бы легализовать торговлю наркотиками — таким образом можно было бы “трудоустроить” немало больных людей.

К сожалению, приходится констатировать, что именно государственная политика попустительства расплоданию игорных заведений привела к нынешней печальной ситуации. Не секрет, что отцами-основоположниками многих предприятий игорного бизнеса в нашей стране являлись представители криминалитета. Они одними из первых наладили поставку в столицу и продажу так называемых одноруких бандитов. Безопасность же этого бизнеса обеспечивала “долгопрудненская” преступная группировка.

Насколько мне известно, среди первых оптовых покупателей игровых автоматов была “солнцевская” группировка, контролировавшая доход с них в нескольких районах Москвы. Есть информация, что организация игорного бизнеса в других регионах России проходила при непосредственном участии московской организованной преступности. Сегодня цифры поражают воображение: в одной только столице около 60,2 тыс. игорных заведений, более 65 тыс. игровых автоматов — по одному на 150–180 жителей, включая стариков и младенцев. Эта гигантская машина по оболваниванию людей приносит огромный доход тем, кто ею владеет, — “черный” оборот игорного бизнеса в Москве оценивается в 5 млрд долларов.

Понимая все это, мы изначально призвали относиться к этому бизнесу как к особому виду предпринимательской деятельности, который должен быть официально признан вредным и социально опасным. Соответственно, мы предложили минимизировать это зло. Президент призвал нас “оградить наших граждан от того, что сейчас происходит в сфере игорного бизнеса”. И наш законопроект решал эту задачу. Его принципиальное отличие от другого, так называемого “базового”, представленного комитетом по экономической политике, заключается в том, что он устанавливает территориальные ограничения на размещение игорных заведений. Наш принцип прост: мы считаем, что этих заведений не должно быть там, где живут люди. Поэтому нашим законом запрещается организация азартных игр ближе чем за 1 км от населенных пунктов. Если у человека есть лишние деньги и здоровье, чтобы играть в азартные игры, он может заниматься этим, но подальше от людских глаз. Только так можно предотвратить попадание в игровую зависимость социально уязвимых слоев населения.

Нам не очень понятно, почему этот подход был встречен в штыки комитетом Госдумы во главе с Валерием Драгановым. Они отказываются даже обсуждать его и активно продвигают свой “регулирующий” закон. Общеизвестно мнение по поводу этого текста Государственно-правового управления Администрации президента, которое попало в прессу. Нельзя не согласиться, что в этом проекте присутствует “концептуальная ориентация на интересы прежде всего организаторов игорного бизнеса, а не на установление государственных гарантий от “негативных социальных” последствий, связанных с вовлечением социально незащищенных слоев общества в азартные игры”.

Это неудивительно. Мы ничего не имеем против увеличения платы за лицензию, технических требований к игорным заведениям и повышения ставки налога на игорный бизнес. Но все это не решает проблемы. Установление ограничений на размещение игорных заведений за 100 м от образовательных учреждений просто смехотворно. Неужели кто-то думает, что, если зал с “однорукими бандитами” будет стоять в 105 м от школы, никто не сможет сделать этих пяти шагов? И где вы видели сегодня казино и игровые залы рядом с детскими садами? Их там нет. Таким образом, этот закон ведет лишь к сокращению количества физических и юридических лиц, владеющих игорными заведениями, то есть к концентрации капитала, а никак не к уменьшению количества самих заведений. Не случайно представители крупных игровых сетей приветствовали этот закон — он позволит им просто разделить сферы влияния и скупить объекты у мелких операторов.

Установление же неких квот, когда чиновники будут решать, кому разрешить поставить “легальные машинки по печатанию денег”, вызовет волну коррупции. Комиссия Госдумы по противодействию коррупции уже обратила внимание на эти аспекты принятого в первом чтении законопроекта. Мы считаем, что доверять этим чиновникам, особенно на местном уровне, регулирование игорного бизнеса и борьбу с игорными заведениями — это то же самое, что поручать контроль за аптекой наркоману. Посмотрите, что происходит в столице: если кто не знает, “ДжекПот” — это экспериментальная городская программа, которая реализована в соответствии с постановлением правительства Москвы. Она так и называется: “О внедрении системы «ДжекПот»” и предписывает всем властям, а также метрополи-

тену, железной дороге и стадионам оказывать всемерное содействие размещению этих заведений.

Простейшие экономические расчеты показывают, что в наших условиях, с нашим уровнем коррупции никакой контроль и никакой учет в сфере игорного бизнеса не работают. Более того именно сращивание чиновничества с пропитанным криминалом бизнесом на местном уровне порождает такое уродливое явление, как мафия. Согласно нашим расчетам, принятый в пятницу за основу законопроект, на короткое время уменьшив число игорных заведений, вскоре приведет к их бурному росту — в поистине “промышленных масштабах”.

Поэтому единственная возможность побороть социальное зло, которым является массовое вовлечение населения в азартные игры, — сделать так, чтобы чиновникам было нечего регулировать, то есть запретить их в городах. А какой будет метраж в игорных притонах, расположенных в лесу и на пустоши, и сколько в них будет стоять автоматов — это уже второстепенный вопрос. Этот подход уже реализован в целом ряде субъектов федерации — в Белгородской и Рязанской областях, в Чеченской Республике. Только что такое же решение принял законодательный орган Ямало-Ненецкого округа. То есть этот принцип уже реально воплощается в жизнь, надо только распространить эту норму на всю страну.

Небесполезно было бы изучить и инициативы нашего близкого соседа и партнера — Казахстана: здесь намереваются сконцентрировать весь игорный бизнес в одном-двух городах, расположенных в отдельной курортной зоне, а все прочие населенные пункты избавить от него. Уже определены сроки реализации этого проекта — январь будущего года.

Словом, нужно подойти к делу обстоятельно и законодательно утвердить такие правила игры в игорном бизнесе, которые минимизируют социальный и морально-психологический ущерб от него для населения страны. И если кто-то думает, что с принятием в первом чтении “регулирующего” закона вся борьба закончена, он глубоко заблуждается. Мы проясним судьбу таинственным образом пропавших поправок в Закон “О лицензировании” и внесем свои поправки в тот текст, который был одобрен в пятницу. Мы надеемся, что наше общество, уставшее от засилья игорных заведений, окажет нам поддержку. Мы ее уже ощущаем — надо лишь, чтобы осознание всей глубины проблемы дошло до думского большинства.

СТРАНА И МИР

Россия и ВТО: потери и приобретения

У нашего государства нет другого выбора, кроме как присоединиться к ВТО. Главное, чтобы при этом каждый шаг, каждая цифра были скрупулезно просчитаны. Однако до недавнего времени обсуждение вопроса о присоединении России к ВТО было похоже скорее на предвыборные политические дебаты, чем на процедуру решения конкретной экономической проблемы. Помимо эмоций решение вопроса тормозилось отсутствием системы оценки последствий вступления РФ в ВТО для каждой конкретной отрасли и отсутствием расчетов ставок необходимых для защиты интересов отечественной промышленности заградительных пошлин. На днях Российская академия наук и Национальный инвестиционный совет презентовали доклад, в котором такая методика содержится.

Опросы показывают, что лишь четверть российских предприятий считают себя готовыми успешно конкурировать с иностранными производителями на внутреннем рынке, на рынках СНГ готовы 18%, а в дальнем зарубежье — 9%. Лишь 10% сказали, что готовы к вступлению России в ВТО. Тем не менее, по нашей оценке, даже при наиболее неблагоприятном варианте присоединения к ВТО краткосрочные отрицательные последствия будут относительно невелики. Годовой темп роста ВВП уменьшится не более чем на 1%. Если же российским переговорщикам удастся отстоять свою позицию по уровню связывания пошлин, на начальном этапе возможен даже дополнительный прирост ВВП в пределах 0,6% , вызванный сокращением импорта на 2,7%. К примеру, рост производства ликероводочной продукции составит 11,6%, мяса пти-

цы — 12,4%, виноградных вин — 25%. Правда, серьезные проблемы могут появиться в пищевой, мебельной, фармацевтической, металлургической, химической, автомобильной, авиационной и в ряде других отраслей.

Переговорщикам следует учитывать отраслевую специфику. Скажем, пищевая промышленность пока не способна насытить рынок мясными и молочными продуктами, сахаром и растительным маслом, а ее крупнейшие перерабатывающие предприятия, как правило, импортируют сырье для производства. Пока значения импортных пошлин, на которых настаивают страны — поставщики продовольствия, заметно ниже заявленных нашими переговорщиками. Однако ключевым здесь является вопрос не о пошлинах, а о допусках ВТО объемах государственной поддержки сельского хозяйства, которые в России пока на порядок ниже, чем в ЕС или США, хотя отечественные аграрии работают в менее благоприятных климатических условиях.

Конкурентоспособность металлургии как на внешнем, так и на внутреннем рынке будет зависеть прежде всего не от ВТО, а от цен на товары и услуги естественных монополий. Металлургия окажется одной из первых в выигрыше от возможного пересмотра ВТО антидемпинговых санкций.

В химии даже при сохранении заявленных ставок связывания возможно обострение конкуренции в производстве малотоннажных продуктов, лаков, красок, отделочных материалов, что ставит перед отраслью серьезные проблемы, усугубляющиеся сохраняющейся недогрузкой многих предприятий. Можно ожидать “войны цен” на рынке моторных масел и автокосметики, который российские нефтяные компании ныне активно отвоевывают у иностранных поставщиков.

Проблемой авиастроения является отсутствие внутреннего рынка, без которого невозможно наладить серийный выпуск новых моделей (исходный объем их заказов должен составлять не менее 100 машин). Кроме того, партнеры России настаивают на присоединении к необязательному Соглашению ВТО по авиатехнике, которое устанавливает нулевые ставки импортных пошлин и вводит ограничения на шумовые параметры, под которые подпадает 80% действующего гражданского авиапарка. Если в этой отрасли не восстановить госзаказ или эквивалентные ему меры, перед гражданским авиастроением, включая гра-

дообразующие предприятия, встанет (и при ВТО, и без нее) проблема выживания.

Вступление в ВТО ничем не грозит железнодорожному и трубопроводному транспорту. Главная проблема морского транспорта — нехватка тоннажа и уход судов под “удобные флаги”. Отечественный флот перевозит ныне лишь 6% внешнеторговых грузов. Грузовой автотранспорт и авиатранспорт и без ВТО работают (особенно в международных перевозках) в условиях жесткой конкуренции и на импортных машинах. Вступление в ВТО мало изменит ситуацию на этих рынках и может стимулировать транзитные потоки грузов и пассажиров.

Российские провайдеры финансовых услуг требуют для себя специальной защиты, хотя пока иностранный банковский капитал в России неактивен. Однако при уменьшении рисков вложений в реальный сектор и в случае поспешной либерализации трансграничного движения капиталов ситуация для банков может ухудшиться. Может быть подорвано конкуренцией по правилам ВТО отечественное страхование. В целом возможные выгоды и потери от присоединения к ВТО в сфере услуг балансируются, и ситуация будет зависеть от того, как быстро обретут конкурентоспособность отечественные провайдеры.

Отдельного внимания заслуживает проблема реакции на вступление в ВТО экономик субъектов федерации. Вовлеченность отдельных регионов во внешнеэкономические связи крайне неравномерна. С учетом интенсивности этих связей и готовности регионов к конкуренции на основе использования импортозамещения (рассчитанного по уровню развития обрабатывающей промышленности) вступление в ВТО наиболее ощутимо коснется 23 регионов. Это Москва, Санкт-Петербург, Карелия, Татарстан, Приморский и Хабаровский края, Ленинградская, Московская, Калужская, Иркутская, Ярославская, Новгородская, Самарская, Владимирская, Нижегородская, Вологодская, Тульская, Мурманская, Архангельская, Пермская, Калининградская, Орловская, Белгородская области. Но ожидаемый прирост валового регионального продукта в этих субъектах под воздействием импортозамещающего роста не превысит 0,6–0,7%. Кроме того, от улучшения условий торговли выиграют экспортно-ориентированные промышленные и приграничные регионы, а также те, к промышленности которых применены антидемпинговые санкции.

Относительно слабая реакция экономики на снижение уровня таможенных тарифов во многом объясняется тем, что свертывание многих видов высокотехнологичных производств произошло еще до вступления страны в ВТО. Никакого благодушия этот вывод порождать не должен. Чтобы вступление в ВТО не вошло в противоречие с задачами модернизации экономики, нужно в кратчайшие сроки принять следующие меры:

- разработать и принять промышленную политику России, которая стала бы базой для избирательной защиты производителей, поощрения конкуренции на внутреннем рынке и матрицей для переговоров по условиям вступления в ВТО;

- ввести в действие государственную систему поощрения промышленного экспорта, в том числе в форме госкредитов, гарантий и иных форм финансирования экспортеров и их маркетинговой деятельности;

- создать механизмы временной господдержки предприятий и регионов, особо страдающих от резко возросшего импорта;

- создать госсистему внешнеэкономической и правовой информации для предприятий (цены, условия торговли, механизмы разрешения споров и т. п.), иначе они не смогут эффективно использовать возможности ВТО в международной конкуренции;

- начать подготовку в стране специализированных кадров, владеющих тематикой ВТО, для бизнеса и госаппарата;

- наладить систематизированный диалог между Комиссией правительства по вопросам ВТО, переговорной делегацией и консультативными бизнес-образованиями;

- подключить к отстаиванию переговорной позиции России союзы российских деловых кругов;

- проводить регулярные консультации по проблематике ВТО со странами СНГ;

- проводить постоянный мониторинг не только дискриминационных мер со стороны наших внешнеторговых контрагентов, но и всех торговых барьеров, создаваемых политикой этих стран, публиковать регулярные отчеты результатов мониторинга.

**Момент истины
на постсоветском пространстве.
Письмо коллегам — депутатам
Государственной думы
Федерального Собрания РФ**

Поводом к этому письму и вытекающим из него для меня лично решениям послужила ситуация, сложившаяся в российско-украинских отношениях, а главное — наша с вами позиция в выстраивании этих отношений. Можно сказать, что перипетии во внутривнутриполитической жизни Украины последнего времени привели к моменту истины в постсоветской истории самого Российского государства. На повестке дня оказалось несколько острых вопросов, от которых зависит наше дальнейшее национальное самоопределение. И главный из них: что есть постсоветское пространство и какова миссия России на этом пространстве?

Общность судьбы разных народов, населяющих территорию бывшего Советского Союза и оказавшихся ныне гражданами 15 независимых государств, является нашим главным историческим достоянием, а роль России заключается в том, чтобы его беречь и развивать. Распад СССР, возникновение и становление новых государств на карте мира не уничтожили эту общность, ибо миллионы людей продолжают существовать в едином культурном поле, они связаны кровными узами и экономическими интересами. Однако в последнее время мы стали свидетелями цепной реакции развала этой общности. И дело не в том, что в Грузии, Молдавии, Украине пришли к власти силы, которые не устраивают Россию. Дело в просчетах нашей политики на грузинском, молдавском, но особенно — украинском направлении.

Да, Содружество Независимых Государств было мертворожденной бюрократической структурой, которая уже находится на последнем издыхании. Но закат СНГ как организации вовсе не означает, что идея Содружества в истинном понимании этого слова является бесперспективной. У нас был и еще пока остается выбор, по какому пути идти.

Все мы помним распад СССР. В конце 1980-х гг. было два варианта развития событий. Первый: сформулировать новый советский проект и, предложив союзным республикам максимум самостоятельности, сохранить Союз. Вариант второй: размахивая дегенеративными лозунгами на уровне фельетонов из журнала “Крокодил”, заставить союзные республики ехать в карете прошлого. СССР распался потому, что союзное руководство выбрало второй, заведомо бесперспективный вариант.

Нечто подобное происходит и в наши дни. У России есть только один путь сохранить за собой позиции лидера: предложить новый интеграционный проект, основанный на уважении и интересах, прежде всего экономических, всех его участников. И это нужно не для умозрительных геополитических концепций “влияния” и “господства”, тешащих самолюбие и пробуждающих ностальгические чувства, а ради самосохранения нашего народа.

В чем на самом деле наш самый насущный национальный интерес? В обеспечении условий для роста благосостояния граждан, в предотвращении угроз их безопасности, в способствовании их творческой самореализации как внутри России, так и за ее пределами. Решение таких уравнений возможно только в условиях, когда наши соседи будут так же заинтересованы в этом, как и мы сами. Вот цель нашей политики на постсоветском пространстве. Однако, судя по всему, далеко не все в России это понимают.

Еще весной 2004 г. мы — я и мои единомышленники — пытались обращаться к власти и элитам в целом с предостережением: подход к выборам президента Украины должен быть более гибким. Нельзя демонстративно и неуклюже вмешиваться во внутренние дела Украины — становящегося на ноги полноценного государства, которое в своем юношеском возрасте особо болезненно воспринимает попытки “отеческого похлопывания по плечу”. Нельзя портить отношения между элитами двух стран, потому что восстановить эти отношения одним чиновным окриком не удастся.

К нам не прислушались. Возобладала точка зрения политтехнологов, решивших превратить выборы президента Украины в распродажу собственного дешевого цинизма. Как сопредседатель Российско-украинской межпарламентской комиссии я делал все возможное (и, замечу, почти невозможное), чтобы

нивелировать последствия реализации ошибочной стратегии в отношении выборов на Украине. В меру сил стремился не допустить, чтобы глухое раздражение, которое вызвали у большинства активных и мыслящих людей Украины действия наших политтехнологов, не переросло в устойчивую неприязнь ко всему российскому и русскому. Действуя так, я защищал интересы моей страны и моего народа.

Что сделано, то сделано. Мы уже перевернули эту не самую чистую страницу русско-украинской истории, и теперь возник вопрос: как жить дальше? Сейчас должны разработать философию и технологию стратегического партнерства с Украиной, предложить Киеву конкретную, рассчитанную на десятилетия вперед программу совместной жизни и работы. Программу, из которой однозначно бы вытекало, почему и зачем Украине действительно нужна Россия. Иначе Украина — равно как и Грузия, и Молдавия — уже в ближайшем будущем сойдет с российской орбиты. Уверен, что если в отношениях между нашими странами есть проблемы, то они могут быть решены только в режиме сотрудничества, а не конфронтации.

А главное — необходимо открыть зеленый свет для взаимных инвестиций и экономических проектов, содействовать активному вовлечению частного российского капитала в экономику Украины. Например, если мы хотим наполнить содержанием, а не болтовней единое экономическое пространство, то следует интегрировать наши гражданские авиапромышленные комплексы — предварительную готовность к этому высказал президент Украины. Ничто не препятствует вести переговоры об интеграции госкомпании “Аэрофлот” с каким-либо украинским авиаперевозчиком: так поступили в прошлом году “Эр Франс” и КЛИМ. Если Россия в состоянии строить доступное жилье и организовать ипотеку, создать производства и рабочие места, то от российской “экспансии” такого рода вряд ли откажется даже самый ярый русофоб (пусть не на словах, а на деле).

Что касается активно муссируемых гуманитарных проблем, то не надо искать в темной комнате черную кошку, которой там нет. Уверяю, наполовину русскоязычная Украина в состоянии сама разобраться со статусом русского языка, и в этом вопросе ей не требуются внешние внушения. И не надо рассказывать сказки про репрессии и вспоминать 1937-й г. Если, конечно, не менять одного политтехнолога на другого, считая это высшим

пилотажем в политике, и увидеть в элементарной борьбе против коррупции “политические гонения”.

Я разделяю позицию Президента России, который заявил, что на постсоветском пространстве наше государство должно работать прозрачно, с официальными властями. Сейчас российскому руководству маргинальные политики, прикормленные определенными украинскими ФПГ (или ОПГ, не знаю), навязывают пещерные догмы и схемы, реализация которых приведет к масштабному и затяжному — на десятилетия — украинско-российскому конфликту. Нас призывают сделать ставку на людей, которые выдвигали Шамиля Басаева на соискание Нобелевской премии мира и называвших нападение террористов на Дагестан в 1999 г. “правозащитной акцией в защиту свободы совести”.

Очевидно, что подобный путь пугающе безответственен, что он породит на деле исторически необратимый раскол славянской цивилизации. Но как это ни странно и ни печально, к голосу маргиналов кое-где начинают прислушиваться. Около Кремля, особенно в районе Охотного Ряда, все больше слышатся призывы растоптать Украину, именно в этом некоторые почему-то видят наш национальный интерес. Но такая логика, я уверен, может привести нас только к национальной катастрофе.

Можем мы извлекать уроки из болезненных ошибок в постсоветской политике или же намерены с упрямством, достойным лучшего применения, наступать на одни и те же грабли? Очень хочется, чтобы Россия оставалась для стран СНГ источником надежды и создателем моральных образцов, а не превращалась в провинциальную, убогую, карикатурную псевдоимперию зла. Надеюсь, люди, принимающие в нашем государстве решения, а не заявления, разделяют эту точку зрения.

Опасаясь, как бы присутствие советника мэра Москвы депутата Затулина в составе Российско-украинской межпарламентской комиссии, известного своей политической категоричностью, не замедлило процесс выработки компромиссных решений между законодательными органами наших стран.

Уверен, что Любовь Константиновна Слипка как высокопрофессиональный и порядочный человек прекрасно осознает ответственность и деликатность своей миссии на посту сопредседателя комиссии. Я готов помочь в обеспечении работы этого органа. Вместе с тем слагаю с себя полномочия члена комиссии

и намерен в дальнейшем заниматься диалогом с депутатами Верховной рады Украины в качестве руководителя группы по связям с парламентом Украины.

Интеллектуальный центр интеграции

События последнего времени еще раз наглядно продемонстрировали, что территория бывших республик СССР, государства СНГ и Балтии превратилась в арену мощной конкурентной борьбы различных сил и групп сил как внутринационального, так международного характера.

Смена элит порождает передел сфер влияния, ломает конфигурацию правящих режимов, а в ближайшей исторической перспективе угрожает перекройкой унаследованных от административного деления Советского Союза границ. Реакция России на революции в Грузии и Украине, резкая смена внешнеполитических ориентиров Молдовы, наконец, противостояние в Киргизии показывают, что у нашей элиты до сих пор нет адекватного ответа на эти вызовы, отсутствует внятная концепция политики на постсоветском пространстве.

Этот печальный факт — прямое следствие невнимания ко всему комплексу проблем ближнего зарубежья, которое на протяжении десяти с лишним лет демонстрировало российское общество. В системе Российской академии наук успешно работают Институт США и Канады, Институт Европы, Институт востоковедения и т.д. Но необходимыми как воздух фундаментальными исследованиями ближнего зарубежья на систематической основе до сих пор никто особенно не занимался. Были и есть, конечно, организации, которые позиционируют себя в качестве экспертных центров по этим проблемам. Однако на деле их работа зачастую сводится к политтехнологическому “чесу” на каких-нибудь очередных выборах в Украине или Молдове.

Постановлением бюро отделения общественных наук Российской академии наук от 16 ноября прошлого года и февральским решением ученого совета Института международных экономических и политических исследований РАН был создан Центр проблем интеграции (ЦПИ). Главной целью этого науч-

но-исследовательского учреждения является комплексное исследование процессов, происходящих в бывших республиках СССР, выработка рекомендаций для органов государственной власти России по тем или иным проблемам политики в ближнем зарубежье. Так, я уверен, разработки центра помогут в работе профильных комитетов Государственной думы и Совета Федерации.

Определяя сферу его исследований, мы исходили из наличия различных интересов у отдельных государств СНГ. Поэтому, не ограничиваясь проблематикой СНГ как интеграционной структуры, центр будет исследовать и субрегиональные группировки на постсоветском пространстве, возникшие в результате применения концепции “разноскоростной интеграции”, и двустороннее сотрудничество стран, входящих в Содружество. К настоящему времени в области интеграции уже накоплен значительный мировой опыт, который может в той или иной степени использоваться странами СНГ.

Это прежде всего опыт Европейского союза, в рамках которого введена единая валюта и создан общий рынок. Однако применительно к странам СНГ необходимо помнить, что прямое заимствование опыта других стран далеко не всегда эффективно, поскольку те или иные группировки складывались в специфических обстоятельствах, прошли разные этапы развития и решают различные задачи. Поэтому исследования центра будут нацелены на выявление тех особенностей мирового опыта интеграции, которые могут быть применены на постсоветском пространстве. Центр планирует издание в перспективе на ежемесячной основе информационно-аналитических бюллетеней по проблемам сотрудничества на постсоветском пространстве и международного опыта интеграции. В них будут рассматриваться текущее состояние взаимоотношений стран СНГ, интеграционные инициативы в рамках других объединений, анализироваться перспективы экономического и политического взаимодействия стран содружества. Бюллетени предполагается рассылать органам государственной власти, научным организациям и образовательным учреждениям.

Если говорить о важнейших приоритетах в работе ЦПИ, то, вне сомнения, это проблемы экономики. Именно экономика на самом деле и есть главная движущая сила любой межгосударственной интеграции. Уверен, что организация центра на базе

одной из наиболее авторитетных экономических школ РАН позволит осуществить органичное слияние творческой энергии и научного поиска молодых ученых, с одной стороны, и научного опыта, глубоких знаний и фундаментальных исследований признанных ученых-экономистов — с другой. И, разумеется, поможет законотворческой деятельности депутатов Госдумы и других уровней законодательной власти.

Надо сделать короче путь на Родину

— Ситуация в странах СНГ оказывает определенное психологическое воздействие на наших соотечественников. Мне не нравится название “русскоязычные”, скорее можно было бы говорить “русскокультурные”. У нас существует целый ряд законов и положений, которые регулируют право на гражданство. Можно предположить, что часть наших соотечественников захотят вернуться на свою историческую Родину и не обязательно, что это будут этнические русские. Вот вопрос, который пришел не из стран СНГ, а, что интересно, из Канады. Слушатель Уильям Кер спрашивает: что представляет собой нынешний закон о гражданстве для россиян, живущих в странах СНГ? Могут ли они жить и работать в Российской Федерации, имеют ли право русские, оказавшиеся после распада СССР в балтийских государствах, вернуться в Россию, жить, работать и иметь российское гражданство? Должно ужесточиться законодательство или смягчиться?

— Попробую ответить максимально лаконично, не вдаваясь в подробности, поскольку на эту тему можно говорить часами. Мне кажется, что достигнут консенсус в законодательных и исполнительных органах власти Российской Федерации относительно того, что следует упростить процедуру получения гражданства для “русскокультурных”, как вы назвали, граждан, которые проживают за пределами нашей страны, для соотечественников. Россия политически и экономически в этом заинтересована.

Общеизвестно, что у нас идет сокращение населения. Только в прошлом году — более чем на 800 тыс. человек. И есть очень беспокоящие всех расчеты относительно динамики роста

населения страны. Наконец, не секрет, что многие наши соотечественники за рубежом — люди редких и нужных профессий, высокообразованные. Есть и те, кто живет в тяжелых иногда регионах и не менее таких же условиях.

— Понятно, что возвращение на Родину должно сопровождаться предоставлением жилья и работы. Не стоит забывать, что проблема доступности жилья у нас в стране пока не решена. Кроме того, если мы даже либерализуем закон, то на сегодня остается достаточно бюрократических процедур, через которые людям надо будет пройти. Одних справок надо собрать целую папку.

— Увы, не без этого. Правда и то, что нередки случаи, когда люди могут просто купить себе необходимые справки, в том числе и поддельные. Как и не секрет то, что, наверное, среди тех, кто может воспользоваться этим законом, есть и такие личности, которые не очень желательны — ни в стране, откуда они хотят уехать, ни в России. Поэтому главное здесь — не впадать в крайности. И при упрощении законодательства о гражданстве, въезде и выезде из страны иметь чувство меры.

Когда будет либерализована эта законодательная база? Думаю, что в достаточно обозримом будущем. Эти проблемы будем обсуждать в нашем Комитете по делам СНГ. С другой стороны, мы должны материально подкреплять процессы возвращения соотечественников. Средства на их поддержку в бюджете есть. И неплохо бы направить их на помощь тем, кто только-только обустроивается на Родине. Есть у меня и такая мысль: посмотреть, не сможем ли мы что-то сэкономить из бюджетных расходов, которые идут на содержание различных бюрократических органов и ведомств СНГ, а эти деньги направить на приобретение доступного жилья, решение проблем занятости для хотя бы незначительного пока количества людей, которые в рамках специальной программы возвращаются в Россию. Кстати сказать, президент Владимир Путин недавно высказывался на эту тему.

— Вопрос из Львова от Ольги Яровенко: “Меня очень беспокоит положение русских в Украине. Скажите, пожалуйста, что может сделать Россия, чтобы защитить там права русскоязычного населения, впрочем, как и в других республиках бывшего СССР”?

— Начнем с общего постулата. Конечно, одна из главных задач Российской Федерации — это защищать права соотечест-

венников за рубежом. А поскольку вопрос из Львова, одновременно хотел бы затронуть вопросы русского языка. Дело в том, что получаю много писем, в которых они как раз поднимаются. Есть и очень критические послания относительно моей позиции, поэтому хотел бы ее пояснить. Я никогда не говорил, что нет проблем с русским языком в Украине. Они есть, хотя бы из-за сокращения в последние годы количества школ, где обучение идет на русском языке. Но другое дело, мы должны очень внимательно разбираться в каждом отдельном случае. Если где-то нарушаются права — обязательно реагировать. Например, получил недавно письмо от Евсева Сергея Сергеевича, одного из основателей Русского общества имени Пушкина, созданного в Украине. В нем говорится, в частности, что в Львовской области в некоторых сельских школах детей заставляют стоять на коленях, замаливая грехи отцов. Грехи же заключались в том, что они, возможно, как пишет автор, голосовали за Януковича. Частный случай вроде бы, но и он нуждается в тщательной проверке. Думаю, что на проведение их у нас есть возможности.

А вот другая информация из писем. Речь идет о Волынской области, где проживают 25 тыс. русских и имеется одна русская школа. Сразу же задаю себе вопрос: достаточно или нет одной школы на область? Сколько учащихся в ней, какова ее площадь и сколько тратится на содержание здания? Может быть, этого достаточно, а может быть, нет? Только внимательно во всем разобравшись, можно говорить о конкретной помощи. Или в открытии второй школы, или в строительстве дополнительных кабинетов в действующей. Возьмем Черновицкую область. Здесь живут 37 тыс. русских и есть четыре школы. Если сравнивать с Волынской областью, то разница в количестве школ налицо. Но опять же они могут быть совершенно разные. И по численности детей, и по своим площадям, и по бюджетному содержанию.

Кстати говоря, содержание школ — это довольно большая расходная статья в бюджете. Поэтому надо учитывать, что бюджет в Украине дефицитный, тогда как в России — профицитный. Значит, деньги у нас есть. Не на все, конечно, но есть. Поэтому считаю, что мы по мере возможности должны поддерживать школы. Впрочем, и не только их.

— **Вопрос из Кишинева: “Россия пугает Молдавию повышением цен на газ, ужесточением визового режима, запретом на импорт. А почему же вы критикуете США, когда они введением экономи-**

ческих санкций пытаются заставить другие страны жить по их указке?”. Видимо, этот вопрос вызван недавним заявлением Госдумы в адрес Правительства России, в котором говорилось о введении санкций против Молдавии.

— Несмотря на то что вхожу во фракцию парламентского большинства “Единая Россия”, я был категорическим противником заявления, которое было принято Госдумой накануне выборов в парламент Молдавии. Да, смысл документа сводился к тому, что палата рекомендовала правительству пригрозить соседнему государству экономическими санкциями. Считаю, что это очень ошибочная политика. И подобные методы не стоит применять в отношениях ни с одной из стран СНГ.

Приняв такого рода заявление, мы добились только отрицательного результата. Все партии, пришедшие к власти в молдавском парламенте, делают теперь соответствующие антироссийские заявления. Кроме того, мы пригрозили государству, пусть и небольшому, но с большим количеством русскоязычного населения. Добавим, бедного и зависящего от торговых отношений Молдавии с Россией. К тому же мы пригрозили санкциями, но так их и не ввели. Какой может быть достигнут эффект? Конечно, крайне отрицательный. Считаю, что нужно избегать различных вроде бы эффектных внешне заявлений и не вести дело к отношениям “холодной войны” с соседями. Тем более со странами СНГ.

Преодолеть наследие “холодной войны”

Прошло шесть десятилетий, но, глядя назад, наряду с гордостью и преклонением перед делами наших предков испытываешь и некоторое чувство горечи — достигнутые в 40-е гг. прошлого века союзнические отношения по-прежнему остаются почти недостижимой вершиной не только в советско-американских, но и в российско-американских отношениях. Конечно, победа или поражение в борьбе со странами “Оси” для наших стран были, по сути, вопросом жизни и смерти. Такая глобальная угроза сближала, несмотря на поистине “космическую” разницу между сталинским СССР и рузвельтовскими США.

В последовавший вслед за 1945 г. период “холодной войны”, когда мир временами стоял на пороге ядерной катастрофы, а правила игры, действовавшие во взаимоотношениях Москвы и Вашингтона, предусматривали, что любой успех одной стороны автоматически рассматривался как поражение другой, и наоборот, было, разумеется, трудно даже мечтать о том, чтобы отношения между нашими странами когда-либо вновь вернуться к уровню, что был достигнут в борьбе с фашизмом.

На рубеже 1990-х все разительным образом переменялось. Рухнула Берлинская стена, распался Варшавский договор, тихо и почти бескровно перестал существовать СССР. После августа 1991-го появилась новая демократическая Россия. Прежний идеологический разлом, поколениями разделявший наши страны, стал достоянием прошлого.

Казалось бы, открываются небывалые перспективы и для российско-американских отношений. Первое время все так и выглядит. Как бы даже инстинктивно наши страны делают шаги навстречу друг другу. Обе страны, оба общества, очевидно, были готовы заключить друг друга в свои объятия. Достаточно вспомнить ту овацию, с которой в едином порыве конгресс США стоя приветствовал выступление главы Российского государства в 1992 г. Но “медовый месяц” продлился недолго. Уже к середине 1990-х он как бы сходит на нет.

Мало что изменило и новое столетие, даже после сентября 2001 г., когда стало ясно, что у наших стран общий враг — международный терроризм, враг не менее жестокий и коварный, чем фашизм XX века. Нет, мы не стали соперниками в понимании “холодной войны”, но и близкими друзьями нас назвать трудно. Мы считаем себя партнерами, даже союзниками в общей борьбе с терроризмом, но не друзьями. Почему?

Прежде всего, налицо сохраняющиеся между нашими странами противоречия по различным вопросам.

Сам по себе этот факт ничего неожиданного или даже негативного в себе не несет. Даже между такими традиционными партнерами, как, например, Великобритания и Франция, были, есть и будут противоречия, что, однако, никак не сказывается на общем характере их отношений.

Сложнее обстоит дело в случае, если речь идет о странах, которые лишь недавно были соперниками, обладавшими соизмеримым военно-экономическим потенциалом. Но положение

изменилось. От прежнего периода еще сохраняется способность к взаимному ракетно-ядерному уничтожению, которую некоторые считают анахронизмом, но экономический потенциал, а также политическое влияние уже несоизмеримы. Все это и создает основу для постоянно возникающих трений и противоречий в российско-американских отношениях.

Вашингтон хотел бы от Москвы большей сговорчивости, по сути, признания своего лидерства. Но именно такое положение и не устраивает никого в Москве, где ожидают более равных и взвешенных отношений. При этом в понятие равенства входит и взаимное признание и уважение существования у каждой из сторон зон своих особых и жизненно важных интересов. Вполне естественно, что в нашем понимании в российскую зону жизненно важных интересов входит постсоветское пространство, с которым нас связывают уходящие в века бесчисленные экономические, политические, культурные, этнические и другие связи. Такое положение, однако, совершенно не устраивает США, которые по ряду причин, таких как наличие энергоресурсов или же геополитическое положение, относят многие страны СНГ к собственной сфере интересов.

СНГ — это, пожалуй, наиболее очевидный, но далеко не единственный пример. Так, наши военные, да и не только военные, проявляют очень большую обеспокоенность в связи с перегруппировкой американского военного присутствия за рубежом, а также приближением к нашим границам блока НАТО. Североатлантическая организация, разумеется, меняется, но альянс по-прежнему остается военно-политическим союзом, куда может войти почти любой наш сосед, но не Россия (хотя бы потому, что блок не сможет гарантировать безопасность наших границ). Этот список может быть продолжен.

Есть немало примеров серьезных трений и в экономической сфере. Так, на переговорах о нашем вступлении в ВТО американская сторона постоянно требует от нас все новых уступок. Понятно, что вступление в эту организацию не может быть бесплатным, но нереально и требовать за вступление в ВТО цену большую, чем оно стоит. И наконец, одиозно выглядит сохранение в США по отношению к России так называемой поправки Джексона—Вэника. Действительно, странно даже думать о том, чтобы применять к нынешней России эту поправку, введенную почти 30 лет назад в отношении государств с нерыноч-

ной экономикой, препятствующих свободной эмиграции своих граждан. Ее сохранение по отношению к современной России выглядит, можно сказать, оскорбительно.

Но если те или иные трения, разногласия и противоречия между нашими странами существуют часто вне зависимости от наших желаний или нежеланий, то есть и целая группа моментов, препятствующих перерастанию российско-американских связей в истинно дружеские отношения, которые лежат в сфере групповой и индивидуальной психологии.

Среди них на первое место я бы поставил инерцию времен “холодной войны”. В настоящее время практически все политически активное поколение и в России, и в США сформировалось в период жесткого противостояния наших стран. К сожалению, следует признать, что внушенный в юности “образ врага” оказался на редкость живучим (хотя здесь мне могут возразить, указав на то, что пропагандировавшиеся тогда так называемые коммунистические ценности отнюдь не оказались такими живучими и к настоящему времени почти исчезли в России). Но в любом случае взаимное недоверие присутствует в наших странах почти повсеместно, в том числе, что особенно важно, и в средствах массовой информации. По собственному опыту могу констатировать, что наши парламенты не имеют иммунитета к подобным настроениям.

И у нас, и в США восприятие другой стороны как естественного надежного партнера по-прежнему скорее редкость, чем норма. Именно поэтому, как я понимаю, и гасятся, уходят в песок положительные импульсы к развитию российско-американских отношений, которые исходят от наших президентов. В таких условиях построить надежные основы двусторонних отношений весьма и весьма сложно. Сложно, но возможно.

Надо отдать должное Владимиру Путину и Джорджу Бушу. Они относятся к числу тех, кто понимает: в условиях XXI века наши страны просто не могут себе позволить роскошь соперничества, они являются естественными союзниками, и их интересы по целому ряду принципиальных направлений взаимно дополняют друг друга, и, следовательно, они должны действовать совместно. Нам, сторонникам углубления партнерства между нашими странами, можно сказать, повезло в связи с тем, что сроки пребывания в Кремле и Белом доме наших нынешних президентов практически совпадают. Они, следовательно, име-

ют возможность попытаться заложить основы для такого качества российско-американских отношений, которое страховало бы нас от разного рода неожиданностей.

Задача эта не простая, тем более что приходится действовать в ситуации, когда под российско-американские отношения не подведена “страховочная сетка” взаимных торговых интересов (10–15 млрд долл. в год для наших стран — это мизер). Хотя и на этом направлении можно говорить о серьезных, но все еще потенциальных возможностях. Так, например, существует серьезная взаимная заинтересованность в расширении энергетического сотрудничества.

Но главный “фронт работ” все равно остается для тех представителей гражданского общества, кто искренне заинтересован в укреплении российско-американских отношений, для тех, кто не ищет материал, а иногда и просто повод для взаимного отталкивания, а находит любую возможность для взаимного сближения. Для тех, кто хочет не навредить, а помочь.

Надо совместными усилиями создавать на всех уровнях взаимопроницающие связи между парламентами, представителями бизнес-сообществ, НПО, журналистами, научными и преподавательскими кругами, студенческими и волонтерскими организациями. Только на таком пути мы сможем компенсировать негативные последствия “холодной войны”, которые все еще мешают нашим странам создать условия для того, чтобы наши потомки могли использовать все преимущества сотрудничества, основанного на взаимном уважении.

Как нам обустроить единое экономическое пространство?

В Москве прошел 1-й интеграционный форум “Единое экономическое пространство Беларуси, Казахстана, России и Украины: значение, возможности, перспективы”, собравший представителей политической и деловой элиты государств, которые год назад начали трудное движение по пути создания ЕЭП. Меня, как и многих других участников этого мероприятия, особенно интересовала позиция Украины, представленной

на форуме министром экономики Сергеем Терехиным. Это легко объяснимо — форум прошел спустя всего несколько недель после визита Президента России в Киев, в ходе которого новое украинское руководство подтвердило приверженность курсу на дальнейшее развитие ЕЭП. В достигнутых между президентами наших стран договоренностях многие увидели признаки нового “медового месяца” в российско-украинских отношениях.

Однако выступление на форуме Терехина стало большой ложкой дегтя в эту бочку меда. Начав за здравие и уверив собравшихся, что “Украина хочет расширить и углубить степень интеграции” в рамках ЕЭП, министр тут же заявил, что создание Таможенного союза в рамках ЕЭП противоречит конституции Украины, поэтому для его страны такой шаг неприемлем. Так же, как не может быть и речи о создании любых наднациональных органов ЕЭП. По словам Терехина, приоритетным для Украины является интеграция в Европейский союз и скорейшее вступление во Всемирную торговую организацию, что накладывает ограничения на ее участие в механизмах ЕЭП. Не скрою, эта речь произвела на меня сильное впечатление — тем более что его тезисы противоречат не только позиции высшего руководства Украины, но и его же собственным пожеланиям.

Взять хотя бы создание Таможенного союза. Я не вижу никаких препятствий его созданию в конституции Украины. Действительно, п. 9 ст. 92 гласит о том, что основы внешних сношений, внешнеэкономической деятельности, таможенного дела определяются исключительно законами Украины. Но что мешает принять соответствующие законодательные акты? Хочу заметить, что, демонстрируя неприятие этой идеи, Сергей Терехин тем не менее призвал к скорейшему формированию (уже в этом году) зоны свободной торговли “без изъятий и ограничений”. Однако как можно представить такую зону без единого таможенного тарифа (единой системы таможенно-тарифной защиты по периметру) в отношении третьих стран? Как показывает логика развития ЕС, это важнейшее условие формирования общего рынка.

К тому же нельзя забывать, что создание зоны свободной торговли — это процесс, а не одномоментный акт. Ни одна страна не открывает своего внутреннего рынка, предварительно не создав условий для того, чтобы ее хозяйствующие субъекты не пострадали от усиливающейся конкуренции. В этом смысле создание зоны свободной торговли — это процесс выравнивания условий хо-

заяствования для национальных экономических игроков. Очевидно, что без стремления всех стран-участниц полностью согласовать правила функционирования этого рынка и без длительной, порой достаточно кропотливой работы в этом направлении невозможно разом отменить все имеющиеся ограничения. Позиция российской стороны совершенно логична — она исходит из того, что устранение всех ограничений из режима взаимной торговли возможно лишь тогда, когда остальные страны, в том числе Украина, начнут на деле осуществлять необходимую унификацию внешне- и внутриэкономических режимов.

В этой связи создание наднациональных органов, которые могли бы координировать эту работу, совершенно необходимо. И вовсе не потому, что Россия хочет кого-то ущемить или подчинить, просто без них всей системы не будет. К тому же соглашение четырех государств по ЕЭП, которое уже ратифицировано всеми сторонами, предусматривает передачу суверенитета в определенных областях регулирования наднациональным структурам. Пересмотр данного основополагающего принципа, как это намеревается осуществить украинская сторона, может привести к необратимым последствиям и даже фактическому развалу всей конструкции ЕЭП, а значит, столь необходимой для Украины зоны свободной торговли.

Точно так же весьма спорным мне представляется противопоставление ЕЭП и европейской интеграции Украины. Прежде всего хочу заметить, что для заключения брака необходимо согласие двух сторон. Между тем отношение к настоящему сватовству Украины со стороны Европейского союза пока двойственное и во многом скептическое. Только Польша активно поддерживает Украину по вопросу ее вступления в ЕС. Другие страны-участницы видят Украину скорее в качестве стратегического партнера, нежели члена этой организации. По заявлению комиссара ЕС по внешним сношениям Бениты Ферреро-Вальднер, пока у Украины нет перспективы вступления в Евросоюз, что связано со сложной ситуацией внутри этой структуры, возникшей в связи с адаптацией его новых десяти членов, и состоянием экономики Украины. Трехлетний план действий Украина — ЕС, подписанный в феврале 2005 г., не содержит никаких конкретных обещаний. Объективно оценивая ситуацию и учитывая уже начатые и весьма непростые переговоры Брюсселя с Турцией, вступление Украины в ЕС в среднесрочной перспективе является невероятным.

Во-вторых, я не вижу никаких противоречий между участием в строительстве Единого экономического пространства и курсом на евроинтеграцию как для Украины, так и для России. Более того, при умелом сочетании этих двух интеграционных проектов выгоду получают и Украина, и Россия, и другие участники ЕЭП. Подобное согласование может быть реализовано в двух формах: через поэтапное применение общей системы законодательства Европейского союза и индивидуальные проекты стран по взаимодействию с ЕС (например, в форме ассоциированного членства, к которому стремится Украина, или идея “четырёх пространств”), которые могут включать в себя основополагающие принципы ЕЭП. Таким образом будет налажено взаимодействие двух интеграционных группировок.

То же самое можно сказать в связи с позицией Сергея Терешина по ВТО. Совершенно непонятно, каким образом стремление к вступлению в эту организацию, которое заявлено в качестве одной из целей внешнеэкономической политики России, противоречит нашей интеграции в рамках ЕЭП. Присоединение к ВТО не выступает и не может выступать вектором формирования интеграционных отношений, так как ВТО — это выработка принципов и процедур ведения внешнеторговой и экономической деятельности, то есть своеобразных “правил дорожного движения”. Причем соглашение по ЕЭП изначально исходит из необходимости гармоничного вхождения “четверки” в систему мирохозяйственных связей. Более того, одной из основных задач ЕЭП является согласование позиций стран-участниц при присоединении к ВТО.

Будем надеяться, что странное выступление министра экономики Украины было не очень удачным экспромтом, вызванным нехваткой квалифицированных кадров в перетряхиваемом аппарате украинского кабинета министров. Потому что логически состыковать отдельные его пассажи вряд ли у кого-нибудь получится.

Для меня, как и для всех, кто имеет дело с реальной экономикой, очевидно, что скорейшее формирование и запуск механизмов ЕЭП отвечают насущным интересам наших стран. Ведь только интеграция на микроуровне, объединение производственных потенциалов наших государств помогут нашим экономическим системам, имеющим общее советское происхождение, выжить в условиях глобальной конкурентной борьбы.

Наш президент абсолютно прав, когда указывает украинским коллегам, что с точки зрения сиюминутной фискальной конъюнктуры России было бы выгоднее отгородиться от соседей высокими таможенными барьерами. Однако российское руководство, понимая общность наших интересов, видит перспективы стратегического партнерства, одним из элементов которого может стать Единое экономическое пространство. Хочется думать, что наши коллеги в Киеве на этот раз проявят столь присущий украинскому национальному характеру прагматизм и разногласия по дальнейшим шагам в формировании ЕЭП будут сняты. Ведь от решения уравнения, элементами которого являются Россия, Украина, ЕЭП и ЕС, зависит не абстрактная геополитическая модель постсоветского пространства, а благополучие миллионов людей в наших странах.

Москва своих не бросает

По мере того как Россия и российский бизнес становятся частью европейской и мировой правовой культуры, возникает проблема различных юрисдикций. Она состоит в том, что постановления иностранных судов, касающиеся российских юридических и физических лиц, автоматически признаются, а решения российских судов в отношении иностранных компаний и кредитно-финансовых учреждений традиционно игнорируются.

Последнее десятилетие пестрит примерами бесцеремонного обращения с российскими гражданами и организациями за рубежом, которое нередко выливается в грубое нарушение их прав и интересов.

Чаще всего мы сталкиваемся с произволом западной Фемиды в отношении отечественных участников внешнеэкономической деятельности. Дискриминация приобретает унижительные формы: запросто арестовывается российское имущество, берутся под стражу действующие и бывшие высокопоставленные официальные лица, блокируются активы банков, средства граждан и организаций. Государство и отечественные компании несут ощутимые потери — не менее 1,5 млрд долл. в год, что подрывает основы экономической безопасности страны.

О том, как это происходит, легко проследить на примере самого крупного и затяжного международного банковского конфликта последних лет с российским участием — продлившейся около четырех лет тяжбы между АКБ “Национальный резервный банк” и французским банком “Креди Агриколь Индосуэц” (КАИ).

Стоит напомнить, что причиной тяжбы “зеленого банка” (так называют КАИ во Франции) с НРБ стал отказ последнего исполнить 14 сомнительных форвардных сделок, которые, по версии французского банка, были якобы заключены до кризиса 1998 г. в России.

Однако все инстанции российского Арбитражного суда, включая высшую, признали эти сделки незаключенными из-за отсутствия подтверждающих их письменных документов и запретили КАИ совершать действия, направленные на списание средств со счетов НРБ в России и за рубежом. Вопреки этому Верховный суд штата Нью-Йорк, куда “Креди Агриколь” подал иск на НРБ, вынес решение в пользу “зеленого банка” и обязал НРБ выплатить истцу около 120 млн долл. исковых требований. На основании этого решения КАИ инициировал весной 2000 г. арест находящихся на зарубежных счетах средств НРБ (в основном в виде ценных бумаг) на общую сумму около 500 млн долларов.

Незаконный избыточный арест нанес серьезный удар по российскому банку. Лишь в сентябре 2000 г. юристы НРБ сумели через Бельгийский суд добиться сокращения арестованных активов. Однако около 340 млн долл., принадлежащих российскому банку, остались заблокированными в системе Евроклир в Бельгии. В сложившейся ситуации НРБ предъявил в Московский арбитражный суд иск к КАИ о возмещении убытков на сумму 75 млн долларов. В январе 2001 г. иск российского банка был удовлетворен и затем подтвержден вышестоящими судебными инстанциями. Имея на руках исполнительный лист, НРБ через уполномоченных юристов заблокировал счета КАИ в Банке Франции на 75 млн долл. и формально мог бы вступить в права владения этими средствами. Однако Банк Франции воспрепятствовал их списанию. В ответ юристы НРБ подготовили еще один иск для возмещения прямых убытков от непоставки клиентам ценных бумаг, в результате чего общая сумма исковых требований НРБ к КАИ возросла до 180 млн долларов. В конеч-

ном итоге благодаря стойкости российского банка, который отстаивал свои интересы, по большому счету, в одиночку, к лету 2003 г. между сторонами был подписан договор, урегулировавший обязательства.

Однако решения наших судов так и не были признаны за рубежом. И в этом — главный проигрыш российской стороны.

Недавний арест в Берне по ордеру суда Западного округа штата Пенсильвания экс-министра атомной энергии РФ Евгения Адамова стал очередной (после задержания госсекретаря Союза Белоруссии и России Павла Бородина в Швейцарии, министра спорта и туризма России Бориса Иванюженкова в США) унижающей достоинство нашего государства и его граждан силовой акцией. Вообразите, что произошло бы в Америке, если бы по запросу российского суда был арестован даже не министр, а какой-нибудь мелкий клерк. Какие бы ноты и ультиматумы последовали по дипломатическим каналам и из уст верховной власти США! У нас — ничего подобного.

Только жалкая попытка с помощью Басманного суда спасти Адамова арестом из-под ареста — и то не как гражданина, а как потенциального разносчика госсекретов (посмотрим еще, какому запросу — американскому или российскому — отдадут приоритет швейцарские власти). Похоже, мы уже начинаем сживаться с ролью униженных и оскорбленных.

Очень жаль! Это положение вещей надо срочно исправлять, возвращая достоинство себе и заставляя уважать себя за рубежом.

В нашем Основном законе (ст. 61 Конституции РФ) записано, что Российская Федерация гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за ее пределами.

Увы, эта конституционная норма так и остается декларативной. Попытки ее реализовать носят эпизодический характер и происходят после личного вмешательства главы государства, который дает соответствующие специальные поручения. В упомянутом конфликте между НРБ и КАИ российские министерства и ведомства предприняли отдельные меры по защите интересов НРБ только после указания президента на этот счет.

Что касается тогдашнего премьер-министра Михаила Касьянова, то он предпочел отмахнуться от проблемы и проигнорировать просьбы российского банка о поддержке, дав понять, что это частное дело двух коммерческих структур, которые должны решать свои споры самостоятельно. А назначенный Касьяно-

вым переговорщик Колотухин, к сожалению, провел “переговоры” так, что российский банк оказался проигравшей стороной.

Такое безразличное и даже пренебрежительное отношение высших российских чиновников к интересам соотечественников развязывает руки всякого рода зарубежным “истцам”, преследующим либо экономические, либо политические, либо иные цели, это ослабило позиции России в целом на международном правовом поле.

Поэтому нашим уделом стали запоздалые оборонительные потуги в противовес застающим нас всегда врасплох тщательно спланированным атакам. Одна из главных слабостей нашей “оборонительной системы” заключается в упорном нежелании государства рассматривать интересы государственных и частных учреждений и предприятий на равных, в одной связке — как общенациональные. В большинстве случаев родное правительство бросает на произвол судьбы отечественные коммерческие организации в борьбе с западными мастерами предъявлять необоснованные требования.

Яркий пример тому — уход государства от переговоров по проблеме форвардных контрактов, которая возникла после августа 1998 г. Хотя и ЦБ, и Минфину было известно, что значительная часть требований западных банков к российским — фикция, они тем не менее почли за лучшее не ввязываться в драку. При этом никого в правительстве не взволновало, что в случае удовлетворения необоснованных исков из страны ни за что ни про что могут уйти сотни миллионов долларов, а кризис в банковском секторе страны еще более усугубится.

В результате подобной практики мы имеем то, что имеем. Если наше государство действительно хочет обеспечить экономический рост, необходима национальная политика защиты экономических интересов России за рубежом.

Она должна гарантировать российским предприятиям и гражданам возможность в полном объеме пользоваться всеми правами, установленными законодательством государств их пребывания, а также международными договорами и обычаями международного права. У нас в последнее время много говорят о том, что надо ставить наши экономические отношения с государствами бывшего СССР в зависимость от их политической лояльности к России, доходит даже до призывов применять санкции. Предлагаю посмотреть на эту проблему с другой

стороны: одной из форм защиты экономических интересов России и ее граждан может быть увязывание межгосударственных политических отношений с тем, как в том или ином государстве ближнего или дальнего зарубежья относятся к собственности или бизнесу наших граждан. “Москва своих не бросает!” — эта крылатая фраза должна стать содержанием нашей политики по защите российских экономических интересов за рубежом.

Здравый смысл подсказывает: давно пора принять специальный федеральный закон о защите российских граждан, предприятий и организаций за рубежом, который бы обязывал чиновников всех степеней защищать интересы россиян за границей вне зависимости от их отношения к средствам производства и формам собственности. Сам факт принятия такого документа продемонстрирует решимость России отстаивать свои экономические интересы на международной арене. Разумеется, в законе должны быть исчерпывающе прописаны инструменты и механизмы защиты российских экономических интересов за рубежом. Соответствующие предложения имеются у Национального инвестиционного совета (НИС), который разрабатывал их на протяжении последнего времени при участии видных отечественных экономистов и правоведов из РАН, а также представителей депутатского корпуса. Эти предложения могут лечь в основу федеральной программы, в разработке которой НИС и инициативная группа депутатов Госдумы готовы участвовать во взаимодействии с аппаратом Администрации Президента Российской Федерации, Правительства РФ, федеральными министерствами и ведомствами.

Жизненная необходимость подготовки и принятия этих документов в свете последних событий и перспективы вхождения России в ВТО очевидны. Промедление может обернуться для нас усилением давления на нашу страну как на конкурента с помощью юридической казуистики и чревато многочисленными нежелательными последствиями, включая угрозу арестов все большего круга лиц и имущества все большего числа российских частных и государственных организаций за рубежом. Не следует со свойственной нам беспечностью дожидаться времени, когда отечественный флот будет заперт в российских портах, а участники внешнеэкономической деятельности и многие функционеры госаппарата станут невыездными...

Трещины в расширяющейся европейской империи

Признание проекта конституции Европейского союза негодным во Франции и Нидерландах встряхнуло европейскую элиту, которая, похоже, принимала как данность общественную поддержку строительства общеевропейского дома. Хотя предупреждений о том, что ратификация может столкнуться с проблемами, хватало и до подписания конституции, будущие отцы-основатели сбрасывали скептиков со счетов. Хорошо смазанная европейская бюрократия до сих пор не может поверить в системный провал, который ставит под угрозу саму основу ее существования.

Последующие события, включая отказ Британии и других стран продолжать процесс ратификации, равно как и проявление разногласий на июньском саммите ЕС не только по конституции, но и по жизненно важным вопросам бюджета и финансовой политики, наводят на мысль о том, что европейский проект находится в глубоком кризисе. То, что произошло, это еще не катастрофа, но может оказаться началом катастрофы, если не будет проведен глубокий анализ, не будут извлечены уроки.

Кризис нельзя объяснить исключительно политикой двух, трех или пяти из 25 членов ЕС. Объяснять провал голосования по конституции общественным недоверием к правительствам Франции и Голландии, низкими рейтингами президента Франции Жака Ширака и премьер-министра Голландии Яна Балкененде означает выдавать желаемое за действительное. Результаты голосования также нельзя назвать выражением недовольства новыми ограничениями национального суверенитета. Подлинная причина в другом.

С нашей точки зрения, главная причина заключается в том, что быстрое расширение ЕС породило громоздкую систему. Тем не менее европейские комиссары с горящими глазами продолжают говорить о расширении любой ценой. Расширение Западной Европы, поглотившее Восточную Европу, которое с началом переговоров о вступлении с Турцией перешагнет за Босфор, вызвало сильное недовольство жителей “Старого света”.

Это можно понять: для среднего европейца перемены означают приток дешевой рабочей силы с востока и бегство промышленности на восток.

Идеологам новой Европы нет нужды долго думать о том, может ли дальнейшее хаотичное расширение на восток привести к разрушению европейского дома как такового, во всяком случае в его нынешнем виде. Ведь что такое Франция как не краеугольный камень этого дома?

Француз, у которого канал “EuroNews” взял интервью на улице, поставил очень хороший вопрос: что было бы, если бы в странах, где конституцию ратифицировали парламенты, прошли референдумы? В конце концов, во Франции и Нидерландах большинство “представителей народа” как от правящих партий, так и от оппозиции выступало за ратификацию. Оппозиция в Германии уже ставит под сомнение решение парламента ратифицировать конституцию, и этот вопрос будет неоднократно повторяться в преддверии сентябрьских выборов.

Очевидно, что европейские политические элиты должны винить в происшедшем только себя. Референдумы продемонстрировали, какая пропасть разделяет истеблишмент и народы стран ЕС. Сегодня дело выглядит так, как будто создатели конституции не предусмотрели никаких механизмов на случай сбоев в процессе ратификации. Иными словами, они все решили заранее, отбросив мысль о том, что люди, которых они вроде бы представляют, могут с ними не согласиться. В результате судьба документа, который рождался в таких муках и был подписан с такой помпой, в течение нескольких дней оказалась под вопросом.

Кризис ЕС может дестабилизировать политические системы Европы. В конце концов, демократия — иными словами, правительство, выражающее волю народа, — является главной ценностью европейского порядка. Попытка элит исключить народ из процесса принятия решений может привести к отторжению элит от общества. В худшем случае силы, которые в настоящий момент маргинальны, могут вернуться в центр политической жизни. Примечательно, что почти забытый “Интернационал” стал песнью победы противников конституции во Франции.

При таком развитии событий страны Балтии и бывшие партнеры России по Совету экономической взаимопомощи в Восточной Европе, мечтавшие жить под голубыми небесами и желтыми звездами, могут столкнуться с острыми проблемами. Рассчиты-

вая на щедрые дары, они перестроили свои дома по европейским стандартам, в процессе доведя некоторые из своих промышленных мощностей до состояния, когда их восстановление невозможно. Но захочет ли “старая Европа” и дальше оделять новичков деньгами, это вопрос. Во время жарких дебатов по бюджету на недавнем саммите многие давние члены ЕС поддержали Лондон в его нежелании субсидировать убыточное сельскохозяйственное производство, и это не сулит новичкам ничего хорошего.

Другой аспект поражения брюссельской демократии касается чайных стран, находящихся к востоку от нынешних границ ЕС: Турции, Украины, Молдавии и Грузии, равно как и белорусской оппозиции. Сегодня необходимо серьезное изменение стратегии и тактики строительства единой Европы, особенно темпов объединительных процессов.

В этой связи стоит вспомнить о потребности выстроить единую Европу не только на Западе, но и на Востоке. Это подчеркивает важность создания единого экономического пространства, включающего в себя Россию, Украину, Белоруссию и Казахстан, — процесса, который принесет огромную выгоду этим четырем странам, равно как и ЕС. Взаимодействие между этими двумя системами является ключом к расширенной объединенной Европе.

Кроме того, недавние события должны дать пищу для размышлений об отношениях России с ЕС и ее позициям, связанным с Союзом. Многие в России откровенно радуются нынешним проблемам ЕС. Смысл подобных комментариев сводится примерно к следующему: “Наведите порядок в собственном доме, прежде чем поучать нас”. Действительно, там, где речь идет о демократии, России надоело быть в глазах Европы мальчиком для битья. Но, вместо того чтобы злорадно потирать руки, мы должны задуматься о том, какие уроки мы можем извлечь.

Энергетическое великодержавие

В преддверии саммита “Большой восьмерки”, посвященного проблемам энергетической безопасности, тема предстоящего разговора глав индустриально развитых демократий захватыва-

ет информационное пространство, становясь предметом общественной дискуссии во всем мире.

Если взять возможности России в сфере энергетики, то она, безусловно, является энергетической сверхдержавой. Нам принадлежит более 25% мировых запасов газа, наши подтвержденные нефтяные запасы сопоставимы с Саудовской Аравией и Ираком; прогнозируется, что к 2025 г. спрос на нефть вырастет на 40%, на газ — на 60%. Многие страны-конкуренты (Венесуэла, Нигерия, страны Ближнего Востока) в отличие от России политически нестабильны или демонстрируют неготовность соответствовать запросам рынка, а иногда откровенно враждебны ценностям европейской цивилизации. Это данность, в которой нет нашей заслуги, но не воспользоваться ею для решения внутренних проблем и внешней экспансии было бы глупо. Еще несколько лет назад никто и не мечтал о столь резком скачке цен на сырье, а сегодня благодаря этому страна вновь находится в эпицентре мировой политики, становится одним из главных субъектов международных отношений.

Важно, что нынешнее руководство страны, памятуя о суицидально-экстенсивной и не принесшей в итоге никаких дивидендов нефтедолларовой политике позднего СССР, демонстрирует трезвый подход к использованию столь удачно сложившейся конъюнктуры. Свидетельство этому — несколько знаковых событий, “энергетических рывков” по большинству геостратегических направлений:

— запущен газопровод “Голубой поток” в Южную Европу; принято предварительное решение о строительстве нефте- и газопроводов в Китай и Корею;

— заложен Северо-Европейский газопровод — возможно, самый амбициозный геополитический проект со времен “Дружбы”;

— начались переговоры о поставках углеводородов в США: Россия претендует на то, чтобы к 2010 г. получить до 10% американского газового рынка;

— перевалка нефти через новый порт на Балтийском море позволяет отказаться от использования транзитной инфраструктуры Латвии.

Таким образом, мы “выжали” из нашего статуса максимум возможного и, что важно, сделали это “по-умному” — по крайней мере, с точки зрения международного позиционирования (я не

касаюсь сейчас вопроса, на что тратятся получаемые сверхприбыли, а также эффективности сложившейся организационно-правовой формы добычи и продажи сырья в рамках специфического госкапитализма). Однако абсурдно полагать, что сложившееся положение дел является стратегической линией государства, что удачная конъюнктура нефтегазового рынка была запланирована, а вновь энергетическое великодержавие является не наспех скроенной концепцией, а долго вынашиваемой, полноценной идеологией национального развития. Совершенно очевидно, что такой способ обеспечения экономического развития необходимо признать вынужденным и временным по целому ряду причин. Прежде всего, надо отметить, что нефть и газ не являются нашим эксклюзивным продуктом на мировых энергетических рынках. По этой логике “энергетическими сверхдержавами” должны быть и Саудовская Аравия, и ОАЭ, чья нефть качественнее и дешевле по себестоимости. В силу этих обстоятельств, а также покладистости они вполне могут договориться с Западом как главным потребителем сырья о своем особом статусе, обыграв особо беспокоящих конкурентов. Не стоит забывать и об альтернативных источниках энергии, в разработку которых на Западе вкладывают огромные деньги и доля которых будет только возрастать.

Тем, кто уповает на позицию “энергетической силы”, надо иметь в виду, что попытки какой-либо одной страны шантажировать мировое сообщество ценами или перекрытием трубы не принесут политических или финансовых дивидендов. Ситуация 1973 г., когда слаженные действия ОПЕК вызвали реальную панику во всем мире, сейчас вряд ли возможна. Страны-потребители выработали эффективные механизмы противостояния подобным эскападам, современные условия игры сильно отличаются от прежних, да и Россия в роли застрельщика подобной фронды смотрелась бы неубедительно. В конце концов, труба — это не ядерная дубина.

К тому же Россия отделена от своих главных нынешних и потенциальных потребителей (кроме Китая) буфером транзитных стран с беспокойной политической обстановкой. Амбиции местных лидеров или правительств иногда принимают характер, угрожающий энергобезопасности всех участников экономической цепочки. Противостояние с Украиной, протесты Прибалтийских государств и Польши, подрывы нефте- и газопроводов — это только недавние примеры возможной агрессии.

Не все благополучно и в самой “образцово-показательной” отрасли. По общему мнению экспертов, в России практически не умеют добывать нефть и газ современными способами, например на шельфе, нет ни одного НПЗ, отвечающего современным требованиям качества нефтепродуктов (при всей гордости наших нефтяных гигантов и заявлениях о своих достижениях). Состояние энергетических и транспортных коммуникаций даже в районе добычи вызывает серьезные нарекания по всем возможным параметрам. Российские компании недостаточно инвестируют в разработку новых месторождений, а уровень производства нефти и газа в России после нескольких лет роста начинает выравниваться и падать.

Наконец, самое главное: концепция существования государства за счет продажи своего сырья не верна концептуально, так как не предполагает “прибавочной стоимости”, создания новых инструментов экспансии и представляет собой классическое самоедство. История доказала, что только наличие целеполагания, превышающего имеющиеся ресурсы, приводило к статусу сверхдержавы (только что получившие независимость США уже через 47 лет провозгласили сверхамбициозную “доктрину Монро”; разрушенный после Гражданской войны СССР уже через 10 лет начал индустриализацию, материальных предпосылок для которой не было).

Все предпосылки для сверхдержавного целеполагания у России есть, и углеводородный козырь дает нам возможность создать необходимый материальный задел, частично компенсировать все чудовищные потери прошлого десятилетия и построить наукоемкую, ориентированную на новые технологии модель экономики, прежде всего в энергетической сфере. Этот задел больше, чем был у молодого американского государства или у нэповского Союза.

Руководство страны демонстрирует понимание временности и паллиативности дебатированного неологизма, осознает реальное место ТЭК в структуре национальных приоритетов и, судя по всему, не удовлетворено хоть и благоприятным, но зыбким статус-кво. Президент выразился более чем недвусмысленно: “Ключевая задача, которая стоит сейчас перед страной, — диверсификация российской экономики и переход к инновационному развитию страны”. Соответственно, наша сырьевая база — это дарованное нам судьбой и природой преимущество перед

другими странами, которое пока не может быть предметом национальной гордости, но может и должно стать основанием для качественного рывка, для новой “постиндустриальной индустриализации”. В противном случае нас рано или поздно ждет полная дезинтеграция и потеря суверенитета, в лучшем случае мы сможем рассчитывать на роль обслуживающего персонала чужой трубы. Если не понимать этого и остановиться на достигнутом, обсуждать нюансы соотношения доллара и барреля, восхищаться темпами злокачественного роста и кокетливо блюсти девственность Стабфонда, ожидаемого скачка может не произойти. А это уже преступление перед будущими поколениями.

Между Сциллой и Харибдой

Общественная дипломатия поможет сделать российско-американские отношения более взвешенными

Сказать, что отношения Россия — США сегодня переживают кризис, — означает нарваться на упрек в банальности. А еще — на предложение задуматься о том, “кто первый начал”, о гегемонии “единственной сверхдержавы”, после чего следует полный набор популярных штампов, включая “доктрину Даллеса” и развал СССР как заговор ЦРУ. Быть в рядах антиглобалистов и обличать Вашингтон у нашей политической элиты стало модно. Между тем пока никакой пользы от всех этих увлекательных состязаний политологов по плевкам через океан не просматривается. Не случайно же наш президент, остроумно намекнувший в недавнем послании насчет “товарища волка”, тут же остудил горячие аплодисменты собравшихся, призвав “не повторять ошибок Советского Союза, ошибок «холодной войны»”.

Действительно, можно сколько угодно говорить о том, что американская экономика — это пузырь, что это страна-паразит, ставшая всемирным заемщиком, и тому подобные колкости, которые, справедливости ради заметим, не всегда грешат против истины (как раз на днях стало известно, что объем внешних заимствований США, составляющий фантастические для нас \$13,6 трлн, превысил объем инвестиций за рубежом. В результате страна выплачивает по долгам ежеквартально по \$22 в расче-

те на каждое домохозяйство, в то время как годом ранее она получала \$31). Однако это никак не отменяет тот факт, что, будучи и пузырем, и паразитом, эта самая экономика по-прежнему является номером один в мире. А современная финансовая система и система разделения труда устроены так, что мимо нее никак не проедешь. Китай, с восточной педантичностью и упорством прокладываящий себе дорогу в сверхдержавы XXI в., пока представляет собой в большей степени всемирный сборочный цех, в то время как США добиваются сверхкапитализации за счет технологий. То есть за счет интеллекта — того самого серого вещества, которое она собирает по всему миру и привлекает на работу во благо Pax Americana.

Вне всякого сомнения, мы находимся с Америкой в конкурентных отношениях. Иных отношений у России с государством, стремящимся к глобальному влиянию, просто быть не может — точно так же, как и у любой другой страны или группы стран, стремящихся к суверенному праву на самостоятельный выбор развития. Разве кто-то сомневается в том, что подобными (а вернее — гораздо более актуальными и, увы, серьезными) конкурентами для США являются уже упомянутый Китай, Евросоюз, Индия или Бразилия? Однако уровень сотрудничества всех этих конкурентов с Америкой весьма высок, а взаимозависимость глубока. Здесь сами понятия “конкуренция” и “партнерство” превращаются в “инь” и “янь” известной философской формулы. Это означает, что они находят необходимую грань между естественным соперничеством и конфронтацией, изматывающей и в историческом плане бесперспективной. Достаточно сказать, что из 8 млн в месяц покупаемых Китаем мобильных телефонов каждый второй из США, крупнейшая в мире сеть магазинов “Уорлд-Март” 80% товаров покупает в Китае и \$900 млрд валютных резервов Китая вложено в экономику США.

Да, конфронтационный подход в реализации внешнеполитических интересов нередко характерен как раз для нынешней администрации США. Жесткая риторика и зачастую необоснованные уколы в адрес России не проходят мимо нашего истеблишмента и официальных СМИ. Причем реакция обусловлена не только содержанием. Так, в своем нашумевшем выступлении на форуме балто-черноморских государств вице-президент Чейни не сказал ничего такого, чего мы не слышали ранее. Однако после Вильнюса, где он обрушился на российские власти за “не-

уместное и несправедливое ограничение прав своего народа”, неформальный лидер американских неоконсерваторов направился в Астану, где выразил “восхищение всем, что достигнуто” в области прав человека (мировая пресса тотчас же припомнила недавнюю похвалу Кондолизы Райс в адрес очередного “доброего друга” Вашингтона — президента Экваториальной Гвинеи Теодоро Обьянга, избранного на свой пост с весьма “демократическим” счетом — 97% голосов. Видимо, госсекретарю помогли разобраться в ситуации растущие темпы добычи нефти в этой стране (третьим по объемам экспортером региона).

Не добавили позитива как санкции в отношении “Сухого”, так и затягивание переговоров по ВТО по вряд ли объективным причинам. Но нельзя не видеть, что конфликтный стиль и нередкие двойные стандарты и стали причиной сокращения американского влияния в мире, породили проблемы как внешнего, так и внутреннего свойства. Моральный авторитет Вашингтона и в Европе, и за ее пределами невысок. И вот вопрос: а надо ли нам отвечать в том же духе и действовать по принципу “око за око”? Выиграли ли мы больше, чем проиграли от недавней истерии в рамках отношений с Саакашвили? Очевидно, что нет, ибо на этом пути ждет тупик. Задача по сосредоточению государства и сбережению народа неразрывно связана с обеспечением внешнего спокойствия. После ран, нанесенных “холодной войной” и внутренней смутой, России надо восстановиться. Собственно говоря, именно в этом смысл стратегии отношений с Америкой и — шире — с североатлантическим сообществом, которую последние годы не без успеха проводил Кремль.

Увы, в последнее время начала проявляться сомнительной пользы тенденция по любому поводу вступать в конфронтацию с Америкой на мировой политической арене. Причем зачастую многие государства, которые никогда бы не решились открыто конфликтовать с Вашингтоном, используют присущую нашей элите жажду “показать кузькину мать дяде Сэму”, решая попутно свои сугубо прагматичные вопросы. Проблема здесь не столько в том, что Россия только-только начала выползать из ямы, в которой она оказалась в начале 90-х. Печально то, что, увлекшись этой навязанной игрой, мы легко ставим на кон то, от чего зависит наше собственное развитие.

Свежий пример: стратегический вопрос о закупке “Аэрофлотом” дальнемагистральных пассажирских лайнеров. Еще

Юрий Андропов справедливо отметил, что для нашей страны проблема транспорта — это политическая проблема. Попробуйте-ка добраться до Владивостока или Хабаровска иначе как по воздуху. Россия, раскинувшаяся на 11 часовых поясах, не может существовать как государство, если не будет обеспечено нормальное перемещение людей по всей ее территории — от Калининграда до Петропавловска-Камчатского. Между тем состояние нашего парка гражданской авиации таково, что, если в ближайшие годы не заменить порядка 500 самолетов, российским авиаперевозчикам просто не на чем будет летать. Отдавая должное нашей авиапромышленности и всячески поддерживая ее развитие, надо признать: она просто не в состоянии обеспечить такой объем поставок. Поэтому здесь выбирать между отечественным производителем и импортом не приходится. Если не закупать, возникнет угроза жизни для миллионов наших граждан, каждый год пользующихся воздушным транспортом.

Надо закупать только такую технику, которая не имеет отечественных аналогов и которая не может производиться у нас в необходимом количестве. А по соображениям безопасности импортироваться должны только новые самолеты, а не тот авиахлам, который у нас в большом количестве завозится в последние годы. В сегменте дальнемагистральных самолетов выбор невелик — между боинговским Dreamliner “B-787” и эрбасовским “A-350”. В случае с “Аэрофлотом” давно надо было принимать решение. Не буду высказываться в пользу того или иного выбора — поддерживаю позицию менеджмента “Аэрофлота”.

Казалось бы, вопрос не стоит выеденного яйца. Но премьер-министр уже почти год не может подписать директиву для представителей государства в Совете директоров “Аэрофлота”, а без нее подобные решения не принимаются. Возможно, правительство решило увязать вопрос самолетов с торговлей с США по вопросам вступления в ВТО. Но рынок авиаперевозок — один из самых растущих в мире, и всем нужны самолеты. А наш “Аэрофлот” может остаться у разбитого корыта, то есть с выработавшим весь ресурс парком с грехом пополам летающих машин. Частный акционер “Аэрофлота” не потому подставил плечо заблудившемуся в трех соснах государству и зарезервировал самолеты, что ему больше нравится “Боинг”, чем “Эрбас”. “Аэрофлот” разумно предлагает разделить сделку между основными мировыми конкурентами. Разве ВТО стоит огромных убытков

для главного авиаперевозчика страны и угрозы жизням наших граждан?

Вся эта история лишний раз свидетельствует, что взаимопонимание — это главное достоинство нормальных, прагматичных отношений. Общий климат этих отношений, который оказывает влияние на все, в том числе и сугубо хозяйственные, вопросы, формируется на уровне повседневного общения. Однако сегодня возник опасный вакуум в двусторонних контактах. Эйфория времен перестройки давно прошла, и иногда возникает впечатление, что находящаяся “в теме” часть правящих элит просто устала за много лет бессменной вахты и возник эффект “замыленного глаза”. Повестка дня отношений по большому счету исчерпывается актуальными со времен разрядки проблемами ядерной безопасности. Если бы не надвигающийся глобальный энергетический кризис, принуждающий ведущие державы к дискуссии (в том числе и на саммите “восьмерки”), российско-американский диалог напоминал бы разговор глухого с немым. С другой стороны, за почти 20 лет, прошедших с окончания “холодной войны”, накопилось такое количество взаимных претензий, обид и недомолвок, что этот “навес” периодически прорывается уколами и выпадами, особенно в гуманитарной сфере.

Решение данной проблемы, как нам представляется, находится совсем рядом. Ведь внешнеполитическая линия такого государства, как Россия, и на таком важнейшем направлении, как отношения с США, не может осуществляться лишь одним президентом и группой дипломатов, работающих в Вашингтоне, Нью-Йорке и соответствующем департаменте МИДа. Этот воз наши державы в состоянии будут вывезти в правильном направлении только в том случае, если в него будут “запряжены” люди, работающие на разных этажах — политических, парламентских, общественных, деловых, научных, культурных, четко понимая общую линию, но вносящие самостоятельный вклад в двусторонние отношения. Стоит только за это взяться на государственном уровне, обозначить соответствующую заинтересованность высшего руководства страны — найдутся и инициативные деятели, и общественные энтузиасты.

Представляется, что одна из таких задач, которая вполне по плечу нашим неправительственным организациям, — создание в России и США с участием специалистов крупнейших иссле-

довательских институтов мозговых центров, способных, с одной стороны, аккумулировать опыт в различных областях, с другой — предоставлять заинтересованным лицам в США и России экспертные оценки. Это своего рода “аккумулятор мозгов” без больших бюджетов (не дай бог!) и зданий, который будет давать рекомендации по широкому кругу актуальных тем — от НАТО, России и Украины до энергетического диалога, ВТО и сопрягаемости политических систем. Подчеркнем, не нужны большие деньги и “спонсоры” — не тот век развития средств коммуникаций, давайте без взаимных подозрений.

У этого учреждения уже существует вполне очевидный круг вопросов для изучения. Следовало бы предложить университетам наших стран с учетом малозатратности и высокой эффективности шире практиковать эту модель. Например, проект, получивший название “Институт России” и являющийся детищем Университета Браунта и Национального инвестиционного совета России, уже находится в стадии реализации. В его рамках тщательно проанализировано все, что касается коттеджной строительной индустрии в США. Особенный интерес для нас, несомненно, представляют технологии быстровозводимого малоэтажного жилья и опыт их применения в тех штатах, где климатические условия сходны с нашими. Общеизвестно, что решение такой экзистенциальной для России проблемы, как жилищная, в свое время стало локомотивом экономического бума в Америке. Нам надо не просто исследовать и законспектировать все уроки, которые были пройдены американцами, но и адаптировать эти знания применительно к российской действительности.

Во-вторых, объектом изучения Института России стал малый бизнес, являющийся одной из основ американской экономики. Нам здесь, увы, еще учиться, учиться и учиться. Пока все попытки выстроить систему, стимулирующую предпринимательство, выливаются в создание бюрократических структур по “поддержке малого бизнеса”, осваивание бюджетных средств и неослабевающую коррупцию. Поэтому все, что связано с условиями, правовой базой, практикой поддержки малого предпринимательства, необходимо также постараться максимально переработать, адаптировать, а частично и позаимствовать.

Наконец, третье направление исследований новой российско-американской организации — система финансирования

высшего образования, особенно в части организации финансирования, или, точнее, самофинансирования. Надо тщательно изучить американский опыт в сфере образовательных кредитов, которые позволяют талантливым детям из малообеспеченных семей получать очень дорогостоящее образование в ведущих частных университетах, причем не только в самих Соединенных Штатах, но и за границей. Возможно, следует предусмотреть выделение определенных средств в бюджете для субсидирования процентных ставок по образовательным кредитам.

В этих “институтах России”, как и в Центре проблем российско-американских отношений (эта идея уже встретила поддержку в наших политических элитах), надо формировать по обе стороны океана ситуативные экспертные группы, в которые входили бы ведущие специалисты-международники. Эти группы, свободные от бюрократии, не зависящие от бюджетов и действующие по принципу *task force*, могут вырабатывать рекомендации по наиболее актуальным проблемам в российско-американских отношениях. Таким образом, можно будет закрыть зияющую брешь в качественном анализе накопившихся разногласий и нахождении путей их преодоления.

Одним из первых поводов и горящих тем для такой экспертизы, вне всякого сомнения, должны стать отношения в треугольнике США — Россия — Украина, поскольку на украинском направлении за последние годы накопилось наибольшее количество взаимных упреков. Необходимо выяснить, каким образом можно уйти от болезненной конфронтации российской и американской политических элит в украинском вопросе, где могут быть найдены точки соприкосновения. Давайте создадим работающий механизм, в который были бы встроены российские, американские и украинские политические институты и который позволил бы выявлять и реализовывать совместный интерес. И очень хочется, чтобы именно украинские эксперты обратились с приглашением к россиянам и американцам посетить и Крым, и Киев — но не для маневров, а для “круглых столов” и конференций. Пунктирно обозначим темы, которые стали или могут стать совместными:

- борьба с детскими лейкозами;
- участие российского капитала в создании российского культурного центра в США;

- применение американского модульного домостроения в зонах бедствия (Корякия) или сейсмоопасных зонах (Камчатка);
- установление более широких контактов между высшими учебными заведениями;
- совместная рабочая группа с участием Федерального Собрания, Общественной палаты, конгресса и штатов/регионов по анализу воздействия на общественное развитие наших стран игорных заведений и наркотиков;
- конференция с участием общественных организаций, посвященная усыновлению российских детей в США (с целью дедемонизации этой темы);
- проведение конгресса независимых СМИ двух стран;
- анализ взаимоотношения негосударственных организаций в наших странах;
- совместная борьба с коррупцией.

Все это только некоторые штрихи к возможной архитектуре российско-американских отношений, где гражданское общество обеих стран является живым и творческим субъектом. Само это творчество, его формы и инструменты, должно стать предметом общественной дискуссии. И чем больше в нее будет вовлечено — как в России, так в Америке — людей неравнодушных, небезразличных к этому важнейшему направлению внешней политики, тем лучше. Ведь, как известно, истина рождается в спорах.

Открытое письмо председателю корпорации “Майкрософт”

Уважаемый господин Гейтс!

Вы, вероятно, знаете о громком уголовном процессе в России, в котором в качестве потерпевшей стороны выступает Ваша компания. Суть дела заключается в том, что российская прокуратура преследует учителя провинциальной средней школы Александра Поносова, который якобы умышленно использовал в компьютерном классе нелегальное программное обеспечение фирмы “Майкрософт”. Учителю, посвятив-

шему свою жизнь воспитанию детей и получающему за свою работу весьма скромное вознаграждение, несопоставимое с доходами даже рядовых сотрудников Вашей компании, грозит тюремное заключение в сибирских лагерях.

При этом вина учителя представляется очень сомнительной — он купил для школьного класса компьютеры с уже установленным программным обеспечением, которое, как впоследствии выяснилось, было нелегальным. Однако российский Уголовный кодекс позволяет карать даже тех, кто использует пиратскую продукцию по неведению, не подозревая о ее нелегальном происхождении. Обращает внимание, что те, кто продал Александру Поносову компьютеры с ворованным ПО, оказались вне поля зрения правоохранительных органов. Поэтому многие в России считают этот скандальный процесс заказным и показательным, затеянным по инициативе корпорации “Майкрософт”.

Уважаемый г-н Гейтс! Мы с большим уважением относимся к труду программистов “Майкрософт”, вкладывающих свой талант в интеллектуальные продукты компании, и ни в коей мере не подвергаем сомнению сам принцип ответственности за нарушение авторских прав. Однако в сложившейся ситуации мы обращаемся к Вам с просьбой проявить снисхождение и отозвать претензии к Александру Поносову. Этот благородный шаг был бы с воодушевлением воспринят всеми, кто пользуется продукцией корпорации “Майкрософт” в России.

С уважением

президент Международного фонда
социально-экономических и политических исследований
Михаил Горбачев,
депутат Государственной думы Федерального Собрания РФ
Александр Лебедев

“Я готов компенсировать вандалам упущенную выгоду”

Депутат Государственной думы Российской Федерации Александр Лебедев в эксклюзивном интервью “ДД” подробнее рассказал о своем желании выкупить землю на Тынисмяги вместе с памят-

ником Воину-освободителю и захоронениями советских солдат. Бывший сотрудник Службы внешней разведки Лебедев состоит во фракции “Единая Россия”, владеет финансово-промышленной группой “Национальная резервная корпорация”, в число которой входит около 100 компаний. В числе ее активов 97% Национального резервного банка, около 30% “Аэрофлота”, около 3% РАО ЕЭС, около 1% “Газпрома”. В 2006 г. доход Лебедева составил 900 млн долларов. По версии журнала Forbes, он занимает 194-е место в рейтинге богатейших людей мира.

В 1998 г. созданный Лебедевым благотворительный резервный фонд открыл в Швейцарии мемориал солдатам суворовской армии, в 1999 г. установил в Лондоне памятник погибшим во Второй мировой войне гражданам СССР, в 2001 г. участвовал в реставрации русских надгробий на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. 15 января Лебедев направил официальное предложение президенту Ильвесу, в котором подчеркнул, что готов не только выкупить земельные участки, но и гарантировать содержание, реставрацию и охрану мемориала.

— Чем вызвано ваше желание приобрести землю на Тынисмяги?

— Такого рода забота о мемориалах со стороны соотечественников — обычная и принятая в Европе практика. Благотворительный резервный фонд, президентом которого я являюсь, занимается подобной деятельностью уже более десяти лет. Содержание мемориалов — огромная работа, которая требует немалых средств, но мы готовы взять эту головную боль на себя.

— Какую сумму вы готовы потратить?

— Это предмет переговоров. Насколько я понимаю, во всяком случае, надеюсь, Эстония живет по законам рынка, и землю здесь можно либо купить, либо взять в аренду. Наверное, существуют рыночные ставки на земельные участки в Таллине. Если будет объявлен аукцион, я готов в нем участвовать.

— Предположим, что сделка все же состоится. Как вы планируете осуществлять уход за мемориалом и захоронениями и их охрану?

— Конечно, речь не идет о том, что я хочу приобрести этот участок лично для себя. Если мы достигнем согласия с теми, кто решает этот вопрос, то после выкупа участка будет создан спе-

циальный фонд с широким попечительским советом, в который, я уверен, войдут общественные деятели не только из России и Эстонии, но и из других стран антигитлеровской коалиции. Я даже не претендую на членство в этом совете. Наше дело — финансировать деятельность фонда. Этот фонд как юридическое лицо будет нанимать персонал, который будет осуществлять уход за мемориалом, в том числе и его охрану.

— Каково ваше личное отношение к принятому в Эстонии закону, который позволяет демонтировать памятник?

— Понятно, что закон принят для того, чтобы создать юридические основания для сноса монумента. Такое решение нельзя охарактеризовать иначе, как акт государственного вандализма. Если эстонские власти заявляют, что хотят стать вандалами из-за каких-то хозяйственных нужд, я готов им компенсировать упущенную выгоду. С лихвой. То есть я исхожу из того, что заявляется официально. Если же все эти слова — лицемерие и мы имеем дело с политической (в некотором смысле внешнеполитической) акцией, то пусть так официально и заявят. Это будет плевок в лицо всем народам, которые воевали с фашизмом, плевок в лицо Европы и очередная попытка ревизии итогов Второй мировой войны. Этот путь очень опасный, он чреват непредсказуемыми последствиями в первую очередь для самого эстонского народа, с которым у нас, русских, несколько сот лет общей истории.

РОССИЯ — УКРАИНА: ТРУДНЫЙ ПУТЬ К СОГЛАСИЮ

Выход есть!

**Договор об общественном согласии
и стабильности спасет Украину
от хаоса и раскола**

Нынешние президентские выборы до такой степени политизировали и поляризовали народ Украины, что страна оказалась на грани реального раскола. Лично меня, как и многих моих единомышленников в российском политическом сообществе, это очень беспокоит. Еще один очаг напряженности на территории СНГ никому из нас не нужен.

Считаю совершенно недопустимым вмешиваться в ход избирательной кампании в Украине — хоть словом, хоть делом, хоть деньгами, хоть каким-нибудь неосторожным заявлением. В Российско-украинской межпарламентской комиссии, сопредседателем которой я являюсь, накопилось очень много вопросов, связанных с укреплением Единого экономического пространства, с усилением правовой защиты граждан наших стран. Однако мы решили не проводить ее заседание в Киеве перед выборами, как изначально задумывалось, чтобы конструктивные идеи сотрудничества наших стран не оказались заложницами сиюминутной предвыборной конъюнктуры, чтобы не растерять авторитет, не девальвировать высокий статус комиссии. В противном случае комиссия накануне выборов неотвратимо превратилась бы в арену борьбы между двумя основными кандидатами в президенты Украины, командами их сторонников из Верховной рады и командами “болельщиков” из Государственной думы.

Причисляю себя к не самой многочисленной части российских политиков, которые совершенно искренне считают, что сильная и великая Россия заинтересована в такой же сильной, стабильной, субъектной, самодостаточной, экономически развитой и по-настоящему независимой — и от нас, и от Запада — Украине.

Такая Украина была бы нам надежным партнером в стратегических вопросах, а в чем-то — даже конкурентом. Ведь конкуренции боятся только слабые; сильных же конкуренция делает еще сильнее и конкурентоспособнее. Отсутствие конкуренции ведет к застою и стагнации.

Я поддерживаю инициативу президента Владимира Путина об увеличении срока пребывания граждан Украины на территории России без регистрации до 90 дней. Эта мера является справедливой и, что крайне важно для российско-украинских отношений, паритетной, симметричной, поскольку российские граждане могут находиться на территории Украины без регистрации именно 90 дней. Ведь, согласитесь, несправедливо, когда украинские “заробытчани”, отправляющиеся на строительство столицы России, становятся жертвами строительной мафии, чаще всего имеющей немосковские и нероссийские корни. Или нашей милиции, для которой, к сожалению, “охота” на украинских граждан без регистрации превращается в один из видов “бизнеса”. Более того, в рамках структур СНГ и ЕЭП, а также в рамках Российско-украинской межпарламентской комиссии в ближайшее время необходимо решить вопросы социальной защиты, связанные с медицинским страхованием и медицинской помощью, школьным обучением, пенсиями, социальными выплатами — россиян в Украине и украинцев в России.

На первый план также выходят интеграционные процессы в области пограничного взаимодействия и трансграничного сотрудничества, совершенствования системы взаимных расчетов и взаимодействия в авиакосмической сфере, строительства доступного жилья. Для этого сотрудничества крайне актуален вопрос о совместной защите наших экономических интересов в дальнем зарубежье — прежде всего в международных финансовых организациях, поскольку усиливающаяся конкуренция на международных рынках требует объединения наших потенциалов в целях сохранения высоких темпов экономического роста. Только такие активные двусторонние усилия способны предотвратить маргинализацию и выталкивание нас, Украины и России, на обочину мирового экономического развития — в зону экономической депрессии и стагнации. Надеюсь, что ближайшее заседание Российско-украинской межпарламентской комиссии состоится в начале декабря, когда Украина уже обретет нового президента.

Украинское общество сейчас напряжено как никогда. Возможно, в том есть доля вины и некоторых моих не самых сознательных соотечественников-россиян. Но вопрос не в том, кто виноват, а в том, что делать. Когда в шахматах наступает патовая ситуация, игра теряет смысл — победителя быть не может. Неистовая борьба за президентское кресло расколола украинские элиты, что при любом исходе выборов будет препятствовать консолидации общества и реализации созидательной экономической и политической программы.

Думаю, общественное равновесие и баланс внутри украинского общества могут быть достигнуты только путем переговоров и компромиссов.

Полагаю, что в канун второго тура выборов основные политические силы, включая президента Леонида Кучму, обоих кандидатов в президенты, основные группировки, представленные в Верховной раде, согласились бы с идеей заключения Договора об общественном согласии и стабильности в Украине. Цель такого договора — преодолеть конфликтный потенциал первого тура выборов, достичь взаимопонимание элит и письменно его зафиксировать. А еще — выйти на формирование правительства народного доверия, которое бы включало помимо сторонников двух кандидатов в президенты также левые и левоцентристские силы.

В качестве организаторов и модераторов встречи и подписания Договора об общественном согласии и стабильности в Украине вижу президента Украины Леонида Кучму, главу Верховной рады Владимира Литвина, представителей из окружения Виктора Ющенко и Виктора Януковича, а также Российско-украинскую межпарламентскую комиссию.

Если подписание такого договора в Киеве по каким-либо причинам затруднено (например, из-за “перегретой” политической ситуации и общественной напряженности), предлагаю для его обсуждения и заключения избрать какое-либо нейтральное место в Украине — например, Крым или одну из зарубежных столиц — Брюссель, Москву, Париж, Варшаву.

Думаю, подписание подобного договора будет способствовать установлению мира и стабильности в Украине. А взаимопонимание элит и консолидирующие договоренности между ними помогут провести второй тур президентских выборов честно и прозрачно.

Правильная Русь

У многих в России события, называемые украинской “оранжевой революцией”, вызвали растерянность, озабоченность, даже гнев. Во многом это произошло из-за дезинформации, к которой имели прямое отношение федеральные телеканалы, из-за недостаточного понимания ситуации в Украине.

Все же немалая часть российского общества восприняла события в Киеве с оптимизмом. Важным для них было осознание того, что в современной большой политике все-таки есть место для волеизъявления простых людей. В очень близкой нам исторически, культурно и ментально стране народ доказал, что может быть не только объектом, но и подлинным субъектом политики. Политтехнологи, ставящие во главу угла административный ресурс и циничное манипулирование общественным мнением, обнаружили свою принципиальную неэффективность.

Но главное все же в другом. До “оранжевой революции” Россия, несмотря на ее многочисленные проблемы, имела все основания считаться самой передовой и “развитой” страной СНГ. Жалуясь на коррумпированную бюрократию, безответственность и авторитарность власти, притеснение независимых СМИ, мы все-таки имели основания утешать себя тем, что у наших ближайших соседей дела в этих сферах идут несколько не лучше, а чаще всего — хуже. А значит, все не так уж плохо и торопиться, в общем-то, некуда. Преодолеть тоталитарное наследие очень непросто. Пройдет лет триста — будем и мы страной процветающей демократии.

“Оранжевая революция” положила предел нашей самоуспокоенности. Место “самой взрослой страны СНГ” теперь занимает Украина. А мы должны признаться себе в том, что теперь нам, возможно, придется ее догонять. И не только в темпах роста ВВП (в этом соревновании мы уже проигрываем почти в два раза), но и в движении к подлинному гражданскому обществу. Это пробуждает надежду на то, что сонному царству апатии в России приходит конец.

Я беседовал с десятками крупных и средних российских бизнесменов. У всех при упоминании Украины поднималось настроение и проявлялся деловой азарт. Каждый второй собеседник

говорил о заинтересованности в контактах с новой украинской властью и об инвестициях в украинскую экономику. Каждый первый — о желании создать альтернативную “базу” в Украине. Мои контакты с украинскими политиками показывают, что и для них реакция российского бизнеса незамеченной не осталась.

У Украины появилась возможность построения сильного восточнославянского европейского государства. Эта движущая сила способна потянуть за собой в стратегически верном направлении другие страны постсоветского пространства.

Разумеется, не должно быть иллюзий относительно уровня и масштаба проблем, стоящих сегодня перед Украиной. Главная из них — ментально-психологические противоречия между востоком и западом страны.

У меня немало друзей в команде Виктора Ющенко. От некоторых из них я не раз слышал наивные утверждения: дескать, Виктор Янукович — не более чем политтехнологический проект нагнетания темы мнимого раскола в Украине ради достижения власти; дескать, раскол исчезнет вместе с проектом “Янукович”. Увы, все не так просто.

Подавляющее большинство населения восточных и южных регионов Украины поддержало Януковича искренне — и в первом, и во втором, и в свободном от административного давления “третьем” туре выборов. А значит, противоречия — объективная реальность. Чтобы эти противоречия на первом этапе сгладить, а на втором — преодолеть, нужна новая модель, новая доктрина государства.

И здесь уместна историческая аналогия с Великим княжеством Литовским. Государственная модель, которая могла бы интегрировать Украину, сводится к следующему: восточнославянское европейское государство, где каждый может говорить на своем языке и жить в своей культурной среде.

Эта модель, на мой взгляд, предполагает придание официального статуса русскому языку и государственную поддержку православия. Вопрос о статусе русского языка в Украине относится сегодня к числу болезненных, поскольку ассоциируется с авторитарным “катком” имени Януковича. Но предвыборные кампании быстро проходят, а национально-государственные стратегии требуют времени для своего воплощения.

Если русский язык усилиями команды Виктора Ющенко получит официальный статус, то политическая база сегодняшних

“раскольников”, стремящихся построить политические карьеры на этнокультурных различиях между регионами Украины, будет полностью разрушена.

Что значит официальный статус? Во-первых, административно не ограничиваемая возможность использования русского языка в государственной системе высшего и среднего образования. Во-вторых, гарантия присутствия русского языка в общенациональных СМИ Украины. В-третьих, возможность диалога между властью и гражданами на русском языке. Не больше, но и не меньше. И статусу украинского языка как государственного все это нисколько не угрожает. Напротив, двуязычие, как это ни парадоксально, цементирует украинский культурно-исторический этнос.

Майдан Незалежности, где мне довелось побывать в бурные революционные дни, сам по себе явился геополитическим проектом. Причем не западноукраинским и не восточноукраинским, а панукраинским, по-своему имперским и потому очень русским по духу. На майдане не было ничего провинциального, местечкового, там царили всеохватность и всеотзывчивость, присущие именно русским. В ходе “оранжевой революции” родилась новая украинская идентичность, которую я бы назвал “правильная европейская Русь”.

Именно поэтому множество россиян смотрят сейчас на Украину с надеждой. И в то же время с тревогой. Поднимется ли Виктор Ющенко до высот осознания своей исторической миссии? Даст ли недвусмысленный импульс к построению этой самой “правильной Руси”? Сможет ли объединить, а фактически создать нацию нового типа? Или новая власть погрязнет в межэлитарных конфликтах, дискредитирует себя и похоронит возлагавшиеся на нее надежды? Вряд ли ее успеху будет способствовать “помощь” такого “подвижника”, как Платон Еленин.

Украинская революция была хороша тем, что порвала пелену серости, открыла ворота власти для ярких, талантливых людей. Меня нисколько не смущает назначение такого неординарного человека, как Юлия Тимошенко, главой правительства. Амбициозные совместные программы трудно осуществлять в компании бездарных бюрократов и легко — в сотрудничестве с энергичными лидерами. Надеюсь, что госпожа Тимошенко, как и я, полагает, что объединение машиностроительных, авиастро-

ительных и оборонно-промышленных бизнес-единиц наших стран в рамках рыночной экономики — правильный путь.

Открытые для европейского присутствия совместные проекты являются альтернативой бюрократическо-умозрительной концепции Единого экономического пространства.

Сегодня в российской элите борются две точки зрения. Первая: взять реванш за недавнее мифическое поражение, поддержать “антикиевскую” партию во главе с Виктором Януковичем на парламентских выборах 2006 г. и с учетом конституционной реформы в Украине привести его к власти. Вторая: предложить новым украинским лидерам прагматичную доктрину сотрудничества и, таким образом, сплотить Россию и Украину. Я сторонник второй точки зрения. Надеюсь, она восторжествует.

“Нам надо как можно меньше вмешиваться в дела Украины”

Со дня выборов президента в Украине прошло уже больше месяца. С майдана исчезли палатки, а Владимир Путин и Виктор Ющенко пожали друг другу руки. Но до сих пор, когда я разговариваю с некоторыми видными представителями российского политического сообщества, у меня сохраняется впечатление, что все эти люди так и не смогли избавиться от последствий воздействия тяжелейшего “сглаза”. Многие комментарии все еще проникнуты обидой и недоверием, намекают на прямые или косвенные “происки врагов”. Является ли “сглаз” продуктом заклинаний специалистов из фонда неэффективной политики или результатом умелых промываний наших мозгов демиургами с федеральных каналов? Ответ на этот вопрос важен для поиска противоядия.

“Благодаря” оккультизму и тех, и других во время украинской избирательной кампании российский “брат” оказался в неловком положении и много потерял в глазах реальных украинских элит. Добавили неловкости назойливым “подвижничеством” и некоторые российские политики. Наиболее заметным событием стал визит мэра Москвы в Северодонецк. По Москве пополз слух о назначении Лужкова новым послом в Украине.

Ради того, чтобы быть похожим на Януковича, по его собственным словам, мэр даже снял свою легендарную кепку.

Странное поведение на территории братской страны и изысканные акции лондонского “тираноборца”, ныне известного под псевдонимом Платона Еленина, ведут к одному результату: дискредитации российской стороны, разжиганию антироссийских настроений в сопредельных государствах, утрате Россией затеплившейся надежды на лидерство в рамках равноправного партнерства, основанного на здоровом экономическом росте в интересах всех. Такого лидерства не подменить неуместными в современной Европе имперскими замашками.

Немало людей в России знакомо с ситуацией в Украине, поддерживает контакты со многими украинскими политиками, причем принадлежащими к разным лагерям. За прошедшие десять лет многие из нас бывали в Украине чаще, чем в любом другом иностранном государстве, а в последние месяцы провели больше времени в Киеве и других украинских городах, чем дома.

Каковы впечатления? Налицо возникшая атмосфера антироссийских настроений, которая не встречалась здесь раньше. И в этом вина не только украинцев. Попробуйте поставить себя на их место. Например, в случае, если бы соседняя страна стала через свои телеканалы рассказывать жителям России, что у нас будет обязательно гражданская война, если мы не... Или “датский” певец снялся бы в клипе, где в незамысловатой форме разъяснял бы преимущество одного кандидата над другим, несмотря на явное нарушение нашего законодательства? Затем нам, россиянам, иностранная держава подарила бы денег (допустим, через сбор налогов за энергоносители) и прозрачно намекнула, что теперь надо делать... Господа политтехнологи, почему было бы не поддержать на украинских выборах саму идею честных и законных выборов, а не конкретного кандидата, пусть и претендующего на большую “пророссийскость”? Предположу, что США, которые не скрывают влияния на украинскую политику через многочисленные негосударственные организации и фонды, получили лучший результат, потому что научились кое-чему, в том числе на опыте с Норвегией в Панаме. Под воздействием ранее неизвестных колдовских чар наши политики заговорили о расколе, ЦРУ и происках “темных” сил. Было очевидно, что в сложившейся ситуации известный кандидат имел мало перспектив победить противника при равных ус-

ловиях. Стоило ли так масштабно “вкладываться” в этого кандидата? Слава богу, у сторон хватило здравого смысла отказаться от “операции” по открытию 600 избирательных участков для украинских выборов в РФ — ведь даже при незначительных фальсификациях последствия их омрачали бы отношения наших стран на долгие годы.

Если применить банковскую терминологию к политической реальности, можно сказать, что российское “вложение” в одного из кандидатов — это политический “кредит” без надежды на возврат. Делать на него такую ставку все равно что инвестировать изобретение вечного двигателя.

Из чего следует, что сработает? А если “сработает”, то из чего вытекает, что предвыборные обещания на постсоветском пространстве будут выполнены? И в данном случае неважно, чем хорош один кандидат и плох другой, можно доказать обе точки зрения (судимости, жена американка и т.д.) — просто так вообще не делается. Это очевидный дилетантизм.

Отдельно в Украине обсуждается роль российских государственных телеканалов в украинских выборах. Ну, ладно нам, как при Брежнев, можно морочить голову — мы свои, все стерпим. Но когда депутаты Верховной рады называли репортажи об Украине “пятиминутками ненависти”, это ни в какие ворота не лезет. Они также говорили (они, а не я!) о грубом пропагандистском вмешательстве во внутренние дела своей страны — не иначе как об информационной войне. Обливание грязью одних политических сил и апологетизация других — зачем все это? Зачем позволять манипулировать телеканалами и массовым сознанием “политтехнологам-беспредельщикам”, где бы они ни работали?

Влиятельная группа украинских депутатов внесла в Верховную раду проект обращения к Государственной думе РФ с просьбой создать парламентскую комиссию по расследованию роли Первого канала “в разжигании антиукраинских настроений и подстрекательстве к нарушению территориальной целостности и суверенитета Украины”.

В обращении подчеркивается, что информационная политика Первого канала идет вразрез со статьями Договора о дружбе и сотрудничестве между Россией и Украиной. Приехали. А если такое обращение будет проголосовано? Не стоит обращать на него внимания? Мы — на них, они — на нас. После

атомной бомбы и отравления водозаборов телевизионный терроризм — на третьем месте. Не сам ли Платон Еленин так тонко играет на нашей неокрепшей психике?

Ведь, к слову сказать, некоторые из наших “медиарулевых” обязаны своим назначением именно ему и поддерживают более чем тесные отношения. Или кто-то еще не знает об активном участии Еленина в украинских событиях?

Теперь о заявлениях некоторых наших политиков о перспективах распада Украины: мол, восточные русскоязычные области могут или войти в состав России, или образовать самостоятельные автономии.

Напомню, что еще в начале 1990-х гг. Украина отказалась от ядерного оружия именно под гарантии территориальной целостности, данные Россией, США и ООН. Не призывайте считать страну клятвопреступницей. Кстати, сепаратистские тенденции внутри Украины — миф, который все те же политтехнологи держат как тот бронепоезд на запасном пути. А там ничего нет.

И еще. Некоторые политические экстремисты и горе-патриоты усмотрели в кризисе в Украине реальную возможность вернуть Крым. Как человек, на деле знающий тамошнюю обстановку, объясню, что Крым — это не только чудесный климат, богатая природа и в прошлом часть СССР, как и Аляска в прошлом — часть Российской империи. В реальности же Крым — это бедность, отсутствие экономического потенциала, непробиваемая, непрофессиональная бюрократия, пронизанная, как и у нас, коррупцией, сложнейшие, взрывоопасные межнациональные отношения. Такой “подарок” России не нужен. Ностальгические воспоминания об отдыхе в советском Крыму — слишком высокая цена за появление у нас столь проблемного со всех точек зрения региона. И не надо в Москве писать тексты типа “пороховая бочка, бикфордов шнур, раскол etc.” для украинских политиков — горе-сепаратистов. Ничего у них не выйдет.

К сожалению, в России очень многие по старой памяти относятся к Украине снисходительно, как к “младшему брату”. “Оранжевые” события показали несостоятельность такого подхода.

Украинский народ будет нам добрым другом и надежным союзником лишь в том случае, если и мы будем относиться к нему с уважением и без “двойной морали”. Неуважение к гражданскому обществу у себя дома сыграет с нами злую шутку! И не

надо больше обещать Украине кепкозакидательство. Оно чревато горькими последствиями не только в Украине, но и во всем СНГ — это уже факт.

Полученный урок вовсе не в том, кто стал или не стал президентом в Украине, а в том, что не следует рисковать доверием украинского общества, нанося тем самым ущерб российско-украинским отношениям. И “ястребам” в московских кабинетах надо поменьше неуклюже вмешиваться во внутренние дела Украины. А побольше заниматься нашими скорбными делами — ипотекой, доступным жильем, здравоохранением. Если, конечно, вы в этом разбираетесь.

Россия—Украина — новая политика реальных дел

За последний год русское общество настолько близко приняло к сердцу все, что происходит по другую сторону российско-украинской границы, что иногда трудно отделаться от ощущения имманентности этих событий нашему национальному бытию. В этом нет ничего дурного для нас и ничего обидного для наших украинских друзей, имея в виду общее этническое происхождение и ничтожный, по историческим меркам, срок раздельной жизни.

Сегодня, после первого визита Президента России в Украину, которая два месяца назад обрела нового главу государства, в нашем обществе вновь происходит переоценка ценностей в отношениях с самым ближним из соседей. В политический катаклизм, связанный со сменой власти в Украине, оказалась вовлечена значительная часть российской элиты. Многие у нас восприняли падение прежнего украинского режима и провал тех, кого они почему-то считали пророссийски настроенными его преемниками, как чуть ли не национальную катастрофу.

Действительно, к власти в Украине пришли силы, которые не связаны с российской властью никакими формальными или неформальными обязательствами. Но ведь и у нашей власти, в отличие от предшествующего периода, тоже нет перед ними никаких обязательств. И еще большой вопрос, насколько выполнение этих обязательств прежде отвечало нашим собственным

национальным интересам, начиная все с чистого листа, мы имеем уникальную возможность избавиться от фальши последних 15 лет, выстроить дальнейшие отношения на действительно прагматической основе, в соответствии с обоюдными интересами и к взаимной выгоде.

Партнерство и интеграция

Что есть национальный интерес? Он проистекает из совокупности интересов всех граждан, образующих нацию. Задача государства — его понять, сформулировать и реализовать. Интересы нации лежат в трех плоскостях: в обеспечении общей безопасности, в создании условий для роста материального благосостояния, в развитии нематериального — интеллектуального и духовного потенциала.

На постсоветском пространстве Россия, как наследница и хранительница былой государственной общности, должна в каждой из этих сфер, по каждому прикладному вопросу найти нужный баланс, выявить совместный интерес. Причем так, чтобы вовлеченные стороны воспринимали его как свой собственный.

Нам пора отказаться в политике от затасканного и дискредитировавшего себя термина “содружество”. Надо честно признать, что СНГ как организация, как интеграционный механизм не состоялось, и предложить нашим партнерам новый проект. Краеугольным камнем этого проекта должны быть партнерские отношения и реальная интеграция в тех сферах, где наши интересы совпадают и где все участники процесса получают пользу от объединения возможностей. Я уверен, что, положив такой принцип в основу наших отношений с Украиной, мы сможем полностью реализовать наши национальные интересы. Надо только понять, где и как с ними сочетаются национальные интересы Украины.

Оборона, безопасность и геополитические конструкции

Любое суверенное государство по доброй воле и без принуждения вступает в военно-политический союз только в том случае, если оно не может (или думает, что не может) самостоятельно предотвратить угрозу его безопасности. Так, например, христианская Армения кровно заинтересована в покровительстве России, потому что соседствует с мусульманскими государ-

ствами, отношения с которыми осложнены многовековыми противоречиями. Поэтому она входит в ОДКБ, и в отличие от соседней Грузии там никто даже не помышляет о том, чтобы попросить наших военнослужащих с вещами на выход. Напротив, даже в самых националистически настроенных кругах признаком хорошего тона считаются апелляция к боевому братству с Россией и воспоминания о доблести генералов и адмиралов армянского происхождения в русской и советской армии.

Совершенно очевидно, что Украина ни в каком таком покровительстве со стороны России объективно не нуждается. Ни с Юга, ни с Запада реальной угрозы ее безопасности нет. А если она и возникнет, то на сегодняшний день это достаточно сильное в военном отношении государство, чтобы справиться самостоятельно.

Несмотря на отсутствие явных угроз, новая власть Украины декларирует намерение войти в военно-политический союз. Только в качестве желательного партнера выступает не Россия, а НАТО. Хотим ли мы, чтобы Украина стала полноправным членом альянса? Наверное, не хотим. Но вовсе не потому, что нам нужно непременно сохранять Украину в орбите от какого-то эфемерного влияния. Просто такой шаг может нанести ущерб нашей безопасности, ведь пребывание Черноморского флота в Севастополе будет как минимум поставлено под большой вопрос, и уж точно Россия лишится важных для системы предупреждения ракетного нападения ОРТУ “Берегово” в Закарпатье и “Николаев” в Крыму. Такой шаг чреват для нас многими другими потерями, которые придется как-то компенсировать, что по нынешним временам, конечно, недешево.

Однако это не повод для того, чтобы устраивать истерику и с криками “все пропало!” возводить укрепайоны по периметру российско-украинской границы. Во-первых, если вступление Украины в НАТО и случится, то не завтра и даже не послезавтра. Во-вторых, судя по всем опросам, такой перспективе совсем не радо большинство ее граждан, и, возможно, выступающие за это украинские политики ошибочно понимают национальный интерес своей страны.

Возникает вопрос: почему они так его понимают? И мы должны честно ответить на него: потому, что они видят угрозу в нас самих, а мы не делаем ничего, чтобы убедить их в обратном. Когда в стенах Государственной думы и на митингах у украин-

ского посольства в Москве периодически звучат призывы “врезать хохлам”, отключить им газ, свет и канализацию, оттяпать для начала Крым, а потом и все остальные “исконно наши земли” вплоть до Киева, остается только удивляться, почему за присоединение к НАТО выступает только 28, а не все 99% жителей Украины.

Надеюсь, никто из более-менее вменяемых российских политиков не думает, что Украину нужно и можно силой заставить “дружить” с нами миноборонами. Поэтому, если мы действительно хотим, чтобы “натовская военщина” не оказалась под Белгородом, надо изжить из себя псевдоимперские комплексы, наложить табу на территориальные претензии к Украине. Речь не о том, чтобы заткнуть кому-то рот или ввести цензуру (в конце концов, паранойя — это диагноз, а не преступление). Просто каждому и у нас, и, главное, в Украине должно быть понятно, что подобные призывы являются моветоном для элиты, они удел маргиналов, которые ни сейчас, ни в будущем не будут влиять на государственные решения.

Лучший выход из геополитических разногласий с нынешней украинской властью — перестать ставить эти проблемы во главу угла наших отношений. Если нам удастся запустить интеграционные механизмы в других сферах, проблема расширения НАТО просто отпадет, потеряв свою актуальность для Украины.

Экономическая конвергенция

По моему глубокому убеждению, самым важным направлением нашего сотрудничества с Украиной является именно экономика. Это не штамп, а правда жизни. Народнохозяйственные комплексы России и Украины находятся в условиях глобальной конкурентной борьбы, в которой выживает сильнейший. И, чтобы выжить, нам необходима тесная кооперация во всех отраслях. А по некоторым вопросам — интеграция соответствующих субъектов хозяйственной деятельности. Конвергенция экономических систем России и Украины, интеграция на микроуровне свяжет наши государства лучше любых политических деклараций и умозрительных проектов.

Самый наглядный пример — предприятия ВПК, которые просто не могут существовать друг без друга (хочу заметить, что именно интеграция оборонных производств, а не политические заклинания, может стать самым лучшим аргументом против

вступления Украины в НАТО). Такими же спасительными являются интеграционные механизмы и для реального сектора, и для банковско-финансовой сферы. Причем объединение усилий позволит не только создавать, но и продвигать на мировых рынках продукцию совместных предприятий. Кстати, если рассматривать наше экономическое сотрудничество именно под таким углом зрения, перспектива (пока, как мы знаем, весьма призрачная) вступления Украины в Европейский союз не только перестает быть пугающей, но и открывает возможность прямого доступа произведенных российско-украинскими компаниями товаров на европейский рынок.

Так, я убежден, что только интеграция гражданских авиастроительных комплексов позволит нам наконец начать серийное производство конкурентоспособного ближнемагистрального авиалайнера “Ан-148”. А объединение банковских учреждений путем создания консорциумов позволит осуществлять капиталоемкие проекты, повысит их устойчивость к проникновению на внутренние финансовые рынки нерезидентского капитала. Даже самый отъявленный “русофоб” в Украине вряд ли откажется от такой российской “экспансии”, как строительство доступного жилья и ипотечные программы.

Конечно, решающая роль в этих вопросах принадлежит государству, которое и у нас, и в Украине, является главным регулятором экономики. Но наполнить реальным содержанием политику содружества может только частный капитал. Ведь бизнес ищет выгоду и не будет браться за заведомо убыточные, но политически ангажированные проекты типа постройки моста через Керченский пролив. При этом не надо путать размещение капитала в Украине с бегством капитала из России: на примере развитых государств мы видим, что валовый национальный продукт формируется не только и не столько внутри страны, но и за счет деятельности национальных компаний, развивающих производства за рубежом. Коммерчески перспективные совместные программы будут работать на благосостояние обеих стран. Ведь, инвестируя в экономику Украины, наш бизнес решает двоякую задачу: он создает рабочие места в Украине и одновременно увеличивает собственную капитализацию, извлекает прибыль, которая через налоги пополняет российский бюджет.

Поэтому государство должно проводить политику, способствующую российским инвестициям в Украине, в том числе и

через предоставление госгарантий. Кроме того, оно вполне может позволить себе связанные кредиты украинским бизнес-структурам, по условиям которых в качестве подрядчиков должны привлекаться российские компании. В сфере торговли необходимо всячески способствовать экспорту из России в Украину не сырья, а продукции высокой степени обработки. Вместо того чтобы проливать крокодиловы слезы о потерянном Крыме, следовало бы всерьез отнестись к вложениям в курортную инфраструктуру полуострова. Ведь на сегодняшний день это уникальное, но совершенно не паханное поле для совместной работы по созданию индустрии туризма на уровне, к которому уже успели привыкнуть россияне. Кстати, именно Крым, занимающий особое место в национальном самосознании как россиян, так и украинцев, — идеальное место для проведения ежегодных форумов делового сообщества наших стран, на которых могут обкатываться совместные экономические проекты.

“Третья корзина” и культурная среда

С момента подписания в 1975 г. Заключительного акта Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе “третья корзина” этого документа, а именно гуманитарные проблемы и права человека, стала инструментом в оказании внешнего давления на нашу страну. Страны уже нет, а созданные в годы “холодной войны” механизмы работают и поныне. Иногда, читая публикации о России в западной прессе, трудно отделаться от ощущения, что пишут о какой-то виртуальной реальности, где царит “тоталитарный режим” и “всевидящее око КГБ”, где подавляется инакомыслие и насаждается единообразие.

Некоторые доморощенные специалисты по Украине сегодня сами взяли на вооружение этот бесхитростный прием. В последнее время им особенно понравилось рассуждать о “сталинских временах” и “политических репрессиях”, о “гонениях на православие” в современной Украине: если послушать лоббистов прежней украинской власти, то и впрямь начнут мерещиться концлагеря и пыточные камеры. Вряд ли они сами верят в то, что говорят — не будут же умудренные в политтехнологии мужи смотреть на обычную политическую борьбу глазами испуганной барышни. Спрашивается, почему увольнение с работы чиновника, являвшегося функционером проигравшей выборы партии

(обычное дело для любой, самой что ни на есть демократической страны), выдается за “преследование по политическим мотивам”? И зачем нам рассказывают сказки об антихристовых временах императора Нерона в государстве, где большинство членов правительства, включая премьера, являются прихожанами Украинской православной церкви Московского патриархата?

А затем, что на основании ими же придуманных мифов специалисты тут же предлагают действующей российской власти начать борьбу за свержение действующей власти в Украине, всячески поддержать украинских оппозиционных деятелей (при этом, понятное дело, рассчитывая на неплохие комиссионные). Особый цинизм этой бурной деятельности придаст то обстоятельство, что среди противников новой власти в Украине сегодня на первый план выходят ненавидящие Россию лидеры фашистского толка, выдвигавшие Шамиля Басаева на соискание Нобелевской премии мира и называвшие кровавое вторжение террористов в Дагестан в августе 1999-го “правозащитной акцией в защиту свободы совести”.

Наши профессиональные борцы за права соотечественников очень любят русский язык и эквилибровать цифрами переписей населения, доказывая факт чуть ли не геноцида русского народа в годы независимости. Действительно, число людей, назвавших себя русскими, между переписями 1989 и 2001 г. значительно сократилось (только не “с 12 до 7”, а с 11,3 до 8,3. Двумя миллионами человек ради красного словца бросаться не стоит). “Радетели земли Русской” утверждают, что это и есть доказательство факта насильственной ассимиляции русского населения, так как все эти 3 млн якобы нарочно записали себя украинцами, ибо русским теперь числить себя “некомфортно”. Радетелям очень понравился этот аргумент, они его используют на каждом углу, по поводу и без повода, не встречая никаких возражений.

Однако они забывают, что само население Украины за 12 лет сократилось более чем на 3 миллиона, и естественная убыль здесь — не главная беда. Люди просто уезжали в поисках лучшей жизни. Так, число евреев за эти годы сократилось в 5 раз. Не записали же они себя украинцами, в самом деле! Конечно, не все уехавшие — русские, и значительная часть тех, кто в 1989 г. был по советскому паспорту русским, теперь по украинскому паспорту стал украинцем. Но мне непонятно, на каком основании утверждается, что это результат “дерусификации” и “этноци-

да”. Где голос самих людей, о страданиях которых так пекутся? Хочу напомнить, что в советские времена гораздо комфортнее было числиться именно русским (имея в виду карьеру, извечно наше “В Москву! В Москву!” и т.п.). Почему никому не приходит в голову, что, вполне возможно, это как раз украинцы, которые прежде писали себя русскими, наконец, смогли себя идентифицировать?

Может ли нормальный человек поверить, что Украина, которая является наполовину русскоязычной страной, где правивший 10 лет президент с трудом выучил украинский на третий год своего президентства, а многие его министры вообще отказывались его учить, — не в состоянии сама, без окриков и подсказок решить, на каком языке у нее будет делопроизводство в поселковых советах? Я уверяю, если такая потребность действительно возникнет, русский язык будет государственным — хоть вторым, хоть первым (кстати, проблему делопроизводства новый президент Украины уже решил, обязав вести переписку с населением на родном языке заявителей).

Проблемы действительно есть, и они касаются сферы образования, функционирования культурных учреждений. Но давайте задумаемся: с какой стати украинское государство должно денно и нощно заниматься развитием русской культуры и преподаванием на русском языке? Если мы говорим о возможностях и условиях, которые предоставляет государство, то они есть. Но это наш государственный язык, это наше культурное достояние, которое мы должны оберегать не только в России, но и по всему миру, в том числе и в Украине. Если нас действительно это волнует, надо помогать с финансированием действующих и создавать новые русскоязычные учебные заведения, вкладывать средства в развитие русской культуры в Украине. Причем делать это не только по официальной, государственной линии, но с привлечением всех, кто ведет там дела. Это вполне посильная “десятина” для российского капитала, работающего в Украине, и если такая задача перед бизнесом будет поставлена, он с ней справится.

Украина — это не “противовес” России

Отказавшись от мифотворчества и занимаясь реальными делами, двигаясь шаг за шагом в согласовании наших интересов, мы сможем построить новое здание российско-украинского

партнерства. Будучи в течение года сопредседателем Российско-украинской межпарламентской комиссии, я в меру сил выступал в роли парламентаря этой идеи, пытался привести в чувство греющих руки на разногласиях политиков.

Я убежден, что мы должны перестать следовать рекомендациям Леонида Кучмы и воспринимать Украину как “поле битвы между Западом и Россией”, избавиться от психологии и терминологии конфликтного состояния. Украина — это не “противовес” России и не культуртрегер для России. Это дружественная нам страна, которая нуждается в нас так же, как и мы в ней. Между теми, кто занимается российско-украинскими отношениями на политическом, государственном уровне, должно быть максимальное доверие. А для того чтобы создать атмосферу доверия, необходимо раз и навсегда перестать вмешиваться во внутривнутриполитический процесс в Украине, разжигать там конфликты и шантажировать расколом страны. Надо работать прозрачно, с официально облеченными властью представителями народа Украины, в соответствии с тем подходом, который был сформулирован Президентом Российской Федерации. В 1997 г. в Киеве был подписан межгосударственный договор с помпезным названием “О дружбе, сотрудничестве и стратегическом партнерстве между Россией и Украиной”. До сих пор этот документ оставался лишь декларацией, пожеланием. Но сегодня у нас появился уникальный шанс сделать это пожелание реальностью. Сможем ли мы воспользоваться такой исторической возможностью?

Шведская модель для Украины

Анонсированная в Украине кампания по реприватизации собственности была встречена деловыми кругами с явной настороженностью. Время показало, что для этого есть веские основания.

За прошедшие несколько недель мое отношение к проблеме претерпело серьезные изменения. Сначала я воспринимал разговоры о реприватизации довольно спокойно, почти не сомневаясь в том, что власти Украины решат все спорные вопросы непредвзято и не повторяя известных ошибок соседей. Однако

последние сигналы с Украины говорят об ошибочности моих первых впечатлений.

Конечно, сомнения возникли у меня с самого начала, но они были скорее теоретическими. Во-первых, у провозглашенной реприватизации нет законодательной основы. То есть она грешит тем же пороком, что и предшествовавшая ей приватизация, которая обошлась без приватизационного законодательства. Между тем именно на этот казус ссылаются некоторые украинские политики, объясняя правомерность отмены итогов приватизационных конкурсов: они-де были незаконными, а следовательно, никакой приватизации де-юре не было. Получается порочный круг под номером один.

Порочный круг номер два состоит в том, что другая часть новых украинских лидеров мотивирует реприватизацию необходимостью борьбы с нарушением закона в ходе приватизации. А это равнозначно борьбе с попранием закона в отсутствие самого закона. И в том и в другом случае налицо попытки решить сложные экономико-правовые проблемы вне правового поля. Второй настораживающий момент реприватизации — ее известная политизированность, направленность против олигархов, связанных с бывшим президентом Украины.

Настораживает и масштабность планируемой реприватизации. Если вначале говорилось лишь об отдельных предприятиях, то сейчас существует список из 3—4 десятков компаний, среди которых фигурирует и российская собственность. А премьер-министр Юлия Тимошенко пошла еще дальше, пообещав проверить законность приватизации не менее 3000 объектов собственности. Но ведь это, по сути, вся украинская экономика! И здесь возникает справедливое опасение: как бы реприватизация не вылилась в глобальное перераспределение активов. Во всяком случае, факт налицо: речь идет о планах разворачивать сделки с собственностью, которая была приобретена в истекшие годы.

Все это не вызывает большого оптимизма ни у бизнесменов Украины, ни у иностранных инвесторов. Мало того, кое-кто в Москве с удовольствием потирает руки, считая, что декларируемая “оранжевыми” борьба с коррупцией была лишь предвыборным популистским лозунгом, которым прикрывалось намерение отнять собственность у “чужих” и передать ее “своим”. По этой версии, еще до выборов в Верховную раду подвох станет

очевидным, что неизбежно приведет лидеров “оранжевых” к катастрофе уже к концу этого года, на худой конец — в следующем.

Неоднозначность восприятия реприватизации в Украине вполне понятна — слишком много вопросов она порождает и слишком много интересов затрагивает. И главное, хочется понять: что же за ней стоит и чего в ней больше — экономики или политики, общенациональных или иных интересов? На первых порах я предполагал, что украинскому руководству надо будет пройти между Сциллой и Харибдой, подразумевая под Сциллой опасность римейка истории с ЮКОСом со всеми вытекающими негативными последствиями для инвестиционного климата, а под Харибдой — верность обещанию, данному народу на майдане, отнять у олигархов незаконно нажитое.

Здесь же следует отнести соображения, связанные с предстоящими выборами в Верховную раду, которые потребуют продолжения популистских демаршей. Не исключено также, что кто-то намеревается использовать реприватизацию для сведения счетов с конкурентами, а кто-то замыслил лишить экономической почвы и ресурсов будущую оппозицию.

Я полагал также, что европейский опыт поможет Украине пройти этот путь наименее болезненно. Перебирая в памяти опыт варягов, я вспомнил о событиях в Швеции накануне Второй мировой войны. Тогда к власти в стране пришла Социал-демократическая рабочая партия Швеции, поддерживаемая мощным профсоюзным движением. Социалисты предупредили крупный бизнес — а это было всего-навсего несколько семей, примерно столько же, сколько и сегодня основных семей в Украине, — что большинство в парламенте дает им возможность провести закон о национализации, чем в условиях внешних угроз они непременно воспользуются, если олигархи не предпочтут социальный мир на основе компромисса и материальных уступок, в том числе путем передачи государству части собственности.

Шведские предпринимательские круги довольно быстро поняли, что им выгоднее идти по пути равноправного социального партнерства, чем вступать в классовые бои. В 1938 г. в пригороде Стокгольма — Сальтшебадене было подписано первое в мире соглашение о полюбовном разрешении спорных социальных вопросов между профсоюзами и работодателями. Обычно содержание сальтшебаденского соглашения кратко формулируется так: социальная уверенность, солидарность, демократия,

равенство, справедливость. Соответствующие этим принципам договоренности стали основой взаимоотношений между наемными работниками и работодателями, между властью и бизнесом, поэтапное развитие которых привело к формированию “шведской модели социализма”.

Основанная на осознанном социальном партнерстве, эта модель гарантирует соблюдение интересов и прав всех слоев общества и обеспечивает один из самых высоких в мире уровней жизни населения. Следует отметить, что шведскую модель не разрабатывали в соответствии с неким идеальным стандартом, она складывалась на надежном фундаменте здравого смысла и сегодня цементируется 20 законодательными актами, в том числе гарантирующими собственников от сюрпризов национализации. Разумеется, выстраивание подобных отношений между властью и бизнесом в Украине — это скорее доброе пожелание, которое может быть адресовано и России. Но похоже, что Украина предпочитает наступить на российские грабли.

Угроза огульного пересмотра приватизационных сделок нависла над многими объектами собственности. И, как нередко бывало в нашей общей истории, чиновники на местах стремятся быть святее папы римского и в административном порыве забегают вперед паровоза, возможно, не без корыстных соображений.

Одна из первых ласточек — блокирование строительства нового терминала в аэропорту “Борисполь”, которое ведет авиакомпания “Аэросвит”. Претензии руководства государственного аэропорта к авиаперевозчику невяжны, но прокуратура уже возбудила следствие по факту незаконной продажи земли ЗАО “Аэросвит”.

Вероятно, можно было разобраться с приватизационной сделкой без замораживания строительства терминала, столь необходимого для развития в стране авиаперевозок, в том числе международных транзитных. Результат жестких действий не заставил себя ждать — растут убытки “Аэросвита”, под угрозой срыва договоренности о получении \$100 млн иностранных инвестиций. В итоге “Борисполь” может повторить судьбу Шереметьево-3, а Украина — упустить шанс стать серьезным конкурентом на рынке международных авиаперевозок. Нельзя назвать корректным недавнее заявление украинского министра внутренних дел Украины Юрия Луценко о незаконном отчуж-

дении госимущества киевских отелей “Днепр” и “Украина”. Подобные заявления наносят репутационный ущерб добросовестным приобретателям и инвесторам, а их следствием может, в частности, стать срыв строительства пятизвездочного гостиничного комплекса на месте обветшавшей гостиницы “Украина” на майдане Незалежности.

Существенно ухудшился инвестиционный и деловой климат в Крыму в связи с широкой кампанией реприватизации крымских здравниц и другой собственности. Исполнившись духа комиссаров прежних лет, местные чиновники всех мастей взяли на себя инициативу проверок всего и вся, заодно дестабилизируя работу по созданию новых курортных комплексов и дискредитируя центральную власть своими импульсивными действиями. Словом, реприватизационный “энтузиазм” в Украине набирает обороты. Это досадно, потому что дальнейшее развитие событий рискует пойти по сценарию, который вполне устроит недоброжелателей “оранжевой революции”.

Украине сегодня нужно согласие

— Александр Евгеньевич, некоторые события в Украине в последнее время тревожат многих. Как вы оцениваете ситуацию?

— Как вы, наверное, знаете, я благожелательно отношусь к новой украинской власти. После состоявшегося обмена визитами между президентами России и Украины появилась реальная возможность начать отношения с чистого листа, открыть новые горизонты сотрудничества. Тем более что и президент, и премьер-министр Украины неоднократно декларировали приверженность демократическим ценностям. Поэтому меня, честно говоря, удивляет, когда сегодня некоторые представители новой власти занялись поисками скелетов в шкафах. Ни к чему хорошему такие поиски не приведут.

— Что вы имеете в виду?

— Прежде всего, ситуацию вокруг Академического театра русской драмы им. Леси Украинки (мне это хорошо известно, потому что Национальный резервный банк, который я ранее

возглавлял, много лет помогал этому замечательному коллективу). Да, руководство театра в ходе прошлогодней избирательной кампании поддержало бывшую власть, к которой у нынешних руководителей Украины очень много претензий. Но при чем здесь артисты? Не надо стрелять в пианиста — он играет как умеет. Если те или иные чиновники теперь руководствуются желанием свести с кем-то счеты, их деятельность просто вредит новой власти. К тому же это не имеет ничего общего с принятыми в Европе представлениями о политической корректности, отношении к оппозиции. Вообще все это смахивает на провокацию в стиле Платона Еленина: спровоцировать конфликт, втянуть в это дело Россию, а потом собирать дивиденды.

После прошлогоднего политического катаклизма Украина нуждается в успокоении, а это может быть достигнуто только через согласие и примирение. Если хотите — через политическую, моральную амнистию. Именно об этом говорил Виктор Ющенко, когда заявлял о том, что в новой Украине будет соблюдаться принцип равенства всех перед законом и что он не будет мстить своим оппонентам.

— Насчет равенства — как вы относитесь к кампании по реприватизации в Украине?

— Это вообще очень загадочная кампания. Сначала откуда-то появляются списки из трех тысяч предприятий. Затем в прессу порциями даются утечки о тех или иных “фигурантах”, причем заявляется, что вопрос о реприватизации уже решен. Причем что конкретно инкриминируется нынешним собственникам, никто не знает.

— Вы можете привести примеры?

— Конечно. Это и гостиница “Украина” в Киеве, и авиакомпания “Аэросвит”, и аэропорт “Борисполь”, и объекты недвижимости в Крыму. Все это предприятия, которые я хорошо знаю и где процесс смены собственника происходил законно. Но если есть вопросы — подавайте в суд. А то получается, что еще до всякого судебного разбирательства некоторые должностные лица делают громкие и безапелляционные заявления, а высшие руководители никак это не опровергают. Подобная практика не способствует улучшению инвестиционного климата.

— Сейчас много говорится о том, что новая власть в Украине будет преследовать русскоязычное население. Что вы об этом думаете?

— Преследовать его вряд ли возможно, потому что это население — большинство Украины. Но в целом ряде регионов, прежде всего на западе страны, существуют серьезные проблемы в сфере образования. Но дело не в том, что государство там кого-то преследует. Одна из причин этого — дефицитность бюджета Украины, а не злой умысел: центральные и местные власти не оказывают должной поддержки русским школам. В итоге школы закрываются, в некоторых областях их осталось единицы. Думаю, нам надо не стучать кулаком по столу и требовать от украинских властей обеспечить русское образование, а самим этим заниматься. В конце концов, это же наш государственный язык. В настоящее время совместно с партнерами в Украине мы разрабатываем программу адресной поддержки русских школ и высших учебных заведений. Опыт у нас уже есть — кроме школ мы помогаем восстановить Театр-музей Чехова в Ялте, строим православный храм, самый большой в Крыму. Если наши государственные и частные компании, которые имеют бизнес в Украине, поддержат эту инициативу, мы снимем многие проблемы в российско-украинских отношениях.

КСТАТИ

На последнем заседании Госдумы Александр Лебедев внес предложение запросить у МИДа информацию о ситуации вокруг театра им. Леси Украинки и положении русских школ в Украине. Однако думское большинство его не поддержало.

“Оранжевая революция” и батька Махно

Природа новой украинской власти становится все более загадочной. Наблюдая за ее действиями, сталкиваешься с разительным противоречием между декларациями политических лидеров и практикой конкретных представителей власти. Мы

уже успели услышать много убаюкивающих заверений в том, что Украина ждет инвесторов с распростертыми объятиями. Но инвесторы — люди, как известно, практичные и предпочитают учиться на чужом опыте. И прежде чем прийти в ту или иную страну со своими деньгами, всегда поинтересуются: как идут дела у их коллег-конкурентов. Коллеги же, увы, в последнее время все больше и больше начинают ощущать себя в роли мещан образца 1920 г., пытающихся отбить свой обоз от очередной революционной банды где-нибудь под Гуляй-полем.

В то время как высшее украинское руководство рассуждает о создании благоприятных условий, инвесторы сталкиваются с циничным наездом со стороны тех, кто, по идее, поставлен их холить и лелеять. Сначала какая-то непонятная история со списком то ли 3 тысяч, то ли 3 десятков предприятий, которые надо “отнять и поделить”. Потом — претензии по объектам недвижимости. Особенно показательна здесь ситуация вокруг курортов Крыма.

В постперестроечные годы россияне были едва ли не единственными, кто вкладывал в развитие инфраструктуры Крымского побережья — украинские олигархи предпочитали покупать себе отели в Турции. Теперь началось. Только что у Внешторгбанка возникли проблемы с пансионатом “Глициния”. Трудно представить, что менеджеры ВТБ, специализирующиеся на работе в правовом поле других государств, могли допустить неквалифицированную сделку. Дополнительное подтверждение тому — появившаяся “утечка” информации, что конфликт имеет политическую подоплеку: украинские власти якобы хотят таким образом унизить российское руководство, ибо в “Глицинии” предполагалось разместить резиденцию Президента РФ. Немного раньше местная прокуратура заинтересовалась крымскими инвестициями Национального резервного банка. В 1998 г. мы купили заброшенный участок под Алуштой, сплошные руины, вложили 65 млн долларов и построили единственный в Крыму пятизвездочный отель с аквапарком — пансионат “Море”. Сейчас у новых властей потекли слюнки — дескать, когда начинали проект, маловато дали.

Экспроприация имущества у иностранных инвесторов навевает образы Гражданской войны. Тогда революционная власть тоже национализировала все построенное “буржуинами” и объявила себя свободной от обязательств по долгам “проклятого цар-

ского режима”. Чем все закончилось, мы хорошо знаем. Кстати, проблема доли Украины в долгах бывшего СССР так и не решена: как известно, от обязательств по обслуживанию долга она отказывается, а на активы Союза по-прежнему претендует.

Все это очень грустно. Глядя на продолжателей дела Нестора Махно, я никак не могу понять, является ли их активность местной самодеятельностью или же она — проявление некоей линии государства. Если верно последнее, остается только посочувствовать руководству Украины, которое, направляясь в Европу, вместо этого может запросто оказаться на большой дороге. Впрочем, у людей, обладающих политической волей, всегда есть выбор.

Черная ленточка на оранжевом знамени

Всякая революция, как известно с давних пор, не только имеет обыкновение пожирать своих детей, но и — с такой же неизбежностью — порождает разгул анархии. При этом основные действующие лица разгула вовсе не обязательно должны быть идейными анархистами или глубокими знатоками творчества Бакунина; чаще всего на первый план выдвигаются как раз те, кто социальной философией не озабочен, зато проявляет неистребимую склонность к рыбной ловле в мутной воде.

Воду же баламутит вполне безликая толпа, получившая — на время, разумеется, — возможность безнаказанно расплескивать по городским улицам или бескрайним степям долго копившиеся эмоции.

Во время Французской революции конца XVIII в. безудержные санкюлоты периодически штурмовали дворцы и парламентские здания, иногда устраивали самосуд в тюрьмах, порой громили продуктовые лавки. Тем временем поставщики революционных армий весьма последовательно наживались на реквизициях, земельные спекулянты за бесценок скупали земли “врагов народа”, а деятели многочисленных местных и центральных комитетов общественной безопасности, украсив свою одежду трехцветными кокардами, под шумок избавлялись от надоевших кредиторов и прочих лично-классовых недругов.

Во время Февральской революции в России матросы и солдаты Петроградского гарнизона потешались, постреливая в мимохожих “буржуев”, а предприимчивые дельцы, нацепив красные банты, вынуждали более преуспевавших при “проклятом царизме” конкурентов поделить несправедливо нажитым богатством. После большевистского переворота на фоне горящих помещичьих усадеб (немногих еще уцелевших в ходе предшествующих потрясений) и бесчинств неплохо вооруженных шаек дезертиров появились в некоторых местностях профессиональные реквизиторы. Иные из них имели предреволюционный стаж пополнения каких-нибудь партийных касс в результате “эксов”, кое-кто наново освоил науку “грабить награбленное”.

Немало любителей поживиться чужим добром было в те времена в Украине. Бойцы Нестора Ивановича Махно далеко не всегда знали, чем взгляды Кропоткина отличаются от воззрений Плеханова, но безошибочным классовым чутьем понимали, какое именно добро можно безнаказанно прибрать к рукам в ходе непримиримой борьбы за свободу трудового народа.

Времена меняются, революции обретают иные краски и очертания, появляются новые, более гуманные методы борьбы. Там, где сто или двести лет стреляли, теперь кричат и машут флагами. Там, где раньше тащили из барских домов в собственные избы перины да канделябры, теперь перераспределяют права собственности, производственные мощности и ценные бумаги. Неизменными остаются, однако, два фактора: готовность толпы поддержать всякий черный передел и умение ловких дельцов обратить этот передел к своей выгоде.

В нынешней Украине передел окрасился в оранжевые тона. Вполне естественное и справедливое недовольство масс произволом чиновников и придворных бизнесменов эпохи Кучмы придало некоторое благородство притязаниям тех, кто ныне хочет оттеснить от кормушки прежних ее безвозмездных пользователей.

Никто не спорит, приватизация девяностых — первой половины текущего десятилетия в Украине была проведена, мягко говоря, странно. Доставшаяся частным владельцам государственная собственность была оценена в 18 млрд долларов, что нередко было ниже реальной стоимости. Оценка может вызывать споры, но в постсоветских условиях — что в российских, что в украинских — даже самый гениальный экономист не смог бы точно ска-

зять, что сколько стоит. Зато даже студент-первокурсник экономфака в состоянии понять, что совсем не одно и то же: вносить в казну реальные деньги или напечатанные самим же приобретателем долговые бумаги и “зачеты”. А в Украине живых денег поступило в государственный карман лишь полтора миллиарда долларов из восемнадцати: Это факт, но из него отнюдь не следует, что кавалерийские наскоки на наиболее одиозных недобросовестных приобретателей возвратят деньги в казну, а не на банковские счета охочих до поживы бизнесменов, заявивших о своей приверженности “оранжевым” идеалам и теперь требующих оплаты своей лояльности новым властям. Но еще хуже, что кавалерийским наскокам вкупе с ловкачами подвергаются добросовестные приобретатели, которым огульно грозят кулаком реприватизации. И тем самым “доброхоты” вставляют палки в колеса перспективных инвестиционных проектов, реализация которых принесла бы несомненную выгоду украинской экономике.

Возьмем, например, Крым. Наряду с успешными прозрачными проектами по развитию курортного комплекса полуострова (в частности, в Алуште) десятки приватизированных объектов остаются не у дел, начавшиеся строительные работы на них либо заморожены, либо ведутся только для видимости. Вот с такими объектами администрация Крыма должна разобраться и, если они используются нецелевым образом, да еще и приватизированы были с нарушениями, — отбирать. И напротив, добросовестным инвесторам следовало бы оказывать всяческое содействие. Но, увы, пока работает принцип общей гребенки — претензии предъявляются всем без разбору.

Это может нанести непоправимый вред инвестиционному климату в Украине, в результате чего серьезные инвесторы покинут ее. Рецепт здесь один: остановить “разгуляй-кампанию” указом свыше, запрещающим всяческую активность на местах до проведения компетентных расследований и вынесения четких решений по конкретным делам и не позволяющим официальным лицам будоражить общественное мнение преждевременными предположениями и умозрительными заключениями.

Конечно, властям трудно, потому что неистребимый дух Нестора Махно ведет за собой не только тех, у кого “кипит разум возмущенный”, но и обозных маркитантов, готовых въехать на анархистской тачанке в ворота любого мало-мальски преуспевающего хозяйствующего субъекта.

Власть, по моим наблюдениям, с трудом сдерживает порывы ретивых борцов с богатством “клана Кучмы” и “окружения Януковича”. По прежнему правовому бездорожью ударяют не столько автопробегами, сколько рейдами оранжевых конников.

Анархическая вольница не страшится никаких препятствий, и даже неприступный Турецкий вал, за которым Крым тщетно пытался отсидеться и в 1920 г., и в 2005-м, не останавливает неудержимого натиска реприватизаторов, в ряды которых встают все новые и новые бойцы. 85 лет назад конница Махно стала основной ударной силой московских красных армий, своими средствами не умевших взять Перекоп. Теперь киевские назначенцы взяли Крым почти без боев. Они убеждены, что заслужили поощрение, и торопятся получить его, не дожидаясь, пока милости с берегов все еще полноводного Днестра попадут в оскудевший водой Салгир.

Обозные мародеры обычно ищут то добро, которое кажется им плохо охраняемым. В Украине вообще и в Крыму в частности это собственность российских предпринимателей. Премьер-министр страны неоднократно заявляла о том, что целями украинских властей ни в коем случае не является ущемление прав собственников, прописанных в соседней стране; однако разгул анархии позволяет игнорировать любые слова высших лиц государства. Разгул анархии позволяет также поиграть на давнем недоверии к “москалям”: раз россиянин — значит, украл. И вот новоназначенные должностные лица крымской прокуратуры начинают присматриваться к тому, что плохо, с их точки зрения, лежит-стоит в курортных областях.

Такие чины подъезжают, например, на тачанках (не совсем махновских, правда, а на тех, что европейцами изготовлены) к отстроенному и неплохо, заметим, благоустроенному российским бизнесменом рекреационному комплексу близ Алушты. “А что это москаль такую красоту так дешево купил?” — “Так красоты, пан прокурор, не было к моменту покупки, развалюхи санаторные были, земля сухая и полное отсутствие всякой инфраструктуры”. — “Какая такая инфраструктура? Ведь тут в сезон можно чуть не полмиллиона туристов обустроить! Хочет деньги получать — пускай еще раз за землю нашу родную, украинскую заплатит. А то вишь, облагородил он здесь все! И что, эти деньги к москалям уйдут, мимо наших широких патриотических карманов?”. — “Так ведь он тут и воду провел, и по прави-

лам строительства на геологических разломах все воздвиг”. — “Разломов никаких таких не знаю, а облом ему будет!”. Диалог, понятно, является художественным вымыслом, но плоды его вызрели во вполне осязаемой реальности. Против тачанки прокурорской частное лицо — хоть украинское, хоть москальское — не поперет. Власти же пока молчат, не решаются или не умеют с анархической вольницей сладить. Жаль, не помнят они, что после махновского героизма при штурме Перекопа сторонников Нестора Ивановича почти поголовно перестреляли, а все выгоды достались комиссарствующим реквизиторам из обоза Фрунзе. Правда, тоже не навсегда. И Михаил Васильевич оказался смертен, и многих из лихих переустроителей Крыма во главе с пламенной расстрельщицей Землячкой ждал 1937-й.

Так, может быть, проще снять черные анархические ленточки с оранжевых знамен и прекратить, пока не поздно, беспредельный передел?

Россия и Украина: с чистого листа

Когда в марте я выступил с тезисами новой политики реальных дел в отношениях с Украиной, то был тут же подвергнут обструкции. Чего только не довелось мне услышать в свой адрес за последние месяцы — от “адвоката бандеровцев” до “изменника Родины”, торгующего ее интересами ради каких-то там принадлежащих мне по ту сторону границы деревенок (хотя, учитывая специфику, правильнее было б вести речь о хуторках).

Все эти проклятия неслись из уст тех, кто за несколько лет вытоптал российско-украинскую поляну до состояния пустыни Сахары. Осваивая немалые бюджетные средства, “политработники” умудрились поставить отношения двух братских народов на грань “холодной войны”. По сути, именно так стоял вопрос еще в январе, когда раздавались призывы не признавать новую украинскую власть и спровоцировать отделение Юга и Востока Украины от Киева. Реализация этого сценария, который многим у нас казался не только возможным, но и желанным, привела бы к затяжному гражданскому конфликту с огромными жертвами как для Украины, так и для России.

По счастью, наш президент в ходе своего блиц-вояжа в Киев 19 марта фактически перевернул не самую светлую страницу истории наших отношений и предложил писать ее с чистого листа, набросав первые контуры будущего здания. Его подход, который можно было бы охарактеризовать как национальный прагматизм, нашел понимание у новых лидеров Украины, но не встретил особого сочувствия у нашей элиты. Я оказался чуть ли не единственным, кто выступил в его поддержку и предложил идеи и проекты, которые могли бы наполнить новую повестку дня российско-украинских отношений содержанием. По прошествии трех месяцев можно оглянуться назад и подвести некоторые промежуточные итоги.

К сожалению, надо признать, что строительство нового российско-украинского дома сегодня находится все на том же месте, а по некоторым вопросам оказалось отброшено на предпроектную стадию. И вина здесь лежит на наших украинских партнерах, которые доверили самые ответственные работы натуральным шабашникам. Взять хотя бы вопросы экономического сотрудничества и взаимных инвестиций. Уж сколько раз твердили миру, что в таких вопросах самый ценный актив, имеющийся у правительства, — это доверие со стороны внешних инвесторов. По большому счету их мало волнуют отношения власти со своим, национальным капиталом. Совсем другое дело — отношение к ним самим.

Я вполне допускаю, что у новых властей Украины могут быть поводы для недовольства тем, каким образом проводилась приватизация в прошлом. Они вправе менять правила игры — могут, например, провести национализацию своих предприятий и начать строить коммунизм. Это их внутреннее дело, но оно перестает быть таковым, когда затрагиваются интересы иностранных инвесторов. Если вы хотите, чтобы к вам пришел иностранный капитал, ему надо обеспечить условия, главное из которых — незыблемость принятых ранее решений. Какой смысл вкладывать в страну, где нынешнее правительство отбирает то, что было сделано при предыдущем? Ведь нет никакой гарантии, что его сменщики не поступят таким же образом.

Между тем сейчас иностранные инвесторы в Украине сталкиваются с чистой воды махновщиной. Вместе с банальным “наездом”, подразумевающим банальный же “откат”, предпринимаются попытки “на полном серьезе” отобрать все нажитое. Про-

сто смех и слезы! Смех, потому что непонятно, что они, отобрав, будут с этим добром делать: большинство активов предполагают дальнейшие инвестиции, а чтобы потом продать, надо еще поискать такого дурака. К тому же и отобрать-то толком не получится: международная правовая система, в которую включена Украина, обеспечивает надежную защиту инвестиций. А слезы оттого, что “бабки” с трезубцами на прокурорских погонах — от корысти или по недоумию — рубят на корню реальные ростки российско-украинского экономического сотрудничества.

Немало вопросов вызывают действия новых украинских властей в гуманитарной сфере. Я сознательно отделяю ее от политической, ибо нам все время пытаются выдать чистку госаппарата от активистов прежних правящих партий за “гонения на русскоязычных и православие”. Нам не должно быть никакого дела до того, какой в Украине политический режим и насколько комфортно чувствует себя ее бывший президент Кучма, — это все внутреннее дело Украины. Но есть фундаментальный вопрос, который нас касается, — положение русского языка, русской культуры и православной церкви в Украине. К сожалению, в этой сфере у новой украинской власти слова тоже расходятся с делами. Какая-то непонятная свистопляска вокруг Театра русской драмы им. Леси Украинки в Киеве, абсурдные распоряжения о переводе делопроизводства на украинский язык в Крыму, попытки убрать русскую речь из эфира — все эти действия отравляют атмосферу российско-украинских отношений.

Из всего вышесказанного мои оппоненты делают вывод, что я изменил позицию, прозрел, убедился в их правоте. Ничего подобного! Во-первых, моя программа была пожеланием, высказанным в определенное время. А во-вторых, окно возможностей все еще открыто. Однако приметы кризиса налицо, и необходимо предпринимать экстренные меры. В противном случае через какое-то время мы будем лишь ностальгически перелистывать русско-украинский семейный альбом и вздыхать о том, как все у нас могло бы быть прекрасно.

Российская сторона за прошедшие месяцы сделала очень многое для того, чтобы пройти свою часть пути, и мяч давно уже мечется по украинской части поля. Тренерский состав “жовто-блакитной” сборной, видимо, настолько занят рассаживанием на скамейке, что потерял всякую связь с игроками, которые упоенно лупят по своим воротам. Поэтому ключевой вопрос се-

годня заключается в том, сможет ли исполнительная власть Украины обуздать Гуляй-поле и отогнать атаманов от рычагов управления — как в экономике, так и в гуманитарной сфере.

Что же касается России, то она должна жестко отстаивать свои интересы. Только делать это надо без истерики и попыток устроить кухонную разборку с соседями по вчерашней коммуналке. Причем на первом плане должно стоять именно обеспечение экономических интересов, потому что успешная работа российского капитала в Украине позволит саккумулировать для поддержки русского образования и культуры финансовые ресурсы. Формой реализации этих интересов России на межгосударственном уровне может стать создание при комиссии Путин — Ющенко координационных органов — совета по инвестициям и совета по гуманитарным вопросам, в которые могли бы быть включены представители делового сообщества и культурной элиты наших стран.

А вот что нам необходимо сделать точно, причем немедленно, так это исключить попытки в очередной раз втянуть Россию во внутривосточную борьбу на предстоящих в марте будущего года выборах в Верховную раду. Некоторые наши граждане, успевшие погреть руки на прошлогоднем президентском марафоне, в последнее время начинают опять раскручивать российскую власть на предмет очередной “беспроектной” ставки. Давайте на этот раз как-нибудь обойдем стороной уже знакомые нам грабли и оставим это поле Борису Березовскому, который как раз пустил там первую борозду. Пусть себе попробует.

Станет ли Виктор Ющенко Валерием Лобановским?

Когда в марте я выступил в ряде российских газет с тезисами новой политики реальных дел в отношениях с Украиной, то был тут же подвергнут обструкции со стороны представителей нашего “экспертного сообщества”. Их пафос можно понять — эксплуатация имперских комплексов на постсоветском пространстве превратилась у нас в выгодный бизнес. Беда лишь в том, что, осваивая немалые бюджетные и внебюджетные сред-

ства как России, так и Украины, доморощенные “политработники ножа и топора” вытоптали российско-украинскую поляну до состояния пустыни Сахара и умудрились поставить отношения двух братских народов на грань войны. По сути, именно так стоял вопрос еще в январе, когда раздавались призывы не признавать новую украинскую власть, спровоцировать отделение юга и востока Украины от Киева и способствовать созданию там некоего “пророссийского” государства. Реализация этого сценария, который многим у нас казался не только возможным, но и желанным, привела бы к затяжному гражданскому конфликту по типу сербо-хорватского в 1991–1992 гг., с огромными жертвами и потерями и для Украины, и для России. Хотя, конечно, “кому война, а кому мать родна”, и, возможно, именно такое развитие событий было бы весьма на руку нашим сторонникам так называемой “жесткой линии”. Ведь под это дело можно было бы не только списать собственный провал, но и получить зеленый свет для реализации новых, не менее катастрофических по своим последствиям проектов.

По счастью, наш президент оказался мудрее тех, кто в последние годы подвизался на ниве российско-украинских отношений. В ходе своего блиц-визита в Киев 19 марта он фактически перевернул не самую светлую страницу наших отношений и предложил писать ее с чистого листа, набросав первые контуры будущего здания.

“Оранжевая революция” и Нестор Махно

Очевидно, что краеугольный камень прочного фундамента российско-украинских отношений — это прежде всего вопросы экономического сотрудничества и взаимных инвестиций, реализация масштабных капиталоемких проектов, интеграция хозяйствующих единиц России и Украины. К сожалению, декларации о прозрачности и открытости для инвесторов в Украине не находят применения в повседневной практике. Уж сколько раз твердили миру, что в таких вопросах самый ценный актив, имеющийся у правительства той или иной страны, — это доверие со стороны внешних инвесторов. По большому счету, их мало волнуют отношения национальной власти со своим, национальным капиталом. Периодически устраиваемые показательные процессы над местными предпринимателями в Китае никак не влияют на инвестиционный климат, да и история с на-

шим ЮКОСом, что бы по этому поводу ни говорили, никого из иностранцев особо не напугала. Совсем другое дело — отношение к ним самим.

Я вполне допускаю, что у новых властей Украины могут быть поводы для недовольства тем, каким образом проводилась приватизация приближенными к власти украинскими бизнесменами тех или иных активов в прошлом (хотя, замечу, многие из нынешних руководителей страны имеют к прежним правительствам самое непосредственное отношение). Они вправе делать здесь все, что угодно. Могут, например, провести национализацию и начать строить коммунизм — это их внутреннее дело. Ведь социалистическая система в СССР не мешала Арманду Хаммеру делать на бизнесе с ней миллиарды. Но если вы хотите, чтобы к вам пришел нерезидентский капитал, ему надо обеспечить условия, главное из которых — презумпция принятых ранее решений. Какой смысл вкладывать в страну, где нынешнее правительство отбирает то, что было продано при предыдущем? Ведь нет никакой гарантии, что его сменщики не поступят таким же образом.

Между тем то, что происходит вокруг предприятий и объектов иностранных инвесторов в Украине сегодня — это чистой воды махновщина. Параллельно с банальным “наездом”, подразумевающим банальный же “откат”, предпринимаются попытки “на полном серьезе” отобрать у иностранцев (не только россиян, просто наши на виду, так как были самым крупным инвестором в украинскую экономику) все нажитое. Просто смех и слезы! Смех, потому что не понятно, что они, отобрав, будут с этим добром делать: большинство активов предполагают дальнейшие инвестиции, которые украинский капитал в принципе не сможет обеспечить. А чтобы потом опять нам же продать, надо еще поискать такого дурака. К тому же и отобрать-то толком не получится: современная международная правовая система, в которую включена Украина, обеспечивает надежную защиту инвестиций, и иск польских фирм, лишенных льгот в свободной экономической зоне “Яворив”, — только первая ласточка. А слезы — оттого, что “бабки” с трезубцами на прокурорских погонах рубят на корню реальные ростки российско-украинского экономического сотрудничества. С этой точки зрения неважно, почему они это делают — от корысти или по недоумию.

В Москве, Минске и Астане с большим удивлением следят за пертурбациями украинской позиции по вопросу формирования Единого экономического пространства. Министр экономики Украины Сергей Терехин проявляет чудеса гибкости: он умудряется одновременно требовать скорейшего, “уже в этом году” создания зоны свободной торговли, но при этом категорически отмечает все, что связано с Таможенным союзом. Спрашивается, можно ли создать общий рынок “без изъятий и ограничений”, не обеспечив общую таможенную политику? Любой вменяемый человек скажет, что нельзя. Однако украинские переговорщики демонстрируют амбивалентность, граничащую с паранойей — они даже не хотят обсуждать вопрос о Таможенном союзе, ссылаясь на некие запреты, имеющиеся в Конституции Украины. Однако, во-первых, никаких запретов в Основном Законе Украины нет, там существуют лишь отсылочные нормы, предусматривающие принятие специальных законодательных актов. А во-вторых, перспектива изменения Конституции почему-то никого не пугает, когда речь заходит об интеграции в Европейский союз или, к примеру, в НАТО.

Немало вопросов вызывают действия новых украинских властей в гуманитарной сфере, имеющей для нашего национального самосознания весьма болезненное звучание. Я намерено отделяю гуманитарную сферу от политической, так как наши “украиноведы” постоянно пытаются подменить понятия, выдавая чистку госаппарата от активистов прежних правящих партий за “гонения на русскоязычных и православие”. Их можно понять, учитывая тесные и далеко не только идейные связи с этими активистами, но надо все-таки отделять мух от котлет. С точки зрения наших национальных интересов нам не должно быть никакого дела до того, какой в Украине политический режим — демократический или авторитарный, олигархия там или охлократия. Точно так же нам неинтересно, как строятся отношения между властью и оппозицией, как распределяются полномочия между центральной властью и регионами и насколько комфортно чувствует себя ее бывший президент Кучма. Это все внутреннее дело Украины.

Но есть фундаментальный вопрос, который ко всему вышеперечисленному не имеет никакого отношения — это положение русского языка, русской культуры и православной церкви в Украине. Думаю, не надо специально объяснять, почему для нас,

для России, эти понятия имеют большое значение и должны быть предметом российско-украинских отношений (как таким же предметом является положение украинского языка и культуры в России, но уже здесь проявлять интерес должна украинская сторона). К сожалению, в этой сфере у новой украинской власти слова тоже, причем очень зримо, расходятся с делами. Какая-то непонятная свистопляска вокруг Театра русской драмы им. Леси Украинки в Киеве, абсурдные распоряжения о переводе делопроизводства на украинский язык в Крыму, попытки убрать русскую речь из радио и телеэфира — все эти действия идут вопреки торжественным обещаниям и уверениям Виктора Ющенко. Надо ли говорить, что ничего постреволюционной власти они не приносят, кроме вреда: не думают же они, в самом деле, что можно таким образом (и вообще каким-либо еще) изменить менталитет половины населения страны, да еще на пути в Европу. То есть мы имеем дело с очередным “эксцессом исполнителя”, который ухудшает атмосферу российско-украинских отношений.

Как преодолеть надвигающийся кризис?

Из всего вышесказанного мои оппоненты могут сделать вывод (и уже вовсю, отдадим им должное, делают), что я изменил позицию, “прозрел”, убедился в их правоте и т.п. Ничего подобного! Во-первых, мои идеи и моя программа были пожеланием, высказанным в определенной точке истории, видением того, как все могло бы быть. А во-вторых, я пока не вижу ничего необратимого, и “окно возможностей” все еще открыто. Более того, обвальный кризис в Европейском союзе поставил крест на мечтах политической элиты Украины о скорой интеграции в Европу. Можно, конечно, продолжать вздыхать о прекрасном принце из Брюсселя и год за годом вешать на синюю новогоднюю елку 26-й оранжевый шарик. Однако за этим занятием можно упустить выгодную партию, оказавшись в конце концов у разбитого корыта. Между тем кризисные явления в российско-украинских отношениях налицо, и необходимо предпринимать экстренные меры.

Видит бог, российская сторона за прошедшие месяцы сделала очень многое для того, чтобы пройти свою часть пути (за исключением, наверное, проекта регионального самолета “Ан-148”, который очень понравился нашему президенту, но теперь усиленно готовится к похоронам чиновниками Прави-

тельства РФ), и мяч давно уже мечется по украинской части поля. Для меня очевидно, что тренерский состав “жовто-блакитной” сборной понимает абсурдность происходящего, но, видимо, настолько увлекся внутренними дискуссиями о порядке рассаживания на скамейке, что потерял всякую связь с игроками. Поэтому ключевой вопрос сегодня состоит в том, сможет ли исполнительная власть Украины навести порядок с воплощением собственных же планов и решений, обуздать Гуляй-поле и отогнать атаманов от рычагов управления — как в экономике, так и в гуманитарной сфере. Если она действительно обладает политической волей и способна ее реализовывать, то должна прежде всего обеспечить гарантии инвестициям российского капитала и льготные условия для новых проектов, а также создать условия для нормального функционирования русского языка во всех сферах, в том числе официальной, и — шире — заручиться поддержкой русского населения Украины.

Наши партнеры в Киеве должны четко понимать, что характерного для времен Кучмы фальшивого романтизма в отношениях с Россией, под который списывались долги и прощалась пропажа газа и многое другое, больше не будет. Украина недовольна размерами арендных платежей за размещение Черноморского флота. Россия ничего не имеет против того, чтобы украинская сторона представила свою калькуляцию. Но тогда не надо возмущаться намерению “Газпрома” перейти на мировые цены и денежные расчеты в поставках газа. Я вообще за то, чтобы навести порядок в расчетах за энергоносители — не только в Украине, но и во всех бывших братских республиках, так как сложившаяся система торговых отношений в этой сфере является абсолютно нерыночной и политически мотивированной. Независимость — дорогое удовольствие, и надо быть готовым платить.

И еще одно соображение, если хотите — совет. Я, как могу, пытаюсь отвратить моих коллег в России от попыток вмешаться во внутривосточную борьбу на предстоящих в марте будущего года выборах в Верховную раду Украины. Некоторые наши граждане, успевшие погреть руки на прошлогоднем президентском марафоне, в последнее время начинают опять раскручивать российскую власть на предмет очередной “беспроигрышной” ставки. Как мне представляется, их потуги успехом не увенчаются — слишком дорого вся эта музыка обошлась для российско-украинских отношений.

Но упаси бог украинскую элиту поддаться соблазну втянуться в такую же игру на российском поле, сделать свое государство “плацдармом для революции”, принять рецепты борцов с “путинским режимом” из Лондона и Тель-Авива. Иллюзии этих людей опасны, потому что они заразны. В случае катаклизма на смену нынешнему президенту придет не Гарри Каспаров, не Борис Немцов и даже не Михаил Касьянов, а совсем другие люди. Для постсоветского пространства это будет означать проведение действительно имперской политики — таковы уж у нас общественные настроения. Так что “ловить” украинским революционерам в России просто нечего. Сама же попытка “экспорта демократии” закончится катастрофой: Россия еще может — пусть с ничем не оправданными потерями — позволить себе разрыв отношений с Украиной; молодое же по историческим меркам украинское государство такой “холодной войны” не перенесет.

“Если в Украине не прекратится “черный передел”, иностранный капитал уйдет из украинской экономики”

Заявление одного из столпов нынешнего политического режима Александра Зинченко о коррумпированности ближайшего окружения Президента Украины с указанием конкретных фамилий — Порошенко, Третьяков, Мартыненко — не открыло большинству украинских граждан никаких политических америк. Но после этого заверения Виктора Ющенко о единстве властной команды и о том, что главным мерилом проводимой политики являются интересы народа Украины и ценности майдана, потеряли всякий смысл.

Прокомментировать ситуацию мы попросили депутата Госдумы России и предпринимателя Александра Лебедева — человека неординарного, предпочитающего судить о происходящих в России и в Украине политических событиях не с чужих слов, а из собственного опыта.

Тем более в понедельник, в день скандальной пресс-конференции Александра Зинченко, в “Львовской газете” появилась статья г-на

Лебедева, в которой он также заявил о коррупции в ближайшем окружении Президента Украины.

— Александр Евгеньевич, скажите, такой резонанс вашей статьи в “Львовской газете” и заявления Зинченко — это спланированная акция или совпадение?

— Конечно, совпадение. Но, видимо, коррумпированность ближайшего окружения украинского президента достигла такого уровня, что куда ни ткни — попадешь в точку. Моя статья (см. стр. 514 в этой книге. — *Ред.*) была написана как ответ Владимиру Василенко [бывший посол Украины в Бельгии и Великобритании, представитель Украины в Гаагском трибунале, судьяшем Милошевича, фигура, близкая к министру иностранных дел Борису Тарасюку], который ввязался в полемику со мною и с московским политологом Андреем Окарой на страницах “Зеркала недели”. Полагаю, это нормальная и цивилизованная практика, когда СМИ предоставляют герою публикации, в данном случае мне, возможность ответа, особенно если в самой публикации содержатся резкие выпады и несправедливые обвинения. Тем не менее мой ответ Владимиру Василенко в газете “Зеркало недели” был снят с печати в самый последний момент. И, как я понимаю, такая вот цензура связана не с излишним пиететом редакции газеты перед Владимиром Василенко, а с моими упреками по адресу ближайшего окружения украинского президента.

— Вы тоже считаете, что при Ющенко система коррупции власти, сложившаяся во времена Леонида Кучмы, не претерпела принципиальных изменений?

— Она даже усугубилась, потому что при Кучме коррупционеры хотя бы придерживались каких-то своих “понятий” и не клялись ни матерью, ни “идеалами майдана”. Слабость и несистемность новой украинской власти порождает у “новых олигархов” ощущение вседозволенности. Отсюда такая вот махновщина что в политике, что в бизнесе.

— По вашему мнению, заявление Александра Зинченко усилит или ослабит украинскую государственность?

— Это — как вскрытие нарыва. Оно дает возможность выявить причины болезни и избавиться от нее. Стало очевидно,

что не все так гладко и спокойно в украинском государстве, как показывают по первому украинскому телеканалу. Украинская власть получила хорошую возможность очиститься, стать более открытой и прозрачной и строить свою политику на законе, а не на произволе “новых олигархов”. Ведь именно все это Виктор Ющенко обещал на майдане, и именно благодаря этим обещаниям ему многие поверили.

Открытая и доброжелательная дискуссия позволит вернуться Украине на путь демократии и экономического роста. Это порядочнее и плодотворнее, чем обвинять меня (как это делает “Пятый канал”) в отстаивании интересов нашего президента Владимира Путина в финансовом мире Украины.

Думаю, если в Украине не прекратится вопиющий произвол, иностранный да и украинский капиталы уйдут из экономики. А разговоры представителей новой власти об иностранных инвестициях покажутся очередными маниловскими байками.

За спиной Виктора Ющенко возникло и набирает обороты ЗАО “Президент Украины”, контрольный пакет акций которого находится у названных Александром Зинченко “акционеров”. Именно там решаются вопросы о назначении на те или иные должности, именно его акционеры осуществляют “черный передел” собственности, используя прокуратуру и суды в качестве подручного средства вроде отмычки.

— Президент Виктор Ющенко знает о существовании подобного “закрытого акционерного общества”?

— Судя по всему, даже не догадывается. К сожалению, президентом Украины пытаются манипулировать: его фактически оттесняют на “этнографическую поляну” — на “пасеку”, на разнообразные сорочинские ярмарки.

Я могу много говорить о наших корпоративных проблемах, возникших при новом режиме, — и о гостинице “Украина” в Киеве, и о пансионате “Море” в Алуште. Кстати, оба эти проекта имеют социальную направленность, приносят нам лишь убытки и головную боль. Но наш случай частный, один из сотни. Ведь речь идет о системном явлении, о попрании законных прав собственников.

Я всегда был убежденным сторонником государственно-частного партнерства, которое считаю спасительным механизмом для наших постсоветских экономик. Но я являюсь не менее

убежденным противником сращивания госаппарата и семейного бизнеса. Вот, к примеру, в России я уже несколько лет веду борьбу со столичными бюрократами, чья деятельность олицетворяет собой именно такой подход. Поэтому я и хотел на правах друга и сочувствующего предупредить новую украинскую власть об опасностях, которые таит в себе такое государственно-частное семейное партнерство, возвращающее нас к худшим традициям застоя.

Будет хуже — станем лучше

Время левого популизма и дележа собственности в Украине уходит. Осложнение внешнеэкономической конъюнктуры заставит власть перестроиться и перенести центр своей активности в сферу улучшения инвестиционного климата. Депутат Государственной думы России, заместитель председателя думского Комитета по связям со странами СНГ, основатель и акционер Национального резервного банка (НРБ) Александр Лебедев является еще и одним из крупнейших российских инвесторов в Украину.

Банкир был одним из немногих российских бизнесменов, кто осмелился поддержать команду Виктора Ющенко морально (и не только), в то время как основные ресурсы Кремля были брошены на поддержку кандидатуры Януковича. Но, как оказалось, настоящим риском для НРБ явилось не возможное возмездие Кремля, а именно победа Виктора Ющенко и его команды, которые сделали собственность и собственника заложниками своих революционных идей.

*НРБ вложил в санатории и гостиницы Украины около полу-миллиарда долларов еще во времена Кучмы — для новой украинской власти этот факт стал отличным *casus belli* для начала мощной кампании передела. Самая показательная история — тяжба по поводу гостиницы “Украина”, которая расположена на майдане. Усилиями госуправления Администрации президента Кучмы этот объект недвижимости стал совместным предприятием структуры НРБ и Фонда госимущества Украины (ФГИУ). НРБ внес в уставной капитал СП 20 млн долларов, ФГИУ в качестве взноса передал само здание. Общая сумма ин-*

вестиций в зависимости от особенности проекта могла достичь 500 млн долларов — “Украина” по замыслу НРБ должна была превратиться чуть ли не в символ независимости украинского государства.

Но министр внутренних дел Юрий Луценко еще зимой обвинил руководство управделами бывшего президента в незаконной продаже коммерческим структурам, в том числе российским, ряда объектов госсобственности. В июне хозяйственный суд Киева по иску городской прокуратуры наложил арест на имущество ЗАО “Отель «Украина»”. ФГИУ уже подготовил план повторной приватизации “Украины”. Началась долгая и изнурительная позиционная война за собственность, конца которой пока не видно.

— Среди российских и некоторых западных инвесторов и политиков стало общим мнение, что с теми, кто так или иначе относится или относился к команде Ющенко, невозможно иметь дело, “потому что они всех кидают”. Какое у вас сложилось впечатление?

— Я думаю, что дело не в какой-то особой склонности к “кидалову”. Есть проблема потери управляемости. Ведь кто-нибудь из западных европейцев может так же и о россиянах сказать. В России в середине 1990-х гг. была похожая ситуация. С кем тогда можно было договориться? В Кремле пили. В Белом доме воровали. Бизнес беспредельничал. Правоохранительные органы срачивались с бандитами. В Думе сидели коммунисты, которые не собирались принимать никаких законов. МВФ навязывал идиотскую экономическую политику (ее анализ и был предметом моей докторской диссертации). Она должна была закончиться экономической катастрофой. Держите курс рубля! Держите курс! Налоги не собирались. Происходили крупные заимствования на внутреннем рынке. У иностранных спекулянтов доходность была под 200% годовых. Страну раз пять по кругу обокрали. После чего схлопнули. Все отлично! Примерно такая же ситуация может сложиться в Украине.

— Вы хотите сказать, что Украина идет к экономическому кризису?

— Ситуация в Украине в принципе напоминает мне 1995 г. и ощущается некоторая близость к августу 1998 г. Бюджет дефицитный и в значительной степени явно формируется за счет за-

имствований. Кредиты берут кто во что горазд. Я читал материалы первого заседания совета по инвестициям ныне бывшего министра транспорта Евгения Червоненко. Там прямым текстом было сказано: в области авиаперевозок “Аэросвит” душиТЬ, “Борисполь” — отбирать, маршруты — отбирать, необходимо оживить некую обанкротившуюся компанию, которую трижды уже пытались приватизировать (оказалась никому не нужна), и перебросить туда 330 млн долл. на лизинг иностранных судов. За эти деньги я не знаю, сколько самолетов можно взять в аренду. Зачем Червоненко это делал? Весь спрос до сих пор удовлетворялся существующими компаниями. Я видел эти материалы, и он меня звал приехать и обсудить. Я сразу все понял и никуда не поехал. Вот на таком фоне складывается отношение к команде.

Мы вот завязли в гостинице “Украина”, и я уже начинаю понимать, что столько препятствий у нас возникает не по вине правительственных структур. Создается впечатление, что в самой гостинице есть своя вертикаль из числа менеджеров и чиновников среднего звена. Для них наши инвестиции представляют угрозу. Почему-то им удалось кого-то убедить, что наши инвестиции незаконны. Но мы же перед тем, как подписывать договоры, привлекали высококвалифицированных юристов. И если бы еще что-то “сладкое” забирали! А так мы внесли деньги, создали СП и должны были вложить в реконструкцию 150 млн долларов. У нас было несколько вариантов проекта. Один — на 140 млн долл., другой — на 500 млн: 64 этажа в виде украинского флага (это очень спорный проект, по нему, я думаю, будет дискуссия на всю страну). Так они нам создают проблемы. А потом к кампании пристроились молодые предприниматели “Нашей Украины”. Мол, мы тут все сейчас разрулим.

Против нас вышли прокуратура, Фонд госимущества, управление делами президента, правительство, администрация Киева, районная администрация и еще привлекли юридическое управление Верховной рады. Уже потрачена куча денег на юристов. Но против чего они борются? Ведь рано или поздно все придется решать в международном суде. При этом они искреннее уверены, что мы должны быть благодарны им за то, что передают нам гостиницу. Представляете, в Ялте проводился конкурс на благотворительный проект, мы его выиграли и получили право потратить на благотворительность 10 млн евро.

Знаете, кто против нас боролся на этом конкурсе? Вы очень удивитесь: Киевская городская администрация и какая-то местная подрядная контора. Чиновники решили, что им на этом надо заработать. А как? Это же не коммерческий проект! Они хотели выиграть этот конкурс и перепродать нам это право — право пожертвовать 10 млн евро на восстановление театра Чехова!

— А речь не идет о том, что в Украине активное присутствие россиян воспринимается как вызов?

— Легенда о засилье москалей появляется всякий раз, когда у кого-то нужно что-то отобрать. Какая разница, какой идет капитал? Он же интернационален — что европейский, что американский, что российский. В глобальной финансовой экономике капитал движется, куда угодно. Если захотим, мы придем в Украину как американские или швейцарские инвесторы. С 1 июля у нас вообще все валютные ограничения сняты.

Все наши инвестиции в Украине пока носят полублаготворительный характер. Кто мне докажет, что в Крыму можно вложить 100 млн долл. для эффективного получения прибыли? Хуже того, раньше были договоры в соответствии с законом об особых экономических зонах. В связи с введением в эксплуатацию многочисленных комплексов в Алуште у нас наступали налоговые каникулы. И это все отменили. В результате после вложения 100 млн долл. у нас, может, и есть прибыль в 400 тыс. долл. в год, но такими темпами наши затраты будут компенсироваться лет 300. Что у нас еще можно отобрать? Жилье, которое мы строим в Киеве? Несерьезно. Банк или страховую компанию? Мы все это создали с нуля и никаких отношений с правительством не имели. Приватизационные сделки не заключали. А сделка по гостинице “Украина” абсолютно прозрачна, просто мы затронули чьи-то интересы. И это позор — сохранять гостиницу в таком состоянии, мы за этот год уже давно ее реконструировали бы. Проект же оплачен. Турецкие строители строят как часы.

— Каждый представитель украинской политической элиты, который приезжает в Москву, пытается завязать отношения России и Украины исключительно на себя. Этот стиль вам знаком?

— Проблема еще и в том, что во время визита украинских по-

литиков в Россию для встречи с Путиным или с кем-нибудь, кто решает вопросы, с нашей стороны также возникает десяток посредников. В Москве тоже нет единого центра принятия решений. Соответственно, у президента получается такой калейдоскоп: к нему приходит его доверенный человек и заявляет, что у него есть 36 карт — 36 политиков, которые определяют погоду в Украине. На самом деле у него в руках всего лишь одна карта. И президент видит, что это не колода. И, в общем-то, все несуразица. Украинцы редко добираются до “царя”. Все питаются слухами — что от него кто слышал. Появилось слишком много, как кто-то хорошо сказал, “детей подполковника Путина”. Увидите, гоните их в шею.

Но куда украинцам идти? Только к президенту. Не в правительство же, где ни один вопрос не решается. Вы обратили внимание на общий итог переговоров Юрия Еханурова с Михаилом Фрадковым? Общие заявления. Или вот украинцы объявили: все, на этом реприватизация прекращается. Тоже голые заявления. У нас в Алуште опять пошли какие-то проверки. То УБОП, то пожарники, то прокуратура. Ну, просто ужас какой-то. Им же некуда идти больше — там ничего больше не построено. Все проверки, как правило, заканчиваются вымогательством взяток. Пожарники требуют три процента от стоимости здания, которое они сами и оценивают. Четыре месяца на таможне УБОП держал уникальное медицинское оборудование, которое мы хотели ввезти в Украину для наших санаториев в Крыму. Таможенники не находили аналогов и не знали, что с этим делать. Я сказал тогдашнему премьер-министру Крыма Анатолию Матвиенко, что мы закроем все наши комплексы и оставим только для внутреннего пользования, как это было принято в советское время. Он тогда еще публично извинялся перед нами. Я ему прямо сказал, что при такой политике не будут в Крым ездить сотни тысяч людей. Не получит регион налогов, а репутация погубится окончательно. Это же проект европейского и мирового уровня. Где вы еще видели комплекс, подобный нашему в Алуште, который состоял бы из 20 отдельно стоящих зданий, девяти бассейнов, большого количества ресторанов, аквапарка, промежуточной гостиницы? Такого нет ни в Канкуне, ни в Эмиратах, ни в Египте.

— После развала команды Ющенко в Украине возникло сразу несколько центров даже не принятия решений, а влияния. Вы, как

инвестор, ждете результата парламентских выборов или для себя решение уже приняли?

— Совет директоров НРБ заморозил значительную часть инвестиций в Крыму. Мы продолжаем на полуострове строительство храма, восстановление театра Чехова и сделаем большой конференц-зал. Хотели участвовать в строительстве аэропорта “Борисполь”, но проект свернули. Также было три дополнительных объекта за пределами Алушты, которые нам предлагали разные крупные предприятия. Совет директоров согласен со мной — нужно воздержаться от этих проектов. Мы не увеличили капитал НРБ Украины и страховых компаний, полностью остановили ипотеку “Доступное жилье”. Хотели купить авиаперевозчик — “Аэросвит”, но нам в правительстве Украины было сказано: “Нет!”, мы, мол, его вообще закроем. А почему, спрашиваю, закроете? А там, отвечают, Пинчук. А я говорю: “А что такое Пинчук? Он же акции купил на вторичном рынке. Вы что, издеваетесь? Компания перевозит миллион пассажиров!”. Один очень умный министр нам прямо сказал: “А нам наплевать”.

— Когда вы поддерживали кандидатуру Ющенко на пост президента, вы надеялись, что всего этого не будет?

— Я никого не поддерживал, а всего лишь высказывал публично надежду. Говорил в своих статьях, что надо делать — не лишать их возможности сделать что-то созидательное. Не получилось. Президент оказался слабым. Он привык заниматься пчелами, ярмарками, Говерлой, стихами, картинами, горшки обжигать. А люди за него должны управлять страной. Я сначала думал, что это какая-то бюрократическая неразбериха. Вот мы с конгрессменом Уэлденом написали совместное письмо. Скажите, часто ли российский парламентарий и американский конгрессмен пишут письмо с предложением провести ежегодный крымский экономический форум? Потеряли письмо. Уэлден мне все время названивал — где письмо? Они его не просто потеряли. Им же обидно стало — как же так, ничего с нас получить нельзя. Зато они придумали этот мини-Давос, который с треском провалился. Они посчитали, что крымский форум с этим Давосом будет конкурировать.

— Так что это? Эффект прошлой власти или нечто новое?

— Это стиль поведения дилетантов. Люди, которые в Украине до сих пор пытались управлять процессами, негодны во всех группах влияния. Они даже не смогли отобрать то, что грозились отобрать. Пленки майора Мельниченко переписали несколько раз. Всем, против кого колдовали, раздали кассеты. Этим посадим, этих раскулачим. Наше, наше, наше. Я их всех знаю. Они у нас сидели на Владимирской, 46, а в Кремль шли доносы, что мы поддерживаем оппозицию. Лидер фракции “Наша Украина” Николай Мартыненко и его люди арендовали у нас помещение, когда их отовсюду выгнали. Как только они победили, вообще перестали платить за аренду. У них сейчас долг 150 тыс. долларов. Один из наших представителей приходил к ним и спрашивал: “Вы за аренду собираетесь платить?”. А ему в ответ: “Ну ты, пошел отсюда! Считайте за честь, что мы у вас тут сидим”.

— То есть они не воспринимают вас как человека, перед которым есть обязательства?

— Нет у них передо мной никаких обязательств. Но за аренду-то надо платить. А они решили, что раз они во власти, то все сойдет. Позор это все. Выстраивать сегодня в отношении Украины какую-то системную политику очень сложно. России, конечно же, не мешало бы ее выстроить, чтобы у нас была система управления над выработкой тактики и стратегии. Ее не может вырабатывать один только президент. У него других дел много.

— Что вы будете делать как инвестор, если Кремль ужесточит все режимы относительно Украины?

— Наши инвестиции в Украине являются малорентабельными, капиталоемкими, и они выходят за пределы реальных горизонтов самоокупаемости. Поэтому мы не очень беспокоимся. С другой стороны, если Украину поставить в сложную ситуацию, она получит шанс быстро перестроиться. Уже сегодня из-за высоких цен энергопотребление здесь гораздо эффективнее, чем в России. В Украине есть много независимых СМИ и реально действующая многопартийная система, хотя и немного хаотичная. Рада ведет себя довольно независимо. Если экономическая ситуация резко ухудшится, то через выборы и политическую реформу власть приведет себя в порядок, и Украина двинется в сторону построения нормального европей-

ского государства гораздо быстрее. Для нас, как для инвесторов, эта ситуация будет более комфортной. На нормальном рынке наши инвестиции когда-нибудь сработают.

России к тому же будет очень нелегко вывести из Украины Черноморский флот. А попробуйте изгнать украинских гастарбайтеров из России. Они до сих пор являются дешевой и эффективной рабочей силой. По кому это ударит? Это палка о двух концах. Это как отношения американцев с китайцами. Попробовали бы они сейчас не брать для сети “Уол-март” китайские товары. В оборотах крупнейшей компании мира 80% составляет торговля китайским ширпотребом.

— Начали за упокой, а кончаем за здравие?

— Да, я критикую украинскую элиту в связи с борьбой кланов, за безответственность и отсутствие квалифицированности. Но, возможно, это неизбежный период, который просто надо пройти. Власть — это тяжкий крест. Виктор Ющенко пока с трудом его несет. Слишком много популизма и со стороны Юлии Тимошенко. Это тоже понятно. Добавьте сюда всякие темные обстоятельства: было покушение — не было покушения, вечно всплывающее дело Гонгадзе, личность Мельниченко. Березовский сидит и кочергой ворошит — нашел себе пруд с мутной водой.

— Представляет ли Тимошенко угрозу для экономики и для инвестиций?

— Ей свою программу еще предстоит сформировать. Еще можно какое-то время эксплуатировать левый популизм, но ведь большинство людей все понимают. Ведь когда была укреплена гривня, пострадали простые люди, которые прячут доллары под матрасами. И это большая часть населения. Они же все поняли. Народ также понял, что российские компании, которые в тот момент согласились заморозить цены на бензин, выиграли. Они-то свою выручку вывозят в долларах, а получают гривни. Так что из карманов украинцев деньги попали к российским экспортерам нефти и бензина. И так действовать долго нельзя. Рано или поздно надо будет определиться.

Я встречался с Тимошенко два раза по таким вопросам, как доступное жилье и ипотека. Мне кажется, она многое понимает. Проработав ряд тем, Тимошенко сможет сформиро-

вать экономическую политику на нескольких китах: ипотека, социальные программы, сбалансированный бюджет, прозрачная приватизация. На фоне России, где идет огосударствление, Украина, я надеюсь, пойдет правильным путем. Государство должно отказываться от роли собственника. У Тимошенко пока модель очень странная. Вот в средние века партии заменялись корпорациями, которые обслуживали корпоративные интересы ремесленников и феодалов. И сейчас еще есть партии-корпорации, которые смешивают и переваривают правые и левые взгляды, как в котле. Государство должно быть сильно в таких областях, как охрана прав, вооруженные силы, здравоохранение, образование. Как неэффективный собственник, оно должно уйти из других сфер. Ну, возможно, за исключением одной стратегической области — скажем, нефтянки.

Я строю жилье, которое пытаюсь продавать по ценам, явно не рентабельным. Могу в Подмоскowie продавать “квадрат” не по 300 долларов, а по 1,5 тысячи. Но я в этом смысле социалист. Я и правый, и левый, и либерал, и верующий. И в этом смысле речь идет об абсолютно современном политическом продукте. Кто такие новые лейбористы? Это и консерваторы, и лейбористы, и либералы, и просто люди со здравым смыслом. Ведь понятно, что нужно нации. Я думаю, что, если Тимошенко выработает такую политику, и, кроме того, сформирует коалицию с другими партиями, чтобы разбавить саму себя спокойными людьми без экстремистских взглядов, ей будет действительно трудно что-либо противопоставить.

Юпитер, ты сердисься

В сценарии российско-украинской “газовой драмы” все, к сожалению, развивается по крылатой фразе нашего посла в Киеве: “Как всегда”. Уже подсчитали, что за счет разницы цен получается по цветному телевизору на каждую украинскую семью. И спрашивают: а зачем это мы каждому украинцу дарим цветной телевизор? Естественно, незачем. Мои коллеги-депутаты в костюме Рэмбо и в режиме тоста на предновогодних за-

столях призывают “поставить хохлов на место”. И пахнут эти застоля уже не водкой и даже не газом, а все той же косою Тузла. Скоро опять начнем смотреть друг на друга через прорезь прицела, потребуем обратно Крым, Донбасс и все вплоть до Киева.

Только вот есть вопросы к тостующим: почему это выяснение отношений по газу не произошло пять, 10, 15 лет назад? Получается, все эти годы многомиллиардные дотации поступали Украине. Точнее, тем, кто был там хозяином жизни, кому принадлежат газопотребляющие предприятия. А может, дело в том, что туркменский газ на \$1 млрд ежегодно растворялся в офшорах? Кто подарил Украине НДС за энергоносители — разве не мы сами? А кто подписал странный зачет по долгам в августе 2004 г. и простил Украине \$500 млн — разве не те же, кто сегодня выдвигает газовые ультиматумы? И что теперь случится, если эти \$3 млрд будут добавлены к уже лежащим в стабфонде? Как могут повлиять они на жизнь простых российских людей, которые не видят никакого проку от закромов родины? Ведь из имеющихся в резерве более \$200 млрд мы готовы истратить на доступное жилье и ипотеку, здравоохранение, образование, сельское хозяйство целых \$6 млрд!

Дело в том, что все подсчитанные “патриотами” и недополученные россиянами телевизоры — виртуальные. Они условно возникают, когда “Газпром” продает газ, получает прибыль и платит налоги. Но ведь основной потребитель нашего газа находится вовсе не в Украине, о чем сегодня в пылу истерии многие слегка подзабыли. Этот потребитель — в Европе. С точки зрения бизнеса Украина для нас интересна как транзитер. За транзит она и получала все эти годы российский газ, который, напомню, составляет менее одной трети ее газового баланса (остальное — собственная добыча и туркменский газ).

Горькая правда заключается в том, что кроме как через Украину мы никак этот газ не продадим, потому мощности пока только начатого проекта Северо-Европейского газопровода не хватит, чтобы перекрыть уже поставляемые через Украину 120 млрд куб. м. А ведь хотим же увеличивать! В отличие от Белоруссии, которая отдала свою трубу, Украина хорошо понимает ее значение и ни за какие коврижки не откажется. Пока она в руках Киева, он может быть абсолютно спокоен, потому как

на любой ультиматум по цене он может ответить ультиматумом по тарифам на прокачку. И для украинских потребителей ничего ровным счетом не изменится. Неужели кто-то думает, что Лакшми Миттал не просчитал все эти варианты прежде, чем выложил почти \$4 млрд за “Криворожсталь”?

Как бы ни пугали друг друга, как бы ни накручивали сегодня цены, все равно придется договариваться. Проблема в том, что в сухом остатке получим очередной всплеск русофобии в Украине и, как это ни печально для всех наших “специалистов” по Украине, очередную победу “оранжевых”, на сей раз в борьбе за большинство Верховной рады. Лучшего подарка на Новый год от России, чем виртуальная “газовая война” (без серьезных экономических последствий), им даже трудно было ожидать. Ведь это позволит им не только мобилизовать свой электорат, но и легко втолковать “чужому” избирателю на юге и востоке Украины, что главный враг для них — именно Россия, которая хотела разорить их промышленность и обречь на голодную смерть.

“Почему, — спрашивает наш телеканал, — Ющенко так спокоен? На чудо надеется?”. Да нет — увы, вполне трезвый расчет. Он знает, что сможет обратиться к своим гражданам так же, как сделал Лукашенко. Год назад мы уже выключали газ белорусам. Что сделал Лукашенко? Он обратился к согражданам и сказал: “Друзья, нам не привыкать, давайте затянем пояса, давайте будем недоедать. Пусть там еще кто-нибудь около Кремля себе еще один “Челси” купит”. Точно так же поступит Ющенко. И я уверен, что даже те люди, которые до недавнего времени смотрели с надеждой в сторону Москвы, от нас отвернутся. Потому что им объяснят, что их хотели использовать.

Уважают не того, кто на кухне в коммунальной квартире устраивает свары с более слабыми соседями, а того, у кого мораль не расходится с делом. Еще можно договориться — не случайно же наш президент не участвует в этой войне нервов. На мой взгляд, надо было спокойно договориться. Он обозначил позицию и дал указание достичь согласия (“с учетом интересов наших партнеров”). Не понимаю, почему его никто уже не слышит. Неужели хотят дожидаться асимметричных ответных мер по Черноморскому флоту, по нашим объектам ПВО, по демаркации границ, по вступлению в НАТО, по выходу из Единого экономического пространства?

**“Доморощенные Рэмбо
выходят на тропу “газовой войны”.
А ведь Верховный главнокомандующий
не отдавал такого приказа...”**

Одна из самых обсуждаемых сегодня тем — “газовый кризис” между Россией и Украиной. На фоне ультиматума, вокруг которого сплотилась наша политическая элита, достаточно необычно выглядит позиция одного из ведущих ньюсмейкеров по российско-украинской теме, депутата Госдумы Александра Лебедева, который призывает стороны к компромиссу.

— Первый вопрос к вам: вы вообще против выхода на мировые цены?

— Конечно, нет. Это общемировая практика, я говорил об этом еще пять лет назад.

— Почему же сегодня вас считают чуть ли не белой вороной, обвиняют в том, что вы занимаете антипатриотическую позицию, не даете “Газпрому” заработать еще 4 млрд?

— Система, при которой Россия продавала газ по более низким, чем мировые, ценам бывшим республикам СССР, а сейчас независимым сопредельным государствам, складывалась не один и не два года. Она складывалась десятилетиями. Понятно, что они очень зависят от этих цен, энергетика во многом ориентирована на газ. Если мы сейчас повысим, скажем, Украине цены в пять раз, то соответственно и тарифы там могут вырасти на порядок. Мы просто обречем на нищенское существование огромное количество людей, в первую очередь пожилых — пенсионеров, ветеранов Великой Отечественной войны. Причем живут они как раз в тех самых “пророссийских” восточных регионах, так как население западных областей и центра Украины обеспечивается газом за счет собственной добычи. Они нас просто проклянут.

Так действовать нельзя. Здесь есть два аспекта: нравственный и экономический. Все-таки наша нация всегда проявляла великодушие. Мы когда-то не жалели своих жизней, чтобы

спасти далекие балканские народы в войне с Османской империей.

Мы дадим заморозить миллионы людей? У многих из нас там живут родственники... Нельзя вести себя, как тот крестьянин, у которого умирает корова и к которому является святой Власий, покровитель скотоводов, и предлагает выполнить одно его желание. А тот говорит: “Сделай так, чтобы у соседа сдохли две”. Нельзя играть на низменных обывательских инстинктах и говорить: “Давайте отберем у хохлов сало”...

Нельзя вести себя, как плебеи, которые ничего, кроме беды, некогда великой Римской империи не приносили, и поэтому их приходилось все время закармливать хлебом и зрелищами. Политики, которые думают, что у них имперское мышление, на самом деле апеллируют к плебейскому в нас. Это мы уже проходили на примере косы Тузла. Где она, эта коса? Ну что, давайте устроим войну за Крым, будем смотреть друг на друга через Керченский пролив в прорезь прицела. Хотя что тебе Крым российский, что украинский: билет “Москва—Симферополь” будет стоить одинаково. А границу мы даже не замечаем, поскольку виз у нас сегодня нет.

— Хорошо, с моральным аспектом понятно. Но ведь есть же экономическая логика, логика рынка.

— У Украины вопреки расхожему мнению нет с Россией никаких “клиентских” отношений. Наши экономики привязаны друг к другу тысячами невидимых нитей, цепочками кооперации и взаимных поставок. В том числе и в высокотехнологичных отраслях. В авиапроме, например. Мы до сих пор с наследством СССР не разобрались, так как Украина никак не ратифицирует соглашение о “нулевом варианте” по внешним долгам и активам.

А давайте теперь просто посчитаем. Была одна большая страна, которая нашла у себя на Ямале газ и построила газопровод Уренгой—Помары—Ужгород. Помните такую “стройку социализма”? Потом эта страна, к сожалению, развалилась. У одной ее части — России — остался газ, а у другой — Украины — труба и газохранилища. Понятно, что в такой ситуации мы от Украины зависим не меньше, чем Украина от нас. Потому что друг без друга мы этот газ не продадим. Ведь продаем-то мы его не в Украину, а европейским потребителям. Кстати, поэтому большую часть российского газа все эти годы Украина не поку-

пала, а получала “натурой” за транзит. Мы сегодня у Туркмении покупаем газ по 50–60 долл., причем значительную часть этого газа мы потребляем сами, а часть идет в Украину. Может, туркменам тоже поднять цены до европейских?

Хотите на минуточку представить себе, как будет выглядеть сценарий реальной, а не виртуальной “газовой войны”? Пожалуйста. Допустим, с 1 января мы перекрываем поставки в Украину. У нас через границу идет пять магистральных трубопроводов, два из которых ведут в Европу, поэтому отключить мы их по понятным причинам не можем. Тогда Украина, пользуясь тем, что соглашения о транзите нет, начинает забирать себе газ из этих трубопроводов. Можно долго рассуждать о международных судах, но это, во-первых, дело очень неспешное, а во-вторых, вряд ли они займут нашу сторону. Тем более что у Киева, судя по всему, есть веские аргументы в виде связанных контрактов на поставку и транзит, подписанных аж до 2013 г. А пока суд да дело, Европа начнет недополучать газ в тех объемах, которые будет забирать Украина. Угадайте с трех раз, кто окажется крайним? Не сомневаюсь, что “Газпром”: он подписывал договоры с потребителями, к нему начнутся иски и претензии. Прекращение поставок имеет еще и технологический аспект. В условиях перекрытых трубопроводов придется “глушить” добычу, а на ее консервирование уходит не меньше десяти месяцев.

В итоге все равно надо будет садиться за стол переговоров и начинать все сначала. В конце концов, будет найдена приемлемая, а не ультимативная цена. Только вся “война” обойдется “Газпрому” и нашему бюджету в виде многомиллиардных прямых потерь и колоссальных политических, репутационных издержек в глазах европейских партнеров. Не говоря уже о населении Украины, о тех наших соотечественниках, которых Россия попыталась взять измором. Получится, что и деньги потеряем, и в подлецах окажемся. Нас уже называют “Верхняя Вольта с газом” — помните, как СССР — с ракетами.

— Почему возник этот нынешний “газовый кризис”? Столько лет вроде жили нормально, и “Газпром” неплохо зарабатывал. Что случилось?

— Это очень интересный вопрос. Действительно, что нас раньше-то останавливало? Не думаю, что это просто от жадности. Говорят, что мы сегодня отдаем Украине через низкие це-

ны за газ 4,5 млрд долл. в год. Из них один миллиард — это НДС, который мы отдали для взимания в стране назначения. Это, вообще говоря, мировая практика. Но в прошлом году при Леониде Кучме по этому поводу был устроен большой предвыборный праздник для украинского народа. Сейчас мы хотим забрать подарок обратно, что вообще просто неприлично. Все остальные деньги — три миллиарда — добавятся к тем двумстам, которые уже лежат мертвым грузом в резервах ЦБ и в Стабфонде. Кстати, их, этих трех миллиардов, вообще нет, потому что надо еще за транзит Украине заплатить.

За счет этого транзита мы все эти годы дотировали на самом деле украинских олигархов на востоке страны. Ведь это их предприятия, металлургические в первую очередь, работают на газе. Естественно, они клали эти деньги в карман. Может быть, в этом все дело. А также в непрозрачных расчетах по туркменскому газу, которые все это время существовали.

Еще одна версия заключается в том, что “газовая война” сыграет на руку аферистам и проходимцам, которые хотят и могут заработать десятки миллиардов на обрушении акций “Газпрома” и скупке их через офшоры на как раз только что либерализованном рынке. Если это так, то все совсем печально.

— А вы не думаете, что ответ надо искать в политической плоскости?

— Я в этом абсолютно уверен, и это особо не скрывается. Только проблема в том, что эффект будет прямо противоположным тому, который ожидается. Допустим, мы не хотим, чтобы Украина вступала в НАТО, это угрожает нашей безопасности. Мы не хотим, чтобы она выходила из Единого экономического пространства. Мы ревниво относимся к заигрываниям Украины с Евросоюзом, с американцами и т.д. Но получается так, что топорными действиями в стиле Рэмбо мы спровоцируем консолидацию украинцев вокруг любого политика, который будет разыгрывать образ врага в лице Москвы. И не только на западе Украины, но и на востоке, где вроде бы нам все сочувствуют. Уже ограничивают потребление газа в Донецке, уже начались акции протеста в Харькове. И они не против властей Украины направлены, а против России. Потому что разыграть антироссийскую карту сейчас очень просто, достаточно сказать: вот, смотрите, кто хочет вас заморозить, кто хочет обанкротить ва-

ши заводы. И крыть-то будет нечем! Так что выиграют от этого именно те, кого у нас хотят “наказать”. Никакой не Янукович, а скорее Ющенко, если он по-прежнему так не люб. Жалко, что проиграют при этом два народа — наш и украинский.

Не надо через газовые рычаги влиять на выбор украинского народа. Мы уже пытались один раз — получили майдан и все из него вытекающее. Мне, например, все равно, кто придет к власти в Киеве. По большому счету любой украинский политик, если он психически здоровый человек, обязательно будет считаться с Российской Федерацией. Выборы в Украине, в общем-то, соответствуют представлению о выборах — и средства массовой информации там гораздо более свободные, и многопартийная система там работающая, и Верховная рада там независима от исполнительной власти. Поэтому я в душе надеюсь, что вопреки стараниям наших Рэмбо, которые с помощью этой “газовой войны” ведут к власти оголтелых украинских националистов, народ все же выберет разумных людей.

— Говорят, что вы так активно выступаете в роли миротворца только потому, что у вас в Украине коммерческие интересы. Они есть?

— Откуда? Не считать же таковыми восстановление Музея-театра А.П.Чехова в Ялте, строительство одного из красивейших храмов в Крыму. Помощь Театру русской драмы им. Л. Украинки, музею Булгакова, установку памятников жертвам Гражданской войны. Мы построили сеть гостиниц, сра-отелей, доступное жилье. Поверьте, если бы я хотел в Украине зарабатывать деньги, я бы строил заправки, покупал нефтеперерабатывающие, металлургические заводы, электростанции или предприятия по производству удобрений. Я же там делал то, чем пользуются сотни тысяч людей, пользуются дешево. И на этом ничего не зарабатываю, поэтому попрекать меня тем, что что-то там защищаю, просто некрасиво, лицемерно...

— Что вы предлагаете? Можно ли распутать клубок, который с каждым днем все больше запутывается?

— У нас президент является Верховным главнокомандующим. Мне кажется, он никакой “газовой войны” не начинал, такого приказа не было. Да, он обозначил позицию, но при этом дал указание договориться “с учетом интересов наших партне-

ров”. А наши доморощенные ястребы это пропустили мимо ушей. Откуда эта глухота? Думаю, для них такие свары — как хлеб насущный, им чем больше “горячих точек”, тем лучше — они на них руки греют.

Поэтому я выступаю за определенный переходный период, за спокойные переговоры, против использования наших федеральных государственных телеканалов для разжигания истерии вокруг этого вопроса. Следует исходить не из низменных инстинктов, а из расчета, думать о том, что будет завтра и послезавтра. Здесь нет простых решений. Как говорил Марк Аврелий, “если какие-либо вещи кажутся нам безусловно заслуживающими доверия, следует обнажить их, прозреть всю их суетность и устранить ореол, придаваемый им рассказами”. Поэтому давайте сначала все хорошо обдумаем, а потом, может быть, нам придет в голову другое, гораздо более правильное и благое для нашего народа решение.

“Зарабатывать деньги гораздо легче, чем их тратить”. Интервью с диадокхом

“Мы реализуем в Крыму все свои проекты”

— Александр Евгеньевич, не так давно в украинских СМИ промелькнула информация, что вы сворачиваете свой бизнес в Украине. Почему?

— Она не соответствует действительности. Этот миф родился после информации о продаже “НРБ-Украина”.

— Но продажа-то состоялась? За 100 млн у. е.?

— Нет. СМИ поторопились — сделка по продаже “НРБ-Украина” Сбербанку находится в процессе, то есть Наблюдательный совет разрешил Сбербанку совершить покупку. 100 млн у. е. — цена предполагаемая, а сама сделка еще не заключена. Есть решение совета директоров НРК о том, что мы замораживаем многие украинские проекты до разрешения судебных споров вокруг гостиницы “Украина” в Киеве. Но у нас в Украине два банка, а активы в Крыму вообще к этой сделке не имеют отношения.

— **Кстати, а что с гостиницей? Тяжба закончилась?**

— Уже было 13 судебных заседаний, последнее — в январе. Но мы так и не вышли из первой инстанции, потому как с юридической точки зрения у нас позиция железобетонная. Мы по закону внесли деньги, приобрели корпоративные права — 50% акций отеля, который по инициативе Фонда имущества Украины стал закрытым акционерным обществом еще в 2004 г. Так что процесс может закончиться в международных судах. Напомню, что против нас судятся практически все государственные ведомства: Кабмин, прокуратура, юридический департамент Верховного Совета, районная администрация. Такое впечатление, что украинская власть ничем, кроме суда по гостинице, не занимается. А все объясняется очень просто: некоторые люди хотят на этом заработать денег. Вообще я неоднократно встречался с представителями украинской власти, писал открытые письма, говорил, что это крайне вредно. Как вы считаете, подобные инциденты отражаются на инвестиционном климате Украины?.. Если бы я хотел пиариться, то беспрерывно бы это подчеркивал, но мне неудобно об этом говорить.

— **Вы хотите пиариться, но по-другому.**

— Ну да, это было бы некрасиво. Поэтому в Украине мы были вынуждены остановить ипотечную программу, программу доступного жилья (индивидуальное малоэтажное каркасное домостроение). Но не собирались сворачивать свою деятельность вообще — в Крыму мы строить продолжаем: уже в этом году к курортному сезону откроем несколько новых объектов. Утвердили проект строительства гостиницы в Симферополе (на месте разрушенного здания гостиницы “Астория”. — *Прим. ред.*), в городе нет ни одной нормальной гостиницы. Кроме того, на набережной Алушты мы строим еще один курортный комплекс — на территории комплекса “Море” будет климатопавильон на 120 номеров, конференц-зал на 650 мест и закрытый бассейн. Надеемся, что по театру им. Чехова Ялтинская мэрия подпишет все необходимые договоры.

— **А правда, что есть такой оригинальный проект гостиницы “Украина” — 64 этажа в виде украинского флага желто-голубого цвета?**

— Да, есть такой красивый проект, автор — бывший главный архитектор Киева. Но он меняет облик центра, так что в Киеве надо будет устраивать общественную дискуссию. Мы пока ориентируемся на реконструкцию со сметой в 150 млн долларов.

— Насколько мне известно, к восстановлению театра им. Чехова еще и не приступали.

— А нам не дают приступить! После годовых мытарств по инстанциям нам предложили поучаствовать в конкурсе. Вы где-нибудь видели конкурс на благотворительный проект? Неужто нашлись еще одни благотворители, которые захотели вложить в восстановление театра 10 млн евро? Я что-то их не заметил. Правда, мэр Киева подписал письмо с обязательствами отремонтировать театр, почему же он в конкурсе не участвовал?

— То есть на пути своей благотворительности вы еще и препятствия встречаете?

— Сами догадайтесь, какие. Оказывается, чтобы реализовать благотворительный проект, за это надо еще кому-то денег дать. Потрясающе!

— А храм в Алуште (с. Малореченское) уже построен?

— Закончим в конце июня. Здание уже построено, сейчас идет роспись и отделка.

— В одном из интервью вы сообщили, что ваши инвестиции в Украине носят полублаготворительный характер, они малорентабельные и капиталоемкие. Извините, а тогда зачем они вообще?

— Вы же не поверите, если я скажу, что приятно создавать рабочие места в Крыму?

— Нет...

— Приятно, что несколько сот тысяч украинцев и россиян ежегодно отдыхает в нашем комплексе “Море” в Алуште, аквапарке, других объектах. Всего в городе создано 1,5 тыс. рабочих мест. Если бы мы в Украине хотели зарабатывать деньги, то, наверно, мы бы интересовались металлургическими заводами, автозаправками, но мы же этого не делали. Увы, из-за одностороннего отказа Украины от своих обязательств и отмены указа

президента о территориях приоритетного развития рентабельность наших инвестиций в развитие гостиничного бизнеса в Крыму резко снизилась, налоговые льготы отобрали. Окупаемость комплекса “Море” сразу отодвинулась на срок в 15–20 лет. Загрузка там сейчас только в сезон, но мы уже переводим комплекс на работу в межсезонье — сделали Spa-отель европейского уровня.

— **Комплекс “Море” диссонирует с обликом Алушты: то ли комплекс слишком шикарный, то ли облик слишком убогий.**

— У нас есть готовый план обустройства набережной. Так как она находится в возмутительном состоянии, мы представили Алуштинской мэрии свой проект (он уже оплачен) — просим городские власти разрешить за наш счет сделать хотя бы один километр набережной образцово-показательным. То есть поменять покрытие, освещение, поставить пальмы, убрать грязные перила на пляже, запретить днем проезд машин. Это будет наш подарок Алуште. Также есть планы по строительству жилья, парковок, магазинов и кафе. Для тех, кто на набережной торгует в грязных лавках, мы хотим построить красивые торговые ряды. До сих пор местные власти нам это запрещали. Это не какая-то политическая установка, просто вымогательство...

— **Когда Анатолий Матвиенко был крымским премьером, он обещал вам выделить землю под строительство завода для сборки коттеджей. Выделил?**

— Да, был такой разговор — о предоставлении нам цеха под Симферополем для производства каркасно-модульных домов. Но Матвиенко ушел с поста, и на этом все закончилось. С новыми крымскими властями мы до сих пор как-то не познакомились, на нас они не выходили. Но у нас для Крыма есть другой потрясающий проект. В России один изобретатель сделал открытие, сопоставимое с созданием парового двигателя: он придумал экспериментальную дорогу и новый вид транспорта — струнный транспорт. Выглядит дорога так: шестиметровые металлические опоры, между которыми внутри металлической коробки под большим давлением натянута восемь тросов-струн, по ним движатся специальные вагоны. Такой поезд будет в состоянии развивать скорость до 500 км в час — это нечто среднее между поездом и самолетом. Почему не сделать такую линию в Крыму?

— **У вас идеи, как у Анатолия Матвиенко, сказочные.**

— Ничуть. Кто-нибудь найдет хоть одну идею, которую я высказал, но не реализовал? Говорили, что не построим Российский культурный центр в Париже — пожалуйста, он работает. Говорили, что со строительством комплекса в Алуште ничего не получится — “Море” и аквапарк открыты. Этот проект тоже фантазией не является: надо сделать экспериментальную 5-километровую ветку — это обойдется в несколько миллионов долларов. А со временем мы изучим, сможет ли такая дорога заменить троллейбусный транспорт, причем технологию можно экспортировать за счет российских экспортных кредитов.

— **Вы хотите уничтожить крымский троллейбус? Да туристы на нем ездят в качестве экзотики!**

— Я таких не видел, все нормальные туристы на машинах путешествуют. Для начала можно ограничиться трехкилометровой линией вдоль набережной Алушты. В Москве Лужков построил 5-километровую монорельсовую дорогу в Останкино — каждый километр обошелся в 30 млн долларов. Я хочу, чтобы у нас километр не превысил 1–1,5 млн долларов.

— **Соревнование какое-то...**

— Да, я везде с ним соревнуюсь. Что поделаешь, игра у нас такая.

“В Крыму пока что работает только российский капитал”

— **Кто вам симпатичен из украинского политика? Ходят слухи, что Александр Зинченко?**

— Мне симпатично поведение Александра Зинченко с точки зрения морали. Именно морали нашим политикам не хватает, я уже не говорю о чести и ответственности. Но одной морали недостаточно. Зинченко правильно сделал, что привлек внимание к коррупционной составляющей деятельности некоторых “оранжевых” политиков. Изменить бюрократию можно только такими поступками.

— **Кого бы вы поддержали на парламентских выборах?**

— Я никого не поддерживаю. Я считаю, что в Украине к власти должны прийти более современные политические силы, которые бы думали о конкретных делах.

— **Когда в Крым приезжают российские депутаты и политологи, то некоторые наши местные политики начинают им жаловаться, что именно их Москва не поддерживает, а вот других...**

— Извините, если я выгляжу демагогом, но лично мне симпатичен тот политик, который смог бы в Крыму решить проблему доступности жилья. Такой человек, на мой взгляд, больше заслуживает поддержки, чем тот, кто постоянно “бегает” в Москву. Москва, если хотите, занята множеством разных дел, и рассчитывать, что вдруг, по мановению волшебной палочки, там решат судьбу Крыма, не стоит.

— **Вы сейчас говорите ужасные вещи. Москве не до крымских проблем, нас бросили и забыли?**

— Нет, минуточку. Я хотел сказать, что кое-кто из наших “депутатов и политологов”, часто бывающих в Крыму, создают здесь неправильные ожидания. Надо ожидать не скорого присоединения Крыма к России, а правильной российской политики по содействию нашим инвестициям в Крыму. Если бы здесь были инвестиции не только НРБ, а еще десятков двух компаний, жизнь крымчан была бы другая. Тогда мы, быть может, перестали бы строить гостиницы и занялись только программой доступного жилья, которую НРК осуществляет в России. Поверьте мне, жилье на полуострове можно строить по 200 у. е. за кв.м. Никакой перспективы строительства панельных, многоэтажных и монолитных домов для Крыма не существует — сегодня только 1% крымчан может купить квартиры в новых высотных домах. Все остальные живут в чудовищном старом советском фонде. А ведь жителям Крыма на самом деле присуще жить в индивидуальных малоэтажных быстровозводимых домах.

— **Это точно.**

— Причем индивидуальные дома строятся быстрее, обходятся дешевле, но этим никто не занимается. В России я обнаружил только один завод, который занимается производством та-

ких модульных конструкций (я его купил), все остальные заняты элитным жильем, которое по карману 5% населения. Власть должна стимулировать приход в Крым российского капитала. Я всегда привожу один и тот же пример: давайте представим, что Крым вдруг стал российским. Кто-то из крымчан знает, как живут люди в Тульской области? А кто знает, сколько стоит билет из Симферополя в Москву? Думаете, после присоединения он подешевеет? Ничего от этого не изменится.

— Александр Евгеньевич, подумайте: то, что вы сейчас говорите, большинству крымчан не понравится.

— Ну и что, я всегда так делаю. Мне не интересно говорить то, что хотят услышать обыватели, я же не веду избирательную кампанию. Я пытаюсь научить обывателя думать. Вы видели, как я проиграл Затулину в споре по “газовой войне” (НТВ, передача “К барьеру!” — *Прим. ред.*) — один к десяти! Но прошло время, и выяснилось, что прав оказался именно я. Крымчане давно должны перестать быть обывателями в политическом смысле: вы должны добиваться от собственных властей доступного жилья, реформирования ЖКХ, реконструкции южнобережных набережных, а не уповать на манну небесную в виде присоединения к России. В Крыму пока что работает только российский капитал, другого я не нашел: ни турецких, ни европейских, ни американских инвестиций там нет. Если жители Крыма хотят, чтобы Россия сохранила свое влияние и присутствие на полуострове, то для этого нужна правильная экономическая политика. А размахивать флагами на митингах глупо — это подмена содержательной работы по улучшению жизни демагогией.

— Вы утверждаете, что отношения с Украиной надо выстраивать на прагматичной основе, а как с этим стыкуется ваша позиция по “газовой войне”?

— Я осуждаю методы войны, но не ставлю под сомнение необходимость перехода на мировые цены за газ. Правда, только в том случае, если Украина откажется от интеграции в Единое экономическое пространство и ЕврАзЭС — иначе цена должна оставаться льготной. Нельзя не учитывать историю: во времена СССР газотранспортный и в целом энергетический комплекс был единым. Мы не имеем права замораживать братскую стра-

ну, это вредно для России — как в политическом, так и в экономическом плане.

“Я не олигарх. Считайте меня диадохом”

— **Как депутат Госдумы вы прославились законопроектом “О тотализаторах и игорных заведениях”, в котором предлагаете вывести игорные автоматы за пределы Москвы. Почему вы озаботились этой проблемой?**

— Общественный вред от игорных точек стал слишком большим. Есть американские исследования по этой теме: на каждый доллар налоговых поступлений от игорных заведений приходится 7 долларов ущерба. И потом прокатитесь вечером по Москве — она выглядит отвратительно с эстетической точки зрения. Наконец, в Москве до 500 тысяч страдающих игорной зависимостью — в основном подростки, школьники, матери-одиночки, пенсионеры.

У меня еще одна подобная тема есть: хочу лишить российских чиновников спецсигналов. Скажите, куда с мигалками едут наши гражданские министры и их замы? Куда они торопятся? Если я увижу министра или председателя Центробанка, который несется на машине с мигалкой, то как гражданин я должен буду испугаться и бежать в банк снимать со счета деньги.

— А вы с мигалкой не ездите?

— Нет, я даже положенный номер депутатский на машину не взял. Я бы при этом очень себя неловко чувствовал. Я что, для этого избирался депутатом?

— **В современной России я вижу тенденцию к коммерциализации всех сфер: от детского садика до науки. Это же неправильно.**

— Всегда найдется тот, который скажет, что я торгую Родиной — мол, меня все равно от бизнеса не отделить как акционера. Вот тот же Затулин в телеэфире меня на всю страну обвинил, что везде преследую коммерческие интересы: мол, депутат Лебедев помогает коммерсанту Лебедеву. Все виды деятельности, которыми занимается НРК, подчинены одной задаче — уменьшению монополии и развитию конкурентной среды в самых важных для россиян сферах экономики: ипотека, доступное жилье, авиационные перевозки, связь. Российская власть срослась с

бизнесом, и в результате россияне при уровне доходов в несколько раз ниже, чем на Западе, имеют цены в несколько раз выше.

— Александр Евгеньевич, глупейший вопрос, но все же. Скажите, что интереснее — быть олигархом или депутатом?

— Я не олигарх и никогда им не был. Признаков олигарха — огромного сырьевого бизнеса или самолетов и яхт — у меня нет. Поэтому на ваш вопрос отвечаю: не знаю, не пробовал. Я — диадох. Это новый термин, я никому из журналистов еще такого не говорил, вам скажу: диадокси — это полководцы Александра Македонского, боровшиеся за верховную власть, после развала империи они основали ряд эллинистических государств. Ну я пошутил, конечно же.

— Хорошо, спрошу так: чем интереснее заниматься — бизнесом или депутатской деятельностью?

— Я в бизнесе за 10 лет все, что мог, уже пережил: сначала мучился, ничего не получалось. Потом получилось, затем в один момент — в 1998 г., на кризисе — все потерял, но со всеми клиентами рассчитался. Потом снова заработал... Знаете, посвоему зарабатывать деньги гораздо легче, чем их тратить. А тратить можно, как Абрамович — покупать футбольные клубы, а можно, по-другому. Мне интересно конкурировать с государственной бюрократией и развивать наиболее важные виды социальных услуг и товаров. Как у депутата Госдумы у меня есть масса законопроектов — по увеличению детских пособий, по репатриации наших соотечественников, переносу праздников с января на май. Весь пьяный январь, когда чиновники пребывают в Куршевеле или на Багамах, а обычные люди сидят в четырех стенах без денег и стучат зубами от холода — это возмутительно. Считаю, что праздничные дни надо перенести — с 5 и 6 января на 10 и 11 мая — к Дню Победы. Еще хочу провести закон о запрете в Москве точечной застройки. Для кого строят эти бесконечные торговые комплексы и элитные высотки?

— Вы успешный мужчина абсолютно по всем параметрам — и в бизнесе, и в политике. Что дальше в плане самореализации?

— Вы что думаете, в бизнесе у меня всегда все обстояло безоблачно и счастливо?! Отнюдь. Мне есть что вспомнить, и не всегда это приятные моменты: многолетняя война с коррупцией в

правоохранительных органах — с генпрокурором, “похожим на Скуратова”.

— Скажите, а скука как мотивация ваших проектов часто выступает?

— Если хотите, у каждого мужчины должен быть элемент национального русского куража. Вот в Крыму, к примеру, местные чиновники чем в основном заняты: пришли к власти, быстро набрали земельных участков и побежали к Лебедеву их продавать — больше-то некому. Отвратительно! А мы и храм построим, и театр Чехова восстановим. Взялись строить в Симферополе гостиницу, хотя гостиничный бизнес в городе такого типа низкорентабельный и капиталоемкий. Мне не очень-то выгодно этим заниматься да при этом еще и преодолевать сопротивление чиновников, но я чувствую некую ответственность перед жителями Крыма. Мне кажется, такой подход гораздо более результативен, чем декларации. Неужели я не прав?

Дух и буква

Чем ближе подступает дата 26 марта, тем большее возбуждение охватывает политический класс как Украины, так и России. С первым все более-менее понятно: для него это своего рода момент истины. В этот день страна будет выбирать свою вертикаль и горизонталь, то есть определит место во власти каждого, за исключением президента. Что же до нашего, российского политбомонда, то он уже привык воспринимать все происходящее в Украине как личную драму. Вот и сейчас наши политологи пристально вглядываются в рейтинги, ловят каждое слово украинских партийных лидеров, раскладывают пасьянсы всевозможных коалиций. То есть опять, как и два с лишним года назад, создают устойчивое ощущение, что речь идет о российской внутренней проблеме.

Почему так происходит? Многие в Украине воспринимают это как проявление “имперского сознания”, как стремление подчинить украинское государство. Ответ действительно надо искать в области психологии, но здесь мы имеем дело с совер-

шенно иным явлением. Есть две причины, одна из которых имеет цивилизационную, а другая — конъюнктурную подоплеку. Во-первых, невозможно никаким образом изъять из исторической памяти тот факт, что Украина является колыбелью русского народа, откуда он начал заселять огромные пространства до Ледовитого океана на Севере и Тихого на Востоке. Поэтому все, что происходит в ныне суверенной стране, для россиян, связанных с нею кровными, а зачастую родственными узами, всегда будет “не чужим”. А во-вторых, политическая жизнь нынешней Украины настолько многообразна и непредсказуема, что она просто не может не привлечь интереса для любого, кто посвятил себя искусству политики.

Действительно, противоречия между различными группами украинской политической элиты весьма серьезные. Уровень недоверия, изощренность интриг и накал страстей также впечатляют. Желавшие могут ставить на тотализаторе по поводу того, кто окажется победителем и как распределятся призовые места. Но уже сейчас очевидно, что в будущей Верховной раде ни у одной из участвующих в гонке партий не будет контрольного пакета. И таким образом, конфигурация власти станет предметом сложного торга и формирования коалиции. А у тех, кто окажется в оппозиции, будет блокирующий пакет и неформальное право вето на судьбоносные для Украины решения.

Для России с ее необъятной территорией, с ее Кавказом и укоренившейся привычкой решать споры мордобитием такая ситуация была бы смерти подобна. Собственно, она таковой и была — совсем недавно, в 1998—1999 гг., когда на фоне дефолта и отвалившейся Чечни в воздухе опять отчетливо запахло гражданской войной. Россия преодолела этот кризис — через жесткую централизацию власти, консолидацию элиты, через вторую чеченскую войну.

В Украине все ровным счетом наоборот. Здесь как раз попытка одной силы сломать всех об колено, установить свой порядок и навязать свою волю чревата самыми печальными последствиями для молодого государства. Поэтому плюралистичность политической системы, заставляющая элиту искать консенсус в принципиальных вопросах, — это не слабость Украины, а спасение. И набирающая вес системная оппозиция в лице партии Януковича, которая на востоке и юге страны как была, так осталась властью, и “Наша Украина”, традиционно

опирающаяся на Запад и Центр, и конкурирующая с ней Юлия Тимошенко, собирающая протестные голоса по всей стране, и борющиеся за левого избирателя КПУ и Соцпартия, даже “Пора” и блок Витренко, — все эти политические течения имеют идеологически отстроенную социальную базу и, следовательно, представляют народ Украины.

Сейчас в Москве и Киеве на многочисленных круглых столах в качестве темы выносятся пафосный вопрос: “Что сулят выборы 26 марта для российско-украинских отношений?”.

Уверен: ничего такого, что вкладывается инициаторами мероприятий в этот вопрос, они не сулят. Как бы ни сложилась мозаика новой Рады, не будет ни апокалипсиса, ни идиллии. Хочу заметить, что серьезные проблемы в наших отношениях существовали до декабря 2004 г. — достаточно вспомнить эпопею вокруг косы Тузла, когда наши пограничники смотрели друг на друга через прорезь прицела. И программа полномасштабного вступления Украины в НАТО была принята за шесть лет до майдана.

И нынешняя Конституция Украины, предусматривающая существование лишь одного государственного языка, была принята задолго до того, как в политическом лексиконе появился термин “оранжевый”. Поэтому важнейшим и принципиальнейшим для здравомыслящих людей является не текущая внутриукраинская конъюнктура, а содержание наших отношений. Сверхзадача для политиков наших стран — сделать так, чтобы содержание было выше любой конъюнктуры. Но для того, чтобы пойти по этому пути, надо для начала хотя бы успокоиться и посмотреть на все глазами трезвого человека.

“Домайданные” времена оставили нам в наследство договор, который помпезно называется “О дружбе, сотрудничестве и стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Украиной”. За 15 лет в архивах наших внешнеполитических ведомств накопилось немало подобных деклараций, меморандумов и протоколов. Увы, буква этих документов разительно отличается от духа отношений, которые мы имеем на практике. Конфликт вокруг поставок газа, который, как выяснилось на третий день так называемой “газовой войны” яйца выеденного не стоил — лучшее тому подтверждение.

Между тем трудно придумать более емкое определение отношений, в которых объективно заинтересованы и Украина, и

Россия, чем то, что вынесено в титул Большого договора. Общий интерес заключается в обеспечении конкурентоспособности наших государств в мире, где выживает сильнейший. По сути, речь идет о том, чтобы обрести и отстоять подлинный суверенитет, к которому наши страны пока лишь стремятся. Так исторически сложилось, что сделать это друг без друга будет гораздо сложнее, чем вместе. Это хорошо видно на примере уже упомянутой газовой эпопеи: Россия, являясь крупнейшим экспортером природного газа, кровно заинтересована в стабильных отношениях с Украиной как с крупнейшим его транзитером для Европы. Точно так же и Украина, чья промышленность завязана на российские энергоресурсы, просто не выдержит ценовых войн.

Решить непростую задачу формирования отношений в духе дружбы, сотрудничества и стратегического партнерства гораздо сложнее, чем чесать языком о “геополитическом позиционировании”. Но решение существует, и оно лежит прежде всего в сфере экономики. Я по-прежнему не вижу иного выхода, кроме как развивать разноуровневую интеграцию хозяйствующих субъектов России и Украины, поощрять кооперацию производств, осуществлять совместные проекты, направленные на увеличение национальных богатств и в конечном счете — благосостояния наших народов.

Открою небольшой секрет: Национальная резервная корпорация, к созданию которой я имею отношение, вместе со своими украинскими партнерами уже много лет занимается этой работой в Украине. Мы не ноем о потерянном славном прошлом, а пытаемся заложить основу благополучного будущего. Нам говорили, что инвестировать в Крым невозможно. А мы построили лучший в Крыму рекреационный комплекс “Море” в Алуште. Каждый год там отдыхают сотни тысяч граждан как России, так и Украины. Мы и дальше будем строить там отели и аквапарки, несмотря на то, что свободная экономическая зона уже ликвидирована (честное слово, парадокс какой-то: польским предпринимателям, работавшим в аналогичной СЭЗ в Западной Украине, правительство пообещало вернуть потери. О наших убытках пока даже речи не идет). Мы построили лучшие офисные и жилые комплексы в Киеве и хотели подарить первой столице государства русского фешенебельный комплекс на месте нынешней, позорящей облик города гостиницы “Украина”.

К сожалению, намерения вложить сотни миллионов долларов были поняты превратно, и мы мучаемся в судебных тяжбах со всеми возможными властными инстанциями.

Однако все злоключения, связанные с нашими попытками найти синтез российского капитала и украинских возможностей, не поколебали нашу веру в то, что результат будет найден. Сегодня мы помогаем реализовать совместные проекты в авиапроме, разрабатываем программы доступного жилья. В России у нас есть опыт строительства каркасно-модульных индивидуальных домов по цене средней иномарки — тех самых, что позволили успешно решить жилищную проблему в Северной Европе и Америке. Мы хотим распространить этот опыт в Украину. Более того, Национальный резервный банк готовит специальные ипотечные программы, которые позволят семьям, имеющим даже низкий доход, приобретать такие дома.

Наконец, самый болезненный, “гуманитарный” аспект. У меня есть хороший рецепт для всех российских политиков, причитающих о русском языке и культуре в Украине: не надо плакать, надо делать хоть что-нибудь. Стройте русские школы, открывайте русские культурные центры, как это делаем мы. Глупо думать, что этим будет озабочено Украинское государство, только-только ищущее свою идентичность. Вот вам пример: НРК выделила более 10 млн евро на воссоздание Музея-театра Чехова в Ялте и возведение 54-метрового храма св. Николая Мирликийского в пос. Малореченском под Алуштой.

Поэтому когда спрашивают, кого Лебедев поддерживает на выборах в Украине, я отвечаю: я не поддерживаю никого, так как считаю подобную поддержку со стороны гражданина России контрпродуктивной и противоречащей принципу невмешательства во внутренние дела (кстати, тот же самый подход, вопреки многочисленным слухам, я исповедовал в 2004 г.). Но я бы хотел, чтобы в результате выборов к власти в Украине пришли люди, которые озабочены не идеологическими склоками, а проблемами обеспечения населения доступным жильем, развитием высокотехнологичных производств, транспортной инфраструктуры, сельского хозяйства и т.п. Такие люди есть практически в большинстве партий, претендующих на влияние в будущей Верховной раде и местных органах власти. Я всем им совершенно искренне симпатизирую и надеюсь, что именно эта неформальная партия станет победителем 26 марта.

“В Украине нормой жизни стали кампании по экспроприации имущества у граждан и организаций с помощью правоохранительных органов”

В мае 2006 г. депутат Госдумы РФ, заместитель председателя Комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками Александр Лебедев совершил ради Украины два поступка — представил новую концепцию межпарламентских отношений и написал письмо Генеральному секретарю НАТО, заявив, что “обсуждение вопроса об ускоренном вступлении Украины в Североатлантический альянс может оказаться очень преждевременным”.

“Меня сложно упрекнуть в том, что я конъюнктурщик”

— Александр Евгеньевич, почему вы вдруг решили обратиться с таким гневным письмом в НАТО?

— Да не гневное оно, а очень даже сдержанное. Я могу привести массу примеров нарушения в Украине прав человека, экспроприации собственности. Это никак не соответствует стандартам НАТО, которыми так гордится Североатлантический блок. Члены альянса заявляют, что в нынешних условиях НАТО — это прежде всего высокие политические стандарты, а потом уже военная организация. Так пусть они сначала добьются соответствия этим стандартам, а потом уже принимают. Так что этот вопрос адресован не Украине.

Как иностранный гражданин, как депутат Госдумы, я отношусь к НАТО с уважением — из этого уважения и следует мое письмо. Также с уважением относясь к Кондολизе Райс, я обращаюсь и к ней — подробно опишу свой статус в Украине как инвестора и как человека, который в свое время призывал горячие головы в России к спокойному и терпеливому отношению к “оранжевой революции”. Так что меня сложно упрекнуть в том, что я конъюнктурщик. Вспомните, я на всю страну возражал Затулину в программе НТВ “К барьеру!” против “газовой войны”,

говорил, что нельзя заморозить 600 тысяч ветеранов. И проиграл 1:10 — простоватый обыватель в России меня не поддержал.

— **Но здесь же все очевидно! Смотрите, как только вас прищемили в Киеве с гостиницей “Украина”, вы сразу же изменили свое лояльное отношение к происходящему в Украине, письма начали писать...**

— Ну и что? Все по-честному. В результате некоего волеизъявления украинского народа на майдане к власти пришли какие-то люди. Те, кто поддерживал других личностей, предлагали называть этих людей кончеными негодьями. А я им говорил: подождите, давайте посмотрим, на что они способны. Давайте пока не будем устраивать трагедию и смотреть друг на друга сквозь оптический прицел. Год с лишним смотрели. В том числе и на собственном опыте — я имею в виду ситуацию с гостиницей “Украина” в Киеве. Я же ведь не украл эту гостиницу! Мы в соответствии с законодательством получили 50% акций, уже заплатили деньги за проект и чуть не начали строительные работы, но сделку объявили незаконной. Причем я поименно знаю тех, кто отбирает у меня гостиницу. И эти люди претендуют на дружбу с НАТО — да это просто смешно! В таком случае в НАТО надо принимать Северную Корею и Зимбабве с Ираном.

— **И все же, у вас какая-то непоследовательная позиция получается. Сначала вы поддерживали “оранжевую революцию”, теперь — нет.**

— Нет, абсолютно последовательная. Я реагирую на то, что есть, и не реагирую на то, чего нет. Я не являюсь предвзятым, я объективный. Я все время призывал российских коллег не вмешиваться в украинские дела. Это неправильно.

— **А сегодня российские коллеги не злорадствуют, мол, а мы же тебе говорили..?**

— Да нет. Вообще-то меня не интересуют такие вещи. Я как проводил свою инвестиционную политику в Украине, так и провожу. Но поверьте мне, я вот почему еще себя так уверенно чувствую, потому что не считаю наши инвестиции в Украине коммерчески выгодными. Невыгодные они, но мы их все равно делаем. А вот в это никто не верит. Гостиница “Украина” вопреки тому, что многие об этом проекте думают, не является

сладким куском — это дорогостоящий проект (на 150 млн долларов). Поэтому мне кажется неправильным утверждать, что я защищаю свои бизнес-интересы в таком линейном варианте.

— **Кстати, реакция на письмо уже была?**

— Хотя НАТО — это большая бюрократическая организация, но бюрократия просвещенная: я убежден, что они будут реагировать. На следующей же сессии Госдумы я предложу по мотивам письма принять резолюцию. Затем я предложу Комитету по делам СНГ мониторить СМИ на предмет нарушения прав человека в Украине, незаконного отъема собственности и так далее.

“Мелкие бизнесмены от Госдумы — очень опасное явление”

— **Александр Евгеньевич, почему вы в костюме? На прошлом “Диалоге” вы были в неформальной курточке — и формат дискуссии был соответствующий. А в этот раз было как-то скучновато...**

— Почему же скучновато? Во-первых, надо ценить саму возможность для российской и украинской политической элиты собираться вместе и вести дискуссию, потому что оба парламента живут в абсолютно параллельных мирах. К примеру, приходит в Думу какой-нибудь депутат и приносит проект резолюции, где утверждает, что в Украине создаются концентрационные лагеря, в которых происходит геноцид русского народа. На эту резолюцию отвечают наши украинские коллеги. И в результате мы ведем себя, как буйные душевнобольные, которых в сумасшедших домах в одной палате не оставляют. Как только будет сформирована украинская часть группы дружбы с Госдумой (а я ее возглавляю с российской стороны в нижней палате парламента), мы будем настаивать, чтобы все резолюции, декларации, заключения проходили через нее. Этим мы устраним ряд раздражителей, которые сплошь и рядом инициируются отдельными депутатами. Мелкие бизнесмены от Госдумы — очень опасное явление: им нужно разжечь костер войны и что-нибудь на нем заработать. А тушить они не умеют. Просто дети малые!

— **А в плохом настроении вы из-за проблем с недвижимостью в Украине? Опять дергают?**

— Вы слышали выступление представителя “Криворожстали”? У них 147 проверок за первый квартал. У нас в “Море” чуть поменьше — 100. Проверяют все: от санитарных норм до налогообложения и количества деревьев в парке.

— **Хочется все бросить и уйти?**

— Совет директоров НРК (Национальная резервная корпорация) все время это хочет сделать. Идет перманентная битва между моим идеализмом и экономическим образованием членов совета директоров инвестиционного комитета НРК. Они правы, если бы мы перевели в корпоративный режим пансионат “Море” и все наши объекты, у нас было бы меньше убытков. Но тогда бы Крым потерял налоги и рабочие места. Так поступить было бы не по-мужски, что ли.

— **У вас уже есть контакты с новым мэром Алушты Владимиром Щербиной?**

— Да, мы разговаривали.

— **Какое он произвел на вас впечатление?**

— Вообще-то я всегда сужу по делам. Надеюсь, что в этом курортном сезоне мэр поведет себя как сильная фигура. Первое, что надо сделать, — ликвидировать движение по набережной Алушты. Второе — начать ее реконструкцию, убрать или хотя бы не добавлять эти жуткие торговые ларьки. Помните, что сделал предыдущий мэр Алушты? Он за одну ночь подписал более 200 разрешений на установку ларьков (так называемых малых архитектурных форм) и сдал под них место в аренду не на один год, а на четыре! Здесь власти всегда “крышуют” эти палатки — вот в чем беда. А люди, которые работают в палатках, думают, что у них что-то хотят отобрать. Они никак не могут понять, что мы за год можем построить для них нормальные помещения — у них будет другая публика, другие доходы, другой образ жизни. Самое обидное, что мы готовы пожертвовать своими деньгами, чтобы привести набережную в порядок, а это никого не интересует. О чем можно говорить, если председатели поселковых Советов верили, что мы, строя храм в Малореченском, ночью возьмем и сделаем из него казино?! Только когда там купол поставили, они расслабились. Но сейчас другая песня начнется.

— **Я подозреваю, какая...**

— Да, чего-нибудь отобрать захотят. Это местечковая психология рвачества и бескультурья. Плюс плохое отношение к самим себе — люди привыкли жить на помойке, другого-то они не видели.

— **Театр им. Чехова тоже мешают восстанавливать?**

— Там всюду идут строительные работы. И проверки тоже идут. Ялтинский мэр подписал все договоры, а вот мелкие чиновники покоя не дают: они озабочены, как мы мусор вывозим, как мы соблюдаем строительные нормы и так далее. Работы идут быстро, все будет сделано блестяще — мы нашли единственного на всю Европу мастера, который занимается реставрацией исторического облика театра. Он восстанавливает его по архивным документам.

Из письма Александра Лебедева Генсеку НАТО Яап де Хооп Схефферу: “Украина по своему внутривластическому складу категорически не соответствует одному из основополагающих принципов альянса. В Североатлантическом договоре, подписанном в Вашингтоне 4 апреля 1949 г., прямо указано, что его члены объединяются для защиты “свободы, общего достояния и общественного строя их народов, основанных на принципах демократии, личной свободы и верховенства закона”. Приходится констатировать, что общественный строй Украины никак не соответствует вышеизложенным требованиям. За последние годы эта страна превратилась в государство, где личная свобода людей попирается вопреки закону и самым циничным образом. В Украине нормой жизни стали кампании по экспроприации имущества у граждан и организаций с помощью правоохранительных органов. В дальнейшем это имущество распределяется среди мафиозных кланов, контролирующей правоохранительную систему. Этот процесс, который идет постоянно на всех уровнях и во всех регионах страны, затрагивает не только граждан Украины, но и иностранных инвесторов, которые пытались помочь этой стране выбраться из ужасающей нищеты”.

“Бюрократия при Кучме была мне понятна”

— Всем сегодня очевидно, что Украина обречена на хроническую нестабильность. Как в таких условиях следует себя вести рос-

сийскому бизнесу? Раньше хоть какая-то предсказуемость была, а сейчас же полный хаос.

— Согласен. Все-таки бюрократия при Кучме была мне понятна, хотя бы правила игры были определены. А сегодня... Идет передел собственности. Поэтому и надо создавать некую общественную организацию, приглашать туда максимальное количество внятных людей со своей программой и с ее помощью пытаться влиять на ситуацию. Я уже разослал письма многим украинским бизнесменам, которые занимаются в Крыму какими-нибудь проектами. Нас интересуют такие сферы, как культура, бизнес, новые направления.

— Но вы некомфортно себя сейчас чувствуете в Украине?

... (Молчит).

— Нет покоя?

— Ницше сказал: “Все, что нас не убивает, нас усиливает”. А может, такая атмосфера для меня комфортнее, чем если бы она была убаюкивающе-парниковой. Преодоление сопротивления делает тебя гораздо более эффективным. Но могло бы быть и лучше, конечно. Не нравится мне, что никак я в Алуште не могу сделать эту набережную... Может, новый мэр и горсовет смогут переломить ситуацию и стать героями. Я ж ни на какие лавры не претендую, не прошу статуса почетного гражданина Крыма. Мне не нужен памятник, я еще пожить собираюсь.

— Мне кажется, Крым вас не то чтобы не воспринимает, не замечает, что ли.

— Для того чтобы меня замечали, я должен по-другому строить свои отношения: все время давать интервью, владеть СМИ, вешать бигборды со своей физиономией. Зачем мне это? Я не хочу быть таким популистским персонажем. А критикуя власти Украины, я всегда критикую их за дело, просто так — никогда.

Взгляд из редакции.

По-видимому, Александр Лебедев прав, поднимая проблему силового участия правоохранительных органов в мафиозном переделе собственности. Примеров тому немало, в том числе и в Крыму. Один из последних и самый громкий — силовой захват некой струк-

турой пансионата “Полет” в Новом Свете, принадлежащего российскому Летно-исследовательскому институту имени Громова. Как утверждают сведущие люди, за фирмой, претендующей на российскую собственность, стоят отставники из спецслужб. Но хорошо известно, что бывших чекистов не бывает, и несложно догадаться, кто является их “крышей”.

“Я надеюсь, что нам помогут сделать из Алушты образцово-показательный курорт”

Депутата Госдумы России Александра Лебедева в Крыму искренне и разнообразно не понимают. Чиновники, от которых зависит продвижение всяческих некоммерческих проектов Александра Евгеньевича, с нетерпением ждут взятку, а получают нравоучения, что взятки — это плохо. Алуштинские торговцы к активным благоустроительным намерениям российского олигарха относятся с подозрением, воспринимая план реконструкции набережной как покушение на свой заработок. А жители Малореченского до этого воскресенья считали, что прибрежный ландшафт поселка украсит ночной клуб. Но возводимое строение и вправду оказалось храмом, как и обещал российский депутат. 18 июня в храме Николая Мирликийского митрополит Симферопольский и Крымский Лазарь уже провел богослужение, а митрополит Киевский и всяя Украины Владимир наградил Александра Лебедева орденом Святого Равноапостольного князя Владимира.

— Александр Евгеньевич, вы уже познакомились с новым руководством Крыма?

— Да. Знакомство произвело на меня приятное впечатление, тем более новые крымские власти заявили, что если мне нужна их помощь, то они готовы помочь. С учетом того что эту фразу я много раз слышал от разных крымских политиков, перевел разговор в практическую плоскость. Мы очень хотим пожертвовать Алуште пять миллионов долларов на набережную.

— Поможете нам это сделать, да?

Крымская правда (Симферополь), 24.06.2006 г.

— Алуштинские власти раньше почему-то упорно не хотели брать у нас деньги на обустройство. Увы, есть люди, которые хотят торговать в этих грязных ларьках (кстати, их стало в два раза больше). Но я надеюсь, что мы все же договорились с новым мэром Алушты и председателем горсовета — в середине июля наша сторона предоставляет проект реконструкции набережной, по которому мы: ограничиваем проезд машин, меняем покрытие — делаем пешеходные и велосипедные дорожки, занимаемся освещением, озеленением и цивилизованно оборудуем пляжные парапеты. Мало того, мы предложим построить красивые двухэтажные домики, где будут работать те же люди, которые сейчас сидят на этих помойках. Убедить их будет тяжело, но это задача власти, а не наша. Я надеюсь, что новое руководство города и Крыма поможет нам сделать из Алушты образцово-показательный курорт.

— А вы бы сами вышли на набережную и пообщались с торговцами?

— А я общался. Почему-то они думают, что мы зарабатываем огромные деньги, что у нас под пансионатом “Море” залежи платины. А еще они думают, что мы их выгоним с набережной и будем сами там торговать. Мы дадим им страшную клятву: торговать не будем, мы хотим улучшить жизнь в городе и готовы на это потратить много денег. Может, листовки специально напечатать и раздать, чтобы они поверили? На открытии храма в Малореченском местные жители меня растрогали — они, наконец, убедились, что это храм, а не гостиница. Храм — уникальный по проекту, он очень красиво смотрится издали. Подобного архитектурного решения в Крыму я просто не припомню — высота 54 метра, отделка смальтой. В цокольном помещении будет православная школа.

— И принадлежать он будет УПЦ Московского патриархата?

— Да.

— А что это за история, что вас некие представители действующей власти в Киеве уговаривали отдать храм так называемому Киевскому патриархату?

— Это недоразумение какое-то. В Киеве действительно существует практика, применявшаяся бывшим мэром Киева

Омельченко. Когда он или какие-нибудь его спонсоры восстанавливали храм, Омельченко рекомендовал оставить храм в собственности и разрешать там проводить богослужения разным конфессиям. Исполдволь власти в Киеве рекомендовали и нам такую форму. Мы им ответили, что, дескать, спасибо вам большое, но мы как-нибудь сами разберемся. Храм построен с благословения Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, закладной камень освящен митрополитом Симферопольским и Крымским Лазарем. Никаких вопросов о его принадлежности даже быть не может.

— Когда вы откроете Театр-музей Чехова в Ялте?

— А вот по дому-музею Чехова в Ялте нам продолжают мешать. Недавно нарисовалась “Укрреставрация” и заявила, что никакие документы она подписывать не будет, так как когда-то давным-давно они потратили на музей деньги и им их не вернули. Бесперывно ходят всякие проверяющие — жулики и проходимцы, выдающие себя за пожарных. Мешают строить.

— Я так понимаю, у вас позиция та же — никому из чиновников ни копейки. Поэтому и мешают.

— Моя позиция простая: реставрация стоит 12 млн евро, а потом надо еще 400 тыс. евро выделять, потому как в обозримом будущем театр будет убыточным.

— Так вот очень многие вашу принципиальность воспринимают скептически. Действовали бы, как все, — уже давно бы все построили.

— Когда эти скептики видят, что мы сделали, они меняют свою точку зрения. Мы занимаемся меценатством, благотворительностью, создаем рабочие места, платим налоги и еще ни одной гривны за пределы Украины мы не вывезли. А говорить о взятках мы не будем — считаем, что это порочная практика. Взятки разлагают правящую бюрократию: она считает, что делать ничего не надо, наоборот, надо все застопорить и ждать, когда привезут деньги.

Я так думаю, что, если бы мы давали взятки за отель, за храм или за театр, никогда ничего бы не построили. Чиновников-то тьма и имя им легион: одному дашь, моментально еще три бойца в очередь встанут. А так как для наших людей это своего ро-

да спорт, нашли и мы для себя такую народную игру — обмани чиновника. Так что музей мы закончим восстанавливать месяцев через десять. И уже надо о театральном фестивале думать. Не международном, а пока что украинско-российском. Мы из Москвы можем привезти 5 гениальных спектаклей: один от Петра Фоменко, от Евгения Гришковца, от Театра теней, от Кирилла Серебренникова — весь Крым будет стоять в огромной очереди за билетами, да еще и поклонники приедут. А иностранцы вообще считают Ялту чеховской Меккой и с удовольствием бы поучаствовали — я уже разговаривал с Кевином Спейси, Гвинет Пэлтроу и Ральфом Файнсом. Они очень хотят поучаствовать, но на первом этапе пока не нужны.

— Созданная вами с Дмитрием Киселевым общественная организация “Таврида” чем сейчас занимается?

— Мы пишем сквозную программу гуманитарного сотрудничества, которой в том числе будет заниматься и “Таврида”. К примеру, позвонила мне недавно украинский омбудсмен — Нина Карпачева. 30 лет назад, перед тем как уехать в Москву в аспирантуру, она сделала в Алуште памятник женщине-хирургу Надежде Суловой. Могила находится на мысу, который размывает, а памятник хранится у одного архитектора. Она просит меня установить этот памятник. Или вот ректор Крымского медицинского университета написал мне такое трогательное письмо, я вчера чуть не разрыдался. Очень меня просит помочь построить часовню в память архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого).

Так что альтернатива натовским поджигателям войны выстраивается. Я хочу, чтобы в Крыму культурные мероприятия проходили круглый год, а не в четыре сезонных месяца. Мы даже в аквапарке решили один из бассейнов закрыть разбирающимися конструкциями, чтобы он работал все время. И если мы наполним отдых культурным содержанием, люди будут приезжать.

— Александр Евгеньевич, ситуация в Феодосии повлияла на заполняемость пансионата “Море”?

— Повлияла. Заполняемость в Алуште в среднем — 20%, а в “Море” — 85%. Я собираюсь по этому поводу Джорджу Бушу письмо написать. Спросить его, зачем он своими неуклюжими действиями наносит ущерб нашему бизнесу. Шучу, конечно, но в НАТО письмо я уже написал, президенту Ющенко тоже.

— Многие аналитики называют феодосийские протесты вторым майданом. Как вы думаете, это низовое движение?

— Да, на 90% это движение снизу. 10% — это мелкие поджигатели, которые потом примазались. Мы всех их знаем, они копейку свою зарабатывают. Крымчанам такие действия украинских властей не нравятся. И мне они не особо нравятся. Но никакой “руки Москвы” в Феодосии я не усматриваю. В этой ситуации НАТО ведет себя безграмотно и неправильно. И сталкивается с реальным мнением народа, а не организаторов-политтехнологов.

— Да не было там технологов: они просто не успели приехать — все быстро закончилось.

— Согласен. Это они потом начали отчеты писать, что вроде бы как без них не было бы никакого протеста. К действиям американцев я отношусь критически — насколько надо не понимать, как в Крыму накалена ситуация, чтобы так действовать. И поэтому я пишу официальные письма, где указываю на несоответствия соблюдения прав человека, ситуации с верховенством закона, защитой прав собственности и демократии на Украине и устава НАТО образца 1949 г. Я сознательно не акцентирую внимание на неуважении альянсом мнения украинского народа — это внутреннее дело Украины. И сознательно не акцентирую внимание на российской позиции, что в Крыму находится Черноморский флот — этим пусть занимается российский МИД. Недавно в Сочи состоялось ежегодное совместное заседание межпарламентской ассамблеи НАТО, в нем приняли участие Украина, Грузия и Россия. К этому заседанию я инициировал подготовку письма депутатов Госдумы РФ, которое касается вступления Украины в НАТО. Мы утверждаем, что есть множество причин, по которым Украина не может стать полноправным членом НАТО, что внутренний строй этой страны противоречит принципам альянса. Наше письмо зачитала первый вице-спикер Госдумы Любовь Слиска, и думаю, это стало определенным событием.

— За эти недели многие российские политики успели засветиться в Феодосии и даже стать персонами нон-грата. А почему вас там не было?

— Мне хватает созидательных дел. Кстати, когда начались эти события, я был в Вашингтоне. Встречался с представителя-

ми Госдепа, Белого дома, с конгрессменами, с бывшим послом Америки в Украине и утверждал, что в происходящем в Украине они ничего не понимают. И на следующий день после нашего разговора в Феодосии начались протесты. Я предлагал американцам следующее: пригласить экспертов — российских, американских, украинских, например, в Крым. И провести там трехдневный семинар. Группа экспертов-политологов получит задание — написать доклад для руководителей США, НАТО, Украины и России на тему вступления Украины в НАТО. Американцы очень часто устраивают такие task-force: собирают людей, которые способны выработать письменные рекомендации. Таким способом мы, например, сделали новую концепцию межпарламентских отношений Украины и России. Понятно, что пока она не востребована, но после того, как украинская часть группы дружбы будет сформирована, мы обсудим с украинскими коллегами эту концепцию. Но инициатором подобной встречи должна выступить украинская сторона. Новые реалии не понимаем мы все: и натовцы, и Россия, и Украина, в известной степени и Крым.

— И последний вопрос. Александр Евгеньевич, зачем вы купили “Новую газету”?

— Чтобы ее поддержать. Газета нерентабельна — у них были финансовые проблемы. По-моему, было бы неправильно, если “Новую газету” купил бы какой-нибудь иностранец или еще кто-нибудь. Так что это своего рода инвестиции в гражданское общество.

— Да неужели! А с вашими будущими планами в Москве эта покупка никак не связана?

— Какими планами? Выборов мэра в Москве больше не будет. Для того чтобы иметь свой медиаресурс, покупают контрольный пакет акций, приводят в газету новых людей. Мы никого не приводим, 51% акций — у коллектива редакции. Наши деньги пойдут на то, чтобы увеличить тираж, перейти на ежедневный выпуск. Естественно, это предполагает некоторые изменения в кадровом составе. Влияние на редакционную политику будет заключаться в том, чтобы сделать газету более влиятельной и содержательной. Если честно, мы с Горбачевым очень не любим заказные материалы. В остальном направлен-

ность газеты останется прежней — критика власти. Но эта критика должна быть более объективная, не одиозная и непредвзятая. А журналистские расследования против чиновников-коррупционеров надо проводить более тщательно.

**“У меня чешутся руки
написать книгу с названием
“По ту сторону “оранжевых” баррикад”**

— Александр Евгеньевич, каково ваше отношение к последним политическим событиям в Украине? Вполне возможно, что Виктор Янукович вновь станет премьер-министром Украины. Ваше отношение к этому политику?

— Учитывая, что политическая жизнь Украины продолжает удивлять своей непредсказуемостью, думаю, что будет хорошо, если для начала в Украинском государстве появится легитимное правительство во главе с Виктором Януковичем. Кстати, по моему убеждению, избрание Януковича два года назад президентом страны было бы фактором негативным для развития политических процессов в Украине.

— Как это?

— У украинского общества были завышенные ожидания в отношении тех, кто тогда был в оппозиции, а в результате майдана пришел к власти. Это можно назвать иллюзиями. И если бы они не смогли тогда “перемочь”, то эти иллюзии сохранились бы. С другой стороны, России, учитывая поддержку, оказанную Януковичу на выборах, в случае его победы было бы труднее выстраивать с Украиной прагматические отношения. Поэтому надо относиться к этому философски: то, что произошло, должно было произойти. Надо было дать “оранжевой” команде “порулить”, показать себя.

Хотя сегодня многие пытаются говорить об украинском политическом хаосе, я считаю, что политическая система Украины является достаточно работающей конструкцией. Как показали последние выборы в Верховную раду, в стране есть эффек-

тивное избирательное законодательство. На мой взгляд, в Украине есть легитимные президент, парламент, в котором всего на всего пять политических партий. Украинские СМИ достаточно свободные и эффективно влияют на социальные отношения в обществе. Кстати, Интернет имеет огромное влияние на украинскую политику и избирателей. Украинская экономика растет, инфляция падает, курс гривны стабильный — это первые признаки выздоровления. Давайте представим: что бывает со страной, в которой нет никакой системы управления экономикой? Причем наивно думать, что бюрократия вообще не нужна, что не нужен государственный социальный менеджмент для того, чтобы общество было стабильным.

Все эти факторы, наряду с зачатками гражданского общества, положительно характеризуют украинский политический класс. Хотя народные депутаты могут устроить потасовку в сессионном зале парламента, это, простите, не баррикады и не гражданские войны.

— И тем не менее у вас есть предубеждение против будущей политической деятельности Виктора Януковича, человека, который отбывал в прошлом тюремные сроки?

— Я могу честно, как офицер, признаться, что у меня к Виктору Януковичу было предвзятое отношение. Мне не нравилось, что он баллотируется в президенты Украины, не нравилось, что он может стать главой пятидесятиmillionного государства.

Но ведь можно рассуждать и по-другому. Вдруг он оступился когда-то, ошибся, вдруг это был юношеский максимализм, сформированный средой, в которой он жил и учился. Обвинительный уклон советской юстиции, как и сегодня российской, украинской, общеизвестен. Сначала ты попал за хулиганство, затем случайная драка. Даже если ты в этой драке был на правой стороне, тебя все равно посадят.

Мне кажется, что сегодня Виктор Янукович — это серьезный, ответственный политик. Он в рамках конкурентной политической борьбы и той системы сдержек и противовесов, которая существует в Украине, сумел оправиться от проигрыша Виктору Ющенко на президентских выборах, консолидировать тех, кто при таких условиях мог бы и поразбежаться кто куда. Более того, он сегодня имеет самую большую фракцию в парламенте. Если говорить, например, о традициях европейского парламентариз-

ма, то именно он и его фракция должны формировать правительство и представить президенту кандидатуру премьер-министра.

Что касается Ющенко, то считаю его слабым, неэффективным президентом. Он сегодня должен считаться с Януковичем, за которого на парламентских выборах проголосовали десятки миллионов украинских избирателей. А если “оранжевые” сумеют убедить президента распустить парламент, то на новых выборах “Партия регионов” уверенно победит, станет правящей партией, получив на этот раз не относительное, а абсолютное большинство в Верховной раде.

— Виктор Ющенко может претендовать на то, чтобы стать “отцом” украинской нации, сможет ее объединить, “убрать” противостояние Востока и Запада?

— Если кто-то и сможет консолидировать украинский народ, то это будет не Виктор Ющенко. Я могу привести массу примеров (да вы и сами можете это сделать), которые свидетельствуют, что он не объединитель, что его политическая деятельность не конструктивна, не созидательна. И в первую очередь дисгармонию в развитие политических элит Украины вносит его вороватое окружение, так называемые любви дружи. Они не масштабные политики, не государственники. Им бы на рынке отбирать торговый лоток у слабого.

— А Виктор Янукович и его команда смогут в Украине наладить политический диалог в обществе?

— Мне кажется, что восточно-украинская промышленная, финансовая, политическая элита, интеллектуалы этого региона прошли хорошую школу политической борьбы за последние два-три года. Они понимают, что для процветания страны необходима действенная, хорошо работающая политическая система. Крупному бизнесу, который стоит за их спиной, не нужны свары, драки, нестабильность.

Но вот какой вопрос возникает: а зачем объединять? Кого объединять? Во имя каких целей? В кажущемся разъединении нет ничего плохого — такова природа Украинского государства. Главное, чтобы это разъединение носило цивилизованный, конкурентный характер. Если у власти нет действенной оппозиции, конструктивной, не экстремистской, то в стране начинается политическая стагнация. Политическая жизнь в ее демо-

кратическом понимании в Украине достаточно интересная и привлекательная. Правда, за этот интерес Украина платит политическим хаосом, но, повторяю, на экономике этот политический беспорядок не отражается.

— Александр Евгеньевич, если я правильно информирован, в разное время и в прошлом политики Украины, которые сегодня занимают ключевые государственные посты, являются лидерами партий, с вами активно сотрудничали?

— Во-первых, у меня никогда и ни с кем бизнес-интересов в Украине не было. С кем у меня могут бизнес-интересы, если я построил гостиницу в Крыму? Например, донецкие бизнесмены строят гостиницы в Турции. И вообще, богатые люди в Украине не строят у себя в стране. А я оказался вот такой идеалист. Или, например, участие Национальной резервной корпорации (НРК) в реконструкции гостиницы “Украина” в Киеве. С самого начала это был абсолютно прозрачный бизнес-проект, транспарентная сделка. Мы просто внесли деньги на реконструкцию. Мы никогда денежные потоки в гостинице “Украина” не контролировали.

И тот факт, что я президентом Кучмой награжден орденом, совершенно не свидетельствует о каких-то преференциях со стороны бывшей украинской власти. Я очень много в Украине делаю бескорыстно. Подчеркиваю: я в Украине не заработал ни одной гривны. Есть мизерная прибыль в пансионате “Море” в Алуште, но эти деньги инвестируются в развитие названного курортного комплекса. А что касается храма, который мы построили в селе Малореченском в Крыму, восстановления музея Чехова в Ялте — это что, бизнес?

— Я по-другому задам вопрос. Эти люди, которые сегодня в Украине у власти в былые времена с вами очень часто общались. Причем это было дружеское общение. Изменилось ли сегодня отношение этих властных политиков к вам и, наоборот, у вас к ним?

— В прошлом я очень часто общался с Президентом Украины Виктором Ющенко. Потому что у меня в Национальном резервном банке (НРБ) в 1996–1998 гг. под залог внешнего долга Украины находилась добрая половина всех валютных резервов Национального банка Украины. Представляете? Не в США, не у американцев или англичан! А в НРБ. И платили мы в два раза выше, чем была ставка в американских банках.

Дальше. Вы знаете, в России в 1998 г. разразился финансовый кризис. Представляете, если бы НРБ (который входил тогда в десятку крупнейших российских банков) и как многие в России — ОНЭКСИМ-банк, “Российский кредит”, Инкомбанк, МЕНАТЕП — объявили бы себя банкротами? Тогда я мог бы не возвращать деньги Национальному банку Украины и жить себе спокойно дальше. Но тогда, конечно, Виктор Ющенко попал бы в тюрьму. Он приезжал в 1998 г. в Москву. Мы долго с ним беседовали. Я продал все, что у меня было — квартиру, дом, самолет. Повторяю, все. Но я вернул все деньги Национальному банку Украины. Я не прошу, чтобы Виктор Ющенко сказал мне спасибо. Но история с гостиницей “Украина” Виктора Андреевича просто позорит. Эта история позорит Президента Украины.

Или еще пример. Вмешательство его семьи в строительство православного храма в Крыму. “Кому Лебедев храм передаст?” — спрашивают ближайшие родственники Ющенко. Передам тому, кому хочу! Мне не нужны советы от семьи Виктора Ющенко, суть которых состоит в следующем: я должен храм оставить себе, а затем разрешить служить там представителям разных церквей (в первую очередь имеется в виду так называемый Киевский патриархат). Я спрашиваю: это для чего делается, чтобы разъединять людей? Люди ходят и молятся в разных храмах. Это их скорее объединяет, а не разъединяет. Это что за экстремистские советы дает мне семья Ющенко?

И последнее. История с задержанием, а затем арестом российского гражданина Владимира Ткача. Разгромили полностью его бизнес, запугали людей из его окружения, превратили в лжесвидетелей. В Российской Федерации не осталось никого, включая гаранта Конституции, кто бы не говорил, просил, требовал оправдания российского гражданина Владимира Ткача. Это и Государственная дума, и Совет Федерации, и российский омбудсмен Владимир Лукин. Но в Украине будто специально декларируют практику: ваших российских граждан будем сажать, плевать будем на международное право, не будем выполнять украинские законы, будем громить российский бизнес.

За это все равно придется отвечать. Ведь все это делает ближайшее окружение президента Виктора Ющенко. Хочу подчеркнуть, нормальным людям это не надо, это надо мелким жуликам, аферистам и проходимцам, которые окружили Президента Укра-

ины. Этим занимается лично господин Тарасюк. Если Виктор Ющенко борется с Леонидом Кучмой, Игорем Бакаем, то заявляю: с этими товарищами никаких гостиниц я не воровал. И позорить мою репутацию я никому не позволю. Будут международные суды. Будут американские юристы, защищающие меня.

У меня чешутся руки написать книгу под условным названием: “По ту сторону “оранжевых” баррикад”. Ох, я бы многое рассказал бы! И где штаб “Нашей Украины” на президентских выборах дислоцировался, и как со мной связаны “нашеукраинцы”.

— **Для чего?**

— Для того чтобы прекратить все слухи о том, что якобы я с “оранжевыми” связан. Действительно, я два года назад занимал позицию, отличающуюся от российского политического истеблишмента. Я говорил: “Слушайте, майдан — это проблема украинского избирателя, прежде всего киевского. И только во вторую очередь вмешательство каких-то внешних сил — западных, американских. Давайте прекратим вмешиваться и посмотрим, что произойдет в результате волеизъявления украинских избирателей”.

Я говорил: “Давайте дадим Виктору Ющенко поработать”. Поработал. Результат, судя по делам парламентским, очевиден. За это же время оппозиция сильно прибавила и, вполне вероятно, станет “руководящей и направляющей силой” в стране. Поэтому то, что Александр Мороз избран спикером Верховной рады, меня только радует. То, что Виктор Янукович может стать премьер-министром, — это успех “Партии регионов”, который является фактором стабилизации экономической и политической жизни в Украине.

— **О чем еще могут прочесть, узнать будущие читатели в вашей книге “По ту сторону “оранжевых” баррикад”?**

— Я хочу написать об эпопее отравления Виктора Ющенко во время минувшей президентской кампании. Было ли это отравление? Чем занимался Евгений Червоненко? Много есть интересных вопросов.

— **Александр Евгеньевич, а что вы думаете о перспективах межпарламентского диалога депутатов Государственной думы и народных депутатов Верховной рады Украины?**

— У нас в Госдуме есть группа по связям с Верховной радой Украины. Это работающий механизм: мы регулярно проводим совместные мероприятия с коллегами из украинского парламента, в том числе в формате клуба “Диалог”. Есть, кстати, задумка провести выездное заседание, посвященное обсуждению проблем европейской интеграции где-нибудь в Париже или Вене.

Я написал письма всем лидерам фракций вновь избранного парламента с предложением сформировать такую же группу в новом составе Рады. Насколько я знаю, во фракции “Партии регионов” много желающих обсуждать проблемы отношений наших стран. Я думаю, что на первом заседании можно было обсудить документ, который сделан российской стороной. Он называется “Концепция взаимоотношений между Российской Федерацией и Украиной в межпарламентской сфере”. Подготовлен этот концептуальный труд центром проблем интеграции Института экономики Российской академии наук. Документ уже предварительно обсуждался с нашими украинскими коллегами и в Крыму, и в Киеве, и в Москве. Это, на мой взгляд, основа для дальнейшего межпарламентского сотрудничества.

Преодоление гетманщины

Наблюдая за перипетиями “послемайданной” политической жизни Украины, трудно отделаться от ощущения дежавю. Когда-то мы это уже видели, где-то проходили... “Оранжевая революция” ничего нового здесь не прибавила: на самом деле она не произвела переворота в отношениях между нашими государствами. Программа ускоренного вступления в НАТО появилась еще в 1997 г., а нынешняя конституция, предусматривающая существование лишь одного государственного языка, была задолго до майдана. И самый серьезный кризис в отношениях между нами случился в ноябре 2003 г., когда украинские пограничники в районе Косы Тузла смотрели на братьев-россиян через прорезь прицела. Именно тогда, кстати, вышел в свет эпохальный труд “Украина — не Россия”, принадлежащий перу украинского президента. Только этим президентом был не

Ющенко, а некогда считавшийся чуть ли не “рукой Москвы” бывший директор “Южмаша” Кучма.

Давайте вспомним, что на референдуме 1 декабря 1991 г., который можно считать отправной точкой в похоронной процессии СССР, за “незалежность” в Донецкой области голосовало 83%, в Крыму — 54% и даже в городе-герое Севастополе — 57% (эти цифры неплохо бы знать тем, кто любит порассуждать об “исконно наших территориях, отданных Ельциным с барского плеча”). Так что все случившееся в конце 2004 г. можно рассматривать как вполне закономерный этап в развитии Украинского государства.

Убежден, что ни из Москвы, ни из Вашингтона, ни из Брюсселя понять, что реально происходит в Украине, нелегко (поэтому искренне жаль, что украинские власти объявили некоторых наших политиков персонами нон-грата, и мне пришлось официально высказать по этому поводу протест). У меня после майдана была робкая надежда, что европейский выбор означает приверженность ценностям и культуре, которые позволят Украине развиваться как демократическому и правовому государству. Что оно будет дружественным по отношению к нам, ибо дружественным является народ Украины. Чуда не случилось. Это связано с тем, что природа нынешнего Украинского государства сильно отличается от всего того, к чему мы привыкли.

С кем быть?

Многие, глядя на политическую карту и нравы современной Украины, вспоминают времена Гражданской войны, Западно-Украинскую и Донецко-Криворожскую республики, анархическую вольницу батьки Махно. Но корни происходящего гораздо глубже. Они уходят во времена тринадцатилетней войны середины XVII столетия и шире — эпохи, получившей название Руина. Тогда в Украине, раздираемой между Речью Посполитой и Московским царством, набрало силу украинское казачество. Будучи своеобразным ответом на притеснения шляхты и бесчинства крымских татар, казаки и поставленные ими гетманы со временем взяли на себя право решать судьбы земли украинской по обе стороны Днепра. В итоге и возникло такое явление, как гетманщина.

В отличие от России, бывшей на мировой арене величиной самодостаточной, для Украины вопрос “С кем быть?” носит

экзистенциальный характер. Характерным же признаком гетманщины является решение таких судьбоносных вопросов вопреки мнению населения. История отношений Москвы с гетманами — это сплошная череда предательств, от Ивана Выговского до Ивана Мазепы. Измена последнего стала началом конца гетманщины, ибо она наглядно продемонстрировала, сколь далеко гетман и поддерживавшая его Сечь оторвались от народа.

Сегодня воскресшая из Руины Сечь и посаженные ею гетманы опять мечутся между центрами силы, пытаясь угодить то московскому царю, то шляхетской республике, то шведскому королю, то турецкому султану. Изменилась только географическая локация Сечи — вместо прежнего Запорожья теперь их политическая база в мазепинской столице Батурине, на правом берегу Днепра и в Галиции. Они хотят, как и прежде, получать от Москвы привилегии и пожалования, то бишь таможенные льготы и дешевый газ. Однако при этом клянутся “евроатлантическим выбором”, ненароком “забывая”, что субъектом такого выбора является не войсковой старшина и не казачья Рада, а граждане Украины. (Ау, непогрешимые руководители НАТО! Где же ваши твердые демократические стандарты для стран-кандидатов?)

Есть еще одна черта, роднящая нынешнюю Сечь с ее исторической предшественницей. Будучи по происхождению беглым людом, казачество, мягко говоря, весьма пренебрежительно относилось к институту собственности. Организация ватаг, надобных для того, чтобы “чинить промысел”, — естественное состояние воинства, обеспечивающего себе жизнь грабежом. Такие вот ватаги — правда, вооруженные не булавами, а удостоверениями представителей власти, — бродят по современной Украине, выискивая добычу. И нападают на любого, у кого есть чем поживиться. На своих соотечественников, бывших в фаворе при предыдущих гетманах, на все тех же несчастных поляков, вложившихся в свободные экономические зоны, на москалей, построивших им самые лучшие отели, и даже на индусов, вложивших четыре с лишним миллиарда долларов за “Криворожсталь”. Казачьи атаманы в погонах киевского УБОПа “допромышлялись” до того, что начали брать заложников: уже несколько месяцев в СИЗО Киева томится гражданин России Владимир Ткач, чей бизнес уничтожен “лихими хлопцами”.

Куда движется исторический маятник?

Некоторые “национально свидомые” украинские деятели всерьез полагают, что москали спят и видят, как бы опять прибрать к рукам их молодую державу. Спешу их огорчить: в России таких же “свидомых” с каждым годом все меньше. У нас, слава богу, с некоторых пор возобладала линия на сосредоточение государства и сбережение народа, что не предполагает растрату сил на геополитические авантюры. Все чаще можно слышать голоса, призывающие перевести отношения с Украиной в сугубо практичный режим, по примеру отношений с иными европейскими соседями, с той же Польшей.

И этих людей можно понять — такого количества плевков и оскорблений со стороны Киева мы за 300 лет не получали. В этом смысле поворотным пунктом для нашей элиты были события “помаранчевой революции”, которую по политическим последствиям можно сравнить с Конотопским сражением 1659 г. Тогда крымский хан Махмет-Гирей и переметнувшийся к полякам гетман Выговский разбили наголову войско Алексея Трубецкого, нещадно порезав несколько тысяч русских пленных.

Однако судьба гетманов в Украине весьма переменчива. Хан ушел обратно в Крым, а сам гетман был вскоре свергнут и бежал в Польшу. Я это к тому, что не следует отождествлять украинскую гетманщину и украинский народ, который сам сегодня есть ее первая жертва. Поэтому наше самоустранение было бы исторической ошибкой. Мы должны ответить на брошенный нам вызов, но сделать это надо по-умному, извлекая уроки из запутанного и трагического прошлого. Нужно взаимодействовать с существующей элитой — такой, какая она есть. Прежде всего, имею в виду парламент, который в нынешних условиях обрел особую силу и становится реальным средоточием власти.

В этом парламенте есть силы, для которых общая история, дружба и союзнические отношения с Россией — не пустой звук. Однако политическая база этих сил географически ограничена югом и востоком. Поэтому даже в том случае, если они встанут у руля Украинского государства, им придется действовать с оглядкой на настроения “другой” половины Украины, где правит бал “оранжевая Сечь”. Как бы то ни было, возвращения исторического маятника из нынешнего положения Руины ждать придется долго. Сомнений нет лишь в одном — он обязательно вернется.

Главная наша миссия в том, чтобы всеми силами сохранять неразрывную духовную связь между двумя народами, вместе пережившими столько испытаний. Что бы ни случилось, нельзя позволить зачахнуть русскому слову в Украине, надо поощрять русское образование и поддерживать очаги культурной жизни. Трудно переоценить роль православной церкви, в самые трудные времена искушений поддерживавшей нашу общность. Собственно говоря, это то, чем занимаются в Украине мои единомышленники. И это непросто, ибо даже пробивание права на восстановление музея-театра Чехова или строительство храма, поверьте, дорогого стоит.

Сегодня мы, уже преодолевшие свою смуту, и украинцы, ее переживающие, сталкиваемся с серьезнейшим историко-культурным вызовом, который есть украинская гетманщина. Осмысление этого вызова не должно быть уделом мелких бизнесменов от политики. К сожалению, за “позицию Москвы” зачастую принимаются выходки политических хулиганов, а их параноидальные идеи находят оклик у части нашей элиты. Поэтому пора наконец сформировать особую группу в составе Совета безопасности, которая могла бы предлагать решения стратегического рода. Хотя бы наподобие концепции межпарламентских отношений, разработанной при участии экспертов РАН.

И последнее. Мы призываем российскую политическую и культурную элиты прекратить относиться к украинской независимости как к историческому недоразумению. Это все не просто “всерьез и надолго”, это — навсегда. Не надо бегать с киркой вокруг чужого дома, пытаясь отколупнуть от него тот или иной кусочек, и думать при этом, что твой собственный дом будет в сохранности. Не следует, если у тебя сдохла корова, радоваться, что у соседа сдохли две.

Пора бы политикам и экспертам наших держав договориться о своего рода кодексе чести в делах и словах. “Тщательнее” надо, как говорит Жванецкий, “лелеять холст” надо, как говорил Ренуар. Чтобы достойно справиться с русско-украинским национальным стрессом, связанным с разделом прежде неделимого, необходимо уважать друг друга, не щипать и не заводить себя по пустякам. В противном случае нас ждут новые конотопы, а украинцев — вечная гетманщина. Ни того, ни другого даже врагу не пожелаю.

“Зачем России “покупать” Украину”?

Влиятельный депутат Госдумы Александр Лебедев был одним из немногих российских политиков, который не то чтобы симпатизировал “оранжевой революции”, но уж точно убеждал российскую элиту не вмешиваться в украинские проблемы. Он же стал одной из первых жертв победителей. Принявшись за передел собственности и сфер влияния, представители окружения Виктора Ющенко полтора года противодействовали любым бизнес-проектам и даже благотворительным акциям близких к Лебедеву структур. Что изменится после возвращения в систему власти Виктора Януковича и донецкой промышленно-политической группы, чего ожидать российским политикам и бизнесменам от данной “перемены мест” — об этом российский депутат рассказал в интервью “Гуляй-полю”.

— Как вы считаете, сможет ли Янукович изменить вектор украинской внешней политики в сторону сближения с Россией?

— Я думаю, о радикальных переменах говорить пока рано. Во-первых, проблемы, которые с 2004 г. искусственно привносились в украинско-российские отношения, завязались в слишком тугий узел. Глупо теперь рубить с плеча. А постепенное распутывание этого клубка потребует и терпения, и политической воли, и, конечно, времени.

Во-вторых, программа украинского правительства еще не обнародована. И меня лично настораживает тот факт, что в составе нового Кабинета министров Украины остались люди, которые, как кажется, всегда выступали марионетками так называемых западных партнеров Украины. Это самые рьяные противники сотрудничества с партнерами по СНГ и отдельно с Россией. Им не важно — с кем, важно — против кого.

— Почему марионетками? Западные структуры не демонстрируют готовности принять Украину в свои ряды. Возможно, украинские чиновники сами, без посторонних подсказок определили евроинтеграционный вектор как наиболее соответствующий национальным интересам?

— Я не могу согласиться с последним утверждением, так как знаю, что ни одно украинское ведомство не проводило глубоких расчетов, не делало обоснованных прогнозов, чтобы утверждать: это выгодно государству, а это — нет. Министр иностранных дел Борис Тарасюк несколько раз заявлял, что СНГ — “мертвая структура”, что сотрудничество Украины с партнерами по “Содружеству” неэффективно. Привел ли он хоть одну цифру, подтверждающую такое смелое заявление? Нет, только пустые декларации. Официальный Киев два года морочит голову участникам Единого экономического пространства (ЕЭП): то будем вступать, то не будем, то вступим, но с оговорками.

Что за это время произошло в реальной экономике? В 2004 г. на Украину приходилось 5,9% российского экспорта, в 2005-м — 5,1%. Объем импорта украинских товаров в Россию сократился с 8,1% в 2004-м до 7,9% в 2005-м. Мы еще не видели данных за этот год, но они, уверяю вас, будут более впечатляющими. Ведь на 2006-й пришелся основной удар торговых войн.

Что в результате получила Украина? Около половины предприятий мясо-молочной промышленности оказались под угрозой банкротства, ряд крупнейших металлургических комбинатов фактически потеряли рынок сбыта отдельных видов продукции. Зерно, сахар, прокат, цены на нефтепродукты — любая значимая для украинской казны сфера превратилась за год в “проблемный вопрос”. Объемы импорта западных товаров увеличились, объемы экспорта украинских на Запад — сократились. Какой еще рынок заменит украинским производителям потерю позиций на российском? Грузинский, емкость которого в сотни раз меньше? Или американский? Даже сегодня объем украинского товарооборота с Россией составляет 22 млрд долл., а с США — всего 2,2 млрд. Да и что Украина может предложить Штатам?

— Но прозападные украинские политики обвиняют Россию как раз в том, что она пытается “купить” независимость Украины дешевыми энергоносителями и торговыми преференциями, что торговые войны — следствие политического давления.

— Это смешно. Зачем России “покупать” Украину? Чтобы получить дополнительный ворох сложнейших проблем? Некоторые украинские политики, видимо, не понимают, в каком веке живут. Или, очень хорошо все понимая, эксплуатируют выгодную лично им идею “российской угрозы” в надежде по-

лучить западную помощь. Лично для меня, очевидно, что экономическая стратегия России определяется совсем не в первую очередь политическими интересами. В конце концов, Украина в ее нынешнем состоянии не настолько завидный партнер (это все же не США и не Китай), чтобы во имя политического взаимопонимания с ней Россия забыла о своих экономических интересах. Растет цена на нефть в мире — мы по соответствующей международной формуле повышаем экспортную пошлину на сырье. А что это сказывается на стоимости бензина в Украине — так это не происки Москвы, а объективная ситуация на рынке.

— Но ведь ранее звучали осторожные предположения, что в случае участия в ЕЭП Украина может рассчитывать на снижение цены на нефть и газ?

— Не знаю, кто и почему делал такие прогнозы. Наша корпорация — акционер “Газпрома”. Но мы знаем точно, что цена газа определяется не в Кремле и даже не в “Газпроме”, а на мировом рынке. Прошло время, когда лично премьеры во время дружеских посиделок решали, что сколько стоит. Сейчас контракты подписываются крупными компаниями в рамках корпоративных, а не межгосударственных отношений. Кстати, именно этого добивалась новая “оранжевая” украинская власть. Я тоже считаю, что такой формат отношений лучше прежнего, поскольку он прозрачен, диктуется чисто прагматичными соображениями, а не дружескими мотивами. Сразу же все встало на свои места, стало ясно, что дело не в борьбе за политические принципы, за независимость и суверенитет, а только в мировой конъюнктуре цен на энергоносители.

— Судя по последним публикациям в СМИ, переговорная позиция российской стороны по газу все же имеет второе дно: если Украина согласится передать в собственность либо в концессию “Газпрому” свою газотранспортную систему, то она якобы получит льготные цены на газ...

— Если “Газпром” сочтет, что это ему выгодно, он может начать такие переговоры — дело хозяйствующих субъектов. Хотя мне ничего о таких планах не известно. Думаю, это просто предположения журналистов. Украинская власть и при Кучме, и при Ющенко относилась к магистральным газопроводам как к

неприкасаемому национальному достоянию. Ранее, насколько мне известно, любой вопрос о возможности смены собственника “трубы” завершился в Украине политической истерикой о посягательстве на святая святых, об угрозе независимости. На этом ни один политик заработал неплохие дивиденды. Юлия Тимошенко, помнится, даже написала статью о российско-украинских газовых отношениях под кричащим названием “Труба” украинской экономической независимости”.

Если реально смотреть на вещи, то нужно признать: мы говорим всего лишь об одном, хоть и очень разветвленном магистральном газопроводе, который был построен более 30 лет тому назад. По официальным данным, на сегодня до 80% всех труб и около 60% компрессорных агрегатов требуют немедленной замены, что обойдется стране в 2–2,5 млрд долл. в год. Работы могут продлиться несколько лет, встречаются разные оценки. Но у Украины нет таких денег, и никто даже не начинал модернизировать устаревший газопровод.

Вот немцы и французы пару лет тому назад заинтересовались участием в газотранспортном консорциуме с Украиной и Россией, все хорошо подсчитали и... подписали контракты о строительстве нового Северо-Европейского газопровода. Он будет проложен по дну Балтийского и Северного морей. Оказалось, европейцам выгоднее вложить деньги в этот проект и получать российский газ по обходному маршруту. Ценность украинского газопровода — это миф, это временное явление. Украинское правительство не создает на базе этой собственности привлекательного для инвесторов проекта.

— Можно предположить, что подоплека кроется в неких договоренностях Киева с Вашингтоном: не случайно ведь новый посол США Уильям Тейлор считает одной из важнейших своих миссий диверсификацию поставок энергоносителей в Украину?

— Миссия миссией, но сейчас до 80% нефти и газа Украина получает из России. Неясно, чем американцы могут заменить эти поставки. В этом смысле наглядным примером можно считать построенный “под опекой” США новый украинский нефтепровод “Одесса—Броды”. Предполагалось, что по нему каспийская нефть будет транспортироваться в Европу. Но открылся маршрут “Баку—Тбилиси—Джейхан”, параллельно Казахстан подписал соглашения о поставках нефти в Китай,

Иран. И американцы охладели к украинскому проекту, его польская ветка так и не достроена. Попытались, еще при Кучме, переориентировать простаивающий нефтепровод, чтобы качать российскую нефть с запада Украины в одесский порт. Думаю, не стоит вдаваться в подробности экономической выгоды таких нефтяных маневров. Как и с газопроводами, украинские ура-патриоты подняли крик об угрозе национальным интересам из-за сотрудничества с российскими нефтяными компаниями.

Все, никакой угрозы нет! И пока украинский трубопровод превращается в металлолом, российские нефтяники подписали два серьезных соглашения о создании новых маршрутов транспортировки нефти: из болгарского порта Бургас на Черном море до порта Влера на албанском побережье Адриатики и до средиземноморского Александруполиса в Греции.

Вашингтон руководствуется не украинскими, а своими, американскими интересами, выстраивая геополитические модели. Игроками здесь выступают Россия—Китай, а Украине отводится роль декорации, статиста, плацдарма, если хотите. Но, по понятным причинам, американцы вслух об этом не говорят, а вместо этого поют дипломатические песни о значимости и важности Украины в создании нового миропорядка. Другой вопрос, по каким причинам официальные лица в Киеве принимают все это всерьез, подстраивают шаг под американские речевки о недопустимости расширения сотрудничества с Россией или участия в создании ЕЭП.

— Членство в ЕЭП, на ваш взгляд, способно решить украинские проблемы?

— Некоторые — совершенно точно. Во-первых, в рамках Таможенного союза Украина получила бы доступ на огромные рынки: Россия, Белоруссия, Казахстан, ее товары и услуги были бы востребованы. Это само по себе является мощным стимулом к развитию экономики. Во-вторых, появился бы шанс возродить или усилить те отрасли, которые Украина самостоятельно “тянуть” не в состоянии. Скажем, самолетостроение. Сколько лет длится волокита с проектами “Ан-70”, “Ан-140”? Кому это выгодно? Возможно, натовцам, которые отнюдь не заинтересованы в создании мощных производств-конкурентов. Военно-оборонная промышленность — это сложнейший комплекс, основа которого досталась нам от СССР. И что же, нужно

его окончательно разрушить в ущерб не только обороноспособности, но и собственной экономике, развитию науки, чтобы только угодить заокеанским партнерам? Они взамен обещают принять Украину в НАТО. Но, спрашивается, нужна ли НАТО слабая Украина — в оборонном, экономическом, научно-техническом, в конце концов, политическом смысле? Конечно, это дело украинского руководства, на кого и на что ориентироваться во внешней политике. На мой взгляд, очевидно, что перспективны только союзы равных, ибо каждый член такого объединения заинтересован в усилении партнеров.

— Но, судя по ситуации с ценами на газ, Россия тоже не занимается благотворительностью ради усиления своих партнеров?

— Знаете, а есть ведь другая сторона этого вопроса: может ли Украина позволить себе покупать, как прежде, 56–60 млрд куб.м “дорогого” газа при наличии около 20 млрд собственной добычи и, главное, нужны ли ей такие объемы? Как они расходуются? Точных данных вы не получите ни в одном украинском ведомстве. Чиновники говорят, что структура промышленности неэффективна, чрезмерно энергоемка, что производственные мощности устарели и требуют замены. Так приватизируйте то, что еще можно продать, и пусть инвестор меняет оборудование на современное, энергосберегающее. Или закрывайте те предприятия, которые ничего не производят, но тянут бюджетные деньги и дорогие энергоресурсы! Вот когда такие вопросы начнут решаться, можно будет говорить о переменах в украинской экономической политике.

Но Фонд госимущества Украины (ФГИ), как и раньше, руководствуется историческим материализмом, основная цель деятельности которого есть сохранение максимального количества предприятий в госсобственности. Пусть рушится, простаивает, проедает деньги и развращает “директоров” — лишь бы не досталось капиталистам. У Ющенко — одна линия, у председателя правительства — другое видение, у главы ФГИ — свои принципы. Вот и вся государственная стратегия. Ни разобраться в этом, ни прогнозировать развитие ситуации совершенно невозможно.

— Это в вас говорит личная обида на украинский Фонд государственного имущества? Как известно, Национальная резервная

корпорация, руководителем которой вы являетесь, судится с ФГИ по поводу киевской гостиницы “Украина”?

— Нет, это с нами судится множество украинских ведомств, в том числе и ФГИ. Но дело не в гостинице, а в системе власти, в отношении госорганов к иностранным инвесторам. Это очень серьезная проблема. Гостиница, которая по иронии судьбы архитектурным монстром нависает над теперь всемирно известным майданом Независимости, может считаться зеркалом, отражающим инвестиционный климат в Украине.

Коротко все выглядит так: в 2004 г., до “революции” аффилированная с НРК “Коммерческая компания” заплатила взнос в 20 млн долл. за участие в ЗАО “Отель “Украина”, созданном с целью реконструкции гостиницы. Уставный капитал СП составил около 40 млн долларов. “Коммерческая компания” оплатила взнос деньгами, а взносом Фонда госимущества стало здание гостиницы. Планировалось создание пятизвездочного отеля, в который “Коммерческая компания” готова была инвестировать от 100 до 450 млн долл. в зависимости от проекта. Однако весной 2005 г. некие влиятельные лица решили, что им тоже нужно место в центре Киева, и городская прокуратура неожиданно подала в суд иск о недействительности создания ЗАО “Отель “Украина”. Далее понеслось снежным комом: правительство Украины внесло гостиницу “Украина” в перечень объектов, подлежащих приватизации, в суды первой инстанции поступили иски от десятка украинских ведомств.

За год дело в судах не сдвинулось с мертвой точки. А как оно сдвинется, если у “Коммерческой компании” стопроцентно законная позиция, юридически все оформлено безукоризненно, судиться с нею бесполезно. Таинственные “конкуренты-оппоненты”, затеявшие всю эту возню, тоже не хотят отступать. В качестве “приглашения к разговору” они использовали арест юрконсультанта НРБ по гостинице, моего советника Владимира Ткача. Человека с марта по совершенно надуманным обвинениям содержат под арестом! Я внес залог в 250 тыс. долларов (при официально предъявленном обвинении в мошенничестве на сумму около 25 тыс. долларов) — посмотрим...

Несколько раз письменно обращался к Президенту Украины — ни одного ответа. В Украине вообще делают вид, что ни-

чего не происходит. Ну, отбирают у инвестора собственность — что такого?! Хватают человека на улице и двое суток держат, по сути, в заложниках, пока российское посольство не вмешалось, — и что? Предъявляют липовое обвинение, держат в КПЗ 6 месяцев! Это новая честная власть, которая при поддержке США строит настоящую, радикально отличающуюся от российской модель демократии?

— **Это только Национальной резервной компании так “повезло”?**

— Почему только НРК? Насколько мне известно, Украинский союз промышленников и предпринимателей недавно обратился к Виктору Ющенко с письмом, в котором призывает прекратить масштабнейший теневой передел собственности, который угрожает стабильности экономики. Приводятся десятки случаев, которые стали достоянием гласности. А сколько их на самом деле? Украинский филиал ЕБРР озабочен проблемами крупных западных клиентов, которые имели неосторожность инвестировать деньги в украинские предприятия и теперь не могут отбиться от предприимчивых “оранжевых” бизнесменов.

Кроме ситуации с киевской гостиницей у НРК проблема в банковском секторе: Сбербанку не дают купить “НРК-Украина”. Но в таком же положении одновременно с россиянами оказался крупнейший итальянский банк, который считается наиболее динамично развивающимся в Европе: Banca Intesa противодействуют в покупке Укрсоцбанка. Схемы разные, но суть одна: закон что дышло...

Да что там бизнес-проекты — у НРК требуют взятки за благотворительность! Хотите отреставрировать музей Волошина, театр имени Чехова, алуштинскую набережную — платите. Это ли те “чистые руки” во власти, которые, как говорит президент Ющенко, “никогда не крали”?

Все, что происходит в Украине в последние полтора года, на мой взгляд, свидетельствует о том, что окружение Ющенко по большому счету в худшую сторону отличается от команды Кучмы. Прежние уже “наелись”, они хотя бы делали вид, что придерживаются неких законов и правил, а новые идут напролом, им еще многое нужно успеть, им может не хватить “благ”, уже не хватает...

— **Расскажите подробнее об аресте и содержании в киевском СИЗО вашего помощника, гражданина Российской Федерации Владимира Ткача.**

— Цель ареста Владимира Ткача состоит: во-первых, заставить нас отказаться от собственности в Украине, которая принадлежит Национальной резервной корпорации, “выбив” из процесса специалиста, хорошо знающего ситуацию вокруг реконструкции гостиницы “Украина”. Обвинения в адрес Владимира Ткача абсурдны. Киевские следователи заявили, что арестованный гипнотизировал своих клиентов и вымогал деньги. Это же нонсенс, полная абракадабра.

Руководство Государственной думы, председатели профильных комитетов, Министерство иностранных дел РФ, уполномоченный по правам человека РФ информированы и в письменных обращениях к первым лицам Украинского государства обратили внимание украинских властей на незаконность ареста Владимира Ткача. Убежден, что гражданин Ткач никакой угрозы для украинского общества не представляет. В этой ситуации арест как мера пресечения абсолютно не обоснован. Сажать его в одну камеру с больными туберкулезом людьми — преступление.

Мне вообще непонятно, почему Владимира в течение двух дней прятали украинские правоохранительные органы. Между прочим, у Ткача маленькая дочь и жена, престарелые родители — на иждивении. Хочу обратить внимание на то, как судят российского гражданина в Киеве. Известный украинский политик Александр Зинченко в интервью украинским агентствам заявил, что “недопущение адвоката, неуведомление родственников о самом факте задержания, провокации в офисе, недопущение консула Российской Федерации в зал суда — это классический пример того, как “клеится” дело и как нарушаются права человека”. Лично я думаю, что Владимир Ткач стал одной из первых жертв так называемого тотального наступления “оранжевой” элиты на законные и легитимные российские экономические интересы в Украине.

— **Возвращение во власть Януковича, на ваш взгляд, уравновесит “оранжевых” или донецкая группа станет делить переделенное?**

— Насколько я могу судить, Виктор Янукович сегодня очень

отличается от прежнего Януковича — кандидата на пост президента. Самое главное, что он политически независим, у него руки развязаны, за ним не стоит тень Леонида Кучмы, как это было на минувших президентских выборах в Украине. И это очень важно. Сама по себе донецкая группа бизнесмена Рината Ахметова, с которой связывают Януковича, доказала умение работать системно. В конце концов, не случайно Донецкая область считается в Украине “государством в государстве”: промышленность работает, создан абсолютно автономный замкнутый цикл. Я с надеждой смотрю на новую конфигурацию украинской власти, если только Янукович не будет обращать внимания на вопли псевдопатриотов.

— Другими словами, вы оптимистически смотрите на перспективы развития российско-украинского экономического сотрудничества, в том числе и на продвижение своих финансовых и благотворительных проектов в Украине?

— Естественно. Здравый смысл, прагматизм, взаимовыгодные интересы будут определять будущее отношений наших стран. Это и есть те европейские демократические ценности в межгосударственных отношениях, о которых пока декларативно говорят киевские политики. Акцентируя внимание на проблемы в отношениях России и Украины, убежден, что российский капитал будет присутствовать на украинском рынке услуг, российский бизнес будет участвовать в приватизации украинских предприятий, а совместные благотворительные проекты станут важным фактором укрепления дружбы российского и украинского народов. Российские бизнесмены и банкиры уверены, что уже в ближайшее время парламентарии России и Украины придут к согласию, договорятся о правовых механизмах и гарантиях защиты своих капиталов и финансовой деятельности в Украине.

А пока я попросил всех лидеров российского бизнеса в Украине обратиться к новому премьер-министру и вновь к Президенту Украины отпустить В.Ткача из-под стражи под залог. И не надо объяснять мне про независимость Печерского суда, непредвзятость правоохранительных органов правосудия и др. Это банальный заказ — такой же, намерение бороться с которыми нашел в себе мужество недавно заявить наш генпрокурор Юрий Чайка.

Шашки в ножны

Тот факт, что визит Владимира Путина в Украину проходит в предпоследнюю предновогоднюю неделю, нельзя не назвать знаковым. Мы все ожидаем, что эта поездка станет символом смены вех в развитии российско-украинских отношений — уж больно много недомолвок, недоговоренностей, недопониманий и недоразумений возникло между нами в последние два года. Сейчас не только у меня, но и у всех, кто так или иначе занимается связями с Украиной в России, есть хорошее предчувствие. И оно вполне рационально, ибо имеет много оснований.

Будучи по природе оптимистом, я всегда считал, что отношения между нашими государствами обречены быть такими, как им положено быть по букве подписанного почти 10 лет назад Большого договора, — “дружескими, сотрудническими и стратегически партнерскими”. Как говорится, лучше не скажешь. Такова природа двух великих славянских народов, имеющих общий этнический корень и общую историю. Именно поэтому, кстати, я испытал чувство неловкости, если не сказать вины, в связи с крайне неудачными высказываниями коллег по партии и фракции “Единая Россия” в связи с недавним решением Верховной рады о голодоморе. Ведь это часть общей трагедии всех народов СССР в XX веке. От репрессий, ГУЛАГа, раскулачивания, голода пострадали народы и Украины, и России. Мы должны дать этому объективную оценку, чтобы ничего подобного не повторилось. И об этом — замечу, совсем недавно, в отмечаемый у нас День политзаключенного — говорил Владимир Путин.

Политическая конъюнктура, конечно, может вносить свои коррективы в процесс взаимодействия, но та самая природа все равно возьмет свое. Именно это мы могли наблюдать в последний, весьма трудный период. Я хорошо помню, какие апокалиптические настроения витали в нашей политической элите на исходе 2004 г. Многим казалось, что Украина стала чуть ли не враждебным государством, отдельные политики всерьез ставили вопрос о санкциях. В то же время в Киеве, в атмосфере всеобщей эйфории, раздавались призывы отгородиться от России колючей проволокой, срочно бежать в НАТО и Евросоюз, где Украи-

ну якобы ждут с распростертыми объятиями. Надо честно признать, что кое-какие волонтаристские шаги и с той, и с другой стороны, наносящие ущерб двусторонним отношениям, имели место. Украинское правительство попыталось развернуть полномасштабную кампанию по переделу собственности, попутно экспроприировав имущество у успешных вложиться в экономику Украины россиян. Россияне тоже не остались в долгу, устроив под Рождество маленькую газовую “войну нервов”.

Надо сказать, что не все эти проблемы разрешены. Инвесторы до сих пор бегают по украинским судам и готовят иски в суды международные, а запах газа по-прежнему портит атмосферу в торгово-экономических делах. Но время лечит, и сама жизнь способствует протрезвлению особо горячих голов по обе стороны границы. Когда на повестку дня встали вполне практические вопросы, шашки пришлось убрать в ножны. В этом смысле поворот в украинской внутренней политике, который случился в уходящем году, был вполне органичен, и он соответствовал общей конфигурации поворота в российско-украинских отношениях.

Убежден, что все у нас наладится. Надо просто вывести за скобки то, что вызывает непримиримые противоречия (например, то же НАТО), и делать общие дела. Список этих общих дел и должен стать повесткой дня отношений между Украиной и Россией. В современном мире, где государства и нации находятся в условиях жесткой, а подчас жестокой конкурентной борьбы, лучше выживать вместе, а не порознь. Совместные проекты в энергетике и транспортной инфраструктуре, в авиационной промышленности и высоких технологиях, в создании систем вооружений могут работать на обе страны, увеличивая общий потенциал.

Только не надо забывать о деталях, в которых зачастую прячется враг рода человеческого. Испытываешь психологический дискомфорт, когда обсуждаешь с украинскими коллегами какие-то экономические проекты, зная при этом, что российский гражданин Владимир Ткач скоро год как сидит по сфабрикованному обвинению в Киевском СИЗО, а бизнес его уничтожен правоохранительными органами Украины. Просто потому, что он подвернулся под руку местным “оборотням в погонах”, участвующим в переделе собственности. Хорошо бы, чтобы таких “гуманитарных проблем” у нас с Украиной не было.

“Нужно переводить отношения между Украиной и Россией в прагматичное, экономически выверенное русло”

— Александр Евгеньевич, сегодня проходит рабочий визит Владимира Путина в Киев. В рамках межгосударственной “Комиссии Путин—Ющенко” можно было бы обсудить проблемы сотрудничества России и Украины в авиастроительном комплексе?

— На мой взгляд, такой диалог в Киеве был бы крайне важным для развития экономического сотрудничества наших стран. Ведь кроме разговоров, полемики, споров, препирательств, ультиматумов об энергоресурсах — газе, нефтепродуктах, в отношениях России и Украины больше никаких тем нет. Предлагаю расширить повестку дня.

Например, есть предложение российской компании “Ильюшин Финанс”. Она достаточно давно подготовила инвестиционное предложение для украинского правительства по объединению киевского АНТК им. Антонова, Харьковского авиационного завода, Воронежского авиационного завода и авиакомпания “Аэрофлот” в единую корпорацию. Главная цель проекта — это инвестиционная поддержка выпуска украинского реактивного пассажирского самолета “Ан-148”.

Это предложение крайне выгодное и для Киева. Я не думаю, что в Украине кто-то найдет несколько сот миллионов долларов на этот проект, так что наше предложение заслуживает внимания. В свою очередь компания “Ильюшин Финанс” готова приобрести для “Аэрофлота” 30 самолетов “Ан-148”, и сумма этой сделки ориентировочно может составить 420–480 млн долларов.

Я прекрасно знаю реакцию на это предложение украинских ура-патриотов, которые, конечно же, “не отдадут врагу национальное достояние”. Однако здравый смысл должен победить. Ведь во время недавнего рабочего визита в Москву украинский премьер-министр Виктор Янукович заявил о том, что Украина хотела бы участвовать в совместных проектах в рамках Единого экономического пространства стран СНГ. По моим наблюдениям, Президент Украины Виктор Ющенко в последнее время радикально меняет свои взгляды на сотрудничество с Россией и

понимает очевидную необходимость интеграции украинских и российских авиастроителей.

— На ваш взгляд российские законодатели принимали участие в подготовке встречи двух президентов, особенно межгосударственной “Комиссии Путин—Ющенко”?

— Я заместитель председателя Комитета Государственной думы по делам СНГ и являюсь координатором парламентской группы по связям с парламентом Украины. В рамках работы этой группы мои коллеги-законодатели, ученые из центра проблем интеграции Института экономики РАН РФ подготовили “Концепцию взаимоотношений между Российской Федерацией и Украиной в межпарламентской сфере”. Это серьезный документ, и мне очень жаль, что “Единая Россия” никак не найдет времени утвердить эту программу, хотя над идеями и смыслами, заложенными в этом документе, мы работали в течение двух лет по поручению, между прочим, фракции “Единая Россия”. Так вот, если в Администрации президента, в российском правительстве знакомы с Концепцией, то я уверен, что законодатели внесли свой вклад в подготовку встречи, которая состоится завтра в Киеве.

— Может ли стать предметом диалога двух президентов правовая защита российских граждан, в том числе и незаконный арест гражданина РФ Владимира Ткача в Украине?

— Было бы очень неплохо, чтобы в повестку дня обсуждаемых проблем президентов Владимира Путина и Виктора Ющенко внести вопрос о защите прав российских граждан в Украине. Я написал Президенту РФ письмо с просьбой оказать содействие в решении этого вопроса. О “деле Владимира Ткача” знают и уполномоченный по правам человека России Владимир Лукин, председатель Комитета по правам человека при Президенте РФ Элла Панфилова, МИД РФ, знают депутаты в Государственной думе и Верховной раде, об этом пишут российские и украинские СМИ.

Владимир Ткач никакой угрозы для украинского общества не представляет. Он сам хочет защитить свою честь и достоинство, как можно быстрее опровергнуть все те нелепые обвинения, которые звучат. Интересно, что украинское правосудие залог за освобождение Ткача не берет, поручительство не принимает. Я убежден, что дело в суде развалится. И те, кто его держат

в тюрьме, будут отвечать. Спрашивается, что, в Украине много бюджетных денег, чтобы платить за судебные ошибки прокуратуры и судов?

Напомню, что я направил письма о “деле Ткача” лидерам всех ведущих политических сил Украины: Виктору Януковичу (“Партия регионов”), Юлии Тимошенко (БЮТ), Александру Морозу (СПУ), Петру Симоненко (КПУ).

Если честно, то я исчерпал все свои возможности. Вчера на заседании Государственной думы я был вынужден заявить, что на незаконные аресты граждан России необходимо отвечать симметричными мерами. Я попросил своих коллег-законодателей дать протокольное поручение в связи с арестом в Киеве Владимира Ткача и сделать официальное заявление по этой недружественной акции в отношении Владимира Ткача украинских властей. Считаю, что “дело Ткача” — это всего лишь нечистоплотный инструмент давления на меня. И дело здесь в моей собственности в Украине, в тех инвестициях, которые вложила НРБ в реконструкцию гостиницы “Украина” в Киеве.

— Лидер украинской оппозиции Юлия Тимошенко заявила, что Владимиру Путину не имеет смысла встречаться с правительством Януковича, которое вскоре будет отправлено в отставку. Как вы считаете, насколько серьезно повлияет на визит Президента РФ очередной политический кризис в Украине?

— Я уверен, что нам пора оставить порочную практику ситуативного решения межгосударственных проблем: предполагается, что при правительстве Тимошенко — одна линия, для Януковича — другая. Для России, как, впрочем, и для Украины не должно быть главным имя премьера (и даже президента) при определении стратегических направлений сотрудничества. Ведь от решения тех острых проблем, которые обсуждаются сегодня между Москвой и Киевом, зависит не только одно поколение политиков и чиновников, сейчас закладываются основы отношений двух государств и народов на многие поколения вперед. С этой точки зрения пора абстрагироваться от текущей ситуации, кризисов, выборов и задуматься об относительно далеком будущем, в котором будут по-соседски жить наши дети и внуки.

Нужно переводить отношения между Украиной и Россией в прагматичное, экономически выверенное русло. Тогда отстаивание каждой страной своих интересов будет восприниматься

не как попытка энергетического шантажа или политического давления, а только как разумная забота о национальной безопасности. В таком русле, я уверен, можно найти компромиссные решения очень многих двусторонних проблем, которые до сих пор считались неразрешимыми.

— Например, проблемы базирования Черноморского флота в Севастополе?

— Я задам встречный вопрос: а существует ли такая проблема? В чем она заключается? Украина взяла на себя обязательства до 2017 г. и пока не намерена их нарушать. Нам сейчас нужно хорошо подумать и решить, стоит ли добиваться продления сроков базирования или в этом нет необходимости. Этот вопрос относится к компетенции специалистов по обороне, безопасности, международной политике, глупо переносить его “на кухни”.

Есть другая сторона медали — условия базирования флота. Украинская сторона действительно ставит палки в колеса: пытается отобрать инфраструктуру, заявляет о повышении арендной платы и т.п. Но такие проблемы возникают именно по причине излишней эмоциональной перегруженности наших межгосударственных отношений: с Кучмой дружили — по-дружески договорились об удобных условиях; а Ющенко пришел и установил другие правила, потому что обиделся из-за цены энергоносителей. Это же ненормально! Есть закон, межгосударственные соглашения, есть правила международных отношений — по ним нужно действовать, вне зависимости от того, кто с кем в каких отношениях. Тогда мы сможем называться цивилизованными государствами. Впрочем, это касается не только проблем флота.

— Чего еще? Поставок газа?

— И газа тоже. Но, кстати, это в первую очередь проблема официального Киева. Они, защищая свои интересы, вносят тему формирования цены на энергоносители в повестку дня встречи президентов. Мы же можем и будем инициировать другие темы, которые лежат в русле наших национальных интересов. Скажем, вопрос интеграции Украины в Единое экономическое пространство. Два года Киев тянет с ответом на вопрос, будут ли они участвовать в “четверке”: то да, то нет — в зависимости от текущего момента.

Это похоже на торг — если в рамках ЕЭП всем будут раздавать дешевые энергоносители, тогда мы вступим... Разве это государственная позиция? Никто в современном мире никому ничего не “раздает”.

ЕЭП — не благотворительное общество, которое Россия создает, чтобы потешить свое самолюбие. Это действенный механизм коллективной защиты национальных интересов. Вместе легче производить, легче выходить на рынки третьих стран, проще добиваться приемлемых правил и условий сотрудничества. Хотите создать успешную экономику — напрягайтесь, создавайте, давайте вместе работать для достижения общей цели и каждый для своей страны. В Украине есть такая смешная поговорка: “Вместе легче и батька бить”. Иными словами, когда мы вместе, то можем сделать невозможное.

— Вы, как известно, выступаете за восстановление производственных циклов и корпоративных связей между Украиной и Россией. Это выгодно государству или бизнесу?

— Воссоединение созданных при СССР и разорванных в 1990-х гг. производственных циклов выгодно всем — бизнесу, обоим государствам, нашим народам. И об этом говорю не только я. В Украине немало трезвомыслящих и опытных людей, которые понимают, что только так мы можем стать конкурентоспособными и отвоевать место под солнцем на мировых рынках. Бывший Секретарь Совета нацбезопасности и обороны Украины Анатолий Кинах, экс-премьер-министр Юрий Ехануров (кстати, представители фракции Виктора Ющенко, которых сложно заподозрить в пророссийском лоббизме) настойчиво проводили идею о необходимости производственной кооперации. Без нее погибнут целые украинские отрасли — самолетостроение, оборонная промышленность, химия...

Но кто их услышал за воплями украинских ура-патриотов, которые готовы сами все уничтожить, только бы не сотрудничать с “врагом”? Пусть разваливается газотранспортная система — с шестидесятых годов без ремонта! — но не отдадим никому наше национальное достояние. Пусть простаивают цеха авиазаводов, уезжают на Запад целые конструкторские бюро, но формально-то оно наше. Кому от этого польза?

Вот это и есть та проблема, которая, на мой взгляд, должна бы беспокоить украинскую власть: что даст государству эта по-

зиция собаки на сене, какой будет страна и ее экономика через десять, двадцать лет, такой ли — разрушенной и ослабленной — они хотят оставить Украину своим детям? Может, пора уже умерить амбиции и эмоции, посмотреть на ситуацию по-деловому и выработать стратегию взаимодействия во имя процветания и Украины, и России. Это — вопрос уровня президентов. И его решение, конечно, в интересах не только и не столько бизнеса, гораздо больше пользы оно принесет нашим странам и народам.

ПОЛЕМИКА

К сожалению, далеко не всегда редакторы газет дают возможность ответить на те или иные материалы — даже в том случае, когда они представляют собой прямой выпад в адрес Александра Лебедева. Поэтому некоторые его реплики размещены только в его живом журнале (ЖЖ) в Интернете. Справедливости ради необходимо отметить, что аудитория у журнала зачастую значительно шире, чем у тех СМИ, которые считают его персоной нон-грата.

Со Станиславом Белковским и Романом Каревым

Новейший Франкенштейн

Логика нацпроектирования

Ровно год назад, 5 сентября, Владимир Путин объявил о начале реализации так называемых национальных проектов. Наблюдатели сразу предположили, что на самом деле нацпроекты нужны, чтобы сформировать в народе представление о “социально ориентированной” власти, а также создать благоприятные условия для реализации главного нацпроекта под названием “Преемник-2008”. Не случайно первый из потенциальных преемников Дмитрий Медведев стал куратором нацпроектов и фактическим руководителем совета по их реализации.

Но по прошествии года большинству наблюдателей, не исключая вполне лояльных Кремлю, очевидно, что нацпроекты отчаянно буксуют. И не приносят ожидаемых результатов не только по сути, но даже и в области пиара. По данным ВЦИОМа, 57%

жителей России считают, что нацпроекты не окажут существенного влияния на их жизнь. 43% уверены, что деньги будут использованы неэффективно, а 31% — что просто разворованы. И только 13% верят в успешное освоение нацпроектных капиталов.

Похоже, не очень уверен в успехе и кандидат в преемники. Не случайно в последние месяцы на заседаниях по нацпроектам Дмитрий Медведев все чаще пытается стучать кулаком по столу и призывать к ответу бюрократов-саботажников. А сроки реализации проектов сдвигаются. Вице-премьер уже говорил, что “ряд направлений должен быть продолжен и за пределами 2007 года”, а правительству необходимо “детально посмотреть” на финансовый план 2008–2009 гг. с учетом национальных проектов. Это значит, что до выборов предьявить народу заслуживающий доверия результат уже не получается.

Аппаратные противники Дмитрия Медведева, неформально возглавляемые помощником президента Игорем Сечиным, уже предвкушают локальный триумф. Преемник № 1 не справился с задачей, которая казалась такой простой и благодарной!

Впрочем, Медведев, как бы ни оценивали его политико-управленческие способности, в данном случае не главный виновник. Фундаментальная ошибка кроется в самой концепции нацпроектов, вполне отражающей базовую логику путинской администрации, — подменить системные преобразования, реальное лечение болезни точечными мероприятиями (преимущественно рекламными), на короткое время снимающими боль. Философия нацпроектов (первым теоретиком которых был еще Александр Волошин) базируется на двух соображениях, отражающих эту логику.

Первое: чтобы не решать проблему в целом, надо коррумпировать (подкупить) часть той социальной страты, которая отвечает за общественные представления о проблеме. Второе: каждая госпрограмма должна быть коммерческой, то есть позволить обогатиться некоторой части бюрократии, иначе она не имеет смысла.

Механизмы несправедливости

Однако нацпроектировщики проигнорировали некоторые важные особенности национальной психологии русского народа. Не учли, что в России любые действия власти, усугубля-

ющие социальное неравенство, будут непопулярными, в том числе и среди тех, чье материальное положение они улучшают. Ибо справедливость для русского человека важнее успеха и выше прибыли. Поэтому четыре нацпроекта с самого начала были обречены на трудную борьбу описанной выше кремлевской логики с жизнью. Посмотрим на эту борьбу в разрезе каждого проекта.

Подлинная цель проекта “Доступное жилье” состояла в том, чтобы преемника поддержал средний класс. Так обычная коммерческая ипотека получила высокий национально-государственный статус. О том, что расширение ипотечного кредитования без радикальных мер, позволяющих быстро и многократно увеличить предложение жилья, ведет к росту цен, своевременно не подумали. В результате в январе—июне 2006 г. цены на жилье в России выросли в среднем на 35–40%, а себестоимость строительства — на 20%. Цена однокомнатной квартиры достигла \$120–140 тыс. в Москве, \$55–75 тыс. — в Екатеринбурге. Представитель среднего класса зарабатывает сегодня около \$650 в месяц, и, откладывая на покупку жилья треть доходов, 25-летний россиянин сможет овладеть московской “однушкой” к 70 годам.

Еще одно непреодолимое препятствие — отсутствие достаточного количества земельных участков с необходимой инфраструктурой. С конца 1980-х в инфраструктуру вкладывались мало, а участки с хорошими коммуникациями взяли под контроль региональные и местные власти, точнее, их доверенные строительные и риелторские компании. Это и есть тот регионально-муниципальный саботаж, на который жалуется преемник Медведев. Но для того чтобы вырвать из горла “земельной мафии” этот кусок, вице-премьерского рвения мало.

Трудно предположить, что проблему национального здоровья может решить государство, выделяющее на медицину немногим более 2% ВВП. В то время как Всемирная организация здравоохранения рекомендует выделять 5%, а в странах G7 эти расходы находятся в диапазоне от 7 до 15% ВВП. Но нацпроект “Здоровье” и не предназначен для этого. Его настоящая цель — подкупить врачей общей практики, чтобы они рассказали нездоровому избирателю, сколь хорош кремлевский преемник. Именно поэтому было решено дать надбавки медикам так называемого первичного звена, непосредственно контактирую-

щим с максимальным числом пациентов. Из почти 700 тыс. врачей надбавки получили менее 67 тыс., из 1,5 млн медсестер и фельдшеров — примерно 75 тыс. Узкие специалисты — элита медицинского мира — оказались обойдены. Результат — отчетливое озлобление медицинской среды.

Нацпроект “Образование” предполагает точечное единовременное поощрение отдельных школ и учителей (как социальной страты, которая имеет немалое предвыборное влияние, особенно в глубинке). А именно — 4,5% всех школ и 0,66% российских учителей. Как отнесется к этому образовательное общество в целом, предположить нетрудно.

На нацпроектах по “сельскому хозяйству” погорело не одно поколение руководителей. Впрочем, Минсельхозпрод подошел к проекту с чисто рыночной ответственностью. Например, запланирована закупка за пределами России по рыночным ценам 100 тыс. голов элитного племенного скота. Такого количества живого товара в свободной продаже нет, и в результате старт аграрного проекта привел к росту цен на племенной скот на 22%. Здесь не видно не только попыток решения системных проблем отрасли, но даже и внятных попыток укрепить авторитет воображаемого преемника.

Новый Франкенштейн

Вывод достаточно очевиден. Национальные проекты становятся монстром, который обернется — и уже оборачивается — против породившего его Кремля. Федеральной власти следует как можно скорее перейти к консервации неуправляемых мегапроектов, способных поглотить миллиарды долларов без видимого результата, и перестать напоминать о них народу. Для триумфального введения преемника в Кремль, видимо, потребуется другая пиар-стратегия. Вот только маленькую победоносную войну развязать уже не удастся. Сейчас ведь не 1999 год. И кремлевским обитателям предстоит легализация в “мировом сообществе”, а здесь требуется известная щепетильность при выборе идей и методов.

Станислав Белковский,
учредитель Института национальной стратегии;
Роман Карев,
директор Института национальной стратегии

Гладко было на бумаге. Но и овраги не так страшны, как кажется

На днях мне посчастливилось поучаствовать в одном мероприятии, на котором обсуждались итоги первого года реализации национальных проектов. С трудом не заснув на выступлении пятнадцатого приглашенного, я поймал себя на мысли, что эксперты выступают по принципу *de mortuis aut bene, aut nihi* (о мертвых или хорошо, или ничего). Учитывая, что проекты все же “национальные”, я счел употребление такого рода конструкций непатриотичным и отогнал прочь навязчивую ассоциацию.

Однако же шутки в сторону. В отличие от когда-то выступавших в этом духе в “Коммерсанте” Станислава Белковского и Романа Карева, я не склонен излишне драматизировать ситуацию и приписывать нацпроектам черты Франкенштейна. Прежде всего потому, что не уверен, что само их появление имело исключительно пиаровскую подоплеку. Действительно, бытующие в обществе версии происхождения проектов можно грубо разделить на 4 группы:

1. Механизм изменения к лучшему ситуации в сельском хозяйстве, здравоохранении, образовании и доступном жилье;
2. Альтернатива неэффективному правительству и попытка продублировать белодомовскую бюрократию;
3. Способ отогнать недовольных от стабилизационного фонда, пожертвовав из трехсот миллиардов долларов шесть;
4. Предвыборный маневр понятно для чего.

Если официальная пропаганда не допускает никаких сомнений в том, что главенствует пункт 1, то критики действующей власти столь же уверенно указывают на пункт 4. Истина же в том, что имеют место быть все вышеперечисленные мотивы. Попросту потому, что наша правящая бюрократия, породившая и реализующая нацпроекты, весьма неоднородна, и различные ее группы преследуют различные цели. Так, президент, выступая год назад с идеей проектов, в большей степени был озабочен реальными социальными проблемами и (может быть, даже в большей степени) неспособностью правительства их решать.

Действительно, разве здравоохранение, образование, сельское хозяйство, жилищное строительство — это не те самые традиционные, рутинные вопросы, которыми просто обязано заниматься любое правительство? Разве это не его обязанность — без пинка от президента и комиссара в лице Дмитрия Медведева — взять из Стабфонда (которым оно распоряжается) деньги и направить на решение этих проблем? Не случайно многие до сих пор недоумевают (во многом справедливо), почему в число приоритетов попали строительство и АПК, но не попали ЖКХ, транспорт, высокие технологии, попали школа и медицина, но не попали демография, культура, борьба с преступностью вообще и наркотиками в частности. В общем, по уму надо было бы объявлять всю деятельность государства одним большим национальным проектом.

Вот тут-то и зарыта еще одна собака. Многие чиновники из “ненацпроектных” ведомств воспользовались объявленной президентом программой для того, чтобы оправдать собственное разгильдяйство. Дескать, “раз у них там приоритеты, нам тут на все наплевать”. Да и сами национальные проекты чем дальше, тем больше служат живым воплощением принципа “хотели как лучше, получилось как всегда” и лучшим подтверждением разговоров о том, что в России правит бал коррупция. Проект в области жилья пока привел лишь к беспрецедентному скачку цен на жилье.

Министр здравоохранения является коммерсантом от медицины, и министерство закупает то, что ему надо, в том числе оборудование, которое никому не нужно. Что касается школ, то можно, конечно, из десятков тысяч школ взять несколько тысяч и дать им по миллиону рублей. Но что можно купить на этот миллион в стране, где цены давным-давно выше, чем в Европе? Единственная отрасль, где наблюдается прогресс, — АПК. Но здесь есть нюанс.

Дело в том, что политика, которая осуществляется в сельском хозяйстве, достаточно стабильна за истекшие шесть лет. И ничего нового с национальным проектом там, по сути, не изменилось. Речь идет о системе косвенной поддержки. Это именно то, что и должно делать государство, — создавать правила игры и слегка помогать, завлекая туда сильный частный сектор. Так, недавно мне самому удалось поучаствовать в проекте по выращиванию картофеля. Для этого я отыскал регион с

вменяемыми чиновниками, где умерли почти все совхозы и колхозы, но есть неплохой чернозем. Осталось только импортировать обрусевших немцев, технологию, семена, оборудование, создать систему орошения. И вот, пожалуйста, — за восемь месяцев можно получить урожай в три раза выше, чем в среднем по стране.

Этот опыт говорит о том, необходимо изменение самой философии национальных проектов. Дело в том, что российская государственная бюрократия и народ живут по разные стороны китайской стены. И между ними нет никакого сообщения. Если подходить к нацпроектам как к механизму перекачивания из-за одной стороны стены на другую денег, которые в виде подачек будут размазываться по бездонной социальной тарелке, то это приведет лишь к обогащению “размазывателей”. Тех самых, что своими виллами и яхтами уже превратили Россию в посмешище в глазах европейцев, привыкших к скромному поведению госслужащих. Просто у нынешних, уже ожиревших и страдающих несварением “мандаринов”, появятся многочисленные мелкие клоны внизу, по распределительной цепочке.

Главным национальным проектом, под который (увы для чиновников) нельзя составить “сетевой график” и “выбить финансирование”, должно быть частно-государственное партнерство. Это неформальный проект, потому что он должен распространяться на все отрасли экономики и значительную часть социальной сферы. Суть его в том, чтобы госуО267

дарство и бизнес на равных участвовали в различных предприятиях, следя друг за другом и тем самым сужая поле для коррупции. Чтобы понять, как это работает, достаточно посмотреть на компанию “Ильюшин Финанс”, которая за 5 лет смогла буквально спасти гражданское авиастроение в России.

Если говорить о предмете нашего внимания — о нацпроектах, то наиболее эффективно такое партнерство могло бы сработать в решении проблемы доступного жилья. Еще год назад мы с академиком Александром Некипеловым писали о том (см. стр. 264 в этой книге), что наша стройиндустрия, “заточенная” на панельные многоэтажки и монолит, не сможет обеспечить необходимых объемов. Теперь это стало очевидно. Единственный выход — строительство быстровозводимых малоэтажных индивидуальных домов из деревянных конструк-

ций. Это те самые “канадские домики”, которые составляют основу жилого фонда в Северной Америке и Европе и которыми среди прочего занимается компания крупнейшего американского финансиста Уоррена Баффета. Индустрии по массовому производству таких конструкций у нас пока нет, но ее можно создать. За год.

Для этого государство говорит крупному бизнесу: “Можете помочь? Мало того, на этом заработаете. Вам создадим идеальные, камерные, парниковые условия. Надо только создать компанию с капиталом в 30–50 миллионов долларов. Тогда мы войдем в эту компанию со своим, государственным капиталом”. Если найдется двадцать таких компаний и каждая поставит, допустим, по пятьдесят заводов, то это уже тысяча. Каждый завод будет выпускать в год по тысяче домов, которые на порядок дешевле квартир в новостройках. То есть каждый год миллион семей при грамотно организованной ипотеке сможет справиться новоселье. Вокруг этого формируется целая отрасль, где найдется место малому бизнесу — транспортировка, сборка, отделка и т.п. Давайте вспомним добрым словом Хрущева. Для того чтобы советских людей из землянок переселить в квартиры “со всеми удобствами”, он построил мощную индустрию на западных технологиях — 380 кирпичных заводов и 250 заводов железобетонных изделий.

Возвращаясь к поговоркам, что крутятся в голове в связи с годовщиной национальных проектов, нельзя не вспомнить еще одну, как раз более всего подходящую: гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Увы, глядя на то, как у нас реализуются нацпроекты, особенно в регионах, становится тошно. Но, с другой стороны, писать эпитафии тоже пока рановато. Овраги не такие уж страшные, как кажется, и проблемы вполне решаемы.

С Владимиром Василенко

“Дружеские” советы и требования российских “радетелей” о судьбе Украины

В украинских СМИ, в том числе на страницах “Зеркала недели”, довольно часто выступают Андрей Окара, доцент Академии госслужбы при Президенте РФ, и Александр Лебедев, депутат Государственной думы РФ, координатор Группы по вопросам связей с парламентом Украины.

Они позиционируют себя как симпатизирующие Украине, которые искренне ратуют за ее судьбу и состояние украинско-российских отношений, даже подвергаясь при этом обструкции и глумливым комментариям со стороны российского политикума и своих коллег.

Оба достойных господина в целом положительно — А. Окара даже восторженно, А. Лебедев толерантно — относятся к “оранжевой революции”.

Однако ни один из них не воспринимает положительно стратегический внешнеполитический курс Украины, несмотря на разные формы и тональность донесения до читателя своих соображений.

А. Окара более склонен к концептуальному, даже с метафизическими элементами, осмыслению ситуаций и событий, в процессе которого он совершает попытки интеллектуального, мягкого приживления украинской общественности мысли об ошибочности и бесперспективности геополитической стратегии Украины.

А. Лебедев концептуально более приземлен и намного более прагматичен. В статье, опубликованной в *Зеркале недели* “Станет ли Виктор Ющенко Валерием Лобановским” (см. стр. 418 в этой книге), он восхваляет мудрость Президента РФ и его личный вклад в развитие отношений с Украиной, клеймит “абсурдность” поведения “желто-голубой сборной”, то есть новой власти Украины, и демонстрирует агрессивно-истерический

подход к оценке состояния украино-российских отношений в конкретных сферах.

Говоря о геополитической стратегии Украины, оба представителя российского политикума предлагают новой украинской власти великое множество вариантов поведения, но, упаси боже, не курс на европейскую и евроатлантическую интеграцию. В частности, А. Окара считает, что правительство Украины, используя витальную, креативную энергию народа, разбуженную прошлогодними революционными событиями, должно поставить перед страной, вопреки украинскому историческому опыту и национальной “карме” вечных неудачников, некое сверхзадание и определить, какая геополитическая идентичность является актуальной для современной Украины: транзитная (Украина как “мост” между Западом и Востоком, Севером и Югом), морская (Украина как “владычица южных морей” и прибрежных территорий), лимитрофная (Украина как центральное звено Черноморско-балтийской “санитарной границы” между Западной Европой и Россией), континентальная (Украина как *heartland* — сердцевиная земля евразийского континента, основа для содержания “большого пространства”) (“День”, 16.06.2005 г.). Красноречивые и развесистые дифирамбы “оранжевой революции” и фантазии по поводу возможных вариантов геополитического будущего страны А. Окара сопровождает выводом, что ее “главный исторический смысл” вовсе “не в убийственной для Украины евроатлантической стратегии новой власти” (“Зеркало недели” от 7.05.2005 г.). Он также недвусмысленно утверждает, что “мечта об интеграции в еврообщество, по-своему больное и страждущее, не намного перспективнее восстановления СССР” (“Зеркало недели”, 5.02.2005 г.) и что провал с принятием Конституции ЕС деконструировал миф о возможности вступления Украины в это общество и, таким образом, поставил под вопрос идеологему “европейского выбора” (“День”, 16.06.2005 г.). В таком же духе высказывается А. Лебедев, считая, что “обвальный кризис в Европейском союзе поставил крест на мечтах политической элиты Украины о быстрой интеграции в Европу” (“Зеркало недели”, 30.07.2005 г.).

Демонстрируя благосклонное отношение к задекларированной новым правительством стратегии “украиноцентризма”, А. Окара считает, что последняя “предполагает не только

отказ от “евроцентризма”, “американоцентризма” и “москвоцентризма”, но и развитие на основе своего собственного “максималистского” духовного и исторического опыта модели Украины как самодовлеющего государства, которое стремится быть субъектом международной политики, а не объектом чужих “розыгрышей”. При такой, на первый взгляд, теоретически привлекательной трактовке “украиноцентризма” Украина практически лишается права на цивилизационный выбор, оказывается в геополитической пустоте и остается один на один с Россией. При этих обстоятельствах предлагаемое А. Окарой позиционирование Украины превратит ее в объект только российских внешнеполитических игр, а не каких-то абстрактных чужих розыгрышей, поскольку именно ведущие российские властные круги мечтают о возрождении “единой Великой России” и рассматривают Украину как ее неотъемлемую интегральную часть.

Подчеркнем в связи с этим, что влиятельная российская политическая элита и рядовые россияне в подавляющем большинстве своем свято убеждены в следующем:

— Украина виновата в развале СССР и нынешних неурядицах России;

— независимая Украина — это геополитическая аномалия и угроза России;

— Россия без Украины геополитически незавершена и не может возродиться как великое государство; русский и украинский народы — это единое целое с одной верой, одним языком, и их воссоединение является лишь вопросом времени;

— цель воссоединения русских и украинцев — создание единого сверхнарода, с которым будут считаться и перед которым будут дрожать Европа и мир.

В свете изложенного трактовка “украиноцентризма” в смысле изоляционизма не выдерживает критики. Под “украиноцентризмом” следует понимать решительную и последовательную государственную политику, направленную на защиту украинских национальных интересов, которая должна быть приоритетной.

В современных условиях интересы обеспечения безопасности Украины, сохранение ее национальной идентичности, защита государственной независимости, поддержка и повышение благосостояния нации обуславливают евроатлантическую

и евроинтеграционную стратегию Украинского государства. Будучи членом НАТО и ЕС или даже одной из этих организаций, Украина окончательно покидает силовое поле внешней политики России, перестает быть объектом ее неоимперской политики и попадает в семью государств, которые не будут посягать на ее независимую государственность. Ни один европейский политик, не говоря о правительствах стран — членов НАТО и ЕС, не выступает за развитие “единой Великой” Германии, Польши, Франции, Испании и т.п., не считает украинцев немцами, поляками, французами, испанцами и не вынашивает планов включить их в какой-либо сверхнарод. Обретение Украиной членства в НАТО и ЕС полностью соответствует нормам современного международного права, нисколько не нарушает легитимных интересов России и не будет препятствовать поддержке и развитию нормальных украино-российских отношений. Ни НАТО, ни ЕС не являются закрытыми автаркическими объединениями, запрещающими своим членам отношения с третьими государствами и международными организациями. После образования этих организаций их члены не разорвали отношения с Союзом ССР, и сегодня поддерживают отношения с Россией. Новые члены НАТО и ЕС, которые присоединились к этим организациям после самороспуска Организации Варшавского договора и СЭВ и последующей дезинтеграции СССР, также не прекратили отношений с Россией. Следовательно, изображение российскими политиками и СМИ евроинтеграционного и евроатлантического курса Украины как политики разрыва с Россией является ошибочным и вводит рядовых граждан в заблуждение, культивирует вражду и отчуждение между народами обеих стран, вносит элементы раскола в украинскую общественную жизнь. Такой подход отравляет атмосферу украино-российских отношений. А. Лебедев пишет, что “в Москве, Минске и Астане с большим удивлением следят за пертурбациями украинской позиции в вопросе формирования Единого экономического пространства, поскольку Киев категорически отвергает все, что связано с Таможенным союзом”. В связи с этим следует напомнить, что Соглашение о создании ЕЭП является рамочным документом. Согласно его ст. 5 “Единое экономическое пространство формируется поэтапно, с учетом разноуровневой и разноскоростной интеграции”, в том смысле, что “каждая сторона сама оп-

ределяет, в каких из направлений развития интеграции или отдельных интеграционных мероприятиях она принимает участие и в каком объеме”.

Приемлемым для Украины уровнем сотрудничества в рамках ЕЭП, который не будет противоречить ее курсу на европейскую и евроатлантическую интеграцию, является зона свободной торговли. В случае участия страны в Таможенном союзе четырех в переговорном процессе Киева как с ВТО, так и с Евросоюзом возникнут серьезные проблемы. Они практически заблокируют путь к членству в ВТО и воспрепятствуют созданию зоны свободной торговли ЕС—Украина, что навсегда перекроет свободный доступ украинским товарам на огромный еврорынок и лишит Украину перспективы членства в Евросоюзе.

Не соглашаясь на участие в Таможенном союзе четырех, наша страна защищает свои долгосрочные стратегические национальные интересы и действует в полном соответствии с положениями Соглашения о создании ЕЭП. Поэтому обвинять украинских переговорщиков, не желающих обсуждать вопрос о Таможенном союзе, в “демонстрации амбивалентности, граничащей с паранойей”, мягко говоря, некорректно и нецивилизованно и вряд ли поспособствует улучшению украино-российских отношений.

Касаясь вопросов экономического сотрудничества, А. Лебедев считает: то, что “творится вокруг предприятий и объектов иностранных инвесторов в Украине сегодня, — это чистой воды махновщина”. Не оправдывая неспособность новой украинской власти выработать уже на старте согласованную позицию в вопросе наведения порядка в сфере приватизации, нельзя согласиться с тем, что правительство Украины преследует цель “забрать у иностранцев все нажитое”. Суть проблемы заключается не в формальных организационно-процессуальных недостатках, а в восстановлении законности и обеспечении публичного интереса путем отмены в определенном законом порядке сделок, заключенных с нарушением украинского законодательства или реализация которых сопровождалась грубым невыполнением условий приватизации. Огульно обвиняя наше правительство в экономическом произволе, А. Лебедев выдвигает требование не только обеспечить гарантии инвестициям российского капитала, но и создать льготные условия для его новых проектов. В связи с этим возникает вопрос, почему

должны гарантироваться инвестиционные проекты, осуществленные с нарушением украинского законодательства, и почему для проектов российского капитала должны быть созданы льготные условия? Согласно требованиям общепризнанных принципов права и экономической демократии, нарушения закона, кто бы их ни совершил, должны быть исправлены, и для всех без исключения инвесторов должны быть созданы равные условия. При этом государство имеет право и обязанность хранить контрольные пакеты акций ключевых предприятий в стратегически важных для национальной безопасности отраслях экономики Украины.

Учитывая генетическую, а иногда и родственную близость властной элиты двух стран — бывшей советско-партийной номенклатуры — и сомнительные сделки между украинскими и российскими мафиозно-олигархическими кланами, проникновение российского капитала в Украину при содействии режима Л. Кучмы довольно часто осуществлялось непрозрачно и усугубляло теннизацию ее экономики со всеми отрицательными последствиями, из этого исходящими, для состояния экономики страны, ее бюджета и благосостояния рядового украинца. Кроме того, угроза национальной безопасности Украины потенциально кроется в политизированности российского капитала. В России существует прочно укоренившаяся историческая традиция подчинения деятельности церкви, общественных институтов и крупных бизнес-структур “государственным целям и интересам”. Во многих сферах, особенно стратегически важных, российский капитал является проводником государственной политики Российской Федерации, что зачастую противоречит жизненно важным интересам Украины. Ярким примером могут служить активное лоббирование российскими компаниями прошлогоднего решения правительства Януковича по поводу реверсного использования нефтепровода Одесса—Броды; артельное соглашение российских владельцев нефтеперерабатывающих заводов в Украине, приведшее к бензиновому кризису весной 2005 г.; доведение до грани банкротства Черноморского судостроительного завода, владельцами которого являются российские инвесторы.

При таких обстоятельствах речь должна идти не о каких-то специальных льготах для российского капитала, а о внедрении для всех инвесторов равных возможностей и прозрачных схем

приватизации, которые не будут создавать угрозы национальной экономике и безопасности Украины.

Встав на путь, хорошо проторенный великодержавными российскими шовинистами, А. Лебедев выражает обеспокоенность положением русского языка, русской культуры и православной церкви в Украине и выдвигает требование к новой украинской власти создать условия для нормального функционирования русского языка во всех сферах, в том числе официальной.

Иначе как циничной, лицемерной и провокационной такую позицию назвать нельзя, поскольку общеизвестно, что именно украинский язык иезуитскими и насильственными административными методами систематически искоренялся из обихода практически во всех сферах по всей Украине и поныне остается в положении аутсайдера во многих регионах, где украинское население составляет большинство. За годы режима Л. Кучмы процесс русификации Украины не только не прекратился, но даже усилился из-за абсолютного преобладания в украинском информационном пространстве, на книжном рынке и в шоу-бизнесе русского языка. В Украине проводятся чересчур умеренные и скромные мероприятия по возрождению украинского языка в сфере образования и культуры. Однако за годы независимости в Украине не было дискредитировано ни русскоязычное население, ни его культурные и духовные запросы. Поэтому истерические призывы к улучшению положения русского языка и культуры являются не заботой о правах этнических русских, проживающих в стране, а борьбой против языковых прав украинцев и возрождения украинского языка в Украине.

Правовые основы украинской государственной языковой политики, определенные Конституцией и подтвержденные решением Конституционного суда, соответствуют общепризнанным международным стандартам и исключают языковую дискриминацию лиц, относящихся к национальным меньшинствам. Именно поэтому ни в украинских судах, ни в Страсбургском суде по правам человека никогда не было зарегистрировано ни одной жалобы на нарушение у нас языковых прав русских. Шансы выиграть такие дела в суде, к сожалению, имеют скорее украинцы. В Украине не существует никаких ограничений для деятельности российской православной церкви,

известной как Украинская православная церковь Московского патриархата. Более того, отношение украинской власти остается неоправданно толерантным даже к тем приходским священникам УПЦ МП, которые систематически ведут откровенно антиукраинскую деятельность и особо “отметились” во время прошлогодней президентской кампании в Украине. Если г-н Лебедев действительно заботится об улучшении украино-российских отношений, ему следовало бы обратиться к патриарху РПЦ Алексию II с советом призвать своих подчиненных в Украине вести себя согласно заповедям Божиим, а не выполнять враждебные Украине политические заказы.

В заключение А. Лебедев предостерегает украинскую элиту против попыток сделать свое государство “плацдармом для революции” в России и предупреждает, что “это будет означать проведение действительно имперской политики — такие уж у нас общественные настроения”. Этот пассаж вызывает в памяти начатую Путиным вторую чеченскую войну в ответ на неизвестно кем осуществленные в Москве теракты, задним числом приписанные чеченским террористам. Слава богу, в адрес братской славянской Украины А. Лебедев ограничивается прогнозом лишь “холодной войны”, поскольку надеется, что и ее “молодое по историческим меркам Украинское государство не перенесет”.

Суть этой нескрываемой философии лежит на поверхности: не пойдете на уступки в сферах, затрагивающих интересы государственной безопасности и самого существования украинской нации, объявим войну, пока холодную, а *casus belli* найдется.

В этой ситуации наибольшей ошибкой украинской власти было бы усердное, как во времена Кучмы, исполнение капризов, требований и ультиматумов “старшего брата”. Этот путь мы уже проходили и знаем, что он ведет в тупик.

Оздоровление украино-российских отношений может произойти только в том случае, если обе стороны будут учитывать легитимные интересы друг друга и руководствоваться в своих отношениях общепризнанными нормами современного международного права.

Владимир Василенко,
профессор, доктор юридических наук,
Чрезвычайный и Полномочный посол Украины в РФ

Европейская интеграция Украины, идеи чучхе и демократия в Зимбабве

30 июля депутат Государственной думы России и бизнесмен Александр Лебедев выступил в газете “Зеркало недели” со статьей “Станет ли Виктор Ющенко Валерием Лобановским?” (см. стр. 418 в этой книге. — Ред.), в которой делился своими, надо сказать, очень дружескими по отношению к Украине, соображениями о перспективах развития украинского государства и российско-украинских отношений. Тремя неделями позже, 20 августа, в этой же газете появилась статья Владимира Василенко “Дружеские” советы и требования российских “радетелей” о судьбе Украины”, в которой Александр Лебедев, а также и московский политолог Андрей Окара подверглись остракизму и были обвинены чуть ли не во всех мыслимых политических грехах.

Александр Лебедев в свою очередь написал ответ Владимиру Василенко и направил его в редакцию “Зеркала”. Текст уже стоял в верстке, но в очередном номере газеты (в прошлую субботу) так и не появился. Догадаться об истинных причинах подобной оказии не составит труда — надо только внимательно прочесть сам текст, особенно то место, которое посвящено “закрытому акционерному обществу “Президент Украины”, как именует г-н Лебедев круг ближайших соратников Виктора Ющенко.

Статья Владимира Василенко “Дружеские” советы и требования российских “радетелей” о судьбе Украины”, опубликованная в “Зеркале недели” 20 августа, вызвала у меня смешанные чувства. Должен честно признаться, давно не читал столь эмоциональной отповеди в связи с моими выступлениями на украинскую тему. Последний раз, кажется, на этом поприще отличился мой коллега по Государственной думе Константин Затулин, сразу в пяти московских газетах и журналах обвинивший меня в предательстве национальных интересов России и сравнивший с князем Курбским за то, что я якобы восхваляю “прелести оранжевой революции”. Эпитеты из разящего напоял текста Василенко звучат не менее впечатляюще: оказы-

вается, занимая “циничную, лицемерную и провокационную” позицию, демонстрируя “агрессивно-истерический подход к оценке состояния украино-российских отношений” я встал “на путь, хорошо проторенный великодержавными российскими шовинистами” и теперь угрожаю не только интересам “государственной безопасности”, но и “самому существованию украинской нации”. Вот оно, оказывается, как! А я-то думал — дружеские “советы постороннего”... В самую пору писать покаянное письмо неизвестному демократическому прокурору.

Когда-то я уже ответил Затулину, который с тех пор потерял вкус к полемике с моей скромной персоной. Теперь отвечу и Василенко. Насколько я понимаю, профессор Василенко, в прошлом научный руководитель министра иностранных дел Бориса Тарасюка — уважаемый и как минимум грамотный человек, ведь недаром лидер УНП (Украинская народная партия. — *Ред.*) Юрий Костенко назвал его “автором первой программы создания независимого Украинского государства” (хотя я, если честно, всегда считал, что эти авторы проживали как минимум тремя столетиями ранее). Поэтому я не могу объяснить, каким образом написанное мной в “Зеркале недели” 30 июля вызвало у него ассоциации с якобы “начатой Путиным второй чеченской войной” (то есть это Путин устроил рейд на Дагестан в августе 1999-го), и в какой системе координат можно истолковать мою статью как попытку найти повод к объявлению “холодной войны” Украине. Такое трудно комментировать, поэтому оставлю эти слова на совести автора. Однако многое высказанное профессором вполне содержательно, а потому требует обсуждения.

Евроинтеграция и строительство коммунизма: что общего?

Из рассуждений Василенко я узнал, что, оказывается, “интересы безопасности Украины, сохранение ее национальной идентичности, защита государственной независимости, поддержка и повышение благосостояния нации обуславливают евроатлантическую и евроинтеграционную стратегию Украинского государства” (реализации которой я, судя по всему, сильно мешаю). В отличие от многих собратьев по цеху в России, я

никогда не видел ничего предосудительного в желании политической элиты Украины вступить в Европейский союз. Напротив, в экономическом плане этот сценарий сулил бы России немалые выгоды. Проблема заключается в том, что возможность его реализации существует только в воображении Василенко и его друзей, продолжающих, как я вижу, морочить голову себе и окружающим. Эти иллюзии опасны, потому что уводят в мир грез. Даже в Турции, процесс вступления которой в заветный клуб уже было перешел в практическую фазу, за последние месяцы пришло осознание суровой реальности. Можно, конечно, ставить перед нацией задачу европейской интеграции в течение жизни двух-трех поколений, однако это уже сильно пахивает заранее невыполнимыми идеями строительства светлого коммунистического завтра.

Остается еще одно желанное для моего оппонента направление интеграции — евроатлантическое, где с принимающей стороной вроде бы никаких проблем не наблюдается. Но вот беда — судя по всем опросам, сама украинская нация в своем большинстве с подобными устремлениями, мягко говоря, не согласна. И это вполне объяснимо: выгоды от вступления в НАТО весьма призрачны (надеюсь, автор не думает, что Россия может пойти войной на Украину. Даже если в горячечном бреду предположить такое, для НАТО не нужно будет формального членства в альянсе, чтобы защитить ее суверенитет, а от политического воздействия никакое НАТО не поможет). Потери же вполне зримы. Это не только общее ухудшение отношений с Россией, которая вынуждена будет выводить свой флот неизвестно куда, но и прямой ущерб украинской экономике. Ведь Украине среди прочего придется полностью демонтировать свой ВПК — один из самых передовых в мире.

Для подтверждения статуса Украины как ключевого государства Европы не требуется пропуска в ЕС или НАТО — достаточно посмотреть на карту. Однако в результате навязчивого педалирования формальной стороны европейской и евроатлантической интеграции при полной неопределенности с их перспективами Киев рискует быть втянутым в сомнительные геополитические проекты, имеющие мало общего с подлинными национальными интересами Украины. Трудно без искреннего сочувствия наблюдать, как огромная европейская держава выступает статистом в реализации фантазий Президента Гру-

зии Михаила Саакашвили, вызванных чрезмерным употреблением минеральной воды “Боржоми”. Ведь, согласно его выступлению в газете “Вашингтон Таймс”, одной из главных целей нового “сообщества демократического выбора” является “борьба за свободу в Бирме и Зимбабве”.

“Гуманитарная аура нации” и гуманная политика государства

Владимир Василенко адресовал мне немало упреков в связи с моим видением положения русского языка в Украине. Да, во времена советской власти “великому и могучему” отдавался приоритет в Украине. Именно на это обстоятельство я обратил внимание в своей мартовской статье в “Известиях” и предложил нашим московским “украиноведам” прекратить эквилибрировать цифрами переписей, доказывая факт “геноцида русского народа” в современной Украине (кстати, именно после этой публикации эквилибристика странным образом прекратилась). Просил бы только не упирать на “насильственные методы” — надо все же признать, что в именно в бытность СССР украинский язык получил официальный государственный статус, в то время как в досоветский период Киев — “Мать городов руських” и Украина вообще — были оплотом того самого “великодержавного шовинизма”. Но дело, в конце концов, не в этом.

Можно до хрипоты спорить о том, правильно или неправильно проводилась языковая политика 20, 30, 50, 100 лет назад или во времена княжения Кия и Щека. Лично я понимаю, что в Украине и у защитников украинского, и у защитников русского языков есть свои маленькие “правды”. Одни вполне резонно заявляют о гонениях на украинский язык в Российской империи и о его притеснении в те или иные периоды советской истории, другие — об узколобой позиции многих нынешних украинских “можновладців” в отношении языка русского.

Но дело за поиском “большой” правды.

А она, как мне кажется, состоит в том, чтобы носители обоих языков чувствовали себя защищенно и комфортно, чтобы все жители Украины могли свободно общаться на обоих языках и писать на них без орфографических ошибок.

Я не оспариваю право и даже обязанность Украинского государства развивать свой национальный язык и культуру. Никто не требует от него денно и нощно заниматься продвижени-

ем языка русского. Но, думаю, в языковой и гуманитарной сфере не следует создавать искусственных преград.

Я являюсь убежденным сторонником того, чтобы поддержкой русского языка и культуры в Украине (равно как и во всех государствах, где звучит русская речь) занималась Россия, для которой этот язык является главным государственным, а культура — национальным достоянием. Все, чего мы просим, — оказать содействие в передаче под нашу опеку тех объектов, о которых мы можем позаботиться, умножая культурный потенциал обеих стран. Вот пример: уж сколько лет тянется бюрократическая свистопляска вокруг Театра-музея А.П. Чехова в Ялте, а воз и ныне там.

Не должно быть так, чтобы “возрождение украинского языка в Украине” (по Василенко), которое любой нормальный русский человек может только приветствовать, происходило в ущерб языку русскому. Подобные эксперименты со здравым смыслом чреваты опасными политическими последствиями, о чем, собственно, я и хотел предупредить моих украинских друзей, никак не ожидая в ответ быть причисленным к Союзу Михаила Архангела.

“Игры разума”

и благосостояние украинской нации

Что касается амбивалентности сознания, которое в упор не видит Владимир Василенко, то хочу заметить, что очень многие украинские товары на мировых рынках сегодня пользуются спросом исключительно потому, что цена на поставляемый из России газ втрое ниже среднеевропейской. Мой оппонент очень опасается, что участие Украины в Таможенном союзе “навсегда перекроет свободный доступ украинским товарам на огромный евторынок”. Проблема в том, что в случае перехода на общепринятые в Европе стандарты торгово-экономических отношений между Россией и Украиной украинские товары станут неконкурентоспособными, и “украинское экономическое чудо”, которое мы наблюдали в последние годы, лопнет, как мыльный пузырь, накачанный российским газом.

Односторонние и не основанные на рациональном представлении о выгоде экономические преференции являются неизменным атрибутом неравноправных отношений между государствами. Лично я являюсь противником проявлений импе-

риализма в любом его виде, в том числе и в виде подобного имперского “газового демпинга” (о странных расчетах за туркменский газ — разговор особый). Однако в украинском политикуме требование скорее встать на путь евроинтеграции и стремление перестать “быть объектом неоимперской политики” России странным образом сочетаются с постоянным желанием получить особые льготы, никак не соответствующие представлениям о подлинном суверенитете. Что это, как не та самая амбивалентность, граничащая с паранойей?

Наконец, не могу оставить без комментария пассаж насчет “деревенок”, которые мне опять припомнили, на сей раз в украинской печати. Нисколько не сомневаюсь, что при большом желании российские власти могли бы найти массу нарушений, допущенных при приватизации Тюменской нефтяной компании. Однако у нас никому не придет в голову заниматься экспроприацией добывающих активов у теперь уже транснациональной ТНК-БП. Компании же, акционером которых я являюсь, вообще не участвовали в приватизации никаких “стратегически важных для национальной безопасности Украины отраслей” и не пытались за счет “родственной близости властных элит двух стран” отхватить себе какой-нибудь лакомый кусок украинской экономики (поверьте, язык не повернется назвать таким “куском” полуразвалившийся киевский “отель” “Украина” 1961 г. постройки). Мы в полном соответствии с действовавшими законами и процедурами инвестировали более полумиллиарда долларов в строительство социально значимых объектов: жилья, курортных комплексов и пр. и планировали вложить еще более миллиарда. Если, с точки зрения Василенко, все это противоречит интересам “повышения благосостояния украинской нации”, то ему самое время взяться за штудирование идей Чучхе. Полагаю, что с такими подходами украинская экономика очень быстро достигнет высот народного хозяйства Страны утренней свежести.

Корпорация “Президент Украины” против Президента Украины

Впрочем, не перевелись еще в Украине майоры мельниченки, и нам хорошо известно, что за циничными наездами на российских инвесторов стоят вовсе не национальные интересы, а банальное стремление некоторых украинских “бізнес-

менів” прибрать к рукам перспективные объекты, которые можно было бы потом нам же и продать. Увы, кипучая деятельность этих бизнесменів все более обретает черты организованной преступной группировки. Вы не там ищите, г-н Василенко! Это они, а вовсе не гражданин России Лебедев, на самом деле представляют угрозу для государственной безопасности Украины. Потому что эти люди уже пытаются втянуть в свои схемы государственный аппарат и поставить его работу на службу своим корыстным устремлениям.

Если Президент Украины, пытаясь избавиться от наследия Кучмы, поставил цель разделить власть и бизнес, то они сейчас решают совсем другую задачу. Эта задача — вытеснить президента с политического и государственного поля на некую этнографическую поляну, подменить проблематику государственного строительства поездками на разнообразные Сорочинские ярмарки, превратить его в декоративную фигуру наподобие английской королевы, которая, как известно, царствует, но не правит. За спиной Виктора Ющенко возникло и набирает обороты закрытое акционерное общество “Президент Украины”, в котором решаются вопросы о назначении на те или иные должности, его акционеры осуществляют черный передел собственности, используя прокуратуру и суды в качестве подручного средства вроде отмычки. Проблема заключается в том, что президент, судя по всему, даже не знает о существовании такой корпорации.

Я всегда был убежденным сторонником государственно-частного партнерства, которое считаю спасительным механизмом для наших постсоветских экономик. Но я являюсь не менее убежденным противником сращивания госаппарата и семейного бизнеса. Вот уже несколько лет я веду борьбу с мэром Москвы Юрием Лужковым, чья деятельность олицетворяет собой именно такой подход. По этой причине я хотел на правах друга и сочувствующего предупредить новую украинскую власть об опасностях, которые таит в себе такое государственно-частное семейное партнерство. Ведь, следуя этому пути, вместо борьбы за демократию в Зимбабве и Бирме (по Саакашвили), можно запросто самим оказаться в их положении.

В заголовок статьи, опубликованной 30 июля в “Зеркале недели”, я вынес вопрос: “Сможет ли Виктор Ющенко стать Ва-

лерием Лобановским?”. Зная Виктора Андреевича уже много лет не только как политика, но и как высококвалифицированного финансиста (как это сейчас модно говорить — “топ-менеджера”, построившего одну из самых эффективных банковских систем в Европе), я надеюсь, что ответ на этот вопрос будет положительным. Надо лишь время, чтобы во всем разобраться.

С Константином Затулиным

Ответ Александру Лебедеву и прочим идейным друзьям любой власти Украины, да и России

На днях в России случилось страшное. Государственная дума подняла руку на банкира и депутата Александра Лебедева, сняв его с должности сопредседателя российской части двусторонней межпарламентской комиссии по сотрудничеству Федерального Собрания Российской Федерации и Верховной рады Украины. Оставшийся в живых Александр Лебедев все последнее время успокаивал взволнованный славянский мир по обе стороны русско-украинской границы. Его обличающий голос обрушился на всех, кто его “заказал”. В широком плане это, конечно, те — “около Кремля, особенно в районе Охотного Ряда”, — кто хочет “растоптать Украину”, избравшую Ющенко, свободу и демократию. Но благодаря пострадавшему мы знаем теперь в лицо и самого злодея, стоящего за покушением на “одного из самых ярких представителей нашего депутатского корпуса” (“КП”, 17.03.05). Сальери, отравитель нашего Мוצарта, — это я.

У меня свое, отличное от господина Лебедева, мнение о происходящем сегодня в Украине. Считаю, что нынешняя независимая Украина — это государство, которое, по большому счету, состоит из двух политически разнородных частей — запада и востока — и что есть реальные силы, заинтересованные консолидировать ее на антироссийских основаниях. Я не вижу другого пути, кроме борьбы за то, чтобы не допустить превра-

щения Украины во враждебное России государство: лучшим выходом было бы развитие и укрепление особых отношений дружбы, сотрудничества и партнерства между нами. Однако весь опыт взаимодействия России с Украиной после 1991 г. убеждает в том, что такие отношения не достигаются участием наших послов, банкиров или депутатов в совместных нефтегазовых аферах, манипуляциях долгами и т.д.

России нужны настоящие гарантии того, что становление сильной, процветающей Украины не обернется превращением ее в экспортера “оранжевых революций” и разрушителя России как державы. Главной такой гарантией является демократизация Украины в результате ее федерализации: только в рамках федеративного или земельного устройства Украины русские или русскоязычные ее регионы обретут полноценное право голоса в решении судеб всего Украинского государства. Сегодняшняя власть Украины рискует и целостностью страны, и судьбой украинской демократии, отрицая право населения восточных областей на реальное самоуправление.

Моя точка зрения на разных этапах полностью или частично разделялась или отвергалась властями в России и на Украине, но она не менялась, как флюгер, в зависимости от того, кто сегодня главный в Кремле или в Мариинском дворце. Не то — мой доверчивый герой, Александр Лебедев. На всех постах, которые за прошедшие годы доверяли ему очередная партия и правительство, он, себя не забывая, следовал ельцинскому завету: “Проснулся рано утром — думай, что ты сделал для Украины”.

Бессмысленно призывать Лебедева к объективности, к его демократическим чувствам, когда речь заходит о нынешней “охоте на ведьм”, где по стандартному обвинению в “участии в фальсификации выборов” без суда отрешаются от работы уже не главы областей, а главврачи поликлиник, директора школ и начальники троллейбусных парков.

Депутат Лебедев не знает о том, что с образованием на русском языке в Украине есть проблемы, что победа “оранжевых” воспринята на западе Украины как знак трубы, зовущей к его упразднению. Только что Ивано-Франковский горсовет запретил уже даже не образование, а общение в школах на каком-либо языке, кроме государственного, учредил “комитет общественного языкового контроля” и обнародовал телефоны, по ко-

торым все национально сознательные горожане должны сообщать о “языковых нарушениях”. Лебедев не знает, потому что не хочет знать, но на всякий случай, как “смотрящий за Украиной”, пытается пресечь любое обсуждение в Думе на эту тему.

И только в одном случае голос коллеги Лебедева дрогнул, когда он славил новые порядки в Украине. Продолжая тему “все хорошо, прекрасная маркиза”, столп нашего бизнеса параллельно опубликовал в “Новой газете” просительную статью “С бизнесом нужны переговоры, а не война”. Со всем почтением к украинским деприватизаторам (“понимаю, что ушедших к власти лидеров “оранжевой революции” есть определенные обязательства перед их сторонниками”) он выражает надежду на то, что они не станут грабить награбленное, а предпочтут получить от “неправедно нажившихся” “патриотический взнос” в пользу государства. Это замечательное предложение почти примиряет меня с моим героем, так как удостоверяет, что он не живет в Зазеркалье.

И последнее. Как видите, мой подзащитный, как доктор Джекил и мистер Хайд, страдает тяжелым раздвоением личности, когда дело касается его прямых общественных (депутатских) обязанностей и личного интереса. Он не готов бороться за подлинные национальные интересы России в Украине, предпочитая для себя более удобные роли. Но, может быть, он, как Чаадаев, лишь ищет в сегодняшней Украине свой идеал, так как хочет, чтобы в России было “как лучше”?

Что ж, значит, мы вправе ожидать от него принципиального собственного поведения всегда, когда ему представляется случай побороться за демократию дома, в России. Хочу спросить у Александра Лебедева: какую позицию он как депутат отстаивает в отношении монетизации льгот, перераспределения полномочий, отмены выборности глав российских регионов, изменения системы выборов в Думу? Вы удивитесь, узнав, что депутат Александр Лебедев, в отличие от меня проголосовавший за все эти меры, ухитрился проголосовать в Думе и за свое снятие с поста сопредседателя межпарламентской российско-украинской комиссии. И даже — за мое включение в состав этого органа, ставшее поводом для всех его словоизвержений.

Константин Затулин,
депутат Государственной думы

Ответ Константину Затулину и прочим черным маклерам украинской оппозиции в России

Я, честно говоря, был несколько озадачен, когда некоторое время назад прочитал на страницах уважаемого “Московского комсомольца” то ли письмо, то ли памфлет обо мне за подписью моего коллеги по Государственной думе и партии “Единая Россия” — Константина Затулина. Не припомню, чтобы в “МК” писал что-нибудь об этом человеке, особенно в связи с темой вышеозначенной эпистолии — российско-украинскими отношениями. Однако раз уж так, надо бы ответить. Тем более что дискуссия действительно имеет место быть, и она является еще одним подтверждением наличия плюрализма мнений и разных подходов в нашей партии.

Судя по письму, депутат полагает себя, любимого, главным и единственным выразителем национальных интересов России в Украине, которые заключаются в том, чтобы сохранять ее в некой “орбите влияния”. А для этого он предлагает всячески ослаблять украинское государство, провоцировать в нем внутренние склоки и территориальный раскол. Я же, увы, мешаю этой конструктивной работе. Причем из текста письма, да и из многих иных выступлений нашего героя можно сделать вывод, что мой интерес к Украине и российско-украинским отношениям — исключительно шкурный, связанный с желанием сохранить некие несправедно нажитые там “деревеньки”.

Не скрою, у меня были и есть экономические интересы в Украине. Только вот в чем неувязочка: я не имею отношения к “нефтегазовым аферам”, на которые прозрачно намекает мой оппонент. Наша работа в Украине носит созидательный и сугубо социально-ориентированный характер: мы реализуем совместные проекты в области промышленности и высоких технологий, производим самолеты, строим доступное жилье, отели и аквапарки в Крыму (в прошлый сезон на наших объектах отдохнули сотни тысяч россиян и украинцев). Одним словом, заработки для нас вторичны, а интересы братских народов — первичны как в плане создания рабочих мест, так и отдыха и

лечения сотен тысяч людей в Украине и России. А на заработанные деньги мы возводим там православные храмы, помогаем музеям, поддерживаем школы и театры — сейчас, например, мы начали восстановление Музея-театра А.П. Чехова в Ялте. Обо всем этом моему оппоненту, который часто бывает в Крыму, очень хорошо известно. Наш бизнес — субъект той самой политики реальных дел, которой так не хватало все эти годы в российско-украинских отношениях.

Я не считаю, что разнородность Украины — повод для большой радости и свидетельство успехов нашей политики. У нас это тоже было, причем совсем недавно, когда после череды первых всенародных губернаторских выборов возник так называемый красный пояс. Но никому в России и за ее пределами не пришло в голову на этом основании делить нашу страну на “красную” и “белую”. И я уверяю, политические расхождения между Востоком и Западом Украины также будут преодолены. Если только не бегать вокруг с фомкой, пытаюсь искусственно разломать ее на две, три или четыре части.

Поэтому мне не нравится, когда некие “ученые” из “Института стран СНГ” зовут Украину к топору или “православному восстанию”, пытаются втянуть Русскую православную церковь в мелкие закулисные интрижки. Я вообще имею большое предубеждение в отношении разного рода политтехнологий. А если учесть, что деятельность указанного института финансируется из бюджета столицы, получается, что я как москвич и прилежный налогоплательщик косвенно заказываю всю эту музыку. И это мне тоже не нравится.

Нет ничего странного в том, что директор “института диаспоры” (другое название этого учреждения) нынче очень поддружился с таким экстравагантным персонажем украинской политической сцены, как Корчинский (Дмитрий или Дмитро, уж теперь и не знаю, — тот самый деятель, который выдвинул Шамиля Басаева на Нобелевскую премию мира и вербовал для него наемников в Украине). Казалось бы: почему вместо того, чтобы требовать уголовного преследования этого человека, наши власти призывают поддерживать такого рода “пророссийскую оппозицию”? Ответ — в закономерности. Они очень органично дополняют друг друга — Затулин и Корчинский. Последний тоже считает нормальным делом посылать своих хлопцев в Чечню для войны с “москалями” и ослабления

“враждебной империи” — так он понимает национальный интерес Украины.

У нас с депутатом и директором, с его многочисленными единомышленниками и покровителями концептуально разный подход к политике в странах СНГ. Я исхожу из того, что нам надо выстроить с этими государствами равноправные партнерские отношения, в основу которых будет положен взаимный интерес, прежде всего в сфере экономики. Мои оппоненты же (не думаю, что на полном серьезе) считают, что от наших соседей по СНГ можно добиться “любви и дружбы” путем запугивания, начальственных окриков, шантажа и ультиматумов, которые то и дело проступают в их интервью, открытых письмах и проектах заявлений Государственной думы. Они так ничему и не научились у американцев, к которым так ревнуют бывшие братские республики. Администрация США, выделяя сущие копейки (до сих пор в конгрессе идут жаркие дискуссии — давать ли на “развитие демократии” в Украине 80 или все-таки 60 млн долларов), смогла выявить точки соприкосновения интересов, привлечь на свою сторону элиты новых государств. Причем не только правящие группы, но и столь любезные сердцу Затулина новые украинские “оппозиционеры” шага не сделают без согласования с посольством США в Киеве. Мы же “подарили” соседу около 1 млрд долл. только по НДС — и какой толк?

Говорить о том, что я “в упор не вижу” проблем в гуманитарной сфере наших отношений, просто недостойно. Я только считаю, что, прежде чем учить соседнее государство, как вести себя с русским населением и православной церковью, а также следить, на каком языке общаются школьники в Ивано-Франковске, неплохо было бы разобраться с этим вопросом у себя дома. Например, на Северном Кавказе, откуда депутат, кажется, родом. А конкретнее — в Чечне, из которой стараниями подельников затулинского друга Корчинского во времена Ичкерии 300 тысяч русских были попросту изгнаны, а оставшиеся обращены в рабство.

Как любому нормальному русскому человеку, мне больно слышать о том, что в Украине закрываются русские школы. Только я не хочу превращать это печальное обстоятельство в подручное средство для наживания политического капитала. Я просто пытаюсь по мере сил помочь этим школам: деньгами,

оргтехникой, учебниками. Если бы мы потратили на эти цели хотя бы десятую часть средств, вложенных за последний год в безумный пиар “пророссийского кандидата” на украинских выборах, думаю, такой проблемы уже не было бы. Но тогда, наверное, Затулину и его друзьям пришлось бы менять профиль деятельности. А оно им надо?

Раздвоение. Личности ли? О природе творческих мук банкира и депутата Александра Лебедева

Александра Евгеньевича Лебедева распирают мысли. При такой болезни, как и в желудочно-кишечном случае, естественно желание как можно быстрее от них освободиться — устно, письменно и электронно.

Как ни включишь телевизор, ни возьмешь в руки газеты, особенно те, в которых у Александра Евгеньевича, как в “Аэрофлоте”, есть доля, он тут как тут. То в Бутове вместе с простым народом под бульдозер ложится, то игорный бизнес в Москве истребляет, то в своих разочарованиях в Ющенко исповедуется. Идет налево — песнь заводит, направо — сказку говорит. Только за ответный октябрь месяц он со знанием дела рассказал нам, что: “Банкиру не место в “прачечной” (“Московские новости”); “Демократия — это право выбора” (там же); а также, что “вне всякого сомнения, мы находимся с Америкой в конкурентных соотношениях” и “на украинском направлении за последние годы накопилось наибольшее количество взаимных упреков” (“Между Сциллой и Харибдой”, “Комсомольская правда”) и т.д. Натуральная пандемия идей.

Те, у кого наблюдается Александр Евгеньевич, утверждают, что прежде у него таких обострений не было. Отправной точкой заболевания считается 2003 г., когда Александр Евгеньевич провалился на выборах мэра Москвы. Испытанный им стресс наложился на самообман от рекламного пиара, купленных за трудовые банкирские деньги аплодисментов и комплиментов. И Лебедев заговорил — сразу обо всем.

Такое бывает. Кайзер Вильгельм Второй в юности упал с лошади. С тех пор он высказывался много, охотно и о чем угодно — о конструкции дредноутов, особенностях приматов, тонкостях музыки Вагнера... Какой-нибудь бездушный эгоист может посчитать, что все происходящее с Александром Евгеньевичем — частное медицинское дело и не повод для вмешательства общественности. Еще совсем недавно я тоже так думал. Пару-тройку раз, открыто и при свидетелях, “у барьера” и без него мне приходилось опускать его с неба на землю. Увы, становилось только хуже: в подавленном состоянии пациент становится агрессивным, его изобретательность растет. С некоторых пор он освоил Интернет (как раз вскоре после передачи “К барьеру” я стал жертвой этого увлечения Александра Евгеньевича и его интернет-негров, разместивших на многих сайтах одномоментно анонимный материал на меня, которым до сих пор гордится женская часть моей семьи. Еще бы, ведь, разоблачая среди прочего мои новогодние каникулы, авторы определили отдыхавших со мной жену и дочь как “двух молодых смазливых девиц”). Я боюсь, что следующим шагом Лебедева будет переход на граффити и настенные надписи — зная его творческое самолюбие, нельзя исключить, что он разрисует Кремлевские стены! Нет, я не могу пройти мимо, когда речь идет о здоровье коллеги по Государственной думе. “Надо просто спасти человека”, — сказал бы в таком случае товарищ Саахов, лицо кавказской национальности. Тем более, что новые литературные приключения Шурика (так по-семейному я зову А.Е. Лебедева из взаимности: иначе как Костей он меня в своих трудах не называет. Ребят с нашего двора вспоминаю, тепло становится) свидетельствуют о тревожном симптоме — раздвоении сознания.

Не буду голословным: 13 октября у Шурика случилось целых два приступа подряд в ЖЖ в Интернете, в 14 час. 31 мин. и в 17 час. 19 мин. Поводом послужил внесенный мной проект заявления Государственной думы “О неотложных вопросах российско-грузинских отношений”. Я написал этот проект потому, что жесткие меры, введенные Российской Федерацией в ответ на провокации Саакашвили, принялись применять вкривь и вкось, позволяя этому персонажу спекулировать на перегибах неумных исполнителей. Предпринимая свою попытку, я исходил из старой доброй истины: “Фюреры (Саа-

кашвили) приходят и уходят, а народ (грузинский в данном случае) остается”. Действительной целью России является не наказание грузинского народа, а наказание режима Михаила Саакашвили. В заявлении подчеркивалось: “Российская Федерация — такая же Родина для грузин, как и для всех наций и народностей, живущих в России”. В конце концов, никому не должно быть позволено усомниться в краеугольном принципе нашего государства: “Россия — для всех, кто в ней живет и ей служит”.

Это теперь, после слов президента 25 октября во время “Прямой линии” (“Заставь не очень умного человека Богу молиться — он рад лоб расколотить”), даже тугодумы поняли, что правота России в отношении Грузии была бы очевиднее, не будь у нас дураков столько, сколько плохих дорог. 13 октября в Интернете Шурик Лебедев всюю топил мою инициативу, подлаживаясь под настроения в депутатском корпусе, не давшие моему проекту “зеленый свет”. Цитирую: “Возникает простой вопрос — откуда этот документ был спущен Затулиным, из чьей приемной? Может, прислали из малой родины — солнечного города Батуми? Или друзья его патрона — Орджоникидзе с Церетели — заставляют обрабатывать?”. Еще ранее, на пленарном заседании депутат А.Е. Лебедев, зиц-председательствующий в думской группе дружбы с Украиной, вежливо интересуется: распространяются ли ограничительные меры в отношении граждан Грузии также на украинцев и молдаван. Бедные рогозинцы в очередной раз из-за Лебедева лишаются хлеба насущного — вот где борец с нелегальной миграцией! Проходит неделя, и 20 октября в “Комсомольской правде” под портретом честного парня Александра Лебедева его слова: “Выиграли бы больше, чем проиграли от недавней истерии в рамках отношений с Саакашвили? Очевидно, что нет, ибо на этом пути ждет тупик”. И вот уже наш герой с просветленным лицом бичует “антигрузинскую кампанию” в эфире “Радио Свобода”. Ну разве это не раздвоение сознания? За одну неделю?! Это было бы смешно, если не было бы так грустно. Смешно, когда беспринципный человек пытается на “голубом глазу” обвинять принципиального в недостатке принципов. Смешно, когда меня, уже 10 лет настаивающего на признании независимости Абхазии и Южной Осетии, пытаются публично подозревать в писании думских докумен-

тов под диктовку Тбилиси или Батуми. Смешно, когда литературные сотрудники г-на Лебедева или он сам пытаются перешеголять меня в знании русского языка (советую Александру Лебедеву, возмущенному моим отчуждением от России, выразившимся в употреблении слов “российская сторона”, поинтересоваться значением слова “сторона” в словаре Даля, или хотя бы познакомиться с “подмосковной, сердцу близкой, среднерусской стороной”).

Совсем не смешно, когда депутат Государственной думы, претендующий если не на всенародное, то на общемосковское признание, опускается до ксенофобии, пусть даже из конъюнктурных политических целей.

Раздвоение у Александра Лебедева налицо. А вот личности, к сожалению, как не было, так и нет.

Константин Затулин,
депутат Государственной думы

На заре перестройки лаборанты ринулись в депутаты. Теперь начался обратный процесс

*И.о. главного редактора
газеты “Вечерняя Москва”
Ж.С. Авязовой*

Уважаемая Жанна Семеновна!

10 ноября в Вашей газете был опубликован пасквиль, озаглавленный “О природе творческих мук банкира и депутата Александра Лебедева” и подписанный Константином Затулиным, моим коллегой по Государственной думе, а по совместительству — советником мэра Москвы. Поначалу мне показалось странным, что г-н Затулин избрал именно “Вечернюю Москву” для сведения счетов с моей скромной персоной. Однако на днях, изучая документы об исполнении бюджета

Москвы, я обнаружил, что Ваше издание является довольно значительным получателем бюджетной помощи — в текущем году она составила 48 млн рублей. Думаю, не ошибусь, если предположу, что эти деньги с лихвой компенсируют все расходы, связанные с содержанием газеты.

А если учесть, что львиную долю рекламы, размещаемой в “Вечерней Москве”, предоставляют Банк Москвы, “Московская страховая компания” и прочие контролируемые правительством Москвы бизнес-структуры, близкая дружба с городскими властями позволяет уверенно смотреть в будущее многочисленным физическим лицам, являющимся совладельцами ЗАО “Концерн «Вечерняя Москва»” и АОЗТ “Вечерняя Москва”. Во всяком случае, надеюсь, что контрольно-счетные органы в ближайшее время удовлетворят мой внезапно проснувшийся интерес к их благосостоянию.

Так или иначе, в свете вновь открывшихся обстоятельств, саркастические намеки Затулина насчет моего якобы излишне частого появления в газетах, в которых у меня “есть доля”, представляются весьма двусмысленными. В отличие от советников мэра, для меня, простого российского гражданина и коренного москвича, выступление в газетах и на телевизионных каналах, существующих за счет бюджета города Москвы, пока является недостижимой мечтой.

Признаюсь, это обстоятельство очень огорчает. Хотя бы потому, что в выплачиваемой Вам ежегодно из бюджета сумме есть, как выражается Затулин, и моя скромная “доля”. Однако, если дело исключительно в творческих разногласиях и мое мнение Вам, как редактору, совершенно безразлично, прошу опубликовать это письмо и нижеследующий текст ответа Затулину (прилагается) на правах рекламы. В отличие от оппонента, который просто использует свое служебное положение (или, как это сейчас модно говорить, “административный ресурс”), я готов, наряду с Банком Москвы, внести дополнительный вклад в процветание Вашей газеты.

“Аффар” Затулин меняет профессию

Вечером 10 ноября, купив, по обыкновению, самое популярное у жителей столицы, самое успешное в коммерческом плане и самое независимое от городских властей издание — газету “Вечерняя Москва” — я был приятно удивлен ее содержи-

мым. А точнее — статьей депутата Госдумы, советника мэра Москвы и директора Института стран СНГ Константина Затулина “Раздвоение. Личности ли?”.

Наконец-то нашелся депутат, который серьезно следит за моей публичной деятельностью. В отличие от большинства коллег, вспоминающих о тех или иных инициативах “банкира и депутата Александра Лебедева” спустя год-два или после соответствующих указаний президента (как, например, в случае с материнским капиталом, малоэтажным домостроением, игорным бизнесом или пресловутыми мигалками), этот задне-скамеечник внимательно, с карандашиком изучает все мои выступления. Да что там выступления! Он, например, проявляет редкую осведомленность о состоянии моих активов — настолько, что может дать фору бывшему заместителю Генерального прокурора Юрию Бирюкову, которому я так и не смог доказать, что у меня имеются акции компании “Ильюшин Финанс”.

Вероятно, эти недюжинные способности к оперативно-розыскной деятельности происходят из славного студенческого прошлого Константина Федоровича. Из тех времен, когда он командовал комсомольским оперотрядом и пачками выводил на чистую воду разного рода отщепенцев и антисоветски настроенных элементов из числа обитателей общаг МГУ. Правда, мне невдомек, например, каким образом в число газет, где, по мнению этого активиста, у меня “доля”, попали “Комсомольская правда” и “Московские новости” (надеюсь, Владимир Потанин и Аркадий Гайдамак не запишут меня в “черные рейдеры”). Но ведь и на старуху бывает проруха.

Впрочем, газеты — не единственная сфера медиапространства, где депутат Затулин увлеченно фиксирует мои следы. Публикация в “Вечерке” — это на моей памяти первый случай (по крайней мере, в нашей стране), когда кто-либо, не говоря уже о парламентариях, на полном серьезе и в бумажной прессе вступал в полемику с тем, что написано в Интернет-блоге. И вот — свершилось. Оказывается, наш следопыт внимательнейшим образом изучал мой дневник в “Живом журнале”. “13 октября у Шурика [ваш покорный слуга] случилось целых два приступа подряд в ЖЖ в Интернете, в 14 час. 31 мин. и в 17 час. 19 мин.”, — пишет советник мэра Москвы. Живо пред-

ставляю себе почтенного депутата, сутками напролет сидящего в Интернете и “засаекающего” подозрительные записи юзера alex_lebedev (остается лишь гадать о “никнэйме” депутата — в ЖЖ довольно много “аффтатов”, чьи посты не могут цитироваться в газетах по цензурным соображениям).

Увы, судя по всему, первопроходец не учел, что излишнее увлечение виртуальным пространством таит в себе большие опасности для психики. С большим прискорбием вынужден констатировать, что Константин Федорович стал жертвой общения с компьютером и страдает от помрачения рассудка. Ему уже мерещатся какие-то “интернет-негры”, “одномоментно” (!) преследующие его “на многих сайтах” во всемирной паутине (надеюсь, миллионы темнокожих пользователей сети проявят снисхождение к несчастному депутату и не будут требовать для него наказания за разжигание расовой ненависти). Однако галлюцинации и мания преследования — лишь полбеда, свалившейся на директора Института стран СНГ. Налицо все симптомы частичной амнезии. И вот почему.

Как я понял, поводом для опубликованной в “Вечерней Москве” филиппики были мои высказывания в упомянутом Интернет-блоге относительно подготовленного Затулиным проекта заявления Госдумы по ситуации в Грузии. В этом проекте депутат предложил нам зачем-то поклясться в приверженности территориальной целостности Грузии и срочно легализовать всех граждан этого государства, кто по состоянию на 1 октября текущего года незаконно находился на территории России. Я действительно посмеялся над этим текстом, который назвал глупым, а главное — совершенно несвоевременным. Но дело в том, что к точно таким же выводам относительно собственного творчества пришел... депутат Затулин, который отозвал свой собственный проект! (Кстати, мотивом для моей реплики в Интернете был даже не сам текст, а поведение депутата, который в процессе проталкивания своего обращения успел нахамить людям, работающим в аппарате Госдумы.)

Вот эта война с собственной тенью заставляет меня предполагать, что коллега либо совершенно неадекватен, либо пишет под чью-то диктовку. Мне и тогда казалось и теперь кажется очень странным, что депутат, который любит произносить тосты в Сухуме и Цхинвале, призывать к введению всяческих

санкций в отношении Грузии, вдруг заворковал как самый настоящий “голубь”. Причем именно в тот момент, когда бизнесмены грузинского происхождения начали испытывать особый дискомфорт в российской столице — особенно те из них, кто контролирует многочисленные казино и игорные заведения. И вопросы к депутату Затулину в такой ситуации должны возникнуть у любого, способного к логическому мышлению человека. Тем более что игорным бизнесом в правительстве Москвы занимается нынешний заместитель мэра Орджоникидзе, у которого нынешний советник мэра Затулин во времена комсомольской юности был на побегушках в ЦК ВЛКСМ.

И не странно ли, что при такой пунктуальности по поводу моих записей (“13 октября в 14 час. 31 мин.”!), статья в “Вечерней Москве” вышла спустя почти месяц? Здесь опять же могут быть только две версии: либо наш подопечный — тугодум, каких свет не видывал, либо его выступление не случайно появилось именно сейчас, когда президент объявил по всему фронту наступление на игорный бизнес. Кому-то очень понадобилось сделать мне и другим застрельщикам выселения игорного бизнеса из столицы очередную “бяку”, поставив борьбу с игорным бизнесом на одну доску с ксенофобией. *Cui prodest?* (кому выгодно?) — спрашивали в таких случаях жители Древнего Рима.

И последнее. Г-н Затулин в своей статье проявил интерес к желудочно-кишечным расстройствам, указав, каким образом надо избавляться от такого рода недугов. Думаю, Константин Федорович ошибся в выборе профессии. Правда, чтобы стать хорошим гастроэнтерологом, надо долго учиться и иметь большую практику. Для депутата Затулина есть более простой способ заняться любимым делом. Когда-то, в разгар перестройки, лаборанты пошли в политику и стали депутатами. В случае с Затулиным для всеобщего блага надо запустить этот процесс в обратном направлении и командировать его по партийной линии лаборантом в ближайшую поликлинику — принимать анализы. Там сейчас большая нехватка кадров.

С Михаилом Касьяновым

Трудное слово “реформа”

Внешне показатели российской экономики выглядят великолепно. Более того, почти все правительства развитых стран могут только позавидовать таким результатам. По данным статистики, быстрый рост экономики подпитывается настоящим потребительским бумом, вызванным опережающим ростом доходов населения.

Но при этом даже отъявленные оптимисты сейчас весьма осторожно высказываются по поводу экономических перспектив. Главная причина, на мой взгляд, в том, что на глазах все более углубляются противоречия между сильными фундаментальными основами экономики и накапливающимися факторами неопределенности, между декларациями и реальными действиями властей. Именно неопределенность, которую предприниматели, как известно, не любят больше всего, служит основной причиной поступательного ухудшения инвестиционной ситуации.

Это ухудшение уже отразилось в показателях, которые не поддаются “настройке”, подобно телеканалам, — в резком увеличении бегства капитала и замедлении инвестиционного процесса в нефинансовом секторе. Но и финансовый сектор не остается в стороне — прошлогодний так называемый не-кризис в банковской сфере демонстрирует, что кризисные явления могут развиваться и быстро распространяться, если давно назревшие и жизненно необходимые реформы свертываются или откладываются.

К сожалению, перечень таких “преобразований” продолжает расти. Превратилась в бездарную комедию переодеваний административная реформа. Чиновников в результате стало только больше, а согласований и силового давления — намного больше. Обращена вспять насущно важная пенсионная реформа, лишившая возможности планировать свое финансовое будущее самую активную часть населения. Застопорены преобразования в электроэнергетике. Обратилась в свою проти-

воположность идея страхования депозитов: оказалось, что в стране более восьми сотен банков, за надежность которых государство готово поручиться перед вкладчиками. Госбанки тем временем вновь возвращают себе доминирующие позиции на всех прибыльных рынках. Наконец, неуклюжая попытка провести социальные преобразования, выведшая терпеливый российский народ на улицы, надолго закрыла путь для проведения насущно необходимых реформ в социальной сфере. Наверное, лучший выход, как уже предлагалось, — запретить использование термина “реформа” и начать говорить об “изменениях к лучшему”.

При этом растет как на дрожжах “стратегическое” значение отдельных сфер российской экономики. Я имею в виду все новые и новые секторы, где запрещается сколько-нибудь серьезное иностранное присутствие: это уже не только нефть, газ и другие природные ресурсы, но и машиностроение, госбанки. По-видимому, очередь за сельским хозяйством. Государственный сектор, подрывая основы и мотивацию свободного предпринимательства, вновь занимает командные высоты в экономике, и это неизбежно приводит к эскалации коррупции. Должен подчеркнуть, что это отнюдь не новая проблема для России, но сегодня ее масштабы, по моим и не только моим оценкам, серьезно возросли.

К сожалению, правительством и Банком России совершенно утрачен контроль над инфляцией. На рынке, да и в правительстве уже мало кто верит и в недавно скорректированный инфляционный потолок в 10%. Многолетняя бюджетная сбалансированность, являющаяся мечтой для любого правительства (профицит свыше 4% от ВВП в 2004 г.), грозит уже в следующем году обернуться бюджетным дефицитом. Если бюджет будет принят исходя из обсуждаемых сегодня ориентиров на раздутые расходы, он не выдержит даже умеренного снижения цен на нефть до уровня 2002–2003 гг., а многомиллиардный стабилизационный фонд будет съеден менее чем за год даже без финансирования пресловутых “эффективных инновационных проектов”.

В итоге я не исключаю, что России придется вскоре расстаться с суверенным инвестиционным рейтингом, с таким трудом завоеванным в результате упорной пятилетней работы. А в силу практики рейтинговых агентств такая же участь будет

ожидать многие регионы и корпорации. Поэтому общество в целом уже не может оставаться в стороне от бюджетного процесса.

Фискальная ситуация усугубляется сегодняшней практикой трактовки и применения налогового законодательства при полном попустительстве судебной системы. Может показаться, что напуганные люди — лучшие налогоплательщики, но асимметричные и произвольные действия в налоговой сфере скорее подталкивают бизнес к свертыванию деятельности. Даже иностранные участники рынка, долго считавшие, что покровительство своих правительств дает им полный иммунитет, уже с удивлением обнаруживают, что так называемые показательные налоговые процессы — это не только внутреннее дело России и случайная беда “отдельных” российских компаний.

Если попытаться спрогнозировать развитие экономической ситуации в России, мне видятся два возможных сценария.

Сценарий 1

Оптимистический сценарий возможен, если власти срочно сформулируют четкую и реальную программу кратко— и среднесрочных мер по устранению имеющихся неопределенностей и снятию закономерной озабоченности инвесторов, а затем будут эту программу шаг за шагом реализовывать. Только это позволит восстановить доверие и продолжить развитие тенденций экономического роста.

В частности, в налоговой области недостаточно косметической правки законодательства и некоторого смягчения практики правоприменения. Нужны кардинальные меры по пересмотру процедур действий налоговых органов и восстановление презумпции невиновности налогоплательщика.

Пока не поздно, уже на текущей стадии построения бюджета 2006 г. необходимо прекратить даже рассуждать о радикальных налоговых инициативах типа отмены НДС или сокращения его на треть и резко сократить раздутые под гипнозом нефтяных цен расходные аппетиты. Государственные инвестиции индуцируют больше воровства и коррупции, чем экономического роста. Пока растущие инфляционные ожидания только формируются, нужны неотложные и самые жесткие монетарные и немонетарные меры по восстановлению контроля над инфляцией.

Сценарий 2

Все это может быть неприятно, но второй сценарий значительно пессимистичнее. Если угрозы по-прежнему будут игнорироваться и власти продолжают спокойно почивать на подушке нефтяных цен, накапливающиеся риски в конечном итоге подавят экономический рост, ограничив его отдельными индустриальными анклавами, и приведут к кризису финансовой системы. Иными словами, Россия не сможет противостоять даже краткосрочным экономическим вызовам, не говоря уже о решении насущно важных задач экономической модернизации и диверсификации.

В последнее время часто говорят, что вместо привлечения инвестиций в российскую экономику я, наоборот, подрываю к ней доверие. Я не думаю, что оптимальный метод укрепления доверия состоит в рисовании розовой картины, в чем, к сожалению, многие сегодня преуспели. Это краткосрочный и заведомо ложный подход, чреватый глубоким разочарованием инвесторов и отказом иметь дело с Россией в обозримом будущем. Мы через это уже проходили.

Напротив, нет иного способа формирования долгосрочного сотрудничества, кроме как с самого начала быть честными перед собой и нашими партнерами. Я исхожу из того, что каждый инвестор, приходящий работать в страну, должен отдавать себе отчет в имеющихся рисках. Только в этом случае он сможет избежать неприятных неожиданностей, минимизировать эти риски, управлять ими.

Реформы — это не неудачный термин, а необходимое условие для развития, повышения конкурентоспособности российской социально-экономической системы, только-только вставшей в результате энергичных действий предпринимателей на путь коренной реструктуризации и поступательного роста. Поэтому я буду прикладывать все усилия для реализации первого сценария и призываю вас делать то же самое.

Михаил Касьянов,
президент консалтинговой компании “МК-Аналитика”,
премьер-министр России в 2000–2004 гг.

Статья основана на докладе, сделанном автором на Российском экономическом форуме в Лондоне.

О пороках и пророках

Судя по тексту послания президента Федеральному Собранию, редакционные статьи “Ведомостей” и многочисленные выступления моих коллег о необходимости обеспечить свободу СМИ, независимость судебной системы и невмешательство государства в дела общества услышаны: теперь главным критиком Кремля стал Владимир Путин. Так что поле для дискуссии сузилось до проблем экономики, где в последнее время пробует себя наш бывший премьер Михаил Касьянов.

Его выступление на российском экономическом форуме в Лондоне и появившуюся по следам этого события публикацию в газете “Ведомости” можно рассматривать как заявку “МК-Аналитики” на роль если пока не мессии, то уж точно пророка. Хочу лишь заметить, что главным фактором, определившим несомненные достижения эпохи его премьерства, был именно политический, и следовало бы как минимум разделить лавры с президентом. Ведь стабилизация экономики и “ростки роста” возникли именно на фоне восстановления дееспособности государства.

Однако прокламация экс-премьера звучала бы куда убедительнее, предвари он ее своим собственным покаянием. Как известно любому, даже начинающему экономисту, первопричина кризисов нередко отстоит во времени далеко от того момента, когда они становятся очевидными. Вряд ли можно, не покрывив душой, обвинить только одного Сергея Кириенко в дефолте 1998 г. — ясно же, что его истоки следует искать в том числе и у подножия пирамиды ГКО. Так и со многим усмотренным Касьяновым сегодня — все это родом из вчера.

Например, он пишет: “...прошлогодний так называемый не кризис в банковской сфере демонстрирует, что кризисные явления могут развиваться и быстро распространяться”. Кто же спорит? Только этот самый “не кризис”, по сути, произошел из-за упорного нежелания правительства и ЦБ расследовать основные случаи преднамеренного банкротства банков во второй половине 90-х гг. — всех этих СБС-Агро и прочих. Если бы виновники тогда были наказаны, ничего подобного прошлогоднему не произошло бы. Только вот незадача: впервые свое-

временные действия по предотвращению надувательства были предприняты как раз после отставки Касьянова — в случае с Содбизнесбанком.

Или другой упрек бывшего главы кабинета — о том, что “государственный сектор... вновь занимает командные высоты в экономике, и это неизбежно приводит к эскалации коррупции”. А разве в 2000–2004 гг. государственный Внешэкономбанк не вырос на “странных” операциях с долгами и пенсионных деньгах? И что мешало откликнуться на предложения частного бизнеса взять на себя инициативу в таких поныне государственных секторах, как, например, авиастроение? Четыре года он тормозил разработанный Национальным инвестиционным советом проект консолидации гражданского самолетостроения в национальную корпорацию, в которой в качестве менеджера выступал бы частный бизнес, а не государственные чиновники, угробившие отрасль.

Недовольство Касьянова вызывают “произвольные действия в налоговой сфере”. Произвол — это, конечно, плохо. Замечу только, что раздражителем, спровоцировавшим налоговиков на ответную реакцию, стала ситуация, возникшая в результате использования схем ухода от налогов, которые возникли в 2000–2003 гг. и породили циничный термин — “оптимизация налогообложения”. А жесткая, порой с перегибами нынешняя фискальная политика наконец-то заставила сырьевой сектор начать платить государству.

Экс-премьер очень переживает по поводу “бегства капитала”, хотя при его премьерстве это самое бегство было весьма масштабным (например, в 2000 г. — \$30 млрд), и именно сбежавший капитал — ему ли не знать об этом — теперь возвращается в Россию в виде инвестиций “зарубежных” компаний с кипрской пропиской. При этом умалчивается о прогнозе Всемирного банка, согласно которому отток капитала из России в 2005 г. сократится до \$3,5 млрд. Закрывает он глаза и на очевидный рост негосударственных заимствований, хотя именно они инвестируются бизнесом в реальный сектор.

В общем, можно еще долго загибать пальцы, находя противоречия между претензиями экс-премьера и результатами его же собственной работы за четыре года. Поэтому, прежде чем выступать с библейскими пророчествами, “МК-Аналитике” неплохо бы усвоить евангельский сюжет о сучках в чужом гла-

зу и бревне в своем собственном. Но не это на самом деле побудило меня написать ответ.

У меня в связи с обсуждаемыми “апрельскими тезисами” возник один недоуменный вопрос и одно принципиально отличное мнение. Вопрос касается пассажа, где перечисляются беды российские, среди которых то, что “обратилась в свою противоположность идея страхования депозитов: оказалось, что в стране около восьми сотен банков, за надежность которых государство готово поручиться перед вкладчиками”. Если последнее — плохо, то что тогда хорошо и в чем была “идея” Касьянова? Может быть, в том, чтобы вместо “восьми сотен” получить госгарантии только под один-единственный — Сбербанк, который, по его же признанию, так “хорошо виден” из окон его фирмы “МК-Аналитика”? Но зачем тогда сокрушаться о засилье госкапитала?

А расхождение мое — в тех самых пресловутых “эффективных инновационных проектах”, над перспективами финансирования которых так иронизирует экс-премьер. Он пугает россиян ростом инфляции, бюджетным дефицитом “уже в следующем году”, утратой Россией суверенного рейтинга (так ли уж это все важно для 90% населения, не имеющего никакой реальной возможности купить новое жилье? К тому же сам по себе рейтинг не гарантирует инвестиций: если, по Касьянову, при наличии странового рейтинга инвестиции сокращаются, стоит ли на него так молиться?). При этом, если посмотреть на рекомендуемый им сценарий, то кроме обычных бюрократических заклинаний о необходимости “сформулировать четкую и реальную программу кратко- и среднесрочных мер по устранению имеющихся неопределенностей” (оцените стиль!) весь позитив сводится к избитому “держатъ и не пушатъ”. Как еще оценить предложение “прекратить даже рассуждать о радикальных налоговых инициативах” и “резко сократить раздутые под гипнозом нефтяных цен расходные аппетиты”?

Я же глубоко убежден, что все макроэкономические показатели вторичны по отношению к главной задаче — обеспечению экономического роста на микроуровне. С моей точки зрения, самый большой недостаток работы и прежнего, и нынешнего кабинетов в том, что профицит бюджета никак не находит здесь своего применения. Между тем часть средств стабилиза-

ционного фонда вполне могла бы использоваться на финансирование инвестиций, причем не только напрямую, но и через предоставление гарантий. Они необходимы как катализатор процесса модернизации и диверсификации экономики. Инвестиционная активность государства должна быть направлена прежде всего и именно на инновационные проекты в сфере высоких технологий, а также на ипотечные программы строительства доступного жилья, что могло бы стимулировать увеличение доли и деловой активности среднего класса.

Нет ничего удивительного в том, что для бывшего премьера наличие в стране стратегических (без кавычек, как в статье) “отдельных сфер российской экономики” является новостью. Неспособность определить эти сферы была и остается одним из тяжелых последствий прежнего, кризисного состояния нашего народного хозяйства. К сожалению, в 2000–2004 гг., несмотря на благоприятную внешнюю и внутреннюю политическую конъюнктуру, так и не была сформулирована стратегия экономического развития страны, ее регионов, размещения производительных сил. И прямую ответственность за это несет экс-премьер. А все те проколы, на которые он указывает, лишний раз подтверждают, что нынешнее правительство никак не может избавиться от его же наследия.

Поэтому в заключение скажу, что как экономисты “МК-Аналитика” все же не Кейнсы, не Кондратьевы и не Фридманы. Пополнение рядов критиков правительства его бывшим главой можно было бы считать большим успехом антипутинской оппозиции, если бы не наличие большого числа желающих и умеющих похлеще обличать пороки коррумпированных чиновников и монетизации льгот (первое место среди них занял президент). А вот что точно его, так это управление внешним и внутренним госдолгом, который хоть и уменьшился на \$10–15 млрд, но посредники вроде “Фалькона” заработали при этом намного больше обычных 2%.

С Юрием Лужковым

**“Плоды трудов
правительства Москвы по внедрению
игорных заведений благодарные москвичи
наблюдают денно и нощно”**

Нижеследующий текст публикуется во исполнение решения Басманного суда г. Москвы.

*Судебному приставу-исполнителю
Второго отдела по ЦАО ГУ ФСПП по Москве
И.В. Кравцову*

Уважаемый Иван Валерьевич!

На мое имя поступил подписанный Вами документ — “Постановление № 33/47924/158-2006 о возбуждении исполнительного производства по решению Басманного районного суда г. Москвы по делу № 2-699/06 от 29.05.2006 г.”. Упомянутым в документе решением суд обязал меня опровергнуть некоторые сведения, содержащиеся в моем интервью, опубликованном ИА “Регнум” (см. публикацию ниже. — *Прим. ред.*) 9 июня 2005 г. Будучи законопослушным гражданином, я выполняю решение Басманного суда. Тем более что в моих высказываниях действительно были досадные фактические ошибки, которые, пользуясь случаем, с радостью исправляю.

Так, я решительно заявляю, что не соответствует действительности мое утверждение о том, что “Правительство Москвы, являясь органом городской власти, закрывало глаза на абсолютно бесконтрольное существование в Москве игорных заведений, перекладывая задачу по урегулированию вопроса об игорных заведениях на Правительство Российской Федерации” (цитирую по документу, а не по интервью. Справедливости ради отмечу, что я выражался не столь коряво). Утверждаю, что указанный “орган городской власти” во главе с Ю.М. Лужковым не закрывал глаза и даже, не побоюсь этого слова, не си-

дел сложа руки. Напротив, он занимался повсеместным внедрением игорных заведений в полном соответствии с Распоряжением мэра Москвы № 758-РМ от 27.07.1998 г. “О внедрении системы “ДжекПот” в Москве”. Трудно переоценить успехи, достигнутые в реализации этого документа совместными усилиями заместителя мэра в правительстве Москвы, председателя комиссии правительства Москвы по игорному бизнесу г-на Орджоникидзе и председателя совета директоров системы “ДжекПот” г-на Гогличидзе. Плоды их трудов благодарные москвичи и гости столицы денно и нощно наблюдают не только в центре города, но и в самых отдаленных его уголках.

Точно так же не соответствует действительности и мое высказывание о том, что “игорная система “Вулкан” является муниципальным заведением”. Не являясь поклонником азартных игр и посетителем игорных заведений, я перепутал названия двух наиболее популярных в Москве игорных систем (прошу прощения, если кто-то из конкурентов “Вулкана” воспринял это как недобросовестную рекламу). Исправляя ошибку, утверждаю, что игорная система “Джек от” является городской экспериментальной программой, разработанной и внедренной мэром Москвы Ю. М. Лужковым в соответствии с Распоряжением мэра Москвы № 1183-РМ от 23.11.1998 г. “О мерах по реализации Распоряжения мэра Москвы № 758-РМ от 27.07.1998 г. “О внедрении системы “ДжекПот” в Москве”. Эффект от реализации этой программы ощущается далеко за пределами МКАД. И не только МКАД: если учесть, что сетью “ДжекПот” владеют кипрские фирмы “Фотинос Холдингс Лимитед” и “Талерти Холдингс Лимитед”, москвичи оказывают неоценимую финансовую помощь одному из ведущих государств Европейского союза.

Я искренне благодарен судьям Басманного суда, которые своим смелым решением избавили Ю. М. Лужкова от нравственных страданий, а меня самого — от угрызений совести. Надеюсь, не этот вердикт побудил мэра Москвы сделать не менее смелое (ибо рискованное с точки зрения закона) заявление о выделении московским судьям 100 квартир?

К сожалению, в своем Постановлении Вы не указали, каким образом и в каких средствах массовой информации я должен выполнить решение суда и опровергнуть задевшие честь и достоинство “органа городской власти” сведения. Я уже напра-

вил главному редактору ИА “Регнум” письмо аналогичного содержания с просьбой, не мешкая, опубликовать его без всяких изъятий. Однако, во избежание взыскания с меня разорительного штрафа в размере 5 МРОТ, а также расходов “по совершению исполнительских действий”, постараюсь довести свою позицию до жителей города Москвы другими, доступными мне способами.

С уважением

депутат Государственной думы
А. Е. Лебедев

Александр Лебедев: мы сделали то, что много лет не могли сделать московские власти

В среду, 8 июня, депутаты Государственной думы Александр Лебедев и Андрей Самошин в порядке законодательной инициативы внесли в нижнюю палату Федерального Собрания проект Закона “О тотализаторах и игорных заведениях”. Законопроект предполагает введение жесткой системы лицензирования тотализаторов и игорных заведений, а также надзора за их деятельностью. Предлагается также запретить нахождение игорных заведений в городах и на расстоянии менее 1 километра от городской черты. По просьбе корреспондента ИА REGNUM законопроект прокомментировал один из его авторов, депутат Александр Лебедев.

Игорный бизнес развивается у нас бешеными темпами, причем, по оценкам экономистов, до 40% игорных заведений сконцентрировано в столице. В течение долгих лет они существовали в Москве абсолютно бесконтрольно, городские власти закрывали на это глаза. Более того, как известно, игорная система “Вулкан” вообще является муниципальным заведением.

Дело не только в том, что через них проходят громадные суммы денег, часто минуя налогообложение. Существование подобных заведений в городе мешает нормальной жизни граждан, и до сих пор московские власти это, кажется, не слишком интересовало. Теперь они развили по этому поводу большую публичную активность: Мосгордума обращается к мэру, мэр заявляет, что казино — “разврат и уродство”. Но почему-то не звучит простое предложение — ограничить этот “разврат” законом, вместо того чтобы перекладывать задачу по его регулированию на Правительство РФ, как это происходит сейчас.

Мы, депутаты группы “Столица”, начали официальную процедуру по изменению законодательства. Причем сделали это до того, как прозвучали громкие заявления со стороны мэрии. У меня, на самом деле, вызывает подозрение то обстоятельство, что все произошло именно в такой последовательности. Очень не хотелось бы думать, что те, кто на самом деле довели до нынешнего разгула “одноруких бандитов”, решили накануне выборов в Мосгордуму набрать очки в глазах населения.

Юрий Лужков призвал уничтожать наркоторговцев по примеру Сингапура

Мэр Москвы Юрий Лужков сожалеет, что российское законодательство не позволяет уничтожать наркоторговцев. “Если одну категорию — наркопотребителей надо больше лечить, а не наказывать, то вторую категорию (наркоторговцев) нужно просто уничтожать”, — заявил Лужков в понедельник на расширенном заседании коллегии столичного управления Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков.

По его словам, правоохранительные органы совместно с городскими властями должны выйти с инициативой существенно ужесточить действующее законодательство. “Я задаю вопрос — в Сингапуре нет наркомании. Давайте сделаем так же”, — сказал Лужков.

Он подчеркнул, что “этих людей (наркаторговцев) нужно уничтожать”. “Но не примет сегодня демократическое государство такой концепции, но близкую к этой концепцию должно принять”, — оговорился Лужков.

Он подчеркнул, что за последние 15 лет в нашей стране делалось множество послаблений участникам незаконного оборота наркотиков и заявил, что ужесточение мер по борьбе с наркобизнесом “абсолютно оправданная мера в масштабах страны”. “Структурам, которые работают в этом направлении, надо давать больше прав и полномочий”, — сказал Лужков.

Мэр отметил, что руководство столичного УФСКН контактирует с властями в вопросах принятия мер к развлекательным и досуговым организациям, где распространяются наркотики. “Знаем, что администраторы (заведений) способствуют распространению наркотиков и получают “отстегивания”, и я обращаюсь к вам — Виктор Леонидович (Хворостян — начальник УФСКН Москвы) и говорю: такие клубы закрывайте! Я беру на себя всю ответственность. Здесь должно быть действие, а не философия”, — заявил мэр.

Он подчеркнул, что 2007 г. в Москве — Год ребенка. “И это не только год новорожденных, это касается здоровья всех детей”, — сказал Лужков.

Мэр отметил, что число наркозависимых растет год от года. По его словам, эта цифра сейчас составляет около 200 тысяч человек, и она “ошеломляющая”, передает “Интерфакс”.

Говоря о деятельности столичного УФСКН, Юрий Лужков отметил, что сотрудники ведомства работали “более эффективно, более внятно стали решать вопросы в сфере борьбы с наркопреступностью, чуть-чуть лучше стали взаимодействовать с другими правоохранительными структурами”.

“Конечно, власти города предельно заинтересованы в результатах вашей работы, но самое главное понимать — какова тенденция, куда идет весь процесс, а здесь налицо — тенденция ухудшения”, — подчеркнул Лужков.

Он отметил, что об эффективности борьбы с наркопреступностью не может быть и речи, пока раскрываемость составляет менее 50%. Мэр добавил, что затем во время следствия и судебных заседаний еще часть подозреваемых будет оправдана или их деяния не будут доказаны, что говорит о том, что реальная цифра раскрываемости преступлений еще ниже.

“Если преступник видит, что государство с ним не борется, он начинает наглеть — это аксиома”, — подчеркнул мэр.

[RTF bookmark start: ВМ1][RTF bookmark end: ВМ1]Сингапур — высокоразвитая страна с рыночной экономикой, в которой государство играет важную роль. Валовой национальный продукт на душу населения — один из самых высоких в мире. Сингапур причисляют к восточноазиатским “тиграм” за быстрый скачок экономики до уровня развитых стран. В стране развиты производства электроники, судостроение, сектор финансовых услуг, отмечает Wikipedia.

Уровень преступности в Сингапуре — один из самых низких в мире, при этом законы в Сингапуре достаточно суровые. Некоторые преступления ведут к наказанию плетью, некоторые — к смертной казни. За убийство и торговлю наркотиками полагается смертная казнь. В период с 1991-го по 2004 г. было осуществлено 400 смертных приговоров, это один из наиболее высоких показателей в мире.

Сингапур — единственная страна в мире, в которой практически нет наркомании.

Юрий Михайлович Незнайка

В минувший вторник на коллегии столичного управления Госнарконтроля мэр Лужков сделал весьма примечательное заявление: федеральное законодательство якобы не позволяет эффективно бороться с оборотом наркотиков. Далее он призвал “уничтожать” наркоторговцев по примеру Сингапура.

Очевидно, градоначальнику пора поменять свою знаменитую кепку на широкополую голубую шляпу, ибо эта пламенная речь уподобляет его Незнайке, только что свалившемуся с Луны (в нашем случае — приехавшему из поселка Молоденово, где за госсчет обитает городская элита). К сведению выдающегося пчеловеда: законы, по которым торговля наркотиками относится к числу особо тяжких преступлений, дают компетентным органам все необходимые рычаги для борьбы с этим отвратительным явлением. Другое дело, что эта борьба пока ведет только к росту потребления наркотиков, о чем на-

глядно свидетельствуют цифры, приведенные на совещании 22 января.

Однако это вопиющее противоречие как раз и является следствием летаргического сна, в котором, судя по всему, пребывают столичные власти. Сотни тысяч молодых москвичей, вовлеченных в деятельность по потреблению и распространению наркотиков, — это, как правило, подсаженные на дурман подростки, ставшие жертвами распространения наркомании. Именно эта криминогенная среда и вовлекает в наркооборот наивную молодежь, которая потом попадает в камеру. Так, вместо того чтобы выкорчевывать корни явления, мэр предлагает теперь этих подростков расстреливать. Голодоморы, ГУЛАГи, репрессии наш народ уже проходил.

Призывая УФСКН закрывать заведения, в которых распространяются наркотики, мэр Москвы перекладывает ответственность с больной головы на здоровую. Не столичные ли власти отвечают за городские школы, ставшие для наркомафии тем же, чем для гастрбайтеров является Черкизовский рынок? Не они ли своими руками создали развлекательную индустрию, которая превратилась в один огромный наркотический мегапритон, крышуемый московскими чиновниками и связанными с ними оборотнями из правоохранительных структур? Ведь реальные наркобароны гуляют на свободе под крышей оборотней в погонах, а никаких общенациональных программ по пропаганде опасности потребления наркотиков в помине нет. Только канал ТВЦ беспрестанно воспеваает мэра — борца с наркодилерами.

Кстати, об оборотнях. Когда-то соответствующее подразделение МВД называлось УБНОН — Управление по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Теперь есть отдельное ведомство, которое называется ФСКН — Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков. Почувствуйте разницу: если раньше ключевым словом было “борьба”, то теперь “контроль”. Очень похоже не то, что это не просто игра слов. Некоторые “контролеры” хорошо знают, кто, где, когда и почему. Просто этот бизнес, будучи у них “под контролем”, дает неплохой доход. Зачем же резать курицу, несущую золотые яйца? А для показателей и отчетности сгодятся прекурсоры — вещества, которые теоретически можно использовать для производства синтетических наркотиков. Сегодня это главный объ-

ект внимания ФСКН. В результате количество изъятых тяжелых наркотиков падает, зато возникло 2 тысячи уголовных дел против тех, кто продавал антифриз или растворители для красок (скоро, наверное, начнут сажать продавщиц универмагов за продажу клея “Момент” или сотрудников бензоколонок за реализацию бензина).

Помнится, полтора года назад мэр Москвы назвал игорный бизнес “полным развратом и моральным уродством”, призвав его искоренять самым радикальным образом. Однако власти города сделали все для того, чтобы наш радикальный законопроект о выводе игорных заведений из столицы не прошел в Госдуме. Благодаря вмешательству президента такое решение все же было принято, причем закон позволяет столичным властям начать ликвидацию “полного разврата” хоть с 1 января с.г.

Увы, для того, чтобы убедиться, что “моральное уродство” в Москве процветает, достаточно просто выйти на улицу. То есть имело место обычное лицемерие. Похоже, что и призывы к заимствованию “сингапурского опыта” в борьбе с наркотиками являются не более чем оборотной стороной наркотогровли. И имеют одну и ту же основу — всемерную наживу.

С Александром Подрабинеком

Памятник оставят с переносом

На мемориал советским воинам в Таллине можно смотреть с двух сторон. Правы обе

10 января эстонский парламент принял закон “Об охране воинских захоронений”, закладывающий основу для демонтажа монументов советским воинам и переноса их могил.

Предполагаемый перенос памятника советским воинам-освободителям в Таллине вызвал необычайно острую реакцию в России.

Обвинения сводятся к тому, что неблагодарная Эстония не чтит память тех, кто освободил ее от фашизма. В этой позиции

есть правда. Но это не вся правда. Обида затмевает факты истории, которую необходимо вспомнить, чтобы понять, почему Эстония решилась на этот шаг.

2 февраля 1920 г. между Россией и Эстонией был заключен Тартуский мирный договор, которым обе стороны официально признали друг друга. 19 лет РСФСР (а затем СССР) и Эстония сосуществовали вполне мирно. Однако в 1939 г., в соответствии с секретными протоколами заключенного 23 августа пакта о ненападении между Германией и СССР (пакт Молотова—Риббентропа), Эстония попадала в сферу советского влияния.

СССР немедленно разместил там свои военные базы с 25-тысячным воинским контингентом. В июне 1940 г. СССР предъявил Эстонии ультиматум, он был вынужденно принят, и к уже имеющимся войскам 17 июня было присоединено еще 90 тысяч советских военнослужащих. Правительство пало, и 21 июля в Эстонии была провозглашена советская власть, а на следующий день принята декларация о вступлении Эстонии в СССР. Так Советский Союз лишил Эстонию независимости еще в первый год Второй мировой войны.

Согласно опубликованному в 2001 г. “Отчету комиссии по расследованию преступлений против человечества при Президенте Эстонии”, в течение последующего года (то есть до начала войны между Советским Союзом и Германией) в Эстонии было арестовано около 7000 человек, из них казнено не менее 1850, в основном по обвинению в антисоветской деятельности. 14 июня 1941 г. на поселение в северные районы Советского Союза были высланы около 10 тысяч эстонцев — ученые, инженеры, творческая интеллигенция, общественные и политические деятели — элита эстонской нации.

После начала войны с Советским Союзом Германия быстро оккупировала Эстонию. 28 августа 1941 г. Красная армия оставила Таллин. При отступлении органы НКВД расстреляли около двух тысяч заключенных, которых не было возможности или желания эвакуировать.

Советская оккупация сменилась немецкой, которая продолжалась до сентября 1944 г. 18 сентября, когда немцы уже отступали на запад, было провозглашено восстановление Эстонской Республики и сформировано правительство, однако продержалось оно всего четыре дня. 22 сентября советские войска заняли Таллин. Члены правительства независимой Эстонии либо бе-

жали от наступавших советских войск, либо были арестованы по обвинению в коллаборационизме и антисоветской деятельности, а затем расстреляны или сгинули в ГУЛАГе.

Европейский суд по правам человека в нескольких своих решениях дал такую оценку событиям 1939—1991 гг.: “Эстония потеряла независимость в результате Договора о ненападении между Германией и СССР и дополнительных секретных протоколов... Законное правительство было свергнуто, и советское правление было установлено силой. Тоталитарный коммунистический режим Советского Союза провел широкие и систематические акции против населения Эстонии, включая, например, депортацию 10 тысяч человек 14 июня 1941 г. и более 20 тысяч человек 25 марта 1949 г. После Второй мировой войны десятки тысяч человек ушли в леса с целью избежать репрессий со стороны советских властей. Согласно данным органов безопасности, около 1500 человек были убиты и почти 10 000 арестованы в период движения сопротивления 1944—1953 гг.”.

Таковы факты. Интерпретировать их можно по-разному. Разумеется, для солдат и офицеров Советской армии война на территории Эстонии была прежде всего войной с нацистской Германией. Военные вряд ли задавались вопросами о будущем Эстонии и о том, что изгнание нацистов из этой страны приведет к ее аннексии Советским Союзом. Их задача была ясна — дойти до Берлина и положить конец Третьему рейху.

Однако для эстонцев освобождение от нацизма обернулось новым порабощением. Они сразу ощутили на себе весь гнет сталинских репрессий, так же как и русские, украинцы, крымские татары, ингуши и чеченцы — как все другие народы СССР. С той только разницей, что для них этот режим был чужим, навязанным извне, оккупационным.

Если смотреть на памятник в центре Таллина глазами советского человека, то это памятник воинам-освободителям. Если смотреть на него глазами эстонца, то это памятник не столько и не только освободителям, но и поработителям Эстонии.

Осудить Эстонию за ее попытки осмыслить свою историю с позиции своей государственной независимости могут только те, кто либо не знает истории Второй мировой войны и послевоенных лет, либо разделяет имперские идеи советского времени, либо просто ищет повод для политической конфронтации с соседней страной.

Поднимающаяся у нас кампания ненависти к Эстонии имеет все характерные признаки кампании по поиску нового врага. Вслед за Украиной, Грузией, Польшей, Молдавией, которые когда-то были “братскими” или совсем своими, а теперь стали независимыми и сторонящимися своего бывшего “большого брата”. Кампания эта откровенно политическая, играющая на имперских чувствах и великодержавных обидах. Кампания эта откровенно фальшивая, ибо память о погибших в войне с фашизмом состоит, прежде всего, не в заботах о памятниках в соседних странах, а в заботах о собственных военных пенсионерах, о забытых всеми и часто бедствующими стариках — участниках войны. О тех погибших в боях солдатах и офицерах, чьи останки до сих пор не захоронены. Их десятки тысяч лежат в лесах на Смоленщине, Брянщине, под Вязмой. Их ищут и находят добровольцы из поисковых отрядов, а государство от этой подлинно государственной работы практически самоустранилось. Зато оно гневается на эстонцев, вздумавших, нет, не снести вовсе памятник советским воинам, а только перенести его с центральной площади столицы в другую часть города.

“Россия — великая держава, ее нельзя оскорблять пренебрежением к ее святыням”, — слышится все нарастающий гул псевдопатриотов. Да, Россия могла бы быть великой державой, если бы больше думала не о том, как устроить жизнь у соседей, а о том, как наладить ее у себя.

Александр Подрабинек

Государственный вандализм как следствие избирательной амнезии

Статья Александра Подрабиника “Памятник оставят с переносом”, опубликованная 22 января в “Новой”, вызвала смешанные чувства. Оказывается, мы зря “гоним волну”. Мы — это ветераны Великой Отечественной войны, более 400 депутатов Госдумы, активисты общественных организаций в России и Эстонии, выходящие на акции протеста в связи с намерениями эстонских властей демонтировать мемориальный комплекс советским воинам-освободителям в центре Таллина. При-

чем намерениями, стыдливо прикрываемыми некими “неотложными хозяйственными нуждами города”.

Мне почему-то кажется, что, если бы наши власти решили снести или перенести из сочинской Красной Поляны куда-нибудь в тмугаракань дом-музей классика эстонской литературы Антона Хансена Таммсааре (мотивируя это, скажем, необходимостью застройки района спортивными объектами для зимней Олимпиады или экологическими соображениями), общественность Эстонии не осталась бы равнодушной. Поэтому рассуждения автора о том, что не надо устраивать “насквозь фальшивую пропагандистскую кампанию”, что это внутреннее дело Эстонии, а нам следовало бы решать свои внутренние проблемы, — это подмена понятий. Есть такие проблемы за рубежом, которые по сути своей являются для нас внутренними.

“Если смотреть на памятник в центре Таллина глазами советского человека, то это памятник воинам-освободителям. Если смотреть на этот памятник глазами эстонца, то это памятник не столько и не только освободителям, но и поработителям Эстонии”, — пишет автор и предлагает нам любопытный исторический экскурс, доказывающий этот незамысловатый тезис.

Конечно, надо признать, что советская власть и сталинизм принесли трагедию для жителей Эстонии — как и для миллионов людей в других республиках бывшего СССР, в том числе и России. И репрессии, и депортации, и ГУЛАГ — все это было, это необходимо признать, и мы в России это уже давно признали (правда, сама независимость Эстонии, тот самый Тартуский мирный договор 1920 г., о котором пишет Подрабинек, — это ведь тоже подарок советской власти, а Ленин и Троцкий имеют такие же права на титул основателей независимой Эстонии, как и Пятс с Лайдонером).

Однако какое отношение ко всему этому имеют наши сограждане, в память о подвиге которых был поставлен таллинский монумент? Они не служили в НКВД и не занимались репрессиями. Да и как вообще можно говорить о “поработителях” или “освободителях” Эстонии, когда эта земля всего два небольших, исторически ничтожных отрезка времени была эстонской — с 1920-го по 1939-й и с 1991 г. по наши дни. Все остальное время территория Эстонии, в отличие, скажем, от той же Литвы, входила в состав других государств и была под властью других народов — датчан, немцев, шведов, русских.

Поэтому большая часть достопримечательностей Эстонии, рекламируемых в туристических буклетах, с точки зрения эстонца (так, как ее себе представляет Александр Подрабинек) представляет собой один большой музей оккупации под открытым небом. Мемориал советским солдатам на площади Тынисмяги политически ничем принципиально не отличается от названной в честь норвежского короля Олафа II церкви Олевисте, дворца Петра I Кадриорга, замка Мариенберг, построенного графом Орловым-Давыдовым, и многих других памятников. Почему бы, следуя провозглашенным идеалам, не снести все эти “символы порабощения”? Это было бы достойным, а главное, логичным продолжением того государственного вандализма, который эстонские власти хотят учинить в отношении “Бронзового солдата”.

“Осудить Эстонию за ее попытки осмыслить свою историю с позиции своей государственной независимости могут только те, кто либо не знает истории Второй мировой войны и послевоенных лет, либо разделяет имперские идеи советского времени, либо просто ищет повод для политической конфронтации с соседней страной”, — пишет Подрабинек. Честное слово, до сих пор никак не могу решить, к какой из перечисленных категорий отнести генерального секретаря Европейского еврейского конгресса Сержа Цвайгенбаума, который сказал, что намерение эстонских властей повлечет за собой моральные и религиозные проблемы, а также приведет к искажению исторических фактов.

Г-н Цвайгенбаум, наверное, решил тактично не напоминать столь любезным г-ну Подрабинеку и борцам с “поработителями”, что во времена Третьего рейха Эстония входила в состав рейхскомиссариата Остланд, коренное население которого из числа “неполноценных рас” (в том числе эстонцы) подлежало депортации в Сибирь, а его территорию предполагалось заселить расово полноценными колонистами из Пруссии. А напомнить не мешало бы. Ведь подобная избирательная амнезия свойственна не только нынешней прибалтийской элите, но и многим нашим интеллектуалам, которые склонны прощать прибалтийским соседям любые шалости только за то, что они якобы борются с “имперским наследием”.

Впрочем, не возражаю против дискуссии о том, как именно надо нам реагировать на происходящее в Эстонии — истерикой и угрозами или здравыми предложениями, основанными на

мировом опыте. Может быть, наши соседи, как молодые новобранцы объединенной Европы, просто не в курсе, как в Старом Свете решаются подобные коллизии. Для этого существует практика, когда иностранцы в частном порядке берут на себя заботу о мемориалах своим соотечественникам, установленным в той или иной стране. Я сам лично принимал участие и в восстановлении монумента русским солдатам-суворовцам на перевале Сен-Готард в Швейцарии, и в установке в Лондоне памятника гражданам СССР, погибшим во время Второй мировой войны, и в реставрации крестов на могилах русского кладбища Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Я уже направил эстонским властям предложение о выкупе участков с мемориалами воинам-освободителям для того, чтобы в дальнейшем организовать их содержание, реставрацию и охрану. Если у них хватит мудрости пойти на такой шаг, проблема решится сама собой. Более того, мы сохраним взаимное уважение. Надо оценивать историю такой, какой она, увы, нередко бывала. Главное, чтобы черные страницы этой истории оставались навсегда перевернутыми.

С Андреем Черепановым

Война с тенью

Несколько дней назад депутат Александр Лебедев провел пресс-конференцию под интригующим лозунгом “Как справиться с оборотнями в галстуках?”. Этими «оборотнями» он назвал российских банкиров, уличенных в отмывании денежных средств, и внес предложение по запрету на профессию. Такая инициатива мотивировалась желанием “очистить банковское сообщество”. Однако на самом деле эта затея втягивает Госдуму в очередной раунд изнуряющего поединка с выдуманными врагами.

По замыслу люстраторов, правка должна быть внесена в статью 174 Уголовного кодекса РФ, определяющую перечень

карательных мер за совершение сделок с целью легализации денежных и иных ценностей, заведомо приобретенных другими лицами преступным путем. Эта статья предназначена для наказания не самих преступников-отмывщиков, а их деятельных помощников, в первую очередь сотрудников банков. Однако признать кого-либо виновным в преступлении может только решение суда. До вступления такого решения в силу все банковские операции априори законны, и банки безусловно обязаны исполнять поручения своих клиентов. Единственное, что они могут, а иногда и должны делать в рамках противоотмывочного законодательства, это информировать о подозрительных сделках Федеральную службу финансового мониторинга. Но отказ от такого информирования либо несвоевременное направление этой информации отнюдь не означают факта совершения банкирами самих преступных сделок (недоносительство о возможном преступлении и само преступление — это разные деяния).

Значит, 174-я статья УК сегодня в принципе не может применяться судьями, когда они твердо следуют букве закона. Понятно, что предлагаемое расширение перечня предусмотренных этой статьей наказаний ничего не меняет.

Зачем бороться с отмыванием?

Сама кампания по противодействию легализации денежных средств, развернутая в России, представляется до уникальности бессмысленной и даже вредной. В соответствии с нормами права легализация (отмывание) — это умышленные действия, направленные на введение денежных средств или иного имущества в законный оборот. В отношениях с банками это зачисление клиентами наличных денег на свои счета.

Так неужели пополнение официального банковского оборота, рост объема “чистых” денег могут таить в себе столь серьезную общественную опасность, что требует наказания как за тяжкое преступление? Наоборот. Здравомыслящее общество должно быть кровно заинтересовано в сокращении доли операций с наличными деньгами. Ведь чем меньше нала, тем меньше возможности проводить теневые расчеты, утаивать налоги, давать и брать взятки. И с другой стороны, неизбежным следствием эффективной борьбы с отмыванием является рост преступности, обслуживаемой “грязными” деньгами. В усло-

виях разрекламированного риска попасть под подозрение, засветиться преступники не несут заработанный ими капитал в банки, а рассчитываются налом с “серым” бизнесом и своими коллегами, плодя новые правонарушения.

В интересах общества надо незамедлительно отменить все противоотмывочное законодательство, включая положения УК. Тот, кто будет пойман за реальное преступление, не должен нести наказание по причине легализации доходов. Напротив, он заслуживает снисхождения за фактическое сотрудничество со следствием, ведь проведенные им через банки безналичные операции оставляют следы и облегчают поиск преступно нажитого имущества и сообщников. Главный вопрос ведь в другом — в неотвратимости наказания за “основное” преступление. Но это дело чести сотрудников правоохранительных органов, а отнюдь не банкиров.

После того как российские банки будут освобождены от исполнения ранее навязанных им функций доносительства на клиентов о “сомнительных” сделках, гарантированно возрастет объем сдаваемой в них наличности и, соответственно, кредитных ресурсов. Предприниматели с большим энтузиазмом станут работать через банки, тогда как сегодня многие из них оперируют налом только потому, что не желают проходить унижительную процедуру контроля. Не каждому хочется ставить в известность о деталях своих операций неопределенный круг лиц: от сотрудников банков (уточню, коммерческих банков, чье любопытство может выходить за рамки исполнения задач по противодействию легализации) до, возможно, продажных чиновников из контролирующих структур.

От такой отмены выиграют также кредиторы и вкладчики банков, которые имеют сегодня непрогнозируемый административный риск — они могут потерять на время или навсегда свои деньги из-за отзыва лицензии у вполне финансово устойчивого банка за недостаточный, по мнению надзорного блока ЦБ, вклад в борьбу с отмыванием.

Двойные стандарты обналички

Непрозрачность практики надзора — это сегодня главный дестабилизирующий и криминогенный фактор в банковском сообществе России. Часто банки объявляются виновными в выдаче клиентам громадных объемов наличных средств, и ЦБ вы-

дергивает — по одному ему известной очередности — лицензии у таких банков, удерживая всех остальных в напряженном ожидании и постоянной готовности “делиться” с проверяющими.

Но дело в том, что выдача нала осуществляется в соответствии с действующими нормами, и банки вполне законно зарабатывают на ней большие комиссионные. На то они и коммерческие организации, чтобы в условиях рыночной экономики зарабатывать, пусть даже пользуясь при этом прорехами в законодательстве. Закрывать же эти прорехи вовсе не представляет труда. Между тем ЦБ ничего не меняет. В результате последовательно формируется порочная, но вполне устраивающая нечестных сотрудников-контролеров система избирательного “крышевания”. Имея монопольное право интерпретации и применения норм, они одни банки строжайше наказывают, а о нарушениях других общество вообще ничего не узнает. Не удивительно, что операции по обналичиванию при этом последовательно дорожают, а поток комиссионных “откатов” растет. И в целом теневая комиссия за выдачу нала достигает по стране нескольких десятков миллионов долларов в месяц.

Очевидно, что “очищение банковского сообщества” надо начать с Банка России, обязав его установить внятные и жесткие правила работы с наличными деньгами и прозрачную процедуру контроля их исполнения. Если же вера в адекватность действий ЦБ подорвана, стоит поручить эту задачу налоговым органам либо зафиксировать все нормы в специальном законе.

Противодействуя таким образом “загрязнению” денег, депутаты могли бы оказать неоценимую услугу обществу.

Андрей Черепанов,
экс-председатель совета
Московской международной валютной ассоциации

Деньги пахнут

Сегодня разбирал старые бумаги и обнаружил свой комментарий, который я отослал в “Коммерсантъ” еще в октябре месяце прошлого года. Собственно, это был мой ответ на статью Андрея Черепанова, в которой он защищал отмывание денег и

обналичку. Так как сама статья Черепанова, как следует из ее текста, была ответом на мою пресс-конференцию, посвященную борьбе с отмыванием, я думал, что имею право на реплику. Увы, промурыжив текст пару недель, “Коммерсантъ” в лице г-на Рогова счел мое мнение неинтересным.

Однако сейчас, в связи с арестом подозреваемых в убийстве Андрея Козлова (пресс-конференция была посвящена внесению инициированных им поправок, предусматривающих “запрет на профессию” за отмывание) и последующих заявлений, этот текст, как и позиция Андрея Черепанова, может оказаться полезным для понимания вопроса. Поэтому я решил опубликовать его в журнале. Вот, собственно, реплика, озаглавленная мною тогда “Деньги пахнут”.

Когда неделю назад я прочитал в “Коммерсанте” статью Андрея Черепанова “Война с тенью”, то поначалу подумал, что автор шутит. Перечитал еще раз и понял: нет, не шутит. Он на полном серьезе считает, что противодействие отмыванию денежных средств “представляется до уникальности бессмысленной и даже вредной” акцией, ибо само это отмывание — не что иное, как обыденное “зачисление клиентами денег на свои счета”. Поэтому, полагает автор, “в интересах общества надо незамедлительно отменить все противоотмывочное законодательство, включая положения УК”.

Если бы какой-нибудь английский джентльмен, сведущий в финансах (тем паче — бывший высокопоставленный сотрудник Минфина), осмелился выступить с подобными тезисами на страницах “Financial Times”, это было бы воспринято так же, как если бы он появился на приеме в Букингемском дворце в подштанниках и с гранатометом наперевес. А эффект, произведенный таким заявлением, значительно превзошел бы треволения общественности по поводу эскапад Осамы бен Ладена или Ким Чен Ира (достаточно сказать, что реализация предложений Черепанова означает автоматический выход России из FATF (Международная организация по борьбе с отмыванием денег), что, пожалуй, похлеще, чем выход Северной Кореи из договора о нераспространении ядерного оружия). Формула “не отмывай!” давно уже стала заповедью не только для Европы и Северной Америки, но и для всех государств, претендующих на минимальную цивилизованность, в том чис-

ле и тех, кто десятилетиями эксплуатировал игнорирование этой заповеди. Ее нарушение сегодня превратит нас в парий мирового финансового сообщества.

Но дело не только в международном резонансе и его печальных последствиях для бытия нашей банковской системы (в конце концов, можно встать на рельсы чучхе, наплевать на весь окружающий мир, превратить Россию в огромную прачечную для отмывания преступно нажитых капиталов). Проблема в том, что автор статьи и впрямь уверен, что одна из бед нашей экономики — это то, что “в условиях разрекламированного риска засветиться преступники не несут заработанный ими капитал в банки”.

Несчастные! Живо представляю себе этих бедолаг, мыкающихся с мешками банкнот. Зачем мы так негуманно? Надо создать им режим наибольшего благоприятствования, предложить дополнительные сервисы. Например, в отделениях Сбербанка открыть специальные окошечки для пополнения счетов наличностью — “для наркоторговцев”, “для сутенеров”, “для рэкетиров”, “для владельцев игорных заведений”, “для смотрящих за рынками” и т.д. и т.п. в зависимости от региональной специфики. Преступники смогут спокойно, не отвлекаясь на суету с отмыванием, заниматься своим промыслом. И деньги потекут в банки, причем не какой-нибудь Язуой или Москва-рекой, а настоящей Амазонкой. Сами банки, конечно же, тут же проникнутся, начнут вкладывать эти деньги в промышленность, в национальные проекты, тратить на благотворительность. И будет всем счастье.

Если серьезно, то Андрей Владимирович не может не понимать, как на самом деле работает у нас то самое отмывание. Никакого отношения к отечественной экономике оно не имеет. Грязные деньги отмываются в наших банках с одной единственной целью — иметь легальную возможность вывести их за рубеж, в те самые страны, где идеи Черепанова считаются дикостью. То есть наши “прачечные” — это элементы большого насоса, выкачивающего финансовые ресурсы из России, из карманов ее граждан.

И не только граждан. Автор столь же пылко защищает тех, кто обналичивает деньги, обслуживая сомнительные сделки. Правда, в данном случае он не утверждает, что это — благо, а лишь указывает, что банки “вполне законно” зарабатывают на

этих операциях свои комиссионные, “пусть даже пользуясь при этом прорехами в законодательстве”. Спасибо хоть на этом, а то не так давно мне довелось прочитать в “Новой газете” заметку на эту тему. Ее автор на голубом глазу утверждал, что борьба с обналичкой может подорвать нашу экономику, так как малому и среднему бизнесу нечем будет платить взятки чиновникам. Между прочим, насчет коррупции этот, в чем-то наивный обозреватель, зрит в корень. Только механизм здесь иной: с помощью подобных схем чиновники “оприходуют” на личные нужды откаты от разворованных ими бюджетных денег. Поэтому отмывание и обналичка — это две стороны одной медали, два лица одного божества тьмы, разлагающего наше общество и разрушающего финансовую систему.

Статья в “Коммерсанте” появилась как отклик на законодательную инициативу: две недели назад я внес на рассмотрение Госдумы поправки в УК и КоАП, предусматривающие “запрет на профессию” для тех, кто занимается отмыванием преступно нажитого. Это та самая норма, о необходимости которой незадолго до своей трагической гибели говорил первый зампред ЦБ Андрей Козлов. Однако этот шаг, который, как я надеюсь, будет поддержан думским большинством, возымеет скорее психологическое воздействие. Он рассчитан на тех менеджеров в руководстве и среднем банковском звене, которые дорожат репутацией и хотят делать карьеру в легальном бизнесе.

Что же касается ситуации в целом, готов повторить то, что сказал на упомянутой Андреем Черепановым пресс-конференции. Единственное системное решение и противоядие от “черных” и “серых” схем в финансовой сфере — это укрупнение российских банков. Для крупных банков, тесно сотрудничающих с государством и интегрированных в международную финансовую систему, само подозрение в причастности к обслуживанию преступных операций — смерти подобно. Хочу заметить, что с точки зрения оказания легальных финансовых услуг объяснить существование большинства российских банков невозможно: при нынешнем уровне рентабельности минимального уставного капитала (а именно его и держатся многочисленные “банчки”) не хватит даже на нормальное содержание банка как структуры.

Мы установили размер минимального капитала в 5 млн евро, и то с 2007 г. Между тем в соседней Украине в сентябре

уже подняли эту планку до 10 млн. Причем там проблема с отмыванием хоть и стоит не менее остро, но масштабы “серых” операций просто несопоставимы. Поэтому необходимо срочно вернуться к подзабытой инициативе РСПП 5-летней давности об увеличении минимального уставного капитала для банков с генеральной (федеральной) лицензий до 3 млрд рублей, что позволит провести санацию банковской системы. И не надо лить крокодиловы слезы о “маленьких, но честных” — применительно к подавляющему большинству случаев такая формулировка сродни все той же “сами мы не местные”.

С тружениками пера

Акции “Ильюшин Финанс” перейдут под английскую юрисдикцию

Вчера депутат Госдумы Александр Лебедев заявил о безвозмездной передаче 26,5% акций авиализинговой компании “Ильюшин Финанс” (ИФ) Благотворительному фонду имени Раисы Горбачевой, зарегистрированному в Великобритании. Управлять акциями будет их нынешний владелец — подконтрольная депутату Национальная резервная корпорация (НРК). Юристы считают, что английское трастовое законодательство потребовалось для защиты акций ИФ, которые должны стать частью государственной Объединенной авиастроительной корпорации ОАК).

Михаил Горбачев вчера заявил *Ъ*, что рассчитывает получить от акций ИФ около \$3 млн дивидендов. “Фонд сможет использовать эти средства на покупку оборудования в петербургский центр детей, больных лейкозом”, — добавил господин Горбачев. В прошлом году, однако, ИФ выплатила всего около 13,5 млн руб. дивидендов — соответственно на пакет в 26,5% пришлось 3,6 млн руб. Кроме того, в ИФ сообщили, что до

конца года компания планирует проведение допэмиссии акций для увеличения уставного капитала в рамках госпрограммы поддержки авиализинга в России. Если владелец пакета в 26,5% не оплатит допэмиссию, пакет существенно уменьшится. При этом, согласно указу президента о создании Объединенной авиастроительной корпорации, доля частных акционеров ИФ должна быть передана до 1 апреля 2007 г. в уставный капитал ОАК. “Видимо, господин Лебедев, не согласный с планами государства включить ИФ в ОАК, решил мягко выйти из бизнеса, — говорит на условиях анонимности источник *Ъ*, близкий к НП ОАК. — Теперь он не будет оплачивать плановую допэмиссию ИФ, однако благотворительный фонд тоже вряд ли профинансирует допэмиссию ИФ”.

«Ильюшин Финанс» для Александра Лебедева была политическим проектом. Теперь же от частных участников ОАК потребуют значительных инвестиций, к чему господин Лебедев, вероятно, был не готов”, — считает эксперт “Брокеркредитсервиса” Севастьян Козицын. При этом он оценивает стоимость 26,5% акций ИФ в \$25 млн. “Возможно, что передача акций фонду продиктована стремлением обезопаситься от политических рисков, поскольку зарубежный благотворительный фонд легче защитить в глазах общественности от претензий со стороны государства и от возможных корпоративных конфликтов”, — полагает Ян Дасгупта, партнер коллегии адвокатов “Гриднев и партнеры”.

“Все 26,5% акций будут безвозмездно переданы Фонду помощи детям, страдающим от онкологических заболеваний, имени Раисы Горбачевой”, — заявил господин Лебедев. По словам господина Лебедева, владеть акциями будет Фонд, а управлять пакетом по-прежнему будет подконтрольная ему Национальная резервная корпорация (НРК), нынешний владелец пакета. По словам господина Лебедева, НРК сможет передать пакет сразу после принятия федерального закона об эндаумент-фондах, предусматривающих налоговые льготы для компаний-меценатов.

ИФ — крупнейшая авиализинговая компания России. Специализируется на продажах и послепродажном обслуживании самолетов “Ил-96” и “Ту-204”. Выручка в 2005 г. — \$88,5 млн, чистая прибыль — 41,29 млн руб. Государству принадлежит 46% акций, Внешэкономбанку — 20%.

Благотворительный фонд имени Раисы Горбачевой зарегистрирован Михаилом Горбачевым и Александром Лебедевым в Великобритании. Это означает, что деятельность и Фонда, и управляющей компании подпадет под действие английского трастового законодательства. “Траст дает владельцу актива дополнительную защиту от возможных взысканий, поэтому он часто используется как механизм корпоративной защиты”, — комментирует Ян Дасгупта. Он не исключает, что пакет акций ИФ может подвергнуться взысканию по каким-либо обязательствам его владельца и в этом причина его смены. “Передача благотворительному фонду позволяет избежать как налоговых последствий, так и проблем с антимонопольными органами, при этом контроль над активом остается у прежнего владельца через механизм доверительного управления”, — говорит господин Дасгупта.

*Александра Грицкова,
Ольга Плешанова*

В огороде бузина, а в Киеве дядька

8 ноября в “Коммерсанте” была опубликована статья Александры Грицковой и Ольги Плешановой “Акции “Ильюшин Финанс” перейдут под английскую юрисдикцию”, посвященная объявленному мной накануне решению передать принадлежащие мне активы ОАО “Ильюшин Финанс” Международному фонду помощи детям, страдающим онкологическими заболеваниями “Фонд Раисы Горбачевой”. К сожалению, содержание этого материала не соответствует действительности, дискредитирует меня, компанию “Ильюшин Финанс” и наносит ущерб деятельности Благотворительного фонда им. Раисы Горбачевой.

Для комментария по поводу перспектив деятельности ИФ журналисты привлекли некоего “эксперта “Брокеркредитсервиса” Козицына, который оценил стоимость активов пакета в ИФ в \$25 млн. Эта цифра не может иметь иного источника

происхождения, кроме извечного русского “с потолка”: сама Национальная резервная корпорация вложила в “Ильюшин Финанс” сумму в 4 раза больше, а на начало этого года рыночная капитализация ИФ оценивалась в \$560 млн, о чем, кстати, писал “Коммерсантъ”.

Авторы материала цитируют другой весьма “информированный источник” — партнера коллегии адвокатов “Гриднев и партнеры” Дасгупта. Последний фактически интерпретирует происшедшее как попытку вывода активов за рубеж, продиктованную “стремлением обезопаситься от политических рисков, поскольку зарубежный благотворительный фонд легче защитить в глазах общественности от претензий со стороны государства и от возможных корпоративных конфликтов”.

Не считаю нужным полемизировать с несостоявшимся юристом и подающим надежды психологом, который, оказывается, лучше меня самого знает о мотивах решений, принимаемых депутатом Лебедевым. Изложение всякого рода конспирологических версий — обычное и объяснимое дело для журналистской работы. Однако накануне журналисты дважды имели продолжительную беседу со мной, получив подробные пояснения о причинах принятого решения. Неужели трудно просто процитировать первоисточник?

Выходит, само предположение о том, что передача акций в Фонд Раисы Горбачевой имеет целью именно то, что заявлено, то есть использование механизма эндаумента для помощи российским детям, страдающим онкологическими заболеваниями, — недостойно внимания Александры Грицковой и Ольги Плешановой. Но тогда непонятно, почему подход авторов столь избирателен и касается только меня и Михаила Горбачева (который, стало быть, “крышует” вывод активов нашего авиапрома в Великобританию). Надо было бы распространить такой метод освещения на другие благотворительные программы, о которых постоянно пишет на своих страницах “Коммерсантъ”.

Не сомневаюсь, что найдется немало мозговедов — “экспертов” и “партнеров”, которые с удовольствием выявят “истинные мотивы” действий любого, кто делает пожертвования — от дешевого пиара до отмыывания преступно нажитых доходов. Кто-то, например, может выдвинуть версию о том, что вся многолетняя благотворительная работа “Б” на самом деле

представляет собой сбор не на операции, а на поддержку подрывной деятельности БАБа.

К счастью, мне это не приходит в голову, так как я уважаю то, что делает газета и Российский фонд помощи. Хотел бы надеяться на взаимность в этом вопросе.

Миллион за испуг

Незадолго до Нового года депутат Госдумы Александр Лебедев публично заявил, что фундамент башни “Федерация” дал трещину. Буквально на следующий день на стройплощадку приехали десятки журналистов. Первым сообщить о надвигающейся катастрофе — большая удача для любого репортера.

Реакция руководителей компании “Миракс Групп” не оставила сомнения в несостоятельности поспешных выводов. “В строительство этого комплекса уже вложено более миллиарда долларов, — сказал директор Департамента по связям с общественностью «Миракс Групп» Михаил Дворкович. — Было бы смешно предполагать, что мы будем продолжать инвестировать данный проект, если у нас есть хотя бы малейшее сомнение, что это здание может разрушиться или принести какой-то вред людям”. И сообщил, что президент компании готов немедленно выплатить миллион рублей любому, кто сумеет найти несуществующую трещину в фундаменте здания.

С тех пор прошло несколько недель. К счастью, миллион остался невостребованным. К счастью — потому, что ошибка в проектировании столь грандиозного сооружения сказалась бы на репутации не только строительной компании, но и столичного стройкомплекса в целом: ход работ находится под постоянным контролем властей, от успешности реализации пилотного проекта зависит будущее высотного домостроения Москвы.

Впрочем, депутатов ни готовность “Миракс Групп” поделиться любой необходимой информацией, ни выводы независимых экспертов не смутили: они намерены провести парламентское расследование и узнать, не допущены ли еще какие-нибудь нарушения на этом и других крупных объектах в столице. Это

уже не первая попытка думцев остановить строительство столичных высоток. Так, в мае 2006 г. группа депутатов выразила намерение направить в МЧС и Росстрой, а также в правительство Москвы запрос по поводу планов застройки “Москва-Сити”, а также реализации городской программы “Новое кольцо Москвы”. А буквально за неделю до этого с рапортом о “решении проблемы высотного строительства в Москве” выступил глава группы “Столица” А. Лебедев. В чем же, по его мнению, заключается проблема? Как найти ее решение? Оказывается, строить жилье в Москве больше нельзя. То, что столичные власти ведут массовое жилое строительство, — пагубная стратегия.

Единственное, что не уточнялось: как поведут себя цены на московскую недвижимость, если столица останется без новостроек? Сейчас в Москве строится по пять миллионов квадратных метров жилья в год. Но преодолеть дефицит не удастся даже при столь высоких темпах. Останови процесс совсем — сколько будет стоить даже самая скромная однокомнатная квартира где-нибудь у Кольцевой автодороги?

Отвечая на эти вопросы, депутаты предлагают альтернативный вариант: отказаться от прописки в столице в пользу Подмосковья, жить не в городских многоквартирных (в том числе и высотных) домах, а в малоэтажках. Для этого необходимо лишь развернуть их широкомасштабное строительство.

Вряд ли подобные предложения можно назвать революционными. Строительством коттеджных поселков в Подмосковье сегодня уже занимаются сотни компаний. Конкуренция на этом рынке крайне велика. И можно с определенной долей уверенности предположить, что именно это и волнует инициаторов громких акций более прочего. “В нашем экспериментальном поселке стоимость метра малоэтажного жилья составляет 400—450 долларов за квадратный метр, — рассказывает о своем детище Александр Лебедев. — Да еще и участок земли к нему. И всего в восемнадцати километрах от Москвы. Жить в наших малоэтажках лучше, дешевле. А процесс возведения их занимает каких-то тридцать часов. Мы часто ставим дома на месте старых изб за 24 часа”.

Учитывая высокий статус депутата, его выступление не могло не привлечь внимания прессы. Рассказ о “доступном и комфортном” жилье в Подмосковье появился и на газетных полосах, и на экранах телевизоров — в качестве новости, но не в ка-

честве темы для серьезного обсуждения. На этот раз обошлось без привлечения экспертов, которые, вероятно, могли бы задать очень неудобные вопросы. Каким, например, будет качество коттеджа, возведенного всего за сутки? Действительно ли он будет теплым, комфортным, надежным? Действительно ли строители уложатся в обещанные 400 — 450 долларов за квадратный метр или же это всего лишь лукавство и к указанной стоимости придется приплюсовывать расходы на закладку фундамента, подключение к инженерным коммуникациям, отделку и обустройство?

Об этом можно только догадываться. Как и о том, удастся ли Александру Лебедеву решить, как было однажды обещано, транспортные проблемы Москвы. Презентация “уникальной дорожной концепции” прошла еще в 2005-м. Подготовила ее по заказу депутатов группы “Столица” европейская компания TransCare. По словам авторов, концепция представляет собой “основные направления перспективной транспортной политики города” на годы вперед. Она включает логистический пересмотр организации транспортных потоков, строительство подземных переходов и отказ от светофоров, выделение полос для общественного транспорта, строительство перехватывающих муниципальных парковок и пр. Складывается ощущение, что г-ну Лебедеву, человеку, безусловно, занятому, просто некогда смотреть телевизор или читать газеты. Потому как в ином случае он мог бы избежать ненужных трат на исследования иностранных специалистов. Ведь все предложенное ими уже давно активно и вполне успешно внедряется в Москве. Это, например, реорганизация движения по “Большой Ленинградке”, которое вскоре будет бессветофорным с большим количеством подземных переходов и паркингов. Кстати, сам Лебедев почему-то не верит в эффективность проекта, несмотря на то, что иностранная компания, проводившая исследования, выступает именно за это. Уже давно городские власти занимаются внедрением перехватывающих парковок. И первые парковки уже открываются. В свою очередь, пользы от работы компании TransCare (раз уж позвали) было бы гораздо больше, если бы концепция разрабатывалась в контакте с местными специалистами, более детально знакомыми с реалиями российской столицы. Однако “Столица” думская предпочла действовать самостоятельно, даже не пытаясь скоординировать свои усилия с

правительством города. В итоге, по отзывам, благое начинание превратилось в крайне дорогостоящую, но неэффективную с точки зрения конечного результата акцию.

Еще одна ситуация. В конце марта прошлого года на заседание “Столицы” был приглашен сам “король диггеров” Вадим Михайлов. Заседание проводил Александр Лебедев, предложивший неформалу почетное место в президиуме. Можно ли считать диггера заслуживающим доверия экспертом?.. Тем не менее именно ему было доверено выносить суждения о дальнейшей судьбе московского стройкомплекса.

Склонность депутатов к организации массовых зрелищных мероприятий можно попытаться объяснить невинной в общем-то склонностью к эпатажу. Складывается такое ощущение, что за стремлением некоторых депутатов к самопиару зачастую теряются сама суть и смысл дискуссии.

Вадим Тихомиров

Конструкциомания как новая разновидность помрачения рассудка

Выражаю искреннюю признательность журналисту “Комсомолки” Вадиму Тихомирову за статью “Миллион за испуг”, в которой содержится подробный критический анализ деятельности депутатов Госдумы из межфракционной группы “Наша столица”. Автор совершенно верно указывает основные направления наших инициатив, связанных с градостроительной политикой и решением транспортных проблем Москвы. Однако с некоторыми выводами, к которым приходит г-н Тихомиров, нельзя не поспорить.

Так, он пишет, что разработанная по заказу группы транспортная стратегия является никому не нужной тратой, ибо “все предложенное давно активно и вполне успешно внедряется в Москве”. Должен разочаровать журналиста. К сожалению, именно в этом вопросе мы можем наблюдать катастрофический разрыв между градостроительной политикой и

транспортной стратегией. Точнее, полное отсутствие и того, и другого.

“Складывается ощущение, что г-ну Лебедеву просто некогда смотреть телевизор или читать газеты”, — пишет Вадим Тихомиров. Ощущение — субъективная категория, но в данном случае автор явно грешит против истины. “При заключении большинства инвестконтрактов вопросы транспортной доступности не обсуждались. Через пару лет город начнет задыхаться в еще большей пробке, чем сейчас”. Это не мои слова, а признание начальника управления формирования градостроительных программ правительства Москвы Алексея Шепеля. К сведению журналиста: в Москве магистральные транспортные сети обеспечивают лишь половину потребности населения, а количество вводимых парковок вдвое отстают от необходимых каждый год 300 000 машиномест.

Автор статьи подвергает критике мои призывы заморозить вплоть до выработки приемлемых транспортных решений новое строительство и запретить застройку центра города. Остается вопрос: кому понадобятся новые дома, все эти миллионы квадратных метров жилья по заоблачным ценам, если из кварталов скоро будет невозможно выехать — ни на личном, ни на общественном транспорте? Положим, мое мнение для журналиста недостаточно авторитетно, но слова того же Шепеля: “Если срочно не будет найдено решение, как обеспечить все строительство дорогами, гаражами и другой инфраструктурой, то придется вводить мораторий на строительство, прежде всего жилья”. Получается, такого решения в правительстве Москвы пока нет. Что, в общем-то, и требовалось доказать.

Отсюда, кстати, вытекает наше крайне негативное отношение к высотному строительству. Программа “Новое кольцо Москвы”, предусматривающая строительство 200 небоскребов, вкуче с широко разрекламированным комплексом “Сити” сделают жизнь в городе невозможной. Обитателям этих высоток придется безвылазно сидеть в своих пентхаусах, превращаясь в добровольных заключенных. Панацея развитию города “по вертикали” известна. Мы живем не в Сингапуре, у нас достаточно территории, чтобы не пытаться все впихнуть в Кольцевую автодорогу. Надо осваивать пригороды, используя технологии малоэтажного домостроения. Автор статьи высказывает сомнения в качестве и доступности модульных быстро-

возводимых домов, которые строятся в подмосковных экспериментальных поселках. Я предлагаю ему самому лично убедиться в том, что отличный семейный дом за 24 часа по цене 500 долларов за метр — это вполне реально (правда, это цена без земли, на стоимость участка мы, увы, не влияем), и эта цена в 10 раз меньше, чем метр средней квартиры в Москве. Известный журналист Тихомиров, может лично принять участие в производстве и посмотреть, как это делается — от цеха до участка. Этот репортаж, не сомневаюсь, позволит ему претендовать на Пулитцеровскую премию.

Что касается цен на жилье, которые якобы взлетят до небес в случае сокращения строительства, то это в чистом виде “страшилка”, фикция. Им уже некуда больше взлетать. Рынок жилья в Москве — это вовсе не способ решения жилищных проблем москвичей. Это рукотворная пирамида, где основными игроками являются городские власти, связанные с ними застройщики и инвесторы. Если вы посмотрите вечером на окна новостроек — они сплошь темные. Потому что квартиры по цене 10 тыс. долларов за метр и выше — это просто способ инвестиций, а точнее — отмывания теневых капиталов.

Хочу заметить, что пагубность высотного строительства — не только в колоссальном ущербе для инфраструктуры Москвы. Никто до сих пор не смог убедительно доказать, что для нашей столицы с ее сложной геологией этот вид застройки является безопасным. Вадим Тихомиров напоминает мне трещину в фундаменте башни “Федерация”. Однако никто из представителей властей, из руководителей контролирующих органов до сих пор не дал никаких комментариев. А логика застройщика восхитительна: “Как может появиться дефект, если в здание вложено более 1 млрд долларов?!” Примерно так же говорили когда-то про “Титаник” — никто не верил, что корабль, построенный за такие огромные деньги, может затонуть от простой пробоины. В здание можно, конечно, вложить и триллион, обклеив его вместо обоев стодолларовыми купюрами. Только к безопасности конструкции это не имеет отношения. В России нет строительных норм и правил (СНиПов), рассчитанных для домов выше 75 м. Так что вся эта небоскребомания, имеющая единственной целью максимальную прибыль для стройкомплекса и связанных с ним чиновников, — это в чистом виде самодеятельность. Так что, будем ждать, пока один из этих монстров рухнет, как Транс-

вааль-парк или Бауманский рынок, и погребет под собой десятки тысяч людей? Не лучше ли вместо того, чтобы потом искать стрелочников, очередных нодаров канцели, пересмотреть приоритеты градостроительной политики?

Если бы к власти в Москве пришли представители Гринпис, то у нас не было бы никаких экологических проблем. Но при этом москвичам пришлось бы жить в шалашах и землянках. Нынешняя ситуация, когда у власти в Москве находятся антиподы экологов — строители, не менее угрожающая, потому что они стремятся застроить каждый клочок земли, вгрызаются в подземелья и нагромождают свои небоскребы.

У меня, как и у Вадима Тихомирова, тоже есть ощущение. Ощущение, что мы имеем дело с новым умопомрачением, которое можно назвать конструкциоманией — болезненным влечением к строительству. Это очень опасное расстройство, ибо оно наносит ущерб не самим душевнобольным, а окружающим людям. Единственный путь минимизировать ущерб для общества — не пускать конструкциоманов во власть. Пусть лучше пишут заказные статьи в газетах. На то она и свобода слова.

А что касается нацпроекта “доступное жилье”, то до тех пор, пока в рабочей группе проекта заместителем будет состоять Елена Батурина, предлагаю впредь величать его “недоступное жилье” — недаром за последний год цены на жилье выросли в 2 раза, и на рынке появились совсем диковинные предложения вплоть до 150 тыс. долларов за квадратный метр.

Из сената — на нары. Андрей Вавилов наконец-то ответит за свои грехи

Этого дня я ждал много лет: не было во всей новейшей истории России человека более неуязвимого, чем Андрей Вавилов — бывший первый зам. министра финансов, а ныне скромный член Совета Федерации.

Много раз Вавилова пытались упечь за решетку, но высокие покровители неизменно оберегали его покой: уголовные дела разваливались, под суд отдавали одних только стрелочников.

И все-таки это случилось: вчера Верховный суд удовлетворил прошение Генпрокурора Юрия Чайки и официально подтвердил то, что было понятно еще много лет назад, — действия Вавилова носят состав преступления. Отныне у прокуратуры нет больше никаких препон: в ближайшее время она может обратиться в Совет Федерации за снятием с Вавилова неприкосновенности.

О подвигах Андрея Вавилова я пишу уже много лет. Кажется, не было в ельцинскую эпоху коррупционного скандала, к которому не приложил бы он руку; недаром называли его профессором Мориарти.

Вот и о деле, которое реанимировала сейчас Генпрокуратура, мне приходилось рассказывать многократно. Речь идет о хищении \$231 млн, выделенного правительством под реализацию индийского контракта на поставки истребителей “МиГ”. Контракта, добавлю, несуществующего: к тому моменту, когда миллионы были выданы из бюджета, срок межправительственного соглашения уже истек.

Но даже это еще было полбеды. До завода-изготовителя деньги просто не дошли. Их отправили в коммерческий банк “МФК”, откуда они плавно исчезли.

Короткая цитата из вердикта Верховного суда: “По указаниям Вавилова перечисленные из Минфина 112 835 000 долл. США были переведены по подложным документам на счет №№..., принадлежащий фирме Cintra Management LTD, и счет №№..., принадлежащий фирме Cedar Management LTD (обе фирмы зарегистрированы в офшорной зоне на Багамских островах в 1996 г. на подставных лиц), и впоследствии похищены”.

А через месяц Вавилов уволился с госслужбы и оказался в кресле... президента “МФК”. Отныне он был уже легальным миллионером и добропорядочным предпринимателем.

Дело о пропавших миллионах расследовалось в прокуратуре битых десять лет; его то возбуждали, то прекращали. Время от времени следователи даже отправляли кого-то за решетку — кого угодно, только не Вавилова.

Так продолжалось до последнего времени, пока в прокуратуре не поменялась власть. В конце прошлого года постановление о прекращении против Вавилова уголовного преследования было отменено. В январе Верховный суд вынес вердикт о наличии в его действиях состава преступления: таков порядок для сенаторов и депутатов.

Это шокирующее известие Вавилов встретил, отдыхая за рубежом. Многие считали, что домой он уже не вернется, однако досточтимый сенатор слишком привык к своей магической неприкосновенности. Вавилов демонстративно появился на первом же заседании Совета Федерации. А одновременно сразу в нескольких PR-агентствах были размещены “заказы” на автора этих строк. (Тексты этих “заданий” есть в моем распоряжении: ничего нового — “агент КГБ”, “идеолог репрессий”, “сливной бачок”.)

Он по-прежнему рассчитывал на помощь своих высоких друзей; для того и направил в Верховный суд кассацию. Но любое волшебство тоже имеет срок действия: всякая карета рано или поздно превращается в тыкву, а лакеи — в крыс.

Конечно, следующий шаг за Советом Федерации, куда обязана обратиться Генпрокуратура, дабы снять с Вавилова неприкосновенность. Но сомневаюсь, чтобы Миронов встал на защиту столь одиозной персоны: в разгар региональных и в канун думских выборов ему это точно ни к чему.

Я очень надеюсь, что Генпрокуратура не ограничится одной только индийской историей: в ее архивах давно уже пылятся другие уголовные дела на Вавилова. (Об одном из них мы подробно рассказывали вчера: вместо Вавилова под суд был отдан начальник финуправления Минобороны генерал Олейник.)

Дабы облегчить работу “государева ока”, мы специально публикуем краткий перечень таких дел: своего рода этапы большого пути г-на Вавилова.

Хочется верить, что по этапу он пойдет раньше, чем этот газетный номер пожелтеет от старости...

ГЕНПРОКУРАТУРЕ НА ЗАМЕТКУ:

Прекращенные дела с участием А. Вавилова

1. Дело НФС. В 1994—1995 г. Вавилов под мизерные проценты выделил банку “Национальный кредит”, находящемуся в предбанкротном состоянии, \$132 млн и передал в управление облигации внутреннего валютного займа номиналом \$125 млн. В апреле 1995 г. он облагодетельствовал банк кредитом еще на \$45 млн. В дальнейшем кредит с согласия Вавилова был уступлен банком Национальному фонду спорта и исчез: его зачли якобы как компенсацию от отмены таможенных льгот.

2. Дело НРБ. В 1995 г. Вавилов необоснованно перечислил свыше \$600 млн Национальному резервному банку. Отчеты об использовании средств банком не представлялись. Благодаря Вавилову в 1995 г. “Газпром” был освобожден от налогов почти на 1,5 триллиона неденоминированных рублей, деньги стали собственностью “Газпрома” и НРБ.

3. Выборы-96. Для “стимуляции” банкиров, спонсировавших выборы Ельцина, Минфин реализовал чисто криминальную схему. Государство передавало банкам свои ценные бумаги за 30% от номинала, а затем покупало их обратно, но уже за полную стоимость. Ущерб, причиненный бюджету, не поддается никакому учету.

4. Дело об индийском кредите. Под несуществующий контракт на поставку Индии самолетов “МиГ” Вавилов перечислил ВПК “МАПО” (изготовителю) \$231 млн. Деньги, однако, до производителя не дошли, были похищены и выведены коммерческими банками в офшоры.

5. Дело фонда СНГ. В 1996–1997 гг. Вавилов заключил 14 противоречащих закону соглашений о переводе долговых обязательств ряда нефтедобывающих предприятий некоему Международному фонду содействия СНГ. Ущерб государству составил примерно \$30 млн.

6. Дело об арабских долгах. В 1997 г. Вавилов отписал банку “МФК” долги Ирака и Ливии более чем на \$8 млрд. Еще одним подарком стал выпуск государственного нерыночного займа в размере 573,1 млрд руб., который на безальтернативной основе был продан “МФК”. В мае 1997-го, сразу после отставки, Вавилов стал президентом “МФК”.

7. Дело о квартире. В 1993 г. по подложным документам Вавилов получил 4-комнатную квартиру в Москве. Было возбуждено уголовное дело, но Генпрокуратура прекратила его “за отсутствием состава преступления”.

8. “Дело Олейника”. В 1996–1997 гг. была организована схема “газовых” взаимозачетов между Россией и Украиной, в которой приняли участие семь структур, включая Минобороны, Минфин и Госналогслужбу. Предполагалось, что военные получают стройматериалы на \$450 млн (в счет долга государства перед Минобороны), однако \$327 млн — ни деньгами, ни досками — так и не дошли до получателя. Следствие установило, что организатором и разработчиком этой схемы был Вавилов, ему

предъявили обвинение, однако руководство Генпрокуратуры запретило трогать Вавилова; дело против него было прекращено, а единственным виновным признан начальник финуправления Минобороны генерал Олейник.

9. Деревянное дело. Благодаря усердию Вавилова и председателя РФФИ Соколова банк МЕНАТЕП заполучил крупнейшее в России предприятие-экспортер целлюлозы — Усть-Илимский лесопромышленный комплекс. На чековом аукционе и инвестиционном конкурсе структуры МЕНАТЕПа взяли под контроль 74% акций ЛПК, но для абсолютной власти им не хватало одного процента. Тогда Вавилов и Соколов передали МЕНАТЕПу 1,13% акций холдинга в обмен на акции самого банка, что являлось грубейшим нарушением закона. В дальнейшем предприятие было обанкрочено.

10. Нефтяное дело. При приватизации Вавиловым госкомпания “Северная нефть” по заниженной стоимости были выведены активы ее соучредителя — госкомпании “Зарубежнефть”. При номинальной цене в \$5 млн доля “Зарубежнефти” (10%) была выкуплена за \$400 тыс. Впоследствии Вавилов продал “Северную нефть” за \$400 млн.

АНЕКДОТ ДНЯ

Просторный кабинет, золотая ручка, кожаное кресло... Что еще может пожелать себе чиновник?

Тесная камера, стальные наручники, прикрученный к полу стул... Что еще можем пожелать ему мы?

Александр Хинштейн

По следу штабс-капитана Хинштейна-Матвеева

Не далее как на прошлой неделе довелось мне с подлинным восхищением лицезреть, как в эфире у Владимира Соловьева мой коллега Александр Евсеич Хинштейн-Матвеев — настоящий русский офицер, штабс-капитан, одной левой с разгромным счетом замочил гражданина Донского — сторожа-рециди-

виста, ограбившего сначала детский садик, а затем и весь славный город Архангельск.

Собственно, изначально спор касался не темного прошлого архангельского мэра, а вопроса о том, надо ли нам глав муниципалитетов выбирать всем миром, или же пусть их назначают губернаторы, которых, в свою очередь, назначает президент. Сразу скажу, что лично я полностью на стороне Евсеича. Надо, чтобы назначали. Чтобы если они что не так, сразу снять. Без лишней, так сказать, волокиты.

Впрочем, считаю необходимым творчески развить мысль коллеги. Зачем это нам, в самом деле, выбирать депутатов Госдумы? Дело дорогое, для бюджета очень обременительное. А вдруг они еще чего-нибудь неправильное примут? Нет, надо их тоже назначать. Или просто отменить парламент, а его функции передать Общественной палате. Тем более что от нее гражданам и так больше толку. И президента тоже незачем всеобщим голосованием выбирать. Людишки-то у нас, как правильно сказал Хинштейн-Матвеев, несознательные, падкие до всяческого популизма — мало ли кого они понавыбирают в следующем году? Пусть президент лучше возьмет да сам назначит.

Но что меня больше всего вдохновило в выступлении штабс-капитана, так это разные бумажки из уголовных дел против несчастного сторожа, которыми Хинштейн-Матвеев браво хлестал его по обеим щекам. Например, как этот лузер, будучи уже мэром Архангельска, дал своей же фирме земельный участок под магазин. Надо же, каков подлец, какое неслыханное дело! Вот молодец, думаю, штабс-капитан, вывел казнокрада на чистую воду, и недалек тот час, когда Евсеич обратит свой взор к малой родине, заинтересуется, как это наш любимый мэр отдал фирме жены полгорода под застройку.

А еще очень порадовал один технологический момент. Штабс-капитан, не таясь, с солдатской прямоотой поведал, как у него эти бумажки оказались. Оказывается, он просто позвонил архангельскому прокурору, которого до того знать не знал, а тот ему все и прислал. Все 30 томов.

“Во какие времена настали!” — подумал я. И живо представил себе картину, как беру я телефон и звоню прокурору города Москвы товарищу Семину:

— Юрий Юрьевич, голубчик! А пришлите-ка мне тотчас же нарочным уголовное дело, возбужденное в девяносто девятом на штабс-капитана Хинштейна-Матвеева. Да, да, то самое, по поводу использования липового удостоверения сотрудника наших доблестных правоохранительных органов. А то там какая-то странная формулировка была, когда его закрыли: “в связи с изменившимися обстоятельствами”. Уж не имел ли к этим обстоятельствам отношения друг штабс-капитана — известный плейбой и звезда домашнего порно, очень похожий на одного бывшего генпрокурора? И кстати, заодно поинтересуйтесь-ка в горвоенкомате причинами, по которым штабс-капитан не проходил службы в армии. А то тут разное говорят: депутат, мол, с шизофренией — это, знаете ли, не шутка. Врут, наверное, ибо честные глаза штабс-капитана внушают безграничное доверие. Впрочем, как говорил один заклятый друг советской власти, доверяй, но проверяй...

Вот так живо представляю себе, что говорю я все это Юрию Юрьевичу Семину и вешаю трубку. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... можете себе представить, тридцать пять тысяч одних курьеров! А любопытно взглянуть ко мне в переднюю: графы и князья толкуются и жужжат там, как шмели, только и слышно: ж... ж... ж...

И вот сквозь эту толпу пробивается фельдъегерь с пакетом:

— Ваше превосходительство! Все как вы изволили-с, распишитесь в получении...

Только почему-то кажется мне, что не станет эта сказка былью. Не толкуются у меня, как у штабс-капитана, в передней графы и князья, и с Пушкиным я не на дружеской ноге. Так что не видать мне такого эксклюзива. Хотя, с другой стороны, может оно и к лучшему. Уж больно специфически его эксклюзив временами пахнет. Уж не вечными ценностями, точно.

Возьмем, хотя бы, “дело Вавилова”. Нет, не менделиста-морганиста-антимичуринца-антидарвиниста, а замминистра-бизнесмена-сенатора-подследственного. Хотя не исключаю, что от творений штабс-капитана Исаак Презент с Трофимом Лысенко в гробу переворачиваются. 14 февраля, аккурат в Валентинов день, накатал Хинштейн-Матвеев на страницах *МК* то ли статью, то ли донос под названием “Из сената — на нары. Генпрокуратуре на заметку”. Говорят, что штабс-капитан нынче работает как Рембрандт (ну, или как Церетели, кому что

больше нравится). То есть сам лишь пробивает заказ и ставит подпись, а шедевры пишут (ваяют) безвестные подмастерья. Но будем исходить из того, что раз поставил подпись — значит отвечает за содержимое.

Мне гражданин Вавилов не сват и не брат, выгораживать его не буду. Тем более что источники происхождения его капиталов, понятное дело, весьма сомнительны, и мне затруднительно комментировать, скажем, “дело об индийских истребителях”, которые ему сегодня припомнили (это пусть они выясняют с Егиазаряном, Мерзликиным и Касьяновым, кто кого кинул). Но будучи человеком, который опосредованно (через банк НРБ) фигурирует в списке Хинштейна-Матвеева, решил-таки разобраться, что к чему. И вот некоторые соображения. Читаем:

“№ 2. Дело НРБ. В 1995 г. Вавилов необоснованно перечислил свыше \$600 млн Национальному резервному банку. Отчеты об использовании средств банком не предоставлялись. Благодаря Вавилову в 1995 г. “Газпром” был освобожден от налогов почти на 1,5 трлн неденоминированных рублей, деньги стали собственностью “Газпрома” и “НРБ”.

Здесь даже нечего обсуждать. Ибо никакого “дела НРБ” в природе не было, а весь этот бред, который по указанию плейбоя, похожего на Генпрокурора Скуратова, Хинштейн-Ряжский-Крутаков печатали когда-то в *МК*, судом же был признан бредом, а редакция его опровергла. НРБ, конечно, подаст в суд и на 100% выиграет дело. Жаль, что штабс-капитан не приплел там мою фамилию, потому как тогда это было бы для него уже второе уголовное дело, на сей раз по 129-й статье о клевете.

“№ 8. “Дело Олейника”. “В 1996–1997 гг. была организована схема “газовых” взаимозачетов между Россией и Украиной, в которой приняли участие семь структур, включая Минобороны, Минфин и Госналогслужбу. Предполагалось, что военные получают стройматериалы на \$450 млн (в счет долга государства перед Минобороны), однако \$327 млн — ни деньгами, ни досками — так и не дошли до получателя. Следствие установило, что организатором и разработчиком этой схемы был Вавилов, ему предъявили обвинение, однако руководство Генпрокуратуры запретило трогать Вавилова; дело против него было прекращено, а единственным виновным признан начальник финансов управления Минобороны генерал Олейник”.

Вот тут давайте разберемся. Во-первых, все, что здесь написано, — за пределами здравого смысла. Что за “долг государства перед Минобороны”? Какого государства? На самом деле, речь идет о долге Украины перед “Газпромом”. Дело было так. В 1996 г. “Газпром” поставил газ на те самые \$450 млн компании ЕЭСУ (единые энергосистемы Украины), которую возглавляла будущая Жанна д’Арк, а тогда энергичная бизнесвумен Юлия Тимошенко. Затем газ, как ему и положено, растворился, причем без материальных следов в виде денег. То есть украинские товарищи-то его продали, а деньги украли, не заплатили. По моим данным, всю выручку присвоил тогдашний премьер и бизнес-партнер Жанны Тимошенко Павел Лазаренко (который потом угодил в США за решетку).

В результате образовался долг ЕЭСУ перед “Газпромом”. И у нашего родного правительства возник замысел получить с украинских братьев “натурой”, то есть товарами, которые были нужны нашему Минобороны, — тушенкой, стройматериалами и пр. Выпустили распоряжение правительства и завели счета всех участников сделки в НРБ — чтобы деньги никуда не “сквозанули”. А потом произошло следующее: банк НРБ по просьбе своего акционера “Газпрома” дал ему кредит на \$350 млн. “Газпром” заплатил налоги на эту сумму в бюджет. Затем эти деньги были переведены Минфином на счет Минобороны в качестве бюджетных ассигнований, а МО авансировало ЕЭСУ поставку товаров. Этими деньгами украинцы погасили долг перед “Газпромом”, а “Газпром” — перед НРБ. На выходе украинская сторона стала вместо “Газпрома” должна нашему Минобороны.

Причем все это произошло единомоментно. Называется — цессия, переуступка прав требования. А НРБ вообще за это ничего не взял, так все было, повторю, по просьбе акционера и правительства. При всем при этом Вавилов здесь был просто не при делах, и писать “руководство Генпрокуратуры запретило трогать Вавилова” — это, что называется, “навесить до кучи”.

Да, в процессе взаимоотношений нашего Минобороны с ЕЭСУ наверняка были махинации: часть товаров поставили по завышенным ценам, часть вообще не поставили. В общем, долг так и остался. Меня же в связи с этой историей вот уже более пяти лет мучает вопрос: почему у нас в державе никто так и не

поинтересовался, а куда, собственно, девались деньги, украденные у “Газпрома”, и можно ли их вернуть? По делу Олейника я потом ходил на допросы в военную прокуратуру — так же, как и добрая половина сотрудников НРБ. Тогда я стал ковыряться в деле и опешил: а ведь арестованные прокуратурой США деньги Лазаренко (судя по сообщениям СМИ, что-то около \$200 млн) — и есть те самые, пропавшие деньги за российский газ (точнее то, что от них осталось).

Звоню в прокуратуру:

— Мужики, давайте делом займемся — выставим в Штатах претензии на наши, газпромовские деньги! Что вы там этого Олейника гоняете, когда можно не сало и горилку, а живые деньги вернуть? Доказательств — масса. Я сам оплачу лучших адвокатов, мы с французами в США три года судились, всеходы-выходы знаем...

— Хорошо, — говорят, — подумаем. Звонят через три дня: — Извини, недосуг. Слишком сложно, а здесь дел неупроторот.

Вот такая история...

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Александр Лебедев родился в Москве 16 декабря 1959 г. Его отец, Евгений Николаевич, профессор, доктор наук, после окончания МВТУ им. Баумана посвятил всю свою жизнь преподавательской работе. В молодости профессионально занимался спортом, выступал за сборную СССР по водному поло, удостоен звания “Заслуженный мастер спорта”, был дружен с прославленным Львом Яшиным. Мать, Мария Сергеевна, по окончании педагогического института в Москве работала сельской учительницей на Сахалине, затем преподавала английский язык в вузе. Дух просвещения, царившей в семье, не мог не сказаться на отношении Александра к учебе. Он учился с увлечением, не ограничивался школьной программой, был отличником, очень много читал, уже в юношеские годы проявив интерес к трудам русских философов.

В 1977 г. Александр поступил на экономический факультет МГИМО. Учеба давалась ему легко, все сессии он сдавал на “отлично”, из предметов особенно любил экономическую теорию, его знания по ряду дисциплин были гораздо шире, чем полагалось студенту. В институте он углубленно изучал мировую валютно-финансовую систему, уделяя особое внимание проблематике международных долговых обязательств.

В 1982 г., по окончании учебы в МГИМО, А. Лебедев получил распределение в Институт экономики мировой социалистической системы, где начал писать кандидатскую диссертацию по теме “Долговые проблемы и вызовы глобализации”. Однако вскоре ему было предложено перейти на работу в Службу внешней разведки, где он проработал до 1992 г., занимаясь, в частности, вопросами предотвращения утечки капитала за рубеж.

Уволившись в запас в звании подполковника, А. Лебедев решил заняться финансовым бизнесом и создал свое первое де-

тище — Русскую инвестиционно-финансовую компанию (РИФК). В 1995 г. РИФК приобрела карликовый и проблемный Национальный резервный банк (НРБ). За 2 года он превратился в одно из крупнейших финансовых учреждений страны. НРБ и Альфа-банк — единственные из 10 ведущих частных банков страны, сохранившиеся после кризиса августа 1998 г. Сегодня Национальный резервный банк входит в тридцатку лидеров банковской системы России, является одним из наиболее устойчивых и надежных российских банков, пользующихся доверием отечественных и зарубежных инвесторов.

Среди приоритетов НРБ — реализация инвестиционных проектов в авиационной промышленности и в области авиаперевозок, в энергетике, в сельском хозяйстве, в сфере телекоммуникаций, в строительстве, ипотеке и ЖКХ. Сегодня Национальный резервный банк обладает вторым по величине после государства пакетом акций авиакомпании “Аэрофлот” (около 30%), лизинговой компании “Ильюшин Финанс” (26%), владеет значительными пакетами акций Сбербанка и “Газпрома”. В настоящее время НРБ является ядром созданной на базе банка Национальной резервной корпорации (НРК).

НРК — одна из первых в России крупных финансово-промышленных групп, ориентированная не на извлечение прибыли из эксплуатации природных ресурсов, а на финансирование высокотехнологичных производств и предприятий социального сектора. В своей инвестиционной политике НРК стремится в первую очередь оказывать поддержку тем отраслям промышленности, развитие которых благоприятно сказывается не только на национальной экономике, но и на социальной сфере жизни страны.

Наряду с банком в холдинг входят Национальная мясная компания, Национальная ипотечная компания, компания “НРБ Финансы”, Национальная жилищная корпорация, которая является ведущей девелоперской компанией в сфере малоэтажного домостроения. Созданы и формируются дочерние структуры в области энергетики, телекоммуникаций и городского электротранспорта, в химической и текстильной промышленности, в городском строительстве и туристическом бизнесе. Завершено строительство крупнейшего гостиничного комплекса в Крыму. Разрабатывается проект создания “Национального резервного парка”, который объединит культурно-

просветительские, спортивно-развлекательные и курортные учреждения и комплексы как в России, так и за ее пределами, в частности во Франции и в Крыму.

В 1999 г. совместно с руководителями крупных российских компаний и банков А.Лебедев инициировал создание Национального инвестиционного совета (НИС), президентом которого он является. Среди основных задач этой неправительственной, политически неангажированной организации, объединяющей российских банкиров, промышленников, губернаторов, ученых и экспертов, — содействие формированию благоприятного инвестиционного климата в России, защита интересов отечественных деловых кругов в стране и за рубежом, преодоление негативного отношения на Западе к России в целом и к российскому бизнесу в частности. В 2005 г. по инициативе А. Лебедева в системе Академии наук был создан Центр проблем интеграции, который занимается изучением постсоветского пространства.

В 2003 г. Александр Лебедев принял участие в выборах мэра Москвы в качестве кандидата на этот пост и в парламентских выборах, возглавив московский региональный список блока “Родина”. Первая проба сил на выборах мэра столицы была довольно успешной: А. Лебедев набрал около 13% голосов избирателей. По итогам парламентских выборов А.Лебедев был избран депутатом Государственной думы, является заместителем председателя думского Комитета по связям со странами СНГ. После избрания в декабре 2003 г. в ГД он покинул пост президента, председателя правления Национального резервного банка и другие свои посты в бизнесе, сконцентрировавшись на работе депутата. А.Лебедев отдает предпочтение социал-демократическим идеям и ценностям, нацелен на создание в России полновесного социал-демократического движения.

А. Лебедев является одним из наиболее активных парламентариев — за время депутатской деятельности им были разработаны и внесены десятки законопроектов, заявлений и постановлений Госдумы, направлены тысячи депутатских запросов о защите прав граждан. Приоритетные направления деятельности А. Лебедева в Госдуме:

- защита прав и интересов жителей столицы (улучшение транспортной ситуации в городе, миграционная политика, улучшение работы ЖКХ, сохранение культурно-исторического на-

- следия города, запрет “точечной застройки”, проблемы реализации избирательных прав москвичей на муниципальных выборах, положение с игорными заведениями в Москве);
- совершенствование законодательства в сфере формирования рынка доступного жилья в Российской Федерации (разработана и подготовлена к внедрению Программа строительства быстровозводимого доступного малоэтажного жилья, основанная на применении недорогих современных технологий и развитии системы ипотечного кредитования, готовятся соответствующие поправки в налоговое, бюджетное и земельное законодательство);
 - совершенствование законодательства в части расширения сферы применения материнского капитала, ужесточения ответственности за продажу табака и спиртных напитков несовершеннолетним;
 - внесение поправок в законодательство о соотечественниках (репатриантах) и связанные с ними поправки в жилищное законодательство (предоставление жилья, ипотечного кредита переселенцам), усиление ответственности за нелегальную иммиграцию;
 - совершенствование законодательства в уголовной и уголовно-процессуальной сфере, реформирование судебной системы и системы правоохранительных органов (в части ликвидации обвинительного уклона, снижения административного и финансового давления на российские суды и правоохранительные органы всех уровней, совершенствования института сотрудничества со следствием и т.д.);
 - сокращение привилегий чиновников различных уровней (законодательный запрет спецсигналов, спецномеров и спецталонных на автомашинах и др.);
 - совершенствование законодательства в части повышения информационной открытости органов власти;
 - развитие российской авиационной промышленности (поддержка авиационного лизинга, законодательное обеспечение государственных гарантий по кредитам для закупок новой отечественной авиационной техники и т.д.);
 - защита российских экономических интересов за рубежом;
 - межпарламентское сотрудничество (дальнейшее развитие межпарламентских связей с Украиной и другими государствами — участниками СНГ).

Несмотря на большую занятость на политическом и общественном поприщах, Александр Лебедев занимается научной работой. Предмет его исследований — пути урегулирования внешнего долга России и механизмы возврата в РФ покинувшего страну некриминального капитала. В октябре 2000 г. он успешно защитил в Институте международных экономических и политических исследований РАН кандидатскую диссертацию на тему “Проблемы внешней задолженности России (Глобальный и региональный аспекты)”, в 2005 г. — докторскую диссертацию “Финансовая глобализация в контексте проблем общемирового, регионального и национального (российского) развития”.

В артистических и общественных кругах Александр Лебедев получил известность мецената. Он придает большое значение благотворительной и спонсорской деятельности, одним из важнейших направлений которой всегда были и остаются поддержка и всестороннее развитие культурного потенциала России. Для придания этой работе системного характера по инициативе А. Лебедева в 1999 г. был создан Благотворительный резервный фонд (БРФ). В программе благотворительных мероприятий большое внимание уделяется поддержанию и развитию уникальных музыкальных традиций России, в частности, оказывается помощь видным представителям музыкального мира и музыкальным коллективам.

НРБ и БРФ многое делают для поддержки российских живописцев, музеев изобразительных искусств, картинных галерей, а также драматических коллективов. Одним из получателей грантов Фонда стал Государственный Русский музей (Санкт-Петербург). БРФ постоянно выделяет средства театру “Мастерская П.Н.Фоменко”, оказывает помощь МХАТу им А.П.Чехова и Школе-студии им. В.И. Немировича-Данченко при МХАТе, русскому драматическому театру имени Леси Украинки и музею-квартире Михаила Булгакова в Киеве.

В 1997 г. А. Лебедев организовал финансирование реставрации памятника русским воинам, высеченного в 1802 г. в швейцарских Альпах на скале у Чертова моста над рекой Ройс в честь столетия альпийского похода Суворова (ежегодно 24 сентября в Швейцарии отмечают годовщины этого похода). В 1999–2000 гг. НРБ по инициативе А. Лебедева профинансировал изготовление и доставку в Лондон скульптурной компо-

зиции “Скорбящая”, созданной в память о гражданах нашей страны, погибших в годы Второй мировой войны. Композиция установлена в Лондоне к 55-летию Победы.

Александр Лебедев выступил инициатором создания Российского культурного центра в Шато де Форже под Парижем. Это замок в окрестностях французской столицы стал местом проведения культурных мероприятий с участием видных российских и зарубежных деятелей культуры и искусства, ведущих музыкальных и театральных коллективов России, солистов оперы, балета, эстрады, с привлечением российских музеев и других учреждений культуры.

Национальный резервный банк и Благотворительный резервный фонд активно участвуют в различных благотворительных программах, в том числе по улучшению условий жизни малоимущих слоев населения, ветеранов ВОВ, инвалидов, детей-сирот. НРБ и БРФ систематически помогают ведущим столичным и региональным вузам и научным учреждениям в издании учебников и учебных пособий для нового поколения, а также научных трудов, фиксирующих последние достижения в различных областях отечественной науки.

Регулярное содействие НРБ и БРФ оказывают Главному военному клиническому госпиталю имени Н.Н. Бурденко, Совету ветеранов УБЭП МВД, Фонду социальной защиты специальных подразделений правоохранительных органов “Ветеран СП–НП”, Благотворительному фонду “Общее дело”, в задачи которых входит помощь военнослужащим и сотрудникам органов внутренних дел РФ, принимавшим участие в боевых действиях, а также членам их семей.

В 2002 г. Национальный резервный банк стал Генеральным спонсором строительства в Санкт-Петербурге Центра детской гематологии и трансплантологии имени Р.М. Горбачевой. Реализация этого проекта, в котором НРБ участвует вместе с Горбачев-Фондом, позволит обеспечить должный уровень обслуживания и лечения всех детей Северо-Западного региона РФ, страдающих от лейкозов.

НРБ регулярно помогает Русской православной церкви в организации благотворительных и церковных мероприятий. В частности, в 2002 г. Банк оказал содействие Московскому Патриархату в проведении III Всероссийского съезда епархиальных миссионеров РПЦ. В рамках культурно-просветительских

и благотворительных программ при поддержке Миссионерского отдела РПЦ НРБ провел аукцион современных иконописных мастерских.

НРБ ведет большую спонсорскую работу по развитию спорта и физической культуры, выделяя средства спортивным клубам и организациям, в том числе для проведения различных спортивных мероприятий и праздников. В 2003 г. Национальный резервный банк стал официальным партнером сборной России по футболу.

За активную благотворительную и спонсорскую деятельность А. Лебедев был награжден орденом Русской православной церкви, учрежденным во имя св. Иннокентия Московского, орденом св. равноапостольного князя Владимира Украинской православной церкви и медалью ЮНЕСКО “Диалог культур”.

Александр Лебедев

ЗАПИСКИ СИЗИФА

Корректоры В. Фрадкина, Л. Хмельнова
Компьютерная верстка О. Козак

ЛР № 00972 от 14.02.2000

Подписано в печать 1.05.2007

Формат издания 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура “Newton”

Печ. л. 37.00. Тираж 5000. Заказ №

Московская школа политических исследований

123104, Москва, Б. Козихинский пер., д. 7, стр. 2, оф. 21.

e-mail: mmps@mmps.su

<http://www.mmps.ru>

*Получить информацию об изданиях
Московской школы политических исследований
Вы можете на сайте Школы:*

www.msps.ru